Russkoe Bogatstvo

ЯНВАРЬ. 1896.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Фонтанка 32.
1896.

Printed in Germany

СОДЕРЖАНІЕ.

		СТРАН.
	Высочайшій манифестъ.	
1.	Борцы. Романъ *К. С. Баранцевича* I—VII. . . .	5— 38
2.	Основная тенденція древнерусскаго Домостроя. *А. А. Кизеветтера*.	39— 59
3.	Отрадная смерть. (Изъ Гюйо) Стихотвореніе. *П. И. Вейнберга*	60— 61
4.	Въ мірѣ отверженныхъ. (Изъ записокъ бывшаго каторжнаго). *Л. Мельшина*. Вторая серія. I—III.	62— 91
5.	Наброски карандашомъ. Легенда. *А. С. Шабельской*.	92—128
6.	Тэнъ. *Ив. Иванова*.	129—173
7.	Радости и горести знаменитой Молль Флендэрсъ Даніэля Дефо. I—VI. Переводъ съ англійскаго. *П. Канчаловскаго*	174—216
8.	По поводу «Моллъ Флендэрсъ» Даніэля Дефо. *В. В. Лесевича*.	1— 16
9.	Народно-хозяйственные наброски. *Н. А. Карышева* . .	16— 39
10.	Литература и жизнь. *Н. К. Михайловскаго*.	40— 66
11.	Критики Тургенева. *М. А. Протопопова*	67— 82
12.	Новыя книги: А. Витковскій. Аринушка. Повѣсть.—В. Фирсовъ. Разсказы и легенды.—Альфредъ де Мюссе. Ночи.—Ж. Э. Ренанъ. Сборникъ мелкихъ статей и рѣчей.—С. Ф. Годлевскій. Ренанъ какъ человѣкъ и писатель. Критико-біографическій этюдъ—Р. Іерингъ. Борьба за право. Переводъ А. О. Верта.—Р. фонъ-Іерингъ. Борьба за право. Изданіе І. Юровскаго.—М. С. Корелинъ. Паденіе античнаго міросозерцанія.—Фр. Штрайслеръ. Исторія культуры.—Здоровье и счастіе. Д-ра Н. А. Зеланда.—В. Минто. Дедуктивная и индуктивная логика.—Семейство Бронте. О. Петерсонъ.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.	83—108

СТРАН.

13. Изъ Франціи. *Н. К.* . . . . . 108—129
14. Изъ Германіи. *А. Коврова.* . . . . . 130—149
15. Дневникъ журналиста. *С. Н. Южакова.* . . . . . 149—171
16. Хроника внутренней жизни:
    I. Нѣсколько итоговъ прошлаго года. *Н. Ѳ. Аннен-скаго.* . . . . . 172—190
    II. Рѣшеніе сената по Мултанскому дѣлу. *Вл. Кор.* . . . . . 190—197
17. Отчетъ секретаря и казначея литературнаго фонда. . . 198—199
18. Отчетъ конторы редакціи журнала «Русское Богатство». 200
19. Объявленія.

Въ конторѣ журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО»

(Петербургъ, Бассейная ул., 10)

и въ отдѣленіи конторы журнала

(Москва, Никитскія ворота, д. Гагарина)

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

НАЗВАНІЯ СОЧИНЕНІЙ.	ЦѢНА.		Съ пересылкой.		Уступка подписч.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Путь-дорога. Художественно-литературный Сборникъ. (*На простой бумагѣ*)	3	50	4	—	—	70
Путь-дорога. (*На веленевой бумагѣ*)	5	—	6	—	1	—
Н. Гаринъ. Очерки и разсказы. Т. I. . . .	1	25	1	50	—	50
— Очерки и разсказы. Томъ II	1	—	1	25	—	25
— Гимназисты	1	25	1	50	—	25
Вл. Короленко. Въ голодный годъ. Второе изданіе	1	—	1	25	—	25
— Очерки и разсказы. Книга первая. Изданіе седьмое	1	50	1	75	—	25
— Очерки и разсказы. Книга вторая. Изданіе второе.	1	50	1	75	—	25
— Слѣпой музыкантъ. Изданіе четвертое . .	—	60	—	75	—	10
Н. К. Михайловскій. *Критическіе опыты:* I. Левъ Толстой	1	—	1	25	—	50
— II. Щедринъ	1	—	1	25	—	25
— III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья	1	—	1	25	—	25
Н. В. Шелгуновъ. Сочиненія. I и II т. .	3	—	3	60	—	60
М. А. Протопоповъ. Литературно-критическія характеристики.	2	20	2	50	—	50
Д. Маминъ-Сибирякъ. Горное гнѣздо. Романъ	1	50	1	75	—	45
— Уральскіе разсказы I и II т.	3	—	3	50	—	90
— Три конца	2	—	2	35	—	35
А. Шабельская. Наброски карандашомъ .	1	50	1	75	—	45
С. Я. Елпатьевскій. Очерки Сибири. . .	1	—	1	25	—	25
С. А. Ан—скій. Очерки народной литературы	—	80	1	—	—	20
Н. А. Карышевъ. Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды	3	—	3	50	—	90
— Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель на континентѣ Зап. Европы	2	—	2	25	—	60
М. И. Туганъ Барановскій. Промышленные кризисы въ современной Англіи, ихъ причины и вліяніе на народную жизнь	3	—	3	50	—	50
С. Н. Южаковъ. Соціологическіе этюды . .	1	50	1	75	—	35
— Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія .	1	50	1	75	—	35
Э. Арнольдъ. Свѣтъ Азіи. Жизнь и Ученіе Будды.	2	—	2	30	—	50
С. Сигеле. Преступная толпа. (Опытъ коллективной психологіи)	—	60	—	75	—	35
Э. Реклю. Земля. Шесть выпусковъ . . .	6	80	8	50	1	70

С. Н. Кривенко. На распутьи	1	25	1	50	—	25
Н. И. Карѣевъ. Историко-философскіе и соціологическіе этюды	1	25	1	50	—	25
Ю. Безродная. Офорты, повѣсти, этюды, сказки	1	50	1	75	—	45
Н. А. Лухманова. Двадцать лѣтъ назадъ.	1	—	1	25	—	25
С. Я. Надсонъ. Литературные очерки.	1	—	1	25	—	25
Э. К. Ватсонъ. Этюды и очерки по общ вопросамъ	2	—	2	30	—	30
Н. А. Рубакинъ. Этюды о русской читающей публикѣ.	1	50	1	75	—	30
Н. Сѣверовъ. Разсказы, очерки и наброски.	1	50	1	75	—	45
К. М. Станюковичъ. Откровенные. Романъ.	1	50	1	75	—	30
— Морскіе силуэты	1	—	1	20	—	20
Дж. Леббокъ. Какъ надо жить.	—	80	1	—	—	20
В. Сѣрошевскій. Якутскіе разсказы.	—	75	1	—	—	25
Р. Левенфельдъ Гр. Л. Н. Толстой. *(На простой бумагѣ)*	1	—	1	20	—	20
— *(На веленевой бумагѣ).*	1	50	1	80	—	30
И. И. Дитятинъ. Статьи по исторіи русскаго права.	2	50		90	—	40
Ш. Летурно. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. I.	—	60	—	75	—	10
Г. Гиббинсъ. Промышленная исторія Англіи	—	80	1	—	—	15
М. С. Корелинъ. Паденіе античнаго міросозерцанія.	—	75	—	90	—	15
В. Острогорскій. Изъ исторіи моего учительства	1	25	1	50	—	25
О. Петерсонъ. Семейство Бронте.	1	—	1	20	—	20
Въ добрый часъ. Сборникъ. *(Въ обложкѣ)*	1	50	1	85	—	35
— *(Въ переплетѣ).*	1	75	2	10	—	35
Н. В. Шелгуновъ. Очерки русской жизни.	2	—	2	40	—	40

Новыя книги:

Литературно-критическія характеристики

М. А. Протопопова.

В. Г. Бѣлинскій.—Левъ Толстой. — Н. В. Шелгуновъ.—Всеволодъ Гаршинъ.—С. Т. Аксаковъ.—А. М. Жемчужниковъ.—Глѣбъ Успенскій.—Ѳ. М. Рѣшетниковъ.—П. И. Златовратскій.—И. Е. Репинъ (Каронинъ).

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

Цѣна 2 р. 20 к., съ перес. 2 р. 50 к.

ГИМНАЗИСТЫ

Н. Гарина.

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЙ:

Въ Петербургѣ—Контора журн. «Русское Богатство»—Бассейная ул., 10.
Въ Москвѣ — Отдѣленіе конторы журнала «Русское Богатство»—Никитскія ворота, д. Гагарина.

Обращающіеся въ склады за пересылку не платятъ.

СОЧИНЕНІЯ

П. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Томъ I. Жертва старой русской исторіи.—Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.—Суздальцы и суздальская критика.—Преступленіе и наказаніе. — Вольтеръ человѣкъ и Вольтеръ мыслитель.—Естественный рядъ вещей. *Цѣна 2 р.*

Томъ II. Литературныя замѣтки 1872 и 1873 гг.—Письмо къ графу Орлову-Давыдову.—Марксъ передъ судомъ г. Жуковскаго.—Графъ Бисмаркъ.—Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. *Цѣна 2 р.*

Томъ III. *(Въ двухъ выпускахъ).* Записки профана. *Цѣна 3 р. 75 к.*

Томъ IV. Что такое прогрессъ? — Въ перемежку. *(Этого тома въ продажѣ больше нѣтъ).*

Томъ V. Теорія Дарвина и общественная наука.—Борьба за индивидуальность.—Вольница и подвижники. *Цѣна 2 р.*

Томъ VI. Экспериментальный романъ.—Жестокій талантъ.—О Тургеневѣ.—О Глѣбѣ Успенскомъ.—Палка о двухъ концахъ.—Дамскія воспоминанія о великихъ людяхъ.—Герои и толпа. *Цѣна 2 р.*

Подписчики «Русскаго Богатства», при покупкѣ этихъ книгъ, пользуются уступкой 50%.

Складъ изданія: книжный магазинъ А. Я. Панафидина. — Москва Фуркасовскій пер., д 10.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Критическіе опыты:
- **Левъ Толстой.** Ц. 1 р.
- **Щедринъ.** Ц. 1 р.
- **Иванъ Грозный** въ русской литературѣ. Герой безвременья. Ц. 1 р.

ПРОДАЮТСЯ: въ Конторѣ журнала **«Русское Богатство»**—Петербургъ, Бассейная ул., 10 и

въ Отдѣленіи конторы — Москва, Никитскія ворота, д. Гагарина.

Литература и жизнь. Цѣна 1 р. Складъ въ книжномъ магазинѣ Луковникова—Петербургъ, Лештуковъ пер.

СОЧИНЕНІЯ

Вл. Г. КОРОЛЕНКО.

Очерки и разсказы. Книга первая. 7 изданіе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Очерки и разсказы. Книга вторая. Изданіе второе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Въ голодный годъ. Изданіе второе. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. Изданіе четвертое. Ц. съ перес. 75 к.

СКЛАДЫ:

Контора журнала «Русская Мысль» — Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской, № 2—24.

Контора журнала «Русское Богатство»—С.-Петербургъ, Бассейная ул., 10 и Отдѣленіе конторы журнала «Русское Богатство»—Москва, Никитскія ворота, д. Гагарина.

Подписчики «Русскаго Богатства» за пересылку не платятъ.

СБОРНИКЪ

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

подъ редакціей **В. П. Безобразова** и приближайшемъ содѣйствіи профессоровъ **И. Е. Андреевскаго, М. И. Горчакова, А. Д. Градовскаго, Ѳ. Ѳ. Мартенса, В. И. Сергѣевича, Ю. Э. Янсона, Г. А. Леера, П. В. Калачова и Ѳ. Г. Тернера.**

ВОСЕМЬ томовъ. Цѣна **26** руб.

Подписчики „Русскаго Богатства“ платятъ **ЧЕТЫРЕ** рубля, съ перес. **6 руб. 70 к.**

ПРОДАЕТСЯ:

Въ Петербургѣ—контора журнала «Русское Богатство»—Бассейная ул., 10.

Въ Москвѣ—отдѣленіе конторы журнала «Русское Богатство»—Никитскія ворота, д. Гагарина.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ.

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

и прочая, и прочая, и прочая.

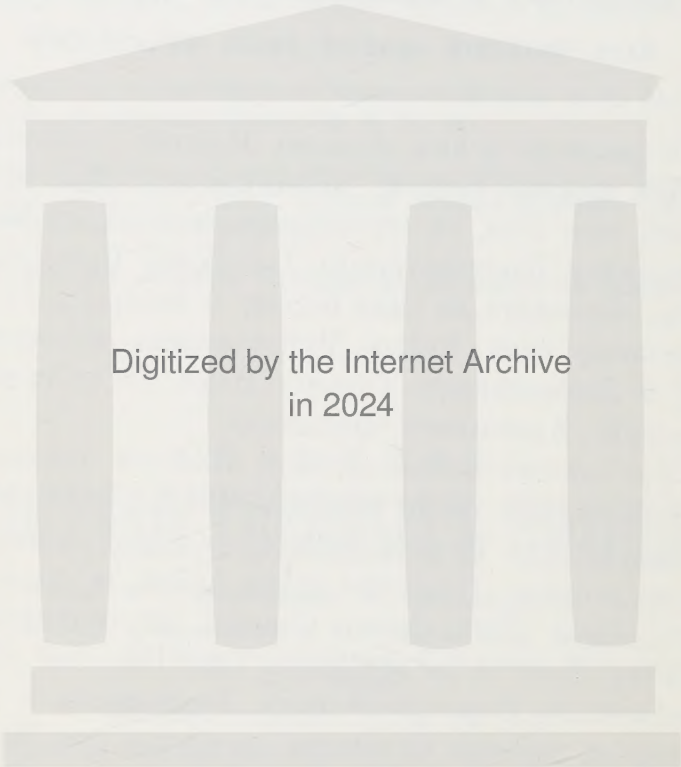
Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

При помощи Божіей, вознамѣрились Мы, въ маѣ мѣсяцѣ сего года, въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, по примѣру Благочестивыхъ Государей, Предковъ Нашихъ, возложить на Себя Корону и воспріять, по установленному чину, Святое Муропомазаніе, пріобщивъ къ сему и Любезнѣйшую Супругу Нашу, Государыню Императрицу Александру Ѳеодоровну.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, въ предстоящій торжественный день Коронованія, раздѣлить радость Нашу и вмѣстѣ съ Нами вознести горячую молитву Подателю всѣхъ благъ, да изліетъ на Насъ Дары Духа Своего Святаго, да укрѣпитъ Онъ Державу Нашу и да направитъ Онъ Насъ по стопамъ Незабвеннаго Родителя Нашего, Коего жизнь и труды на пользу дорогого Отечества останутся для Насъ навсегда свѣтлымъ примѣромъ.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ 1-й день января, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто шестое, Царствованія же Нашего во второе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: «НИКОЛАЙ».



Digitized by the Internet Archive
in 2024

https://archive.org/details/russkoe-bogatstvo_1896_1

БОРЦЫ.

(Романъ).

I.

Капитонъ Полоротовъ окончилъ военную службу не безъ пользы для себя: въ полку онъ научился портняжничать. Капитонъ не умѣлъ сшить ни мундира, ни блузы, ни даже простыхъ, солдатскихъ штановъ и смотрѣлъ на этотъ родъ искусства, какъ на нѣчто для него недосягаемое, но пришить, гдѣ слѣдуетъ, пуговицу, зашить дыру, залатать вырванное мѣсто, пригнать къ шубѣ кусокъ мѣха—это онъ умѣлъ и за такую работу брался съ большимъ воодушевленіемъ, хотя далеко не съ такимъ, съ какимъ принимался чистить свою полковую лошадь,—Бѣлогубаго. Онъ любилъ этого статнаго, гнѣдого въ яблокахъ, коня съ бѣлыми отмѣтинами на нижней губѣ и на щеткахъ обѣихъ переднихъ ногъ. Его конь казался ему краше и умнѣе всѣхъ остальныхъ коней въ полку; всякое оскорбленіе, наносимое кѣмъ нибудь изъ товарищей его коню, въ одинаковой степени задѣвало Капитона. Въ особенности ему не нравилась кличка «чухарь», присвоенная въ полку его коню за то, что тотъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, былъ глухъ на оба уха,—эта кличка, въ минуты сильной впечатлительности, являвшейся послѣдствіемъ воспріятія Капитономъ нѣсколькихъ стаканчиковъ водки,—приводила его въ бѣшенство, переходившее постепенно въ самое минорное и плаксивое настроеніе.

— Чухарь!—огрызался Капитонъ, злыми глазами сверкая на обидчика,—самъ то ты чухарь! Настоящій чухарь и есть! Самый пермскій, самый настоящій степной чортъ! Потому ты изъ Перми, киргизъ некрещенный, пермени изъ конины жрешь! Падальникъ, лѣшій!

Черезъ часъ, полтора, Капитонъ забывалъ объ обидчикѣ, т. е. о томъ именно человѣкѣ, который его только что обидѣлъ, а помнилъ и зналъ *обидчика*, такъ сказать, въ нарицательномъ смыслѣ, т. е., что всѣ его обижаютъ, всѣ надъ нимъ глумятся и нападаютъ, и подъ этимъ впечатлѣніемъ забирался къ сво-

ему Бѣлогубому на конюшню. Держась не совсѣмъ твердо на ногахъ, онъ изловчался, однако, простаивать около своего любимца по часу и болѣе, гладя его по холкѣ, бокамъ и цѣлуя даже въ морду.

Въ такихъ случаяхъ Бѣлогубый наслаждался обиліемъ, неизвѣстно откуда появлявшагося, корма, и надо отдать справедливость коню,—съѣдалъ его самымъ добросовѣстнымъ образомъ. А Капитонъ все стоялъ подлѣ, гладилъ холенаго коня и приговаривалъ:

— Ѣшь, ѣшь! Нечего тамъ! Обижаютъ насъ,—наплевать! Мы сами себя знаемъ, вотъ оно что! Насъ обидѣть недолго, потому мы что... безсловесны! Насъ всякій обидѣть могитъ! Ну, что-же? Терпи, братъ, Бѣлогубый, тер-пи-и... Потому сказано: «претерпѣвый до конца»...

Тутъ, подъ наплывомъ чувства жалости къ самому себѣ и коню, Капитонъ начиналъ усиленно сморкаться, проводить рукавомъ по лицу и кончалъ обыкновенно тѣмъ, что, уткнувши голову въ сѣно, засыпалъ на мѣстѣ тяжелымъ сномъ огорченнаго человѣка.

Кончилась служба Капитона, онъ напился, въ пьяномъ видѣ, весь въ слезахъ, распрощался съ конемъ и поѣхалъ въ деревню. У старика-отца, довольно зажиточнаго мужика, было три лошади, но, конечно, ни одна изъ нихъ не могла сравниться съ любимцемъ Капитона, и онъ смотрѣлъ на нихъ хотя и покровительственно, но съ оттѣнкомъ нѣкотораго презрѣнія, т. е. совершенно такъ, какъ смотрѣлъ на деревенскихъ дѣвушекъ, желавшихъ выйти замужъ и заглядывавшихся на рослаго дѣтину-солдата. Капитонъ, по собственному его признанію, не имѣлъ «пристрастія къ женскому полу», до котораго ему было «все равно что наплевать». Кромѣ того, въ домѣ было и безъ того много бабъ, вслѣдствіе чего Капитону не было никакой необходимости жениться «для хозяйства». На деревнѣ Капитона называли гордецомъ, недотрогой и еще, Богъ знаетъ какъ, честили его за кажущуюся холодность въ обращеніи, но это была неправда! Меньше всего Капитонъ думалъ о томъ, что онъ бывшій солдатъ, лихой кавалеристъ. Съ него какъ-то очень скоро сошелъ пріобрѣтенный въ почку лоскъ военнаго человѣка, а спокойная деревенская жизнь у отца, хожденіе въ рубахѣ и просторномъ кафтанѣ быстро превратили стройнаго солдата въ толстаго, довольно неуклюжаго, обросшаго бородою мужика.

Единственный слѣдъ, который оставила въ Капитонѣ военная служба,—была его любовь къ лошадямъ.

— Жизнь могу отдать за лошадь, вотъ оно что! Особливо ежели она съ понятіемъ!—говаривалъ Капитонъ, сидя въ кабакѣ, въ кругу односельчанъ,—ты меня на счетъ лошадей лучше

не трошь! Не вереди мою душу! Я коня, можетъ, пуще человѣка люблю, знаешь ты это!

И собесѣдникъ не рисковалъ уже болѣе ни въ чемъ ему перечить.

II.

Однажды, когда Капитонъ былъ занятъ своимъ «рукомесломъ»,—«обдѣлывалъ» сосѣду полушубокъ, т. е. вставлялъ новые клинья овчины въ спину, въ рукава и въ полы, вслѣдствіе чего измызганный, скоробленный отъ дождей старый полушубокъ постепенно пріобрѣталъ нѣкоторое подобіе арлекинскаго одѣянія,—бывшаго солдата осѣнила мысль. Эта мысль до того заинтересовала его своей новизною и неожиданностью, что онъ отложилъ полушубокъ, бросилъ иглу и пытливо воззрился на окошко, какъ бы желая провѣрить, не оттуда ли, со двора, явилось ему это. Но тамъ все было какъ обыкновенно: подъ навѣсомъ стояла телѣга безъ колесъ и старая, супоросая свинья грязными боками терлась объ вымазанную дегтемъ ось.

Мысль, такъ внезапно мелькнувшая въ головѣ Капитона, была далека, очень далека отъ этой картины. Эта мысль перенесла Капитона, по меньшей мѣрѣ, сотъ за восемь верстъ отъ его родного села прямо въ Петербургъ и нарисовала въ его воображеніи такую соблазнительную картину, при созерцаніи которой и безъ того широкое лицо Капитона расплылось въ блаженнѣйшую, широчайшую улыбку.

А вдругъ онъ возьметъ, да поѣдетъ въ Петербургъ, да и наймется тамъ въ кучера? Вотъ будетъ штука! И почему бы ему не наняться въ кучера? Мужикъ онъ видный, молодой, лошадей любитъ и знаетъ, какъ съ ними обходиться. Вѣдь это самое его настоящее дѣло, а игла, — да пропади она совсѣмъ, эта игла! Экое, подумаешь, занятіе—сидѣть да ковыряться въ тряпьѣ! То ли дѣло около лошадей! Ужъ какъ бы онъ ихъ холилъ, лелѣялъ, берегъ! У него лошади были бы такія, что хоть картину съ нихъ пиши: чистыя, гладкія, раскормленныя, и на ходу что твои львы!

Размечтавшись, Капитонъ уже не принимался болѣе за полушубокъ, а бросилъ его подъ лавку, подальше; вышелъ на дворъ, оттуда забрался въ сарай и, расположившись на охапкѣ сѣна, пролежалъ вплоть до самаго ужина. Мысль наняться въ кучера какъ попала ему въ голову, такъ уже оттуда и не выступала, а все только ширилась и развивалась, такъ что Капитонъ легъ спать, твердо увѣренный въ томъ, что уѣдетъ въ Петербургъ, и если бы кому нибудь вздумалось ему сказать, что это, молъ, еще вилами на водѣ писано, Капитонъ выразилъ бы только самое искреннее удивленіе.

Утромъ онъ сообщилъ о своемъ рѣшеніи отцу. Старикъ былъ недоволенъ и принялся ворчать. Всегда уступчивый, не пытавшійся прекословить отцу, Капитонъ проявилъ на этотъ разъ настойчивость изумительную. Онъ не сталъ много спорить съ отцомъ, а преспокойно началъ собираться въ дорогу. Пріятель, волостной писарь, живо смастерилъ ему годовой паспортъ, а заручившись столь необходимымъ для жизни документомъ, Капитонъ только весело посвистывалъ.

Сборы были недолги. Бабы соорудили мѣшокъ, въ который были положены: смѣнная пара бѣлья, кафтанъ и портянки, оказавшіяся въ нѣсколько странномъ сосѣдствѣ съ ржаными лепешками, яйцами и другими деревенскими гостинцами, къ мѣшку была приторочена пара новыхъ валенекъ, самъ Капитонъ надѣлъ праздничную поддевку, сапоги со сборами, обильно увлажилъ голову деревяннымъ масломъ и, взявши въ руку суковатую палку, съ легкимъ сердцемъ и веселыми думами вышелъ за околицу.

До ближайшей станціи желѣзной дороги было пять верстъ, но Капитонъ не замѣтилъ, какъ ихъ прошелъ, такъ какъ его путешествіе разнообразилось пріятными мечтами о Петербургѣ. Въ вагонѣ Капитонъ тоже не переставалъ думать о Петербургѣ, и такъ всю дорогу, до самаго этого Петербурга, который встрѣтилъ его не особенно радушно съ кислой миной осенняго, дождливаго дня.

На Знаменской площади Капитонъ пришелъ нѣсколько въ себя. Явилась мысль о томъ, какъ устроиться на первыхъ порахъ и какимъ образомъ искать мѣста. Впрочемъ, у Капитона, какъ у всякаго почти деревенскаго человѣка была нѣкоторая, хотя и отдаленная связь со столицей,—былъ землякъ, служившій половымъ въ трактирѣ подъ довольно страннымъ названіемъ «Маренго», находившемся въ одной изъ отдаленныхъ улицъ города.

Обсудивъ тутъ же, на площади, свое положеніе и придя къ убѣжденію, что безъ содѣйствія земляка ему не обойтись никакъ, Капитонъ смѣло отправился къ Обводному каналу съ цѣлью, во что бы то ни стало разыскать историческій трактиръ. И онъ его нашелъ. Трактиръ помѣщался въ трехэтажномъ каменномъ домѣ, выходившемъ фасадомъ на каналъ, и занималъ первые два этажа. Красная вывѣска съ выведенною на ней крупною надписью «Маренго» еще издали привлекала къ себѣ взоры проходящихъ, состоявшихъ преимущественно изъ рабочихъ съ ближайшихъ фабрикъ и заводовъ. «Маренго» считался однимъ изъ большихъ и солидныхъ трактировъ въ окрестности; въ «Маренго» были двѣ половины: «черная» и «чистая», два билліарда, садикъ съ гирляндою разноцвѣтныхъ, впрочемъ, никогда незажигавшихся, фонариковъ и съ цистерной,

въ которой, по преданію старожиловъ, нѣкогда была вода, билъ фонтанъ и обиталъ тюлень, — теперь же былъ складъ пробокъ, коробокъ изъ подъ папиросъ, яичной скорлупы и тому подобной дряни. Но самою главною приманкой для публики служилъ оркестріонъ,—огромное сооруженіе съ безчисленнымъ множествомъ трубъ и дудокъ,—игравшій «Жизнь за Царя», «Летучаго голландца», вальсъ «Вздохи» и польку «Плутовка».

Для Капитона всѣ эти прелести покрыты были мракомъ неизвѣстности, такъ какъ онъ, въ качествѣ робкаго, деревенскаго человѣка, первымъ долгомъ попалъ на дворъ, обыкновенный трактирно извощичій дворъ, и тамъ уже сталъ наводить справки о землякѣ. Дворникъ, кухонные мужики и трактирные мальчики, словомъ всѣ, кто считалъ своею нравственною обязанностью помочь Капитону въ его розыскахъ, признали, что землякъ, котораго звали Никита Иванычъ Разсудовъ, дѣйствительно состоитъ при «Маренго» въ качествѣ услужающаго на чистой половинѣ, но что онъ представляетъ изъ себя такого рода особу, безпокоить которую и отвлекать отъ занятій не во всякое время бываетъ удобно.

— А ты подожди, землячокъ, на кухнѣ!—посовѣтовалъ дворникъ,—какъ станутъ обѣдать, Никита Иванычъ выйдетъ—онъ завсегда въ это время выходитъ,—вотъ ты тутъ къ нему и приноровись...

III.

Слѣдуя совѣту дворника, Капитонъ проникъ на кухню и притулился въ уголку, около окна. Въ кухнѣ, несмотря на открытыя окна и двери, было невыносимо жарко; пахло подгорѣлымъ маргариномъ, вареной, не совсѣмъ свѣжею рыбой и еще чѣмъ-то; въ облакахъ чада и пара вырисовывались фигуры повара, поварятъ и кухонныхъ мужиковъ, что то рубившихъ, толокшихъ, полоскавшихъ и вытиравшихъ. И покуда Капитонъ, въ ожиданіи Разсудова, стоялъ у окна и смотрѣлъ на грязный, частью заваленный такъ называемыми «трактирными» дровами и разнымъ хламомъ дворъ, въ его памяти постепенно возникала фигура земляка, такого, какимъ онъ его, будучи мальчикомъ, видалъ лѣтъ 20 тому назадъ, когда Никита Иванычъ пріѣхалъ въ деревню на побывку.

Это былъ очень блѣдный, длинный и тонкій, какъ жердь, молодой человѣкъ съ обильно смазанными масломъ жидкими, прямыми волосами, въ глухомъ жилетѣ со стеклянными пуговицами, поверхъ котораго, надѣтая на шею, болталась серебряная цѣпочка, въ пиджакѣ и высокихъ сапогахъ съ галошами.

Этотъ длинный молодой человѣкъ занимался въ деревнѣ

тѣмъ, что, собравши мальчишекъ въ кружокъ, а самъ помѣстившись въ центрѣ, давалъ каждому мальчику щелчокъ въ лобъ, за каковое удовольствіе платилъ пригоршней подсолнечныхъ сѣмячекъ. Послѣ каждаго щелчка мальчики встряхивали волосами и смущенно отходили въ сторону грызть подсолнухи, а молодой человѣкъ заливался хохотомъ. Капитонъ тоже получилъ щелчокъ, какъ ему казалось, болѣе основательный, нежели другіе мальчики, и, если уже говорить по правдѣ, этотъ щелчокъ болѣе всего послужилъ поводомъ къ тому, что Капитонъ рѣшился искать совѣта и покровительства у преуспѣвшаго нынѣ на поприщѣ трактирнаго служенія Никиты Иваныча.

— Вонъ Никита Иванычъ! Подходи! — сказалъ Капитону кухонный мужикъ.

Капитонъ взглянулъ на вошедшаго въ кухню человѣка и не повѣрилъ своимъ глазамъ: съ поварами бесѣдовалъ совсѣмъ не тотъ Разсудовъ, какимъ его помнилъ Капитонъ.

Это былъ плотный, высокій мужчина лѣтъ 50, совершенно плѣшивый, бритый, съ одними только длинными, сѣдыми бакенбардами, во фракѣ, при короткой, толстой цѣпочкѣ съ брелоками. Говорилъ онъ рокочущимъ, надтреснутымъ баскомъ, какимъ говорятъ старые, хроническіе пьяницы, и ходилъ тяжело, слегка припадая на лѣвую ногу.

Всякій другой, при одномъ взглядѣ на фигуру Никиты Иваныча, сейчасъ бы могъ опредѣлить судьбу этого человѣка, сейчасъ бы могъ сказать, что онъ видитъ передъ собою субъекта, нѣкогда стоявшаго на высотѣ лакейскаго призванія, служившаго въ лучшихъ ресторанахъ, затѣмъ постепенно опускавшагося и находящагося нынѣ въ полнѣйшемъ упадкѣ,—но Капитону Разсудовъ показался бариномъ.

Онъ несмѣло подошелъ къ нему и низко поклонился— Разсудовъ повернулъ къ нему обрюзгшее, съ мѣшками подъ глазами, лицо и измѣрилъ его съ ногъ до головы.

— Что тебѣ?—спросилъ онъ.

— Къ вашей милости!—пробормоталъ Капитонъ, и еще разъ поклонился, — потому какъ мы значитъ ваши земляки, изъ деревни пріѣхавши.

— У меня земляковъ много, до Москвы не перевѣшаешь!— разсмѣялся Разсудовъ,—какой такой землякъ? Откуда?

— Изъ Глинищъ!

— А!

Лицо Никиты Иваныча оживилось и даже какъ будто расцвѣло.

— Ты кто же такой будешь?

— Полоротовъ, Семена Полоротова сынъ! — Можетъ, помните?

— Помню! Да ты не Капитошка-ли?

— Я самый-съ!

— Вонъ ты какой!—протянулъ Никита Иванычъ, не безъ интереса вглядываясь въ богатырскую, лохматую фигуру «Капитошки»,—ничего, мужикъ изъ тебя вышелъ по-оря-дочный, а вѣдь какая мразь была!

Капитонъ счелъ необходимымъ заискивающе улыбнуться.

— Поди-ка сюда!—поманилъ его Разсудовъ и самъ пошелъ впередъ.

Капитонъ послѣдовалъ за нимъ. Никита Иванычъ подпялся по лѣстницѣ и, пройдя длинный корридоръ, толкнулъ дверь въ маленькую, грязную комнатку съ кроватью, столомъ и парою обломанныхъ стульевъ.

По внутреннему убѣжденію Капитона, убогая комната съ ея обстановкой очень мало соотвѣтствовала барскому виду ея обитателя, но когда Никита Иванычъ снялъ фракъ, оказавшійся въ пятнахъ, предусмотрительно повѣсилъ его на гвоздь, затѣмъ снялъ манишку съ рукавчиками и очутился въ ситцевой рубахѣ сомнительной чистоты, Капитонъ сдѣлалъ неожиданное открытіе, что основываться на первомъ впечатлѣніи не слѣдуетъ, и что если этотъ обрюзгшій, грязный человѣкъ съ выдыхаемымъ имъ запахомъ алкоголя и похожъ на барина, то развѣ только съ самой дурной, неприглядной стороны.

Однако, Никита Иванычъ проявлялъ всетаки замашки барина, заимствованныя имъ путемъ долголѣтнихъ наблюденій, отъ титулованныхъ гостей, которымъ онъ прислуживалъ въ хорошихъ ресторанахъ; онъ умѣлъ какъ то особенно небрежно развалиться, какъ то особенно красиво положить ногу на ногу и даже трактирнаго мальчика кликнулъ такимъ повелительно-барскимъ тономъ, что тотъ, ни минуты не медля, предсталъ передъ его очи.

— Подавай обѣдъ!—приказалъ Никита Иванычъ,—живо!

Мальчикъ исчезъ, а Разсудовъ полѣзъ подъ кровать, досталъ неполную бутылку водки и поставилъ на столъ.

— Пьешь?—спросилъ онъ Капитона.

— Ни!—отвѣчалъ тотъ тряхнувъ волосами,—не употребляю!

— Дѣло!—похвалилъ Никита Иванычъ, доставая рюмку, разсматривая ее на свѣтъ и обтирая полотенцемъ,—не усвоилъ привычки, и не нужно! Водка есть ядъ, и много... ишь вѣдь какъ облипла, это отъ ликера,—много вредитъ человѣку. Читалъ такую книжку! Да! Такъ вотъ ты каковъ есть Капитонъ! Не помню я тебя, убей Богъ, не помню! Ну, да все равно! Должно быть и ты моихъ щелчковъ отвѣдалъ!

— Какъ же, получалъ!—оживился Капитонъ.

— Это была большая глупость съ моей стороны! — задумчиво произнесъ Никита Иванычъ, — ну—по этому случаю нужно будетъ какъ нибудь тебя устроить!

Онъ сѣлъ и погрузился въ еще большую задумчивость, прерванную появленіемъ мальчика съ обѣдомъ.

Обѣдъ былъ и скуденъ, и плохъ, что и послужило, по всей вѣроятности, причиной тому, что Никита Иванычъ не предложилъ земляку раздѣлить съ нимъ трапезу. Водку онъ тоже выпилъ всю, значительно повеселѣлъ, оживился и самымъ подробнѣйшимъ образомъ сталъ разспрашивать Капитона, что онъ намѣренъ съ собою дѣлать.

— Д-да, такъ вотъ оно что!—говорилъ онъ, потягивая грошевую сигару,—въ Питерѣ, значитъ, надумалъ счастье попытать? Что же, попробуй... гм! попробуй! Только если хочешь знать мое откровенное мнѣніе, то скажу одно: напрасно! Вотъ ты, напримѣръ, желаешь въ кучера, не такъ ли?

— Такъ, такъ,—подтверждалъ Капитонъ,—потому, какъ значитъ пристрастіе большое къ лошадямъ имѣю...

— Ну, да это все равно: имѣешь ли ты пристрастіе, или нѣтъ, объ этомъ спрашивать не станутъ, а нужна, братецъ мой, рекомендація, протекція нужна, вотъ что! И будь ты хоть первый кучеръ на всю Россію, а безъ протекціи тебѣ ни тпру, ни ну! Газеты читаешь? неожиданно спросилъ Никита Иванычъ.

— Ни! Гдѣ мнѣ!

— Напрасно! А вотъ кабы ты газеты читалъ, то и понялъ бы—что значитъ мѣста искать въ Питерѣ. Да вотъ, постой-кось!

Никита Иванычъ потянулъ съ окна газетный, покрытый желтыми, жирными пятнами, листъ, поискалъ на немъ глазами, самодовольно усмѣхнулся, какъ человѣкъ, который нашелъ, что ему было нужно, и, проведя лѣвою рукою во всю длину листка, сказалъ:

— Видѣлъ? Это все публикаціи! Отсюда и до сюда!

— Это что же такое?—все еще недоумѣвалъ Капитонъ.

— А это все мѣста ищутъ! Каждая такая маленькая строчечка,—человѣкъ!

— Человѣкъ!—воскликнулъ Капитонъ,—и все кучера?

— Все кучера!—подтвердилъ Никита Иванычъ,—есть, впрочемъ, повара, кухарки, горничныя и нашъ братъ—лакей! Есть и студентъ! закончилъ Разсудовъ и многозначительно приподнялъ брови.

— И все мѣста ищутъ?—упавшимъ голосомъ вопросилъ Капитонъ.

— Да, братъ, все мѣста ищутъ!—меланхолически заключилъ Никита Иванычъ.

Капитонъ искоса, враждебно взглянулъ на газетный листъ и поникъ головой.

— Такъ вотъ ты и подумай!—началъ Никита Иванычъ, чиркая спичку и въ десятый разъ закуривая «шишъ», какъ онъ въ шутку называлъ окурки сигаръ.— За публикаціи пла-

тить тебѣ не изъ чего, да и пустое это дѣло, нестоющее, протекціи у тебя нѣтъ! И выходитъ, что въ Питеръ ты пріѣхалъ напрасно!

— Можетъ вы гдѣ нибудь услышите!—робко замѣтилъ Капитонъ.

— Я услышу? Гдѣ же я могу что услышать, если я, какъ песъ, къ этому мѣсту привязанъ!—не безъ горечи воскликнулъ Никита Иванычъ,—что я тутъ слышу? Какъ пьяницы бражничаютъ да ругаются, или какъ машина гудитъ! Вѣдь день и ночь, проклятая! Стало ужъ въ головѣ отзываться! Нѣтъ, любезный, ты лучше себя и не льсти! Не льсти лучше! Еще прежде, какъ я при первыхъ ресторанахъ состоялъ да хорошимъ господамъ служилъ, ну, словъ нѣтъ, прежде я могъ и очень просто... можетъ я не одинъ десятокъ людей посадилъ на хорошія мѣста! Я дѣлалъ это, братецъ мой, очень просто! Придетъ господинъ знакомый, нужный, сейчасъ его къ своему столику приспособишь, свѣчу подашь, зубочистки, все какъ слѣдуетъ, стоишь и ждешь, а рожу такую состроишь, что либо жалостную, либо сумрачную, смотря каковъ господинъ, что для него больше подходитъ, по характеру, значитъ! Понялъ! Ну, онъ сейчасъ спроситъ, что есть хорошаго, на кухнѣ, значитъ. Ему и рапортуешь: дичь сегодня очень хороша, или рыба, или тамъ что! Закажетъ. Распорядишься, повара настегаешь хорошенько, чтобы постарался, а самъ опять къ нему, къ господину то съ постной рожей!.. Вотъ онъ сидитъ, сидитъ, да и обратитъ вниманіе, — прежніе то господа вниманіе обращали и разговаривать не гнушались, а нынѣшніе какіе то деревянные: ѣстъ, прости Господи, словно голодная собака хватаетъ, пожралъ, — сейчасъ за газету! Да и какіе нынѣче господа! Вотъ онъ и обратитъ вниманіе, и спроситъ, потому замѣть, любезный, настоящій который аристократъ, онъ никогда не погнушается съ нашимъ братомъ поговорить, а гнушается кто? Мразь, дрянь съ пыльцей, изъ нашего же сословія оборотень! Вотъ онъ и спроситъ: что это ты, Никита, сегодня, какой невеселый? Понялъ? (Никита Иванычъ подмигнулъ однимъ глазомъ). Тутъ и трафишь! «Съ чего же быть, ваше превосходительство, веселымъ, ежели въ нашей деревнѣ непорядки. — Какіе непорядки? — А такіе, что погорѣли!—«Что же, ты, что ли погорѣлъ?—Нѣтъ, меня Богъ миловалъ, а другихъ посѣтилъ! Ну и разведешь ему овацію, языка не жалѣючи! Пріѣхалъ, молъ, человѣкъ ни на себѣ, ни съ собою, чуть ни въ чемъ мать родила! Мѣста ищетъ.—Какого же мѣста?—Да хоть бы въ дворники, вѣкъ бы Богу молился!—Ну, хорошо,—скажетъ—пришли его ко мнѣ! Я кое кого поспрошаю!

Глядь черезъ недѣли двѣ человѣкъ и на мѣстѣ! Такъ вотъ прежде какъ дѣла дѣлывались!

— А теперь, значитъ, не возможно?—съ робкимъ любопытствомъ вопросилъ Капитонъ.

— Теперь? Не знаю, поищи, братъ—другихъ! А время мое отошло!

Никита Иванычъ всталъ и началъ облачаться въ манишку и фракъ.

— Отошло, мое времячко,—отошло! повторилъ онъ,—укатали сивку крутыя горки! Мнѣ теперь, другъ любезный, на покой хочется! Надоѣло болтаться да языкомъ сучить! На покой, въ избу захотѣлось, пожили въ хоромахъ довольно. Видали на своемъ вѣку и хорошаго, и худого! Поѣхалъ бы я теперь въ деревню, развелъ бы огородъ, садъ, яблоней бы насажалъ, да отдыхалъ бы на травкѣ-муравкѣ. Рѣка то, поди, та же?

— Та же! Чего ей сдѣлалось!

— Не усохла—голубушка! А и раки же въ ней водились! Большущіе! Что и теперь раки есть?

— Есть! Ребятишки ловятъ! Да кому они гожи!

— Ахъ, ты деревня, деревня! «Кому гожи»! Все еще раковъ ѣсть не научились! Посмотрѣлъ бы, какъ ихъ тутъ одобряютъ. Бордолезъ, напримѣръ—или о-зекревисъ! Пальчики оближешь.

— А по нашему, хоть они закривись, хоть совсѣмъ согнись, кто этакую погань вкушать станетъ!

— Эхъ, деревня, деревня!—добродушно разсмѣялся Никита Иванычъ.—правду одинъ знакомый банкиръ говаривалъ: нашего мужика 30 лѣтъ въ котлѣ вари, ничего не будетъ!

— Не будетъ и есть!—также добродушно согласился Капитонъ и, увидя что Никита Иванычъ готовится сейчасъ уйти, спросилъ—къ своему мѣсту уходите!

— Да братъ, нужно,— отвѣчалъ тотъ. Заходи когда! Ты гдѣ остановился то?

— А нигдѣ!—искренно сознался Капитонъ.

— Ночевать то гдѣ будешь!

— Да хоть на улицѣ! Не холодно чай!

Но Никита Иванычъ покачалъ головой.

— На улицѣ, братъ, у насъ ночевать не дозволяется—замѣтилъ онъ—а есть для этого почлежные... одинъ тутъ совсѣмъ близко! Ты туда и ступай! Пятачекъ заплотишь, ночь переночуешь, а утромъ приходи сюда! Что нибудь обмозгуемъ.

— Спасибо на привѣтѣ! сказалъ Капитонъ, поклонился достаточно низко и вышелъ за Разсудовымъ въ корридоръ.

IV.

Въ Капитонѣ было много мужицкаго упорства. Не смотря на то, что всѣ его надежды на мѣсто разлетѣлись какъ дымъ,

онъ остался не пристроеннымъ, безъ пристанища, ночевалъ въ ночлежномъ домѣ, въ компаніи оборванцевъ, которая ему пришлась не по нутру, несмотря даже на то, что онъ въ сильнѣйшей степени разочаровался въ могуществѣ пребывавшаго въ явномъ упадкѣ Никиты Иваныча, — онъ всетаки рѣшился добиться своего и, въ назначенный Разсудовымъ часъ, уже стоялъ со своимъ мѣшкомъ и валенками въ корридорѣ, у дверей комнаты земляка.

На этотъ разъ обхожденіе съ нимъ Никиты Иваныча уже не носило такого благодушнаго характера, какъ наканунѣ. Никита Иванычъ былъ видимо чѣмъ то разстроенъ, угнетенъ, куда то все торопился и, въ торопливости, сунулъ въ руку Капитона клочекъ бумажки съ адресомъ какого то Анатолія Петровича Гмызова, наскоро сообщивъ, что этотъ Гмызовъ— ни болѣе, ни менѣе какъ графъ, но графъ, потерявшій не только всѣ свои деньги и помѣстья, а даже частичку своихъ графскихъ достоинствъ, что не только лошадей и экипажей у графа нѣтъ, нѣтъ даже опредѣленнаго мѣстожительства, а проживаетъ онъ у своей любовницы, но что это ничего не значитъ, такъ какъ у графа остались всетаки хорошія знакомства и онъ, если захочетъ, можетъ рекомендовать. Капитонъ съ благодарностью ухватился за мысль попробовать счастья у графа и, распростившись съ Никитой Иванычемъ, ни мало не медля направился на Петербургскую сторону.

Гдѣ то въ самыхъ отдаленныхъ дебряхъ Петербургской стороны Капитонъ, при посредствѣ городовыхъ, дворниковъ, мелочныхъ лавочниковъ и кухарокъ, т. е. наиболѣе свѣдущихъ особъ по адресной части, обрѣлъ Плуталову улицу, улицу, отличавшуюся отъ другихъ обиліемъ садиковъ при деревянныхъ домикахъ и полнѣйшимъ отсутствіемъ тротуаровъ, и въ этой улицѣ домикъ, гдѣ имѣлъ свое мѣстопребываніе лишенный всѣхъ земныхъ преимуществъ графъ.

На огромномъ дворѣ, поросшемъ травою и похожемъ на пустырь, съ одной стороны котораго тянулась длинная пристройка, а съ другой расположился одноэтажный домикъ съ жиденькимъ садомъ, въ двухъ, трехъ углахъ валялись, подобно трупамъ, лишеннымъ ногъ, кабріолетъ и два дилижанса безъ колесъ, съ изломанными кузовами, съ надорванными крышами и безъ стеколъ; на ободранныхъ, съ торчавшею отовсюду мочалой козлахъ одного дилижанса, грѣясь подъ лучами осенняго солнца, лежалъ коричневый, лягавый песъ. Простоволосая, толстая женщина съ засученными рукавами, изобличавшими мускулатуру, которой бы могъ позавидовать мужчина, съ остервенѣніемъ полоскала что то въ лохани и въ моментъ появленія Капитона скрылась въ маленькомъ одноэтажномъ домикѣ,

держа это что то, блеснувшее при солнцѣ рыбьимъ хвостомъ, на перевѣсъ.

Робкій окрикъ Капитона прозвучалъ какъ въ пустынѣ. Сильный порывъ вѣтра поднялъ съ земли кучу желтыхъ и багровыхъ листьевъ, они проплясали передъ изумленными глазами Капитона какой то дикій танецъ и помчались, обгоняя другъ дружку, къ мертвецамъ-дилижансамъ. Разбуженный ихъ шорохомъ, коричневый песъ поднялся надъ продырявленной крышей дилижанса, потянулся, зѣвнулъ и съ привѣтнымъ лаемъ бросился подъ ноги Капитона.

— Собачка... собачечка... Тфсп... тфсп!.. — заискивающимъ тономъ забормоталъ тотъ, справедливо опасаясь за цѣлость своихъ икръ и съ предусмотрительностію мужика бросая собакѣ корочку хлѣба. Въ послѣдней не было особенной надобности, но голодный, съ выдавшимися ребрами песъ налету проглотилъ подачку, какъ бы въ благодарность повилялъ хвостомъ и, видимо рѣшившись быть любезнымъ до конца, побѣжалъ къ раскрытой двери дома, оглядываясь, виляя хвостомъ и глазами показывая Капитону, чтобы тотъ слѣдовалъ за нимъ.

Предшествуемый любезнымъ псомъ, Капитонъ очутился въ маленькой кухнѣ съ открытой дверью въ сосѣднюю комнату, на порогѣ которой стоялъ татаринъ съ мѣшкомъ.

Въ кухнѣ та же женщина, что мыла на дворѣ рыбу, разводила подъ плитой огонь, а въ комнатѣ, черезъ плечи татарина былъ виденъ лежавшій на диванѣ старикъ съ небольшою сѣдою бородою, въ изорванномъ халатѣ и ермолкѣ съ облохматившейся кисточкой.

— А-а! Покупатель номеръ второй!—привѣтствовалъ старикъ появленіе Капитона,—ну, ты погоди! Покуда мы побесѣдуемъ съ Тамерланомъ, твоя очередь впереди! Послѣ можно устроить конкурсъ! Хе, хе!

Старикъ залился тонкимъ дребезжащимъ смѣхомъ, потянулся, поправилъ подъ головою подушку и продолжалъ начатую съ татариномъ бесѣду:

— Ну, теперь возьми эти панталоны! Взялъ?

— Увзалъ!

— Хорошо! Разсмотри ихъ хорошенько! Можешь разсматривать, сколько хочешь! Я терпѣливъ.

— Зачего разматрыватъ... штаны стары!—уныло безапелляціоннымъ тономъ отвѣчалъ татаринъ.

— Ну, конечно! А ты, всетаки, разсмотри!

Татаринъ началъ вертѣть панталоны и такъ, и сякъ, гладилъ, щупалъ матерію, попалъ рукою въ дыру и молча потрясъ огромной, бритой головой въ тюбетейкѣ.

— Разсмотрѣлъ? Прекрасно! Ну, какъ ты думаешь, сколько заплачено за эти панталоны?

— Стары штаны!—уныло твердилъ татаринъ.

— И я старъ, и ты, татаринъ не молодъ, а всетаки чего нибудь мы да стоимъ, не такъ ли?—продолжалъ старикъ, улыбаясь и закидывая голову назадъ, — такъ и эти панталоны! Когда то я за нихъ заплатилъ 16 рублей, дѣлалъ, конечно, на заказъ! Ну, говори прямо, сколько ты мнѣ за нихъ дашь? А?

— За все два съ полтина дамъ! — рѣшительнымъ тономъ произнесъ татаринъ.

— За все! Это, значитъ, за настоящую турецкую трубку, подсвѣчникъ въ стилѣ рококо, пальто, ботфорты и панталоны!— тономъ горестнаго изумленія воскликнулъ старикъ,—да въ умѣ ли ты, Чингисханъ? Подумай, что ты сказалъ! Да я вмѣстѣ ни за что и не продамъ! Я продаю отдѣльно каждую вещь.

Татаринъ присѣлъ на корточки и, разбирая сваленный на полъ хламъ, произнесъ:

— Сапоги нычего не стоятъ, подсвѣчникъ патнадцать копекъ, трубка трыдцать копекъ, палто полтора рубля. Два съ полтина хочешь, беры за всо!..

— Значитъ, панталоны ты цѣнишь въ 55 копѣкъ? Есть ли у тебя совѣсть, Тамерланъ?

— Совѣсть есть, барынъ!

— Нѣтъ, Тамерланъ, у тебя нѣтъ совѣсти ни на грошъ! Подумай: изъ пальто ты можешь состряпать великолѣпный пиджакъ и продать его... ну, рублей за 8, что ли! Изъ панталонъ ты надѣлаешь шапокъ и продашь каждую такую шапку копѣкъ за 75... За трубку, вѣдь она турецкая, тебѣ всякій дастъ рубля полтора. Подсвѣчникъ!.. Да одному подсвѣчнику, если на любителя старинныхъ вещей, цѣны не подберешь! Вѣдь это, чучело, рококо, настоящій рококо! Нѣтъ, нѣтъ, Чингисханъ, лучше уходи и не мозоль глаза! Впрочемъ, подумай, пораскинь своими азіатскими мозгами, я терпѣливъ! Я даже могу вздремнуть немного, а ты подумай! Сроку я тебѣ даю четверть часа! Но знай, что за тобою стоитъ конкуррентъ, нашъ добродѣтельный россійскій мужичокъ, который выложитъ мнѣ синюху, замѣть, только синюху и оберетъ всю эту кучу себѣ на здоровье! Знай это, князь!

Старикъ откинулся на подушку, поднялъ ноги почти въ уровень со спинкой дивана, причемъ одна изъ бывшихъ на ногахъ стоптанныхъ, рыжихъ туфель звучно шлепнулась на полъ, и закрылъ глаза.

Татаринъ еще разъ порылся въ хламѣ, даже осмотрѣлъ изношенные до тла ботфорты, причемъ покачалъ головой и сердито бросилъ ихъ на полъ,—подумалъ, поднявъ къ потолку глаза, и спросилъ, косясь на Капитона:

— Какая твоя цѣна, баринъ?

— Чтобы не задерживать тебя,—началъ старикъ, не открывая глазъ и покачивая ногою въ грязномъ, дырявомъ носкѣ,—я ужъ такъ и быть не стану продавать въ отдѣльности. Владѣй всѣмъ за синенькую, т. е. за пять рублей.

— Шутишь, барынъ?—усмѣхнулся татаринъ, — три рубля получай!

— Нѣтъ, князь, мы не сойдемся, а разойдемся! Совѣтую хорошенько осмотрѣть вещи еще разъ!

— Чиво смотрѣть — отвѣчалъ, татаринъ, съ презрѣніемъ поглядывая на скудную обстановку комнаты, — еще чиво продавай?

— Увы, кромѣ самого себя продать больше нечего! Но тебѣ меня не купить, Тамерланъ! И такъ, синюха, и по рукамъ!

— Три рубля получай!

— Не хочешь? Ну, тогда отстранись и дай дорогу россійскому мужичку! Селямъ алейкюмъ! Прощай!

— Три съ четвертакомъ бери, барынъ!

— Отстранись!

Татаринъ надѣлъ поверхъ тюбетейки мѣховвую шапку и направился къ выходу.

— Ну, а ты сколько даешь?—спросилъ старикъ Капитона, вглядываясь въ него.

— Я, баринъ, не покупаю!—отвѣчалъ тотъ.

— Какъ? Развѣ ты не старьевщикъ?

Старикъ быстро сбросилъ ноги съ дивана, сѣлъ и во всѣ глаза началъ смотрѣть на Капитона.

— Никакъ нѣтъ-съ! Я къ вашей милости отъ Никиты Иваныча!

— Отъ Никиты? Отъ какого Никиты Иваныча? Да чортъ бы его побралъ твоего Никиту Иваныча!—затарахтилъ старикъ, бѣгая по комнатѣ и заглядывая въ окно, заставленное олеандрами и геранью, — я думалъ ты купить пришелъ! На кой же чортъ ты молчалъ, дурова твоя голова! А я изъ за тебя татарина упустилъ! Ахъ ты... Ну, вотъ онъ, никакъ назадъ идетъ! Постой-ка!..

Старикъ остановился по серединѣ комнаты и приложилъ палецъ ко лбу, потомъ брякнулся на диванъ и принялъ прежнюю непринужденную позу.

— Молчи!—шепнулъ онъ, строго сверкнувъ глазами,—я тутъ буду говорить, а ты молчи! Стой и молчи! Около вещей стой!

— Три съ палтина, баринъ, бери! сказалъ появившійся въ дверяхъ татаринъ.

— А, ты опять тутъ?—тономъ невозмутимаго спокойствія произнесъ старикъ,—напрасно уходилъ! Вещи то, братъ, вотъ онъ покупаетъ! Прозѣвалъ князь!

— Сколко даетъ? — спросилъ татаринъ, косясь на Капитона.

— Даетъ четыре. Панталоны ужъ ему очень понравились, да и пальто тоже! Я, говоритъ, изъ него чудесный пиджакъ себѣ состряпаю! Только я меньше какъ за четыре съ полтиной не отдамъ.

— Отдавай мнѣ, барынъ. Четыре съ четвертакомъ даю!— мрачно и рѣшительно заявилъ татаринъ,—ей Богу больше не стоитъ!

— Ахъ, Тамерланъ, Тамерланъ! покачалъ головой старикъ,— ну какъ ты можешь чужими богами божиться, кто тебѣ повѣритъ! Вотъ, еслибы ты мнѣ на Коранѣ поклялся, я бы повѣрилъ! Ну, да ужъ что съ тобою дѣлать! Ты у меня старый покупатель, обижать тебя не хочу: давай деньги!

Косясь на Капитона, татаринъ медленно и неохотно полѣзъ за пазуху, вытащилъ огромный кошель и началъ въ немъ рыться, брянча монетами.

— Охъ, дорого далъ! Много денегъ далъ!—приговаривалъ татаринъ.

— За безцѣнокъ купилъ! Почти даромъ хорошія вещи пріобрѣлъ!—ворчалъ старикъ.

— Хороша веща! укоризненно покачалъ головой татаринъ, подавая старику три скомканныя рублевыя бумажки съ кучкой мелочи и засовывая покупку въ мѣшокъ.

Старикъ пересчиталъ деньги, куда то ихъ моментально спряталъ и повеселѣвшими глазами смотрѣлъ на татарина.

— Прощай, барынъ!—сказалъ тотъ, взваливая мѣшокъ на спину.

— Прощай, князь!

Татаринъ ушелъ. Старикъ прошелся по комнатѣ, быстрымъ движеніемъ потеръ одна о другую руки и снова повалился на диванъ.

— Ну съ,—началъ онъ,—такъ кто же тебя прислалъ?

— Никита Иванычъ—отвѣчалъ Капитонъ.

— А кто сей Никита Иванычъ?

— Они услужащіе, значитъ, въ трактирѣ!

— Въ трактирѣ?—удивился старикъ,—въ какомъ такомъ трактирѣ?

— А какъ его...дай Богъ памяти...—затруднился Капитонъ,— «Моренко» что ли прозывается.

Старикъ на минуту задумался. Вдругъ лицо его прояснилось.

— «Маренго», должно быть!—поправилъ онъ Капитона,— такой есть... помню такой! И Никиту Иваныча знаю... Достойный человѣкъ!

— Такъ вотъ, значитъ, они меня къ вашей милости и прислали! Потому, значитъ, какъ я ихній землякъ... безъ

мѣста, изъ деревни пріѣхавши. . желательно бы мнѣ на кучерскую должность

— Что же, «кучерская должность» хорошая!—замѣтилъ старикъ, качая ногой и балансируя туфлею такъ, что та довольно искусно держалась на одномъ большомъ пальцѣ.

— Такъ точно-съ! А я какъ, значитъ, приверженность имѣю къ лошадямъ, т. е. прямо можно сказать: люблю-съ! Вотъ Никита Иванычъ и говоритъ, сходи, говоритъ, къ графу, и попроси ихъ отъ меня насчетъ мѣстечка, потому у нихъ, говоритъ, знакомства обширныя.

Произнося эту тираду, заученную, къ слову сказать, по дорогѣ, Капитонъ почувствовалъ неодолимую потребность стереть съ лица потъ и не безъ успѣха исполнилъ это при помощи рукава.

— Такъ, такъ! задумчиво, словно выдавливая изъ себя слова, произнесъ старикъ, — гм! «Знакомства»! Были, были знакомства, какъ же! Только вотъ что, другъ сердечный, россійскій мужичокъ, были да сплыли! А кучеръ изъ тебя могъ бы выйти хорошій! продолжалъ старикъ, разглядывая Капитона какъ какой-нибудь знатокъ лошадиныхъ статей;—силища въ тебѣ, должно быть, непомѣрная, и видъ у тебя того,—благообразный, борода лопатой и все какъ быть слѣдуетъ! Да! Жаль! Вотъ что я тебѣ скажу, Назаръ!.. Вѣдь тебя Назаромъ зовутъ?

— Никакъ нѣтъ-съ! Капитономъ звать!

— Капитонъ? поморщился старикъ,—Капитонъ—имя неблагозвучное! У меня былъ кучеръ Назаръ! И если ты хочешь сдѣлаться кучеромъ, то долженъ называться Назаромъ! Не иначе! погрозилъ пальцемъ старикъ! Человѣкъ!—воскликнулъ онъ, повернувшись къ окну, и лицо его вдругъ приняло надменное, важное выраженіе стараго барина,—вели подавать моему кучеру Назару! Назаръ, Назаръ, что это былъ за кучеръ мой Назаръ!

И какъ бы совершенно забывъ о присутствіи въ комнатѣ чужого человѣка, старикъ впалъ въ задумчивость, прерывавшуюся тихимъ бормотаньемъ какихъ то словъ.

Капитонъ сидѣлъ смирно, съ возраставшимъ удивленіемъ поглядывая на чуднóго барина.

— Подавать, что-ли, рыбу то? грубымъ голосомъ вопросила появившаяся въ дверяхъ женщина.

— Рыбу,—очнулся старикъ,—ха, ха, ха, Маланья Осиповна какъ вы меня испугали! Ха, ха, ха! Рыбу! Потомъ, потомъ, душечка! Такъ о чемъ я? повернулся онъ къ Капитону,—да! Ты долженъ назваться Назаромъ! Непремѣнно! И потомъ—борода! Ты долженъ ее красить, красить! У твой бороды подлый, плебейскій цвѣтъ, — рыжимъ его назвать нельзя, а онъ какой-то гнѣдой! Именно гнѣдой! Cest le mot! А борода у настоящаго кучера должна быть черная, безпе-

ляціонно черная борода! Ну, ты ее, конечно будешь красить! Это пустяки!

— А какъ же на счетъ мѣста, ваша милость?—вырвалось у Капитона.

— Мѣста? А! Вотъ ты мнѣ напомнилъ! Мѣста! Гм! Видишь ли, у меня никого теперь нѣтъ, рѣшительно никого!

— Можетъ у вашей милости найдется!—рискнулъ Капитонъ, вспомнивъ видѣнные имъ дилижансы и длинную пристройку вдоль забора, которую онъ принялъ за конюшню.

— У меня? удивился старикъ,—но почему же у меня? Странно.

— Дилижаны видѣлъ! все болѣе и болѣе смущаясь, пробормоталъ Капитонъ.

— «Дилижаны»! расхохотался старикъ,—именно «дилижаны», это хорошо сказано! Но во первыхъ, россійскій ты недогадливый мужичокъ—эти, какъ ты ихъ, все таки, мѣтко назвалъ «дилижаны», въ мерзости запустѣнія стоятъ уже пятый годъ, во вторыхъ весь этотъ хламъ принадлежитъ не мнѣ, а почтеннѣйшей, высокоуважаемой Маланьѣ Осиповнѣ, иначе, конечно, я бы давно продалъ все это на рынокъ,—и наконецъ... ха, ха, наконецъ ты былъ бы не кучеръ, а ужъ не знаю, восьмое или десятое чудо вѣка, еслибы ухитрился поѣхать на «дилижанѣ» безъ колесъ и безъ лошадей.

— Лошадокъ нѣтъ?—разочарованнымъ тономъ переспросилъ Капитонъ.

— Нѣтъ, россійскій мужичокъ, нѣтъ!—въ тонъ ему отвѣтилъ старикъ,—и мѣсто оное, т. е. гдѣ онѣ стояли,—впустѣ! Вотъ въ томъ то наша съ Маланьей Осиповной и бѣда!

Капитонъ ощутилъ такое же чувство, какое испыталъ на другой день послѣ свиданія съ Никитою Иванычемъ, разочаровавшись въ его могуществѣ и силѣ. Въ качествѣ человѣка, не привыкшаго зря разводить бобы и терять даромъ время, Капитонъ рѣшительно тряхнулъ волосами и, отвѣсивъ барину поклонъ, сказалъ:

— Прощенья просимъ, ваша милость! Извините за безпокойство!

— Ничего, ничего!—похлопалъ его по плечу старикъ,—ты мнѣ доставилъ нѣсколько веселыхъ минутъ, а въ моемъ положеніи это бываетъ не часто! Прощай, россійскій мужичокъ! Кланяйся своему земляку и покровителю Никитѣ Иванычу и скажи сему достойному «человѣку» изъ человѣковъ, что я къ нему загляну, какъ только получу возможность вмѣсто туфлей надѣть хорошіе, крѣпкіе сапоги, которыхъ у меня пока нѣтъ! Прощай! Все прямо! Собака не тронетъ! Сбогаръ, іçі! Маланья Осиповна, можете подавать вашу изумительную рыбу, вашъ Гоголевскій лабарданъ! J'ai faim!

V.

Въ Обводныя палестины Капитонъ возвращался въ угнетенномъ состояніи духа. По его искреннему мужицкому мнѣнію, графъ оказался совершенно «нестоющимъ» человѣкомъ. Вся соль рѣчей графа, ихъ тонкая ироніа, весь этотъ, какъ называютъ нѣмцы, «юморъ повѣшеннаго» пропалъ для Капитона даромъ, и осталось одно впечатлѣніе, что либо баринъ «чудилъ», либо онъ какой то полупомѣшанный.

Такъ какъ до того часа, когда открываются ночлежные пріюты, времени еще оставалось много и дѣвать его Капитону было рѣшительно некуда, то онъ отправился въ «Маренго».

Никиту Иваныча онъ засталъ свободнымъ въ его комнатѣ и даже сидящимъ въ рубахѣ и панталонахъ на кровати. Чистая половина «Маренго» торговала плохо. Быкобойцы, мясоторговцы, дровяники, плотники, кирпичники и всякаго рода купцы, чувствуя себя еще на лѣтнемъ положеніи, охотнѣе посѣщали «Аркадію», «Помпей», «Крестовскій» и даже ближайшій къ Обводному каналу трактиръ съ большимъ садомъ «Константинополь», нежели «Маренго», который приберегался къ сезону закрытія лѣтнихъ увеселеній и открытія зимнихъ кутежей. Конечно, кое кто забирался и въ «Маренго», но все больше въ одиночку и на самыхъ скромныхъ началахъ, не шедшихъ далѣе порціи чая съ коньякомъ, или пары бутылокъ слисѣевской мадеры.

Поэтому Никита Иванычъ, существовавшій въ «Маренго» спеціально для услугъ такому сорту публики, бездѣйствовалъ и скучалъ до того, что въ послѣднее время началъ ужъ черезъ чуръ развязно обращаться со спиртными напитками.

Въ такой именно моментъ и засталъ его Капитонъ. Никита Иванычъ только что проснулся, выпилъ бутылку кваса и лежалъ на спинѣ, устремивъ глаза въ одну точку на обояхъ. Нельзя сказать, чтобы появленіе Капитона – этого странствующаго по русской землѣ вѣчнаго жида, съ его мозолившимъ глаза мѣшкомъ и торчавшей изъ за спины парой валенокъ, — доставило особенное удовольствіе Разсудову; скорѣе наоборотъ, можно было смѣло сказать, что «землякъ» началъ уже ему немного поднадоѣдать, но, въ качествѣ человѣка, получившаго воспитаніе въ первыхъ ресторанахъ, Никита Иванычъ не только виду не показалъ, но даже пригласилъ словомъ: «садись» и прибавилъ:

— Разсказывай! Что новаго?

— Эхъ! Что новаго!—безнадежно покрутилъ головою Капитонъ,—хорошаго то ничего нѣтъ, Никита Иванычъ!

— Былъ у графа?

— Былъ!.. Да что!..

Никита Иванычъ повернулъ глаза отъ точки, въ которую они были устремлены, на Капитона.

— Не принялъ, что-ли?

— Принять-то принялъ! Отчего не принять! У него, вонъ, и татаринъ битый часъ стоялъ! Да что толку! Нѣтъ мѣста, и не обѣщалъ.

— Татаринъ?—удивился Никита Иванычъ,—зачѣмъ татаринъ?

— Вещи ему продавалъ! А и вещи-то не стоющія! Ловко онъ этого татарина поддѣдюлилъ!

— Вещи! Вотъ оно что!—присвистнулъ Никита Иванычъ,—какія же вещи?

— Пустыя, нестоющія вовсе! — разсмѣялся Капитонъ, — трубку, да подсвѣчникъ, да штаны дырявые... Я бы за все двухъ желтенькихъ не далъ, а татаринъ четыре съ четвертакомъ отвалилъ! Совсѣмъ глупый народъ эти татары!

— Вотъ оно что!—тономъ необычайнаго огорченія повторилъ Разсудовъ,—такъ значитъ графъ вещи продавалъ? Неужели и ботфорты продалъ?

— Сапожишки какіе-то въ ту же кучу пошли! Батхортами, точно, называлъ, а ужъ поглядѣлъ я на эти батхорты! Лучше босымъ, нежели въ нихъ! Ха, ха!

Но Никита Иванычъ къ вящшему изумленію земляка быстро поднялся на кровати, хлопнулъ себя по ляжкамъ и въ какакомъ-то отчаяніи воскликнулъ:

— Ботфорты продалъ! Богъ ты мой! Да знаешь-ли ты, деревня, что у него никакихъ сапогъ больше нѣтъ! Бѣдный, бѣдный графъ! Вѣдь ему выдти на улицу не въ чемъ! Ахъ ты, Боже мой!

— Выдти точно не въ чемъ!—съ равнодушіемъ мужика подтвердилъ Капитонъ, — онъ такъ, значитъ, и сказать вамъ наказывалъ, что, молъ, зашелъ бы повидаться, да сапогъ, вишь, нѣтъ.

— Ахъ, бѣдный, бѣдный графъ! горестно покачивая головою, твердилъ Никита Иванычъ,—вотъ судьба! Ну, судьба! По сту рублей въ вечеръ прокучивалъ, цыганокъ браслетами да серьгами одаривалъ!

— Оно точно: баринъ чудной! замѣтилъ Капитонъ, принявъ такого рода факты, какъ прокучиванье по сто рублей и одариванье цыганокъ, за верхъ безсмысленнаго чудачества, — даже словно какъ бы помѣшанный.

— Чудилъ, чудилъ графъ, нужно правду сказать, — подтвердилъ Никита Иванычъ, — такъ помѣстья, деньги и званіе свое благородное все прочудилъ, все прахомъ пошло! Но вѣдь умнѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ, баринъ, до ноготка баринъ! Вѣдь онъ, ты думаешь, за что свой родъ потерялъ? Не

мошенствомъ, не подлогами, — ни-ни! Вѣдь онъ въ человѣка стрѣлялъ, а человѣкъ-то этотъ былъ самый нестоющій, самый первый мерзавецъ и буянъ! Вотъ онъ за что пострадалъ! За горячность свою! И въ ссылкѣ прожилъ безъ малаго десять лѣтъ! Какъ такого человѣка не пожалѣть!

— Отчего не пожалѣть! согласился Капитонъ, — всѣ мы люди, всѣ человѣки!

— Въ какомъ онъ теперь упадкѣ, Боже мой, въ какомъ упадкѣ! все еще не могъ успокоиться Никита Иванычъ, — ну что же я-то могу! Что я, бѣдный человѣкъ, могу! И радъ бы душой! Денегъ ему давать не слѣдуетъ, — прокутитъ все равно, сапогъ не купитъ, а прокутитъ! Развѣ?..

Онъ сидѣлъ теперь на стулѣ, въ раздумьѣ опустивъ голову. Вдругъ глаза его остановились на одномъ предметѣ, мирно покоившемся подъ кроватью. Этотъ предметъ былъ ботинокъ изъ такъ называемыхъ «скороходовъ», напоминающихъ своимъ видомъ членистое брюшко насѣкомаго.

Внезапная и рѣшительная мысль озарила лысую голову Никиты Иваныча; онъ подошелъ къ кровати, досталъ «скороходъ», пошарилъ дальше, вытащилъ ему другой подъ пару, поднесъ ихъ къ жестяной лампочкѣ, тщательно осмотрѣлъ верхъ и подошвы и завернулъ обоихъ въ бумагу.

Продѣлавъ все это, онъ на клочкѣ бумаги карандашомъ написалъ нѣсколько словъ и крикнулъ въ корридоръ:

— Сеня!

Въ дверяхъ появился шустрый, остриженный на-голо «шестерка».

— Ты, что-ли, завтра утромъ идешь на Петербургскую? спросилъ Никита Иванычъ.

— Я-съ, Никита Иванычъ! — отвѣчалъ мальчикъ.

— Ну, на вотъ, по адресу... вотъ тебѣ адресъ!.. Отдай, и безъ разговоровъ назадъ! приказалъ Разсудовъ.

— Слушаю-съ, Никита Иванычъ!

Мальчикъ скрылся.

Никита Иванычъ самодовольно потеръ руки и прошелся по комнатѣ.

— Такъ-то, землячокъ! — сказалъ онъ, остановившись передъ Капитономъ, — вотъ какія у насъ, въ Питерѣ, вещи случаются! Поди-ко у васъ въ деревнѣ этого не слыхать?

— Всяко бываетъ! — уклончиво отвѣчалъ Капитонъ.

— Да хоть бы тебя, къ примѣру, взять! Кто тебя въ Питеръ гналъ? Нужда, что-ли? Нѣтъ! Отецъ твой домохозяинъ исправный, хлѣба и на твою долю хватило бы! И выходитъ, что ты богаче графа!

— Богатъ былъ и онъ, да глупому сыну, знать, не въ помочь богатство!

— Гм! Вотъ ты какъ разсуждаешь!

Никита Иванычъ больше не прибавилъ ни слова, отошелъ въ уголокъ, къ окну, и принялся набивать папиросы.

Похоже было на то, какъ будто между земляками пробѣжала черная кошка; Никита Иванычъ молча, съ сосредоточеннымъ видомъ набивалъ папиросы, Капитонъ кряхтѣлъ, вздыхалъ и, почувствовавъ неодолимую потребность вздремнуть, наконецъ, ушелъ.

У воротъ ночлежнаго дома уже стояла толпа оборванцевъ обоего пола. Вечеръ былъ сырой, холодный. Оборванцы дрожали и жались другъ къ дружкѣ и только немногіе, хватившіе водки, держались развязно. Несмотря на то, что, по недостатку коекъ, нѣкоторымъ изъ жаждавшихъ въ ночлегѣ было предложено убираться по добру, по здорову, Капитонъ, какъ человѣкъ, знакомый администраціи, нашелъ себѣ пріютъ.

Бросивъ мѣшокъ въ головы, онъ легъ, не раздѣваясь, на досчатую койку лицомъ вверхъ и, воззрившись на тускло горѣвшую небольшую лампочку, принялся обдумывать свое положеніе. Сказать по правдѣ, положеніе его было довольно скверное; еще по дорогѣ, въ потаенномъ мѣстѣ одного двора, онъ сосчиталъ запрятанныя далеко на груди деньги и ужаснулся, убѣдившись, что оставшихся денегъ не хватаетъ на обратный путь. Нечего было и думать ѣхать, какъ онъ предполагалъ сначала, на родину, оставаться же въ Петербургѣ безъ работы и занятій значило просто пропасть. Капитонъ представилъ себѣ картину своего дальнѣйшаго существованія, какъ онъ начнетъ продавать съ себя вещи, побираться по людямъ, и кончитъ тѣмъ, что ему не на что будетъ ѣсть, нечѣмъ будетъ заплатить за ночлегъ. Холодныя мурашки пробѣжали по его тѣлу. Закрывъ глаза, стиснувъ зубы, онъ лежалъ неподвижно на койкѣ и мысли, одна другой безотраднѣе, копошились въ головѣ.

— Буренковъ, спишь, что-ли?—послышался справа отъ Капитона сиплый съ перепоя голосъ сосѣда.

— Нѣ!.. Задремалъ было!--отвѣчаетъ другой, то же сиплый голосъ съ оттѣнкомъ нѣкоторой гнусавости.

— Назвиздагонился, лѣшій!—продолжалъ сиплый голосъ.

— Назвиздагонишься, какъ же! Брюхо подвело!—отвѣчалъ гнусавый.

— Не жралъ нешто?

— Ни-ни!

— Ну? Ишь ты какой! На, вотъ, пожуй!

— Спасибо!—сквозь запихиваемые въ ротъ куски пробурчалъ гнусавый.

— Ты это что же?—допытывался сиплый,—а и клоповъ же тутъ, братецъ!. Вѣдь какъ жигнулъ, шельма!

— Кусаются!—спокойно замѣтилъ гнусавый,—вездѣ много! Это ужъ такъ... по положенію!

— Ну, такъ что же ты, а?

— Что я?.

— На дровяные ходилъ?

— Ходилъ, будь имъ не ладно! Своихъ много! Запаслись!

— А я дрова скидывалъ. Пять сажень! Шесть гривенъ заколотилъ.

— Твое счастье!

Въ тонѣ, съ какимъ были сказаны эти слова, прозвучала нотка зависти.

— А ты что же!

— «Что да что!»—огрызнулся гнусавый,—чего привязался? Твое счастье,—будь доволенъ! Чего людей травить!

— Ахъ, дурова голова!—залился смѣхомъ сиплый,—«травить»! Хо, хо! Чего мнѣ травить, нешто я...

— Послушайте, вы! раздался съ койки налѣво отъ Капитона чей-то сердитый окликъ, и Капитонъ увидѣлъ, какъ въ полусвѣтѣ поднялась бѣлая фигура благообразнаго, среднихъ лѣтъ мужчины,—вы тутъ не разговаривайте и не грохочите! Для бесѣды существуютъ клубы, для вашего брата—кабаки, а здѣсь ночлежный домъ, и люди спать хотятъ! Мужичье!

— Баринъ осерчалъ!—шепнулъ сиплый и прибавилъ громче:—извините, господинъ, больше не будемъ!

— То-то «извините»! Скажу, вотъ, смотрителю!

Сиплый и гнусавый притихли. Но бесѣда между ними продолжалась, и чуткій, не притупившійся еще отъ грохота городской жизни слухъ Капитона улавливалъ нѣкоторыя слова. Въ общемъ, смыслъ бесѣды двухъ оборванцевъ заключался въ томъ, что сиплый училъ гнусаваго куда-то идти и наняться. Гдѣ-то брали «безъ разговора очень просто», по «пачпорту». Съ мучительнымъ нетерпѣніемъ Капитонъ ждалъ услышать адресъ столь благодѣтельнаго учрежденія и, наконецъ, узналъ, что это станція конно-желѣзной дороги, помѣщающаяся гдѣ-то у Тріумфальныхъ воротъ.

Словно лучъ надежды блеснулъ для Капитона; и онъ заснулъ съ твердымъ намѣреніемъ проснуться какъ можно раньше и идти розыскивать Тріумфальныя ворота.

VI.

Онъ проснулся такъ рано, что успѣлъ забѣжать съ задняго хода въ «Маренго», оставить кухонному мужику свой завѣтный мѣшокъ для сохраненія и у этого же мужика навести нѣкоторыя справки относительно «Тріумфальныхъ воротъ» и станціи конно-желѣзныхъ дорогъ. Оказалось, что все, говоренное обор-

ванцами, была правда: существовали «Тріумфальныя ворота», существовала и станція, да еще къ вящшему удовольствію Капитона на станціи были лошади, а при нихъ конюхи и кучера.

— И какъ это мнѣ, братецъ, не вдомекъ было! — почесываясь и зѣвая, говорилъ кухонный мужикъ,— для тебя-то вѣдь тамъ самое бы подходящее мѣсто! Лучше не надо! Экое дѣло какое!

Окрыленный надеждою, Капитонъ зашагалъ по направленію къ воротамъ, дошелъ до нихъ, осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ, полюбопытствовалъ на счетъ римской колесницы съ конями и барельефовъ, не мало подивился, почему такія ворота называются «Трухмальными» и, при посредствѣ городового, нашелъ дорогу и къ станціи. Но тутъ-то, у самыхъ воротъ станціи, и былъ положенъ предѣлъ стремительному натиску Капитона. Ворота оказались запертыми и подлѣ, на тротуарѣ, стояли нѣсколько человѣкъ, въ которыхъ Капитонъ чутьемъ узналъ конкуррентовъ. Ни одинъ изъ этихъ людей, по опыту, не рѣшался проникнуть за ворота и въ калитку, въ которую входили кондукторы съ флачками и корзинками; всѣ они, прежде чѣмъ предстать передъ начальствомъ станціи, должны были испытать нѣкоторый искусъ ожиданія.

Взгляды, которыми они встрѣтили Капитона, также нельзя было назвать дружелюбными, и однако никто не сказалъ ни слова, равно какъ и Капитонъ, который понялъ, что какъ бы рано онъ ни пришелъ, ему все равно пришлось бы ждать въ кучкѣ съ другими.

Казалось, время тянется ужасно медленно; нѣкоторые изъ болѣе нетерпѣливыхъ пробовали весьма деликатно открывать калитку, заглядывать во внутрь огромнаго двора, но ничего, кромѣ длиннаго ряда вагоновъ и копошившихся около нихъ обтирщиковъ, глазамъ ихъ не представлялось.

Наконецъ, появился дворникъ со знакомъ своего достоинства на груди. Двое, трое изъ ожидавшихъ, очевидно, находившихся на положеніи знакомыхъ, весьма развязно подошли къ нему, поздоровались по рукамъ и моментально очутились за воротами. Остальные нерѣшительно топтались на мѣстѣ, кидая на парня заискивающіе взгляды. Кто-то сунулъ ему два пятака и это обстоятельство сразу осѣнило остальныхъ: руки всѣхъ потянулись къ дворницкой длани, и даже Капитонъ рискнулъ пятакомъ, пробурчавъ что-то вродѣ того, что это, молъ, «миляга, изъ послѣднихъ, ей, ей, изъ послѣднихъ!» Принявъ мзду, дворникъ не замедлилъ совершить соотвѣтственный поступокъ: впустить всѣхъ во дворъ.

Очутившись, хотя и послѣднимъ, въ ряду стоявшихъ вдоль стѣны сосѣдняго дома конкуррентовъ, Капитонъ шумно, облегченно вздохнулъ. Онъ тотчасъ сообразилъ всѣ шансы своего

положенія; атлетъ по сложенію, головою выше всѣхъ, онъ и одѣтъ былъ въ тотъ «приличный» костюмъ деревенскаго мужика, который до сихъ поръ продолжаетъ импонировать на столичную власть и обывателя.

Гдѣ-то позади двора зазвонилъ колоколъ и вслѣдъ за нимъ послышался лошадиный топотъ: кучера и конюхи повели къ вагонамъ лошадей въ запряжкахъ.

Увидя такое количество лошадей, Капитонъ почувствовалъ, какъ сердце его взыграло радостью. Здѣсь, около его любимцевъ, было его настоящее мѣсто!

«Въ ногахъ буду валяться, а выпрошусь въ кучера, либо въ конюхи!» мысленно рѣшилъ Капитонъ,—ручки у начальника поцѣлую! Эка лошадушекъ-то! Вотъ тотъ, гнѣдой, словно какъ мой Бѣлогубый... Право! И голову также держитъ. Эхъ, ты, милый!

Лошади были впряжены въ вагоны, кондукторы и кучера стояли на мѣстахъ.

— Начальникъ, начальникъ идетъ!—пробѣжало въ ряду нанимавшихся.

— Гдѣ?

— Вонъ, толстый.. въ шляпѣ! Вонъ къ вагону подошелъ, старостѣ что-то показываетъ!

— А кто онъ такой будетъ?

— Кто? Дуракъ! Начальникъ, вотъ кто!

— Знаю, что начальникъ! Русскій, или нѣмецъ?

— А тебѣ не все равно?

— То-то что не все равно! Какъ его величать то? Русскій, такъ нужно «ваше превосходительство» говорить.

— Нѣмецъ, нѣмецъ начальникъ то... Не знаете нешто?

— Нѣмца-то ужъ не знаю какъ! «Ваша милость», что-ли?

— Ну, валяй, ребята, «ваша милость»...

Начался выпускъ вагоновъ, которые со звономъ выѣзжали со двора. Окруженный штатомъ своихъ служащихъ, начальникъ стоялъ, широко разставивъ ноги, съ толстой сигарой въ зубахъ, и смотрѣлъ на лошадей и управлявшихъ ими кучеровъ.

Когда послѣдній вагонъ вышелъ со двора, къ начальнику хлынула толпа искавшихъ мѣста. Первые подошли тѣ двое, которые здоровались съ дворникомъ; у обоихъ оборванцевъ были распухшія, испитыя лица, у одного еще не зажилъ синякъ подъ глазомъ.

— Ваша милость, заставьте Бога молить! въ голосъ заговорили оборванцы, какъ по командѣ сдернувъ шапки.

— Ню и што тибэ!—вопросилъ начальникъ.

— Въ кучера бы желательно!—робко заявилъ одинъ.

Начальникъ смѣрилъ его взглядомъ съ головы до ногъ.

— Кучира? Ти не годишся кучиръ!—отрѣзалъ онъ.

— Помилуйте, я въ кучерахъ служилъ!

— Не правда! Ти врешь! Ти тоже кочешь кучиръ? обратился начальникъ къ маленькому, тщедушному человѣчку, вынырнувшему изъ толпы съ обнаженной головой.

— Такъ точно, ваша милость!

— Ти рабонокъ, какой ти кучиръ! Не годишся!

— Позвольте хотя въ обтирщики!

— Хе!—усмѣхнулся начальникъ и помуслилъ сигару,—обтиршика. Намъ не надо обтиршикъ! Намъ такой пьаный народъ не годится! Ступайте!

— Помилуйте, ваша милость, за что же! Мы не пьяны!—заявилъ человѣкъ съ синякомъ подъ глазомъ.

— Ти не пьаный?—вплотную подошелъ къ нему начальникъ,—ти еще типерь пьаный, вотъ што я скажу! Ти водка вонашъ и грязный какъ субака и фонаръ полушилъ! Фуй!

— Это не фонарь, а лектричество!—усмѣхнулся человѣкъ съ синякомъ.

— Ти смѣошься, пьана морда! Намъ такой народъ не нужна! Ступай насѣ баляганъ!

Толпа разсмѣялась. Начальникъ повернулся спиной и, увидѣвъ Капитона, поманилъ его.

— Пачпортъ есть?—спросилъ онъ.

— Такъ точно! Есть!—отвѣчалъ оторопѣвшій Капитонъ.

— Ню, давай суда!

Капитонъ быстро выхватилъ изъ-за пазухи паспортъ и протянулъ начальнику. Руки его дрожали.

Начальникъ развернулъ паспортъ, посмотрѣлъ въ него и спросилъ:

— Военна служба служилъ?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, служилъ!—вытянулся по привычкѣ Капитонъ.

Послѣднее видимо понравилось начальнику.

— Ню, ми вазмомъ его!—повернулся онъ къ старостѣ.

— Какъ прикажете, Эдуардъ Карлычъ, въ конюхи, или въ кучера?

— Ти лошадь знаешь?—обратился начальникъ къ Капитону.

— Какъ же, помилуйте!—воскликнулъ тотъ,—я вѣдь въ кавалеріи служилъ, я лошадей люблю, страхъ какъ люблю, ваше высокоблагородіе!

— Ню, вазмомъ его кучира!—снова, какъ бы совѣтуясь, обратился начальникъ къ старостѣ.

— Какъ прикажете, Эдуардъ Карловичъ!

Начальникъ постоялъ, посмотрѣлъ на кончики ярко начищенныхъ ботинокъ и, вдругъ повернувшись, воззрился на коренастаго малаго въ кафтанѣ, лѣзшаго изъ толпы и всѣми силами старавшагося показаться ему на глаза.

— Ти слюжилъ! Я тебя гоналъ къ шорту!—обратился къ нему начальникъ.

— Никакъ нѣтъ съ, господинъ начальникъ! бойко отвѣчалъ тотъ.

— Врошъ! Ти слюжилъ!—настаивалъ начальникъ.

— Ей-Богу не служилъ! увѣрялъ малый,—провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ, лопни моя утроба! Господинъ начальникъ, явите бо.ескую милость, изъ деревни пріѣхалъ, три дня не ѣвши...

— Врошъ ти дуракъ! Такая тольста физіономи! Ти кушаль карашо и водка пиль! Хо, хо!

Объемистое брюшко начальника заколыхалось отъ смѣха, но паспортъ онъ у малаго все-таки взялъ и направился вглубь двора, гдѣ въ двухэтажномъ зданіи помѣщалась его квартира.

— Ваша милость! Господинъ начальникъ! возопила ринувшаяся за нимъ толпа.

— Не надо, не надо больша! крикнулъ начальникъ и, обратившись къ подвернувшемуся дворнику, приказалъ: гонай ихъ за ворота!

Толпа отстала и, одинъ по одному, разошлась. Капитонъ и коренастый малый шли за начальникомъ, соблюдая необходимую въ такихъ случаяхъ дистанцію. У самаго подъѣзда квартиры начальникъ повернулся и приказалъ старостѣ дать обоимъ нанятымъ форму и отправить ихъ на линію учиться.

Покуда подобрали въ кладовой форму, покуда роздали бляхи—времени прошло много, и только около часу дня Капитонъ отправился на линію. Тамъ онъ сталъ къ кучеру на переднюю площадку вагона и принялся ѣздить по одной улицѣ изъ конца въ конецъ, примѣчая пункты остановокъ, наблюдая какъ кучеръ дѣйствуетъ тормазомъ. Около четырехъ часовъ староста сказалъ ему, что онъ можетъ идти на станціи въ казарму и на завтра приготовиться въ настоящей, самостоятельной ѣздѣ.

Черезъ недѣлю Капитонъ былъ въ курсѣ дѣла. Всѣ кучера дѣлились на двѣ смѣны: до и послѣ обѣда, при чемъ ѣздившій до обѣда долженъ былъ ѣздить еще съ 6 часовъ вечера до конца движенія, а на другой день послѣ обѣда до 6. Досуга было достаточно, но такъ какъ служба на ногахъ сильно утомляла людей, то большинство предпочитало проводить досугъ въ казармѣ, на постеляхъ. Здѣсь народъ валялся на своихъ соломенникахъ въ одеждѣ и въ сапогахъ; нѣкоторые въ печкѣ жарили рыбу и картошку, кое кто тачалъ сапоги и очень немногіе ложа на койкѣ читали лубочныя «листовки». Иногда этихъ, такъ называемыхъ «свободныхъ» кучеровъ староста выгонялъ на дворъ для пріемки овса и сѣна. Лошадей чистили тоже кучера при помощи конюховъ, кормили же только одни кучера.

Всѣ кучера получали одинаковое жалованье, 18 рублей въ мѣсяцъ, при чемъ отъ каждаго отчислялось восемь рублей столовыхъ, которые поступали къ выбранному изъ среды кучеровъ артельщику, выдававшему уже отъ себя закупленный имъ провіантъ «маткѣ»—женщинѣ, обязавшейся кормить народъ. Если, по истеченіи мѣсяца, въ артельныхъ деньгахъ обнаруживался остатокъ, то этотъ остатокъ шелъ на общественный пропой.

На линіи всѣ кучера былъ трезвы, очень рѣдко приходилось смѣнять выпившаго, хотя пьянство, въ особенности въ праздничные дни, было порядочное. На слѣдующій день послѣ праздника на окнахъ казармы скоплялась цѣлая коллекція сороковокъ; изъ погреба приходилъ мальчикъ съ корзиной и забиралъ ихъ. Въ праздничные дни въ казармѣ въ двухъ, трехъ мѣстахъ визжали гармоники, поднимались пѣніе и плясъ, безпокоившіе живущую внизу семью начальника, но Эдуардъ Карловичъ, придя къ убѣжденію, что праздничное пьянство есть одна изъ незыблемыхъ свойствъ русскаго духа.

Вообще, наученный горькимъ опытомъ, онъ боялся вызывать общее раздраженіе и потому, тамъ гдѣ ему приходилось вести дѣло съ массой, всегда уступалъ и даже смирялся. Но за то въ единичныхъ случаяхъ онъ былъ безсмысленно требователенъ и строгъ.

Онъ представлялъ собою яркій образчикъ нѣмецкаго упорнаго человѣка. Стоило ему сдѣлать какое нибудь распоряженіе, ревнуя своему авторитету, онъ требовалъ его слѣпого, безусловнаго исполненія,—все равно было ли это распоряженіе разумно или нѣтъ. На Руси есть два сорта нѣмцевъ: мирныхъ и воинствующихъ. Первые—это тѣ, которые такъ или иначе стараются слиться съ русскимъ человѣкомъ, понять его духъ и примѣниться къ нему. Въ минуты сильнаго возбужденія они называютъ себя «кровавыми» или «кровяными» русскими, нѣкоторые, владѣющіе хорошо русскимъ языкомъ любятъ вставлять въ рѣчь простонародныя словечки, злоупотребляютъ пословицами и поговорками, въ восторгѣ отъ обычаевъ и обрядовъ, и даже пьютъ водку предпочтительно передъ другими напитками. И этихъ русскій человѣкъ любитъ. Онъ говоритъ: «Юлій Богданычъ» душа человѣкъ, ничего что нѣмецъ! Возьми-ко ты его! Справедливый человѣкъ,—душой не покривитъ. Аккуратность любитъ, чистоту,—не нашему брату чета! Разсчетомъ прижимать не станетъ,—заработалъ,—получай до копѣечки! Умница человѣкъ, у него и поучиться не грѣхъ! Съ Юліемъ Богданычемъ жить можно!

Воинствующій нѣмецъ—совсѣмъ другой. Онъ какъ скупецъ—всѣ свои сокровища таитъ про себя; пожалуй готовъ

еще подѣлиться ими со своимъ соотечественникомъ, но съ русскимъ—никогда. Русскій—для него синонимъ всѣхъ человѣческихъ недостатковъ. Даже относительно образованный нѣмецъ просто невыносимъ своей непомѣрной гордыней, своими заносчивостью и чванствомъ.

Къ числу такихъ воинствующихъ нѣмцевъ принадлежалъ Эдуардъ Карловичъ, и люди, несмотря на то, что нѣмецъ этотъ, въ сущности, былъ добродушный человѣкъ,—его не любили. Сквозь видимое выраженіе почитанія проглядывала молчаливая, затаенная ненависть. Чаще всего эту ненависть можно было наблюдать на тѣхъ, которые, провинившись въ чемъ нибудь, получали разсчетъ. Такъ какъ такому человѣку терять уже было нечего, заискивать незачѣмъ, то онъ прямо начиналъ съ дерзостей разсчитывавшему его начальнику, а кончалъ тѣмъ, что вытолкнутый дворникомъ за предѣлы станцій, долго стоялъ у воротъ, грозилъ кулакомъ и кричалъ:

— Я тебѣ покажу, нѣмецкая твоя душа! Я тебя укомплектую, Иродово сѣмя! Попадись ты мнѣ въ неуказанномъ мѣстѣ, попадись только!

Въ первый день своего поступленія на службу Капитонъ «за науку» долженъ былъ купить сороковку водки кучеру, съ которымъ ѣздилъ, вечеромъ этотъ же кучеръ потребовалъ еще, но остальные замѣтили, что такъ дѣлать не полагается, и «учитель» смирился.

Съ третьяго дня Капитонъ началъ ѣздить самостоятельно. Ему дали пару лошадей, которыхъ онъ обязанъ былъ кормить, чистить, словомъ соблюдать. Но объ этомъ нечего было говорить Капитону. Едва онъ почувствовалъ себя хозяиномъ пары коней, въ немъ проснулась его давнишняя любовь къ лошадямъ и онъ по цѣлымъ свободнымъ днямъ началъ проводить на конюшнѣ: то набьетъ полныя ясли сѣна, то подсыпаетъ щедрой рукой овсеца, а самъ стоитъ подлѣ и по часамъ любуется, какъ кушаетъ его скотинка.

Въ ѣздовые дни Капитонъ съ утра былъ хмуръ и неразговорчивъ, и вовсе не потому, что ему приходилось въ холодъ и дождь, покинувъ теплую казарму, стоять на передней площадкѣ вагона, зябнуть и мокнуть,—вовсе нѣтъ. Ко всѣмъ невзгодамъ собственнаго существованія Капитонъ привыкъ и обтерпѣлся, но онъ жалѣлъ лошадей. Эту работу онъ считалъ тяжелѣе и изнурительнѣе всѣхъ! Не говоря уже про то, что принужденная бѣжать по булыжнику лошадь очень скоро разбивала ноги, но на нее также вредно дѣйствовали частыя остановки на полномъ ходу. Недаромъ лошадь, стоившая 200 рублей, черезъ $1^1/_2$, 2 года такъ портила себѣ ноги, что не годилась больше для ѣзды по городу и принималась обратно барышникомъ за десять рублей.

Съ утра уже своего рабочаго дня Капитонъ начиналъ злиться: онъ злился на администрацію, не дающую должнаго отдыха лошадямъ, на извощиковъ, сующихся подъ конку, на публику, и въ особенности на дамъ, требующихъ остановки, тогда какъ вагонъ только что передъ этимъ былъ остановленъ, и радовался только задерживавшимъ движеніе войскамъ и похоронnымъ процессіямъ. Но такъ какъ и тѣ и другія представляли случайность, то Капитону приходилось больше злиться.

— Пропади всѣ совсѣмъ!—ворчалъ онъ, возвращаясь въ двѣнадцать часовъ ночи въ паркъ со своимъ вагономъ, — мучаютъ скотину—глядѣть страшно. Столько народищу въ Питерѣ,—всякъ въ конку наровитъ! Набьется народу—лошадямъ не вздвинуть! Сидѣли бы дома, черти!

Онъ распрягалъ лошадей, задавалъ имъ корму и, поглаживая по спинамъ, стараясь запримѣтить ссадину, въ отборныхъ ругательствахъ отводилъ душу, а на утро подходилъ на дворѣ къ начальнику и, снявъ шапку, жаловался:

— Мочи нѣтъ, Эдуардъ Карловичъ, лошадки устали! Вчера задалъ имъ корму—ѣдятъ плохо! Васька еще ничего, потому покрѣпче будетъ, а Гнѣдко совсѣмъ не ѣстъ. Только вздыхаетъ! Поведетъ на меня глазами, сердечный, и таково тяжело вздохнетъ.

Эдуардъ Карловичъ стоялъ съ сигарой въ зубахъ, раскорячивъ ноги, вылупивъ глаза, и ничего не понималъ.

Онъ вообще отличался полнѣйшимъ непониманіемъ ни народа, ни его образнаго языка, ни его душевнаго склада.

— Што ти кавришь?—переспрашивалъ онъ.

— Лошадки, говорю, очинно заморились!

— Саморился?—удивлялся Эддуардъ Карловичъ,—кто саморился?

— Лошадки... потому работа тяжелая!

— Глюпости! внезапно, какъ порохъ, вспыхивалъ Эдуардъ Карловичъ, — што ти мнэ! Што ти мнэ безпокойна дѣлаешь! Пошелъ вонъ! Ти дуракъ!

Затаивъ злобу, Капитонъ уходилъ. Иногда, когда онъ чувствовалъ себя особенно скверно, когда всѣ людскія несправедливости являлись передъ нимъ въ яркомъ освѣщеніи, онъ заходилъ въ кабакъ, единымъ духомъ выпивалъ сороковку и, завалившись на койку, старался забыться сномъ.

VII.

Прошла зима. Капитонъ постепенно пересталъ возмущаться людскими несправедливостями, — настолько уже онъ успѣлъ приглядѣться къ нимъ. На его глазахъ однихъ, смирныхъ, не

умѣвшихъ заступиться за себя, выгоняли со службы по пустякамъ, — съ другими, готовыми перервать горло — ничего не могли сдѣлать и оставляли служить; на его глазахъ съ линіи привезли лошадь съ обѣими сломанными ногами и животное промучилось сутки только потому, что начальника не было, а безъ него никто не смѣлъ пригласить контрагента. Эдуардъ Карловичъ необыкновенно ревниво оберегалъ свой авторитетъ начальника, хотя на него никто не покушался: уѣзжая со станціи на цѣлыя сутки, онъ старался сдѣлать такъ, что какъ будто всегда тутъ, что ему все извѣстно, что онъ au courant всего, что произошло на станціи. И нужно ему отдать справедливость,—продѣлывалъ онъ это необыкновенно ловко.

По прежнему соблюдая своихъ «лошадокъ», бесѣдуя съ ними и сообщая имъ вслухъ свои мысли по поводу дурного сѣна, неполнаго овса, мостовыхъ, извозчиковъ и пассажировъ «конки», Капитонъ въ сношеніяхъ съ людьми сдѣлался крайне угрюмымъ и несообщительнымъ. Выпадетъ свободный день,—онъ сядетъ къ своему шкафику, играющему также роль стола, разложитъ ножницы, нитки, кусочки матеріи и шьетъ себѣ что то втихомолку. Пригласятъ выпить —выпьетъ, поблагодаритъ и опять за работу. Случится, что у кого-нибудь изъ кучеровъ разорвется форменное пальто, не хочется тому идти внизъ къ портному, который бранится, что много и не во время приносятъ починки,—онъ обратится къ Капитону съ просьбой починить,—тотъ молча возьметъ вещь и починитъ.

Мало по малу слухъ о томъ, что среди кучеровъ объявился портной, дошелъ до ушей начальника, который только что разсчиталъ бывшаго портного, нашедшаго себѣ лучшій заработокъ. Этотъ лысый, хромой человѣкъ, обремененный семействомъ, получалъ всего 15 рублей въ мѣсяцъ и служилъ седьмой годъ, все мечтая о прибавкѣ, наконецъ, озлился, подыскалъ мѣсто съ большимъ жалованьемъ и ушелъ.

Эдуардъ Карловичъ велѣлъ привести къ себѣ Капитона.

— Ти портной? спросилъ онъ, недовѣрчиво смотря на того.

— Какой я портной! Деревенскій!—отвѣчалъ Капитонъ.

— Што такой деревенскій?

— Деревенскій!—подтвердилъ Капитонъ,—я шью худо, да и то что-нибудь попроще. Чинить могу.

— Ну, ти будешъ нашъ портной!—безапеляціонно рѣшилъ Эдуардъ Карловичъ,—шить ненада, понимаешь? Пуговица пришивать можешь?

— Это я могу! Только ослобоните, Эдуардъ Карловичъ,—не мое это дѣло!

— Глюпости! Ступай, когда я тибэ кавру!

Капитонъ пошелъ въ мастерскую, гдѣ уже сидѣли два шорника и чинили шлеи и хомуты.

— Гдѣ мнѣ тутъ сѣсть?—спросилъ Капитонъ,—начальникъ послалъ, портняжничать нужно.

— А садись вонъ за столъ, гдѣ Спиридоновъ сидѣлъ! отвѣчалъ молодой шорникъ,—съ новаго портного сороковку бы не мѣшало!

— Ладно, ужо!—неопредѣленно отвѣчалъ Капитонъ.

Стали появляться кучера съ починкой, нѣкоторые оставались не надолго посмотрѣть, какъ «орудуетъ» Капитонъ, иные не безъ зависти замѣчали:

— Въ новомъ чинѣ теперь нашъ Капитонъ,—теперь ходи къ нему да кланяйся, какъ къ тому... Спиридонову.

— Онъ своихъ уважитъ!

— Уважитъ онъ тебя, какъ же!

— А что я вамъ, братцы, скажу!—началъ одинъ старикъ-кучеръ,—любовное это дѣло, ежели рукомесло знаешь! Той человѣкъ не пропадетъ, нѣ-ѣтъ! Хлѣбъ то онъ у него вонъ гдѣ, въ ру-у-кахъ!

— А у тебя онъ гдѣ?—спросилъ молодой шорникъ, котораго всѣ звали по фамиліи—Скалкинъ.

— У меня?—озадачился кучеръ,—я что... я кучеръ!

— У тебя тоже въ рукахъ! Дергаешь, поди, лошадей-то! разрѣшилъ его недоумѣнія Скалкинъ.

— Надергаешься за день-то!—сердито огрызнулся кучеръ,—ты пошелъ бы, подергалъ! Погода то вонъ она какая!—указалъ онъ въ окно на моросившій дождь,—пріѣдешь—нитки сухой на тебѣ нѣтъ, не знаешь, какъ пальто казенное высушить, а ты сиди себѣ въ теплѣ, въ сухотѣ, ковыряй шиломъ да постукивай молоточкомъ.

— Эхъ, братцы! вздохнулъ кто-то,—у всякаго своя сухота! Пойдемте, что-ли!

Каждый день Капитона закидывали починками; съ семи часовъ утра появлялся народъ, кому нужно было пришить вырванныя съ сукномъ пуговицы, кому зашить прорѣху, кому вставить цѣлый кусокъ матеріи.

Капитонъ терпѣлъ недѣлю, наконецъ началъ ругаться.

— Ладно, положь! говорилъ онъ пришедшему съ починкой кучеру.

— Чего «положь»! Мнѣ сейчасъ надо!

— Загорѣлось? Положь, говорю!

— Ничего не «положь»! Мнѣ сейчасъ ѣхать надо!

— А гдѣ ты былъ раньше?

— Я и такъ рано пришелъ!

— А тутъ еще раньше тебя пришли! Управлюсь, за тебя примусь!

— Мнѣ сейчасъ надо! Ишь расположховано! Начальникъ увидитъ.

— Не рви!

— Чего не рвать, коли все гнилое!

— Ну, ладно, ладно, не разговаривай! Положь, послѣ обѣда будетъ готовъ!

— А въ чемъ я поѣду! Я къ начальнику пойду!

— Ну, и ступай!

— Чортъ мордастый! Вправо чортъ! ругался кучеръ и, захвативъ пальто, уходилъ.

И такъ каждый день. Капитону уже начинало надоѣдать его новое положеніе. Оба шорника разгоняли скуку разговорами, въ которыхъ молчаливый отъ природы и малосвѣдущій Капитонъ не принималъ участія. Затѣвался, напримѣръ, разговоръ о томъ, что японцы непремѣнно «нашпарятъ» китайцевъ, — а Капитонъ отродясь не слыхалъ о существованіи такихъ народовъ.

— У нихъ морскія силы хороши! Англичанину не уступятъ!—авторитетно заявлялъ Скалкинъ,—а у китайцевъ ружья то вонъ въ газетахъ пишутъ,—изъ папки!

— Неужто?—удивлялся Кошкинъ,—шорникъ постарше,—развѣ пишутъ?

— Пишутъ! Самъ читалъ! А и народъ же эти китайцы: мышей жрутъ!

Капитонъ ничего не говорилъ, ни слова, только сомнительно покачивалъ головой. Не вѣрилось ему, чтобы въ газетахъ писали такой вздоръ, будто у какихъ то тамъ китайцевъ ружья были изъ папки, и свѣдѣніе о томъ, что китайцы ѣдятъ мышей, онъ считалъ просто выдумкой Скалкина.

Только однажды онъ съ интересомъ прислушался, какъ Скалкинъ разсказывалъ о представленіи въ циркѣ, на которомъ тотъ былъ наканунѣ, а когда дѣло дошло до описанія борьбы атлетовъ, то даже приподнялъ голову и спросилъ:

— А какъ же они борятся?

— Какъ борятся? Выйдутъ, возьмутся за кушаки, ну значитъ кто кого повалитъ!

— За кушаки?—переспросилъ Капитонъ,—а не по нашему, значитъ, въ обхватку?

— У нихъ борьба швейцарская!

— Какая?—переспросилъ Капитонъ.

— Швейцарская!

«Должно быть тоже народъ какой?»—подумалъ Капитонъ, но спросить не рѣшился.

— И долженъ онъ его непремѣнно положить на спину!

— На спину?—спросилъ Капитонъ.

— Безпремѣнно! Это ужъ правило такое! На животъ или на бокъ положить—ничего не выйдетъ! Не по правиламъ!

— Ишь ты! —удивился Капитонъ, —тоже, поди-ко-сь, наука!

— А какъ же!

— И деньги имъ за это платятъ?

— Конечно платятъ! Даромъ никто не станетъ ломаться.

— Это точно!—подтвердилъ Капитонъ.

Съ наступленіемъ весеннихъ дней, Капитонъ началъ скучать. Не то, чтобы это была скука по деревнѣ или близкимъ, оставленнымъ въ ней людямъ,—нѣтъ, деревня не манила Капитона и не по комъ было скучать. Капитонъ самъ не понималъ причины своей тоски,—такъ что то, безъ всякаго повода томило что то на душѣ, точно нарывъ въ ней назрѣвалъ. Подумалъ Капитонъ, что скучаетъ по лошадямъ, сходилъ на конюшню, посмотрѣлъ на своихъ коней, тѣ узнали его, повернули головы, уши насторожили.

— Эхъ, вы, соколики! — сказалъ Капитонъ, — какъ вы у него у подлеца зашелудивили! Васька холку набилъ! Вонъ бугоръ то какой! Худо вамъ безъ хозяина, сердечные!

Васька фыркнулъ, какъ бы хотѣлъ сказать: «правда твоя,—худо»! и обѣ лошади протянули къ нему морды.

Капитонъ подержалъ на плечѣ морду Васьки, поласкалъ его, покормилъ взятымъ съ собою хлѣбомъ, потомъ перешелъ къ Гнѣдко, морду того положилъ себѣ на плечо, тоже поласкалъ, скормилъ остатокъ хлѣба и ушелъ съ твердымъ намѣреніемъ бросить портняжество и попроситься назадъ, въ кучера.

На слѣдующее утро онъ даже и не заглянулъ въ мастерскую и остался на дворѣ, въ ожиданіи выхода начальника; онъ былъ убѣжденъ, что переходъ его въ прежнее состояніе совершится безъ помѣхи.

Эдуардъ Карловичъ вышелъ съ обычной сигарой въ зубахъ. Увидя Капитона, стоявшаго, по обыкновенію, безъ шапки, начальникъ прямо пошелъ на него.

— Ты што? Зачиво не работаешь?

Капитонъ улыбнулся въ предвкушеніи удовольствія, которое онъ разсчитывалъ получить: сейчасъ, на его отвѣтъ, начальникъ скажетъ ему: ступай, молъ, на конюшню и получай своихъ лошадей!

— Позвольте мнѣ, Эдуардъ Карловичъ, опять въ кучера!—отвѣтилъ Капитонъ.

— Што?—воскликнулъ тотъ, багровѣя,—што такое?

— Мнѣ желательно, значитъ, опять въ кучера!

— Ти смѣешся! Ти болванъ!

— Нисколько не смѣюсь, Эдуардъ Карловичъ, помилуйте!—оробѣлъ Капитонъ,—а только, значитъ, какъ я кучеръ...

— Неправда!—потрясъ головою начальникъ,—ти портной! Ступай на своя мѣста!

— Я не желаю быть портнымъ, помилуйте!

— А! Ти не желаешь! Я желаю, ти не желаешь! Ти кочешь меня учиться, а?—прищурился начальникъ,—я тибэ будитъ учиться! Я тибэ будетъ показать, кто поваръ, кто казяинъ!

— Воля ваша, я портнымъ быть не желаю!—упорствовалъ Капитонъ.

— Сту-пай на сво-я мѣс-та-а!—закричалъ начальникъ, толкая Капитона въ грудь и не будучи въ силахъ даже покачнуть его.

— Зачѣмъ толкаться, Эдуардъ Карловичъ!

— А! ти кочешь шкандалъ сдѣлать! Ти гробьянъ! Пошелъ къ шорту!

— Никакого скандала я не дѣлаю, я прошусь въ кучера!—отвѣчалъ Капитонъ,—я вѣдь кучеръ!

— Ти портной! Я тибэ ни позволяйть кучиръ! Не кочешь портной,—пошоль вонъ. Намъ такой народъ негодится! Получай расшетъ!

— За что же, помилуйте! Позвольте мнѣ въ кучера!

— Мнэ нэ надо кучиръ! Я тибэ будитъ давать расшетъ и гонать за ворота! Гробьянъ!

Начальникъ повернулся и пошелъ въ подъѣздъ. Капитонъ слѣдовалъ за нимъ безъ шапки, упрашивая взять его въ кучера. Затѣмъ онъ началъ проситься хоть въ конюхи, но все было напрасно: ограниченный человѣкъ, какъ быкъ, уперся въ стѣну лбомъ и не хотѣлъ слушать никакихъ доводовъ. Съ Эдуардомъ Карловичемъ это бывало постоянно: какъ бы ни нелѣпы были его дѣйствія и распоряженія, онъ ихъ никогда не отмѣнялъ, стоялъ на своемъ.

Вечеромъ Капитонъ получилъ разсчетъ, уложилъ свое имущество въ мѣшокъ, взвалилъ его на плечи и направился къ Обводному каналу съ намѣреніемъ навѣстить Никиту Иваныча, у котораго не былъ со дня поступленія на конку.

(Продолженіе слѣдуетъ).

К. Баранцевичъ.

Основная тенденція древнерусскаго Домостроя.

Домострой по справедливости признается однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи XVI вѣка. Историческая литература весьма широко пользовалась заключающимися въ немъ данными для самыхъ разнообразныхъ цѣлей. Приходится сознаться, однако, что научная эксплоатація этихъ данныхъ не опиралась на какія-либо устойчивыя, критически обоснованныя точки зрѣнія относительно общаго значенія Домостроя, какъ историческаго памятника.

Къ какой категоріи литературныхъ памятниковъ долженъ быть отнесенъ Домострой, въ какомъ отношеніи мы должны особенно цѣнить его показанія—вотъ пункты, на которые, какъ намъ кажется, критическій анализъ памятника не далъ еще своего окончательнаго отвѣта, и вотъ почему—далѣе еще не опредѣленъ точно тотъ кругъ вопросовъ, при разрѣшеніи которыхъ вполнѣ законно пользованіе данными Домостроя. Отсюда получились два совершенно противоположныя, но въ тоже время одинаково нежелательныя послѣдствія. Съ одной стороны, изслѣдователи невольно злоупотребляли Домостроемъ, какъ историческимъ источникомъ, брали изъ него то, чего тамъ не было; съ другой стороны, они незаслуженно игнорировали тотъ-же источникъ, какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ могъ представить въ распоряженіе изслѣдователя въ высшей степени цѣнный, никѣмъ еще въ немъ не затронутый матеріалъ.

Нѣкоторое время въ литературѣ по отношенію къ Домострою установился и теперь еще не совсѣмъ безслѣдно исчезнувшій популярный предразсудокъ. Въ Домостроѣ хотѣли видѣть прежде всего точное воспроизведеніе подлинныхъ типичныхъ чертъ современной этому памятнику русской дѣйствительности. Цѣлыми пригоршнями черпали отсюда благодарный матеріалъ для изображенія интимнаго домашняго обихода нашихъ предковъ XVI—XVII вв. Съ помощью Домостроя мы привыкали представлять себѣ этотъ обиходъ въ формѣ чиннаго, строго размѣреннаго, нерѣдко суроваго, но всегда послѣдовательно проведеннаго ритуала, въ рамкахъ котораго жизнь протекала, какъ по нотамъ, по разъ на всегда составленному и освященному вѣковымъ обычаемъ росписанію. Неразлучной съ на-

шими обычными представленіями о до-петровской Руси картиной патріархальной семьи мы въ значительнѣйшей степени обязаны знакомству съ Домостроемъ. Автора (или авторовъ) Домостроя цѣнили прежде всего, какъ художника-жанриста, предвосхитившаго выраженную въ «Евгеніи Онѣгинѣ» литературную мечту Пушкина безпритязательно описать «простое русское семейство».

Между тѣмъ, даже и безъ особыхъ усилій вниманія, изъ текста Домостроя можно извлечь иное отношеніе къ значенію нарисованныхъ въ немъ бытовыхъ картинъ, иной взглядъ и на общій смыслъ всего памятника. Это произведеніе не описательное, а дидактическое. Авторъ постоянно становится въ оппозицію къ окружающей его дѣйствительности. Его цѣль—реформировать современный ему жизненный складъ. Его трактатъ—рядъ предписаній, вытекающихъ изъ нѣкотораго цѣльнаго отвлеченнаго идеала. Большинство этихъ предписаній снабжены оговорками, какъ нельзя болѣе убѣждающими внимательнаго читателя въ томъ, что подлинная жизнь—по убѣжденію самого автора—стоитъ ниже его идеала, враждебна основнымъ чертамъ послѣдняго. Безспорно, многія краски нарисованной въ Домостроѣ картины цѣликомъ заимствованы изъ обыденной дѣйствительности того времени; изображеніе хозяйственнаго обихода семьи, всѣ эти до педантизма обстоятельныя исчисленія съѣстныхъ припасовъ, столовыхъ кушаній, хозяйственныхъ пріемовъ и т. п. несомнѣнно списаны съ подлиннаго домостроительнаго опыта людей того времени; въ нихъ слишкомъ много непосредственной жизненности, тѣхъ ничтожныхъ мелочей, незначительныхъ деталей, которыя на каждомъ шагу создаются житейской практикой, сразу переносятъ читателя въ атмосферу домашнихъ будень. Но впечатлѣніе тотчасъ мѣняется, какъ только мы переходимъ отъ описанія матеріальной семейной обстановки къ тому, что составляетъ главный нервъ семейной жизни—къ изображенію взаимныхъ отношеній живущихъ въ этой обстановкѣ людей: членовъ семьи и домашней челяди. Здѣсь Домострой уже не фотографируетъ, а поучаетъ и обличаетъ.—Между строкъ его суровыхъ предписаній, налагающихъ строгія рамки на всѣ проявленія частной жизни, превращающихъ жизнь въ сплошной обрядъ—мы постоянно читаемъ о другомъ жизненномъ складѣ, незнающемъ никакихъ сдержекъ, представляющемъ полную свободу къ безпрепятственному обнаруженію примитивныхъ инстинктовъ.—Домострой можетъ оказаться надежнымъ источникомъ для изображенія частной жизни нашихъ предковъ, но только въ томъ случаѣ, если мы выберемъ изъ него не то, что онъ рекомендуетъ, а то, что онъ порицаетъ, чего онъ совѣтуетъ избѣгать. Рядомъ съ положительными житейскими правилами Домострой гораздо подробнѣе описываетъ отрицательныя отъ нихъ отклоненія. Эти-то оговорки—драгоцѣнный матеріалъ для бытового историка, на нихъ ярко отпечатлѣлись живыя, непосредственныя наблюденія. Когда Домострой предписываетъ мужу наказывать свою

жену вѣжливо, плетью, наединѣ, а не передъ людьми и не бить ее за всякую вину «по уху, по видѣнью, подъ сердце кулакомъ, пинкомъ, посохомъ желѣзнымъ», вызывая тѣмъ членовредительство и увѣчье, то намъ ясно, какими фактами повседневности вызвано это предписаніе: битье по уху, по видѣнью, подъ сердце и т. п. и было заурядным явленіемъ, вызвавшимъ протестъ Домостроя. Подобныя оговорки встрѣчаются на каждомъ шагу при чтеніи Домостроя. Очевидно, онѣ не случайны и ихъ частое, неуклонное повтореніе приводитъ къ убѣжденію, что навѣваемыя ими впечатлѣнія имѣютъ силу не только по отношенію къ отдѣльнымъ мѣстамъ и указаніямъ памятника, но и ко всему памятнику, во всей его совокупности. Не только единичныя предписанія, попавшія въ Домострой, но и общая картина семейной жизни, общая схема домостроительства, слагающаяся изъ этихъ единичныхъ предписаній, должна быть разсматриваема не какъ воспроизведеніе дѣйствительной жизни, а какъ идеалъ, ріа desideria тѣхъ общественныхъ и литературныхъ слоевъ, изъ среды которыхъ вышелъ Домострой.— Изложенная точка зрѣнія можетъ быть признана въ настоящее время господствующей. Ее раздѣляетъ большинство изслѣдователей, или спеціально изучавшихъ Домострой или пользовавшихся имъ для тѣхъ или иныхъ цѣлей. Назовемъ только наиболѣе авторитетныя имена Буслаева, К. Аксакова, Соловьева, Забѣлина.

Сущность выраженныхъ ими взглядовъ сводится къ тому, что въ предписаніяхъ Домостроя формулированы идеальныя, теоретическія воззрѣнія того времени на нормальный строй семьи, обусловливающій семейное счастье, воззрѣнія, далеко не осуществлявшіяся въ жизни, но тѣмъ не менѣе постоянно обращавшіяся въ общественномъ сознаніи, составившія, такъ сказать, неотъемлемую часть умственнаго и нравственнаго капитала, нажитаго русскимъ обществомъ къ XVI вѣку.

Впрочемъ, изъ поименованныхъ выше писателей одинъ К. Аксаковъ занялъ нѣсколько особое мѣсто. Онъ находилъ еще возможнымъ приписывать весь Домострой перу одного Сильвестра и, отмѣчая съ особеннымъ удареніемъ теоретичность этого произведенія, отказывался признать выраженныя въ немъ воззрѣнія воззрѣніями общенародными. Тогда какъ г. Забѣлинъ говоритъ о Домостроѣ: «Здѣсь выражалась не личность, а все общество» *), а Соловьевъ замѣчаетъ: «вотъ идеалъ семейной жизни, какъ онъ былъ созданъ древнимъ русскимъ обществомъ» **), К. Аксаковъ думаетъ иначе: «это воззрѣнія и желанія Сильвестра, говоритъ онъ, его личныя желанія и воззрѣнія, или, пожалуй, вообще духовнаго лица того времени, но это нисколько не желанія и не взглядъ народа» ***).

---

*) Домашній бытъ русскихъ царицъ.

**) Исторія Россіи, т. VII.

***) Сочиненія, т. I.

Какъ бы то ни было, всѣ поименованные писатели безъ исключенія согласны въ томъ положеніи, что Домострой, взятый въ цѣломъ,—плодъ теоріи, а не итогъ житейской практики.

Мы считаемъ этотъ взглядъ весьма важнымъ пріобрѣтеніемъ въ исторіи разработки нашего вопроса. Но если Домострой-теоретическій трактатъ, если въ основѣ его лежитъ нѣкоторая объединяющая руководящая *тенденція*, то тотчасъ же является вопросъ, къ какому направленію общественной мысли того времени примыкаетъ эта основная его тенденція. Разъ передъ нами не художественное воспроизведеніе жизни, а публицистическое освѣщеніе извѣстной идеи, для насъ важно опредѣлить, съ публицистами какого лагеря имѣемъ мы дѣло въ данномъ случаѣ. Намъ говорятъ (Забѣлинъ, Соловьевъ, Порфирьевъ), что это не партійный памфлетъ, а всеобъемлющій сводъ, кодексъ общерусскаго, національнаго міросозерцанія, какъ оно успѣло назрѣть и опредѣлиться къ XVI вѣку. Мы не можемъ удовлетвориться такимъ отвѣтомъ, когда дѣло идетъ о теоретическомъ трактатѣ XVI вѣка. Мы не раздѣляемъ популярнаго воззрѣнія на литературное движеніе XVI вѣка, какъ на движеніе по существу компилятивное, стремившееся кодифицировать накопленное вѣками богатство прожитаго опыта. Условія времени ни мало не благопріятствовали для установленія такого направленія въ тогдашней литературѣ. То было время глубокаго раздвоенія и интересовъ и воззрѣній. Россія переживала страшный кризисъ, сопровождавшійся во всѣхъ сферахъ жизни острыми, болѣзненными потрясеніями. Вездѣ кипѣли жизнь и страсти. На первомъ планѣ стояли вопросы политическіе. Наступалъ послѣдній актъ давнишней, хотя и не равной борьбы двухъ діаметрально противоположныхъ политическихъ укладовъ: московское правительство, докончивъ дѣло объединенія Руси, цѣлымъ рядомъ органическихъ реформъ выбивало изъ выросшаго въ удѣльныхъ преданіяхъ общества его еще не угасшія удѣльныя традиціи. Но за этими столкнувшимися политическими программами стояли цѣлыя міросозерцанія, столь-же враждебныя другъ другу по духу и также подводившія теперь окончательные счеты своей продолжительной распрѣ. Рука объ руку съ московскимъ правительствомъ и группировавшимися около него политическими элементами вела свою линію партія іосифлянъ, вносившая [illegible] же начала нетерпимой регламентаціи и всеобщей нивеллировки въ обсужденіе вопросовъ церковной политики, религіозной догматики и соціально-экономическаго быта. Противниками іосифлянъ выступали заволжцы, примыкавшіе по своимъ симпатіямъ и личнымъ связямъ къ слоямъ тогдашней политической оппозиціи. По всѣмъ вопросамъ, по всѣмъ пунктамъ заволжцы высказывали воззрѣнія, діаметрально противоположныя іосифлянской доктринѣ.

Эти два міровоззрѣнія исключали другъ друга. Между ними не могло установиться никакого компромисса. Такъ раздвигались перво-

начальныя рамки борьбы. Антагонизмъ слишкомъ глубоко въѣдался внутрь тогдашняго общества, захватывая на ряду съ политическими вопросами основные вопросы всего народнаго міросозерцанія Уже по одному этому странно было бы ожидать отъ XVI вѣка сознательныхъ попытокъ систематической кодификаціи этого міросозерцанія. Для такой кодификаціи просто не было еще и матеріала. Общественная мысль находилась въ состояніи возбужденнаго броженія. Въ общей сутолокѣ противорѣчивыхъ идей не легко было выдѣлить въ то время какой либо общепризнанный осадокъ непреложныхъ воззрѣній, который могъ-бы послужить удобнымъ матеріаломъ для всепримиряющей кодификаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, текущая партійная борьба должна была отвлекать въ другую сторону наличныя литературныя силы.

Литература того времени носила по преимуществу *полемическій* характеръ. Въ то время, какъ орудіями политической борьбы являлись съ одной стороны—террористическія преслѣдованія и органическія реформы, а съ другой—политическія демонстраціи и протесты, культурная борьба двухъ направленій общественной мысли выражалась, какъ всегда, въ литературной полемикѣ. Взаимные счеты двухъ враждебныхъ партій постоянно ставили ребромъ животрепещущіе вопросы, требовавшіе немедленнаго разрѣшенія и отвѣта съ точки зрѣнія того или другого направленія. Это вырабатывало въ литературныхъ дѣятеляхъ эпохи способности и наклонности публицистовъ.

Памфлетъ—вотъ излюбленная литературная форма писателей того времени. Желая охарактеризовать преобладающія литературныя теченія конца XV-го и первой половины XVI-го вѣка, указываютъ обыкновенно на Макарьевскія Минеи, какъ на самое крупное и громкое литературное предпріятіе несомнѣнно кодификаціоннаго характера. Въ предполагаемыхъ мотивахъ этого литературнаго предпріятія, въ формѣ его осуществленія ищутъ отраженія руководящихъ тенденцій тогдашней мысли и затѣмъ утверждаютъ, что эпоха Макарьевскихъ Миней, Степенной книги, Стоглава, Домостроя не можетъ быть признана временемъ творческихъ побѣговъ дѣятельной мысли, это было время остановки литературнаго развитія, когда люди жили однимъ прошлымъ, когда насущныя задачи литературы ограничивались механическимъ сводомъ наросшаго ранѣе запаса идей и фактовъ. Такимъ образомъ, наряду съ Минеями проявленіемъ того-же господствующаго въ то время компилятивнаго теченія считается Домострой, какъ сводъ вѣковой домостроительной мудрости предковъ, какъ показатель безсилія тогдашней литературы открыть какіе либо новые горизонты, поднять какіе либо свѣжіе вопросы.

Мы думаемъ, однако, что не только Домострой, но даже и самыя Макарьевскія Минеи являются литературными фактами совершенно иного порядка. Въ нашихъ глазахъ Минеи, Домострой, Степенная

книга не только не заслоняютъ собою цѣлаго ряда чисто публицистическихъ, боевыхъ, такъ сказать, памфлетовъ, которыми отмѣчена разсматриваемая эпоха (Просвѣтитель, заволжскіе отвѣты, Вассіановскія посланія, политическія посланія Максима Грека, письма Грознаго и Курбскаго, Валаамская бесѣда и т. д.), но сами могутъ быть удовлетворительно поняты и оцѣнены только въ связи съ этой полемической литературой, къ которой—думается намъ—они непосредственно примыкаютъ.

Тщательный анализъ тогдашней партійной борьбы и тѣхъ маневровъ, къ которымъ прибѣгали боровшіяся партіи, долженъ привести къ тому выводу, что форма крупной литературной компиляціи сама по себѣ, на-ряду съ памфлетомъ, являлась въ то время однимъ изъ литературныхъ орудій текущей борьбы. Достаточно отмѣтить, что всѣ эти компиляціи—вовсе не безличный сводъ даннаго матерьяла, всѣ онѣ болѣе или менѣе тенденціозны. Форма свода—это лишь внѣшняя и притомъ умышленно избранная личина, за которой искусно спрятана нѣкоторая руководящая идея. Такъ называемое «компилятивное или кодификаціонное» теченіе литературы того времени характеризуетъ, такимъ образомъ, не общій уровень тогдашней мысли, а лишь извѣстный стратегическій планъ одной изъ враждебныхъ другъ другу партій. Въ самомъ дѣлѣ, партія московскаго самодержавія для наиболѣе вѣрнаго пораженія своихъ политическихъ противниковъ очень скоро заняла своеобразную и весьма остроумно избранную позицію: защитники только что народившейся въ Москвѣ власти усиленно стали выдавать защищаемыя ими новыя политическія формы за изстаринные и исконные факты русской жизни.

Дѣло, прикончившее удѣльный порядокъ, представлялось теперь реставраціей далекой русской старины. Недавно добытый успѣхъ въ сферѣ практической политики старались теперь теоретически оправдать ссылками на данныя исторіи, причемъ, конечно, отнюдь не думали церемониться съ исторической правдой. Перо закрѣпляло теперь успѣхи оружія. Усерліемъ литературныхъ оффиціозовъ московскій порядокъ былъ представляемъ носителемъ вѣчныхъ національныхъ основъ русской жизни, временно искаженныхъ въ эпоху политическаго раздробленія Руси тѣми удѣльными правительствами, которыя только что поплатились за это политической смертью. Историческая компиляція являлась самой подходящей литературной формой для пропаганды подобныхъ воззрѣній. Но въ эту форму исторической компиляціи вкладывался на самомъ дѣлѣ тенденціозно подогнанный матерьялъ. Между тѣмъ, внѣшняя форма *свода*, въ которую облекались подходящія легенды и сказанія, должна была отвести читателю глаза, убѣдить его въ томъ, что онъ стоитъ лицомъ къ лицу съ подлинной русской стариной. Именно такъ возникла Степенная книга, по формѣ—лѣтописный сводъ, по сущности—политическій памфлетъ. Здѣсь мы встрѣчаемся прежде всего

съ легендой о пророчествѣ ап. Андрея въ той позднѣйшей ея редакціи, которая къ предсказанію о появленіи въ Россіи христіанства присоединяетъ и другое предсказаніе объ укрѣпленіи въ Россіи «державнаго скиѳетроправленія». Далѣе, водвореніе въ Россіи Рюрикова княжескаго дома представляется, какъ осуществленіе этого пророчества. Самъ Рюрикъ—потомокъ кесаря Августа по линіи Пруса. Рюрикъ, Игорь называются не иначе, какъ самодержцами. Когда Святославъ отказывается принять крещеніе, ссылаясь на мнѣніе дружины, Ольга въ удивленіи спрашиваетъ его: «кто же можетъ противиться твоему самодержавству?» Наконецъ, въ-третьихъ, московское государство представлено здѣсь прямо, какъ реставрація глубокой старины. Послѣдняя идея подчеркнута особенно усердно. Въ этомъ отношеніи наиболѣе важна глава Степенной книги, носящая заголовокъ: «О московскомъ господоначальствѣ». Здѣсь читаемъ: «Вел. князь Юрій Владиміровичъ (Долгорукій), въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ господствуя, обновляя въ немъ первоначальное скиѳетродержаніе благочестиваго Царствія, идѣ же нынѣ благородное ихъ сѣмя царское преславно царствуютъ, десницею Божественнаго Промысла укрѣпляеми»... *)

Вся Степенная книга—ничто иное, какъ попытка приноровить къ конкретному историческому матеріалу отмѣченныя идеи. Вотъ—типичная иллюстрація къ истинному характеру и значенію того кодификаціоннаго теченія, которое считаютъ господствующимъ въ литературѣ XVI вѣка.

Тѣ же пріемы литературной стратегіи, повидимому, лежали въ основѣ и другихъ литературныхъ предпріятій, касавшихся вопросовъ не политическаго, а обще-культурнаго характера. И здѣсь изъ подъ оболочки безстрастнаго *свода* выглядываютъ иногда партійныя тенденціи. Мы не имѣемъ еще научной разработки Макарьевскихъ Четьи-Миней. Можетъ быть, такая разработка явственно вскрыла бы нѣкоторыя руководящія тенденціи и въ этомъ литературномъ памятникѣ. По крайней мѣрѣ, можно указать теперь же на нѣкоторыя общія черты, позволяющія надѣяться на подобныя открытія. Душа предпріятія—митрополитъ Макарій былъ правовѣрнымъ іосифлянином. Господствовавшая среди іосифлянъ замѣчательная партійная дрессировка служитъ намъ надежнымъ ручательствомъ строгой согласованности всѣхъ его мѣропріятій съ духомъ воззрѣній іосифлянской школы. По внѣшности, Четьи-Минеи — энциклопедія русской письменности. По категорическому заявленію составителей, цѣль предпріятія—«собрать всѣ книги, находящіяся въ русской землѣ». Итакъ, на первомъ планѣ—количество, а не качество, полнота собранія, а не выдержанность его общаго стиля. Но разсмотрѣніе Степенной книги (составленіемъ которой мы обязаны, кстати, предпріимчивости того же митрополита

*) Книга Степенная. М. 1775. ч. I. стр. 250.

Макарія) предостережетъ насъ отъ вполнѣ довѣрчиваго отношенія къ заявленіямъ компилятора. Нѣкоторыя наблюденія—въ ожиданіи дальнѣйшей разработки занимающаго насъ памятника—еще болѣе укрѣпятъ нашу осторожность. Компиляція сопровождалась тщательнымъ редактированіемъ текста. Всѣ включенныя въ Четьи-Минеи житія выдержаны въ *единообразномъ стилѣ*, подведены подъ общій шаблонъ витіеватой книжной рѣчи. Изъ нѣсколькихъ редакцій житія для Четьи-Миней всегда выбиралась болѣе украшенная *). Наконецъ, самая мысль пропагандировать именно *житія* должна была вытечь изъ общаго склада іосифлянскихъ воззрѣній. Житіе, какъ особый видъ письменности, наиболѣе подходитъ по своимъ внутреннимъ качествамъ къ строю іосифлянскаго міросозерцанія. Житіе стираетъ индивидуальныя черты своего героя, беретъ только тѣ стороны жизни лица, которыя подходятъ подъ извѣстную норму, отражаютъ извѣстный стереотипный идеалъ. Лица всѣхъ житій сливаются въ одинъ образъ, трудно подмѣтить въ нихъ особенности каждаго **). Это такое же всенивеллирующее условное творчество, какъ и старинная церковная иконопись. Все это, какъ нельзя болѣе, совпадаетъ съ идеями іосифлянской школы, въ которой цѣнилась не личность, а дрессировка, не характеры, а дисциплинарныя нормы, не индивидуальная самодѣятельность, а начала безусловной регламентаціи. Симпатія іосифлянина къ литературному жанру такого рода понятна. Но іосифлянинъ шелъ дальше. Объявляя, что его Четьи-Минеи есть собраніе «всѣхъ книгъ», находящихся въ русской землѣ», онъ стремился доказать этимъ, что вся русская письменность цѣликомъ и исключительно проникнута духомъ и воззрѣніями его партіи, его школы, идеалы которой совпадаютъ съ національными идеалами русскаго народа. Заслоняя «житіемъ» другія литературныя теченія прошлаго, составитель Четьи-Миней какъ бы утверждалъ тѣмъ самымъ, что разногласіе съ воззрѣніями его школы есть въ то же время измѣна національному русскому міровоззрѣнію, которое сплошь состоитъ изъ однихъ іосифлянскихъ тенденцій...

Итакъ, господствующеее литературное теченіе XVI-го вѣка не было механически-компилятивнымъ, оно было по существу полемическое, боевое. Оно не резюмировало продуктовъ старины, оно стремилось искусственно придать видъ старины новымъ вѣяніямъ, порожденнымъ перипетіями текущей политической жизни и партійной борьбы.

Намъ предстоитъ теперь установить отношеніе Домостроя къ только что охарактеризованному общему тону тогдашней литературы. Стоитъ ли этотъ памятникъ совершенно одиноко, какъ без-

*) Проф. Ключевскій. «Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ».

**) Ibid.

притязательная жанровая картина быта, чуждая вопросамъ, волновавшимъ въ то время общественныя партіи, или и въ Домостроѣ можно вскрыть опредѣленные отголоски тогдашнихъ партійныхъ программъ?

До сихъ поръ не было предпринято попытки вскрыть общественныя, политическія идеи Домостроя. Мало того, въ литературѣ были высказываемы категорическія утвержденія, что Домострой совершенно чуждъ политикѣ. Г. Хлѣбниковъ, сопоставляя Поученіе Владиміра Мономаха съ Домостроемъ, полагаетъ существенное ихъ отличіе въ томъ, между прочимъ, что въ послѣднемъ, въ противоположность поученію Мономаха, нисколько не затронутъ вопросъ объ отношеніяхъ власти къ подданнымъ*). Г. Некрасовъ въ своемъ изслѣдованіи о Домостроѣ прямо противопоставляетъ этотъ памятникъ всей московской письменности XVI-го вѣка, справедливо считая всю эту письменность проникнутой политическими вопросами и интересами, но столь же несправедливо отрицая какую бы то ни было прикосновенность Домостроя къ темамъ политическаго характера **).

Мы ставимъ себѣ задачей показать въ послѣдующемъ изложеніи, что и Домострой долженъ быть разсматриваемъ, какъ одно изъ яркихъ литературныхъ отраженій господствовавшихъ въ то время политическихъ идей. За плечами Домостроя, если можно такъ выразиться, стоитъ цѣлая политическая доктрина, выросшая на почвѣ текущей политической практики устроенія недавно возникшаго Московскаго государства.

Чтобы установить ту точку зрѣнія, съ которой только можетъ открыться глазамъ наблюдателя политическая тенденція Домостроя, необходимо войти въ нѣкоторыя соображенія относительно состава этого памятника. Мы будемъ отправляться въ данномъ случаѣ отъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришелъ г. Некрасовъ въ только что названномъ изслѣдованіи.

Домострой—разносоставчатый памятникъ. Полный древнѣйшій изводъ его разбивается на три крупныя самостоятельныя части, составленныя въ разное время, разными лицами и изъ разныхъ источниковъ. На это тройное расчлененіе имѣется указаніе и въ самомъ предисловіи къ Домострою. Первая часть—«О духовномъ строеніи»: первыя 15 главъ. Эта часть составлена въ началѣ XVI-го или концѣ XV вѣка сторонникомъ усиленія власти московскаго князя. Рядомъ остроумныхъ соображеній г. Некрасовъ приходитъ къ предположенію, что мѣстомъ составленія этой части Домостроя могъ быть Валаамскій монастырь. Это весьма знаменательно: Валаамскій монастырь, какъ извѣстно, разсадникъ іосиф

*) Общество и государство въ до-мос[illegible]льскій періодъ, с. 370—371.

**) Опытъ историко-литерат. изслѣдованія о происхожденіи древнерусскаго Домостроя, с. 183.

лянской партіи. Не менѣе знаменателенъ и другой выводъ г. Некрасова, также основанный на тщательномъ изученіи текстовъ, что составителю этой первой части принадлежитъ и полный изводъ цѣлаго Домостроя. Вторая часть — «О мірскомъ строеніи». Это — совершенно самостоятельное произведеніе. Въ предисловіи къ Домострою объ этой части говорится въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «и еще въ сей книгѣ изнайдеши наказъ *отъ нѣкоего* о мірскомъ строеніи»... Итакъ, настоящая часть прямо приписывается перу особаго составителя. Эта часть старше первой, она составлена не позднѣе XV вѣка. По мнѣнію г. Некрасова, подкрѣпленному разнообразными и интересными наблюденіями, эта часть вышла изъ среды новгородскаго общества, отпечатлѣвъ на себѣ черты новгородскаго городского быта. Третья часть—«о домовномъ строеніи»—имѣла своимъ непосредственнымъ источникомъ текущую домостроительную практику. Въ основу ея выработки легли хозяйственныя описи, упоминаемыя въ Домостроѣ «памяти» получаемаго и выдаваемаго, вносимыя въ эти памяти практическія замѣтки и, наконецъ, поваренныя книги. Здѣсь мы уже несомнѣнно имѣемъ дѣло съ подлинною хозяйственною дѣйствительностью того времени.

Въ каждой изъ отмѣченныхъ частей можно прослѣдить затѣмъ обильныя заимствованія изъ различныхъ памятниковъ древнѣйшей русской литературы. За списокомъ этихъ источниковъ Домостроя отсылаемъ интересующихся къ тому же изслѣдованію г. Некрасова.

Приведенныя замѣчанія показываютъ, въ какой степени мы должны ограничить себя съ самаго начала, какъ только мы пожелаемъ вскрыть въ Домостроѣ тенденціи и идеи XVI вѣка. На первый взглядъ оказывается, что матеріалъ составителю Домостроя данъ былъ дѣйствительно не XVI вѣкомъ, а всѣмъ предшествующимъ развитіемъ письменности. Составитель полнаго извода Домостроя только сопоставилъ нѣкоторыя выработанныя до него группы статей и прибавилъ къ нимъ свою первую часть, почерпнувъ и для нея очень много идей и текстовъ изъ различныхъ произведеній древней письменности. Это такъ, но мы уже знаемъ, что оперированіе со старинными матеріалами бывало въ то время излюбленнымъ способомъ проводить личныя воззрѣнія компилятора. Допустимъ даже, что всѣ безъ остатка отдѣльные факты и идеи, вошедшія въ Домострой, взяты его составителемъ на прокатъ изъ чужихъ рукъ. Все же останется область, въ которой составитель могъ проявить и, по нашему мнѣнію, дѣйствительно проявилъ свою собственную личность, свое личное міросозерцаніе. Здѣсь для насъ получаетъ особенное значеніе еще одинъ выводъ г. Некрасова: «За исключеніемъ Стослова Геннадія нѣтъ ни одного источника, который-бы имѣлъ какое нибудь вліяніе *на планъ* составленія Домостроя. Самый Стословъ далъ содержаніе и планъ только для первыхъ пяти главъ. Всѣми же остальными заимствованными отрыв-

ками составители Домостроя пользовались свободно, включая ихъ въ главы по составленному ими плану» *).

Итакъ, планъ расположенія статей—вотъ что мы въ полномъ правѣ отнести на счетъ личныхъ цѣлей и личныхъ воззрѣній составителя Домостроя. Составитель собралъ свой матерьялъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Ему нужно было для своихъ цѣлей набросать картину домашняго хозяйственнаго обихода и онъ взялъ чью-то обработку домашнихъ описей и поваренныхъ книгъ; предстояло коснуться основныхъ догматовъ вѣры, тутъ пригодился Стословъ Геннадія; для изложенія требованій житейской морали сослужили нѣкоторую службу различные древне-русскіе сборники,—но все это: и черты частнаго быта Новгорода, и религіозно-политическіе афоризмы въ духѣ Валаамской обители, и ходячая мораль древнихъ сборниковъ—важно было для составителя Домостроя не само по себѣ, а лишь какъ части задуманнаго имъ цѣлаго. И дѣйствительно, мы только въ томъ случаѣ поймемъ автора Домостроя, если не ограничимся извлеченіемъ фактическаго содержанія изъ отдѣльныхъ статей и частей этого произведенія, но взглянемъ на весь Домострой въ его совокупности, попытаемся установить общую схему воззрѣній составителя, поскольку она обнаруживается въ способѣ расположенія и сопоставленія отдѣльныхъ частей текста. На первый взглядъ можетъ показаться, что содержаніе Домостроя очень пестро: тутъ въ одну кучу сложены такія разнородныя темы, какъ основныя положенія вѣры, объясненіе царской власти, взаимныя отношенія членовъ семьи, кулинарные рецепты, наставленія по домоводству и т. п. При всемъ томъ, между этими отдѣльными частями легко вскрывается тѣсная логическая связь, въ которой и заключается основная сущность произведенія. Домострой—трактатъ съ несомнѣннымъ единствомъ главной темы. Мы представимъ раскрытіе этой темы, такъ какъ до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, въ литературѣ не было сдѣлано попытки этого рода. Какъ увидимъ сейчасъ, эта главная тема тѣснѣйшимъ образомъ соприкасается съ вопросами политическаго характера.

Мы встрѣчаемся въ Домостроѣ съ тремя формами общежитія: государствомъ, церковью и семьей. Каждая изъ этихъ формъ бывала предметомъ разработки и въ прежней письменности. Но онѣ не были нигдѣ разсматриваемы въ той взаимной связи, разсмотрѣніе которой и составляетъ и основную сущность, и оригинальность Домостроя. Между тѣмъ, и занимавшіеся Домостроемъ писатели обыкновенно изучали порознь взгляды Домостроя на царскую власть, на религію, на семейную жизнь. Потому и выходило, что Домострой какъ бы не внесъ ничего новаго въ оборотъ общественной мысли, а только воспроизводилъ старинные шаблоны древней письменности.

Государство, церковь, семья—три звена одной цѣпи учрежденій

*) Некрасовъ, ibid. с. 103—104.

по воззрѣніямъ Домостроя. Домострой начинается изложеніемъ основныхъ требованій религіи. Вѣра въ Бога—первое условіе разумнаго существованія. Угожденіе Богу, «по Бозѣ жити» — единственная цѣль земной жизни. Это угожденіе Богу достигается неуклонной приверженностью къ вѣрѣ въ Бога, исполненіемъ необходимыхъ для поддержанія въ себѣ божественной благодати обрядовъ, установленныхъ церковью, и выполненіемъ евангельской заповѣди любви по отношенію къ ближнимъ: «печальнаго утѣши, всякому человѣку щедръ, милостивъ, нищекормилецъ, страннопріимникъ, не гордъ... въ отвѣтехъ сладокъ...» и т. п. Совокупностью этихъ обязанностей христіанина обусловливается осуществленіе на землѣ Божественной Правды. При этомъ, однако, Домострой не вѣритъ въ возможность достиженія этого идеала одними успѣхами личнаго совершенствованія отдѣльныхъ индивидуумовъ. Необходима извѣстная *общественная организація*, которая бы воздѣйствовала на людей, живущихъ постоянно въ ея рамкахъ. Такой организаціей является государство. Христіанинъ обязанъ постоянно и живо ощущать присутствіе надъ собой невидимаго Небеснаго Царя. Но этотъ душевный подвигъ превышаетъ силы слабой человѣческой природы. На помощь ей приходитъ государственная организація, представляя въ лицѣ земного царя болѣе доступный, видимый и временный образъ невидимаго Бога. Отсюда необходимо признавать царскую власть, какъ божественное установленіе: «Царя бойся и служи ему вѣрою... яко самому Богу и во всемъ повинуйся ему». Домострой прямо смотритъ на повиновеніе земной власти, какъ на лучшую подготовительную школу къ служенію Богу: «аще земному царю правдою служиши и боишися его, тако научишися и небеснаго царя боятися». Слѣдовательно, задача государства совпадаетъ съ задачею церкви. Но затѣмъ, благотворная миссія государства тогда лишь можетъ принести свои плоды, когда ни одинъ членъ государства не будетъ имѣть возможности уклониться отъ предъявляемыхъ государственной властью требованій. Гдѣ обезпеченіе такой неуклонной исполнительности? Для того, чтобы государство не превратилось въ фикцію, оно должно опираться на рядъ другихъ общежительныхъ группъ, менѣе обширныхъ по объему и несущихъ передъ государствомъ коллективную отвѣтственность за неуклонное исполненіе ихъ членами государственныхъ предначертаній. Такимъ болѣе мелкимъ союзомъ, представляющимъ собою какъ бы миніатюрное отраженіе государства, и является по Домострою *семья*. Такимъ образомъ, семья, это—*одно изъ государственныхъ учрежденій* и при томъ самое важное, служащее необходимымъ фундаментомъ для всего государственнаго зданія. Теперь мы можемъ, кажется, дать общее опредѣленіе той взаимной связи государства, семьи и церкви, которую имѣетъ въ виду составитель Домостроя.

Государство,—это политическій союзъ, обезпечивающій осуществленіе въ общежитіи Божественной Правды. *Семья*, это обще-

ственный союзъ, задача котораго утверждать своихъ отдѣльныхъ членовъ въ неукоснительномъ, поддержаніи такого политическаго идеала. *Церковь*,—это организація, задача которой контролировать сохранность взаимной гармоніи между семьей и государствомъ поддержаніемъ въ людяхъ вѣры въ Бога и покорности властямъ. Приведенная схема нигдѣ не формулирована въ Домостроѣ непосредственно. Тѣмъ не менѣе, она необходимо вытекаетъ изъ сопоставленія его отдѣльныхъ статей. Мы сейчасъ покажемъ справедливость этого утвержденія наблюденіями надъ самымъ текстомъ Домостроя.

Весь внутренній складъ семьи, какъ онъ изображенъ въ Домостроѣ, опредѣляется изложенной выше схемой. Мужъ и отецъ—глава семьи—это отвѣтственный передъ церковью и государствомъ блюститель поддержанія въ семьѣ 1) извѣстнаго духовнаго «чина», 2) извѣстной экономической обезпеченности. Такое блюстительство для него не право, а обязанность, его общественная, политическая миссія, его спеціальное государственное «тягло», какъ мужа и отца. Если мужъ, сказано въ Домостроѣ, не творитъ того, что «въ сей памяти писано», не учитъ жены, не строитъ свой домъ «по Бозѣ», не наставляетъ своихъ дѣтей въ писаніи и законномъ христіанскомъ жительствѣ, то онъ губитъ этимъ «въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ» и себя самого, и весь подвѣдомственный ему домъ (ст. 39). Домъ погибнетъ за отсутствіемъ твердаго руководства—нравственнаго и хозяйственнаго; домохозяина постигаетъ погибель, какъ заслуженная кара за неисполненіе присущихъ его званію обязанностей.

Глава семьи долженъ прежде всего строго поддерживать въ своемъ домѣ церковно-обрядовый чинъ. Члены его семьи должны аккуратно посѣщать церковныя богослуженія, сопровождая эти посѣщенія соотвѣтствующими приношеніями въ церковь (статья 9). Какъ и всѣ отправленія семейной жизни, посѣщеніе публичнаго богослуженія не должно быть предоставлено личной иниціативѣ отдѣльныхъ членовъ семьи, за этимъ наблюдаетъ одинъ домохозяинъ, на которомъ лежитъ и отвѣтственность за упущенія по этой части; жена можетъ пойти въ церковь не иначе, какъ съ совѣта и разрѣшенія мужа (ст. 13). По праздникамъ глава семьи долженъ отправлять домашнія молебныя службы, призывая для этого «священническій чинъ въ домъ свой» (ст. 10). Наконецъ, помимо этихъ исключительныхъ церковныхъ торжествъ, въ домѣ должны ежедневно отправляться общесемейныя дневныя и полунощныя молитвы. Здѣсь уже самъ домохозяинъ замѣняетъ священнослужителя. Въ урочные часы всѣ домочадцы собираются вмѣстѣ: «мужъ съ женою и дѣтьми и домочадцы» и подъ управленіемъ домохозяина поютъ вечерню и повечерни и полунощницы, внятно и единогласно, соблюдя положенные поклоны. Пѣніе сопровождается кажденіемъ иконъ, расположенныхъ въ особомъ «благолѣпномъ мѣстѣ», предъ которыми возжигаются свѣтильники. По окончаніи пѣнія свѣтильники погашаются и образница закрывается завѣсой «благочинія ради и бре-

женія». Это настоящій домашній храмъ, настоятелемъ котораго является домохозяинъ. Онъ опять таки единственное распоряжающееся и ответственное лицо въ соблюденіи предписаннаго чина: «мужемъ—говорится въ Домострое — отнюдь не погрѣшити по вся дни церковнаго пѣнія: вечерни, заутрени, обѣдни» (ст. 12 и 8). Впрочемъ и самъ домовладыка, распоряжающійся всѣми членами своего дома, въ свою очередь лишенъ самостоятельной инициативы въ кругѣ своихъ обязательныхъ задачъ. Каждый шагъ семейной жизни предписанъ свыше, его же дѣло—слѣдить за точнымъ примѣненіемъ этихъ предписаній. Число обязательныхъ поклоновъ, количество времени для періодическихъ молитвословій, способъ обмыванія и вообще береженія иконъ и прочихъ домашнихъ святынь—все это предусмотрѣно и преподано разъ-на-всегда и для всѣхъ одинаково.

Другая—столь же важная—задача домовладыки—поддержаніе въ своемъ домѣ извѣстнаго экономическаго порядка, «наряда», который бы обезпечивалъ экономическую состоятельность семьи, а слѣдовательно, предохраняя ее отъ разрушенія, гарантировалъ бы тѣмъ самымъ непрерывное осуществленіе среди людей съ помощью семейныхъ союзовъ выше отмѣченнаго духовнаго чина. И здѣсь Домострой не довѣряетъ ни самодѣятельности отдѣльныхъ домочадцевъ, ни самостоятельной инициативѣ домовладыки. И здѣсь для всякаго шага хозяйственной домашней жизни мы встрѣчаемъ предписанія еще болѣе пространныя, педантичныя и детальныя. Впрочемъ, несмотря на многочисленность и пространность всѣхъ этихъ наставленій, заключающаяся въ нихъ практическая философія домоводства крайне не сложна. Вся она сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: благоразумію, бережливость, аккуратность и предусмотрительность. Прежде всего, хозяйство должно быть строго соразмѣрено съ наличными матеріальными рессурсами. Каждый человѣкъ долженъ жить «смѣтя свой животъ». «По приходу и расходъ»—это первая экономическая заповѣдь Домостроя (ст. 26—27). Затѣмъ, необходимые расходы должны быть, насколько возможно, сокращаемы при помощи бережливости. Изъ всякаго предмета домашняго обихода нужно умѣть извлечь сколь возможно болѣе разнообразныхъ пользъ. Ни одна мелочь не должна пропадать даромъ въ хозяйствѣ. Къ покупкамъ слѣдуетъ прибѣгать лишь въ случаяхъ крайней необходимости, до послѣдней возможности обходясь собственными остатками и обрѣзками: «у добраго промысла, у совершеннаго разума все ея лучило дома» (ст. 30), «остатки и обрѣзки живутъ и тѣ остатки и обрѣзки ко всему пригожаются въ домовитомъ дѣлѣ» (ст. 31)—вотъ второе основное положеніе раціональнаго домоводства.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимость заставляетъ прибѣгать къ расходамъ для приращенія домашнихъ припасовъ, нужно производить эти расходы съ крайней предусмотрительностью: покупая

возможно дешевле и продавая возможно дороже. Лучшее средство къ достиженію подобнаго результата запасливость. Хозяинъ долженъ зорко слѣдить за колебаніями рыночныхъ цѣнъ и безотлагательно ловить счастливый моментъ. Лучше купить вещь, въ которой и не ощущается немедленной надобности, но которая въ данный моментъ дешево стоитъ. Напротивъ, для продажи на сторону излишковъ домашняго хозяйства лучше выждать повышенія рыночныхъ цѣнъ (ст. 40). Всего благоразумнѣе сразу заготовить годовой запасъ всякаго продовольствія, обезпечивъ для дома на продолжительное время достатокъ во всемъ необходимомъ (ст. 42). Завѣдываніе домашнимъ имуществомъ должно покоиться на началахъ строгой аккуратности. Все должно быть высчитано, вымѣрено и записано, все должно быть или на запорѣ или на виду и счету хозяина, все должно блестѣть чистотой, всюду долженъ проникать бдительный хозяйскій глазъ (ст. 47). Конечный идеалъ всей этой хозяйственной философіи—минимальныя денежныя траты въ соединеніи съ полнымъ домашнимъ достаткомъ, обезпечивающимъ семьѣ вполнѣ независимое существованіе: «что себѣ ни сдѣлалъ, никто ничего не слыхалъ. Въ чюжій дворъ не идешь ни пошто» (ст. 32). Таковы конечныя задачи дѣятельности домовладыки. Мы видѣли, какъ тѣсно между собою связаны возложенныя на него обязанности. Экономическое благосостояніе—необходимое условіе существованія семьи, а существованіе семьи, въ свою очередь, необходимое условіе осуществленія того духовнаго чина, который санкціонированъ религіей и государствомъ. Итакъ, неправы тѣ писатели, которые считали идеаломъ Домостроя экономическое благосостояніе и въ восклицаніи: «сколько прохлады отъ одного барана!» видѣли всю сущность этого произведенія. Экономическое благосостояніе—не идеалъ Домостроя, а лишь одинъ изъ путей къ этому идеалу.

Жена, дѣти и домашняя челядь—ничто иное, какъ обязательные работники на семейный духовный чинъ и экономическую обезпеченность подъ верховенствомъ домовладыки. Глава семьи самъ «не печется о домѣ». Въ мѣру его отвѣтственности передъ церковью и государствомъ ему дана обширная власть, но не исполнительная, а распорядительная. Высшая исполнительная власть—въ рукахъ жены. Жена—какъ бы министръ при домохозяинѣ. Она—безпрекословный исполнитель распоряженій мужа: «жены мужей своихъ вопрошаютъ о всякомъ благочиніи, како душа спасти, Богу и мужу угодити и домъ свой добрѣ строити и во всемъ ему покорятися и что мужъ накажетъ, то съ любовью принимати и со страхомъ внимати и творити по его наказанію» (ст. 29). Ежедневно жена докладываетъ мужу о всемъ домашнемъ обиходѣ и получаетъ отъ него надлежащія распоряженія: «а по вся дни бо у мужа жена спрашивалась и совѣтовала о всякомъ обиходѣ и вспоминала, что надобѣтъ» (ст. 34), а затѣмъ—«препоясавше крѣпко чресла своя, утвердить мышцы своя на дѣло: руцѣ своя простираетъ на полезная,

локти же своя утверждаетъ на вретено... И чада своя поучаетъ, такоже и рабъ... и не угасаетъ свѣтильникъ ея всю нощь» (ст. 20). Въ предѣлахъ чисто исполнительной власти Домострой предоставляетъ женѣ нѣкоторую долю личнаго усмотрѣнія. Мужъ слишкомъ высоко поставленъ въ семейной іерархіи, чтобы къ нему восходили рѣшительно всѣ вопросы текущаго хозяйства. По Домострою мужъ не равноправный жизненный спутникъ своей жены, не другъ ея сердца, къ которому можно безхитростно обратиться со всякой заботой, это скорѣе какой-то носитель верховной власти въ семьѣ, всякое обращеніе къ нему должно быть оправдано важностью того предмета, который предстоитъ обсудить. Эта черта мужниной власти въ одно и то же время и принижаетъ жену до положенія главной работницы мужа, и сообщаетъ ея дѣятельности въ мелкихъ вопросахъ семейной жизни извѣстную самостоятельность. Домострой даже предоставляетъ въ распоряженіе жены нѣкоторыя суммы, которыми жена располагаетъ по своему усмотрѣнію, не безпокоя мужа мелочными докуками: жена можетъ продавать излишки отъ домашняго обихода, хранить у себя вырученныя деньги и производить безъ вѣдома мужа необходимыя покупки: «а будетъ слишкомъ за обиходомъ надѣлано... ино и продастъ; ино, что надобѣ, купитъ: ино того у мужа не проситъ» (ст. 30).

Дѣти и домашніе рабы—вспомогательные органы домохозяйки. Дѣти орудія родительской воли. Домострой говоритъ о сыновнихъ чувствахъ, о необходимости дѣтскаго почтенія и заботливости по отношенію къ родителямъ, но все это разсматривается не какъ естественный результатъ духовной гармоніи между членами семьи, а какъ обязанность, повинность «со страхомъ работѣпно служити родителямъ». У отдѣльныхъ членовъ семьи нѣтъ личной жизни. Все ихъ существованіе въ семьѣ безраздѣльно уходитъ на ту же службу обязательному отвлеченному идеалу семьи, которую несетъ и самъ домовладыка.

Установляемый Домостроемъ порядокъ семейной жизни — какъ и всѣ извнѣ предписанные порядки, выведенные изъ положеній отвлеченной теоріи, а не изъ естественныхъ побужденій заинтересованныхъ сторонъ — поддерживается принудительными мѣрами. Какъ средство крѣпко держать въ рукахъ бразды семейнаго правленія, Домострой рекомендуетъ домовладыкѣ: строгость, послѣдовательность, взыскательность и побои. Эти пріемы управленія примѣняются безразлично ко всѣмъ членамъ семейнаго союза, къ женѣ, дѣтямъ и домашней челяди. Домострой настаиваетъ только на томъ, чтобы и въ этомъ случаѣ былъ соблюдаемъ извѣстный «чинъ», порядокъ, который бы обезпечивалъ цѣлесообразность практикуемыхъ взысканій. Наказаніе не должно принимать такихъ формъ, въ которыхъ выражается личная озлобленность карающаго лица. Цѣль наказанія—не удовлетвореніе личнаго гнѣва кого бы то ни было, но единственно—поддержаніе пошатнутаго порядка. Въ этой цѣли

должна находить свои границы степень наказанія. Такъ, напримѣръ, наказаніе не нуждается въ огласкѣ, лишь бы оно воздѣйствовало на дальнѣйшее поведеніе наказуемаго: «достоитъ мужу жена своя наказывати и пользовати страхомъ *наединѣ* и, понаказавъ, и пожаловати и промолвити и любовію наказывати и разсужати». Наказаніе не должно превращаться въ истязаніе, которое приноситъ одинъ вредъ наказуемому и разнуздываетъ дурныя страсти наказывающаго: «бережно бити; и разумно и больно, и страшно здорово» (ст. 38). Но съ другой стороны, разъ мотивомъ наказанія является не субъективное чувство, а исключительно внѣшнія требованія порядка, то отсюда же вытекаетъ и обратный выводъ: границы наказанія не могутъ быть опредѣляемы и чувствомъ личнаго милосердія. И вотъ мы читаемъ въ Домостроѣ: «[illegible] сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеличишися... не даждь ему власти въ юности, но сокруши ему ребра, донележе ростетъ»... Домострой суровъ въ своихъ требованіяхъ: ради отвлеченныхъ схемъ онъ не дѣлаетъ никакихъ уступокъ потребностямъ человѣческаго сердца, онъ запрещаетъ отцу улыбку при видѣ дѣтскихъ игръ во имя идеи грознаго отеческаго авторитета: «воспитай дѣтище съ прещеніемъ... не смѣйся къ нему, игры творя: въ малѣ бо ся ослабиши, въ велицѣ поболиши, скорбя» (ст. 17). Разсматривая наказаніе, исключительно какъ средство поддержанія извѣстнаго порядка, Домострой въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно игнорируетъ начало справедливости, рекомендуя наказаніе и безъ наличности проступка, наказаніе *въ кредитъ*, какъ предохранительную мѣру противъ возможныхъ будущихъ нарушеній установленнаго порядка. Въ статьѣ: «како слугъ наказывати» встрѣчаемъ слѣдующій совѣтъ: посылая слугу со двора съ какимъ нибудь порученіемъ и давъ ему необходимыя наставленія, «у воротъ его поколотить» — своеобразный мнемоническій пріемъ для предотвращенія забывчивости или ослушанія.

Такимъ образомъ, родители, дѣти и домашняя челядь составляютъ какъ бы особый, замкнутый въ себѣ мірокъ, гдѣ безраздѣльно владычествуетъ глава семьи: мужъ, отецъ и господинъ. Но затѣмъ, весь этотъ мірокъ съ своимъ отвѣтственнымъ главой и представителемъ подчиненъ бдительному контролю церкви, органомъ которой является въ данномъ случаѣ духовникъ-священникъ. Роль духовника по Домострою далеко выходитъ за предѣлы духовнаго врачеванія индивидуальной совѣсти.—Духовникъ—соединительное звено между семьей и публичной властью. Главная задача его дѣятельности—слѣдить за тѣмъ, чтобы внутренняя жизнь семьи соотвѣтствовала предначертанному ей обязательному плану. Это—ревизоръ надъ домовладыкой. Онъ властно вторгается внутрь семьи съ цѣлью провѣрки домовладыки, крѣпко ли блюдетъ послѣдній обязательный семейный порядокъ. Отъ него не можетъ быть никакихъ семейныхъ тайнъ, потому что семья прежде всего учрежденіе государственное

имѣющее свои политическія задачи, а духовникъ—органъ публичной власти, которому вмѣнена въ обязанность періодическая ревизія этого учрежденія. Онъ «почасту» посѣщаетъ семью и во время этихъ посѣщеній Домострой предписываетъ «извѣщатися ему во всякой совѣсти», слушать его во всемъ, съ любовью принимать его наказанія и «совѣтовати съ нимъ о житіи полезномъ... како учити и любити мужу жена своя и чада, а женѣ мужа своего слушати и спрашиватися по вся дни». Но духовникъ—не только органъ надзора, ему принадлежитъ и распорядительная власть, съ помощью которой онъ немедленно устраняетъ недочеты семейной жизни, отмѣняя и видоизмѣняя неправильныя распоряженія домовладыки. Такъ, напримѣръ, духовникъ можетъ смягчать наложенныя домовладыкой не въ мѣру вины наказанія: «а о комъ учнутъ (духовники) печаловаться, ино его слушати и виноватаго пожаловати, по винѣ смотря, съ нимъ же разсудя» (ст. 14). Чрезъ посредство духовника замкнутый въ себѣ міръ каждой отдѣльной семьи приходитъ въ соприкосновеніе съ государствомъ, какъ неотъемлемая часть общегосударственной организаціи.

Итакъ, Домостроевская семья направлена не на развитіе индивидуальныхъ потребностей и способностей ея отдѣльныхъ членовъ, а лишь на осуществленіе для всѣхъ обязательной отвлеченной нормы. Правда, въ Домостроѣ говорится о взаимной *любви* членовъ семьи, какъ объ одномъ изъ ферментовъ семейнаго союза, но любовь является здѣсь, какъ своего рода повинность, долгъ, вытекающій изъ общаго отвлеченнаго семейнаго идеала, а не какъ живой результатъ взаимной духовной гармоніи членовъ семьи. Бракъ—по Домострою—не союзъ двухъ полноправныхъ и сродственныхъ по духу натуръ, а исключительно комбинація двухъ іерархически подчиненныхъ властей: распорядительной и исполнительной.

Изложенныя данныя позволяютъ намъ теперь опредѣлить съ достаточной точностью основную тенденцію Домостроя.

Каковы бы ни были источники отдѣльныхъ статей этого памятника, какіе бы жизненные уклады и точки зрѣнія ни отражались въ его отдѣльныхъ частяхъ, — только что отмѣченная нами общая схема расположенія всего матеріала приводитъ насъ къ очень опредѣленному политическому міросозерцанію. Государство есть всеобъемлющій политическій союзъ, поглощающій въ себѣ всѣ интересы націи, не оставляющій мѣста самостоятельному развитію другихъ общежительныхъ союзовъ. Наряду съ государствомъ не мыслимо существованіе какихъ либо общественныхъ группъ, живущихъ хотя и подъ покровомъ болѣе обширнаго государственнаго союза, но тѣмъ не менѣе имѣющихъ *свою* особую внутреннюю жизнь, развивающихся свободно по *своимъ* внутреннимъ мотивамъ. Всѣ эти мелкія общественныя соединенія могутъ существовать лишь постольку, поскольку имъ присуща чисто служебная роль по отношенію къ общегосударственнымъ задачамъ. Вотъ та общая доктрина, которая от-

разилась въ Домостроѣ на частномъ примѣрѣ объясненія государственнаго значенія *семьи*. Но, въ такомъ случаѣ оказывается, что Домострой вовсе не стоитъ одиноко среди литературныхъ теченій своего времени; какъ разъ наоборотъ, онъ вводитъ насъ въ круговоротъ самыхъ модныхъ, самыхъ животрепещущихъ интересовъ своей эпохи.

Ученіе о всепоглощающей силѣ государства тѣснѣйшимъ образомъ совпадало съ политической программой московскаго правительства. Подъ давленіемъ военной опасности Московское государство складывалось въ военную, строго централизированную монархію. Разверстка спеціальныхъ государственныхъ повинностей между всѣми общественными классами приводила къ закрѣпощенію всего общества государственному тяглу. Но государственная власть не ограничивалась неуклоннымъ взысканіемъ наложенныхъ повинностей въ опредѣленныхъ однажды размѣрахъ. Она зорко слѣдила за малѣйшимъ ростомъ народныхъ силъ. Помѣстье ратнаго человѣка, капиталы посадскаго торговца, рабочая сила пахотнаго крестьянина, все это разсматривалось, какъ общегосударственный капиталъ, изъ котораго государственная власть въ любой моментъ могла производить какія угодно позаимствованія. Это распространяло область государственной регламентаціи далеко за предѣлы прямыхъ оффиціальныхъ обязанностей человѣка, открывало ей свободный доступъ къ наиболѣе интимнымъ сферамъ частнаго существованія. Члены тогдашняго общества утратили свободу въ распоряженіи своей личностью и имуществомъ. На этихъ началахъ покоился весь государственный строй, возводившійся теперь усиліями московскаго правительства на развалинахъ удѣльной старины. Рука объ руку съ практикой развивалась теорія. Вышедшіе изъ іосифлянской школы публицисты усердно проводили въ своихъ произведеніяхъ идею безгласнаго и безусловнаго повиновенія. Подобно правительственнымъ дѣльцамъ, эти теоретики разсматривали каждое явленіе общественной жизни съ точки зрѣнія его служебнаго значенія по отношенію къ государственнымъ задачамъ. Характерной иллюстраціей къ воззрѣніямъ этого рода можетъ служить взглядъ главы іосифлянской партіи, самого Іосифа Волоцкаго на значеніе монастыря, какъ одной изъ формъ общежитія. Тогда какъ для заволжцевъ монастырь служилъ исключительно ареной личныхъ подвиговъ душевнаго совершенствованія, Іосифъ разсматриваетъ монастырь, какъ учрежденіе государственное, это подготовительная школа и постоянный поставщикъ замѣстителей высшихъ постовъ церковной іерархіи. Этой основной задачей, по мысли Іосифа, должна опредѣляться вся внутренняя жизнь монастыря. Совершенно аналогичную точку зрѣнія устанавливаетъ Домострой по отношенію *къ семьѣ*, распространяя государственную регламентацію на самую интимную область общежитія, область супружескихъ и родительскихъ чувствъ: человѣкъ долженъ помнить, что онъ несетъ тягло, какъ слуга и рабъ государ-

ства, не только тогда, когда онъ выводитъ на ратное поле вооруженныхъ холоповъ или безвозмездно вкладываетъ свои капиталы въ финансовыя предпріятія казны или жнетъ обложенное податью поле, но и тогда, когда онъ производитъ и воспитываетъ дѣтей, служитъ домашніе молебны, «смѣчаетъ свой животъ», т. е. ведетъ приходо-расходную книгу своего домашняго хозяйства. Все это— такая же обязательная государева служба.

Такимъ образомъ, политическая тенденція Домостроя вполнѣ отразила общее міросозерцаніе той литературной среды, изъ которой онъ вышелъ. Какъ мы уже упоминали, спеціальный изслѣдователь Домостроя, г. Некрасовъ, пришелъ, между прочимъ, къ тому выводу, что полный изводъ цѣлаго Домостроя принадлежитъ составителю его первой части, т. е. той части, происхожденіе которой онъ относитъ къ литературнымъ кругамъ, близкимъ къ Валаамской обители.

Подведемъ итогъ: Домострой—не жанровая картина быта, а теоретическій трактатъ. Отраженныя въ немъ воззрѣнія не являлись кодификаціей общенароднаго, національнаго міросозерцанія. Это— партійный трактатъ, который слѣдуетъ разсматривать, какъ частное приложеніе къ вопросу о значеніи семьи общихъ воззрѣній іосифлянской партіи.

Правда, іосифлянская партія усердно выдавала себя за выразительницу общенародныхъ, національныхъ началъ русской жизни, но, какъ мы видѣли выше, это былъ лишь сознательный полемическій маневръ, неосновательность котораго лучше всего доказывалась существованіемъ въ обществѣ и литературѣ того времени другого, противоположнаго теченія, имѣвшаго въ прошломъ свои историческіе корни.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ высказать одно предположеніе, сильно нуждающееся, конечно, въ дальнѣйшей критической провѣркѣ. Послѣдующая судьба древнѣйшаго полнаго извода Домостроя крайне скудна перипетіями. Основной текстъ памятника, съ теченіемъ времени, только однажды подвергся переработкѣ, которая заключалась отчасти въ сокращеніи, отчасти въ перемѣщеніи его статей (Сильвестровскій изводъ). — Затѣмъ развитіе остановилось. Московская письменность, пользуясь Домостроемъ, не занималась его дальнѣйшей разработкой *). Какъ сущность произведенныхъ въ Сильвестровскомъ изводѣ измѣненій, такъ и эта послѣдующая остановка въ развитіи памятника не лишены значенія и при той точкѣ зрѣнія на Домострой, которую мы развили выше.

Сокращенія Сильвестровскаго извода коснулись потребностей бытового характера. Г. Некрасовъ объясняетъ эти сокращенія въ связи съ своимъ взглядомъ на Сильвестровскій изводъ, какъ на результатъ пересадки Домостроя изъ Новгорода на почву московской

*) Некрасовъ, ibid. с. 146.

письменности.—Принаравливая Домострой къ условіямъ московской жизни, редакторъ этого извода, по мнѣнію г. Некрасова, счелъ нужнымъ стереть съ него всю окраску быта торговаго Новгорода *). Это остроумное объясненіе стоитъ однако въ существенномъ противорѣчіи съ дальнѣйшимъ утвержденіемъ того-же автора, по которому условія московской жизни вообще не оказывали вліянія на исторію текста Домостроя, чѣмъ и объясняется, по мнѣнію г. Некрасова, пріостановка въ ея развитіи послѣ пересадки Домостроя на московскую почву **). Мы склонны иначе объяснять значеніе Сильвестровскаго извода. Главная цѣль переработки заключалась въ болѣе строгой выдержкѣ основной тенденціи трактата. Это повело къ сокращенію описательной части, бытовыхъ эпизодовъ, которые имѣли для составителя лишь относительную цѣну вспомогательнаго фактическаго матеріала и могли быть расширяемы или сокращаемы безъ особаго ущерба для развитія основной темы, и, конечно, основная тема скорѣе выигрывала отъ ихъ сокращенія, нежели отъ ихъ расширенія: излишнее обиліе эпизодическаго элемента могло закрыть отъ глазъ недостаточно вдумчиваго читателя общую концепцію произведенія.

Дальнѣйшихъ переработокъ не появлялось. Домострой читался, переписывался—до насъ дошло довольно большое количество его списковъ—но развитіе текста остановилось. Какъ мы уже замѣтили, г. Некрасовъ объясняетъ этотъ застой въ дальнѣйшей литературной работѣ надъ Домостроемъ тѣмъ, что онъ вышелъ изъ чуждаго Москвѣ и при томъ окончательно уже сложившагося новгородскаго быта ***). Мы думаемъ, однако, что отмѣченный фактъ самъ по себѣ долженъ былъ вызвать совершенно обратныя послѣдствія. Перенесеніе памятника въ новую жизненную среду должно было бы, какъ разъ наоборотъ, повести къ его дальнѣйшему литературному развитію: на первоначальную новгородскую канву должны были бы постепенно наслоиться послѣдовательные пласты московскихъ вліяній, что породило бы цѣлый рядъ разнообразныхъ самостоятельныхъ редакцій. Почему не произошло ничего подобнаго? Разгадка, думается намъ, опять таки заключается въ основной темѣ Домостроя.

Не въ описательной, бытовой части лежалъ центръ тяжести этого памятника, вотъ почему этотъ второстепенный элементъ и не получилъ дальнѣйшаго развитія, несмотря на то, что разнообразіе жизненныхъ обстановокъ, въ которыя попадалъ Домострой, могло подать къ тому не мало поводовъ.

Что же касается до основной темы Домостроя, она не подлежала дальнѣйшему развитію, какъ частное отраженіе вполнѣ законченной системы іосифлянскихъ воззрѣній.

Ал. Кизеветтеръ.

---

*) Ibid. c. 152.
**) Некрасовъ, ibid. c. 146.
***) Ibid. c. 146—147.

Отрадная смерть.

(Изъ Гюйо).

I.

Заснувшая Ночь обронила
Росинку на свѣжемъ листкѣ,
И бѣдная капля томится
Отъ солнца лучей вдалекѣ:

—

«Ахъ, если бъ заря золотая
Огнемъ охватила меня,
И мнѣ бы, забытой, увидѣть
Рожденье прекраснаго дня!»

—

И вотъ, съ вожделѣніемъ робкимъ,
Оставивъ родимую тѣнь,
Выходитъ она: передъ нею
Сверкаетъ родившійся день.

—

Мгновенье—она умираетъ
Въ его благодатномъ огнѣ
И струйкою легкаго пара
Къ небесной летитъ вышинѣ.

II.

Подобно ничтожной росинкѣ,
Брильянтику хрупкому—я

Взываю: Изъ глубей небесныхъ
Пролейся, о, свѣта струя!

—

Любовью обильное сердце
Устало быть въ вѣчной тѣни—
Тебя оно хочетъ... Явись-же
И кроткимъ сіяньемъ сверкни!

—

О, Правда! Мое поклоненье,
Святыня, религія—ты!
Подъ блескомъ твоимъ я дерзаю
На шагъ изъ своей темноты.

—

Я знаю: мучительно-больно
Отъ правды; быть можетъ—умри,
Кто смотритъ въ лицо ей. Пусть будетъ,
Что будетъ—о, глазъ мой, смотри!

Петръ Вейнбергъ.

ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ.

Вторая серія.

I.

Въ штольнѣ.

Въ это тяжелое время рудникъ являлся для меня единственнымъ мѣстомъ отдохновенія и сравнительнаго душевнаго покоя. Уйти возможно дальше отъ ненавистныхъ стѣнъ тюрьмы, изъ этого царства гнета и всяческой злобы, уйти на возможно долгое время и погрузиться всѣмъ существомъ, всѣми силами души и тѣла въ физическую работу, бить безъ передышки молоткомъ по буру, мѣрить и считать готовые уже вершки и потомъ снова махать и махать молоткомъ, это опять сдѣлалось для меня на время наслажденіемъ, въ которомъ было что-то болѣзненное, почти мучительное... Петръ Петровичъ давно уже далъ мнѣ другое назначеніе, переведя изъ шахты въ такъ называемую штольню, гдѣ было и теплѣе, и камень значительно мягче. Здѣсь даже я могъ безъ особеннаго утомленія выбуривать 8—10 вершковъ въ день. Трудна была только обивка, и потому въ товарищи мнѣ назначался обыкновенно въ такіе дни кто-нибудь изъ силачей, вродѣ Семенова, но бурилъ со мной, случалось, и Ракитинъ.

Не мѣшаетъ, быть можетъ, сказать нѣсколько словъ о томъ, что такое штольня. Такъ называется горизонтальный подземный корридоръ, направляющійся отъ свѣтлички къ шахтамъ. До нашего прибытія въ Шелайскую тюрьму въ немъ было прорыто, тридцать лѣтъ назадъ, около семидесяти сажень. Но этотъ узкій корридоръ не требовалъ на себя много рабочихъ рукъ: нужны были только два бурильщика и одинъ откатчикъ, вывозившій въ особо устроенномъ вагончикѣ на отвалъ взорванную породу. По мѣрѣ углубленія штольни въ гору, требовались еще изрѣдка плотники, ставившіе новыя подпорки (крѣпи) и удлинявшіе мостки, по которымъ откатчикъ возилъ свой вагонъ. Такимъ образомъ, работать мнѣ приходилось большею частью въ полномъ одиночествѣ, такъ какъ товарищи мои по буренью оканчивали свой урокъ значительно раньше и, отработавшись, уходили въ свѣтличку; я же, не торопясь и подолгу отдыхая, стучалъ иногда молоткомъ вплоть до самаго ухода арестантовъ въ тюрьму.

Въ одномъ отношеніи штольня была безъ всякаго сравненія лучше шахты: зимой въ ней было гораздо теплѣе, чѣмъ на открытомъ воздухѣ, лѣтомъ же хотя и ощутительно свѣжо, но зато вполнѣ сухо, тогда какъ въ шахтахъ со всѣхъ боковъ струилась холодная вода, попадавшая за шею и въ сапоги.

Живо и отчетливо рисуются мнѣ эти долгіе-долгіе часы, которые просиживалъ я одинъ-одинехонекъ въ своемъ подземномъ мірѣ. Слабо мерцала сальная свѣча, ежеминутно оплывая и тускнѣя; слѣва и справа, на разстояніи сажени одинъ отъ другого, возвышались гранитные бока корридора; надъ головой висѣлъ неровный каменный потолокъ, который, казалось, вотъ-вотъ долженъ обрушиться... Но онъ держался прочно: мелкіе каменья при обивкѣ отлетали прочь, и оставался сливной камень, имѣвшій слишкомъ много точекъ опоры; работалъ я, по крайней мѣрѣ, на глубинѣ десяти саженъ подъ землею. Впереди стоялъ тотъ-же мрачный гранитъ, въ который приходилось стучаться; а позади свѣтъ моей свѣчки боролся съ тьмою, переходилъ скоро въ бѣглыя тѣни и, наконецъ, совсѣмъ тонулъ среди вѣчно царствовавшей тамъ полночи. Въ отдаленіи только, въ самомъ концѣ штольни, виднѣлось небольшое оконце—выходъ на свѣтъ Божій: съ нимъ приходилось соображаться, чтобы вести штольню всегда по прямому направленію. Иногда, случайно погасивъ свѣчу въ забоѣ, я видѣлъ, какъ этотъ далекій просвѣтъ отражался на передовой каменной стѣнѣ въ видѣ небольшого свѣтлаго пятна, производившаго самую полную иллюзію луннаго свѣта. Въ штольнѣ, несмотря на ея сравнительную теплоту, чувствовалась постоянная сырость, и даже глазами можно было видѣть испаренія, плававшія вдоль стѣнъ. Бывало, задумаешься, глядя на этотъ туманъ, и вотъ онъ принимаетъ постепенно смутныя, странныя очертанія, говорящія о какомъ-то невѣдомомъ мірѣ страданій, уже отжившихъ, отошедшихъ въ вѣчность, но однако все еще какъ будто живыхъ и реальныхъ...

Даже кандальный звонъ чудился по временамъ... И, вздрогнувъ, я спѣшилъ оторваться отъ ужасной галлюцинаціи. Это все прошло вѣдь, этого больше не будетъ. Теперь остается уже блѣдная тѣнь того, что было, и можно надѣяться, что и эта послѣдняя тѣнь исчезнетъ съ первыми лучами солнца... Но тутъ я снова вздрагивалъ, но со всѣмъ уже отъ другой—реальной причины: въ глубинѣ горы прокатывался слабый глухой громъ, явственно доносившійся однако до слуха, благодаря царившему кругомъ гробовому безмолвію. Эти голоса горныхъ духовъ первое время пугали меня, потому что казались предвѣстниками землетрясенія; но они повторялись такъ часто, что скоро я пересталъ даже обращать на нихъ вниманіе. При мнѣ въ Шелайскомъ рудникѣ не было ни одного настоящаго землетрясенія, но встарину они бывали нерѣдки и породили цѣлыя легенды. Одну изъ нихъ разсказалъ мнѣ свѣтличный старикъ-сторожъ. Подобно кобылкѣ, и онъ утверждалъ тоже, что въ Шелай-

скомъ былъ однажды обвалъ, похоронившій подъ землею нѣсколько десятковъ каторжныхъ; только старикъ относилъ этотъ случай къ еще болѣе давнему времени, котораго самъ не запомнилъ.

— Вотъ работаютъ разъ робята въ горѣ,—разсказывалъ онъ: работаютъ, ни о чемъ не думаютъ. Вдругъ прибѣгаетъ къ нимъ нарядчикъ и кричитъ: «вонъ выходите скорѣе, гора идетъ!» Всѣ побросали сейчасъ инструментъ и побѣжали вонъ. Выходятъ—имъ нарядчикъ на встрѣчу: «Куда, мерзавцы, идете? Чего работу бросили?» Они: «такъ и такъ, говорятъ, ты самъ сейчасъ приходилъ звать насъ. Гора, молъ, идетъ».—«Да что вы, говоритъ, очумѣли, што-ли? Или пьяны напились? Гора и не думаетъ трогаться. Надъ вами кто-нибудь изъ каторги подшутилъ. Я все время въ свѣтличкѣ былъ. Нечего лясы точить, ступайте работать». Что тутъ дѣлать? Помялись, помялись да и пошли назадъ въ гору. Тогда вѣдь не тѣ права-то были... Только успѣли въ гору войти, за инструментъ опять взяться, а она и пошла и пошла!.. Такъ всѣ и пропали. Шестьдесятъ, сказываютъ, человѣкъ пропало.

— Кто-жъ это приходилъ къ нимъ, дѣдушка?

— А Богъ его знаетъ. Стало быть, горный хозяинъ.

— А вы сами его видали, хозяина-то?

— Я-то не видалъ, а люди видали. Почему же и до сихъ поръ вотъ, гдѣ большія выработки есть, строго-на-строго запрещается рабочимъ пѣть и свистать въ горѣ?

— Это почему же?

— Ну, стало быть, потому. Стало, *онъ* не любитъ.

Со старикомъ, который показался мнѣ въ началѣ несимпатичнымъ и плутоватымъ и котораго арестанты называли «горнымъ духомъ», съ теченіемъ времени я сблизился и нашелъ въ немъ жалкое, забитое и покинутое всѣми созданіе, невольно внушавшее къ себѣ сожалѣніе. Умственный міръ его былъ очень неширокъ и незамысловатъ: въ прошедшемъ — Разгильдѣевъ, а въ настоящемъ и будущемъ—постоянная тревога за тѣ несчастные десять рублей въ мѣсяцъ, которые платилъ ему уставщикъ Монаховъ за исполненіе обязанностей сторожа. У него была зажиточная родня, и тѣмъ не менѣе она заставляла бѣднаго семидесятилѣтняго старика жить трудомъ своихъ рукъ. Къ счастію, закаленный въ огнѣ разгильдѣевщины, старикъ былъ еще здоровъ и крѣпокъ, не смотря даже на то, что питался однимъ чернымъ хлѣбомъ и кирпичнымъ чаемъ. Все свое жалованье онъ отдавалъ семьѣ младшаго сына, хозяйство котораго шло незавидно. Мы подолгу болтали съ нимъ въ тѣ дни, когда у меня рано оканчивалась работа. Страшныя вещи разсказывалъ старикъ о временахъ разгильдѣевщины, о томъ, какъ тяжела и непосильна была работа на Карѣ, какъ колодники болѣли и мерли, точно мухи осенью, и какъ во время холеры ихъ живыми еще сотнями таскали на кладбище. Несправедливости и обиды чинились на каторгѣ возмутительныя. Во время работы

даже отдыхать, курить и ѣсть запрещалось; приходилось украдкой, вынимая изъ-за пазухи, кусать ломоть хлѣба.

— Неужели же Разгильдѣевъ никогда добрымъ не бывалъ?— спросилъ я однажды, и старикъ оживился. Морщинистое лицо покрылось пріятной улыбкой и потухшіе, поблекшіе глазки засверкали.

— Какъ не бывать! И на звѣря, бываетъ, пора находитъ удачная. Вотъ разъ... какъ сейчасъ помню... дождливый, дождливый былъ день. Мы съ товарищемъ вдвоемъ по колѣно весь день въ водѣ простояли на шурфахъ; промокли, прозябли, насилу-насилу урокъ къ вечеру сробили. Вотъ идемъ, и говоритъ товарищъ: «Давай-ка, братъ, пѣсню съ горя затянемъ». Взяли и затянули:

За тихимъ бродомъ рѣчки-переправою
Не ковыль-то трава во полѣ шатается:
Зашатался я, удалъ добрый молодецъ...
Загнала-то меня служба царская,
Служба царская, государская.
Тяжела-то мнѣ служба царская,
Та-ли служба съ утра день до вечера,
Съ вечера до самой до полуночи!
Со полуночи съ неба звѣзды сыплются...
Разсыпалася наша сила-армія,
Сила-армія, Разгильдѣева партія,
И по падямъ-то, падямъ широкима,
И по шурфамъ-то шурфамъ глубокима!

Долгая она пѣсня, не помню далѣ. Вотъ поемъ это мы, вдругъ... слышимъ: «Кто тамъ поетъ? Сюда!» Смотримъ: на крыльцѣ дома человѣкъ стоитъ. Подходимъ, шапки сымаемъ и видимъ—самъ полковникъ. «Пьяные, што-ли?» спрашиваетъ. — Никакъ нѣтъ, отвѣчаемъ, ваше высокородіе, съ работы въ казарму идемъ. «Съ какой же радости вы поете?»—Какъ съ какой, говоримъ, радости? Вотъ промокли мы, иззябли до костей, проголодались, а теперь урокъ кончили. Придемъ въ казарму, обогрѣемся, обсушимся. «Ступайте-ка, говоритъ, за мной», и ведетъ насъ обоихъ къ себѣ въ квартиру. Ну, думаемъ, бѣда! Приводитъ насъ въ большую горницу, показываетъ на столъ: «Садитесь, говоритъ, гостями будете». Зоветъ потомъ повара и велитъ намъ ужинать дать, тащить все, что только въ домѣ есть. А самъ выноситъ намъ по большому бокалу вина. «Пейте!» говоритъ. Ослушаться нельзя. Выпили мы. Съ перепугу не знаемъ, что и дѣлаемъ. А онъ, глядимъ, еще по такому же бокалу подаетъ: «Пейте еще».—Нѣтъ, говоримъ, довольно, ваше высокородіе, не то захмѣлѣемъ, завтра на разрѣзъ не сможемъ выйти. «Ничего, говоритъ, я въ отвѣтѣ. Помните, какъ Разгильдѣевъ свою силу-армію угощалъ». Потомъ беретъ бумагу, пишетъ какую-то записку и кладетъ мнѣ за пазуху: «Покажи, говоритъ, утромъ дежурному». Какъ мы домой добрели, я ужъ и не знаю. Пьянехоньки оба, потому много-ль надо ослабѣвшему человѣку? Поутру ранымъ-рано на работу будятъ. Меня тоже толкаютъ, а я ничего и понять не могу. Языкъ не ворочается, за пазуху только руку

сую: тутъ, говорю. Посмотрѣлъ дежурный на записку и ротъ разинулъ: «Да ты, говоритъ, самимъ Разгильдѣевымъ освобожденъ на сегодня отъ работъ».

Познакомился я около этого же времени и съ уставщикомъ Монаховымъ. Толстопузый, съ краснымъ опухшимъ лицомъ и благодушнымъ смѣхомъ, выходившимъ скорѣе изъ его упитанной утробы, чѣмъ изъ горла, внѣшнимъ видомъ онъ мало напоминалъ то слово, отъ котораго происходила его фамилія. Казалось, никакія житейскія заботы и никакіе умственные интересы не занимали его, и изъ всѣхъ чувствъ, способныхъ волновать человѣческую душу, ему было доступно одно — чувство всеодуряющей скуки, отъ которой днемъ онъ искалъ спасенія въ свѣтличкѣ, въ болтовнѣ съ арестантами и казаками, а по вечерамъ и ночамъ въ картахъ и выпивкѣ. Въ послѣднемъ отношеніи онъ славился по всему Шелайскому округу: рѣшительно никто, не исключая и штабсъ-капитана, мало уступавшаго ему въ дородствѣ, не могъ его перепить. Если когда-нибудь и существовали у Монахова высшіе интересы и стремленія, то онъ давно уже позабылъ о нихъ: прочитывалъ случайно подвернувшійся обрывокъ газеты, журнала, какую-нибудь статейку, въ которой по слухамъ былъ намекъ на извѣстныя ему мѣстныя дѣла и отношенія, и дальше этого не шелъ. Политическіе взгляды его во всякій данный моментъ опредѣлялись взглядами ближайшаго горнаго начальства, къ которому онъ ѣздилъ время отъ времени представляться и дѣлать доклады о ходѣ работъ въ Шелайскомъ рудникѣ. Монахову, конечно, прекрасно было извѣстно, что никакихъ результатовъ и плодовъ отъ этихъ работъ горное вѣдомство не ожидаетъ, и потому онъ не сильно о нихъ заботился, предоставивъ все вѣдать и за все отвѣчать нарядчику; самъ же слѣдилъ только за успѣшностью и продуктивностью работъ столяра, бондаря, слесаря и кузнеца, которые снабжали его мебелью, шкафами, столами, самоварами, оковывали казеннымъ желѣзомъ сундуки, телѣги и проч. За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда наканунѣ бывало безшабашное пьянство, Монаховъ не пропускалъ ни одного дня, чтобы съ ранняго утра не забраться въ свѣтличку и не болтать тамъ со столяромъ, кузнецомъ и другими арестантами, не болтать обо всемъ, что взбредетъ въ голову, разсказывать анекдоты, подшучивать, острить, однимъ словомъ — употребляя арестантское выраженіе — тереть волынку. Онъ вскорѣ узналъ, конечно, что я за птица, и былъ со мной утонченно-вѣжливъ и пытался вести разговоры иного рода; но я чувствовалъ, что разговоры эти тяготятъ его, что этому ожирѣвшему мозгу трудно подниматься на давно забытыя вершины, и торопился уйти въ штольню, хотя бы тамъ и не было у меня никакого дѣла. Кончала кобылка свои уроки, выходила изъ свѣтлички выстраиваться — выходилъ вслѣдъ за нею и толстопузый Монаховъ. И долго, долго стоялъ онъ на одномъ мѣстѣ и смотрѣлъ вслѣдъ за нами, точно раздумывая о томъ, идти-ли ему домой обѣ-

дать или закатиться куда-нибудь въ гости. Но кругъ Шелайскаго бомонда былъ невеликъ, и Монаховъ, подумавъ и поколебавшись, начиналъ карабкаться въ гору, къ себѣ домой, гдѣ уже съ нетерпѣніемъ поджидала его хозяйка. Но вотъ, по дорогѣ къ тюрьмѣ, намъ попадалась навстрѣчу гремѣвшая бубенцами тройка, въ которой летѣлъ къ нему какой-нибудь гость изъ завода, горный или другой чиновникъ.

— Ну теперь пропалъ нашъ Монаховъ, говорила промежъ себя кобылка: съ недѣлю глазъ не будетъ казать.

Неловко чувствовалъ я себя въ тѣ дни, когда въ штольнѣ происходила обивка. Тутъ я видѣлъ полнѣйшую свою безпомощность и безполезность, видѣлъ, что сижу на плечахъ у другого. Самое большее, что я могъ дѣлать, это держать свѣчку или наставлять кирку; балдой же работалъ Семеновъ или кто нибудь другой изъ силачей. Никто изъ нихъ, правда, не ропталъ на меня; но мнѣ самому было жалко и противно мое безсиліе, мое дворянское худосочіе. Слушая, какъ стонетъ гора подъ могучими ударами Семенова и какъ самъ онъ при каждомъ взмахѣ молота рычитъ, подобно тигру; видя, какъ трясутся и падаютъ подъ его балдою увѣсистыя глыбы гранита, казавшіяся мнѣ несокрушимыми твердынями, я, сидя гдѣ-нибудь въ сторонкѣ на корточкахъ, со свѣчкой въ рукахъ, съеживался, скорчивался и душевно и физически превращался въ настоящаго ребенка, котораго пугала эта стихійная всесокрушающая сила...

— Будемъ продол-жать, Иванъ Николаевичъ!—кричитъ во все горло Ракитинъ, появленія котораго, занятые работой, мы съ Семеновымъ и не замѣтили. Онъ кончилъ свой урокъ въ шахтѣ и теперь прибѣжалъ посмотрѣть, что я дѣлаю.

— Давай-ка, Петруша, балду. Вотъ какъ я развернусь да ударю, какъ тряхну своей старинушкой дорогой, такъ ажно искры посыплются...

— Изъ глазъ,—сказалъ Семеновъ, подавая ему балду.

Ракитинъ дѣйствительно ударилъ разъ пять-шесть; но скоро ему надоѣло это занятіе, и, усѣвшись, онъ принялся болтать о чемъ попало.

Не безъ удовольствія вспоминаются мнѣ тѣ дни, когда я работалъ въ штольнѣ вдвоемъ съ «осиновымъ боталомъ». Работа подвигалась тогда медленнѣе, но за то было веселѣе. Даже когда Ракитинъ находился въ меланхолическомъ настроеніи и склоненъ былъ къ философскимъ и лирическимъ изліяніямъ, и тогда одно какое нибудь его слово, одна выходка разгоняли во мнѣ сразу всякую меланхолію. Иногда онъ молчалъ и, казалось, ничего не дѣлалъ, но достаточно было взглянуть на него, чтобъ вспомнить что нибудь веселое и отъ души расхохотаться. Однажды онъ былъ въ истинно трагическомъ положеніи. Выбуривъ уже вершковъ семь, онъ вдругъ сдѣлалъ самое плачевное открытіе.

— Иванъ Николаевичъ, а Иванъ Николаевичъ!—жалобно позвалъ онъ меня: вѣдь у меня бѣда.

— Какая бѣда?

— Камень-то, смотрите-ка, шатается... Того и гляди, совсѣмъ отпадетъ.

— Ну, такъ что-жъ? Тѣмъ лучше. У Петра Петровича патронъ сохранится. Въ другомъ мѣстѣ забуритесь.

— Въ дру-гомъ?! А эти чтобъ семь верховъ такъ пропали? Всѣ труды, т. е. мои? Что вы, Иванъ Николаевичъ! Да они развѣ поймутъ? Развѣ они способны? Они мнѣ же строжайшій выговоръ сдѣлаютъ, что забурился неладно; еще съ запиской, чего добраго, въ тюрьму пошлютъ.

— Ну, этого до сихъ поръ не случалось. Петръ Петровичъ, кажется, не такой человѣкъ.

— Всѣ они до поры до времени хороши! А по моему, Иванъ Николаевичъ, что бѣлая овца, что черная—духъ одинъ. Не заплакалъ бы я, кабы и всѣ они сегодня къ вечеру подохли, а завтра къ утрію пропали! Нѣтъ-съ, почтеннѣйшій господинъ мой, на этихъ людей завсегда удобнѣе съ опаской поглядывать. Беречь себя надо, чтобы все, значитъ, въ исправности было.

— Но вѣдь этотъ камень все равно отвалится? Смотрите, какую ужъ трещину далъ.

— Тс! не шевельте-съ. Эхма! да посмѣетъ-ли онъ у насъ отвалиться, Иванъ Николаевичъ? У Егора-то Ракитина? Чтобъ у Егора Алексѣевича Ракитина отвалился? Чтобъ семь верховъ пропало, трудовыхъ, кровныхъ семь! Да никогда этого... Ой-ой-ой! валится, Иванъ Николаевичъ, ей-Богу валится... сейчасъ вотъ упадетъ... Придется колѣнкомъ поддерживать. Мнѣ бы до восьми только достукать, еще вершочекъ одинъ. Тутъ и не надо больше, восьми вполнѣ будетъ достаточно.

И съ уморительно-серьезнымъ и печальнымъ видомъ онъ принялся потихоньку бурить, все время поддерживая двухпудовый камень колѣномъ. Я хохоталъ до упаду, глядя на эту картину, а Ракитинъ не переставалъ бурить и въ то же время болтать, то жалуясь на свою судьбу и проклиная злополучный день, когда онъ на свѣтъ зародился, то переходя внезапно къ бодрому и разудало-веселому настроенію, для котораго все на свѣтѣ—трынъ-трава! Наконецъ, ему удалось таки добурить до восьми вершковъ, и камень не отвалился. Ракитинъ радовался этому, какъ ребенокъ, плясалъ, визжалъ, даже черезъ голову перекувырнулся... Потомъ сѣлъ, подперся, пригорюнившись, рукой въ щеку и запѣлъ свое любимое:

На серебряныхъ волнахъ,
На желтомъ песочкѣ
Долго, долго я страдалъ
И стерегъ слѣдочки.

Однако, бѣда еще не вся была поправлена: трещина въ камнѣ была настолько велика, что нарядчикъ, придя палить, непремѣнно долженъ былъ замѣтить ее. Поэтому, Ракитинъ отправился въ свѣтличку, конспиративно приготовилъ тамъ глины и, вернувшись въ штольню, тщательно замазалъ всѣ щели около своего шнура. Петръ Петровичъ дѣйствительно былъ проведенъ.

— А намъ больше что же и надо? говорилъ, лукаво посмѣиваясь, Ракитинъ: чтобъ корыто было замочено, чтобъ дырка готова была; а какого она сорта и качества это ужъ дѣло Божіе и нарядчиково.

Ракитинъ находился въ числѣ сорока человѣкъ, представленныхъ въ вольную команду, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ выхода на свободу. Но странное дѣло: ни малѣйшей вражды къ Шахъ Лаасу, поступокъ котораго отдалилъ его освобожденіе, я никогда въ немъ не замѣчалъ. «Не пофартило, значитъ» — вотъ единственное объясненіе, которое давалъ онъ своему несчастію, и предпочиталъ не о прошедшемъ тужить, а о будущемъ мечтать. Онъ то-и-дѣло возвращался къ разговору о вольной командѣ.

— Вотъ хорошо-то было-бъ, Иванъ Николаевичъ! Вѣдь я ужъ три года, почесть, свѣта бѣлаго не вижу; жену и сыночка въ этакомъ видѣ отвратительномъ принимать долженъ на свиданіи: на ногахъ браслеты, и краса съ головушки бритвой снесена! А какъ выду я на волю, Иванъ Николаевичъ, да въ вольную одежу наряжусь, такъ вы, повстрѣчавъ меня, такъ и ахнете: гдѣ, скажете, красота такая на свѣтъ зарождается? У меня, знаете, у жены въ сундукѣ шапочка такая пуховая сохраняется, ровно котелокъ будто...

— А жены-то вы вѣдь не любите? Она, говорите, старая?

— Эхъ, Иванъ Николаевичъ, мало ли что нашъ братъ говоритъ. Языкъ-то тоже вѣдь скучать не любитъ. Какъ можно жены родной не любить? Это правда, конечно, что она лѣтъ на десять меня старѣ и теперь, какъ есть, совсѣмъ старушоночка. Ну, а все же законъ я соблюдать долженъ... особенно по трезвому виду. Пьяный—ну, тогда другое дѣло. Искра эта дьяволова ежели попадетъ намъ въ горло, тогда на человѣкѣ нѣтъ отвѣта.

— Чѣмъ же вы хлѣбъ станете добывать въ вольной командѣ?

— Примудримся, Иванъ Николаевичъ, примудримся! Первое дѣло—у меня къ торговлѣ большое склоненіе есть. Второе дѣло — жена у меня на всѣ руки мастерица большая — и шить, и стряпать, и торговать тоже. А главное, Иванъ Николаевичъ, тугъ секретъ нужно знать, чѣмъ торговать.

— Чѣмъ же?

— Да этой самой водицей дьяволовой.

— Т. е. водкой?

— Ну, да-съ, въ точку самую попали, ею-съ.

— Да вѣдь если попадетесь, опять въ тюрьму засядете.

— Это ужъ на фартъ. Все можетъ статься. И въ тюрьму за-

сядешь. Очень просто. Только съ моимъ, Иванъ Николаевичъ, умомъ орудовать можно. Сколько въ эту башку, еслибъ знали вы, заложено Господомъ Богомъ! Сколько тамъ всякихъ плантовъ и размышленіевъ колобродитъ! Эхъ!.. объ одномъ жалѣю: въ одномъ номерѣ съ вами не пожилъ, къ грамотѣ не пріобыкъ настоящимъ образомъ. Ну, а все же большое вамъ спасибо, Иванъ Николаевичъ, что свѣтъ показали. Безъ васъ никому бы тутъ и въ голову не вошло книжками заняться, потому туисы всѣ колыванскіе, простокишные. А теперь я все же склады мало-мало разбирать зачалъ. Немножко-немножко «Братьевъ-Разбойниковъ» не дочиталъ—отняли, Ироды! Чудесная книга; безпремѣнно куплю, какъ на волю выйду. Я вамъ лѣтомъ ягоды носить буду, Иванъ Николаевичъ. Кажный Божій день по цѣлому туису приносить стану, ей-Богу! Самому некогда насбирать будетъ, Кешку пошлю. Парню три года вѣдь, пора ужъ отцу помогать.

— А что, Ракитинъ, не приходитъ вамъ иногда въ голову туда, за сопки, махнуть?

— Это домой-то?

И безпечное лицо Ракитина вдругъ омрачилось и подернулось морщинками.

— Какъ не приходитъ, Иванъ Николаевичъ,—заговорилъ онъ таинственно: только теперь жена и сынъ по рукамъ, по ногамъ меня связываютъ. Ну, а всетаки попомните мое слово, Иванъ Николаевичъ—и Ракитинъ энергично ударилъ себя кулакомъ по колѣну: не буду я Егоромъ Ракитинымъ, коли не услышите вы обо мнѣ! Ужъ я дожду своей черты! Поэтому, что мнѣ безпремѣнно нужно побывать дома!

— Для чего это вамъ нужно?

— Ужъ есть тамъ у меня одно дѣльце. Человѣчекъ одинъ такой есть, что какъ подумаю о немъ, такъ ажно сердце у меня кровью обомретъ! Живъ не буду, коли груди ему не выѣмъ... Такъ вотъ и вопьюсь зубами, чуть только увижу!

— Бросьте, Ракитинъ, вздоръ говорить. И человѣка такого, вѣроятно, нѣтъ у васъ, и бѣжать вы вовсе не собираетесь.

— Кто? Я-то?! Еще какъ лататы-то задамъ, Иванъ Николаевичъ! Только, конечно, точки такой дождусь прежде.

Когда послѣ одного изъ такихъ разговоровъ мы вернулись въ тюрьму, то оказалось, что тамъ произошло уже давно желанное событіе: около сорока человѣкъ выпустили въ вольную команду, въ томъ числѣ Тарбагана, Малахова, Пестрова и Гандорина. Ракитина также немедленно увели за ворота, и, уходя, онъ долго махалъ мнѣ шапкой и восторженно кричалъ:

— Благодаримъ, за все благодаримъ, Иванъ Николаевичъ! Не помнинайте лихомъ Егора Ракитина. Ягодокъ безпремѣнно притащу вамъ. Въ ногахъ вываляюсь у господина начальника, а ужъ выпрошу, чтобъ пропустилъ.

За то для остававшихся въ тюрьмѣ былъ поднесенъ непріятный сюрпризъ въ видѣ новаго размѣщенія по номерамъ: придя въ свою прежнюю камеру, я узналъ, что уже переведенъ въ № 1. Кромѣ вышедшихъ на волю, я потерялъ Гончарова и Семенова, попавшихъ въ другую камеру, Гнуса и нѣкоторыхъ другихъ изъ старыхъ сожителей. Остались со мною Буренковы, Чирокъ, Владиміровъ и Желѣзный Котъ съ своимъ молотобойцемъ Ефимовымъ. Съ присоединеніемъ пяти новыхъ арестантовъ, насъ стало двѣнадцать человѣкъ, число, при которомъ атмосфера камеры могла быть сносной. Администрація тюрьмы время отъ времени производила подобныя перемѣщенія, имѣя въ виду ту же цѣль, какую преслѣдовала и рѣшительно во всемъ—однообразіе. Въ данномъ случаѣ имѣлось въ виду однообразіе духовное, такъ какъ предполагалось, что съ теченіемъ времени у каждой камеры могла создаваться своя особая физіономія и особый характеръ, могли выработаться единодушіе и единомысліе, при которыхъ возможны мечты о подкопахъ и сопротивленіи волѣ начальства. Я уже говорилъ, что Лучезаровъ былъ великій политикъ и имѣлъ всѣ шансы пойти далеко.

Какое-то невольное чувство обиды (странное, правда, въ каторгѣ) примѣшивалось каждый разъ къ моему настроенію, когда, приходя въ тюрьму, я узнавалъ, что «перегнанъ» на другое мѣсто: точно скотомъ распоряжались тобою, перемѣщая по капризу изъ одного стойла въ другое! Говорятъ, будто колодники съ сожалѣніемъ покидаютъ ту цѣпь, къ которой долгое время были прикованы, и я думаю, что въ этомъ утвержденіи есть доля правды. Я хорошо помню то мрачное недовольство, которое испытывалъ я послѣ каждой насильной разлуки со старыми стѣнами и сожителями и помѣщенія среди новыхъ, почти незнакомыхъ людей. То же самое чувствовалось и въ этотъ первый разъ. Мнѣ было невыразимо жаль и Гончарова съ Семеновымъ, и Тарбагана, и Малахова, и даже двухъ дикарей киргизовъ, спавшихъ у меня подъ нарами и нерѣдко смѣшившихъ весь номеръ своими продѣлками. Только присутствіе Чирка смягчало еще нѣсколько мое унынie; но и онъ, видимо, скучалъ безъ «чернопазаго дьявола» и Тарбагана. «Ученики», со времени отнятія книгъ, мало меня занимали, да и сами они стали какъ-то лѣнивѣе и грустнѣе: ходили слухи о предстоявшей весною «выборкѣ» на островъ Сахалинъ... Владиміровъ и прежде былъ вялъ и скученъ и большого интереса къ себѣ и привязанности внушить не могъ. Наконецъ, кузнецовъ я зналъ совсѣмъ мало; въ прежней камерѣ они стояли почему-то совсѣмъ на заднемъ планѣ. Новые же арестанты всегда казались мнѣ въ большинствѣ несимпатичными, угрюмыми, враждебно настроенными. «Нѣтъ, эти далеко не то, что тѣ были!..» думалъ я про себя...

II.

Магометане.—Усанбай Маразгали.

Магометане-инородцы, какъ всегда и вездѣ, держались въ Шелайской тюрьмѣ обособленно и замкнуто. Происходило это главнымъ образомъ отъ незнанія русскаго языка, а отнюдь не религіознаго фанатизма. Какъ только магометанинъ научался понимать русскую рѣчь и владѣть ею, взаимная непріязнь быстро смягчалась, и онъ почти сливался съ общею арестантскою массой. Къ сожалѣнію, у большинства инородцевъ нѣтъ ни стимуловъ, ни желанія учиться по-русски, такъ какъ каждый изъ нихъ постоянно мечтаетъ о возвращеніи на родину. Изъ вольныхъ командъ и съ поселенія они бѣгутъ сразу цѣлыми десятками, причемъ большая часть гибнетъ въ пути или снова попадаетъ въ тюрьму, и только рѣдкимъ единицамъ удается пробраться въ Хиву, Бухару и даже въ Афганистанъ. Причины непріязни къ нимъ русскихъ арестантовъ я указывалъ уже. Особенной нелюбовью пользуются сарты, народъ дѣйствительно мало симпатичный, раздѣляющійся на два главныхъ типа: одинъ угрюмъ, молчаливъ и откровенно лѣнивъ, другой, напротивъ, болтливъ, веселъ, но лукавъ и искусно умѣетъ отлынивать отъ работы, сваливая ее на товарищей. Я помню одного такого сарта, молодого здоровеннаго толстяка съ черной окладистой бородой, потѣшавшаго своей болтовней всю тюрьму. Онъ любилъ разсказывать о своихъ похожденіяхъ на волѣ и, хитро подмигивая, самъ про себя говорилъ, что Айдаръ Якубайка былъ «мошенчикъ, балшой мошенчикъ», что если «урусъ» поймалъ и посадилъ его въ тюрьму, то отъ этого онъ только «люченѣе», т. е. ученѣе сталъ, и когда выйдетъ опять на волю, то урусамъ плохо придется. Якубайка былъ забавенъ, смѣтливъ, любознателенъ, ко всякому разговору прислушивался и, несмотря на плохое знаніе языка, всегда какъ-то умудрялся что-нибудь понять. Эти качества могли бы снискать ему общее расположеніе арестантовъ, если бы не ужасная лѣность и хитрость во время работъ, гдѣ онъ показывалъ только видъ, что работаетъ, а всякую тяжесть сваливалъ на другихъ; къ этому присоединялась отвратительная жадность, обидчивость и сварливость. Онъ поминутно вступалъ въ драки и, при всей своей силѣ и дородствѣ, часто бывалъ при этомъ битъ, такъ какъ былъ неуклюжъ и комично неповоротливъ: то проламывали ему голову, то вырывали клокъ волосъ изъ бороды. И нужно было видѣть Якубайку во время драки: онъ превращался тогда въ подлиннаго звѣря, оскаливалъ зубы, страшно выворачивалъ бѣлки глазъ, рычалъ и визжалъ, подобно тигру. Къ чести его я долженъ, впрочемъ, сказать, что злопамятствомъ онъ не отличался: черезъ два часа онъ уже не помнилъ такихъ обидъ, за которыя русскіе арестанты, по крайней

мѣрѣ на словахъ, втеченіе многихъ и многихъ лѣтъ мечтаютъ отомстить. Выпущенный въ вольную команду, Айдарка немедленно бѣжалъ и, говорятъ, былъ убитъ степными тунгусами. Вѣроятно, хотѣлъ что-нибудь «скоропчить» (украсть), но Шелайское «люченье» не пошло въ прокъ: тунгусы оказались лучшими «мошенчиками», чѣмъ онъ...

Гораздо симпатичнѣе были киргизы, или, какъ сами они себя называли, кыргызы. Это были въ полномъ смыслѣ слова дѣти природы, сыны степей, совсѣмъ еще незатронутые лоскомъ осѣдлой, городской культуры. Среди нихъ попадались лица съ тонкими, деликатными чертами, съ благороднымъ очеркомъ лба и выраженіемъ глазъ. При видѣ этихъ удивительныхъ фигуръ, вышедшихъ изъ глубины нашихъ оренбургскихъ и туркестанскихъ степей, мнѣ нерѣдко вспоминались романы Купера и его трогательная исторія послѣдняго изъ Могиканъ... Такъ, врѣзались мнѣ въ память два брата-киргиза, Стамбеки—Теленчи и Эскамбай. Они пришли въ каторгу за грабежи каравановъ и неоднократный угонъ чужого скота. Теленчи былъ старшій и имѣлъ одинъ изъ тѣхъ симпатичныхъ обликовъ, о которыхъ я только что говорилъ: гибкій и тонкій станъ, длинное, смуглое, но совершенно европейское лицо съ небольшой эспаньолкой, глубокіе бархатистые глаза и нѣжныя, нерабочія руки. Онъ былъ слабъ и хрупокъ и, пользуясь правами старшаго брата—ара, почти не работалъ: Эскамбай исполнялъ обыкновенно двойной урокъ—и за него и за себя. Эта нѣжность братскихъ отношеній страшно возмущала кобылку, и на Теленчи сыпались отовсюду ругательства и попреки:

— У, лѣнивая татарская лопатка! Все только на братѣ ѣздишь! Радъ, что дурака нашелъ!

Теленчи былъ молчаливъ и постоянно грустенъ. Если бы можно было, онъ съ зари до зари лежалъ бы на нарахъ, не поднимаясь съ мѣста. Но спалъ онъ мало, и часто ночью я видѣлъ открытыми его длинныя рѣсницы, изъ-подъ которыхъ задумчиво глядѣли большіе темные глаза. Эскамбай спалъ безмятежно, а Теленчи все думалъ...

Эскамбай имѣлъ совсѣмъ другой характеръ и даже другія черты лица, болѣе грубыя и отвѣчающія монгольскому типу: выдающіяся скулы, желтоватый цвѣтъ кожи, нѣсколько вкось поставленные глаза. Пара выбитыхъ переднихъ зубовъ придавала ему еще болѣе дикарскій видъ. Но всѣ эти недостатки выкупались замѣчательно-добрымъ, дѣтски-веселымъ нравомъ. Эскамбай былъ добръ и услужливъ не только по отношенію къ брату, но и ко всѣмъ, кто только безъ злобы къ нему относился. Такъ, онъ находился въ большой дружбѣ съ Чиркомъ, который съ своей стороны благоволилъ къ нему. Забравшись къ нему подъ нары, Эскамбай лаялъ оттуда, какъ настоящая собака, блеялъ, какъ чистокровный баранъ, и куковалъ, какъ самая несомнѣнная кукушка. Чирокъ не выдерживалъ, вска-

кивалъ и начиналъ выгонять обидчика изъ-подъ наръ ремнемъ, крича:

— Ахъ ты, татарская лопатка! Гадъ! Творенье!

А Эскамбай рычалъ оттуда по своему:

— У, идъ паласъ! Кучукъ паласъ (собачій сынъ)!

И вся камера помирала со смѣху.

Тотъ же Чирокъ обучалъ Эскамбая просить милостыню въ русскихъ деревняхъ.

— Вѣдь безпремѣнно пойдешь по бродяжеству, ужъ я хорошо знаю вашу звѣриную породу. Только выйдешь въ команду, сейчасъ котелъ на плечи—и айда домой!

И Эскамбай, лукаво улыбаясь этому пророчеству, учился у него «стрѣлять подъ окнами» и «собирать саватейки» *), кланяясь въ поясъ и уморительно выговаривая:

— Матушки, батушки, подайте мылостынку Бога рады!..

Стамбеки дѣйствительно бѣжали впослѣдствіи изъ вольной команды, и о дальнѣйшей судьбѣ ихъ мнѣ ничего неизвѣстно.

Очень часто встрѣчаются среди киргизовъ, сартовъ, узбековъ и другихъ сидящихъ въ тюрьмѣ инородцевъ больные и при этомъ постоянно тоскующіе экземпляры, каждымъ звукомъ голоса, каждымъ движеніемъ выдающіе безпредѣльную грусть о далекой родинѣ, гдѣ остались жена, дѣти и другіе дорогіе сердцу люди. Чѣмъ особенно трагично положеніе этихъ несчастливцевъ, такъ это то, что писать домой письма для нихъ въ большинствѣ случаевъ безполезно: никогда почти не приходитъ отвѣта. Объясняется это различными причинами: и дальностью разстоянія почтовыхъ станцій отъ мѣстожительства родни, живущей гдѣ-нибудь въ глуши, въ деревнѣ, и еще больше незнаніемъ ею русскаго языка. Иногда, получивъ даже письмо отъ сына или брата съ каторги, узбекъ или сартъ не найдетъ никого, кто бы могъ не только написать отвѣтъ, но и прочесть самое письмо, написанное къ тому же обыкновенно варварски-безграмотно и неразборчиво. А писать изъ тюрьмы на татарскомъ языкѣ или получать не порусски писанныя письма тюремными правилами запрещается.

При переводѣ въ № 1 я былъ крайне обрадованъ, когда увидалъ сожителемъ и сосѣдомъ своимъ молодого узбека Усанбая Маразгали, который давно уже привлекалъ мои симпатіи и сожалѣнія. Впервые я обратилъ вниманіе во время вечернихъ повѣрокъ на его фигуру съ гибкимъ граціознымъ станомъ, легкой походкой и страннымъ лицомъ, то моложавымъ, красивымъ, весело улыбающимся, то старообразнымъ, съ замѣтными морщинками на щекахъ и горькимъ выраженіемъ губъ и черныхъ прекрасныхъ глазъ. Я сталъ разспрашивать арестантовъ и узналъ, что вся тюрьма его знаетъ и любитъ.

---

*) Попрошайничать—на арестантскомъ жаргонѣ. *Прим. авт.*

— Это Усанка-то? переспросилъ меня Гончаровъ: да одного только изъ этого звѣрья и видѣлъ я во всю жизнь, который маломало на человѣка походитъ. Этотъ совсѣмъ отъ ихняго брата особый. Мы-то безъ различія сартами ихъ всѣхъ называемъ, а по настоящему Усанка не сартъ. Онъ серчаетъ даже, когда его сартомъ зовутъ: «моя, говоритъ, узбекъ, а сартовъ наша сторона тоджи не любятъ». И чудной же парень этотъ Усанка, весельчакъ такой, забавникъ. Его и въ дорогѣ вся партія любила... И лѣни этой, которая въ Якубайкѣ сидитъ, въ немъ, помни, и слѣда нѣтъ: и за себя сработаетъ и другому еще пособить наровитъ. Я и то часто ему говорю: чего ты, Усанъ, надрываешься? Изъ нашихъ тоже вѣдь лодырей сколько хошь есть, рады на твоей спинѣ проѣхаться... Въ каторгѣ не надо себя черезъ силу нудить... Только смѣется, рукой машетъ: «Лядно! моя не боится!» А какое ладно: самъ, помни, совсѣмъ больной! Онъ вѣдь избитый весь... Съ дороги у нихъ побѣгъ былъ, въ ихней еще сторонѣ; отца-то и брата солдаты убили, да и самъ онъ при смерти былъ... Другой разъ такъ закашляется, бѣдняга, ажно смотрѣть тошно... За грудь схватится: «Тутъ, говоритъ, больно». Славный парень, безхитрошный, нечего говорить.

Въ рудникъ Маразгали не назначали, и потому я долго не имѣлъ случая познакомиться съ нимъ покороче, встрѣчаясь большею частью лишь на повѣркахъ; но въ тюрьмѣ ни о комъ чаще не говорили арестанты, какъ объ Усанѣ, о томъ, какой онъ безхитростный на работѣ, какъ черезъ силу тянется, не желая понять, что и «изъ нашего брата тоже есть подлецы». Всѣ единогласно хвалили также его веселость и любовно передразнивали плохой выговоръ русскихъ словъ. Между прочимъ, прошелъ однажды по тюрьмѣ слухъ, что Маразгали замѣчательно искусный борецъ, и что въ кухнѣ, въ борьбѣ на кушакахъ, онъ повалилъ подъ-рядъ троихъ русскихъ силачей, отъ которыхъ никто не ожидалъ такого срама. Тюрьма заволновалась. Большинство было въ восторгѣ отъ Усанбая и подзадоривало его къ дальнѣйшимъ подвигамъ; меньшинство же, тѣ, которые сами претендовали на славу хорошихъ борцовъ, негодовали и увѣряли, что только мараться не хотятъ, а то сразу могли бы «кишки выпустить татарскому гаденышу»... А Усанбай положилъ, между тѣмъ, одного за другимъ на полъ еще съ пятокъ хвастуновъ, изъ которыхъ многіе были вдвое тяжелѣе его и больше; но онъ бралъ подвижностью и ловкостью своего гибкаго молодого тѣла. Наконецъ, противники привели въ кухню самого Андрюшку Борца, дѣтину страшнаго роста и огромной силы. Его насилу, впрочемъ, уговорили—онъ трусилъ... Не понадѣявшись, должно быть, на свою силу, Андрюшка прибѣгъ къ подлой хитрости: не предупредивъ о способѣ, какимъ станетъ бороться, онъ вдругъ съ легкостью мячика перебросилъ Маразгали черезъ голову. Дѣлается это ужасно рискованно, чисто по-варварски: послѣ нѣсколькихъ примѣрныхъ эволюцій одинъ изъ борющихся внезапно падаетъ впередъ на одно

колѣно, а противника съ силой перекидываетъ въ то же время черезъ свою голову. Нерѣдки, говорятъ, случаи смертельныхъ исходовъ такой борьбы. Несчастный Маразгали сильно ударился плечомъ объ лежавшее на полу полѣно и долго послѣ того хворалъ. Противъ Андрюшки ополчилась вся тюрьма, но самъ пострадавшій только улыбался и, корчась отъ боли, говорилъ:

— Ничего, ничего. лядно.

Подвиги борьбы однако-же прекратились послѣ этого случая.

Я всячески старался сблизиться съ Маразгали, но странное дѣло: веселый и развязный съ другими арестантами, вѣчно шалившій и возившійся, меня онъ почему-то конфузился и избѣгалъ, отдѣлываясь обыкновенно ничего не значащими фразами и спѣша уйти въ свою камеру. Подражая арестантамъ, онъ долгое время даже называлъ меня на *вы*, хотя это было вполнѣ чуждо его родному языку, и не иначе обращался ко мнѣ, какъ со словами «гас-падинъ». Когда я заходилъ къ нему въ камеру, то, не имѣя возможности куда нибудь скрыться, онъ, конфузясь и то-и-дѣло отворачиваясь, волей-неволей принужденъ былъ вступать со мною въ бесѣду. Къ намъ присосѣживался какой-нибудь добровольцъ, являвшійся въ затруднительныхъ случаяхъ переводчикомъ: Маразгали уморительно-плохо говорилъ по-русски, и часто я буквально ничего не понималъ изъ его разсказовъ. Но, дойдя до исторіи своего побѣга, онъ обыкновенно оживлялся, переставалъ смущаться и съ горящими глазами и бурными жестами передавалъ о томъ, какъ онъ побѣжалъ, какъ въ него выстрѣлили... Онъ упалъ... На него набѣжалъ солдатъ со штыкомъ... Онъ вскочилъ, схватился за ружье и сталъ защищаться... Защищаясь, укусилъ солдату руку, и тотъ съ крикомъ убѣжалъ... Тогда налетѣла цѣлая толпа новыхъ солдатъ, его повалили и искололи штыками... Плохо понимая слова, я тѣмъ не менѣе живо представлялъ себѣ этого молодого тигренка, который, будучи окруженъ врагами и ни откуда не видя спасенія, визжалъ, царапался и кусался, дорого продавая свою жизнь и свободу...

Потомъ Маразгали переходилъ къ самому больному мѣсту своей исторіи. Съ дороги онъ по-татарски написалъ матери о томъ, что отецъ и братъ убиты, а ему самому срокъ каторги увеличенъ съ двухъ до десяти лѣтъ. Но мать, по его словамъ, вернула это письмо назадъ, говоря, что не вѣритъ ему, что писалъ его не Усанбай, а какой-нибудь «обманчикъ».

— Не вѣритъ... Ну, пущай не вѣритъ! съ горечью восклицалъ Усанъ, сердито махая рукой, а на глазахъ его стояли слезы.

По сбивчивымъ разсказамъ его самого и плохой передачѣ самозванныхъ переводчиковъ, только это немногое и могъ узнать я о прошломъ Маразгали. Однажды дошелъ до меня слухъ, что онъ выказываетъ необыкновенную понятливость въ грамотѣ и уже усвоилъ самоучкой половину русской азбуки. Я съ радостью ухватился за это обстоятельство и тотчасъ-же предложилъ Маразгали

учиться со мной. Услышавъ это, онъ почему-то страшно смутился и началъ умолять меня оставить его въ покоѣ.

— Гас-падинъ! поджалуста не надо, поджалуста!

Я приставалъ съ разспросами, почему; убѣждалъ учиться, увѣряя, что самъ онъ потомъ радъ будетъ, когда пойдетъ на поселеніе грамотнымъ человѣкомъ. Маразгали слушалъ молча, отвернувшись отъ меня; а потомъ опять шепталъ:

— Не надо, гас-падинъ, лютче не надо.

Я замѣтилъ даже слезы у него на глазахъ и пересталъ убѣждать.

— Это все штуки ихняго муллы Сафарбаева, сказалъ мнѣ одинъ русскій, слышавшій нашъ разговоръ: онъ запрещаетъ имъ учиться по-русски.

Я отправился немедленно къ Сафарбаеву, молодому еще сарту, который лучше другихъ шелайскихъ магометанъ читалъ по-арабски и зналъ Коранъ, почему и считался среди нихъ муллою, и прямо задалъ вопросъ: не по его-ли совѣту Маразгали не хочетъ учиться русской грамотѣ. Мулла разсмѣялся и отвѣчалъ, что магометанскій законъ не запрещаетъ никакихъ наукъ и языковъ, и обѣщалъ даже съ своей стороны поговорить въ этомъ смыслѣ съ Маразгали. Но вскорѣ послѣ этого случилось новое размѣщеніе арестантовъ по камерамъ, и Маразгали очутился неожиданно моимъ сожителемъ и сосѣдомъ. Сближеніе наше произошло тогда очень быстро, и мы сдѣлались друзьями. Сожителемъ Усанъ былъ незамѣнимымъ, веселымъ, всегда вѣжливымъ и услужливымъ. Всѣ арестанты по прежнему его любили и рѣзко отдѣляли отъ остальной массы магометанъ, не пользовавшихся въ большинствѣ случаевъ симпатіями; да и самъ Маразгали стоялъ какъ-то въ сторонѣ отъ нихъ, рѣдко подходя къ ихъ кучкамъ и невнимательно вслушиваясь въ гнусливое чтеніе муллы изъ священной книги. Онъ вообще не умѣлъ долго сосредоточивать вниманіе на одномъ какомъ-нибудь предметѣ. Когда я снова предложилъ ему обучаться русской грамотѣ, онъ съ радостью согласился, объяснивъ мнѣ прежнее свое нежеланіе тѣмъ, что очень меня боялся и, считая себя почему-то неспособнымъ, думалъ, что я буду за это сердиться... Умѣя немного по-арабски, онъ довольно скоро усвоилъ русскую азбуку и склады; даже научился довольно правильно писать тѣ слова, которыя я ему диктовалъ. Но, увы! плохое знаніе русскаго словаря не позволяло ему понимать прочитанное, и этимъ сильно охлаждалось рвеніе къ ученію. Для того-же, чтобъ скоро научиться говорить по-русски, ему нужно было совсѣмъ не жить въ одной камерѣ съ татарами, а этого почти никогда не случалось. Въ концѣ концовъ онъ такъ и не научился правильно говорить, хотя читалъ и писалъ недурно.

Вскорѣ я обстоятельно узналъ всю его грустную исторію.

Онъ былъ родомъ изъ Ферганской области, изъ окрестностей города Маргелана, гдѣ родители его занимались земледѣліемъ и

разведеніемъ фруктовъ. Въ самый городъ они изрѣдка ѣздили для торговыхъ цѣлей. Семья состояла изъ отца, матери и двухъ сыновей и жила очень дружно. Родителей огорчалъ только старшій сынъ Марасилъ, научившійся пить водку и играть въ кости. За это Норбюта Маразгали, отецъ Усанбая, часто жестоко билъ Марасила, но тотъ не унимался. Скоро онъ вошелъ въ долги, которыхъ отецъ не хотѣлъ уплачивать, и однажды ночью киргизъ, которому Марасилъ проигралъ въ кости значительную сумму, подошелъ къ ихъ дому, схватилъ лучшаго коня и поскакалъ въ степь. Норбюта замѣтилъ покражу, разбудилъ сыновей и верхомъ на коняхъ помчались въ погоню за похитителемъ. Они догнали его подлѣ самой его деревни, и Марасилъ первый свалилъ его съ ногъ ударомъ кистеня по головѣ. Норбюта-отецъ отрубилъ голову шашкой. Усанбай клялся и божился, что самъ онъ не билъ киргиза, а ограничился тѣмъ только, что подалъ отцу шашку; впрочемъ, онъ вполнѣ одобрялъ убійство, и когда я начиналъ съ нимъ спорить, полушутя, полусерьезно говорилъ:

— Зачѣмъ жить такому человѣку, Николяичикъ? (такъ называлъ онъ меня, не въ состояніи будучи выговорить «Николаевичъ»). Вороватъ, карты играйтъ... зачѣмъ жить?

— Да вѣдь и Марасилъ въ карты игралъ?

— Марасилъ померъ. Богъ наказилъ его.

— А ты самъ, Усанбай, никогда не пробовалъ играть?

— Пробоваль, Николяичикъ, говорилъ онъ смущенно виноватымъ голосомъ: разъ пять рублей кости пріиграль... Дорога... Алгачи тоджи разъ карты рупь пріиграль...

— Нехорошо, Усанъ.

— Да я такъ, Николяичикъ... Я не умѣй... Чортъ знайтъ! ничего не умѣй карты!

Когда убійство совершилось, начиналось уже утро, и убійцъ видѣлъ какой-то проѣзжій киргизъ. Норбюта съ сыновьями былъ вскорѣ арестованъ и осужденъ: самъ онъ на 15 лѣтъ каторги, Марасилъ на 10, а Усанбай, какъ несовершеннолѣтній, на два года. Безъ слезъ не могъ онъ вспомнить сцены прощанія съ матерью, которую, видимо, страстно любилъ. Да и самъ онъ былъ ея любимымъ сыномъ. Кто-то изъ арестантовъ похвалилъ однажды волосы Маразгали, нѣсколько вьющіеся и черные, какъ вороново крыло, съ синеватымъ отливомъ. Онъ оживился и сталъ разсказывать, какъ дома у него, по обычаю ихъ религіи, вся голова была бритая, только на макушкѣ оставался длинный локонъ-оселедецъ.

— Матъ оставилъ, матъ,—говорилъ онъ объ этомъ локонѣ:— глинный, глинный, вотъ такой... Ахъ, какъ матъ плакаль-прощался, лицо себѣ царапилъ, въ кровъ царапилъ, кричалъ... Ахъ, какъ онъ кричалъ, матъ!..

И каждый разъ, подойдя къ этому мѣсту разсказа, онъ замолкалъ, спѣшилъ уткнуться носомъ въ подушку и тамъ глубоко вздыхалъ.

халъ... Сильное душевное волненіе, радостное или горестное, онъ выражалъ также комичнымъ прищелкиваніемъ языка.

Въ партіи Маразгали было тридцать два человѣка узбековъ, сартовъ и киргизовъ, конвойныхъ же солдатъ только восемнадцать. На третьемъ или четвертомъ станкѣ отъ города Вѣрнаго, гдѣ происходила дневка, замышленъ былъ побѣгъ. Конвой, ничего не подозрѣвая, уставивъ ружья въ той-же камерѣ, гдѣ были арестанты, усѣлся играть въ карты; только за дверями поставили одного часового. По условію, Норбюта Маразгали съ крикомъ «Алла!» долженъ былъ кинуться на часового и обезоружить его, остальные должны были захватить ружья и перебить конвой. Норбюта такъ и сдѣлалъ—съ крикомъ «Алла!» обезоружилъ и умертвилъ часового; но остальные девятнадцать человѣкъ, бывшіе въ заговорѣ, очевидно, въ рѣшительную минуту дрогнули и, не захвативъ ружей, кинулись вразсыпную бѣжать, куда глаза глядятъ. Побѣжали въ томъ числѣ и Усанбай съ Марасиломъ. Конвой, опомнившись, выскочилъ изъ этапа и началъ стрѣлять въ бѣглецовъ. Норбюта былъ тутъ-же, у порога этапа, поднятъ на штыки. Бѣглецовъ затрудняли тяжелые кандалы, висѣвшіе у всѣхъ на ногахъ; кусты были не близко. Только троимъ удалось скрыться безслѣдно; остальные шестнадцать всѣ были перестрѣляны и переколоты. Усанбай былъ раненъ въ ногу и упалъ; но когда выстрѣлившій въ него солдатъ подбѣжалъ и хотѣлъ заколоть его штыкомъ, онъ поднялся на ноги и отнялъ ружье. Между ними завязалась рукопашная схватка, въ которой Маразгали такъ больно прохватилъ зубами руку солдата, что тотъ съ крикомъ убѣжалъ прочь. Но тутъ подоспѣли другіе конвойные и штыками и прикладами прикончили его. Такъ по крайней мѣрѣ сами они думали. По словамъ Маразгали, онъ больше сутокъ пролежалъ въ безпамятствѣ, а когда очнулся на вторую ночь, то сообразилъ, что надъ тѣлами убитыхъ стоитъ часовой, и что малѣйшій стонъ можетъ его погубить. Шестнадцатилѣтній мальчикъ, тяжело раненый, умирающій отъ нестерпимой жажды и боли, имѣлъ силу духа не издать ни единаго звука, не сдѣлать ни одного движенія до тѣхъ поръ, пока еще черезъ сутки не пріѣхалъ изъ Вѣрнаго докторъ и не сталъ свидѣтельствовать убитыхъ. Только тогда Маразгали простоналъ и пошевелился. Но даже и тогда озвѣрѣвшіе солдаты кинулись къ нему и, навѣрное, добили-бы, если-бы не докторъ. Избиты были даже и тѣ двѣнадцать человѣкъ, которые не дѣлали попытки къ побѣгу и все время оставались въ этапѣ. Вмѣстѣ съ ними Маразгали отвезенъ былъ въ Вѣрный и помѣщенъ въ лазаретъ; а тѣмъ временемъ, пока онъ болѣлъ и поправлялся, военно-судная комиссія осудила его и, принявъ во вниманіе несовершеннолѣтіе и увлекающій примѣръ отца и старшаго брата, прибавила восемь лѣтъ каторги.

Выздоровѣвъ, Маразгали опять былъ записанъ въ партію и отправился по старой дорогѣ. На третьемъ станкѣ, гдѣ происхо-

дилъ побѣгъ и гдѣ были убиты отецъ и братъ, онъ такъ горько плакалъ, что возбудилъ даже состраданіе конвоя. Старшій (тотъ самый, что былъ и въ тотъ разъ) подошелъ къ нему и сказалъ:

— Моли Бога, Маразгали, что нѣтъ здѣсь нѣкоторыхъ изъ тогдашнихъ солдатъ! они и теперь еще прикончили-бъ тебя. Зачѣмъ ты бѣгалъ?

— Я плякаль и ничего не могъ говорійтъ. Старшій пожалѣлъ меня и говорійтъ: пойдемъ, Маразгали, могила смотрѣть, гдѣ Норбюта и Марасилъ лежитъ. Я пошель. Ахъ, сколько я плякаль! Я взялъ тряпочки земля насыпалъ... та земля, гдѣ отецъ лежитъ, и всегда ее тутъ носійтъ.

И Маразгали показывалъ мнѣ небольшой мѣшочекъ, висѣвшій у него на груди, въ которомъ былъ зашитъ дорогой песокъ.

Часто, лежа на нарахъ съ заложенными подъ голову руками, онъ напѣвалъ грустнымъ речитативомъ на тотъ манеръ, какимъ вообще читаютъ магометане Коранъ, какую-то жалобу-молитву, сложенную однимъ сартомъ - муллою, шедшимъ вмѣстѣ съ нимъ въ каторгу. Къ сожалѣнію, я не помню ея дословно, хотя Маразгали и не разъ переводилъ мнѣ эту прекрасную, истинно-поэтическую пѣсню; но каждый разъ, какъ я слышалъ ея монотонный, горькій напѣвъ, у меня разрывалось сердце отъ тоски и боли.

«Мы покинули нашу родину, женъ, матерей, дѣтей и братьевъ, говорилось въ пѣснѣ муллы,—мы покинули наши прекрасныя поля, гдѣ ростутъ джугара, рисъ и марена, гдѣ спѣетъ и наливается сладкій урюкъ. Боже! не оставь насъ Ты, не позабудь на чужбинѣ!

«Страшна чужбина, куда мы идемъ, гдѣ безжалостные враги закуютъ насъ въ цѣпи, заключатъ въ мрачныя подземелья, заставятъ работать тяжкую работу... Никто не придетъ къ намъ, никто не пожалѣетъ... Великій Боже! не оставь же хоть Ты насъ на чужой сторонѣ, не позабудь насъ!

«Въ страшную годовщину разлуки, когда наши жены и матери будутъ оплакивать насъ, какъ мертвыхъ, рвать на себѣ волосы, царапать лицо до крови и призывать Тебя въ свидѣтели своего горя,—великій Отецъ! сосчитай ихъ и наши слезы, вспомни о насъ на чужбинѣ!»

III.

Успокоеніе.

Выше я упоминалъ уже о томъ, что съ дороги Маразгали писалъ матери, и письмо это она будто бы возвратила ему со словами, что его сочинилъ какой-то «мошенчикъ», что Норбюта и Марасилъ живы... По прибытіи въ Алгачи, Усанбай послалъ ей второе письмо, уже писанное на русскомъ языкѣ, въ которомъ повторялъ свои грустныя новости и просилъ имъ вѣрить, и ровно

черезъ восемь мѣсяцевъ, уже находясь въ Шелайской тюрьмѣ, при мнѣ получилъ его обратно съ надписью Маргеланской почтовой конторы: «за неявкой адресата письмо возвращается». Эти два обстоятельства: «невѣріе» матери и ея «неявка» ужасно смущали и огорчали Маразгали, и онъ часто спрашивалъ меня:

— Почему матъ не вѣритъ? Почему не приходитъ? «За неявкой»—какой неявка? Зачѣмъ?

Я самъ былъ какъ въ темномъ лѣсу и тщетно старался составить себѣ по неяснымъ и сбивчивымъ разсказамъ Маразгали какое-нибудь представленіе о почтовыхъ порядкахъ въ Ферганской области. Бѣдняга ровно ничего не зналъ, а я зналъ только фактъ, что никому изъ его земляковъ, которымъ я писалъ письма, ни разу не приходило съ родины отвѣта. Наконецъ, Усану первому пришла въ голову мысль, что мать, можетъ быть, умерла... Тогда я предложилъ ему сдѣлать еще одну попытку послать письмо на имя одного изъ дядей, Пирмата, который жилъ въ той же деревнѣ, но по торговымъ дѣламъ часто ѣздилъ въ Маргеланъ и имѣлъ тамъ большія связи. Чтобы окончательно обезпечить успѣхъ, я вызвался въ контору къ самому Лучезарову, изложилъ ему всю трагичность положенія Маразгали и просилъ, въ виду его исключительности, разрѣшить написать по-татарски. Къ удивленію моему, Лучезаровъ, почти не колеблясь, далъ разрѣшеніе: ему, видимо, польстило мое обращеніе къ его гуманнымъ чувствамъ. Мы съ Маразгали торжествовали. Въ ближайшее воскресенье мулла Сафарбаевъ написалъ подъ нашу диктовку письмо на татарскомъ языкѣ; я съ своей стороны самымъ точнымъ образомъ написалъ на конвертѣ адресъ и въ самое письмо также вложилъ конвертъ съ точнымъ адресомъ Маразгали. Однимъ словомъ все, казалось, было разсчитано и застраховано. Письмо было отправлено заказной почтой, и квитанція его сберегалась самымъ тщательнымъ образомъ. Оставалось терпѣливо дожидаться отвѣта. Почти каждый вечеръ съ тѣхъ поръ мы мечтали о томъ, какъ получитъ письмо дядя Пирматъ, какъ немедленно извѣститъ о немъ мать Усанбая, какъ послѣдняя будетъ рада и какъ поспѣшитъ отвѣтить. Но, увы! дни шли за днями, мѣсяцы за мѣсяцами, а отвѣта почему-то не приходило... И Маразгали впалъ въ мрачное отчаяніе...

— Вси померъ, вси!.. говорилъ онъ, ломая руки: и матъ померъ и дяда померъ... Никто не остался!

Даже какое-то озлобленіе по временамъ овладѣвало имъ.

— Зачѣмъ, Николяичикъ, матъ не вѣритъ? Почта не ходитъ? Зачѣмъ матъ родила меня? Надо убійтъ матъ, убійтъ!

— Что ты говоришь, Усанбай, Богъ съ тобой!

— Богъ тобой, Богъ тобой... Какой Богъ? Гдѣ Богъ? Зачѣмъ Богъ каторга дѣлалъ?

Я не зналъ, что отвѣтить на этотъ вопросъ и молчалъ, а Маразгали горестно прищелкивалъ по своему обыкновенію языкомъ и,

упавъ на постель, предавался «хапà». Такъ называлъ онъ свой мрачный сплинъ, въ которомъ находился иногда по нѣскольку дней, когда ничто не могло его занять и развеселить, когда все свободное отъ работы время онъ лежалъ, какъ пластъ, на нарахъ, закрывшись халатомъ, тяжело вздыхая и все думая и думая... Гончаровъ хорошо переводилъ это «хапà» русскимъ словамъ «думка». Однажды вечеромъ онъ былъ особенно грустенъ, и когда я приставалъ къ нему съ неотступными вопросами, объяснилъ:

— Ахъ, Николяичикъ! Сегодня матъ плячетъ... Сегодня я ѣхалъ каторга... Отецъ, братъ.. Матъ кричалъ, плякаль... Ахъ!

И вдругъ, всплеснувъ руками, самъ засыпалъ меня вопросами:

— Зачѣмъ, скажи, Николяичикъ, человѣкъ на свѣтъ приходитъ? Зачѣмъ каторга на свѣтъ? Зачѣмъ урусъ законъ нехорошій? Наша сторона законъ лютче: убилъ человѣкъ—самъ земля кушай! Башка рубитъ! Колъ сажайтъ! А то каторга... Мучиться, плякать... Ахъ! . нашъ законъ лютче. Умирайтъ надо, Николяичикъ!

Онъ глядѣлъ на меня глазами полными слезъ, и я пришелъ въ ужасъ при мысли, что Маразгали и дѣйствительно нѣтъ впереди лучшаго исхода. Но я утѣшилъ его, какъ могъ, стараясь разогнать черныя мысли о смерти и направить ихъ въ другую сторону.

А «хапà» продолжалась, становясь тѣмъ мрачнѣе и упорнѣе, чѣмъ ближе подходило лѣто, чѣмъ ярче зеленѣли за стѣнами тюрьмы сопки и сильнѣе доносился до насъ ароматъ расцвѣтшаго шиповника и лиловаго богульника. Здоровье Маразгали совсѣмъ пошатнулось; онъ все лѣто кашлялъ, иногда даже кровью, и хватался за бокъ, жалуясь на боль.

— Маразгали, говорили ему даже надзиратели, чего бы тебѣ къ фельдшеру хвостомъ не ударить? Дуракъ ты этакой, вѣдь изведешься совсѣмъ.

— Не хочу холстомъ, отвѣчалъ онъ, печально улыбаясь, скажутъ—холстобой, холстобой Маразгали! не хочу.

И нерѣдко мнѣ приходилось противъ его воли и желанія просить фельдшера освободить его на нѣсколько дней отъ работы. Тогда онъ по цѣлымъ днямъ лежалъ гдѣ-нибудь на дворѣ, закутавшись въ халатъ и предаваясь своимъ мрачнымъ думкамъ. Къ концу лѣта однако же онъ поправился, повеселѣлъ и опять сдѣлался на время душою камеры и всей тюрьмы. Опять возился, боролся, шутилъ съ арестантами, надрывался на работѣ. Вернулась и надежда получить письмо съ родины.

— Спой-ка что-нибудь, Усанка, говорили ему, шутя, арестанты, и онъ начиналъ читать нараспѣвъ свое любимое:

—Бала менѣ джинка,
Бала менѣ любка ..
Я поѣхалъ въ лѣсъ по дрова,
Шизая голубка.

Далѣе онъ не зналъ словъ этой пѣсни, да не понималъ смысла

и того куплета, который зналъ; но тѣмъ милѣе звучали въ его устахъ эти перековерканныя слова и тѣмъ больше вызывали смѣху.

— Нѣтъ, ты «старушку» спой, настоящимъ манеромъ спой, да попляши!

Маразгали, краснѣя, отказывался. Тогда кто-нибудь изъ бойкихъ входилъ въ середину собравшейся вокругъ него толпы и начиналъ плясать и пѣть:

А старушкѣ сорокъ лѣтъ,
Молодушкѣ году нѣтъ!

Услыхавъ знакомый и любимый мотивъ, Маразгали не выдерживалъ и тоже начиналъ подтягивать и очень мило покачиваться на подобіе того, какъ ходятъ дѣвушки въ хороводахъ, въ довершеніе сходства помахивая при этомъ платочкомъ.

Ой, старушка постарѣла,
Молодая, подбодрись!..

Кто-нибудь третій прихлопывалъ въ тактъ ладошами.

Но вдругъ, замѣтивъ по близости меня или кого-нибудь изъ надзирателей, любующихся его пѣніемъ и пляской, Маразгали страшно конфузился, обрывалъ пѣсню на полусловѣ и, сопровождаемый хохотомъ кобылки, убѣгалъ къ себѣ въ камеру ..

Онъ находился въ непрерывномъ движеніи: сейчасъ можно было встрѣтить его гуляющимъ по двору и съ любопытствомъ наблюдающимъ за ласточками, черезъ минуту увидѣть сидящимъ за книжкой или вяжущимъ себѣ татарскую феску изъ моихъ старыхъ шерстяныхъ носковъ; а еще черезъ минуту уже слышно было, какъ онъ возился съ кѣмъ-нибудь въ корридорѣ или опять весело напѣвалъ:

Бала менѣ джинка,
Бала менѣ любка...

Но я съ затаенной тревогой слѣдилъ за этимъ видимымъ воскресеніемъ, опасаясь, что оно временное и продлится недолго. И дѣйствительно: благодаря своей неосторожности на работахъ, отъ которой я безсиленъ былъ уберечь его, въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда наступила гнилая сѣверная осень, вѣтреная, то со снѣгомъ, то съ дождемъ, то съ внезапнымъ морозомъ, Маразгали сильно простудился и заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Пьяница-фельдшеръ не хотѣлъ было класть его въ лазаретъ и все допрашивалъ меня: чего я такъ хлопочу объ этомъ звѣренышѣ? Но я погрозилъ ему, что пожалуюсь начальнику тюрьмы, и онъ, вѣря преувеличеннымъ слухамъ о моемъ вліяніи на послѣдняго, немедленно исполнилъ всѣ мои желанія. Впрочемъ, если Маразгали и перенесъ счастливо эту болѣзнь, то единственно благодаря своей могучей природной организаціи, а отнюдь не заботливости или искусству этого темнаго эскулапа. Съ своей стороны я дѣлалъ все, что могъ, для Маразгали, дѣлился съ нимъ тѣмъ, что самъ имѣлъ, и все свободное время просиживалъ

близь его койки. Говорить ему много нельзя было, но онъ глядѣлъ на меня теплыми, благодарными глазами и ласково улыбался. Однажды онъ спросилъ меня шопотомъ:

— Я не умру, Николяичикъ, нѣтъ?

Я поспѣшилъ отвѣтить отрицательно и даже разсмѣялся дѣланнымъ смѣхомъ, хотя въ душѣ далеко не былъ увѣренъ, что опасности нѣтъ, и Маразгали горячо пожалъ мою руку. Онъ перенесъ эту тяжелую болѣзнь, но потомъ часто мнѣ сознавался, что сильно боялся смерти и страстно хотѣлъ остаться жить...

Между тѣмъ, въ моей головѣ созрѣлъ планъ освободить Маразгали изъ каторги и вернуть на родину. Планъ этотъ состоялъ въ подачѣ на Высочайшее имя прошенія отъ имени Усанбая съ изложеніемъ всей его плачевной исторіи, всѣхъ фактовъ и причинъ, погубившихъ его, безъ малѣйшихъ прикрасъ и оправданій. Мнѣ представлялось яснымъ, какъ Божій день, что если только прошеніе дойдетъ до Петербурга и будетъ прочитано, то свобода Маразгали будетъ обезпечена. Придя къ этому убѣжденію, я рѣшился опять прибѣгнуть къ гуманнымъ чувствамъ браваго штабсъ-капитана и просилъ у него разрѣшенія написать для Маразгали черновую прошенія. На этотъ разъ Лучезаровъ удивился моей просьбѣ и прежде всего выразилъ сомнѣніе, что просьба будетъ уважена.

— Такихъ просьбъ тысячи пишутся, сказалъ онъ, и изъ тысячи на одну обращаютъ вниманіе.

Я отвѣчалъ, что эта именно просьба и будетъ одной изъ тысячи, такъ какъ я глубоко увѣренъ въ ея правотѣ и законности. Лучезоровъ пожалъ на это плечами.

— Да какая ему польза будетъ? продолжалъ онъ еще отговаривать: вѣдь онъ... все равно умретъ?

На это я возразилъ, что всѣ люди смертны, и тѣмъ не менѣе каждый думаетъ о лучшемъ будущемъ.

— Ну, что же, рѣшилъ наконецъ Лучезаровъ: сочиняйте, пожалуй... Я прикажу потомъ своему писарю переписать.

Вернувшись въ тюрьму, я немедленно написалъ черновую прошенія, переливъ въ него, казалось мнѣ, лучшую часть моей сердечной крови... Лучезаровъ, прочитавъ, выразилъ полное одобреніе:

— Сильное у васъ перо, сильное!

И еще разъ подтвердилъ обѣщаніе отдать прошеніе писарю для переписки и отправить затѣмъ, куда слѣдуетъ.

Послѣ этого мы предались съ Маразгали мечтамъ еще болѣе радужнымъ, чѣмъ въ тотъ разъ, когда писали къ дядѣ Пирмату. Мы рѣшили, что ровно черезъ годъ, слѣдующей осенью, долженъ получиться отвѣтъ изъ Петербурга... Въ томъ, что отвѣтъ будетъ благопріятный, я не сомнѣвался ни на минуту и старался увѣрить въ томъ же и своего друга. Но однажды мы чуть серьезно не поссорились. Еще разъ (кажется, уже въ сотый разъ) заставивъ его

разсказать исторію убійства киргиза, я впервые обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что онъ подалъ отцу шашку, и мнѣ показалось, что раньше онъ скрылъ отъ меня это важное обстоятельство.

— Зачѣмъ же ты раньше не говорилъ мнѣ этого? разсердился я: я не упомянулъ объ этомъ въ прошеніи, и царь подумаетъ, что ты лжешь, потому что въ твоемъ дѣлѣ отыщется другой разсказъ.

Маразгали ужасно огорчился...

— Я говорилъ, Николаичикъ, говорилъ,—шепталъ онъ, оправдываясь и глядя на меня умоляющимъ взоромъ:—ты забылъ...

— Нѣтъ, ты скрылъ, Усанъ, скрылъ и этимъ повредилъ себѣ!

Но тутъ за Маразгали вступился Гончаровъ, много разъ подобно мнѣ слышавшій его разсказы о своемъ прошломъ и подтвердившій, что онъ точно упоминалъ о шашкѣ, и я напрасно обвиняю его во лжи.

Маразгали съ упрекомъ взглянулъ на меня.

— Вотъ видишь, вотъ видишь, вскричалъ онъ радостно, Маразгали ничего не врейтъ, Маразгали говорилъ... Онъ ничего не прятальі

Я былъ пристыженъ и принесъ повинную Онъ тотчасъ же простилъ и забылъ мою несправедливость, но имъ овладѣло уже безпокойство о томъ, ладно-ли написано прошеніе. Съ большимъ трудомъ я успокоилъ его, сообразивъ и самъ, что допущенная мной неточность, бывшая скорѣе простымъ умолчаніемъ, чѣмъ ложью, ни въ какомъ случаѣ не могла повліять на неблагопріятный исходъ дѣла.

Незабвенные вечера, полные вѣры и счастья! Мы оба такъ живо представляли тогда, что вотъ уже пришло Маразгали полное помилованіе, и онъ ѣдетъ домой, въ свой теплый и свѣтлый Маргеланъ... Онъ находитъ тамъ живой и здоровой мать и всѣхъ родныхъ... Онъ прекрасно устраивается, заводитъ обширное хозяйство и собственной рукой пишетъ мнѣ обо всемъ подробныя письма... Наши мечты забѣгаютъ иногда такъ далеко, что уже и я выхожу на поселеніе и ѣду къ нему же, Маразгали, въ его Маргеланъ; онъ угощаетъ меня урюкомъ, рисомъ и бараниной, и мнѣ до того приходится по вкусу Ферганская область, что я самъ рѣшаюсь тамъ навсегда поселиться... Въ концѣ концовъ Маразгали женилъ меня на узбечкѣ и плясалъ на моей свадьбѣ... Наивныя золотыя мечты! Что сталось съ вами?

Между тѣмъ, бравый штабсъ-капитанъ съ своей стороны хотѣлъ высказать Маразгали свое благоволеніе и въ самый день Новаго года объявилъ о выпускѣ въ вольную команду, до которой по закону ему оставалось еще около года. Выпускъ этотъ для обоихъ насъ былъ такъ неожиданъ, что Маразгали въ первыя минуты совсѣмъ растерялся; но, видимо, все-таки обрадовался... Обрадовался и я... Все-таки воля, думалось мнѣ: авось онъ тамъ расцвѣтетъ, поздоровѣетъ.

Однако, вспомнивъ, что намъ приходится разстаться, Маразгали внезапно омрачился и сталъ меня увѣрять, что не радъ вольной командѣ, что тюрьма лучше.

— Нѣтъ, Усанъ, утѣшалъ я его, тамъ лучше. Помни только все то, что я говорилъ тебѣ: не играй, не пей водки и не бѣги. Убѣжишь—тогда все пропадетъ, ни дома, ни матери не увидишь, потому что все равно поймаютъ. Жди лучше отвѣта на прошеніе.

— Лядно, лядно, Николяичикъ, спасибо. Будъ здоровъ.

И мы разстались.

Къ сожалѣнію, жизнь Маразгали въ вольной командѣ сложилась въ высшей степени несчастно. Не было тамъ руки, подобной моей, которая бы оберегала его отъ всего злого. Прежде всего у него сложились дурныя отношенія съ русскими вольнокомандцами-товарищами. Многіе и въ тюрьмѣ уже съ завистью поглядывали въ послѣднее время на то, что, благодаря дружбѣ со мной, онъ находился въ лучшемъ матерьяльномъ положеніи и жилъ, «словно баринъ какой». Не нравилось нѣкоторымъ и то, что я написалъ ему прошеніе, тогда какъ многимъ русскимъ отказывался писать.

— Чѣмъ онъ лучше насъ, татарскій змѣенышъ? Вѣдь каждому на волю-то хочется.

Путемъ разныхъ темныхъ слуховъ и сплетенъ недоброжелательство это перенеслось и за стѣны тюрьмы: говорили, что Маразгали самъ Шестиглазый покровительствуетъ, и что тутъ дѣло не спроста, что онъ язычкомъ, видно, ударять умѣетъ... Начались мелкія придирки и преслѣдованія. Представляю себѣ, что должна была выстрадать гордая душа Усанбая, благодаря этимъ неправымъ обидамъ и нападкамъ; представляю себѣ и дикія вспышки его чистовосточнаго гнѣва, во время которыхъ онъ и въ тюрьмѣ бывалъ страшенъ... Такъ, я помню одну стычку его съ Тараканьимъ Осердіемъ изъ-за какого-то злополучнаго мѣшка, полученнаго изъ стирки: Тараканье Осердіе признавало его своимъ, а Маразгали указывалъ на какой-то значокъ зубами, сдѣланный имъ на мѣшкѣ въ видѣ мѣтки. Сначало шло простое словесное перекосердіе, причемъ оба соперника держались обѣими руками за спорную вещь; но потомъ Маразгали внезапно вспыхнулъ, какъ огонь, и вслѣдъ затѣмъ смертельно поблѣднѣлъ... Руки задрожали и судорожно сжались... Онъ былъ живописенъ въ эту минуту со своей поднятой гордо головой и страшно потемнѣвшими глазами... Тараканье Осердіе выпустило мѣшокъ изъ рукъ и, шамкая про себя какія-то ругательства, отступило. Могу поэтому представить себѣ, какъ бѣгалъ однажды Маразгали съ ножомъ за вольнокомандцемъ, который обозвалъ его самымъ ужаснымъ для каждаго арестанта словомъ, означающимъ шпіона. На силу удержали его и успокоили. Естественно, что при такихъ условіяхъ онъ принужденъ былъ отдалиться отъ русскихъ и тѣсно сплотиться съ кучкой своихъ единовѣрцевъ-магометанъ. Жизнь вольнокомандцевъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ была даже хуже

жизни тюремныхъ арестантовъ: заработать копѣйку было негдѣ и нечѣмъ, и приходилось питаться, какъ и въ тюрьмѣ, одной казенной баландой, не имѣя ни чаю, ни сахару; а уроки казенной работы были подчасъ тяжелѣе и больше. На Маразгали свалили ночной караулъ у амбаровъ съ арестантскими вещами и продуктами. Ему приходилось бодрствовать по ночамъ въ жестокіе январскіе и февральскіе морозы, да и днемъ еще быть на посылушкахъ у надзирателей. Бѣдняга совсѣмъ изморился и началъ опять усиленно кашлять. Въ довершеніе злоключеній, въ началѣ великаго поста съ нимъ случилось несчастіе. Злобная и мстительная кобылка рѣшила подвести его, и вотъ, замѣтивъ однажды подъ утро, что Маразгали задремалъ на своемъ посту, кто-то утащилъ нѣсколько гирекъ изъ ящиковъ казенныхъ вѣсовъ. Проснувшись, онъ замѣтилъ покражу и началъ умолять арестантовъ вернуть гирьки; но негодяи не сжалились и даже поспѣшили донести эконому о пропажѣ. Исслѣдній впредь до рѣшенія начальника, который еще спалъ, приказалъ Маразгали идти въ тюремный карцеръ.

Я былъ въ рудникѣ въ то время, когда его привели, а, вернувшись съ работъ, узналъ уже, что Шестиглазый постановилъ держать Маразгали подъ арестомъ пять сутокъ. Каждый день посылалъ я заключенному черезъ парашниковъ табакъ и сахаръ и узнавалъ отъ нихъ, что здоровье его совсѣмъ плохо, что онъ лежитъ, не поднимая головы, и, по временамъ только, тихо стонетъ. На четвертый день ареста я уговорилъ фельдшера навѣстить Маразгали, и даже *онъ* нашелъ необходимымъ просить у Лучезарова разрѣшенія немедленно перевести его въ лазаретъ. Во время этого перевода я и увидалъ Маразгали, и едва узналъ. Мой бѣдный ферганскій орелъ, что съ тобой сталось?..

Онъ показался мнѣ какимъ-то ощипаннымъ, полинялымъ, постарѣлымъ и невыразимо жалкимъ! Желтый, блѣдный и грустный, онъ съ трудомъ улыбнулся мнѣ и кивнулъ головою; онъ едва переставлялъ ноги; волосы были всклокочены и влажны отъ лихорадочнаго пота. Даже одежда имѣла самый плачевный видъ: скомканная шапчонка, разорванный халатъ и рыжія дырявыя бродни...

Въ лазаретѣ его помѣстили въ отдѣльную маленькую камеру, и все свободное время я опять проводилъ съ нимъ. Признаюсь: теперь я временами даже желалъ ему смерти... Чего могъ, въ самомъ дѣлѣ, ждать онъ отъ жизни? Что еще могла она ему дать, кромѣ новаго горя, обидъ и лишеній? Самъ Маразгали, повидимому, былъ въ конецъ истомленъ, и той молодой жизнерадостности, той безконечной жажды—во что бы то ни стало существовать, какія замѣчались въ немъ во время первой болѣзни, теперь не было и слѣда. Но я старался отгонять прочь эти мрачныя думы и недобрыя желанія, старался увѣрить всетаки и себя, и больного, что онъ не умретъ и на этотъ разъ. Иногда, благодаря моимъ рѣчамъ, въ немъ опять вспыхивалъ огонекъ надежды; но чаще онъ грустно качалъ

головой въ отвѣтъ на всѣ мои увѣренія и горько улыбался. Все время онъ не переставалъ кашлять кровью. Однажды я засталъ его въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи. Онъ ждалъ меня и обратился ко мнѣ со страстными упреками:

— Зачѣмъ я не бѣжалъ, Николяичикъ? Зачѣмъ слушалъ тебя? Зачѣмъ ты говорилъ?..

И слезы хлынули градомъ... Вскорѣ послѣ этого ему стало какъ-будто лучше. Когда пріѣхалъ, наконецъ, тюремный докторъ, котораго давно уже тщетно ждали, въ немъ возродилась настоящая надежда, и, приподнявшись съ постели, онъ, казалось, съ мольбой устремилъ на него взоръ. Но докторъ едва взглянулъ на него и, махнувъ рукой, пошелъ вонъ. Я не вытерпѣлъ и подошелъ къ нему со словами:

— Сдѣлайте одолженіе, осмотрите получше этого больного... Быть можетъ, возможно что-нибудь сдѣлать.

Докторъ нахмурился.

— Братъ? Родственникъ?

— Нѣтъ, но судьба этого юноши очень трогательна...

— Будь она вдвое и втрое трогательнѣе, медицинѣ тутъ нечего дѣлать. Если бы можно было въ Италію или на островъ Мадеру, ну, тогда бы... Но въ каторгѣ...

— Но вы же его не осматривали совсѣмъ?

— То есть это что же такое? Учить меня? Служителя, больничные служителя! Господинъ фельдшеръ! Съ какой стати ходитъ сюда праздный народъ? Здѣсь не театръ, а больница. Здѣсь не трактиръ. Больные нуждаются въ спокойствіи.

Я пожалъ плечами и вышелъ вонъ.

Между тѣмъ, наступила новая весна. Прилетѣли первые ея вѣстники—маленькія вертлявыя плиски. Солнышко начало пригрѣвать сильнѣе. На крышахъ ворковали голуби; весело летали и чирикали повсюду забіяки - воробьи. На сопкахъ показалась зеленая травка и Маразгали сталъ выходить на дворъ грѣться на солнышкѣ. Возродились мечты о домѣ и матери...

— Николяичикъ, я видѣлъ сегодня, сказалъ онъ мнѣ однажды: ночью видѣлъ... Сартанка... красивый, красивый!

Онъ прищелкнулъ даже языкомъ для лучшаго опредѣленія красоты видѣнной во снѣ сартянки — и вдругъ страшно переконфузился, покраснѣлъ и укрылъ голову желтымъ больничнымъ халатомъ.

— Я выпишусь скоро, Николяичикъ, ей-Богъ, выпишусь! Смотри: я совсимъ здоровъ, совсимъ. Только вотъ тутъ немножко болитъ... тутъ... вотъ какъ это мѣсто... Какъ это самый мѣсто! Чортъ знайтъ, что тамъ болитъ? Сердце болитъ, печенка болитъ? Чортъ знайтъ!

Порывы жизнерадостности проходили, и ихъ смѣняла тупая, ничѣмъ не интересующаяся апатія, когда даже въ самые солнечные и теплые дни я не могъ уговорить его покинуть душную больницу

и выйти на свѣжій воздухъ. Тогда пугалъ его самый легкій вѣтерокъ, и ни птички, ни солнышко, ни первые цвѣты, которые я приносилъ ему изъ рудника, не могли развѣять его мрачнаго сплина. Внѣшній видъ его тоже быстро ухудшался. Тѣло превратилось въ настоящій скелетъ, въ лицѣ не было ни кровинки, на губахъ только играла порой кровь, да глаза горѣли особенно яркимъ огнемъ и необыкновенно расширились. Онъ догоралъ, какъ свѣча.

Долгое время я не хотѣлъ давать ему зеркала, котораго онъ просилъ, но наконецъ рѣшилъ дать. Придя къ нему на другой день, я засталъ его разбирающимъ передъ зеркаломъ волосы на головѣ. Увидавъ меня, онъ хрипло засмѣялся.

— Смотри, Николяичикъ, смотри: сидой... И тутъ сидой и тутъ... Весь волосъ—старикъ!..

— А сколько тебѣ лѣтъ, Маразгали?

— Богъ знайтъ. Судилься Маргеланъ—шестнадцать лѣтъ... Судилься Вѣрный—два годъ прошло... Дорога одинъ годъ... Алгачи сидѣль—еще годъ... Здѣсь—еще полтора годъ.

— Значитъ, тебѣ двадцать два года?

— Да, двадцать два. Кто знайтъ? Матъ знайтъ.

И при послѣднемъ словѣ онъ горько задумался.

Я давно уже чувствовалъ нѣкоторый упадокъ собственныхъ силъ и рѣшилъ, пользуясь этимъ предлогомъ, самому записаться въ больницу, предвидя близость роковой развязки и желая находиться послѣдніе дни при своемъ любимцѣ. Лампада угасала быстро, масло было на исходѣ...

Въ послѣдніе дни умирающій говорилъ со мной о Богѣ, спрашивалъ, куда попадетъ онъ—въ бегишъ—рай или джагенэмъ—адъ? Увидитъ ли отца и брата? Увидитъ ли мать? За послѣднее онъ особенно боялся, такъ какъ въ Коранѣ, по его словамъ, ничего не упоминалось о будущихъ судьбахъ женщинъ... Утромъ послѣдняго дня онъ еще разъ оживился, привсталъ на койкѣ и началъ яркими красками описывать Маргеланъ, восхищаясь его сладкимъ урюкомъ, рисомъ и проч., причемъ нѣсколько разъ прищелкнулъ даже языкомъ.

— Наша сторона, Николяичикъ, тоджи трава есть: всякая болѣзнь лечитъ, всякая болѣзнь!.. Ахъ! здѣсь нѣтъ такой трава... А эти лекарства... Чортъ знайтъ, ничего не помогайтъ, ничего!

И онъ опять прищелкнулъ языкомъ, чтобы лучше выразить свои горестныя чувства по этому поводу. Я не зналъ, что говорить, и нашелъ почему-то нужнымъ теперь сообщить ему одну слышанную мной новость, будто на Кавказѣ устраивается каторжная тюрьма для южныхъ инородцевъ, которые не въ силахъ выносить холоднаго сибирскаго климата. Услыхавъ это, онъ какъ будто обрадовался.

— Это хорошо,—сказалъ онъ серьезно:—Кавказъ хорошо.

И, улегшись снова, завернулся съ головой въ одѣяло. Я вы-

шелъ. Въ два часа дня пришелъ ко мнѣ больничный служитель Дорожкинъ, улыбаясь.

— Вотъ чудакъ, этотъ Усанка! Сейчасъ зоветъ меня: давай, говоритъ, ѣсть! Теперь много ѣсть буду... Больше, больше всего тащи!—Я притащилъ ему яицъ и хлѣба, и онъ три яйца съѣлъ и большущій ломоть чернаго хлѣба. Теперь спать легъ.

Я разсердился на Дорожкина.

— Съ ума вы сошли! Чго вы сдѣлали? Вѣдь черный хлѣбъ можетъ повредить...

Дорожкинъ засмѣялся.

— Ему-то повредить? Да вы что? Сами-то въ себѣ-ль вы? Все равно вѣдь не сегодня-завтра помретъ. Пущай на дальнюю дорогу провіантомъ запасается.

Я ничего не отвѣтилъ на это. Черезъ часъ Дорожкинъ снова вошелъ ко мнѣ.

— Теперь скоро... Конецъ.

Я встревожился.

— Почему вы такъ думаете?

— Потому одѣяло сталъ дергать и руками въ воздухѣ что-то ловитъ. Ужъ это вѣрный признакъ, я знаю.

Съ сильно бьющимся сердцемъ пошелъ я къ Маразгали и, не входя въ комнату, началъ слѣдить за нимъ. Лежа на койкѣ лицомъ къ стѣнѣ и, казалось, съ открытими глазами, по временамъ онъ дѣйствительно хваталъ что-то въ воздухѣ лѣвой рукой... Я тихо окликнулъ его—онъ не отозвался.

На вечерней повѣркѣ онъ былъ еще живъ и, внезапно поднявшись, заговорилъ что-то на своемъ языкѣ.

— Что ты, Маразгали?—спросилъ надзиратель.

— Ничего, лядно, отвѣчалъ онъ и опять легъ. Это были послѣднія его слова.

Заглядывая робко въ дверь, мы долго еще видѣли, что онъ дышетъ. Уставъ отъ томительно-долгаго ожиданія, я задремалъ на своей койкѣ. Около полуночи Дорожкинъ разбудилъ меня:

— Кончился!..

— Не можетъ быть?.. вырвался у меня совершенно непроизвольный крикъ, котораго Дорожкинъ не удостоилъ даже отвѣтомъ, и я поспѣшилъ за нимъ въ комнату Маразгали. Нѣсколько больныхъ арестантовъ уже толпились около тѣла, тщетно стараясь закрыть широко раскрытые, точно удивленно глядѣвшіе глаза. Я возмутился этой поспѣшностью и, отогнавъ прочь непрошенныхъ опекуновъ, взялъ исхудалую, какъ спичка, блѣдную, свѣсившуюся съ койки руку—она, показалось мнѣ, была еще тепла. Я посмотрѣлъ въ глаза, но они не глядѣли уже осмысленно и приняли нѣсколько стеклянный видъ. Усанбай Маразгали окончилъ свое земное поприще!

Дорожкинъ началъ суетиться съ приготовленіями къ обмыванью

покойнаго. Одна черта поразила меня въ этомъ старомъ бродягѣ, не признававшемъ ничего святого и ничего въ мірѣ не чтившемъ: довольно грубый и часто невыносимо-придирчивый съ больными, теперь, по отношенію къ мертвецу, онъ проявлялъ какую-то странную, почти материнскую нѣжность и заботливость.

— Ну, вотъ, гол-у-бчикъ!—приговаривалъ онъ, обмывая тѣло:— увидишь теперь и Маргеланъ свой и мать... Никто тебя больше не обидитъ, никто въ тюрьму не посадитъ.

Между тѣмъ, загремѣлъ замокъ, и въ больницу съ шумомъ вошли фельдшеръ и нѣсколько надзирателей, которымъ было уже дано знать о смерти арестанта...

Маразгали похороненъ на тюремномъ кладбищѣ, недалеко отъ дороги, по которой шелайскіе каторжники ходятъ въ рудникъ. Надъ его могилой нѣтъ креста, и зимой она вся бываетъ занесена снѣгомъ, а лѣтомъ густо покрыта цвѣтами богульника и томительно-душистаго шиповника. Какіе сны снятся тебѣ, мой дорогой, бѣдный мальчикъ? Нашелъ ли ты хоть тамъ, въ этой могилѣ успокоеніе отъ своей неисцѣлимой тоски по далекой родинѣ? И если да, то не къ лучшему ли случилось, что ты умеръ въ то время, когда жизнь не успѣла еще ожесточить тебя и загрязнить твой чистый, прекрасный образъ?..

Л. Мельшинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАБРОСКИ КАРАНДАШОМЪ.

Легенда.

I.

— Муму дрянь, муму прелесть, мумунъ, мумунъ,—кричала дѣвушка совершенно охрипшимъ голосомъ, носясь по комнатѣ.

Муму или Мумунъ—красивый маленькій песикъ, съ совершенно черной мордочкой, падалъ, опрокидываясь и неистово лая, стремился поймать край ея одежды. Едва однако удавалось ему достигнуть этого, какъ она быстро отскакивала, устремлялась въ противоположный уголъ комнаты, нагибалась и, вытянувъ шею, начинала хохотать. Маневръ этотъ всякій разъ совершенно озадачивалъ бѣднаго Муму.

Онъ осаживался на заднія лапки, напрягалъ уши и застывалъ въ этомъ положеніи, какъ бы соображая, что ему предпринять; но при малѣйшемъ его движеніи, она опять отскакивала, опять носилась по комнатѣ, и Муму опять, кувыркаясь, мчался за нею. Наконецъ совершенно утомленная, красная, она повалилась на полъ. Муму мигомъ очутился у нея на груди и, припавъ къ ея шеѣ, сталъ дѣлать видъ, будто хочетъ перегрызть ей горло.

— Муму мой прелестный, Муму мой восхитительный, мумуни, кутуни,—причитывала она, лаская ему спинку, и предоставляя ему распоряжаться ея горломъ, какъ ему вздумается.

Фантастическая прическа ея свѣтлыхъ и короткихъ волосъ разсыпалась, шпильки разлетѣлись во всѣ стороны, и она тяжело дышала отъ всей этой возни. Покусавъ немного ея горло, Муму нашелъ, вѣроятно, что этого будетъ достаточно. Онъ вытянулъ переднія лапки, склонилъ голову на лѣвый бокъ и началъ заглядывать ей въ глаза, готовый, при малѣйшемъ ея движеніи, лаять и двигаться. Но дѣвушка лежала неподвижно, ея пунсовый ротикъ былъ полуоткрытъ, и глаза смотрѣли лукаво изъ подъ опущенныхъ рѣсницъ. Казалось, этотъ вызывающій взглядъ не давалъ Муму совершенно успо-

коиться, онъ нервно поводилъ ушками, и она слышала, какъ билось его сердечко у нея на груди.

Въ открытое окно съ улицы донесся неясный звукъ рожка. Трубилъ кондукторъ на приближавшейся конкѣ. Заслышавъ рожокъ, дѣвушка вскочила съ такой стремительностью, что Муму покатился на полъ и завизжалъ отъ боли. Она подняла его, поцѣловала въ лобикъ и поставила на комодъ. Муму стоялъ смирно и внимательно слѣдилъ за тѣмъ, какъ она приводила въ порядокъ свои волосы.

Звукъ рожка раздался уже гораздо ближе. Она быстро набросила накидку на плечи и, одѣвая на ходу шляпу, уже скакала черезъ нѣсколько ступеней внизъ по лѣстницѣ. Муму кубаремъ катился вслѣдъ за нею. Въ эту минуту конка остановилась противъ подъѣзда, чтобы принять какую то старушку съ завязаннымъ глазомъ и маленькаго мальчика, служившаго ей проводникомъ. Кондукторъ не особенно вѣжливо помогалъ старушкѣ взобраться на ступеньки и, прежде чѣмъ та успѣла сѣсть, онъ уже далъ свистокъ кучеру.

— Подождите же,—крикнулъ какой-то господинъ.—Развѣ не видите, что еще дама желаетъ сѣсть?

Кондукторъ обернулся. Дѣвушка, сбѣжавшая съ лѣстницы, поймала не дававшагося ей въ руки Муму и, вся пунсовая, вскочила на подножку. Муму сердито залаялъ на кондуктора и поѣздъ тронулся.

— Опять Антоша *) на конкѣ, — воскликнула полная дама, сидѣвшая у окна и видѣвшая, какъ Антоша съ Муму вскочила на поѣздъ.—Алеша!—позвала она.

Изъ сосѣдней комнаты появился молодой человѣкъ.

— Антоша опять умчалась на конкѣ,—сказала дама жалобнымъ голосомъ.

Молодой человѣкъ презрительно улыбнулся, пожалъ плечами и хотѣлъ удалиться, откуда пришелъ, но дама воскликнула:

— Невозможно, чтобы она дѣлала все, что только ей вздумается! Я рѣшительно не знаю, что мнѣ съ нею предпринять. Мина Густавовна совсѣмъ за нею не смотритъ.

— Мина Густавовна глупа и ей подъ-стать смотрѣть за индюшатами, а не за взбалмошной непослушной дѣвчонкой. Я тебѣ, мама, говорилъ: слѣдуетъ взять англичанку и строго-настрого приказать ей, чтобы она не смѣла никуда выходить безъ твоего позволенія.

— Для меня это сущее наказаніе на старости лѣтъ возиться съ дѣвочкой, которую никто не воспитывалъ. Посмотри, голубчикъ, въ передней, навѣрное дверь открыта.

---

*) Антонина.

Разговоръ этотъ происходилъ въ гостиной. Сынъ отправился смотрѣть и, вернувшись, объявилъ, что дверь дѣйствительно брошена настежъ и никто, повидимому, не выпускалъ Антошу. Обстоятельство это окончательно взбѣсило Раису Ѳедоровну,—такъ звали даму.

— Позвони,—приказала она и, когда на зовъ явился лакей, она сердито сказала:

— Ты чего, Яковъ, не сидишь въ передней? барышня ушла и бросила дверь отпертой.

— Барышня ушла чернымъ ходомъ, я ихъ видѣлъ, — отвѣчалъ лакей.

— Такъ кто же это бросилъ дверь отпертой? — проговорила она уже совсѣмъ капризно, готовая заплакать.

— Вѣрно паничъ, паничъ никогда не скажутъ, когда уходятъ, я имъ сколько разъ докладывалъ, что такъ нельзя.

Яковъ ушелъ въ переднюю.

— Эта пара,—обратилась Раиса Ѳедоровна къ сыну,—способна меня съ ума свести. Ваня и безъ того разнузданъ, а теперь, когда поселилась у насъ Антоша, онъ совсѣмъ отъ рукъ отбился. Ты-бы ему, Алеша, сказалъ.

— Возьми англичанку, а для Вани студента, послѣдняя четверть у него очень плоха, и онъ можетъ не перейти въ пятый классъ.

— Еще-бы, онъ только прогуливается по цѣлымъ днямъ, а репетитора не желаетъ,—сказала мать и безнадежно махнула рукой.

— Желаетъ или не желаетъ, на это смотрѣть нечего; если онъ застрянетъ въ четвертомъ классѣ, онъ такъ разсобачится, что совсѣмъ перестанетъ учиться.

— Тебѣ, Алеша, слѣдуетъ приняться за нихъ, — сказала она, смотря на него съ выраженіемъ обожанія, смѣшаннаго съ мольбой.

Алеша зналъ, что онъ былъ кумиромъ матери и что передъ любовью къ нему таяли въ ней всѣ другія привязанности. Онъ былъ красивый, статный юноша, лѣтъ двадцати семи, безукоризненно одѣтый. Все, начиная съ его прически и кончая ботинками, носило печать того неуловимаго изящества, которое дается молодымъ людямъ, обладающимъ вкусомъ и любовью къ внѣшности. Ходилъ онъ тоже, если можно выразиться, по модѣ, плавно, точно скользя на своихъ узкихъ подошвахъ безъ каблуковъ.

— Право, Алеша,—сказала мать, — забери все въ свои руки, ты видишь, я больна.

— Хорошо,—отвѣчалъ сынъ,—но для этого нужно, чтобы у меня были настоящіе помощники, безъ хорошихъ помощниковъ я ничего не могу сдѣлать.

— Дѣлай, какъ знаешь, мнѣ предстоитъ операція, и пока мнѣ ее сдѣлаютъ, эта пара сведетъ меня съ ума.

На порогѣ показалась молоденькая дѣвушка лѣтъ 20 или 23, съ правильнымъ худымъ лицомъ и густыми темно-красными волосами.

— Вы гдѣ были, Мина Густавовна? — спросила хозяйка, готовая тотчасъ обрушиться на нее съ упреками.

— Я ходила къ садовнику, Раиса Ѳедоровна, — проговорила нѣмочка, — вчера вы мнѣ сказали насчетъ нашей латаніи.

— Ахъ, да! — вспомнила Раиса Ѳедоровна, ну, что же онъ, когда придетъ?

— Обѣщалъ придти сегодня вечеромъ, онъ говоритъ...

И между ними завязался безконечный разговоръ о садовникѣ, о растеніяхъ. Послѣ страсти къ старшему сыну, Раиса Ѳедоровна обожала растенія. И Антоша, уходившая изъ дому безъ позволенія, и Ваня, не закрывшій парадnаго хода, все было забыто. Когда уже онѣ наговорились вдоволь о латаніяхъ, бананахъ, арумѣ и проч., Раиса Ѳедоровна сказала:

— Антоша опять уѣхала на конкѣ.

— Ей нуженъ воздухъ, движеніе, — сказала нѣмочка, — ей скучно сидѣть одной, она привыкла въ деревнѣ на свободѣ жить.

Эта миленькая нѣмочка съ тонкимъ лицомъ, повидимому, лучше другихъ понимала, что нужно Антошѣ. Раиса Ѳедоровна опять начала испытывать тревогу. У нея никогда не было дочерей. Старшій сынъ не причинялъ ей никакихъ хлопотъ, и эта осиротѣвшая племянница совершенно неожиданно точно свалилась ей на голову въ то время, когда болѣзнь сдѣлала ее до крайности нервной и раздражительной. Теперь она готовилась къ серьезной операціи, и въ глубинѣ души ея зарождалось смутное опасеніе, что она не перенесетъ ея, и этотъ невольный страхъ передъ неизбѣжной кончиной дѣлалъ ее совершенно равнодушной ко всѣмъ окружающимъ, за исключеніемъ Алеши.

Антоша, прыгнувши на конку, помѣстилась около маленькаго мальчика съ живыми темными глазами, въ соломеномъ картузѣ. Онъ посмотрѣлъ на нее, улыбнулся, потомъ робко протянулъ палецъ и хотѣлъ тронуть Муму. Муму рванулся, тявкнулъ и чуть не схватилъ его за палецъ.

— Мумушка, дрянь, — проговорила Антоша и, обращаясь къ мальчику, прибавила:

— Не бойтесь, онъ не кусается, онъ хочетъ поиграть съ вами.

Мальчикъ, который было отодвинулся, опять приблизился къ ней, но руки протянуть не рѣшался.

— Вамъ съ пересадкой или безъ пересадки? — спросилъ кондукторъ, обращаясь къ Антошѣ.

Она стремительно сунула руку въ карманъ.

— Я не взяла денегъ съ собой! — вдругъ закричала она такъ громко и такимъ трагическимъ голосомъ, что всѣ сидѣвшіе впереди обернулись.

— Вставайте, — проговорилъ кондукторъ невозмутимо,— безъ денегъ ѣхать нельзя.

Антоша поднялась. Она была прелестна въ эту минуту, со своими растрепанными свѣтлыми волосами и краской смущенія на живомъ, подвижномъ лицѣ.

— Я заплачу за васъ,—сказала какая-то барыня, сидѣвшая впереди.—Вы куда хотите ѣхать?

— Я на желѣзную дорогу, — пролепетала Антоша, опускаясь на мѣсто, уже въ конецъ переконфуженная.

— Отлично,—сказала барыня, вамъ значитъ съ пересадкой.—Туда семь и оттуда семь.

— Оттуда я приду пѣшкомъ,—возразила Антоша, не переставая волноваться.

— Нѣтъ, лучше ужъ вы и оттуда пріѣзжайте, — сказала дама,—это будетъ покойнѣе.—Она подала кондуктору пятнадцать копѣекъ, и тотъ отдалъ сдачу Антошѣ.

Антоша смущенно смотрѣла на барыню изъ подъ своихъ длинныхъ, нависшихъ рѣсницъ. Та повернулась къ ней и видимо ею любовалась.

— Ничего, не смущайтесь,—говорила она,—вы мнѣ отдадите эти 15 копѣекъ.

— Какъ же я вамъ отдамъ?

— Когда нибудь я встрѣчу васъ и спрошу: помните вы мои 15 копѣекъ? Я васъ узнаю.

Антоша посмотрѣла на говорившую и такъ смущенно-мило засмѣялась, что барыня почувствовала непреодолимое желаніе сказать ей что нибудь пріятное; она нагнулась къ ней и прошептала:

— Я узнаю васъ по вашимъ глазкамъ, они у васъ прелестны, и по множеству родинокъ на вашемъ лицѣ.

Антоша покраснѣла еще больше и ничего не могла отвѣтить, а барыня велѣла кондуктору остановиться. Тотъ далъ свистокъ.

Конка остановилась на концѣ сквера, возлѣ большой строющейся церкви. Барыня вышла, обернулась и еще разъ ласково кивнула Антошѣ.

Первымъ побужденіемъ Антоши было спрыгнуть съ конки и побѣжать за барыней, но она всетаки осталась на мѣстѣ. Обернувшись, она увидѣла, что мальчикъ продолжаетъ восхищенно смотрѣть на нее и на Муму своими темными серьез-

ными глазами. Муму, повидимому, совершенно примирился со своимъ сосѣдомъ и если бы не ѣзда, непріятно волновавшая его, онь бы непремѣнно лизнулъ руку, которую тотъ началъ робко протягивать къ его мордочкѣ.

— Вы тоже на желѣзную дорогу?—спросила Антоша мальчика.

— Нѣтъ, милая барышня,—сказала старушка, сидѣвшая рядомъ съ мальчикомъ, намъ пересадка на Старо-Орловскую

Говоря это, она повернулась къ Антошѣ и та увидѣла большой темный выпуклый глазъ, другой былъ завязанъ черной лентой и изъ подъ-нея спускалась на носъ бѣлая тряпочка. Муму рванулся и сталъ лаять, старушка съ повязкой на глазу видимо ему не понравилась.

Въ это время, хватаясь за вертикальные столбы, поддерживающіе крышу открытаго вагона, кондукторъ проходилъ мимо Антоши.

— Можно съ моей пересадкой на Старо-Орловскую?—спросила она.

— Можно.

Мальчикъ взглянулъ на нее и все его личико освѣтилось ярко-болѣзненной улыбкой. Такъ улыбаются очень смышленныя дѣти, у которыхъ черезчуръ напряженно работаетъ нервная система.

— Я поѣду съ вами,—сказала ему Антоша.

Мальчикъ вспыхнулъ, отвернулся и быстро дернулъ за рукавъ старушку.

— Бабушка,—сказалъ онъ, указывая на Антошу пальцемъ,—она поѣдетъ къ намъ въ гости.

Бабушка повернула къ Антошѣ лицо, оно улыбалось, и здоровый глазъ ея тоже улыбался.

— Глупенькій,—сказала она и погладила внуку колѣно своей полной, бѣлой рукой безъ перчатки. Мальчикъ конфузливо улыбнулся.

Конка замедлила ходъ и, наконецъ, совсѣмъ остановилась, здѣсь предстояла пересадка. Антоша быстро выскочила и помогла бабушкѣ сойти на землю.

— Благодарю васъ, добрая барышня,—сказала старушка.

Они всѣ трое усѣлись на одну скамью въ кіоскѣ. Муму, обрадованный, что его не держатъ силой на колѣняхъ, сталъ неистово бѣгать и лаять, заигрывая со своей госпожей. Антоша притихла, она украдкой посматривала на бабушку и все хотѣла представить себѣ, какой у нея тотъ глазъ, на которомъ висѣла бѣленькая тряпочка, и болитъ ли онъ, а если болитъ, то какъ. Послышался звукъ рожка, бабушка тяжело поднялась со скамьи и съ тревогой спросила:

— Какой флагъ, Сая, зеленый или красный?

Флагъ былъ красный и они поторопились сѣсть. Антоша поймала Муму, передала его мальчику, а сама повела бабушку.

— Богъ да благословитъ васъ, добрая барышня,—шептала старушка.

Когда всѣ усѣлись, бабушка повернула къ Антошѣ свой здоровый глазъ и проговорила на-распѣвъ:

— Отецъ и мать радуются, глядя на васъ, милая барышня.

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери,—отвѣчала Антоша и ей вдругъ стало грустно.—Она вспомнила свою бабушку, которая лежала долго разбитая параличомъ и, наконецъ, умерла; а старушка, покачавши головой, спросила:

— Кто же научилъ васъ, милая барышня, быть доброй и ласковой къ бѣдной старой еврейкѣ?

Антоша встрепенулась. Тамъ, гдѣ она жила до сихъ поръ, никогда не возникало даже разговоровъ о томъ, кого можно любить, а кого нельзя. Ей на-дняхъ исполнилось семнадцать лѣтъ. Отношеніе всей деревни къ ней можно было формулировать нѣсколькими словами: «наша добрая маленькая барышня», и она была добра, не задаваясь никакими соображеніями. За словомъ еврей для нея не возникало никакихъ представленій. Она помнила изъ Священной исторіи, что Киръ, царь персидскій, покорилъ царство Вавилонское и, согласно пророчеству, далъ Іудеямъ свободу; а почему Іудеи, которымъ была дана свобода при Кирѣ, до сихъ поръ не получили ея, объ этомъ она никогда ничего не слыхала, а главное ничего никогда и не думала. Эта старая еврейская бабушка привлекла ея вниманіе потому, что была стара и безпомощна, а можетъ быть еще и потому, что Антоша чувствовала потребность въ болѣе живыхъ и теплыхъ отношеніяхъ, чѣмъ какія господствовали въ домѣ ея тетки. Мальчикъ былъ такой хорошенькій и ея Муму такъ сильно интересовался имъ, что между ними тотчасъ образовалась внутренняя связь. Слова бабушки привели ее въ полное недоумѣніе. Тонъ, какимъ были сказаны эти слова, и этотъ грустный, одинокій глазъ, устремленный на нее, все это взволновало Антошу. Ей захотѣлось сказать этой бабушкѣ что нибудь очень утѣшительное, но пока она соображала, недоумѣвая и краснѣя, бабушка засуетилась, вскочила и начала кричать:

— Господинъ кондукторъ, господинъ кондукторъ, намъ вставать здѣсь, здѣсь напъ переулокъ!

Кондукторъ просвистѣлъ, и конка остановилась. Со стороны, гдѣ сидѣла Антоша, проходила другая конка, и бабушка устремилась на противоположный конецъ. Антоша не успѣла опомниться, какъ услышала пронзительный крикъ мальчика и увидала, что старушка лежитъ распростертая на землѣ. Она бы-

стро соскочила съ конки и бросилась къ упавшей. Кондукторъ грубо кричалъ:

— Если сами не можете, то попросили бы, я помогу, только одно несчастье съ вами, намъ за это достается.

Послышался грубый смѣхъ, и чей-то мальчишескій голосъ произнесъ:

— Старая жидовка рухнулась.

Антоша съ помощью кондуктора подняла старую жидовку, которая, какъ видно, не такъ перепугалась за себя, какъ за своего внука. Тотъ, засунувъ два пальца въ ротъ, громко ревѣлъ. Несмотря на свой завязанный глазъ и на боль въ колѣняхъ отъ ушиба, она съ необыкновенной быстротой схватила мальчика за руку и оттащила отъ конки. Руки ея дрожали, губы посинѣли, и она не могла выговорить ни одного слова.

— Вы около нея останетесь? — обратился кондукторъ къ Антошѣ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, побѣжалъ къ конкѣ, давая знать пронзительнымъ свистомъ, что ничего страшнаго со старушкой не случилось и конка можетъ благополучно продолжать свой путь.

— Что съ тобой, что съ тобой,—волновалась бабушка, ты ушибся, чего плачешь?

Мальчикъ схватился за рукавъ ея и не могъ ничего выговорить.

— Всегда съ нимъ такъ. Когда онъ сильно испугается, не можетъ говорить,—обратилась старуха къ Антошѣ.

— Онъ не упалъ, бабушка,—утѣшала ее Антоша,—я видѣла, что онъ не упалъ.

— Такъ чего же плакать—протянула она,—ничего не случилось, ну, я старая, ну, я хотѣла встать, а ноги не послушались, ну я и упала, чего плакать? Онъ такой жалостливый,—добавила она въ его оправданіе.

Мальчикъ взглянулъ на Антошу и сквозь слезы улыбнулся.

Антоша вынула свой носовой платокъ и тщательно обтерла ему личико.

— Ничего не зашибъ? ничего не болитъ?—допрашивала его бабушка.

Мальчикъ качалъ головой и, увидѣвъ, что Муму стремится подпрыгнуть какъ можно выше, къ рукамъ Антоши, онъ расхохотался и, указывая на него пальцемъ, проговорилъ:

— Точно резиновый мячикъ.

— Вотъ и засмѣялся, —сказала бабушка, вотъ и хорошо.

Антоша поймала Муму и подала его ребенку, но Муму такъ опротивѣло сидѣть на конкѣ, что онъ вырвался изъ рукъ и забѣгалъ вокругъ нихъ, какъ бы желая показать имъ, что

именно этого-то только ему и не доставало. Тутъ Антоша замѣтила, что все темное платье бабушки было въ пыли, даже на лицѣ и на бѣленькой тряпочкѣ, закрывавшей глазъ, лежалъ слой пыли. Она опять вынула платокъ и хотѣла начать обчищать бабушку, но та воспротивилась.

— Нѣтъ, милая барышня, нѣтъ, зачѣмъ вамъ пачкаться отъ меня, я ужъ какъ нибудь домой дойду, тамъ, дома, у меня слуга есть, она меня почиститъ, а вы поѣзжайте, не пропустите конку, сядьте скорѣе и поѣзжайте; вы добрая, хорошая барышня и благословеніе Господне будетъ надъ вами.

Антоша не двигалась съ мѣста. Въ это время послышалась труба конки. Неужели ей оставить тутъ эту бѣдную бабушку съ этимъ хорошенькимъ мальчикомъ? Что-то приковывало и тянуло ее къ нимъ.

— Я васъ провожу до вашего дома,—сказала она робкимъ голосомъ.

— Господь васъ наградитъ; слышишь, Сая, барышня проводитъ насъ до дому.—Она подняла на Антошу свой здоровый глазъ и той показалось, что въ немъ дрожала слеза. Мальчикъ бѣжалъ впередъ, повидимому, совершенно довольный тѣмъ, что ему не нужно вести бабушку. Муму съ лаемъ то бѣжалъ впереди нихъ, то возвращался назадъ. Антоша взяла бабушку за руку и хотѣла ее вести. Тутъ оказалось, что бабушка потеряла свою палку; она даже хорошо не помнила, на конкѣ ли она ее оставила, или можетъ быть забыла у профессора-окулиста, который лечилъ ея глаза. До конки ее проводилъ знакомый, и она рѣшительно не могла сказать, была ли съ нею палка. На пересадкѣ ей помогала Антоша. Оказалось, что она еле могла идти безъ посторонней помощи, и Антоша должна была обхватить ее за плечи и такимъ образомъ провести до самаго ея дома. Домъ или, лучше сказать, дворъ, въ которомъ жила бабушка, находился въ узкомъ грязномъ переулкѣ и былъ сплошь заваленъ углемъ, антрацитомъ и строительнымъ матерьяломъ. Въ глубинѣ этого двора, въ покосившемся флигелѣ, и жила бабушка.

Когда Антоша остановилась около порога, старушка повернулась къ ней. Лицо ея было потно и красно отъ того напряженія, какое причиняла ей ходьба безъ палки, и она сказала прерывающимся отъ усталости голосомъ:

— Войдите ко мнѣ, и съ вами войдетъ счастье въ мой домъ, моя свѣтлая барышня.

Антоша вступила въ темную, загроможденную сундуками, комнату. На нее пахнуло чѣмъ то съѣдобнымъ, но чѣмъ, она не могла сразу опредѣлить. Слѣдующая комната была большая, свѣтлая, даже довольно нарядная и уютная. На диванѣ около окна, поджавъ подъ себя ноги, сидѣла маленькая дѣ-

вочка; она такъ была углублена въ какое то занятіе, что не замѣтила входившихъ, но мальчикъ, остановившійся за дверьми съ Муму, влетѣлъ въ комнату, и дѣвочка быстро спрыгнула съ дивана.

— Гдѣ ты, Сая, взялъ собачку?—закричала она.

Увидѣвъ незнакомую даму, она вдругъ смолкла, сложила руки и сдѣлала глубокій книксенъ, такой важный и граціозный, точно она присѣдала передъ принцессой. Когда она подняла голову, личико ея было совершенно серьезно, и только въ темно-синихъ глазахъ, какъ будто, порхало что то задорное.

— Учитель ее училъ кланяться,—сказала бабушка, съ гордостью глядя на свою внучку.—Мальчикъ подбѣжалъ и сталъ просить Антошу позволить поиграть съ Муму на дворѣ. Антоша проводила ихъ всѣхъ трехъ за двери и вернулась къ бабушкѣ. Старушка была въ другой комнатѣ. Черезъ минуту она вынесла на тарелкѣ миндальный пряникъ, рюмку вина, и поставивъ передъ Антошей, попросила ее не побрезгать и откушать.

Онѣ сѣли на диванъ, Антоша спиною къ двери, а бабушка лицомъ, и нѣкоторое время молча смотрѣли другъ на друга. Бабушка сняла повязку. Покраснѣвшій, распухшій глазъ съ сильно расширеннымъ зрачкомъ, казалось, смотрѣлъ, ничего не видя, и составлялъ странный контрастъ съ другимъ глазомъ, полнымъ еще блеска и силы.

— У васъ нѣтъ ни отца, ни матери; у кого же вы теперь живете?—спросила она Антошу ласково.

Антоша отвѣчала, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ ее привезли къ теткѣ, которую она никогда прежде не знала, потому что жила у бабушки очень далеко, и бабушка ея умерла.

— Вамъ хорошо было у бабушки? — спросила старушка.

— Хорошо, — сказалъ Антоша, и что то дрогнуло въ ея лицѣ при этихъ словахъ.

— Бабушка много для васъ дѣлала, а я вотъ ничего не могу сдѣлать для своихъ внучатъ,—заговорила старуха торопливо.—Ихъ привезли ко мнѣ послѣ смерти ихъ отца, и я ничего не могу для нихъ сдѣлать... Я бѣдная, совсѣмъ бѣдная, а онъ былъ образованный, онъ былъ докторъ, очень хорошій докторъ, и всѣ въ городѣ знали его и всѣ его любили. Ему было хорошо и намъ всѣмъ было хорошо. Онъ ничего не собралъ, потому что помогалъ и чужимъ, и своимъ, онъ всѣмъ помогалъ. Онъ не думалъ, милая барышня, что онъ умретъ и оставитъ дѣтей нищими, ему некогда было думать объ этомъ. Онъ одной рукой бралъ заработанныя деньги, а другой отдавалъ тѣмъ, кто не могъ работать, кто просилъ его о помощи.

И Богъ любилъ его, жена ему попалась хорошая, дѣти у него хорошіе, братъ младшій хорошій, охъ, какой хорошій. Онъ, покойникъ, всю семью поставилъ на ноги, и вся семья хорошая, но онъ одинъ былъ работникъ на всѣхъ насъ и вотъ онъ умеръ, умеръ, моя хорошая барышня, ум-еръ.—Старуха положила свою руку на колѣно Антоши и качала своей посѣдѣвшей головой.

— И когда онъ умиралъ,—опять начала она,—я не могла поѣхать къ нему, я лежала больная и не могла поѣхать къ нему Онъ былъ мой первенецъ, онъ держалъ всѣхъ насъ на этомъ свѣтѣ, и я не могла поѣхать принять отъ него послѣдняго его слова, не могла закрыть ему глазъ; и онъ говорилъ всѣмъ, кто стоялъ около него: — Скажите матери, что я думалъ о ней въ мою послѣднюю минуту, скажите ей, пусть она не плачетъ обо мнѣ и не убивается, мнѣ не страшно умирать, я исполнялъ волю Бога на землѣ, я помогалъ, а люди пусть помогутъ моимъ дѣтямъ, чтобы и дѣти могли дѣлать добро на этомъ свѣтѣ. Я плакала и молила Бога, чтобы Богъ оставилъ моего сына и взялъ меня, старуху, день и ночь молила я Его. Но видно не намъ знать, какъ лучше должно быть. И вотъ, когда я молилась всю ночь, я получила телеграмму: сыну моему лучше, есть надежда. Я роздала все, все, что у меня было, что я накопила по грошу за много лѣтъ, все роздала нищимъ, а черезъ день пришла телеграмма, что онъ умеръ...

Старуха стала плакать тихо, горько, со стонами и причитаньями.

Антоша уронила голову на плечо старушки и громко, по-дѣтски, заплакала.

— Вамъ жаль меня, добрая барышня, —говорила старушка, поднимая голову и глядя на нее затуманенными отъ слезъ глазами,— и какъ подумаю я, что никогда не войдетъ онъ въ эту дверь и не скажетъ: вотъ и я пріѣхалъ къ тебѣ, liebe Muterchen... Что бы съ нимъ ни случилось, гдѣ бы ни былъ онъ, всегда пріѣдетъ на пасху, чтобы и мнѣ былъ настоящій праздникъ, какъ и всѣмъ. И нѣтъ его теперь, нѣтъ, свѣтлая барышня, и никогда мои глаза не увидятъ его, и никогда уши мои не услышатъ его...

Дверь съ шумомъ отворилась, и дѣти, сопровождаемыя громкимъ лаемъ Муму, влетѣли въ комнату. Увидавъ бабушку и гостью плачущими, мальчикъ подошелъ къ старушкѣ, обхватилъ ея шею руками и сталъ что-то шептать ей на ухо.

— Не буду, не буду,—сказала она, взяла платокъ и приложила его къ своему больному глазу.

Когда мальчикъ отошелъ, она нагнулась къ Антошѣ и пояснила, что Саня напомнилъ ей слова профессора. Онъ при-

казалъ ему не позволять ей плакать, иначе глазъ никогда не перестанетъ болѣть.

— Хорошій мальчикъ, добрый мальчикъ, совсѣмъ какъ его отецъ.

Какіе то люди пришли со двора и стали звать зачѣмъ то бабушку. Она засуетилась, завязала глазъ и вышла.

Дѣвочка, стоявшая все время поодаль, подошла къ Антошѣ, положила ей руки на колѣни, и сказала:

— Я умѣю читать.

— Сколько же тебѣ лѣтъ?

— Мнѣ пять лѣтъ,—отвѣчала она,—а вотъ ему, Саѣ, семь лѣтъ; онъ на два года старше меня. Сая любитъ въ гнѣздѣ сидѣть, а я не люблю.

— Какъ въ гнѣздѣ сидѣть?—спросила Антоша и невольно расхохоталась.

— Вонъ его гнѣздо,—проговорила дѣвочка и, обернувшись, указала пальцемъ.

Антоша быстро вскочила и подошла къ тому мѣсту, куда указывала дѣвочка. Въ углу, между диванчикомъ и стѣной, былъ опрокинутъ деревянный ящикъ, наполненный соломой, переложенной тонкими хворостинками, на подобіе того, какъ укладываются птичьи гнѣзда. Въ глубинѣ, на тонкомъ слоѣ ваты, лежали деревянныя красныя яички.

— И яички, есть—замѣтила Антоша.

Но едва она успѣла произнести эти слова, какъ мальчикъ кинулся на дѣвочку и между ними произошла свалка.

— Ты опять, ты опять!—кричалъ онъ въ изступленіи.

Дѣвочка вцѣпилась ему въ волосы и неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта драка, если бы на порогѣ не появилась бабушка. Она схватила внука, Антоша дѣвочку, и такимъ образомъ имъ удалось растащить ихъ. Мальчикъ былъ красенъ, взволнованъ; дѣвочка, напротивъ, совершенно блѣдная, съ трясущейся челюстью.

— Она опять положила яйца въ гнѣздо, говорилъ Сая, волнуясь и заикаясь,—она все мнѣ нарочно, все нарочно!

— Не я, совсѣмъ не я,—оправдывалась дѣвочка.

— Не лги, Соничка,—протестовала бабушка,—не лги. Кто можетъ сдѣлать это? Никто этого не сдѣлаетъ, кромѣ тебя. Онъ никого не обижаетъ, зачѣмъ же ты всегда обижаешь его?

— Это она, бабушка, она,—твердилъ Сая, все еще красный и взволнованный.

Соничка взглянула на Антошу, потомъ подняла свой коротенькій носикъ кверху, и проговорила:

— Зачѣмъ же онъ дѣлаетъ гнѣзда? въ гнѣздахъ должны быть яйца.

— Самцы не сидятъ на яйцахъ!—воскликнулъ онъ;—самцы

дѣлаютъ гнѣзда, а на яйцахъ никогда не сидятъ, сидятъ самки.

— Ты же сидишь,—сказала Соничка.

— Всегда такъ, всегда, — начала бабушка, обращаясь къ Антошѣ.—Онъ цѣлый день себѣ занимается, то строитъ что нибудь, то возьметъ книжку, читаетъ, то поетъ въ гнѣздѣ, такой добрый, такой терпѣливый, а она ничего этого не любитъ. Стыдно, Соничка, стыдно.

Соничка взглянула изъ-подлобья на Антошу, надулась, отошла и сѣла въ уголъ.

Повидимому, она оставалась совершенно равнодушной ко всѣмъ добродѣтелямъ своего брата.

— Помирись съ Саей,—сказала бабушка,—ну, помирись же; папа не любилъ, когда вы ссорились, и вамъ не нужно ссориться.

Сая подошелъ къ Соничкѣ, но та отвернулась и не хотѣла съ нимъ мириться.

— Всегда, всегда такъ,—прошептала бабушка и качала своей сѣдой головой.

Когда Антоша возвращалась на конкѣ домой, она чувствовала себя возбужденной и, не переставая, думала о своемъ новомъ знакомствѣ, о бабушкѣ, которая убивается по сынѣ, о дѣтяхъ. Мальчикъ провожалъ ее и всю дорогу, краснѣя и волнуясь, отвѣчалъ на ея вопросы. У него есть мать, но она очень заболѣла и ее послали къ роднымъ въ Одессу. Папа жилъ въ Житомірѣ.

Когда она садилась, онъ поймалъ Муму и, подавая его Антошѣ, спросилъ, придетъ ли она опять къ нимъ со своею собачкой. Антоша обѣщалась непремѣнно придти, хотя бабушка и не приглашала ее.

II.

Прошло нѣсколько дней. Раиса Ѳедоровна рѣшила не дѣлать на дому операціи. Здѣсь ей не дадутъ покоя и она условилась съ профессоромъ поступить къ нему въ его частную лечебницу. Завтра былъ день, въ который она должна была лечь.

Антоша каждый день отправлялась куда то на конкѣ тайкомъ и дѣлала это такъ, что никто не могъ подстеречь ее. Ваня провалился на экзаменѣ; садовникъ не приходилъ. Все это волновало и раздражало Раису Ѳедоровну. Алексѣй Алексѣевичъ принималъ весь домъ подъ свое начальство. Онъ имѣлъ очень озабоченный видъ и безпрестанно твердилъ о томъ, что и по службѣ ему дѣлъ не обобраться, а тутъ приходится еще возиться съ этими двумя взбалмошными ребятами.

Когда въ этотъ послѣдній день передъ операціей всѣ собрались за обѣдомъ, онъ обратился къ матери и полушутя, полусерьезно проговорилъ:

— Знаешь, мама, какъ только я приму бразды правленія въ свои руки, первое, что я сдѣлаю, это не позволю Антошѣ носить утки.

Ваня фыркнуль и чуть не подавился кушаньемъ. Антоша вспыхнула.

— Я не только не ношу никакихъ утокъ,—сказала она,—но съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхала сюда, я не видала даже ни одной утки.

— Ты не видала утокъ, а носишь ихъ, — сказалъ Алеша совершенно серьезно.

Ваня на этотъ разъ не выдержалъ и громко расхохотался.

— Тетя!—обратилась Антоша къ Раисѣ Ѳедоровнѣ и вся побагровѣла отъ досады.—Скажите ему, чтобы онъ обращался со мною какъ слѣдуетъ, мнѣ уже исполнилось семнадцать лѣтъ.

— Алеша съ тобой шутитъ, а ты не понимаешь,—пропищала тетя съ видомъ жертвы.

— Я не понимаю такихъ шутокъ.

— Утки, моя милая кузина,—началъ Алеша, растягивая каждое слово и видимо любуясь собой,—утки, это суть ботинки съ резинками, которыя вы изволите носить.

— А почему нельзя носить ботинокъ съ резинками?—спросила она—у Мины Густавовны тоже ботинки съ резинками.

— И вы носите утки?—спросилъ Алеша и поднялъ свои красивыя брови.

Всѣ расхохотались.

— И я ношу утки, — проговорила Мина Густавовна, краснѣя.

— Я бы никогда не могъ полюбить женщину, которая носитъ утки.

— Слава Богу, что мы съ вами въ уткахъ,—сказала Антоша такимъ тономъ, что Алеша вскинулъ на нее глазами и точно въ первый разъ увидалъ ее. Онъ вдругъ притихъ и съ удивленіемъ сталъ ее разглядывать. «Неужели это она, Антошка, имѣетъ такой гордый, благородный видъ? Откуда взялась у нея подобная физіономія? Онъ никогда не замѣчалъ и не подозрѣвалъ, что въ этомъ лицѣ, съ красивымъ, слегка изогнутымъ носомъ и большими выпуклыми глазами, можетъ проявиться столько гордости и сознанія собственнаго достоинства. Она смотрѣла на него въ упоръ. Она, дѣйствительно, искренно радовалась, что она носитъ утки и что этотъ противный Алеша не полюбитъ ее. Все это вмѣстѣ взволновало и поразило ея кузена. До сихъ поръ онъ не удостаивалъ даже серьезно при-

смотрѣться къ ней. Ее привезли молоденькою, совершенно дикой, худой и скучающей дѣвочкой, и онъ почти не замѣчалъ ее.

Зима эта была настоящимъ для него тріумфомъ. Всѣ барышни города были отъ него безъ ума и даже дочь губернатора, красивая, вертлявая дѣвица, показывала ему особенное вниманіе. Онъ съ гордостью мысленно пріобщилъ ее къ двадцати пяти своимъ поклонницамъ, и вдругъ эта глупая Антошка осмѣливается радоваться, что утки помѣшаютъ ему влюбиться въ нее.

Онъ такъ долго ее разсматривалъ, что Мина Густавовна наконецъ сказала:

— Алексѣй Алексѣевичъ смотритъ на васъ такъ, какъ будто онъ васъ никогда прежде не видѣлъ.

Алеша принялъ серьезный видъ и сказалъ:

— Нѣтъ, конечно, я шучу, но, все же, кузина, вамъ нужно носить ботинки на пуговкахъ, какъ подобаетъ молодой, благовоспитанной дѣвицѣ.

— Мина Густавовна носитъ утки, и я хочу утки носить,— возразила Антоша невозмутимо.

Алеша ничего не отвѣтилъ. Онъ былъ слишкомъ хорошо воспитанъ, чтобы тутъ, за столомъ, объяснять, почему Минѣ Густавовнѣ можно носить утки, а ей, Антошѣ, нельзя.

Послѣ обѣда онъ подошелъ къ Антошѣ и тихонько сталъ объяснять ей разницу между ею и Миной Густавовной.

Антоша слушала съ недоумѣніемъ.

Понятія ея объ общественной іерархіи были чрезвычайно сбивчивы. Вмѣсто того, чтобы проникнуться своимъ превосходствомъ надъ нѣмочкой, ей еще сильнѣе захотѣлось раздѣлить съ нею насмѣшки кузена. Алеша увлекся своей ролью и ужъ готовъ былъ прочесть цѣлую лекцію, какъ вдругъ Антоша вскочила и убѣжала на балконъ. Онъ послѣдовалъ за нею, сердясь на себя за то, что помимо своей воли находитъ ее очень интересной, а главное, начинаетъ чувствовать неопреодолимое желаніе понравиться ей.

На балконѣ Ваня спорилъ съ Миной Густавовной. Это былъ высокій, тонкій мальчикъ съ длинными руками и ногами. Теперь онъ находился въ періодѣ физическаго разлада и умственной раздражительности. Съ Антошей у него постоянно происходили столкновенія изъ-за различныхъ пустяковъ. Антоша, поселившись у тетки, очень скоро пришла къ заключенію, что всѣ молодые люди противные, а мальчики противны и вдобавокъ еще грубы.

— Конечно,—говорилъ Ваня, заложивъ руки въ карманы и выпячивая свои пунцовыя губы,—разъ онъ жидъ, онъ обязанъ помогать христіанину.

Антоша навострила уши.

— Во-первыхъ, почему жидъ, а не еврей, а потомъ, по чему онъ обязанъ помогать?—спрашивала Мина Густавовна.

— Еще евреемъ называть,—протянулъ Ваня,—жидъ короче и больше идетъ къ нимъ. Если жида сажаютъ вмѣстѣ съ нами, онъ долженъ считать это за большую честь, и потому долженъ помогать намъ.

— Совершенно гимназическая логика,—вмѣшался Алеша, а по моему унизительно пользоваться услугами и помощью жида, котораго ты презираешь.

— Жиды всегда долбятъ все, что задаютъ, они такіе противные долбешки. Терпѣть не могу жидовъ. Вонъ идетъ старая жидовка!—закричалъ Ваня и, перегнувшись черезъ перила балкона, плюнулъ на голову проходившей женщинѣ. Антоша дико взвизгнула, подскочила къ Ванѣ и отвѣсила ему звонкую пощечину.

— Боже мой, она бьетъ моего сына! — раздался отчаянный вопль Раисы Ѳедоровны; и прежде чѣмъ всѣ успѣли опомниться и успокоить плачущую мать, Антоша уже сидѣла на конкѣ и вся красная, взволнованная, мчалась на Старо-Орловскую улицу. Нѣсколько дней подъ-рядъ она бродила въ этихъ мѣстахъ, напрасно желая отыскать тотъ дворъ, гдѣ жила бабушка съ внучатами. Она такъ упорно думала о бѣдной женщинѣ, что всякая старушка напоминала ей ее. Когда Ваня плюнулъ на голову какой то проходившей нищенкѣ, Антоша возмутилась до глубины души, и хотя она не видѣла, кто проходилъ подъ балкономъ и попалъ ли даже плевокъ на чью нибудь голову, она стихійно возмутилась этой выходкой, и ее опять неудержимо потянуло во дворъ, загроможденный углемъ и строительнымъ матерьяломъ. Ей смутно чувствовалось, что въ лицѣ проходившей старушки оскорблены всѣ бѣдныя старухи, и что она должна увидѣть бабушку и выказать ей какъ можно больше любви и участія.

Проходивъ цѣлый часъ по разнымъ переулкамъ, впадающимъ въ главную улицу, на которой шла конка, она почти уже отчаялась отыскать знакомый дворъ, когда вдругъ увидала на противопожной сторонѣ вывѣску: «Складъ угля, антрацита и лѣсного матерьяла». Антоша перебѣжала улицу и съ радостью убѣдилась, что дѣйствительно это дворъ, гдѣ живетъ бабушка. Тотчасъ у воротъ находилась сторожка съ надписью: «Контора», а по другую сторону длинный сарай, около него цѣлыя горы угля и антрацита, досокъ и бревенъ, и, наконецъ, въ самой глубинѣ покосившійся флигелекъ. Навстрѣчу ей бѣжали дѣти, они узнали ее и очень обрадовались. Антоша расцѣловала ихъ и спросила, дома ли бабушка. «Дома, дома» закричали они. Антоша вошла въ сѣни. Изъ большой комнаты

доносились звуки музыки. Бабушка сидѣла на диванѣ и, завидѣвъ Антошу, ласково кивнула ей головой и сдѣлала знакъ, чтобы та не мѣшала играющему.

Посреди комнаты, спиной къ дверямъ, стоялъ высокій, тонкій человѣкъ съ курчавой головой и игралъ на скрипкѣ. Антоша примостилась на крайнемъ стулѣ у дверей и вся превратилась въ слухъ.

Чѣмъ то далекимъ и роднымъ повѣяло на нее. Ей припомнился ихъ тѣнистый, деревенскій садъ; вечеръ; она сидитъ на берегу пруда со своей старой гувернанткой; весь день была она въ какомъ то возбужденно тревожномъ состоніи. Она смотритъ на зеркальную поверхность воды, ей хорошо и грустно въ одно и то же время. Вдругъ изъ-за горы доносятся звуки. Это ихъ деревенскій артистъ Левко играетъ на своей сопѣлкѣ. Незатѣйлива была та мелодія, но она говорила о чемъ-то ея сердцу, ей захотѣлось бѣжать въ гору, увидѣть того, кто игралъ, и она кинулась на грудь своей гувернанткѣ и стала хохотать. Вотъ опять она слышитъ музыку, но это не то, не то, это не сопѣлка пастуха. Эти нѣжные, гармоническіе звуки властно идутъ въ ея душу. Она затрепетала подъ наплывомъ сложныхъ чувствъ и ей ужъ не хочется смѣяться. Что говорятъ они, эти звуки, куда зовутъ ее, что обѣщаютъ?.. Она посмотрѣла на бабушку: та качала въ тактъ головой и видимо дѣлала надъ собою усилія, чтобы не заплакать. Эти звуки вѣрно говорили ей о смерти ея сына, о дѣтяхъ, оставшихся на ея попеченіи, и о томъ, что она ничего для нихъ не можетъ сдѣлать. Антоша вспомнила свою бабушку. Когда пѣли надъ ея трупомъ печальныя молитвы, она плакала навзрыдъ, потомъ старая гувернантка не захотѣла ѣхать къ теткѣ, и она осталась одна. Бабушка тоже осиротѣла, надъ ея сыномъ тоже пѣли печальныя, за душу хватающія, пѣсни, а бабушка лежала больная и не могла проститься съ нимъ, бабушка не видѣла, какъ онъ сдѣлался блѣднымъ, блѣднымъ, точно изъ воска, какъ похолодѣли его руки и какъ неподвижны стали его уста. А она, Антоша, все это видѣла, она всѣмъ существомъ своимъ почувствовала неумолимость смерти. Но въ томъ, что она все это видѣла и чувствовала, казалось, было какое то успокоеніе, а бабушка не имѣла этого успокоенія, и ей стало жаль бабушку, до боли, до страданія жаль. Она тихонько пересѣла на диванъ и вложила свою руку въ руки бабушки, а онъ все игралъ. Щеки ея покрылись яркимъ румянцемъ и глаза подернулись влагой.

Музыкантъ кончилъ, наконецъ, и повернулся къ нимъ.

Антоша сидѣла неподвижно и смотрѣла на него сіяющими глазами. Онъ неловко поклонился и уронилъ смычокъ. Она быстро вскочила и прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ нагнуться, под-

няла его и подала. Онъ что то пробормоталъ совершенно переконфуженный.

— Мой сынъ,—сказала бабушка.

Молодой человѣкъ опять поклонился. Антоша кивнула головой и вдругъ почувствовала, что эта комната стала ей необыкновенно дорога, такъ же дорога, какъ все то, что окружало ея умершую бабушку; нѣтъ, даже дороже: тамъ не было этого тонкаго юноши, который разбудилъ въ ея душѣ столько сладкихъ и горькихъ воспоминаній.

У него были густые черные курчавые волосы, темные совершенно еврейскіе глаза и очень красивый, выдающійся впередъ подбородокъ. Маленькіе усы еще не успѣли закрыть его выразительный ротъ. Онъ былъ настоящій еврей и принадлежалъ къ тому типу, который быстро утрачиваетъ юношескую свѣжесть. Мать говорила ему о томъ, какъ добра была Антоша, и въ эти нѣсколько дней его воображеніе много разъ рисовало ее, но всегда не такой, какой онъ ее увидѣлъ. Была ли она лучше, или хуже, онъ не задавалъ себѣ этого вопроса, но ему хотѣлось смотрѣть и смотрѣть на нее безъ конца. Что заставило ее придти сюда, въ это жилище скорби и плача? Здѣсь все было пропитано для него горечью утраты. Здѣсь оплакивалъ онъ свою артистическую карьеру. Онъ долженъ былъ оставить московскую консерваторію, потому что нечѣмъ было жить и платить за право ученья. Ему казалось, что со времени смерти брата ни одинъ свѣтлый лучъ не проникалъ въ этотъ покосившійся флигель, и на всемъ лежала черная пыль отъ каменнаго угля. Эта пыль засыпала всѣ его надежды, всѣ его мечты. Цѣлые дни бродилъ онъ, отыскивая себѣ какое нибудь занятіе, и только вечеромъ, когда онъ приходилъ уставшій и съ отчаяніемъ въ душѣ, ему можно было поиграть на скрипкѣ, и онъ выливалъ въ ней всѣ свои муки, все свое отчаянье, всѣ свои разбитыя надежды.

Антоша со своими свѣтлыми волосами, окружавшими ея голову, подобно ореолу, съ восторгомъ который свѣтился въ ея глазахъ и озарялъ ея лицо, показалась ему какимъ то сномъ, какимъ то видѣніемъ. Что ее привело сюда?

И такъ какъ оба молодые люди ничего не говорили, бабушка стала говорить за нихъ.

— Вы опять отыскали насъ, милая барышня, не побрезгали заглянуть въ наше бѣдное жилище. Хорошо играетъ онъ, правда, хорошо?

— Да, хорошо,—проговорила Антоша и покраснѣла.

Матово-блѣдное лицо скрипача тоже заалѣло.

— Учиться нечего ему, а учиться не на что; когда жилъ братъ, онъ хотѣлъ послать его заграницу къ самому лучшему

скрипачу, а теперь, кто дастъ ему возможность идти дальше! Всѣ мы остались теперь бѣдными и несчастными.

Пока она говорила, сынъ подошелъ къ ней и, положивъ свою руку ей на плечо, сказалъ:

— Не надо, матушка, не надо.

Онъ прибавилъ вполголоса нѣсколько словъ, которыхъ Антоша не поняла, но старушка поправила косынку на шеѣ и старалась весело смотрѣть на Антошу.

— У кого вы живете?—спросила она.

Антоша отвѣтила, что она живетъ у тетки и назвала ея фамилію.

— Это вашъ братъ служитъ у губернатора, Алексѣй Алексѣевичъ?—спросилъ юноша.

— Да, это мой двоюродный братъ, а вы его знаете?

Онъ вспыхнулъ и, нѣсколько минутъ пристально вглядываясь въ Антошу, проговорилъ:

— Вы вѣрно не похожи на вашего брата.

— Да, я не похожа на своего брата. Антошѣ вдругъ показалось, что онъ скажетъ многое, очень многое скажетъ ей о ея кузенѣ, и все, что онъ можетъ сказать, ей непріятно будетъ услышать.

Лицо музыканта было почти сурово. Онъ могъ ей сказать, что ненавидитъ Алексѣя Алексѣевича всѣми силами души своей. Онъ зналъ, что Алексѣй Алексѣевичъ всегда съ непоколебимымъ упорствомъ вредитъ евреямъ. Несмотря на то, что онъ еще такъ недавно пріѣхалъ въ этотъ городъ, онъ уже чувствовалъ надъ собою тяжелую руку Алексѣя Алексѣевича и какъ будто тѣнь отъ этого врага падала на эту дѣвушку, которая такъ просто, довѣрчиво сидѣла тутъ и съ такой добротой отнеслась къ его матери. Онъ вдругъ какъ бы весь оледенѣлъ, и чувство восторга, какое она возбудила въ немъ, теперь смѣнилось злобой. Онъ злился на нее и на себя. На нее за то, что она сестра Алексѣя Алексѣевича, а на себя за то, что онъ не можетъ не восхищаться ею.

Когда бабушка узнала что она изъ такого важнаго дома, она засуетилась и посовѣтовала Антошѣ скорѣй возвращаться домой. Темнѣетъ и ее могутъ искать.

Антоша нехотя поднялась съ мѣста.

— Проводи барышню,—обратилась старуха къ сыну.

Онъ взялъ шляпу и молча шелъ позади Антоши. Во дворѣ къ нимъ присоединились дѣти. Онъ оживился, сталъ ихъ поддразнивать и не прошло пяти минутъ, какъ они уже высказывали всѣ свои задушевныя мысли и желанія. Соничку онъ отрекомендовалъ, какъ совершенно прозаическую и легкомысленную особу, которая удовольствуется двумя, тремя наряд-

ными платьями, а Сая, о, Сая поэтъ. Ему уже теперь знакомы страданія.

Когда они поджидали конку, онъ вдругъ повернулся къ Антошѣ и торопливо спросилъ:

— Вы скажете у себя дома, что были въ гостяхъ у бѣдныхъ жидовъ?

Антоша вспыхнула, она точно захлебнулась воздухомъ и ничего не могла отвѣтить.

— Лучше не говорите,—сказалъ онъ и, приподнявъ шляпу, поклонился.

Когда она, уже сидя конкѣ, обернулась посмотрѣть, ушелъ ли онъ, она увидѣла, что онъ все еще стоитъ на мѣстѣ и смотритъ ей вслѣдъ. И городъ этотъ, который казался ей такимъ скучнымъ и тѣснымъ и пыльнымъ, сдѣлался дорогъ и милъ.

Подъѣзжая къ дому, она вспомнила, при какихъ обстоятельствахъ убѣжала изъ него; ей стало совѣстно за пощечину, данную Ванѣ. Она вошла робкая, съ сильно бьющимся сердцемъ, готовая просить прощенія и у тетки, и у Вани, и даже у самаго Алеши. Ей хотѣлось быть теперь со всѣми примиренной и доброй, доброй.

Въ ея отсутствіи произошли нѣкоторыя объясненія, которыя совершенно повернули общественное мнѣніе домашнихъ въ ея пользу. Алеша, на этотъ разъ, не только принялъ ея сторону, но постарался даже доказать матери, что его кузина иначе и поступить не могла.

Раиса Ѳедоровна, ужаснувшаяся сначала пощечинѣ, теперь готова была плакать, слушая, какъ ея возлюбленный Алеша доказывалъ, какой это срамъ плюнуть на голову бѣдной старой женщинѣ. Несчастная Антоша, перепуганная ея воплями, убѣжала изъ дому, и неизвѣстно, гдѣ теперь она скитается.

Раиса Ѳедоровна не на шутку стала безпокоиться, не случилось бы чего съ ея племянницей. Ваня, какъ ни фыркалъ, а въ концѣ концовъ смирился передъ неоспоримыми доводами своего старшаго брата. Алеша всегда и во всемъ оставался побѣдителемъ.

И вотъ, когда Антоша робко прокралась чернымъ ходомъ въ свою комнату, къ ней постучался ея кузенъ. Она быстро отворила дверь и, увидавъ его передъ собою, приготовилась терпѣливо выслушать цѣлую нотацію, но Алеша взялъ ее за руку и сказалъ вкрадчивымъ голосомъ:

— Милая Антоша, завтра мамѣ будутъ дѣлать операцію, ты бы пошла и приласкалась къ ней.

— Тетя на меня не сердится?—спросила она поспѣшно.

— Нѣтъ, милая, она на тебя не сердится.

— Я пойду къ ней!

Раиса Ѳедоровна сидѣла на маленькомъ диванчикѣ. Она сдѣлала распоряженія на все время своего отсутствія изъ дому; приказала уложить разныя вещи, которыхъ дѣти обыкновенно не замѣчали: ихъ могли утащить, или мало ли что можетъ случиться, она ко всему была готова. Еще за недѣлю передъ сегодняшнимъ днемъ, она сдѣлала духовное завѣщаніе, самую подробную опись всего имущества и посвятила Алешу во всѣ тайны своихъ семейныхъ дѣлъ. Попросивъ прощенія у дѣтей и всѣхъ домашнихъ, она чувствовала себя необыкновенно доброй и умиленной.

Антоша влетѣла къ ней въ спальню и, опустившись передъ нею на колѣни, горячо заговорила:

— Простите меня, тетя, я такая вспыльчивая, такая скверная.

Она взяла ея руки и стала цѣловать ихъ.

— Богъ тебя проститъ, моя дѣвочка,—говорила Раиса Ѳедоровна, гладя ея волосы.

— Я буду ухаживать за вами, возьмите меня съ собою.

— Нѣтъ, нѣтъ, дитя, этого никакъ нельзя, докторъ никогда этого не позволитъ, ты такъ молода, при мнѣ будетъ Марья Павловна.

— Я лучше буду смотрѣть за вами, чѣмъ Марья Павловна,—упрашивала Антоша. Увидите, тетя, я буду спать на полу около вашей кровати.

— Я вѣрю тебѣ, моя милочка, но ухаживать за мною нужно очень большое умѣнье, ты оставайся дома и слушайся Алешу, онъ будетъ всѣмъ распоряжаться.

На другой день утромъ Раису Ѳедоровну отвезли въ лечебницу. Всѣ домашніе провожали ее со слезами. Ей предстояла очень серьезная операція.

III.

Антоша дала слово теткѣ слушаться Алешу, но Алеша потребовалъ отъ нея больше, чѣмъ она могла предполагать. Онъ хотѣлъ совершенно запретить ей ѣздить на конкѣ, и только послѣ ея настоятельныхъ просьбъ было рѣшено, что она можетъ кататься, но не иначе, какъ въ сопровожденіи Мины Густавовны.

Онъ изводилъ ее своимъ вниманіемъ,—то о чемъ она задумалась, то зачѣмъ она такъ громко смѣется. Антоша сама чувствовала, что и задумывается она не во время, и смѣется неестественно громко. Но она не подозрѣвала, что ея особа начинаетъ сильно занимать самого Алексѣя Алексѣевича.

Каждый день она въ сопровожденіи Мины Густавовны от-

правлялась кататься на конкѣ, при этомъ онѣ вставали не доѣзжая того мѣста, гдѣ жила бабушка, и прохаживались вдоль тощаго бульвара, или ѣздили на вокзалъ. Мина Густавовна подтрунивала надъ ея удивительной любовью къ этому ничтожному бульвару, а иногда такъ прямо хохотала, видя, какъ волнуется Антоша, когда они приближались къ нему. Для Антоши, которая ежеминутно рвалась въ покосившійся флигелекъ, эти прогулки причиняли и радость и страданье, она и боялась встрѣтить кого нибудь изъ нихъ, и жаждала въ то же время, чтобы встрѣча эта произошла. Какъ часто хотѣлось ей кинуться на шею Минѣ Густавовнѣ и разсказать ей о бабушкѣ, о деликатномъ Саѣ, о хорошенькой задорной Соничкѣ, но каждый разъ, когда являлось подобное желаніе, она вспоминала слова скрипача при прощаніи и не смѣла сдѣлать признаніе.

Первые три дня изъ лечебницы приходили тревожные слухи и весь домъ былъ погруженъ въ уныніе, но на четвертый день всѣ пріободрились. Алеша отправился навѣстить мать, и весь вечеръ они вмѣстѣ просидѣли въ столовой. Разговоръ ихъ вертѣлся исключительно около больной. Прошло шесть дней, Антоша до страданія хотѣла увидѣть своихъ новыхъ знакомыхъ; она не сознавалась даже самой себѣ, что преобладающая роль въ ея желаніяхъ принадлежала юношѣ, играющему на скрипкѣ. Въ этотъ вечеръ Алеша повелъ ихъ всѣхъ въ садъ коммерческаго клуба. Антоша первый разъ въ жизни очутилась въ толпѣ. Она испытывала невѣроятную робость, двигаясь среди этой пестрой нарядной массы, тѣмъ еще болѣе, что кузенъ ея, казалось, былъ знакомъ со всѣмъ городомъ и всѣ съ любопытствомъ осматривали ее съ ногъ до головы. Она чувствовала и свои ботинки, которые Алеша называлъ утками, и свое не особенно нарядное платье. Все это начинало ее раздражать, и вотъ, чтобы уйти отъ непріятныхъ ощущеній, она усѣлась недалеко отъ оркестра военной музыки и, не смотря ни на какія просьбы кузеновъ и Мины Густавовны, не двигалась съ мѣста.

Будучи ребенкомъ, она ни за что не хотѣла учиться играть; то, что предлагалась ей вмѣсто музыки, было нѣчто до того сухое и мертвое, что страстная натура Антоши всячески отворачивалась отъ этихъ гаммъ, экзерсисовъ, постукиваній и тому подобнаго. Она любила пѣсни, подхватывала ихъ на лету, заучивала, и ея звонкій голосокъ поминутно раздавался въ бабушкиномъ домѣ, но старая гувернантка не могла подобрать ни одного самаго несложнаго мотива, не могла сыграть ни одной мелодіи, кромѣ концерта Кальбренера, игранаго ею впродолженіи всей ея жизни, и для Антоши оставалось непонятнымъ, какое отношеніе имѣетъ пѣсня къ роялю. Теперь,

слушая отрывки изъ разныхъ оперъ даже въ исполненіи солдатъ, на трубахъ, она наслаждалась, и мысли ея, грустныя и сладкія, невольно неслись въ узкій переулокъ, и она видѣла передъ собой курчавую голову игравшаго юноши и его бѣлую руку, водившую смычкомъ; но тѣ звуки были прекрасны, такъ прекрасны, что навсегда запечатлѣлись въ ея душѣ. Вдругъ она вздрогнула и съ безпокойствомъ оглянулась по сторонамъ: онъ пробирался между стульями къ ней; но черезъ нѣсколько секундъ она опомнилась, это былъ не онъ, но очень на него похожій. Онъ прошелъ мимо, касаясь ея платья, и, усѣвшись около какихъ то дамъ, которыя видимо поджидали его, тотчасъ заговорилъ съ ними оживленно и весело. Антоша украдкой посматривала на него и сердце ея учащенно билось.

На другой день они все время бѣгали по магазинамъ. Алеша нашелъ, что она безобразно одѣта; ей была куплена новая шляпка, накидка, зонтикъ, ботинки на пуговкахъ. Еще раньше заказанныя платья были наконецъ принесены, и Антоша, взглянувши на себя въ зеркало, совсѣмъ себя не узнала, такъ она была нарядна и красива.

Алеша нашелъ, что теперь она вполнѣ благовоспитанная дѣвушка и что если она умѣритъ свои шаги, т. е. станетъ ходить, а не шагать подобно страусу, съ нею можно будетъ пойти на гулянье, которое устраиваетъ въ воскресенье предводительша дворянства въ пользу бѣдныхъ дворянъ, и гдѣ онъ будетъ главнымъ распорядителемъ. Чтобы заставить Антошу постоянно быть нарядной, Алеша приказалъ экономкѣ запрятать ея прежніе костюмы на чердакъ и не сносить ихъ оттуда, пока они не уѣдутъ въ деревню.

Былъ конецъ мая и предполагалось, какъ только у Вани окончатся экзамены и Раиса Ѳедоровна выйдетъ изъ лечебницы, ѣхать въ деревню. Антоша раза два, въ сопровожденіи Мины Густавовны, навѣстила больную.

Въ первый разъ, когда онѣ стояли въ корридорѣ и ждали пока ихъ впустятъ, мимо нихъ прошелъ молодой человѣкъ въ комнату ея тетки, и она слышала, какъ онъ сказалъ:

— Какая то красивая барышня желаетъ васъ видѣть.

— Ахъ, должно быть это моя племянница—послышался голосъ Раисы Ѳедоровны, и ее впустили.

Въ другой разъ тотъ же самый молодой человѣкъ, оказавшійся ассистентомъ профессора, встрѣтилъ Антошу внизу и предложилъ ей руку, чтобы свести ее на лѣстницу. Антоша смутилась, но отказалась. Когда она выходила отъ тетки, онъ стоялъ въ корридорѣ со шляпой въ рукахъ и вызвался проводить ихъ до дому.

Всю дорогу смѣшилъ онъ Мину Густавовну. Это были какія то недомолвки, каламбуры, намеки на что то. Онъ гово-

рилъ о своемъ сердцѣ, о красивыхъ барышняхъ. Антоша слушала разсѣянно, отвѣчала не въ попадъ и очень конфузилась.

На другой день Алеша былъ у матери и, вернувшись, объявилъ Антошѣ, что она одержала побѣду надъ эскулапомъ: эскулапъ этотъ жаждалъ, чтобы Алеша пригласилъ его къ себѣ, но онъ, Алеша, не желаетъ этого сдѣлать и «пусть страдаетъ», добавилъ онъ такимъ тономъ и съ такой гримасой, что всѣ расхохотались.

Антоша отъ всѣхъ этихъ разговоровъ краснѣла до корней волосъ и ей непріятно было думать о томъ, что завтра она должна навѣстить тетку.

Послѣ обѣда она по обыкновенію стала просить Мину Густавовну поѣхать съ нею на конкѣ. Мина Густавовна отказалась, ей предстояло много хлопотъ по поводу предполагаемаго гулянья въ пользу бѣдныхъ дворянъ. Необычайное пристрастіе Антоши къ конкѣ давно стало предметомъ безконечныхъ обсужденій среди всѣхъ домашнихъ.

Алеша возмущался этимъ, а Ваня, какъ только послѣ обѣда раздавался звукъ трубы, бѣжалъ и кричалъ: «идетъ уже, идетъ».

Такъ было и теперь.

— Антоша, Антоша!—кричалъ онъ,—конка идетъ!

Антоша выскочила на балконъ; конка была близко, и ей показалось, что она видитъ бабушку. У бабушки глазъ развязанъ, но это она, положительно она. Конка остановилась и тутъ ужъ для Антоши не оставалась никакого сомнѣнія въ томъ, что бабушка на конкѣ. Она сидитъ крайняя съ противоположной стороны. Вотъ она подымается и, опираясь на палку, выходитъ изъ вагона, кондукторъ помогаетъ ей.

Раздался свистъ, конка двинулась дальше, а бабушка осталась на тротуарѣ. Она смотритъ на балконъ, кланяется, дѣлаетъ какіе то знаки. Сердце у Антоши запрыгало въ груди, она перегнулась, указала старухѣ на двери подъѣзда и быстро бросилась въ свою комнату, чтобы одѣться и поспѣшить внизъ. Когда она выскочила на тротуаръ, бабушка перешла уже улицу и стояла на углу, не далеко отъ ихъ дома. Антоша почти бѣгомъ направилась къ ней.

— Какая вы нарядная и красивая,—сказала бабушка,—вы насъ совсѣмъ забыли, добрая барышня.

— Тетѣ дѣлали операцію,—оправдывалась Антоша.

— А-а, операцію,—протянула бабушка и покачала сѣдой головой,—и что-жъ, все хорошо?

— Хорошо.

— Слава Богу, слава Богу, а у насъ такое несчастье, милая барышня, такое несчастье.

— Что такое, что случилось?—спросила Антоша и кровь прилила къ ея лицу.

— Пойдемте въ садикъ, я разскажу вамъ, здѣсь не хорошо говорить на улицѣ.

Они пришли въ маленькій скверъ, находившійся на площади, сѣли на скамью и бабушка заговорила:

— Ахъ, добрая барышня, теперь такія строгости пошли, такія строгости, Ахъ, милая барышня, сколько слезъ льется, сколько горя мы терпимъ. Когда старшій сынъ былъ живъ, у насъ были деньги, а теперь денегъ у насъ нѣтъ, и взять намъ не откуда, а деньги нужны, безъ денегъ нельзя, никакъ нельзя. Говорятъ, моему сыну жить нельзя здѣсь. Онъ бросилъ консерваторію, платить нечѣмъ, а теперь лѣто, и здѣсь поступить нельзя. Куда онъ поѣдетъ? Ѣхать ему некуда, милая барышня, у насъ нѣтъ богатыхъ родныхъ, да и я, какъ я безъ него одна останусь, я ничего не вижу, какъ я безъ него жить буду? Профессоръ Карскій даетъ ему даромъ уроки на скрипкѣ, а если онъ уѣдетъ, кто будетъ учить его, а если онъ не будетъ учиться, кто будетъ воспитывать Саю и маленькую Соничку? О, вей, вей.—Она схватилась руками за голову и закачалась отъ отчаянія...

Антоша обняла ее и силилась не разрыдаться. Ей казалось невозможнымъ, чтобы существовали такіе люди, которые могутъ обидѣть бабушку и погубить маленькихъ Саю и Соничку, а бабушка пришла нѣсколько въ себя и продолжала:

— Мой сынъ обѣгалъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, но у насъ нѣтъ богатыхъ покровителей, всѣ наши знакомые такіе же бѣдные, какъ и мы, даже бѣднѣе насъ, и никто не можетъ помочь намъ. Потомъ, можетъ быть, мы и достанемъ денегъ, а теперь, сегодня, завтра, мы нигдѣ достать не можемъ, и если до послѣзавтра у насъ не будетъ ста рублей, мой сынъ уѣдетъ и я останусь одна, со своими маленькими. И что я буду дѣлать, моя милая барышня, что я буду дѣлать! Я говорю ему: пойду къ ней, она добрая барышня, она была милостива ко мнѣ, бѣдной еврейкѣ, Богъ посѣтилъ ея невинную душу и, можетъ быть, она насъ выручитъ; но онъ запретилъ, говоритъ, скорѣе умереть, чѣмъ... Охъ, барышня, что онъ только говоритъ, Богъ съ нимъ, зачѣмъ это онъ говорить? Такой онъ у меня гордый! Бѣдность еще не пришибла его. А я думаю: такая добрая барышня, такая свѣтлая барышня, такая знатная барышня, что ей стоитъ занять бѣдной старухѣ сто рублей? я отдамъ, я съ благодарностью отдамъ, я отработать могу.

Она повернула къ Антошѣ свое измученное лицо и продолжала:—Если барышнѣ нужно варенье сварить, никто лучше меня не сваритъ, я такъ хорошо могу, ягодка къ ягодкѣ, въ магазинѣ лучше моего варенья никогда не купите. Я бѣд-

ная старуха, но меня знали люди, и мнѣ обѣщали заказы, большіе заказы, богатые господа обѣщали...

Она умолкла, истощивъ весь запасъ своихъ обѣщаній и просьбъ, и смотрѣла на Антошу глазами полными страданія и мольбы. Антоша сидѣла совершенно растерянная и подавленная. Сегодня они истратили болѣе трехсотъ рублей на наряды. О! съ какимъ бы наслажденіемъ она отдала эти деньги бабушкѣ, чтобы только утѣшить и успокоить ее. Она схватила бабушку за руку и, дрожа отъ волненія, обѣщала достать сто рублей, непремѣнно, непремѣнно. Мысль, что у нея нѣтъ денегъ и что она не знаетъ, какъ достать, ужасала ее до дрожи, до боли, но она твердо рѣшила, что должна помочь бабушкѣ, должна во что бы то ни стало.

Бабушка не благодарила, она встала, положила свою удивительно бѣлую руку на руку Антоши и торжественно произнесла:

— Господь воздастъ вамъ и дѣтямъ вашимъ. Онъ видитъ теперь вашу душу. Онъ радуется, глядя на васъ, чудесная барышня.

Антоша усадила ен ээ конку и проводила до самыхъ воротъ ея двора. Во дворъ она побоялась идти, да и бабушка боялась, какъ бы сынъ не встрѣтилъ ихъ.

Всю дорогу домой Антоша ломала себѣ голову и ужасалась невозможности достать денегъ. Но послѣ самыхъ безумныхъ, самыхъ невѣроятныхъ предположеній, она вдругъ совершенно неожиданно вспомнила, что вѣдь ей достался цѣлый ящикъ драгоцѣнностей отъ покойной матери. Это открытіе до того обрадовало ее, что она чуть ли не на всемъ ходу соскочила съ конки и явилась въ столовую красная, сіяющая. Всѣ сидѣли за вечернимъ чаемъ.

Алеша приготовился прочесть ей цѣлую нотацію, но взглянувъ на ея лицо, озаренное счастьемъ, онъ впился въ нее глазами и подумалъ: Антоша хорошѣетъ не по днямъ а по часамъ, и... и право... Онъ не довелъ своихъ мыслей до конца. Онъ хотѣлъ остаться вѣренъ своей программѣ дѣйствій: быть нѣжно-строгимъ, то есть въ одно и то же время и ухаживать и распекать ее.

— Вотъ что значитъ быть прилично одѣтой,—обратился онъ ко всѣмъ,—посмотрите, ее узнать нельзя.

— Я хочу видѣть брильянты, я хочу носить свои брильянты! выпалила Антоша.

Алеша всталъ, подошелъ совсѣмъ близко къ ней и прошепталъ:

— Ты желаешь нравиться?

Она вздрогнула; передъ ея умственнымъ взоромъ предстала черная голова и рука, водившая смычкомъ. «Ему она-бы хо

тѣла понравиться!» Эта мысль точно обожгла ее, она быстро отвернулась и сѣла у стола около самовара, такъ, что лица ея не было видно.

Алеша приписалъ ея волненіе себѣ и тревога, овладѣвшая имъ при взглядѣ на ея раскраснѣвшееся лицо, понемногу укладывалась. «Она такая же, какъ и всѣ», думалъ онъ: «захочу, будетъ моею». Онъ сѣлъ и небрежно спросилъ:

— Ты хочешь видѣть свои брильянты?

— Я хочу не только видѣть, но я хочу носить свои брильянты,—быстро сказала она.

— Ого, кузиночка, вы дѣлаете гигантскіе успѣхи,—протянулъ онъ.

— Дайте, Алеша, мнѣ мои брильянты,—повторила она, чувствуя себя достаточно смѣлой и защищенной въ своей засадѣ. Алеша опять всталъ и очутился съ нею лицомъ къ лицу. Она никакъ не ожидала подобнаго маневра съ его стороны, ей вдругъ пришло въ голову, что онъ можетъ прочесть въ ея глазахъ, зачѣмъ ей нужны брильянты и, инстинктивно, она закрыла лицо руками.

Алеша почувствовалъ полное удовлетвореніе: «дѣвочка волнуется, потому что неравнодушна къ нему». Онъ отошелъ и сѣлъ на свое прежнее мѣсто. Онъ рѣшилъ быть великодушнымъ и щадить ее, вѣдь она такъ молода и застѣнчива.

— Какой ты еще ребенокъ,—промолвилъ онъ снисходительно.

Антоша молчала и медленно оправлялась отъ волненія.

— Такъ непремѣнно достать тебѣ твои брильянты?—протянулъ онъ, кокетничая.

Ваня, сидѣвшій противъ Мины Густавовны, подмигнулъ ей и такъ смѣшно, жеманясь, сложилъ губы, на подобіе того, какъ это сейчасъ сдѣлалъ Алеша, что та едва не прыснула отъ смѣха.

— Да, Алеша,—отвѣтила дѣвушка,—достаньте, прошу васъ мои брильянты.

— Я не знаю, хорошо ли будетъ, если мы начнемъ рыться въ маминыхъ комнатахъ, что мама скажетъ,—продолжалъ онъ, складывая сердечкомъ свой красивый ротъ и глядя на нее полуоткрытыми глазами.

Этотъ томный полуоткрытый взглядъ заставлялъ трепетать не одно и не два дѣвичьихъ сердца.

— Я знаю, гдѣ лежатъ брильянты, вмѣшалась Мина Густавовна.

«Вотъ еще дура, кто ее спрашиваетъ», подумалъ Алеша и строго посмотрѣлъ на нее.

— Достаньте, милая Мина Густавовна, достаньте, начала просить Антоша.

— Никто, кромѣ меня, достать не можетъ, сказалъ Алеша.

— Такъ вы достаньте, пожалуйста.

— Ну, хорошо, я тебѣ ихъ достану, а ты мнѣ за это что дашь? спросилъ онъ и внутренно сталъ смѣяться, представляя въ какое замѣшательство приведетъ онъ ее своей просьбой.

— Я вамъ, Алеша, подарю брильянтовое кольцо, начала Антоша, совершенно оправившись отъ волненія. Я помню, тамъ есть два: одно съ большимъ брильянтомъ, бабушка говорила, чтобы я никому не давала, какъ только своему будущему жениху.

Переваливъ благополучно черезъ слово женихъ, она уже прибавила весело и торопливо:

— Другое я могу подарить брату или другу. Я подарю его вамъ, Алеша.

Алеша не ожидалъ подобной развязки. Онъ покраснѣлъ, но тѣмъ не менѣе Антоша своей наивностью разшевелила давно заглохшую въ немъ способность восхищаться искренностью и простотой въ ущербъ даже своему самолюбію.

— Нѣтъ, милая кузиночка,—началъ онъ протяжно, любуясь своими словами: показать или отдать вамъ ваши собственныя сокровища совсѣмъ не такая большая заслуга, за которую слѣдуетъ получить награду, но если вы, по прошествіи извѣстнаго времени, захотите меня наградить, какъ друга или брата, я вамъ буду очень благодаренъ.

Впродолженіи всей этой тирады Ваня, глядя на Мину Густавовну, не переставая кивалъ въ тактъ головой, а въ заключеніе высунулъ языкъ и быстро послалъ носъ по адресу своего старшаго брата. Мина Густавовна искусала себѣ губы отъ боязни расхохотаться; Алеша, ничего конечно не подозрѣвавшій, пошелъ и розыскалъ шкатулку съ драгоцѣнностями и принесъ ее въ столовую. Кромѣ брильянтовъ, здѣсь были и другія вещи, между прочимъ, приборъ изъ тяжеловѣсовъ, который блисталъ вечеромъ подобно брильянтамъ. Антоша, имѣвшая очень смутное представленіе о подобныхъ вещахъ, накинулась на этотъ приборъ. Мина Густавовна хотѣла было обличить ихъ малую стоимость, но Алеша подмигнулъ ей, и она умолкла, а онъ сталъ убѣждать Антошу носить именно этотъ уборъ, увѣряя, что онъ будетъ необыкновенно идти къ характеру ея красоты.

— Дорого онъ стоитъ?—спросила Антоша.

— Очень дорого,—отвѣчалъ кузенъ безъ запинки; вѣдь, это тѣ же брильянты, только на нихъ меньше шлифовки.

Антоша искренно повѣрила. Передъ этимъ Алеша говорилъ, что подобный брильянтовый приборъ стоитъ нѣсколько тысячъ, значитъ, за приборъ изъ тяжеловѣсовъ ей навѣрное дадутъ нѣсколько сотенъ.

Придя въ свою комнату, она предалась такой необузданной веселости со своимъ Муму, что Мина Густавовна хохотала до слезъ, глядя, какъ она босая, съ простыней, накинутой на плечи, бѣгала по комнатѣ, а Муму, кувыркаясь и неистово лая, гонялся за ней. Наконецъ она улеглась, безконечно счастливая и удовлетворенная. Бабушка не будетъ плакать, дѣти не останутся безъ поддержки, его не ушлютъ изъ города, и она съ нимъ завтра увидится. При этой мысли она подпрыгнула на кровати и закричала:

— Мина Густавовна, Мина Густавовна!

— Was denn? отозвалась та.

— Я счастлива!—воскликнула Антоша.

— Aber schlafen sie um Gottes Willen,—пробормотала уже недовольнымъ тономъ Мина Густавовна.

Антоша еще нѣсколько разъ подпрыгнула на своемъ ложѣ и наконецъ уснула.

IV.

Слѣдующій день начался далеко не весело для бѣдной Антоши. Кузенъ ея не пошелъ въ канцелярію и точно задался цѣлью преслѣдовать ее своими любезностями.

— Вы сегодня, кузиночка, въ минорномъ настроеніи, позволено ли мнѣ будетъ узнать, какая тому причина?—спрашивалъ онъ, на всѣ лады кокетничая съ нею и взглядами и улыбкой.

Антоша внутренно негодовала, но боялась проявить это, она боялась, что ей не дадутъ уйти изъ дому, она всячески хотѣла задобрить Алешу и для этого рѣшилась даже пойти погулять съ нимъ въ университетскій садъ. Слушая его насмѣшки надъ проходящими, она только и думала, какъ бы ей продать свои тяжеловѣсы и обрадовать бабушку. Къ обѣду пришли гости. Антоша сіяла своими тяжеловѣсами, но была до крайности раздражительна, Мина Густавовна даже ежилась вся отъ ея рѣзкихъ отрывочныхъ отвѣтовъ. Когда ей, наконецъ, удалось вырваться изъ дому, всѣ магазины были уже закрыты, и она, почти плача отъ отчаянія, поѣхала на извощикѣ въ узенькій переулокъ. А тутъ еще Муму увязался за ней. Въ первый разъ въ жизни она сердилась на своего друга, и никакія заигрыванья съ его стороны не могли ее тронуть. Муму обидѣлся, наконецъ, и притихъ, а когда она выскочила изъ экипажа у воротъ угольнаго склада, онъ, завидѣвъ дѣтей во дворѣ, кинулся къ нимъ и совершенно пересталъ обращать вниманіе на свою неблагодарную госпожу. Солнце уже сѣло, и дворъ казался еще темнѣе отъ этихъ горъ каменнаго угля, которыя высились повсюду.

Соничка объявила, что Сая сдѣлалъ себѣ гнѣздо изъ грязи и каменнаго угля.

— Изъ глины, а не изъ грязи,—поправилъ ее Сая.

Антоша разсѣяно слушала ихъ. Все ея вниманіе было сосредоточено на флигелѣ. Изъ открытаго окна лились звуки той самой мелодіи, которая очаровала ее въ прошлый разъ. Въ комнатѣ была уже зажжена лампа, и она явственно видѣла его голову, склонившуюся на лѣвую сторону, и бѣлую руку, водившую смычкомъ. Дѣти стали бѣгать съ Муму по двору, а Антоша приблизилась къ окну, у котораго сидѣла бабушка. Завидѣвъ ее, бабушка ласково кивнула ей головой, тихонько встала съ мѣста и вышла къ ней въ переднюю.

— Я принесла,—сказала Антоша чуть слышно.

— Господь благословитъ васъ, свѣтлая барышня, но все хорошо у насъ, и деньги есть, все хорошо, и его не высылаютъ, Господь васъ благословитъ, у насъ все, все теперь хорошо, Богъ услышалъ наши молитвы.

Онѣ тихо вошли въ комнату и, чтобы не мѣшать играющему, усѣлись у дверей. Чувство, тотчасъ же охватившее Антошу, совершенно заглушило разочарованіе и даже горечь, какую она почувствовала при извѣстіи о томъ, что здѣсь обошлись безъ ея помощи. Чудная мелодія, которую онъ повторялъ и повторялъ, лилась въ ея душу и наполняла ее крылатыми желаніями. О, если-бы она могла принести сюда все, все, что у нея есть, и самое себя, и отдаться этимъ людямъ, и составить ихъ счастье, быть для нихъ всѣмъ, всѣмъ и имѣть право любить ихъ всѣхъ и заслужить ихъ любовь!.. А онъ все повторялъ, все повторялъ одну и ту же мелодію, онъ все старался сыграть ее съ тѣмъ совершенствомъ, понятіе о которомъ жило въ его душѣ и котораго онъ никакъ не могъ достигнуть. Уже болѣе часа игралъ онъ и, наконецъ, только въ послѣдній моментъ почувствовалъ нѣкоторое удовлетвореніе, и чтобы не испортить то, за чѣмъ онъ такъ долго и упорно гнался, онъ бросилъ смычокъ, повернулся къ нимъ и застылъ на мѣстѣ.

Въ послѣднія мгновенія его игры, оттого-ли, что она такъ пристально на него смолрѣла, или оттого, что всѣ эти дни онъ, не переставая, думалъ о ней, она представилась ему съ такой поразительной ясностью, какъ будто она дѣйствительно стояла здѣсь за его спиной и слушала его. Онъ съигралъ такъ, какъ хотѣлъ, и, обернувшись, вдругъ увидѣлъ ее. Она смотрѣла на него влюбленными глазами.

Такой грезилась она ему всѣ эти дни.

Чувство любви, восторга и благодарности, какъ вихрь, охватило его всего, онъ бросился къ ней, схватилъ ея руку и прильнулъ къ ней губами. Антоша слегка вскрикнула, а онъ выскочилъ изъ комнаты.

Бабушка казалась совершенно сконфуженной этой выходкой.

— Не обижайтесь, добрая барышня, начала она, онъ такой горячій, такой горячій, Богъ съ нимъ, играетъ, и ему сладко... Теперь все хорошо у насъ, все у насъ есть. Вчера профессоръ Карскій повелъ его къ одному богатому еврею, ну, конечно, онъ тамъ игралъ, хорошо игралъ. Сегодня утромъ приходитъ богатый еврей къ намъ и говоритъ: «не плачь, Фрейда, у твоего сына все будетъ, пусть только учится, пусть только играетъ, все у него будетъ». Далъ намъ двѣсти рублей и мы все устроили, все, все теперь хорошо.

Эти слова, которыми бабушка хотѣла успокоить Антошу, невыносимо терзали ее. Не нужна имъ ея помощь, и ея самой теперь не нужно, имъ все устроилъ богатый еврей, все сдѣлано безъ нея и хорошо сдѣлано, а она такъ терзалась, желая помочь имъ. Горечь обиды проникала ее всю. Она сидѣла съ опущенной головой, терзаясь сомнѣніями.

Неужели она здѣсь совершенно чужая?

Какъ заставить понять ихъ, что она готова отдать свой старый садъ, свой домъ и все, что у нея есть, за радость видѣть ихъ всѣхъ счастливыми?.. а бабушка продолжала:

— Не сердитесь, свѣтлая барышня, онъ такой горячій. Ахъ какой онъ горячій, съ самаго дѣтства былъ такой. Покойникъ Сава динамитомъ его называлъ, не обижайтесь на него.

Что-то вдругъ широкое, какъ волна безбрежнаго океана, нахлынуло въ душу Антоши. Она вскочила, ей хотѣлось сказать, что она не обижается, пусть онъ возьметъ ея руку и цѣлуетъ, отъ этого она будетъ только счастлива, она любитъ всѣхъ ихъ, она жить безъ нихъ не можетъ, она не хочетъ уходить изъ этой комнаты, она хочетъ вѣчно сидѣть здѣсь около бабушки и слушать его музыку. Но въ эту минуту ворвались дѣти и объявили, что извощикъ не желаетъ ждать, ему нужно кормить лошадей.

Антоша вздрогнула. Она медленно повернулась къ дверямъ. Неужели ее никто не остановитъ, неужели никто не скажетъ: «не уходи отъ насъ»! Ея дѣвственная душа все еще боялась остановиться на немъ одномъ, она все еще думала, что любитъ ихъ всѣхъ, страдающихъ и нуждающихся въ чужой помощи. Бабушка встала, чтобы проводить ее. Она напутствовала ее благословеніемъ, но въ немъ уже не было той нотки ожиданія, тоски и надежды, которая звучала вчера. Теперь она не нужна имъ. Антоша шла по двору, и дѣти съ Муму объжали за нею.

У самыхъ воротъ она столкнулась съ нимъ, онъ шелъ съ улицы и опять весь вспыхнулъ, увидѣвъ ее. Она остановилась.

— Вы что играли?—спросила она.

— Легенду Венявскаго, отвѣтилъ онъ.

Ей хотѣлось сказать ему, какое впечатлѣніе производитъ

на нее его музыка, но она никогда бы не съумѣла выразить словами то, что наполняло ея душу. Ему тоже хотѣлось сказать, что она такая прекрасная и онъ такъ счастливъ, что видитъ ее, но и онъ ничего не могъ сказать. Такъ простояли они нѣсколько секундъ, застѣнчиво глядя другъ на друга.

Дѣти убѣжали, за ними убѣжалъ и Муму.

Ей стало казаться, что она стѣсняетъ его своимъ присутствіемъ, ей нельзя дольше оставаться, нужно ѣхать. Она обернулась и стала звать собачонку.

— Муму, Муму! кричала она.

Почему дѣти не попросятъ хотя этой собачонки? думала она. Для нея это былъ бы случай показать, что изъ любви къ нимъ она готова разстаться даже съ единственнымъ своимъ другомъ, но никто не изъявлялъ подобнаго желанія, и она снова позвала Муму.

Молодой человѣкъ поймалъ не дававшагося въ руки моп-сика и поднесъ ей.

Муму началъ хватать ее за рукавъ платья.

— Ну, ну, Мойше, проговорила она ласково.

— Какъ вы сказали? спросилъ онъ быстро.

— Мойше,—отвѣтила Антоша, желая сказать эти слова какъ можно веселѣе, чтобы разсмѣшить его.

Они стояли у воротъ, при свѣтѣ фонаря она увидала, что лицо его помертвѣло и ротъ скосился.

«Что съ нимъ», подумала она и невольно попятилась назадъ. Вдругъ онъ бросилъ Муму на землю, расхохотался и убѣжалъ въ глубь двора.

Смѣхъ его поразилъ ее своей странной неестественностью. Это былъ горькій смѣхъ человѣка, который упалъ точно съ облаковъ на землю. «О безуміе, безуміе», думалъ онъ, шагая въ отдаленномъ концѣ сарая и натыкаясь безпрестанно на груды каменнаго угля. «Вообразить, что она пріѣзжала сюда для того, чтобы видѣть его, наслаждаться его музыкой, что ея вдохновенный взглядъ устремлялся навстрѣчу къ нему. О, безуміе, безуміе! Какъ могъ онъ поддаться подобной слѣпотѣ! Сестра Алексѣя Алексѣевича, эта красивая нарядная барышня, пріѣзжала въ ихъ убогую конуру,—для кого! Неужели для него? Всѣ эти дни онъ, не переставая, думалъ о ней, а онъ для нея не больше, какъ жалкій Мойше. Не можетъ быть, чтобы мать не сказала ей какъ его зовутъ, и она не постыдилась два раза назвать его именемъ свою собачонку . и сдѣлала это такъ просто, такъ удивительно просто, съ веселой улыбкой на устахъ. Сколько безплодныхъ часовъ проработалъ онъ надъ легендой и, только благодаря тому, что она носилась передъ его умственнымъ взоромъ, онъ сыгралъ ее какъ слѣдуетъ, и что-то зажглось въ немъ, онъ почувствовалъ, что

у него уже выростаютъ крылья, и эти крылья даетъ она. Какъ жестоко наказанъ онъ за свою дерзость. Онъ, бѣдный, жалкій Мойше, дерзнулъ прикоснуться къ ней...

О, какъ онъ ненавидѣлъ ее въ эту минуту. Вся гордость униженнаго человѣка встала и душила его съ невѣроятной силой. Онъ задыхался отъ бѣшенства. Никогда, никогда больше не будетъ играть онъ эту легенду! Воспоминаніе о ней всегда будетъ язвить и жечь его, ему захочется порвать всѣ струны, разбить свою скрипку отъ негодованія и злобы.

Антоша между тѣмъ ѣхала домой, и ее терзали не менѣе мрачныя мысли. Что такое она сказала, что она сдѣлала, чтобы вызвать въ немъ подобный смѣхъ? Что значитъ слово Мойше?

Ваня назвалъ такъ нѣсколько разъ ея Муму, и ей показалось это названіе забавнымъ, ей показалось будто и Муму нравится слово Мойше, онъ какъ то особенно при этомъ склонялъ голову на бокъ и поводилъ ушками.

Сегодняшній визитъ вообще принесъ ей горькое разочарованіе. Бабушкѣ не понадобилась ея помощь, и по тону ея голоса не трудно было догадаться, что она очень довольна тѣмъ, что не Антоша помогла ей, а какой то богатый еврей. Имъ отъ нея ничего не нужно, и она тамъ лишняя... Она не могла не чувствовать этого. Она любитъ ихъ и не нужна имъ, а богатый еврей пришелъ и осчастливилъ ихъ. Любитъ ли ихъ богатый еврей такъ, какъ она?... Если она имъ совсѣмъ не нужна, зачѣмъ онъ поцѣловалъ ей руку... Почему, встрѣтивши ее у воротъ, ничего не сказалъ ей и затѣмъ вдругъ бросилъ Муму на землю и засмѣялся такимъ страшнымъ смѣхомъ. Что оскорбило его, что значитъ слово Мойше... Всѣ эти вопросы вѣтромъ носились въ ея мозгу и причиняли ей страданіе...

Когда она пріѣхала домой, все маленькое общество находилось въ саду. Къ нимъ пріѣхала какая то дама съ сыномъ и двумя дочерьми. Мина Густавовна насильно потащила Антошу въ садъ, гдѣ всѣ пили вечерній чай. Антоша усѣлась у стола и рѣшительно не знала, о чемъ ей говорить. Разговоръ все время вертѣлся около общественнаго гулянья съ благотворительной цѣлью, потомъ перешелъ на наряды и наконецъ на брильянты. Антоша вспомнила, что въ карманѣ у нея лежатъ ея тяжеловѣсы: ожерелье и серьги. Она вынула и положила ихъ на столъ.

— О, сказала гостья, когда то ихъ очень носили, а теперь они ровно ничего не стоятъ.

Антоша встрепенулась и зорко посмотрѣла на Алешу. Онъ покраснѣлъ, но храбро выдержалъ ея взглядъ.

Когда гости разъѣхались, она подошла къ нему.

— Вы зачѣмъ меня обманывали? спросила она строго.

— Я тебя не обманывалъ, отвѣчалъ онъ.

— Ты сказалъ, что эти тяжеловѣсы все равно, что бриль-янты.

— Я сказалъ для того, чтобы ты не потребовала безъ мамы брильянтовъ, а тяжеловѣсы если ты и потеряешь, не бѣда, они дѣйствительно ничего не стоятъ.

— Какъ смѣлъ ты такъ насмѣяться надо мной! закричала Антоша, блѣдная при одной мысли, что она невольно могла обмануть ожиданія бабушки.

— Что за преступленіе, воскликнулъ въ свою очередь Алеша и взялъ у нея тяжеловѣсы.

— Да, преступленіе, преступленіе! кричала Антоша и, выхвативъ ожерелье изъ его рукъ, она швырнула его въ кусты.

— Совершенно безумная! воскликнулъ Алеша.

Онъ приготовился прочесть ей цѣлую нотацію, но она закрыла уши, бросилась въ свою комнату и въ изнеможеніи повалилась на кровать.

Пришла Мина Густавовна. Она стала доказывать, что поступокъ ея съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ былъ очень неблаговиденъ и даже неприличенъ. Она распространялась очень долго, говорила мягко и внушительно, и вотъ, когда ей стало казаться, что наконецъ ея доводы убѣдили Антошу, та приподнялась, повернула къ ней свое поблѣднѣвшее лицо и серьезно спросила:

— Скажите, милая Мина Густавовна, что значитъ слово Мойше?

Мина Густавовна вытаращила глаза и въ первую минуту не нашлась, что отвѣтить.

— Вы, Антоша, не слушали о чемъ я вамъ говорила? сказала она.

— Да, милая Мина Густавовна, я не слушала, а если вы мнѣ скажете, что значитъ слово Мойше, я буду васъ слушать.

— Мойше по еврейски значитъ Моисей. Моисея, пророка, который далъ заповѣди, они называютъ Мойше. Моисей у евреевъ главный пророкъ.

— И людей у нихъ называютъ такимъ именемъ? спросила Антоша.

— Конечно, воскликнула Мина Густавовна, очень часто. Изъ трехъ евреевъ непремѣнно одинъ Мойше. Помню, мой отецъ... продолжала она, но Антоша не слушала «что ея отецъ», она упала головой на подушку и застонала отъ боли. Она должна сейчасъ, сію минуту ѣхать и выпросить у него прощенія, сейчасъ, сейчасъ... Она вскочила и стала поспѣшно одѣваться.

— Куда вы, куда? спрашивала Мина Густавовна, съ недоумѣніемъ глядя на нее.

— Мнѣ нужно ѣхать, непремѣнно нужно.

— Что вы, Антоша, вы больны, я не пущу васъ!

Она загородила собою выходную дверь, но такъ какъ Антоша вырывалась изъ ея рукъ, она стала кричать. На зовъ ея пришла экономка и онѣ старались силой уложить дѣвушку въ постель. Неизвѣстно чѣмъ бы кончилась эта исторія, но Антоша, услыхавъ, что уже двѣнадцатый часъ, смирилась и даже согласилась съ тѣмъ, что вѣроятно у нея жаръ, и что она не знаетъ, зачѣмъ ей понадобилось тотчасъ ѣхать. Алеша встревожился и успокоился въ одно и тоже время; значитъ, ея выходка съ тяжеловѣсами была плодомъ болѣзни и вѣроятно у нея повышенная температура. Онъ рѣшилъ, что завтра непремѣнно пошлетъ за докторомъ; а пока велѣно было горничной лечь около спальни барышень и въ случаѣ, если Антоша вскочитъ и захочетъ опять бѣжать, разбудить его самого. Однако барышня хотя и не спала ночью, стонала и ворочалась, но никакихъ поползновеній къ бѣгству не высказывала.

На другой день она встала поздно, была очень блѣдна, нервна и безпокойна. Ее неотступно преслѣдовала мысль, что она не можетъ сейчасъ же ѣхать и попросить у него прощенія.

Докторъ, котораго пригласили къ ней, почему-то не ѣхалъ, и какъ ни сердилась Антоша, но должна была ожидать его.

Къ счастью, никто не приставалъ къ ней съ распросами. Алеша былъ по горло заваленъ приготовленіями къ предстоящему гулянью. Къ нему постоянно пріѣзжали какіе-то молодые люди, и изъ залы доносился ихъ веселый смѣхъ. Мина Густавовна, хотя и получила наканунѣ выговоръ за то, что Антоша уѣхала одна на конкѣ, но сегодня она была завалена работой и не могла слѣдить за ней. Когда пріѣхалъ докторъ, Алеши не было дома, а Антоша послѣ его ухода побросала всѣ прописанные рецепты и умчалась изъ дому Она въ то же самое время, какъ и вчера, вошла во дворъ, гдѣ жила бабушка Навстрѣчу ей, какъ и всегда, бѣжали дѣти.

— Дядина невѣста пришла, сказала Соничка таинственно.

— Какъ невѣста? спросила Антоша.

— Невѣста дядина, Сара, подтвердила дѣвочка.

— Глупости говоришь, остановилъ ее Сая.

Антоша стояла неподвижно. Она испытывала такое чувство, точно ей открыли всѣ жилы и она медленно истекаетъ кровью.

— Пойдемте, посмотримъ на дядину невѣсту, — приглашала ее Соничка. Но Антоша стояла на мѣстѣ и не двигалась.

Глаза ея, широко открытые, были устремлены впередъ, на лицѣ застыло выраженіе страха и отчаянія.

Плутовка Соничка сначала всѣмъ разсказывала, что Антоша невѣста ея дяди, а когда Моисей запретилъ ей говорить объ этомъ, она вообразила, что ихъ молоденькая родственница Сара должна выйти за него замужъ.

Сегодня Сара сидѣла у нихъ въ гостяхъ. Въ комнатѣ горѣла лампа, и Антоша явственно могла различить бабушку и темную голову юноши. Но вотъ какая то другая не менѣе темная голова съ двумя шпильками въ косѣ показалась на яркомъ фонѣ освѣщеннаго окна. Эти острыя, торчащія шпильки точно вонзились въ сердце Антоши. Она схватила Саю за руку и проговорила, задыхаясь:

— Позови мнѣ дядю, позови тихонько, чтобы никто не слышалъ, мнѣ нужно ему сказать...

Сая побѣжалъ и въ точности исполнилъ ея порученіе. Онъ сообщилъ на ухо Моисею, что красивая барышня стоитъ во дворѣ и хочетъ что-то сказать ему.

При этомъ извѣстіи Моисей вздрогнулъ, но тотчасъ оправился и пошелъ вслѣдъ за мальчикомъ.

Антоша стояла противъ окна въ полосѣ свѣта, который спорилъ съ остатками догарающаго дня, и въ этомъ двойномъ освѣщеніи ея фигура казалась трагической.

Моисей подошелъ къ ней съ сильно бьющимся сердцемъ. Дѣти тоже подбѣжали, но онъ строго приказалъ имъ удалиться.

— Вы звали меня,—проговорилъ онъ.

— Простите меня, я не знала, что значитъ слово Мойше, я никогда не думала, что Мойше вашъ пророкъ.

— Но онъ и вашъ пророкъ,—сказалъ юноша.

— Но я не пророка, я васъ оскорбила,—сказала она,—какъ бы по вдохновенію, съ тѣмъ особымъ чутьемъ, на которое бываютъ способны только очень чистыя души. Она вѣдь не знала, что его зовутъ Моисеемъ. Эти нѣсколько словъ, такъ просто сказанныхъ, влили въ его душу цѣлое море ощущеній. Ему хотѣлось сказать ей, что онъ ее понимаетъ, что онъ благодаренъ ей, что онъ провелъ ночь, полную муки и отчаянія. Въ эту ночь онъ любилъ и ненавидѣлъ ее до страданія. Въ эту мучительную ночь, проведенную безъ сна, понялъ онъ, какая бездна раздѣляетъ ихъ. И эта бездна вырыта злобой людской, эта бездна залита кровью и слезами, и если даже она протянетъ ему руки оттуда, съ той стороны, онъ не коснется ихъ, онъ долженъ остаться здѣсь, по эту сторону, здѣсь, гдѣ его мать, гдѣ народъ его. Онъ стоялъ передъ нею безмолвный, блѣдный и трепещущій.

— Скажите бабушкѣ, — начала она, скажите...—Спазма сдавила ей горло.

— Я люблю, люблю...—простонала она...—Ей вдругъ показалось, что все вокругъ темнѣетъ, она стоитъ на краю про-

пасти и тотчасъ свалится въ нее. Она инстинктивно протянула къ нему руки, но онъ отскочилъ, онъ не смѣлъ дотронуться до этихъ рукъ. Разъ онъ коснется ихъ, онъ уже пойдетъ за ней, онъ забудетъ все, все, къ чему призываетъ его долгъ, его совѣсть. Она опомнилась, повернулась и медленно, шатаясь, пошла къ воротамъ. «Неужели онъ не позоветъ ея, неужели она навсегда уходитъ отсюда?»

Онъ медленно слѣдовалъ за нею, какъ человѣкъ, мучимый жаждой, идетъ на миражъ, зная, что это миражъ и что ему не утолить изъ него своей мучительной жажды.

Садясь на извозчика, она обернулась, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на него; онъ быстро спрятался за ворота, но когда раздался стукъ колесъ, онъ вышелъ на улицу и слѣдилъ за удаляющимся экипажемъ, пока тотъ совершенно не скрылся изъ виду. Потомъ онъ вошелъ въ скверъ, упалъ на скамью и пролежалъ здѣсь до глубокой ночи, обуреваемый любовью, злобой и отчаяніемъ.

Всю ночь бредила Антоша: она рыдала, просила у кого-то прощенія, звала бабушку, клялась, что не знала, что значитъ слово Мойше, говорила о какой то невѣстѣ съ острыми шпильками въ волосахъ, и къ утру у нея сдѣлался жаръ.

Призвали доктора. Тотъ очень подробно разспросилъ домашнихъ о ея образѣ жизни, и, такъ какъ, кромѣ того, что она любитъ кататься на конкѣ, никто ничего не могъ сообщить, онъ предположилъ, что, вѣроятно, катаясь по вечерамъ на конкѣ и переѣзжая гніющія рѣки, она заразилась маляріей. Онъ видѣлъ случаи, гдѣ малярія осложнялась мозговыми припадками...

— Послушайте, Моисей Борисовичъ, говорилъ профессоръ Карскій своему ученику,—нельзя такъ играть легенду, какъ вы ее играете. Вѣдь легенда, это опоэтизированное преданіе, ее нужно играть мечтательно и нѣжно, а у васъ скрипка точно кричитъ отъ муки. Право, когда я слышалъ васъ въ первый разъ, вы играли ее гораздо лучше.

— Я только разъ сыгралъ ее, какъ слѣдуетъ, проговорилъ юноша и бросилъ смычокъ.

Онъ зналъ, что никогда не въ состояніи будетъ играть эту вещь такъ, какъ должно, всегда передъ нимъ будетъ стоять Антоша, блѣдная, съ протянутыми къ нему руками, и онъ никогда не посмѣетъ прикоснуться къ этимъ рукамъ, и, быть можетъ, никогда больше не увидитъ ея.

Когда онъ уходилъ, профессоръ долго смотрѣлъ ему вслѣдъ.

«Что-то произошло съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ я слышалъ его въ первый разъ», подумалъ онъ. «Ну, да ничего, онъ доработается до артиста, у него много силы и страсти»...

А. С. Шабельская.

ТЭНЪ.

У русскаго человѣка есть одно качество, довольно неожиданное при его скромной исторіи и весьма негромкой общественной жизни. Оно проявляется въ самыхъ разнообразныхъ видахъ въ зависимости отъ духовнаго уровня личности. На самой низкой, *почвенной* ступени, въ царствѣ инстинктовъ, это—знаменитая *широкая натура*. Она заставляетъ Собакевича гордиться необыкновенными размѣрами обѣденныхъ блюдъ и аппетита, Пѣтуха закармливать перваго встрѣчнаго до потери сознанія, а у деликатнаго героя—Чичикова—вызываетъ мечтательную думу о «разгулѣ широкой жизни»...

Даже поэтъ не можетъ удержаться—не подарить добрымъ прочувствованнымъ словомъ душу, стремящуюся закружиться, загулять-ся, сказать иногда: «чортъ побери все!»—и воспѣть въ заключеніе русскую тройку.

Поднимемся выше, въ область болѣе тонкихъ ощущеній, чѣмъ жирный обѣдъ и быстрая ѣзда, — предъ нами та же широкая натура, она лишь измѣнила внѣшнюю форму и называется *психопатическимъ восторгомъ*. Сцены разыгрываются на тему художественнаго азарта, происходятъ въ концертной или театральной залѣ, роль Чичикова играетъ пѣвецъ съ необычайно высокой нотой или иностранный трагикъ, — но Пѣтухъ на своемъ мѣстѣ: только вмѣсто кулебяки и телятины онъ также безпощадно угощаетъ свою жертву криками, аплодисментами, цвѣтами, даже объятіями.

«Публика относилась къ представленіямъ съ весьма шумнымъ энтузіазмомъ, нарушавшимъ иногда ходъ пьесы и сбивавшимъ съ толку злополучныхъ актеровъ. Никогда не видывалъ я зрителей, столь систематически упорныхъ въ аплодисментахъ, какъ въ Россіи. Послѣ того, какъ артистъ исполнилъ очень утомительную роль и, задыхаясь, изнуренный, обливаясь потомъ, надѣется удалиться въ свою комнату для отдыха, ему приходится стоять съ полчаса, чтобъ принимать безконечныя овацiи и выходить на сцену разъ пятнадцать, двадцать и даже тридцать. Мало того. Актеры ждутъ у дверей, сколько бы времени онъ ни употребилъ на переодѣванье, и выстраиваются въ два ряда, чтобъ дать ему пройти, вымаливая у него взглядъ, пожатіе руки, а если онъ живетъ настолько близко, чтобъ не нуждаться въ каретѣ, его провожаютъ пѣшкомъ до дому съ явными доказательствами симпатіи»...

Это разсказъ Сальвини о московской и петербургской публикѣ, и хотя вопросъ идетъ о большомъ талантѣ и артистическихъ подвигахъ,—въ каждомъ словѣ насъ преслѣдуетъ неотвязный Пѣтухъ, несчастный, смѣшной добрякъ, способный довести человѣка до отчаянія своимъ радушіемъ и хозяйскими чувствами.

И вся бѣда въ томъ, что у Пѣтуха много *натуры* и крайне мало мысли и вдумчивости. Ему ничего не стоитъ прервать сцену и ради двухъ-трехъ удачныхъ словъ и жестовъ произвести цѣлое землетрясеніе. Онъ необыкновенно радъ, что эти слова и жесты пришлись ему какъ разъ по плечу, и нѣтъ предѣловъ его благодарности.

Все это пока смѣшно, но дальше начинается грусть, когда Пѣтухъ изъ столовой и театральной залы забирается еще выше—въ аудиторію, въ библіотеку, въ ученый кабинетъ. Онъ всюду несетъ съ собой свою широкую натуру и раскрываетъ ее съ самыми прискорбными послѣдствіями въ формѣ *идейнаго романтизма*.

Онъ прочелъ новую книгу, прослушалъ лекцію, — и въ немъ начинается оригинальнѣйшій процессъ мысли. По исконному психологическому закону идея, пущенная въ широкій оборотъ, утрачиваетъ оттѣнки, подробности, ограниченія, постепенно принимаетъ упрощенную грубую форму и въ умѣ иного послѣдователя преобразуется до такой степени, что можетъ внушить ужасъ своему первому виновнику. Такъ происходитъ вездѣ и всегда, но явленіе имѣетъ степени и во всей силѣ развивается тамъ, гдѣ у публики большой запасъ впечатлительности, любопытства и совсѣмъ мало—анализа, знаній, критической способности. Въ такой средѣ всякое имя и ученіе усвоиваютъ своеобразную физіономію. Публика смотритъ на нихъ будто въ телескопъ,—съ одной капитальной разницей: предметы выростаютъ, но принимаютъ ровную однообразную окраску, звѣзда, превращенная въ солнце, ослѣпляетъ наблюдателей и ея лучи окончательно утрачиваютъ свой естественный цвѣтъ.

Именно такая судьба постигаетъ чужія идеи у насъ со временъ первыхъ европейскихъ отраженій въ Россіи до послѣднихъ дней. Мы могли бы написать совсѣмъ особенную исторію западной культуры, часто ни единой чертой не похожую на первоисточникъ. Главной особенностью этой исторіи была бы чрезвычайная простота взглядовъ и рѣшительность идей.

Въ XVIII вѣкѣ въ главѣ о Вольтерѣ мы стали бы доказывать, что философъ безбожникъ и матерьялистъ: таковы вѣдь наши вольтерьянцы и намъ не было бы дѣла до безчисленныхъ колебаній и оговорокъ Вольтера въ его отрицаніяхъ и до явной склонности найти положительную основу религіи. Въ XIX вѣкѣ мы авторитетомъ Бокля подтвердили бы полнѣйшее истребленіе художественнаго творчества, отвергли бы даже существованіе вообще поэтическаго и литературнаго таланта и не обратили бы никакого вниманія на разсужденія англійскаго историка объ *относитель-*

комъ значеніи науки и искусства. Немного позже,—подобную операцію мы произвели бы съ *гипотезой* другого англійскаго ученаго—Дарвина. Вообще на каждомъ шагу мы побѣдоносно разсѣкли бы всѣ гордіевы узлы и тамъ, гдѣ наши учителя говорили бы *можетъ быть*,— мы перевели бы—*должно быть*, гдѣ у нихъ — *вѣроятно*, тамъ у насъ было бы—*несомнѣнно*. Въ результатѣ оказался бы рядъ пророковъ съ совершенно точными, положительными ученіями почти религіознаго характера,—и мы съ легкостью поэтическаго юноши мѣняли бы одну *первую* любовь на другую. Главное было бы просто, ясно, категорично и получалось бы разрѣшеніе *всѣхъ* вопросовъ ума, жизни и исторіи. Не даромъ именно у насъ создалось краснорѣчивое выраженіе: «властитель думъ», и опредѣлились необходимые признаки такого властителя. Онъ непремѣнно долженъ быть чѣмъ-то вродѣ изобрѣтателя жизненнаго элексира или философскаго камня. Весьма часто онъ самъ не желаетъ играть этой роли,—мы навяжемъ ее, освободимъ ученіе отъ скромныхъ сомнѣній, логическихъ пробѣловъ, осторожныхъ недомолвокъ и облечемъ ученаго въ мантію прорицателя, едва подлежащаго критикѣ.

Естественно, — величайшимъ торжествомъ нашихъ романтическихъ чувствъ будетъ—напасть на человѣка, самолично составляющаго простѣйшіе рецепты отъ всѣхъ нравственныхъ и умственныхъ томленій, предлагающаго легчайшій способъ разгадать всѣ загадки и вопросы не только прошлаго и настоящаго, но даже будущаго. Простѣйшій—въ смыслѣ осязательности, доступности и положительности. Эти качества придадутъ ученію научный характеръ и въ то же время низведутъ его до уровня всякаго желающаго воспользоваться открытіемъ. Тогда намъ останется только привѣтствовать благодѣтеля и при всякомъ случаѣ повторять: «его имя не нуждается въ рекомендаціи»; «его имя слишкомъ хорошо извѣстно, чтобы»... и т. д. Однимъ словомъ, — разъ рѣшены всѣ вопросы.— рѣшенъ, конечно, вопросъ и о величіи самого автора рѣшеній.

Мы привели буквальныя выраженія русскихъ писателей о Тэнѣ. Они только капля въ морѣ славословій французскому философу, критику, публицисту и историку. Но дѣло не въ славословіяхъ: уже перечисленіе профессій, объятыхъ Тэномъ, говоритъ объ его выдающихся способностяхъ, — вопросъ въ отношеніи къ предмету. Оно менѣе всего мирится съ точнымъ представленіемъ о дѣйствительномъ значеніи Тэна и о сущности его идей, въ ихъ историческомъ развитіи. Тэнъ у насъ только «властитель думъ»—оригинальный въ философскихъ основахъ своей работы и лишь изрѣдка и невольно погрѣшимый въ критикѣ и исторіи. Его взгляды, обыкновенно, излагаются съ чисто-ученической благоговѣйной довѣрчивостью, его выводы цитируются внѣ всякой связи съ документальными источниками и личными цѣлями историка. Отсюда высшія наблюдательныя заявленія, не требующія будто бы никакихъ доказательствъ.

Напротивъ. Доказательства безусловно необходимы вездѣ... Почему, напримѣръ, Тэнъ вообще не нуждается въ рекомендаціи? Мы только что нашли это выраженіе во главѣ одного изъ полемическихъ, юношески-запальчивыхъ сочиненій Тэна — *Французская философія XIX-го вѣка* [1]). Русскій авторъ пишетъ панегирикъ изъ общихъ фразъ, по обычаю русскихъ романтиковъ-обожателей, — и считаетъ свое дѣло поконченнымъ. Такъ *принято* въ настоящее время говорить о Тэнѣ, когда то подобной привиллегіей пользовались Гегель, Бокль, Спенсеръ. Но для нихъ миновали «дни Аранжуэца», хотя никѣмъ не доказана слабость ихъ мысли и неудовлетворительность ихъ трудовъ, сравнительно съ произведеніями Тэна. Все дѣло въ скоропалительной смѣнѣ увлеченій нашей широкой натуры. И благодаря ей — гуляетъ невозбранно по всей Руси великой тотъ или другой изобрѣтатель «новаго слова», волшебнаго всеотмыкающаго ключа. Мы упомянули само по себѣ незначительное предисловіе къ русскому переводу тэновской книги именно какъ образчикъ отечественнаго азарта: сама книга нигдѣ и никогда въ нашей литературѣ не была разобрана, въ особенности не былъ оцѣненъ философскій камень, разъясняемый всего на тридцати страницахъ,—а между тѣмъ—набросаны громкія слова и данъ лишній разъ пароль и лозунгъ все выносящему русскому читателю. Приблизительно въ такомъ же положеніи и остальныя работы Тэна, и самыя популярныя изъ нихъ—историческія.

Когда критикуютъ философа, — тщательно говорятъ объ его предшественникахъ, когда разбираютъ историческій трудъ,—строго слѣдятъ за авторомъ по документамъ и источникамъ. Ничего подобнаго не признается необходимымъ относительно Тэна: какъ философъ — онъ «блестящъ», «проницателенъ», «оригиналенъ»; какъ историкъ—достойный руководитель русскихъ молодыхъ поколѣній...

Даже если бы Тэнъ и въ самомъ дѣлѣ заслуживалъ такой славы, мы не могли бы помириться съ самымъ *пріемомъ* — прославлять его. Мы попытаемся провѣрить ея основанія по главнѣйшимъ направленіямъ дѣятельности писателя,—на его *методѣ изслѣдованія* и на его *историческихъ изслѣдованіяхъ*. Вопросъ о методѣ занимаетъ центральное мѣсто въ философскихъ трудахъ Тэна: здѣсь онъ самъ видитъ важнѣйшее свое открытіе. А исторія—капитальнѣйшій трудъ всей его жизни. Критическія сочиненія въ свою очередь дадутъ намъ не мало иллюстрацій для оцѣнки практическаго значенія метода и послѣдовательности автора въ историческихъ и культурныхъ взглядахъ. Наша задача, слѣдовательно, сводится къ рѣшенію двухъ вопросовъ: какъ далеко идетъ изобрѣтательность Тэна въ принципахъ научнаго изслѣдованія и на сколько вѣрнымъ историческимъ свѣтомъ освѣщается у него вели-

[1]) Русск. перев. С.-Петербургъ. 1896.

чайшая эпоха новѣйшей исторіи Франціи. Къ тому и другому вопросу мы можемъ подойти единственнымъ правильнымъ путемъ — прослѣдивъ предварительно личное развитіе будущаго философа и историка.

I.

Всякій начинающій писатель является въ положеніи человѣка только что вступившаго въ новое для него общество. Ему приходится играть двѣ отвѣтственныхъ роли: внимательнаго наблюдателя и «интереснаго незнакомца». И первая роль—несравненно важнѣе; она имѣетъ рѣшающее значеніе для будущихъ шаговъ юнаго дѣятеля. Впечатлѣнія, какія онъ производитъ на другихъ, весьма долго могутъ оставаться неопредѣленными, разнорѣчивыми и въ сильнѣйшей степени предразсудочными и стихійными. Напротивъ — его собственное отношеніе къ окружающему міру немедленно отражается на его общемъ міросозерцаніи и практическихъ замыслахъ. Во всякое время и во всякомъ обществѣ имѣется множество готовыхъ группъ, партій, направленій, обсуждается рядъ вопросовъ и ежечасно даются самые разнородные отвѣты... Къ какой группѣ пристанетъ нашъ дебютантъ, за какую тему ухватится, вообще *какимъ* выйдетъ изъ обширной литературной и общественной гостиной,—результатъ кладетъ рѣзкую печать часто на всю его жизнь.

Относительно Тэна результатъ представляетъ особенный интересъ. Начало его ученой, точнѣе преподавательской и литературной дѣятельности совпадаетъ съ однимъ изъ важнѣйшихъ кризисовъ въ исторіи новой Франціи. Совершается переворотъ 2-го декабря, въ одну ночь гибнетъ республика.

И кто же совершаетъ это дѣло? Отнюдь не герой, даже во французскомъ смыслѣ слова, — не блестящій генералъ и не краснорѣчивый ораторъ,—а просто «человѣкъ въ мундирѣ», богатый и сильный исключительно громкимъ историческимъ именемъ. Мало этого. Человѣкъ, зарекомендовавшій себя смѣшными приключеніями, два раза сидѣвшій въ тюрьмѣ какъ бунтовщикъ, вѣрнѣе какъ скандалистъ, потому что его не сочли нужнымъ задержать разъ на всегда и снисходительно простили въ ожиданіи исправленія. Теперь онъ отплачивалъ... Чтобы совершилось подобное возвышеніе, требовались особыя обстоятельства. И они были,—сначала въ формѣ революціи, потомъ уличной бойни, наконецъ, оглушительной парламентской декламаціи. Происходила по существу старая исторія. И вдохновенные поэты, въ родѣ Ламартина, и суровые доктринеры изъ породы Гизо, и искренно-честные народные вожаки потерпѣли судьбу своихъ предшественниковъ и образцовъ 89-го года. Французская почва упорно отказывалась принять въ себя «дерево свободы». «Сѣрый незнакомецъ» съ тусклыми

глазами и біографіей авантюриста оказывался сильнѣе всѣхъ талантовъ и идей.

Немедленно начался разгромъ по всѣмъ направленіямъ — въ печати, въ политикѣ и преимущественно въ просвѣщеніи. Выговоры, отставки, даже изгнанія сыпались, какъ бомбы. Университетскія каѳедры быстро теряли своихъ лучшихъ представителей. Мишле долженъ былъ превратиться въ буколическаго любителя природы, Дешанель въ странствующаго профессора, а самый эффектный революціонеръ, пламенный авторъ *Жирондистовъ*—принялся промышлять историческими компиляціями и взывать къ общественной благотворительности. Это было въ духѣ биржевого практическаго поколѣнія, дружной стѣной окружившаго новую власть.

Уже въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ трудно было догадаться, что въ этомъ самомъ Парижѣ, столь чинномъ и послушномъ, еще недавно событія вызывали знойную лихорадку идей и гражданскаго слова.

Тэнъ самъ попалъ въ число пострадавшихъ и видѣлъ вокругъ себя такихъ же жертвъ среди учителей и товарищей. Какъ онъ отнесся къ своему положенію и участи другихъ?

Среди преобразователей-неудачниковъ, политиковъ-острослововъ, ораторовъ-артистовъ было нѣсколько человѣкъ совершенно другого склада. Тѣ легко могли приспособиться къ новому господину или постепенно тускнѣть и замирать въ воцарившемся омутѣ, — для избранныхъ не было утѣшенія ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ.

Идеи, къ которымъ герои минуты приставали ради эффекта и личнаго удовольствія, доставались избраннымъ послѣ великихъ и мучительныхъ усилій мысли. Въ молодости они не получили отъ отцовъ никакихъ положительныхъ идеаловъ: тѣ сами выросли среди гибели преданій, вѣковой религіи и нравственности, принуждены были сокрушающій смѣхъ Вольтера примирять съ обновленнымъ католичествомъ. Правда, — драматическіе ingénus вродѣ Шатобріана, необыкновенно быстро могли рѣшить вопросъ: *J'ai pleuré et j'ai cru*, — но для подобнаго подвига требовалась спеціальная эссенція изъ дѣтскаго легкомыслія и актерской аффектаціи. Болѣе сильные искали иныхъ путей и, не находя исхода въ развѣнчанной старинѣ, не ощущая въ себѣ довѣрчиваго, лирическаго чувства,—томились въ безъисходной тоскѣ.

Одинъ изъ нихъ много лѣтъ спустя такъ вспоминалъ свои гамлетовскія думы. «Въ болѣзни и въ преклонной старости, предъ моимъ умомъ воскресло много минувшаго, и между прочимъ я вспомнилъ, при какихъ обстоятельствахъ у меня исчезли мои вѣрованія. Я былъ деистомъ: Богъ, душа, безсмертіе. Я все это прямо почерпнулъ изъ среды, гдѣ я жилъ. Однажды вечеромъ въ моей небольшой комнаткѣ, возвратившись изъ колледжа, я намѣренъ былъ приступить къ занятіямъ. Вдругъ я остановился,—и безъ всякихъ предварительныхъ размышленій, — спросилъ у себя, на чемъ все

вывается моя вѣра? Къ великому моему изумленію и ужасу, я долженъ былъ отвѣтить, что моя вѣра основывалась на болѣе или менѣе удачныхъ доказательствахъ, но въ сущности не составляла несомнѣннаго и положительнаго факта. Это было неожиданнымъ и необыкновенно болѣзненнымъ ударомъ» [1]). И дальше длинная исторія — какъ залѣчить рану, вѣчная исторія Фауста, тѣмъ болѣе краснорѣчивая, что ее повторяетъ одинъ изъ правдивѣйшихъ и скромнѣйшихъ людей нашего вѣка.

Онъ не одинъ. Тотъ же Литтре разсказываетъ о своихъ современникахъ, называя ихъ по именамъ: они «знали весь ужасъ сомнѣній, гложущихъ сердце днемъ и заставляющихъ ночью обливать слезами изголовіе» [2]). Эти слова одного изъ нихъ могло признать своими цѣлое поколѣніе. Оно *страдало* и *искало*. И то и другое далеко не всегда доступно человѣческой природѣ, и внутренняя жизнь названныхъ людей—благороднѣйшая страница въ исторіи Франціи сороковыхъ годовъ.

Поиски оканчивались различно—одни жадно набрасывались на отвлеченную мысль, съ головокружительной быстротой поглощали философскія системы, усиливаясь изъ разнообразнаго матерьяла построить прочное зданіе. Таковы талантливѣйшіе представители эклектизма — Кузэнъ, Жуффруа. Другіе падали въ непосильной борьбѣ и кончали мистицизмомъ и подавленной меланхоліей. Третьи, наконецъ, — мужественно добивались отвѣта отъ ясной научной мысли.

Если умъ, говорили они, до сихъ поръ разрушалъ, если у Вольтера и энциклопедистовъ онъ являлся исключительно боевой силой,—отчего же не быть ему созидателемъ, когда мѣсто расчищено и предъ нимъ необозримое поприще природы и человѣческихъ способностей? Цѣлые вѣка человѣчество собираетъ знаніе и опытность,—и до сихъ поръ нѣтъ ему нравственнаго утѣшенія и непоколебимой опоры! И это потому, что никто не приложилъ рукъ къ громадной массѣ накопленнаго капитала, не пронизалъ его организующей мыслью, не вдохнулъ въ хаосъ творческаго духа. Объедините частности, обобщите подробности, приведите въ систему факты и выводы,—и «страшный разрывъ въ умахъ» исчезнетъ, «смущенное поколѣніе» возвратитъ себѣ ясность духа и нравственную энергію [3]).

Такъ думали юные гамлеты 30-хъ и 40-хъ годовъ, — и ждали избавителя. Онъ явился имъ въ лицѣ *Огюста Конта*.

Намъ трудно представить, какую роль сыгралъ этотъ человѣкъ

---

[1]) Littré. *De la situation theologique du monde.* La philos. positive. 1877, № 2.

[2]) Littré. *Pour la dernière fois.* Ib. 1880, № 6.

[3]) «Un vaste dechirement dans les esprits»,—выраженіе Littré—*Pour la dernière fois*; «une génération troublée»,—Caro: *Emile Littré*, *Revue des deux Mondes* 1882, 1 mai.

для своихъ отзывчивыхъ современниковъ. Только читая восторженныя воспоминанія ученика,—восторженныя послѣ всѣхъ паденій и заблужденій учителя, видя его сыновнее благоговѣніе послѣ жалкихъ припадковъ больной мысли и нестерпимаго эгоизма философа,—можно повѣрить въ неизгладимое нравственное воздѣйствіе одного мыслителя на другого.

«Сравнительно съ живымъ свѣтомъ, которымъ я обязанъ ему,—я не придаю ни малѣйшаго значенія нѣкоторымъ заблужденіямъ, въ которыя онъ увлекъ меня. Если-бы не его мысль и не его произведенія, я—согласно природѣ моего ума и моихъ занятій,—остался бы навсегда на пути отрицанія, увѣровалъ бы, что при всѣхъ усиліяхъ я не могу признать никакой богословской и метафизической системы,—а самъ, собственными силами, не въ состояніи подняться до стройнаго міросозерцанія, могущаго ихъ замѣнить. Это міросозерцаніе далъ мнѣ Контъ. Мое душевное состояніе глубоко измѣнилось, мой умъ сталъ спокоенъ и я обрѣлъ, наконецъ, ясность» [1]).

Такъ писалъ Литтре по смерти учителя. Съ теченіемъ времени его благодарность становилась еще прочувствованнѣе и, оставляя будто завѣщаніе своимъ читателямъ, Литтре говоритъ: «Позитивная философія, которая мнѣ такъ помогла тридцать лѣтъ тому назадъ, указала мнѣ идеалъ, внушила мнѣ жажду лучшаго, открыла мнѣ глаза на исторію и воспитала во мнѣ любовь къ человѣчеству, спасла меня отъ чистаго отрицанія,—неизмѣнно руководитъ мной до конца во всѣхъ моихъ мечтаніяхъ» [2]). И здѣсь нѣтъ ни одной выдуманной фразы. Каждое слово оправдано фактами. Литтре съ одинаковой искренностью сознается въ заблужденіяхъ, въ которыя его завлекъ энтузіазмъ предъ учителемъ, и въ разочарованіяхъ, постигшихъ его жестоко и неожиданно. Они закончлись вторымъ декабря,—и Литтре пришлось шагъ за шагомъ, строка за строкой отказываться отъ своихъ мечтаній.

Это всегда больно,—и особенно, когда въ мечтанія вложена вся жизнь идеальной мысли и вѣры. Какъ-же совершилъ Литтре этотъ актъ самообличенія?

«Моя ошибка въ томъ, что я безъ критики принялъ идеи, которыя я теперь отвергаю: и я не могу и не хочу уменьшить этой ошибки. Я открыто сознаюсь, что она важное умственное пораженіе, и именно таковымъ я ее и признаю. Единственное вознагражденіе и довольно цѣнное для меня,—это, во-первыхъ, урокъ скромности, потомъ справедливое предостереженіе—не довѣрять самому себѣ предостереженіе и для моихъ читателей и послѣдователей: они должны видѣть во мнѣ лишь вождя съ добрыми намѣреніями. Я безъ всякихъ ограниченій подписываюсь подъ словами Монтэня:

---

[1]) Littré. *Auguste Comte et la Philos. positive.* p. 529, deuxième edition. Paris 1884.

[2]) *Pour la dernière fois.*

«когда чужіе доводы доказываютъ мое заблужденіе, я не столько стремлюсь усвоить новую мысль и признать мое невѣжество именно въ данномъ случаѣ,—это дешево стоитъ,—сколько вообще я убѣждаюсь въ моей немощи и несовершенствѣ моего разума» [1]).

Такъ можетъ говорить только мыслитель, лично на себѣ испытавшій мучительную умственную работу, годами вдумчивости и анализа постигшій непрочность нашихъ отвлеченныхъ выводовъ и повидимому, самыхъ надежныхъ толкованій дѣйствительности. Скромность въ положеніяхъ и искренность въ ошибкахъ—вѣрные признаки безкорыстной самостоятельной мысли ради самой мысли и ея общихъ благъ. Практическіе результаты очевидны. Потерпѣвши разгромъ, Литтре менѣе всего способенъ впасть въ разочарованіе, бросить камнемъ въ идеи. Ошибки въ немъ самомъ, а не въ идеяхъ вообще,—и единственный для него выводъ: проникнуться глубокой безграничной гуманностью къ людямъ и ихъ стремленіямъ—все равно симпатичнымъ или ненавистнымъ. Литтре въ эпоху имперіи представитель убѣжденнаго, ничѣмъ непоколебимаго либерализма. Его терпимость часто достигаетъ крайнихъ предѣловъ, менѣе всего свойственныхъ политику. Онъ знаетъ, какъ трудно достижима истина для всякаго человѣка,—и боится наложить руку даже на явныхъ враговъ свободной мысли и прогресса. Для него возможна лишь культурная и строго-идейная борьба... Это, несомнѣнно, крайность,—но она вполнѣ естественна для честнаго открытаго ума, всецѣло проникнутаго самосознаніемъ и критикой.

Въ области политики такой принципъ, можетъ быть, и не всегда цѣлесообразенъ,—но Литтре распространилъ его на всю свою нравственную жизнь. Его учитель постепенно превращается въ пророка, разрѣшаетъ безусловно всѣ вопросы съ необыкновенной рѣшительностью, создаетъ, наконецъ, свою религію и свой культъ. Его ученикъ съ сожалѣніемъ присутствуетъ при ослѣпленіи великаго ума,—и еще больше убѣждается въ пагубныхъ слѣдствіяхъ умственной самоувѣренности и философскаго фанатизма. Въ глубоко-задумчивыхъ словахъ онъ разъ и на всегда признаетъ границы человѣческой мысли и отказывается пускаться въ безграничный невѣдомый океанъ, омывающій берега нашихъ житейскихъ опытовъ и болѣе или менѣе точныхъ знаній [2]). Это настроеніе не мѣшаетъ Литтре до самой смерти отдаваться необыкновенно упорному умственному труду. Французская наука не знаетъ болѣе самоотверженнаго труженика, чѣмъ этотъ Гамлетъ ранней молодости, энтузіастъ въ болѣе зрѣлые годы и меланхолическій мудрецъ въ мужественномъ и старческомъ возрастѣ.

Онъ могъ быть учителемъ Тэна. Увлеченія Литтре позитивизмомъ захватываютъ 40-е годы, а вторая имперія наполнена длин-

---

[1]) Aug. Comte et la ph. posit. pp. 601—2.
[2]) Lib. p. 519.

нымъ рядомъ его трудовъ самаго разнообразнаго содержанія. Тэнъ не могъ не попасть въ струю самой мощной современной системы, не могъ просмотрѣть ея талантливѣйшаго и лично-симпатичнѣйшаго представителя. Такъ можно заключить совершенно естественнымъ путемъ... Но въ дѣйствительности оказалось нѣчто совершенно неожиданное. Позитивизмъ для Тэна существуетъ,—но только не его французскіе родоначальники и не позитивизмъ въ духѣ сороковыхъ годовъ.

Это первое общественное и философское отношеніе Тэна. Разберемъ его: оно освѣтитъ намъ любопытнѣйшія черты въ личности нашего героя.

II.

Тэнъ родился въ концѣ 20-хъ годовъ—21 апрѣля 1828 года,—въ провинціи, въ Арденахъ, въ началѣ 40-хъ прибылъ въ Парижъ, учился сначала въ колледжѣ, въ годъ февральской революціи вступилъ въ Нормальную школу. Слѣдовательно, на его глазахъ происходили самыя горячія событія, какія только можно представить, звучали самыя громкія имена, обсуждались коренные вопросы человѣческой культуры и общественнаго порядка. Тэну было двадцать лѣтъ, и даже провинціальную Францію захватилъ вихрь парижскихъ идей и событій,—съ такой силой, какъ не было даже въ эпоху 89-го года. А что тотъ вихрь производилъ въ Парижѣ,—мы знаемъ изъ признаній Литтре...

Переступимъ порогъ колледжа, Нормальной школы, приблизимся къ Тэну,—и на насъ съ первой же минуты пахнетъ какая-то совершенно особенная атмосфера, тѣмъ болѣе странная, что за стѣнами этихъ учебныхъ заведеній и даже въ самихъ аудиторіяхъ безпрестанно проносятся знойные токи крайне напряженнаго воздуха.

Нашъ юноша необычайно серьезенъ, даже внушителенъ. Это дѣйствуетъ на школьниковъ: они его не называютъ иначе, какъ *Monsieur* Taine. Такой видъ онъ пріобрѣлъ съ самаго ранняго возраста; уже въ десять лѣтъ онъ съ успѣхомъ игралъ роль учителя въ начальной школѣ, когда настоящій учитель бывалъ боленъ. Правда, — населенію его родины вообще свойственна серьезность нрава, даже суровость. Арденны—страна негостепріимная, по природѣ бѣдная, мрачная, лѣсистая, населеніе работаетъ на оружейныхъ и кожевенныхъ заводахъ, жилища производятъ однообразное и сѣрое впечатлѣніе, здѣсь царствуетъ бережливость, трезвость, умѣренность, люди относятся къ жизни вдумчиво и въ то же время съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ аскетизма и педантичности [1]).

Въ семьѣ Тэна эти качества должны были господствовать. Скром-

[1]) Michelet. *Histoire de France.* Ed. definitive. II, 65. Тэнъ о своемъ дѣтствѣ—*Derniers essais de critique*, Les Ardennes, p. 43.

ная профессія отца-стряпчаго, довольно большая семья—трое дѣтей—все вынуждало замкнуть существованіе въ строго опредѣленныя, буржуазныя рамки. Мальчикъ росъ ровно, солидно, и, по слабости здоровья, вѣроятно даже рѣдко увлекаясь обычными искушеніями дѣтства. По крайней мѣрѣ позже, вспоминая объ этомъ періодѣ своей жизни, онъ не можетъ сообщить намъ ни одной легкомысленной черты, забавнаго впечатлѣнія, оригинальнаго эпизода Мрачный Арденнскій лѣсъ съ его «полудикими» обитателями-угольщиками—наполняетъ весь горизонтъ его дѣтскихъ настроеній.

Впрочемъ для нихъ врядъ-ли и было время. Маленькій Ипполитъ обнаружилъ невѣроятное пристрастіе къ книжному ученью. Уже въ колледжъ онъ явился настоящимъ ученымъ. Товарищамъ оставалось благоговѣть предъ его знаніями и трудолюбіемъ. Любящая семья не знала, какъ уберечь его отъ окончательнаго разстройства здоровья. Ежегодно во время экзаменовъ Тэна приходилось пьявками спасать отъ прилива крови къ головѣ. Девятнадцати лѣтъ онъ уже имѣлъ шесть первыхъ наградъ по реторикѣ, также щедро онъ былъ награжденъ за успѣхи и по другимъ наукамъ, въ Нормальную школу поступилъ первымъ... Это поистинѣ изумительные подвиги, характеризующіе идеальнаго *перваго ученика, гордость своего учебнаго заведенія, генія золотой доски.* Арденнское трудолюбіе произвело чудеса въ книжномъ царствѣ,—и что особенно любопытно,—молодой студентъ читалъ самыя ужасающія произведенія—по учености или внушительной древности, — Платона, Аристотеля, отцовъ церкви, схоластиковъ, составлялъ конспекты, распредѣлялъ результаты чтенія по рубрикамъ, вообще душой и жизнью уходилъ въ книгу и бумагу.

Эта способность сама по себѣ можетъ быть весьма почтенной, но, впадая въ манію, она невольно напоминаетъ намъ двѣ каррикатурныя фигуры изъ классической литературы — гетевскаго Вагнера и тургеневскаго Ворошилова. Одинъ безнадежный буквоѣдъ и отшельникъ, другой розовый юноша военной складки,—но между ними одна общая родовая черта: идолопоклонство предъ книгой и полное равнодушіе къ дѣйствительности, художественное наслажденіе процессомъ чтенія, ссылокъ, доказательствъ, разсужденій на основаніи «авторитетовъ» и невольная антипатія къ живой жизни. Вагнеръ дурно чувствуетъ себя среди народа, онъ — аристократъ кабинетныхъ священнодѣйствій, Ворошиловъ весь погруженъ въ гордое сознаніе своей начитанности и не спускаетъ съ лица суроваго глубокомысленнаго выраженія предъ непосвященной толпой...

Это, повторяемъ, каррикатуры, но каррикатура тѣмъ и любопытна, что въ ней чуется дыханіе непосредственной откровенной правды. «Ступай въ Петербургъ, въ —ій корпусъ, и посмотри на золотую доску: чье тамъ имя стоитъ первымъ? Ворошилова Семена Яковлевича!»... Такъ взываетъ вздорный энтузіастъ Бамбаевъ и

безсознательно даетъ поразительную характеристическую черту цѣлаго типа.

Есть люди, со дня рожденія всѣми нервами тѣсно связанные съ природой и реальной дѣйствительностью. Они совершенно недоступны отвлеченностямъ, чувствуютъ безъисходное томленіе въ области теоріи, вянутъ и гибнутъ подъ давленіемъ книжной науки и словесной мудрости—будто въ безвоздушномъ пространствѣ. Но зато дайте имъ фактъ изъ жизни природы или человѣческаго общества, приведите ихъ въ соприкосновеніе съ неизсякающимъ источникомъ естественныхъ явленій или житейскихъ вопросовъ, ихъ умъ выростаетъ и крѣпнетъ, будто Антей въ объятіяхъ земли. Они являются остроумными изобрѣтателями, неутомимыми дѣятелями въ *практической области*, — и на противоположномъ полюсѣ—вдохновенными поэтами. И сколько изъ среды ихъ школьный педантизмъ и мертвая наука поглощаютъ жертвъ, и часто навѣки калѣчатъ природный умъ и душу!.. Но есть совершенно другая порода, напоминающая экзотическія растенія и комнатныхъ животныхъ. Она сильна духовнымъ аскетизмомъ, счастлива дѣйствительностью, прошедшею сквозь печатный станокъ и древній пергаментъ, умѣетъ изумительно ясно читать буквы, слова и страницы,—и едва скользитъ презрительнымъ и тусклымъ взоромъ по волнамъ людского моря. Его шумъ, даже въ спокойныя сравнительно минуты, вызываетъ у друзей ночной лампады нервную дрожь,—а въ моментъ бури заставляетъ ихъ забиваться въ самый сокровенный уголъ библіотеки и призывать на помощь противъ чудовища груды пожелтѣвшихъ листовъ и выцвѣтшихъ истинъ. Эти люди развиваются обыкновенно быстро и въ строго опредѣленномъ направленіи. Въ школѣ—они образцы поведенія и прилежанія, на ихъ дѣтскихъ лицахъ—Богъ вѣсть съ какого времени—запечатлѣвается навсегда сдержанное чувство собственнаго достоинства; похвалы и награды это чувство превращаютъ въ самоувѣренность, граничащую съ героизмомъ. Сотни томовъ побѣждены, труды признаны и увѣнчаны, развѣ можетъ послѣ этого возникнуть какое либо затрудненіе? Всѣ вопросы и сомнѣнія разрѣшаются совершенно просто, стоитъ генію на минуту удостоить ихъ своего вниманія,— и если смѣшной Ворошиловъ оглушаетъ собесѣдниковъ именами, числами, цитатами и раздаетъ направо и налѣво аттестаты и смертные приговоры Гнейстамъ и Рилямъ, болѣе умные представители того-же типа будутъ поступать по существу также, только съ большимъ тактомъ и съ меньшимъ азартомъ. Но отъ этого дѣло не мѣняется: великій человѣкъ золотой доски, безстрашный Амадисъ реторики, софистики и прочаго наслѣдства предковъ будетъ со всѣми загадками жизни и исторіи поступать по образцу Александра Македонскаго съ гордіевымъ узломъ. Только близкое и постоянное столкновеніе съ дѣйствительностью научаетъ самаго смѣлаго героя скромности, только упорная внутренняя работа надъ собственной

мыслью внушаетъ самому геніальному мыслителю осмотрительность и терпимость. Но самое главное—ни истина и никакая плодотворная мысль невозможны безъ долгаго предварительнаго искуса личности, муками своего *я* добывающей идею,—безъ длинной смѣны паденій и побѣдъ, ошибокъ и вдохновенныхъ открытій, нерѣдко—отчаянія и безумнаго торжества.

И все это бываетъ доступно человѣку, мы все это слышали изъ устъ современника Тэна. Теперь мы находимся будто въ другомъ мірѣ. Счастливому юношѣ остались невѣдомы гамлетовскія сомнѣнія, у него не было страшнаго разрыва съ прошлымъ и ощущеніе невыносимой внутренней пустоты, гдѣ будто въ безвоздушномъ пространствѣ бьется безпомощная мысль,—не посѣщало его въ самые романтическіе годы. Разсказъ Литтре онъ обозвалъ бы фантасмагоріей... Впрочемъ, зачѣмъ намъ пускаться въ предположенія: самъ Тэнъ все растолкуетъ и объяснитъ.

Правда, о Литтре онъ не хочетъ знать, какъ и о Контѣ—дальше мы увидимъ почему,—но онъ говоритъ очень много о другихъ людяхъ, пережившихъ сходные нравственные моменты. Жуффруа разсказываетъ о себѣ почти буквально то же самое, что и Литтре: они оба одного поколѣнія. Мы должны познакомиться съ этимъ разсказомъ, потому что онъ отлично извѣстенъ Тэну,—и именно на признаніи Жуффруа необыкновенно ярко обнаруживается натура нашего философа.

«Насталъ день, когда изъ нѣдръ того мирнаго зданія, которое меня пріютило въ день моего рожденія и подъ сѣнью котораго протекла моя первая молодость, на меня пахнулъ духъ сомнѣнія, который со всѣхъ сторонъ бился о его стѣны и потрясалъ его до самыхъ основаній. Мое любопытство не могло скрыться отъ этихъ могущественныхъ возраженій, разсѣянныхъ какъ пыль духомъ двухвѣковаго скептицизма, въ атмосферѣ, которою я дышалъ. Напрасно мое дѣтство съ его поэтическими впечатлѣніями, моя молодость съ религіозными воспоминаніями, величіе, древность и авторитетъ той вѣры, которую мнѣ преподавали, вся моя память, все воображеніе, вся моя душа — поднимались и возмущались противъ этого вторженія, глубоко ихъ оскорблявшаго: мое сердце не могло защитить разсудка...

«Я никогда не забуду того декабрьскаго вечера, когда разсѣялось облако, скрывавшее отъ меня мое безвѣріе. Я слышу еще звукъ моихъ шаговъ въ этой узкой и пустой комнатѣ, по которой долго спустя послѣ обычнаго часа сна я продолжалъ ходить. Я вижу еще полускрытую за облаками луну, по временамъ освѣщавшую холодныя окна. Цѣлые часы проходили, а я ихъ не замѣчалъ; съ тоской я слѣдилъ за моей мыслью, которая постепенно опускалась въ самую глубь моего сознанія и, разсѣевая одну за другой всѣ иллюзіи, до сихъ поръ заслонявшія его отъ меня, съ каждымъ мгновеньемъ все болѣе раскрывали его изгибы.

«Напрасно хватался я за остатки вѣрованій, какъ утопающій за обломки своего корабля; напрасно, ошеломленный незнакомымъ мнѣ пространствомъ, по которому я долженъ буду плыть, въ послѣдній разъ бросился я съ этими вѣрованіями къ моему дѣтству, семьѣ, родинѣ, ко всему, что для меня было дорого и свято; неудержимый потокъ мыслей оказывался сильнѣй; онъ заставлялъ меня отказаться отъ всего, отъ родителей, семьи, воспоминаній, вѣрованій... Испытаніе продолжалось и становилось все упорнѣе и суровѣе по мѣрѣ своего приближенія къ концу, и только тогда прекратилось, когда достигло его. Я узналъ тогда, что на глубинѣ моей души не удержалось ничего.

«Это мгновенье было ужасно, и когда на разсвѣтѣ я бросился въ изнеможеніи на постель, мнѣ казалось, что я чувствую, какъ моя первая, такая улыбающаяся и такая полная жизнь угасаетъ, а за мной открывается другая, мрачная и пустынная, гдѣ отнынѣ я долженъ буду жить одинъ, одинъ съ моей роковой мыслью, которая изгнала меня туда и которую я готовъ былъ проклясть. Дни, послѣдовавшіе за этимъ открытіемъ, были печальнѣйшими днями моей жизни. Разсказывать, какія чувства меня волновали тогда, было бы слишкомъ долго. Хотя мой умъ съ нѣкоторой гордостью созерцалъ свое произведеніе, но душа не могла примириться съ состояніемъ, такъ мало приспособленнымъ къ человѣческой слабости; могучими порывами она старалась возвратиться къ берегамъ, которые утеряла изъ виду въ пеплѣ своихъ прежнихъ вѣрованій, она отыскивала искры, которыя, по временамъ, казалось, снова разжигали ей вѣру... Но убѣжденія, опровергнутыя разумомъ, только имъ могутъ быть возстановлены, и эти искры вскорѣ угасали».

Жуффруа нашелъ другой исходъ, чѣмъ Литтре, но также въ глубинѣ своей сосредоточенной мысли, подъ руководствомъ своего многовыстрадавшаго разума.

Тэнъ, повидимому, понимаетъ психологію этой работы: онъ видитъ въ словахъ Жуффруа и искренность и печаль,—припоминаетъ для сравненія «возвышенные вопли Байрона и Ламартина» [1]).

Но лучше бы критику было не пускаться въ литературныя параллели: Ламартинъ, попавшій рядомъ съ Байрономъ, заставляетъ насъ опасаться на счетъ смысла собственныхъ заявленій Тэна.

И дѣйствительно,—онъ принимается искать общихъ причинъ подобныхъ воплей, источника философіи эклектизма, и приходитъ къ выводу: *потребность подчинить науку нравственности и любовь къ отвлеченнымъ словамъ* — основы философіи, а немного дальше—*мечтательность и любовь къ отвлеченію* [2]).—Надо, оче-

---

[1]) *Французская философія первой половины XIX-го вѣка.* Русск. пер. Спб. 1896, стр. 127.

[2]) *Ib.* стр. 174, 178.

видно понимать:—мечтательность и стремленіе подчинить науку нравственности—двѣ вещи тождественныя. Но не въ этомъ дѣло. Тэнъ подробно характеризуетъ поколѣніе Литтре и Жуффруа и такъ выражается на счетъ настроеній, которыя онъ самъ только что было обозвалъ «возвышенными воплями»:

«Съ одной стороны страсть вѣрить безъ доказательствъ, съ другой способность такъ вѣрить: эти двѣ склонности составили духъ времени. Ренэ, Манфредъ, Вертеръ, Жоселэнъ, Олимпіо, Лелія, Ролла, вотъ его имена. Я могъ бы назвать еще много другихъ. Въ продолженіи тридцати лѣтъ каждый молодой человѣкъ по полугоду, а иногда больше бывалъ Гамлетомъ въ миніатюрѣ, всѣмъ пресыщеннымъ, не знающимъ, чего желать, чему вѣрить и что дѣлать, унылымъ, сомнѣвающимся, желчнымъ, несчастнымъ, смотрящимъ на концы своихъ сапогъ въ надеждѣ, что они откроютъ ему міровую систему, занятымъ сочетаніемъ словъ «Богъ, природа, человѣчество, идеалъ, синтезъ», и въ концѣ концовъ нисходящимъ до какого нибудь механическаго ремесла, либо развлеченія за кулисами биржи или оперы».

Все это дѣйствительно было, бываетъ даже и теперь,—но только подобные гамлеты отнюдь не исчерпывали эпохи. Тэнъ даже среди литературныхъ типовъ пропустилъ—Фауста, Адольфа, т. е. именно тѣхъ, съ кѣмъ трудно было бы покончить забавной каррикатурой. Во всякое время къ самымъ серьезнымъ теченіямъ мысли пристаютъ паразиты и опошляютъ часто благороднѣйшія идеи и истинно-драматическія настроенія. Вѣдь и Грушницкій гримасничаетъ на тему демонизма и разочарованія, но это не значитъ, что Лермонтовъ ни болѣе ни менѣе какъ Грушницкій. Даже Вертеръ неизмѣримо ниже по духовной силѣ и умственному развитію своего творца,—а вѣдь обѣ личности одного и того же поколѣнія. Если бы по такому плану изображать всѣ культурныя эпохи,—отъ всей исторіи человѣчества остались бы только комическія уродства и презрѣнныя потуги.

Рядомъ съ Ролла, отыскавшимъ высшее удовлетвореніе въ уличномъ развратѣ,—страдали и чувствовали себя Гамлетами достойнѣйшіе представители французской мысли. Именно въ то самое время, когда авторъ Ренэ давалъ представленія свѣтскимъ психопаткамъ, а Мюссе жегъ свою жизнь на алтарѣ самыхъ веселыхъ языческихъ божествъ, въ Парижѣ происходили странныя сцены, быть можетъ даже отчасти смѣшныя, но совершенно другого порядка, чѣмъ похожденія Ренэ и Ролла. Сначала Сенъ-Симонъ собиралъ вокругъ себя такихъ людей, какъ Огюстъ Контъ, Огюстэнъ Тьери: послѣднему, вѣроятно, даже Тэнъ не откажетъ въ своемъ уваженіи,—а потомъ новая позитивная философія превратилась въ своего рода религію для людей, навѣрное никогда въ жизни не бывавшихъ «за кулисами биржи или оперы».

Куда же въ представленіи Тэна дѣвались всѣ эти факты?

Дѣло объясняется просто. Тэну совершенно непонятна,—потому что по натурѣ недоступна серьезная сторона гамлетизма первой половины XIX-го вѣка. Всѣ эти мученики внутренняго разлада именно потому и были несчастны, что не находили въ себѣ ни «страсти», ни «способности»—«вѣрить безъ доказательствъ», какъ выражается Тэнъ. Это значитъ совершенно извращать смыслъ культурнаго явленія. Извѣстно,—даже Ренэ, при всемъ своемъ невысокомъ умственномъ полетѣ, обнаруживаетъ самый упорный скептицизмъ и усиливается подыскать доказательства своей вѣры, хотя бы въ формѣ маскарадныхъ костюмовъ и феерическихъ декорацій. Таково общее стремленіе: потому что трудно было французу послѣ XVIII-го вѣка проявлять «способность вѣрить безъ доказательствъ».

Дальше Тэнъ упоминаетъ о подобныхъ стремленіяхъ, но они опять таки лишь *изнанка* великаго стремленія извѣстной эпохи—во что бы то ни стало выйти изъ «чистаго отрицанія», какъ выражается Литтре, найти положительныя основы общественной и личной нравственности, философской мысли и историческаго развитія.

Но сколько бы мы соображеній ни приводили,—самое краснорѣчивое противъ Тэна будетъ принадлежать самому Тэну. Онъ, увидимъ дальше, задаетъ себѣ задачу — построить новую *метафизику*, такъ онъ самъ выражается, т. е. изобрѣсти систему, отвѣчающую на гамлетовскія томленія съ одной стороны, и на сплошное отрицаніе съ другой: и такое объясненіе вновь предпринятой работы дастъ все тотъ же Тэнъ. Противъ слишкомъ осторожныхъ и положительныхъ философовъ онъ выскажетъ слѣдующее обвиненіе: «Вычеркивая изъ науки познаніе первыхъ причинъ, т. е. божескихъ вещей, вы заставляете человѣка сдѣлаться скептикомъ, позитивистомъ—если у него сухой умъ, или же мистикомъ, экзальтированнымъ, методистомъ, если у него живое воображеніе». И дальше указывается на опасность для философіи—признавать въ мірѣ нѣчто *непознаваемое* разумомъ: въ результатѣ—мистицизмъ или матерьялизмъ. Тэнъ не желалъ ни того, ни другого—и предложилъ свою метафизику [1]).

Если Тэнъ придаетъ какое-либо значеніе собственному метафизическому замыслу,—онъ долженъ серьезно относиться и къ нравственнымъ мотивамъ, оправдывающимъ этотъ замыселъ. А эти мотивы—ничто иное, какъ осмѣянныя имъ настроенія гамлетовъ и непризванныхъ благодѣтелей человѣчества.

Недоразумѣніе произошло по совершенно очевидной причинѣ: Тэнъ не признаетъ самаго пути, какимъ его предшественники и современники шли къ философіи, къ спасенію отъ гамлетизма и

[1]) *Le positivisme anglais.* Paris 1864, p. 110—111.

экзальтаціи. Самъ Тэнъ совершилъ этотъ путь совершенно иначе,— безъ «возвышенныхъ воплей».

Какъ же именно?

III.

Мы до сихъ поръ указали двѣ черты въ душевномъ складѣ Тэна—скороспѣлую ученую самоувѣренность и инстинктивное пренебреженіе къ сложнымъ нравственнымъ процессамъ, какіе приходилось переживать многимъ мыслителямъ и даже простымъ смертнымъ. Эти черты неразрывно связаны другъ съ другомъ и обнаруживаются въ каждой строкѣ личныхъ признаній, въ каждомъ сужденіи раннихъ произведеній юнаго философа. Мы разберемъ эти черты независимо отъ той среды, гдѣ пришлось дѣйствовать Тэну: мы увидимъ,—онѣ какъ нельзя болѣе совпадаютъ съ сущностью общественной психологіи въ эпоху второй имперіи. Къ такому выводу мы придемъ исключительно подъ руководствомъ самого Тэна.

Одинъ изъ самыхъ раннихъ критиковъ Тэна, разбирая его произведенія, сообщилъ читателямъ: «насъ увѣряютъ, что новое ученіе было совершенно готово въ умѣ автора при выходѣ изъ колледжа» [1]). Авторъ статьи не хотѣлъ этому вѣрить, считая такую философскую скоропалительность далеко не лестной для умственной дѣятельности Тэна. Но дальше ему самому пришлось указать на странное отношеніе юнаго философа къ одному, повидимому, отнюдь не отрицательному качеству своихъ старшихъ современниковъ, тоже философовъ: онъ смѣялся надъ ихъ осторожностью и медлительностью въ выводахъ, надъ ихъ склонностью идти зигзагами, осматриваться по сторонамъ, а не разрубать вопроса однимъ ударомъ... У самого Тэна не оказывалось ничего подобнаго, — и критикъ невольно восклицалъ: «какая экономія во времени! Сколько такимъ образомъ благоразумно избѣгнуто умственныхъ смутъ, мучительныхъ сомнѣній и тоски мысли!» [2]).

Это совершенно справедливое замѣчаніе: ни въ одномъ словѣ Тэна во всѣхъ его произведеніяхъ мы не находимъ ни сомнѣній, ни колебаній. Предъ нами отъ начала до конца своего рода Наполеонъ цитатъ, формулъ, силлогизмовъ, обобщеній. И основаніе такому мышленію положено въ самые юные годы, въ Нормальной школѣ. Свѣдѣнія критика, слѣдовательно, на счетъ хронологіи тэновской системы шли изъ достовѣрнаго источника.

На слѣдующій же годъ по вступленіи въ Нормальную школу, Тэнъ писалъ своему товарищу, Парадолю: «я подавленъ бездной работы всякаго рода», — перечисляются новые и древніе языки, литература, исторія, философія, чтеніе тридцати или сорока труд-

---

[1]) Саго. *Revue contemporaine.* 1857, juin, p. 226.

[2]) *Ib.* p. 230.

ныхъ авторовъ, — и все это въ виду оффиціальнаго испытанія. У студента уже имѣется опредѣленный планъ работы. Онъ не только обширенъ по количеству, но необыкновенно серьезенъ и по качеству: двадцатилѣтній Тэнъ намѣренъ ни болѣе ни менѣе какъ *передѣлать* (refaire) философію [1]).

Жажда реформъ, передѣлокъ, изобрѣтеній — преобладающая страсть студенческихъ лѣтъ будущаго критика, философа, историка. По всѣмъ этимъ отраслямъ онъ стремится не только сказать новое слово, но и создать новую цѣльную систему. И мы точно не знаемъ, съ какого собственно времени стало обуревать Тэна столь отважное желаніе,—можетъ быть, дѣйствительно еще въ колледжѣ. По крайней мѣрѣ въ Нормальной школѣ онъ сразу занялъ положеніе увѣреннаго изслѣдователя и психолога. «Тэнъ читалъ Канта и Спинозу для развлеченія и остальное время проводилъ въ томъ, что *перелистывалъ* своихъ товарищей; это его выраженіе» [2]); такъ пишетъ одинъ изъ его товарищей. «Онъ насъ изслѣдовалъ, какъ апельсины», сообщаетъ другой [3]). И очевидно, эти перелистыванія и изслѣдованія совершаются не по лѣтамъ твердой рукой, — и ни одинъ фактъ, ни одинъ человѣкъ не вызываютъ у изслѣдователя никакихъ затрудненій.

Мы безпрестанно слышимъ отъ Тэна все такіе же планы на счетъ открытій, а вскорѣ по выходѣ изъ школы — извѣстіе даже о состоявшихся уже открытіяхъ. «Мнѣ думается — я открылъ нѣсколько вещей и прочную теорію, въ особенности — осязательные факты относительно природы души. Не будетъ-ли это слишкомъ смѣло?»

Вопросъ, повидимому, долженъ только оттѣнить значеніе открытій, и менѣе всего затруднить доблестнаго Колумба. Немного спустя, онъ по поводу басенъ Лафонтэна пишетъ: «Мнѣ кажется, — здѣсь можно высказать много новыхъ вещей».

Однимъ словомъ, чего бы ни коснулся молодой Тэнъ,—открытія и новости такъ и сыплются изъ его рукъ. Въ чемъ собственно они будутъ состоять,—увидимъ дальше,—теперь любопытно знать, какъ обнаружился на первыхъ порахъ оригинальный мыслитель? Что онъ производилъ на самомъ дѣлѣ, когда въ головѣ роились планы коренной передѣлки человѣческихъ идей и знаній?

Предъ нами драгоцѣнные документы,—правда, немногочисленные, но въ высшей степени краснорѣчивые, — отзывы профессоровъ Нормальной школы о Тэнѣ студентѣ и ученомъ.

Всѣ преподаватели отдаютъ должное необычайному трудолюбію юноши, его рѣдкимъ знаніямъ, но единогласно указываютъ на одинъ недостатокъ его работъ,—недостатокъ для насъ не новый и не уди-

---

[1]) Monod. *Les maîtres de l'histoire.* Paris 1894, p. 60—63.
[2]) Sainte-Beuve. N. Lundis. VIII, *Appendice.*
[3]) Monod. *O. c.* p. 63.

вительный. Онъ одинаково глубоко коренится вообще во французской натурѣ и въ тэновской особенно.

Франція искони извѣстна, какъ родина математическихъ геніевъ. Но не это въ сущности замѣчательно: математиковъ не мало и въ другихъ странахъ, — собственно для Франціи оригинальна рѣшительная наклонность подчинить математической мысли и математическому методу факты и выводы во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія,—и въ особенности въ тѣхъ, гдѣ, повидимому, математика менѣе всего примѣнима,— въ области художественнаго творчества и политики. Подъ давленіемъ математическаго инстинкта сложился самый блестящій, по мнѣнію французовъ, періодъ ихъ литературы — классическій и созданы важнѣйшіе политическіе и культурно-философскіе трактаты XVIII вѣка,—въ родѣ *Общественнаго договора* Руссо и *Картины прогресса* —Кондорсе. Такъ называемый *l'esprit classique* ничто иное, какъ *формулы* и *системы*, сковывающія строго опредѣленными правилами поэтическій геній, до крайней степени упрощающія способъ воспроизводить дѣйствительность и человѣческую личность въ художественныхъ картинахъ и образахъ. На мѣсто вдохновенія становится строгій логическій *разумъ*, лиризмъ замѣняется правильно построеннымъ разсужденіемъ, естественное развитіе событій—разъ навсегда опредѣленными рамками, индивидуальная психологія — общими чертами типа. Формула и силлогизмъ столь же обязательны для поэта, какъ и для оратора, философа, математика.

Такова классическая трагедія. Откройте *Contrat social*—васъ поразитъ та же неограниченная власть формальнаго логическаго разсудка. Политикъ всѣ свои опредѣленія и доводы строитъ на совершенно отвлеченныхъ величинахъ и ни на шагъ не отступаетъ отъ данной формулы ради практическихъ или просто реальныхъ соображеній. Государство, гражданинъ, религія, свобода—просто элементы для алгебраической операціи. Въ результатѣ получается необычайно стройное и систематическое сооруженіе. Оно буквально загипнотизируетъ французскихъ читателей,—и именно потому, что въ немъ всѣ части приведены въ стройнѣйшую симметрію, напоминаютъ колонну знаковъ и цифръ.

Кондорсе—человѣкъ совершенно другого нравственнаго склада и политическихъ воззрѣній, чѣмъ Руссо,—но онъ тоже французскій мыслитель — и въ направленіи *расы* достигъ своихъ предѣловъ. Именно на его идеи мы должны обратить особенное вниманіе: въ нихъ сказалось общее культурное и философское міросозерцаніе національнаго французскаго направленія. Кондорсе не только представилъ картину историческаго прогресса, но и пытался нарисовать отдаленное будущее человѣчества. И вотъ въ этой то картинѣ—могучая вдохновляющая сила—математика.

Философъ убѣжденъ, что законы физическаго, умственнаго и нравственнаго міра одинаково *необходимы* и *постоянны*. Слѣдова-

тельно, они могутъ быть заключены въ формулы съ такими же по существу элементами, какіе и въ математическихъ формулахъ. И Кондорсе логически доходитъ до формулировки политическихъ идеи и фактовъ, до «приложенія теоріи комбинацій и вѣроятностей» къ соціальной и международной политикѣ [1]).

Это предпріятіе, только намѣченное философомъ XVIII-го вѣка, не погибнетъ въ рѣкѣ забвенья, напротивъ воскреснетъ въ рукахъ самыхъ, повидимому, строгихъ изслѣдователей исторической жизни народовъ. *Средства* здѣсь будутъ, конечно, другія, болѣе научныя, чѣмъ у Кондорсе, но *принципъ* и *цѣль* одни и тѣ же. А если принять во вниманіе, до какой степени вопросы нравственности и цивилизаціи въ дѣйствительности сложны и какъ недалеко ушла психологія и философія исторіи по пути точныхъ и безукоризненно научныхъ обобщеній, — мы не найдемъ большой разницы между мечтаніями просвѣтителя и отважными выводами современнаго ученаго.

Но это соображеніе труднѣе всего признать французскому уму. Примѣръ—Тэнъ и вся его дѣятельность.

Онъ удачно изобразилъ «духъ классицизма» со всѣми его недостатками [2]), развѣнчалъ теоріи Руссо съ необыкновенной «страстью и гнѣвомъ», не пощадилъ и Кондорсе, — и въ результатѣ на самомъ себѣ оправдалъ всѣ доблести національной мысли,—начиная съ математики и кончая классицизмомъ.

Въ одной изъ позднѣйшихъ статей Тэнъ заявилъ: «положеніе математики несомнѣнно лучшій показатель вѣкового развитія наукъ цивилизаціи» [3]).

Гораздо раньше, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Тэнъ лучше всѣхъ критиковъ охарактеризовалъ свой *умъ*. «Моя форма ума—французская и латинская,—классифицировать идеи въ правильные ряды, подвигаясь постепенно впередъ, по образцу натуралистовъ, по правиламъ идеологовъ, короче ораторскимъ способомъ». Дальше онъ подтверждаетъ это заявленіе своими литературными и отвлеченными вкусами съ самаго ранняго возраста. Еще десяти или двѣнадцати лѣтъ онъ восхищался критикомъ XVIII-го вѣка не за вѣрность его сужденій и литературную талантливость, а за то, что онъ всѣ свои разсужденія велъ, исходя изъ принциповъ. Впослѣдствіи Тэнъ, по его словамъ, испыталъ первое сильное литературное удовольствіе отъ курсовъ Жуффруа—«благодаря прогрессивнымъ классификаціямъ».

Что это собственно значитъ,—мы знаемъ, да и самъ Тэнъ не

---

[1]) *Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain. O. compl.* Paris, An. XIII, p. 319, 353.

[2]) *Les origines de la France contemp. L'ancien régime.* Русск. перев. Спб. 1880, стр. 249 etc.

[3]) Ст. о Marcellin'ѣ, 1888 г. *Derniers essais de critique et d'histoire. Paris* 1894, p. 228.

замедлитъ объяснить. Это ничто иное, какъ математическіе пріемы мышленія въ области психологіи и литературы. Тэну ихъ особенно легко усвоить: отъ природы онъ обладалъ выдающимися способностями въ математикѣ, въ дѣтствѣ могъ въ умѣ умножать и дѣлить многозначныя числа и уже изучалъ анализъ. Одновременно художественныя впечатлѣнія,—напримѣръ, послѣ сонаты Бетховена—ему приходилось выражать такъ: «C'est beau comme un syllogisme».

Таковы природные задатки,—они немедленно раскрылись при первомъ же случаѣ и единогласно были отмѣчены профессорами Нормальной школы.

Молодого студента упрекали въ «крайней склонности къ отвлеченію», находили, что онъ «слишкомъ быстро все понимаетъ, толкуетъ, судитъ и формулируетъ». Вашеро, одинъ изъ немногихъ учителей, сохранившихъ сочувствіе и уваженіе Тэна, писалъ въ своемъ отчетѣ: «Онъ слишкомъ любитъ формулы и опредѣленія, которымъ онъ слишкомъ часто приноситъ въ жертву дѣйствительность, правда—не намѣренно, потому что онъ совершенно искрененъ». Дальше профессоръ отмѣчалъ «неукротимую твердость ума», не допускающую «никакого посторонняго вліянія на мысль» Тэна. Изъ отзыва другого профессора ясно, что на эту мысль мало вліяли даже вообще «реальные предметы», начинающій ученый не обладалъ «живымъ чувствомъ дѣйствительности» [1]... Съ теченіемъ времени, эти недостатки уменьшились, но для насъ важно, что въ наиболѣе впечатлительный и отзывчивый возрастъ Тэну приходилось выслушивать упреки въ фанатическомъ ослѣпленіи книжными отвлеченностями, въ отщепенствѣ отъ живой дѣйствительности, въ суровой замкнутости внутренней жизни.

Наконецъ, Тэнъ самъ созналъ, что «онъ изсушилъ и загрубилъ себя отвлеченіями и силлогизмами». Если бы это сознаніе было невозможно,—въ произведеніяхъ Тэна отсутствовало бы одно изъ самыхъ его популярныхъ достоинствъ: художественность разсказа и описаній. Мы, конечно, не должны ждать отъ такого логическаго, тонкаго ума художественности поэта, живыхъ образовъ вдохновенія, непосредственнаго открытаго лиризма. Ничего подобнаго нѣтъ на лучшихъ страницахъ Тэна. Онъ просто постарался пріохотить себя къ наблюдательности натуралиста, выучился схватывать часто мельчайшія подробности предметовъ, находить для выраженія ихъ подходящее, нерѣдко яркое выраженіе, однимъ словомъ,—составлять «описанія примѣтъ», какъ онъ самъ выражается—и такимъ образомъ развертывать предъ читателемъ планъ картины, если дѣло касается природы,—и набрасывать контуры портрета, точнѣе давать списокъ отдѣльныхъ чертъ, если требуется изобразить человѣческую личность.

---

[1]) Отзывъ *Saosset*, довольно искуснаго противника позитивизма Ср. его статью *La philosophie positive. Revue des deux Mondes*, tome XV, 1846, p. 185.

Отъ этой работы до настоящихъ художественныхъ произведеній такъ же далеко, какъ отъ «Американской флоры и фауны» до романовъ Купера, отъ протокола полицейскаго осмотра до живописи Диккенса. Для доказательства стоитъ взять любое описаніе изъ *Путешествія въ Пиренеяхъ* Тэна и какую угодно жанровую картинку изъ его беллетристическаго произведенія—*Грэндоржъ*. Пейзажами Пиренеевъ мы не будемъ заниматься, но на другой книгѣ должны будемъ остановиться съ нѣкоторыми подробностями.

Впрочемъ, поѣздка въ Пиренеи, при всей оригинальности природы и нравовъ, не могла оказать существенное вліяніе собственно на *умъ* Тэна, на его абстракціи и силлогизмы. Путешествіе состоялось въ 1854 году, книга вышла въ слѣдующемъ. Тэнъ уже былъ извѣстенъ, какъ ученый, и вполнѣ опредѣлился, какъ философъ и критикъ. Вышли его изслѣдованія о Лафонтенѣ и Титѣ Ливіи, одновременно съ *Путешествіемъ* стали появляться статьи о французскихъ философахъ XIX-го вѣка. Очевидно, онѣ были обдуманы гораздо раньше. Вообще появленіе произведеній Тэна *въ печати* нисколько не указываетъ на эпоху ихъ *возникновенія* и въ особенности *замысла*. Мы видѣли, планъ работъ у Тэна готовъ уже при поступленіи въ Нормальную школу. Три года спустя онъ уже обдумываетъ изслѣдованіе *объ умѣ* и около этого времени у него имѣется не мало «открытій». А между тѣмъ собственно книга вышла только въ 1870 году,—и темы ея мы встрѣчаемъ въ разные промежутки, въ разныхъ изданіяхъ,—напримѣръ, въ книгѣ о французскихъ философахъ: «воспріятіе—соотвѣтствующая дѣйствительности галлюцинація» [1]). Слѣдовательно, впечатлѣнія пиренейской природы могли только развѣ поправить здоровье ученаго, почувствовавшаго полное истощеніе силъ отъ книжной работы.

Но и во время болѣзни онъ не оставляетъ своего плана: сюда входила, между прочимъ, и исторія революціи. Ему читаютъ нѣкоторыя работы по этому предмету,—и въ немъ немедленно составляется общее представленіе объ эпохѣ и ея дѣятеляхъ. Замыселъ осуществится много лѣтъ спустя, на его осуществленіе, какъ увидимъ, повліяютъ многія обстоятельства,—но въ общихъ чертахъ *идея* революціи и *типъ* революціонера у Тэна слагается въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ—слагается на основаніи мгновенно воспринятаго впечатлѣнія: Тэна поразило умственное ничтожество наиболѣе знаменитыхъ людей революціоннаго періода.

У всякаго другого — *впечатлѣніе* не имѣетъ рѣшающей силы для научныхъ выводовъ, но для ума самоувѣреннаго, математическаго, избалованнаго легкими учебными побѣдами, впечатлѣніе непосредственно требуетъ формулы, а формула роковымъ путемъ ведетъ къ выводамъ и приговорамъ.

Итакъ, — въ концѣ сороковыхъ годовъ и началѣ пятидесятыхъ

---

[1]) *О. с.* стр. 203.

мы находимъ Тэна окончательно сложившимся, насколько вопросъ касается *пріемовъ научной работы*. Эти пріемы совершенно ясны изъ отрывочныхъ заявленій самого Тэна и изъ свидѣтельствъ его учителей. Французскій классическій умъ въ лицѣ Тэна явилъ одно изъ своихъ самыхъ типичныхъ воплощеній. Это рѣшало вопросъ *о результатахъ* философской и критической работы. *Процессъ* этой работы, способъ достигать извѣстныхъ результатовъ опредѣлялся особыми чертами личнаго характера Тэна,—чертами столь же яркими, устойчивыми и властными. Онѣ выразились въ необыкновенной быстротѣ и увѣренности умозаключеній, отразились на безпощадно рѣзкой, уничтожающей критикѣ чужой дѣятельности и на догматическомъ, надменно-рѣшительномъ установленіи собственнаго метода.

Намъ предстояло бы немедленно перейти къ этому методу, важнѣйшему и въ то же время самому раннему открытію Тэна. Но для нравственной характеристики писателя, распространившаго свой судъ на величайшія эпохи европейской исторіи, произнесшаго приговоры надъ самыми видными дѣятелями нашей цивилизаціи,—намъ необходимо проникнуть еще дальше въ его личность, дальше его умственныхъ привычекъ,—въ душу и сердце человѣка. Сдѣлать это побуждаетъ насъ самъ Тэнъ. Разъясняя новый методъ, онъ говоритъ:

«Историкъ изобрѣлъ себѣ термометръ: это его собственная душа. Наблюдая самого себя, изучая людей, сочиняя и дѣйствуя, онъ въ концѣ концовъ открылъ различные роды чувства, являющіеся причиной различнаго рода выраженій, формъ, позъ и поступковъ. Съ тѣхъ поръ, встрѣчая ихъ, онъ чувствуетъ и угадываетъ выражаемое ими душевное движеніе. Подобно тому, какъ химикъ по различнымъ оттѣнкамъ своей лакмусовой бумаги узнаетъ нейтральность, щелочность или кислоту раствора» [1]).

Это очень краснорѣчивое и отвѣтственное сравненіе. Термометръ *механически* точенъ по законамъ природы. Можетъ ли человѣческая душа подняться на такую высоту чувствительности и вѣрности показаній? Можетъ ли она съ такой же правильностью и безстрастіемъ отражать состояніе нравственной и политической температуры, какъ это дѣлаетъ ртуть или спиртъ?

Эти вопросы въ нашемъ случаѣ упрощаются, сводятся въ сущности къ одному: какого качества термометръ представляла душа Тэна, когда онъ создавалъ свой философскій методъ и примѣнялъ его въ своихъ изслѣдованіяхъ?

Отчасти отвѣтъ у насъ уже имѣется: мы знаемъ, какъ понялъ и оцѣнилъ будущій критикъ и историкъ своихъ старшихъ современниковъ, насколько чутко и основательно проникъ онъ въ психологію поколѣнія гамлетовъ—ученыхъ и позитивистовъ-мечтателей.

---

[1]) *Франц. философія*, стр. 202.

Это одна группа, встрѣченная Тэномъ при вступленіи на литературное поприще. Другая—общество второй имперіи, наполнившее сцену и оттѣснившее послѣдніе обломки идеалистовъ сороковыхъ годовъ.

Пойдемъ за Тэномъ въ эту среду.

IV.

Немедленно послѣ 2-го декабря виновникъ переворота отъ профессоровъ и учителей потребовалъ письменной оффиціальной *благодарности* за нарушеніе республиканской присяги. Тэнъ, исполнявшій въ это время должность преподавателя философіи въ Неверѣ, отказался, получилъ строгій выговоръ и былъ перемѣщенъ въ Пуатье. Протестъ его дальше не шелъ. Напротивъ, онъ убѣждалъ Парадоля, хотѣвшаго выйти въ отставку, что молчаливые признаніе новаго режима—ихъ долгъ, что нація можетъ какъ ей угодно располагать собой. Тэнъ договаривается до полной теоріи непротивленія злу и 18 января 1852 года пишетъ своему товарищу: «положимъ,—предъ нами крестьянинъ на собственной землѣ, онъ глупъ и дурно ее обрабатываетъ. Я—человѣкъ ученый—совѣтую ему со всевозможными доказательствами—приняться за дѣло иначе. Онъ упорствуетъ и губитъ свой посѣвъ: я причиняю ему несправедливость, если пытаюсь препятствовать. Такъ же и народъ, рѣшающій на счетъ своего правительства. Такъ какъ онъ тупъ и невѣжественъ, онъ отдаетъ власть человѣку съ знаменитымъ именемъ, хотя онъ совершилъ дурное дѣло и поведетъ къ пропасти тотъ же самый народъ. Мало того. Народъ самъ у себя отнимаетъ свои вольности, свои гарантіи, средства къ просвѣщенію и совершенствованію. Я въ отчаяніи, я негодую, я, подавая голосъ, дѣлаю все, что можно сдѣлать противъ подобнаго скотства. Но народъ принадлежитъ самому себѣ и я поступаю несправедливо, если иду противъ священной и неприкосновенной силы, его воли». Недѣли черезъ три Тэнъ заявляетъ увѣренность въ прочности новыхъ порядковъ и заключаетъ: «слѣдовательно, намъ запрещена политическая жизнь, можетъ быть лѣтъ на десять. Единственный путь — чистая наука и чистая литература». Тэнъ окончательно рѣшилъ «замолчать, повиноваться и жить въ наукѣ»: «наши дѣти, болѣе счастливыя, можетъ быть, будутъ обладать одновременно двумя благами—наукой и свободой.... Слѣдуетъ ждать, работать, писать. Сократъ говорилъ: только мы занимаемся настоящей политикой, такъ какъ политика наука. Другіе лишь приказчики и аферисты (des faiseurs d'affaires) [1]).

---

[1]) Письма Тэна приведены въ книгѣ Gréard'a о Прево Парадолѣ (Prevost-Paradol. *Etude suivi d'un choix de lettres*. Paris. 1894). Нѣкоторыя выдержки изъ писемъ Парадоля приведены въ ст. М. Ковалевскаго — *Изъ исторіи французской публицистики. Прево-Парадоль.*—*Починъ, Сборникъ* общ. люб. росс. лов., 1895;—изъ писемъ Тэна—у Моно *О. с.*

Впослѣдствіи мы увидимъ, что означало на языкѣ Тэна чистая наука и научная политика. Теперь онъ дѣйствительно изгоняетъ изъ своей жизни всякіе общественные интересы. Ему запрещаютъ вести съ слушателями бесѣды на политическія темы, даже читать журналы, свои лекціи основать на образцахъ строго-классической литературы XVII-го вѣка,—все это онъ послушно выполняетъ по требованію начальства. Но требованія начальства ростутъ по мѣрѣ его покорности. Тэна переводятъ въ Безансонъ... Остается взять отпускъ, прекратить преподавательскую дѣятельность и обратиться исключительно къ ученымъ трудамъ.

Такова исторія Тэна въ самое тяжелое время имперіи. Эта исторія далеко не типичная для современниковъ будущаго философа. Наполеонъ III встрѣтилъ не мало въ высшей степени горячихъ протестантовъ — начиная съ поэта Гюго и кончая публицистомъ Парадолемъ. Гюго началъ войну противъ Бонапарта еще наканунѣ переворота, лѣтомъ въ 1849 году указывалъ на источникъ, откуда долженъ былъ возродиться новый цезаризмъ: рекомендовалъ парламенту серьезныя соціальныя реформы, энергическую борьбу съ народной нищетой. Собраніе оставалось глухо,—и съ одной стороны вставалъ призракъ соціализма и новой революціи—призракъ, исполненный ужаса для всей страны, съ другой—обманутая демократія готова была броситься въ объятія авантюриста съ историческимъ именемъ, ожидая отъ него больше вниманія къ своимъ нуждамъ, чѣмъ отъ буржуазіи. Отнюдь, слѣдовательно, не глупость и не скотство (brutalité) побудили французовъ голосовать за Наполеона, а самыя естественныя чувства: страхъ и надежда. Повторялась исконная политическая драма Франціи: косность и эгоизмъ буржуазіи, отчаянное положеніе пролетаріата создавали самую удобную почву для переворота въ интересахъ сильной власти.

Гюго отлично понималъ положеніе вещей и, поклявшись до конца преслѣдовать *Маленькаго Наполеона*, рисовалъ удручающую картину буржуазнаго корыстолюбія и торгашества, жестоко клеймилъ «жрецовъ божества Лавочки, цѣнящихъ выше всего на свѣтѣ ренту и купонъ», «признающихъ власть Фалариса изъ любви къ своей кассѣ» [1]). Это значило бить въ самую основу имперіи. Одновременно поэтъ взывалъ къ «совѣсти» народа, усиливаясь разбудить его «мысль» и рисовалъ рядъ эффектныхъ картинъ, сравнивая новаго цезаря съ великими властителями древняго міра [2]). Это была грозная пропаганда, блистательно поддержанная такими произведеніями, какъ *Misérables*, *Légende des siècles*.

Поэтъ упорно отказывался вернуться во Францію, но и здѣсь не было недостатка въ борцахъ. Для насъ интереснѣе всѣхъ Пара-

---

[1]) *Châtiments. Un bon bourgeois dans sa maison.*

[2]) *Ib. A Iuvenal*, VIII, IX.

далъ, оживленно спорящій съ Тэномъ на счетъ образа дѣйствій въ эпоху политической смуты. Тэнъ сообщаетъ ему о своихъ занятіяхъ,— Парадоль тонко подсмѣивается надъ «торными берегами философіи», надъ полной безопасностью обитателей этихъ береговъ, надъ равнодушіемъ его къ людскимъ бѣдамъ. Парадоль не можетъ замкнуться въ стѣнахъ своего кабинета. Онъ вовсе не демагогъ, онъ даже крайне презрительно отзывается о политическомъ смыслѣ народа,—но онъ тѣмъ болѣе горячій ненавистникъ народнаго избранника. Послѣ переворота онъ немедленно создаетъ себѣ «идеалъ» конституціоннаго строя по англійскому образцу, мечтаетъ объ образованіи большой либеральной партіи, пускается въ газетную публицистику, попадаетъ въ тюрьму,—но съ тѣмъ большимъ жаромъ продолжаетъ свое дѣло. Крайне огорченный плебисцитомъ 10-го декабря, онъ не можетъ не признать исторически-неизбѣжнаго развитія новой силы — демократіи, и въ этомъ фактѣ видитъ даже осуществленіе идеи справедливости. Очевидно, практическая дѣятельность и близкое знакомство съ ходомъ общественной жизни развили у Парадоля безпристрастіе и умъ политика. Мы вспомнимъ объ этихъ идеяхъ, когда увидимъ Тэна въ роли возстановителя аристократическихъ преимуществъ и будемъ имѣть случай сравнить государственную программу, изобрѣтенную въ библіотекѣ и въ кабинетѣ, съ программою, внушенною многолѣтней работой на живой современной сценѣ.

Теперь для насъ достаточно отмѣтить разницу въ положеніяхъ, какія приняли два воспитанника Нормальной школы относительно наполеоновской имперіи. Одинъ весь ушелъ въ «философію», въ чтеніе Цицерона, въ выработку стиля, другой публично заговорилъ громкимъ голосомъ среди мертвеннаго затишья парламента и общества. Тэнъ спѣшитъ воспользоваться выгодами новаго закона насчетъ докторской степени, принимается за диссертацію, такъ какъ степень засчитывается за два года службы, создаетъ трудъ съ головокружительной быстротой—съ половины апрѣля до іюня,—и даже не одинъ, а два: французскій и латинскій. Ихъ Сорбонна отвергаетъ,—тогда онъ съ такой же быстротой набрасывается на Лафонтена, и получаетъ желаемую степень. Потомъ слѣдуетъ погоня за академическими преміями... Возникаетъ книга о Титѣ Ливіи, отвергается академіей, передѣлывается, снова представляется и увѣнчивается.

Всѣ эти событія наполняютъ первую половину пятидесятыхъ годовъ: Тэнъ—докторъ въ маѣ 1853, въ 1855—лауреатъ академіи, которую онъ весьма ловко очаровалъ своимъ послушаніемъ, исправивъ книгу о Титѣ Ливіи, выбросивъ изъ нея оскорбительный отзывъ объ исторіи Боссюэ. Но удовольствіе академіи было непродолжительно,—въ 1856 году авторъ выпустилъ свою книгу съ предисловіемъ, гдѣ провозглашалось ученіе Спинозы о человѣкѣ—«части въ цѣломъ» и о предустановленномъ автоматизмѣ нравственнаго міра. Академіи пришлось пережить много весьма непріят-

ныхъ чувствъ. Во всякомъ случаѣ, автору нельзя было отказать въ дипломатическихъ талантахъ.

Такую политику велъ Тэнъ въ первые годы имперіи. Дальше мы ближе подойдемъ къ его *книжнымъ* идеямъ: въ настоящее время насъ интересуетъ его нравственная личность,—нравственная, конечно, не въ смыслѣ добродѣтелей и пороковъ; мы не намѣрены придавать особенное значеніе страсти Тэна къ ученому карьеризму и его маневрамъ на академическомъ конкурсѣ,—мы только хотимъ отмѣтить его идейное настроеніе въ первый періодъ его молодой самостоятельной жизни.

Работа Тэна не исчерпывалась литературой,—онъ занимался медициной, изучалъ анатомію, физіологію, въ особенности интересовался душевными болѣзнями. Послѣднее обстоятельство возымѣетъ большое вліяніе. Систематическій и стремительно обобщающій умъ Тэна съ фактами психіатріи сдѣлаетъ то же самое, что съ фактами исторіи, литературы, философіи,—по выраженію профессора Нормальной школы: «слишкомъ быстро поймете, растолкуетъ, произнесетъ приговоръ и формулируетъ». И именно въ этой области эта операція будетъ произведена съ особенной легкостью и удовольствіемъ,—мы сейчасъ увидимъ, почему.

Послѣ поѣздки въ Пиринеи, Тэнъ поселился въ Парижѣ. Здѣсь онъ нашелъ своего товарища Planat, извѣстнаго издателя иллюстрированной *La vie parisienne*, талантливаго рисовальщика и писателя, познакомился съ оріенталистомъ и математикомъ Franz'емъ Woepke. И тому, и другому онъ впослѣдствіи посвятилъ по статьѣ [1]). Оба они дѣйствительно представляютъ извѣстный интересъ, конечно, для освѣщенія личности самого Тэна. Woepke — отшельникъ, жрецъ чистой науки, спеціалистъ, врагъ «туманныхъ разсужденій», но не противникъ «высшихъ идейныхъ построеній» на научныхъ основахъ... Статья Тэна оканчивается глубокимъ пессимистическимъ вздохомъ: «никто не былъ достойнѣе его — любви, удивленія, жизни. И онъ не былъ ни любимъ, ни цѣнимъ, какъ слѣдовало, и умеръ тридцати семи лѣтъ».

Планà такой же труженикъ, но только въ области изученія нравовъ и типовъ французскаго общества. Это занятіе выработало изъ него безнадежнаго пессимиста, и такое настроеніе, очевидно, вполнѣ было во вкусѣ его друга. Тэнъ проводитъ съ полнымъ сочувствіемъ крайне мрачный взглядъ «мощнаго и ученаго писателя» на жизнь: противъ ея бѣдствій одно средство—бѣжать, дальше отъ дѣйствительности, понизить роль ощущеній и жить преимущественно образами, такъ какъ ощущенія зависятъ исключительно отъ внѣшняго міра — почти всегда мучительнаго и тяжелаго. А чтобы умертвить ощущенія, слѣдуетъ устроить себѣ однообразную, машинальную

[1]) О Planat, извѣстномъ въ литературѣ подъ именемъ *Marcelin* — *Derniers essais de critique;* о Woepke—*Nouveaux essais de critique.*

жизнь, каждый день въ опредѣленные часы совершать одно и то же. За то, образы зависятъ отъ насъ. Постоянными упражненіями, въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, можно пріучить мозгъ къ какому угодно зрѣлищу, историческому или сказочному. «Таковъ нашъ опіумъ».

Тэнъ согласенъ съ этимъ взглядомъ на жизнь, знаетъ, что нашъ реальный, «положительный» міръ необитаемъ — inhabitable, «въ особенности въ наше время» и нужно выдумать какое нибудь *alibi*. Самое лучшее исторія. Она свидѣтельствуетъ, что люди часто жили даже въ худшихъ условіяхъ. чѣмъ наши, слѣдовательно, и мы можемъ выносить свое существованіе. Именно къ подобнымъ соображеніямъ, какъ къ наркотическому средству, прибѣгалъ Плана.

Это разсужденіе написано въ маѣ 1888 года, но оно цѣликомъ предвосхищено въ одномъ изъ раннихъ произведеній Тэна. возникшемъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ—отъ 1863 до 1865 годовъ. Это произведеніе менѣе другихъ популярно, но драгоцѣнно для личной характеристики Тэна. Оно называется — *Жизнь и мнѣнія Фридриха-Томаса Грэндоржа*. Авторъ записокъ — докторъ философіи Іенскаго университета и въ то же время торговецъ провансскимъ масломъ и соленой свининой. Онъ нажилъ большое состояніе въ Америкѣ, пріѣхалъ въ Парижъ и занимается наблюденіями. Тэнъ его пріятель и издатель его записокъ, — на самомъ дѣлѣ,—его двойникъ.

V.

Грэндоржъ отличается двумя способностями: его бесѣда исключительно *фактическаго* характера, и у него большой вкусъ «къ общимъ идеямъ». Послѣднее качество особенно нравится Тэну и вообще у автора и издателя записокъ, «методъ разсужденія одинъ и тотъ же» [1]). Какіе же факты и обобщенія завѣщалъ Грэндоржъ своему собесѣднику?

Еще въ предисловіи Тэнъ сообщаетъ довольно оригинальный взглядъ Грэндоржа на человѣческую жизнь. Природа поступаетъ съ людьми, какъ Людовикъ XI съ молодыми свиньями. Король одѣвалъ животныхъ въ костюмы дворянъ, буржуа, канониковъ, дрессировалъ ихъ палкой и заставлялъ ихъ танцовать передъ собой. «Неизвѣстная дама, которую вы называете природой, поступаетъ также; она несомнѣнно — юмористка; но послѣ того какъ мы, подъ ударами плети, выполнили свои роли и она достаточно нахохоталась надъ нашими гримасами, — она отправляетъ насъ на бойню».

Вообще нашъ торговецъ свиньями съ большимъ удовольствіемъ сравниваетъ людское общество со стадомъ животныхъ, отдѣльные

[1]) *Vie et opinions de M. Graindorge.* Paris 1867. Préface, III, IV.

типы съ разными звѣрями. Это его излюбленная манера передавать свои впечатлѣнія. Изящнѣйшая парижская дама у него щегленокъ и онъ описываетъ ея мысли и рѣчи совершенно, какъ описывалъ бы чириканье и образъ жизни безсознательной птички; другимъ парижанамъ и парижанкамъ приходится довольствоваться не столь граціозными сравненіями: у академика—ноги оленя, глаза и щеки коршуна; его супруга—сова; другая дама болѣе красивая и изящная, — очаровательная маленькая пантера, но за то джентльменъ изъ провинціи — настоящій орангъ-утангъ, и даже какой-то весьма важный сановникъ — просто выдресированное окаменѣвшее животное [1]). Что же касается иностранцевъ, — они, конечно, отнюдь не пользуются привиллегіей походить на людей: прусскій генералъ—омаръ, русскій графъ вообще обличаетъ сходство своей націи съ дикими животными, преимущественно съ медвѣдями... Подобныя разсужденія пестрятъ всю книгу, — и Грэндоржу случается даже отдавать преимущество своимъ свиньямъ предъ человѣческимъ обществомъ.

Это отнюдь не иронія и не шутка: нашъ наблюдатель вполнѣ *философски* и *логически* судитъ о людяхъ и ихъ натурѣ.

Онъ идетъ дальше. Описывая нравы свиней, онъ находитъ въ нихъ сходство съ общественными инстинктами людей. Если медвѣдю удается выхватить изъ ихъ стада какого-нибудь несчастнаго,— онѣ поднимаютъ страшный визгъ, но — медвѣдь удаляется, и они преспокойно пожираютъ остатки своего товарища. «Вы видите», заключаетъ разсказчикъ, «у нихъ направленіе позитивистское, l'esprit positiviste» [2]).

Это понятіе о позитивизмѣ въ высшей степени характерно для Грэндоржа. Онъ позитивизмъ отождествляетъ съ властью первобытныхъ инстинктовъ надъ человѣческой природой или съ разсчитаннымъ эгоизмомъ. Грэндоржъ беспрестанно повторяетъ этотъ взглядъ и если у него не находится подъ рукой сравненія изъ жизни животныхъ,—онъ пользуется словами *позитивизмъ, позитивистъ*. И это опять не шутка и не капризъ одного лишь Грэндоржа: это — *тэновское* представленіе о позитивизмѣ, точнѣе его нравственномъ содержаніи, — представленіе, упрощенное и реализированное до послѣдней степени. Одновременно съ записками Грэндоржа, Тэнъ въ лекціяхъ объ искусствѣ давалъ слѣдующую краснорѣчивую характеристику двухъ типовъ испанскаго романа:

«Въ Донъ-Кихотѣ вы видите... героя-идеалиста, выспреннаго мечтателя, исхудалаго и избитаго, и тутъ же лицомъ къ лицу съ нимъ, чтобы усилить впечатлѣніе, какъ нарочно стоитъ разсудительный пентюхъ, позитивистъ, жирный и вульгарный»... [3]).

---

[1]) *Ib.* pp. 158—9, 172, 183, 213.

[2]) *Ib.* pp. 21—2.

[3]) «le lourdaud sensé, positiviste, vulgaire et gras». Русск. изд. *Чтенія объ искусствѣ*. Москва, 1874, стр. 157.

Это объясненіе вызвало нѣсколько замѣчаній со стороны Литтре. Даровитѣйшій представитель позитивизма энергично протестовалъ противъ подобнаго пониманія позитивной философіи, — и снова объяснялъ ея основныя идеи: объединеніе наукъ и созиданіе на ихъ почвѣ философіи, разграниченіе міра на двѣ области: одна—доступная человѣческому знанію, другая—скрытая въ невѣдомой безднѣ,— въ результатѣ одинаково великое и скромное представленіе о человѣческихъ силахъ. Дальше Литтре объясняетъ, что *позитивистъ* и *позитивный* не одно и то же: человѣкъ *позитивный*, т. е. *положительный* знаетъ одну философію,—преслѣдованіе своихъ личныхъ интересовъ, позитивистъ, напротивъ, неизмѣримо ближе къ Донъ-Кихоту, чѣмъ къ Санчо-Пансѣ: «его очаровываютъ и привлекаютъ идеи, взгляды, науки, соціальная дѣятельность», и онъ, слѣдовательно, на каждомъ шагу рискуетъ *идеалу* пожертвовать своими эгоистическими выгодами [1]).

Но—мы уже знаемъ—сложные нравственные процессы въ исторіи мысли Тэну не были доступны и онъ совершенно согласно съ характеристикой Гамлетовъ, въ раздумьи созерцающихъ «концы своихъ сапогъ», — коротко и ясно изображаетъ сравнительное направленіе эпохи тридцатыхъ годовъ и второй имперіи: тогда «любили чахоточныхъ оппортунистовъ, теперь позитивистовъ-весельчаковъ» [2]). Ни оттѣнковъ, ни исключеній: строгое математическое опредѣленіе и формула.

Общество второй имперіи, слѣдовательно, ничто иное какъ школа позитивистовъ. Здѣсь отнюдь вопросъ не въ словахъ: мы видимъ, какъ одно изъ самыхъ вліятельныхъ и сложныхъ философскихъ ученій погребается подъ совершенно фальшивой и полной недоразумѣній этикеткой. Совершивши такую формулировку, Тэнъ не сочтетъ нужнымъ заниматься дольше современнымъ французскимъ позитивизмомъ,—и столь же систематически будетъ устранять изъ своихъ философскихъ изысканій самыя имена Конта и Литтре, — будто эти люди мимолетныя привидѣнія и не о нихъ Джонъ Стюартъ Милль, столь уважаемый Тэномъ мыслитель, далъ самые почетные отзывы...

И такъ мы безпрестанно читаемъ—*le luron positiviste*, *la raillerie positiviste*, т. е. пошлое зубоскальство надъ всѣмъ идеальнымъ: такъ объясняетъ самъ Грэндоржъ, *nous sommes tous positivistes*, — т. е. у всѣхъ развита привычка точно опредѣлять, чего что стоитъ, *positiviste et vorace*, т. е. англичанинъ обожающій «кормъ, хорошее пищевареніе, комфортъ, видное общественное положеніе и червонцы» [3]).

---

[1]) *La philosophie positive.* 1867, tom. I. pp. 156—7. «*M. Taine et le mot Positiviste*».

[2]) *Graindorge*, p. 58.

[3]) *Ib.* pp. 176, 264—5, 364 etc.

Вся книга является въ сущности сборникомъ иллюстрацій къ этому оригинальному позитивизму. Грэндоржъ описываетъ разные парижскіе типы—молодого человѣка, молодой барышни, пятидесятилѣтняго рантье, свѣтской дамы, политическаго дѣятеля, лоретки, моднаго дамскаго портного,—и въ результатѣ это громадная «навозная куча», откуда Бальзакъ извлекалъ свои романы. [1]) Грэндоржъ просто констатируетъ фактъ, какъ вполнѣ естественное явленіе. Онъ не хочетъ видѣть никакихъ жемчужинъ въ этой кучѣ, никакихъ исключеній среди звѣрообразныхъ фигуръ и позитивистовъ—животныхъ. Онъ прямо заявляетъ,—всѣ «политическія теоріи канули въ воду въ 1848 году»... [2]) Грэндоржъ—другъ Плана-Марселэна [3]). — но почему не Прево-Парадоля? Тогда бы онъ, можетъ быть, иначе судилъ о судьбѣ идей. И почему онъ, вспоминая о необыкновенномъ вліяніи *Les orientales* Гюго на его молодость, не хочетъ знать *теперь* о другихъ произведеніяхъ того же поэта, отнюдь не менѣе популярныхъ и талантливыхъ?

Нѣтъ, торговецъ соленой свининой слишкомъ подавленъ впечатлѣніями своего скотнаго двора и повсюду видитъ и понимаетъ вокругъ себя только тѣ явленія, которыя напоминаютъ ему его профессію. Его племянникъ Дюранъ пошлякъ чистѣйшей крови,—не цѣлая Франція, и даже не весь Парижъ. Если бы это было такъ,—Наполеонъ III царствовалъ бы совершенно спокойно, и ему не приходилось бы напрягать всѣ усилія подавить печать и замкнуть жизнь отдѣльныхъ гражданъ въ полицейскіе тиски. Дюраны, вѣроятно, даже и послѣ Седана не имѣли бы ничего противъ Бонапарта: вѣдь, по словамъ Грэндоржа,—вся политика подобныхъ юношей состояла въ служебной карьерѣ, по возможности нехлопотливой, и въ вопросѣ о галстухахъ. Если для парижскихъ женщинъ второй имперіи существовало только двѣ политическихъ партіи — господа въ перчаткахъ и господа безъ перчатокъ,—для «позитивистовъ» не было и этого разграниченія: до тридцати лѣтъ онъ *ужинаетъ*, т. е. шатается по ресторанамъ, потомъ—обзаводится собственнымъ pot-au-feu, т. е. женится—и кухня наполняетъ всю его остальную жизнь, желудокъ становится его *совѣстью*, въ промежуткахъ онъ посѣщаетъ какую-нибудь канцелярію и это еще лучшій типъ: *un homme empaille*!—это значитъ «состоять сверхштатнымъ чиновникомъ, очинивать перья въ теченіи пяти часовъ ежедневно, мечтать о штатномъ мѣстѣ, объ отпускѣ и быть на высотѣ вѣка» [4]).

Все это, конечно, осталось бы при имперіи и послѣ войны и блистательно процвѣтало до войны. Но любопытно одно: все тотъ же Парадоль еще въ 1851 году описывалъ въ частномъ письмѣ какъ

---

[1]) Ib. 162.
[2]) Ib. 141.
[3]) Préface p. II.
[4]) *Ib.* 215, 148, 140, 81, 209, 318, 218.

разъ подобный типъ позитивнаго юноши, жесточайшими рѣчами клеймилъ золотую буржуазную молодежь, этихъ «дѣтей вольноотпущенниковъ», «чернь добровольныхъ рабовъ», владѣющихъ «лучшими лошадьми и лучшими женщинами». Въ письмѣ Парадоля въ нѣсколькихъ строкахъ отмѣчены всѣ черты, разбросанныя Тэномъ по цѣлой большой книгѣ. Напримѣръ, о женщинахъ и лошадяхъ въ связи съ парижской молодежью Грэндоржъ говоритъ безпрестанно, весьма остроумно замѣчаетъ, что женщины, въ глазахъ модныхъ франтовъ, стоятъ ниже лошадей... Но почему же Грэндоржъ до конца не выходитъ изъ круга животныхъ и ихъ игрушекъ и удовольствій? Онъ посѣщаетъ театры, салоны, дипломатическія гостиныя, народные залы, и до утомительности повторяетъ все одни и тѣ же наблюденія. Въ то время когда для Парадоля,—«позитивисты» лишь одна сторона французской жизни, отрицательная и тлетворная,—для Грэндоржа они все общество, пожалуй, даже вся нація. Во-первыхъ, потому что провинціалы въ Парижѣ тѣ же животныя, а сама провинціальная Франція — вся національная основа—та же самая, что и въ средніе вѣка—«въ умственномъ отношеніи» [1]).

Таковы факты и обобщенія. Естественно, — міросозерцаніе изъ такихъ данныхъ получится самое мрачное и, что особенно важно, самое деспотическое и рѣшительное. Именно это міросозерцаніе—цѣль, поставленная авторомъ книги: его впечатлѣнія — предисловіе къ извѣстной нравственной и культурной философіи.

Впрочемъ, согласно математическому методу, Тэнъ въ самомъ вступленіи книги высказалъ *положеніе*: въ этомъ пріемѣ, какъ увидимъ ниже, будетъ заключаться все развитіе его критическихъ и историческихъ идей.

Что такое человѣкъ?

Отвѣтъ Тэна: «машина, такъ или иначе построенная и уравновѣшенная, и она можетъ дѣйствовать лишь сообразно своей конструкціи». Изъ дальнѣйшаго объясненія видно, что имѣется въ виду исключительно—*физическая* конструкція «механизма костей и мяса» [2]).

Какъ относиться къ человѣку?

Разъ онъ *машина*, а всякая машина — нѣчто инертное и опасное въ своихъ механическихъ движеніяхъ, если не отражать и не исправлять ихъ силой, то и съ человѣкомъ слѣдуетъ обращаться, какъ съ падающимъ на голову камнемъ. Грэндоржъ разсматриваетъ нѣсколько эпизодовъ изъ своей жизни. Между прочимъ онъ побилъ на кораблѣ непослушнаго матроса, немедленно заслужилъ уваженіе всего экипажа и «пріобрѣлъ первыя идеи на счетъ того, какъ вести себя съ людьми». Въ такомъ же родѣ и другія приключенія.

---

[1]) *Ib.* p. 375.
[2]) *Ib.* p. 160.

Въ результатѣ—люди очевидно мало «склонны къ братству», и воспитаніе должно въ корнѣ измѣниться: вмѣсто мертвыхъ языковъ и чистыхъ наукъ, которыя только создаютъ страшный разладъ между нашими идеалами и дѣйствительностью, — слѣдуетъ изучать гимнастику, боксъ, искусство владѣть палкою, плавать, стрѣлять изъ ружья и изъ револьвера, практически знать два - три новыхъ языка, географію и промышленную и торговую статистику [1]).

Вы видите,—боксъ и палка на первомъ мѣстѣ,—и это не случайность и не произвольная идея предпріимчиваго американца. Идея основана на строго-философскомъ и жизненномъ представленіи о человѣческой природѣ. Оно таково, что боксъ и палка дѣйствительно необходимѣе всѣхъ наукъ.

Грэндоржъ пишетъ: «Безуміе—область вовсе не обособленная, не исключительная. Она граничитъ съ нашей обыкновенной жизнью,—и мы входимъ въ нее частью нашей личности. Вопросъ не въ томъ, чтобы совершенно избѣжать безумія, а въ томъ, чтобы впасть въ него лишь на половину» [2]).

А вотъ самъ Тэнъ говоритъ уже отъ себя и съ научными доказательствами: «Собственно говоря, человѣкъ безуменъ отъ природы, какъ тѣло его больно тоже отъ природы; а здравость нашего духа, какъ и здравость нашихъ тѣлесныхъ органовъ, представляетъ ничто иное, какъ частный рядъ удачъ и счастливыхъ случайностей». И случайность эта должна быть весьма рѣдкой, въ сущности исключительно-счастливой, потому что самые простые душевные процессы—«результатъ многихъ милліоновъ колесъ» и изъ нихъ «каждое, какъ въ часахъ, тянетъ и толкаетъ совершенно слѣпо, только для себя самого, увлекаемое только своею собственною силою и удерживаемое въ исполненіи своего назначенія только присутствіемъ уравнителей и противовѣсовъ, дѣйствующихъ каждый точно такимъ же образомъ. Если стрѣлка и показываетъ часъ довольно вѣрно (a peu près juste), то это лишь вслѣдствіе взаимной встрѣчи и взаимнаго регулированія всѣхъ этихъ отдѣльныхъ дѣйствій, что не можетъ не считаться въ высшей степени изумительнымъ, чтобы не сказать чудомъ (une merveille pour ne pas dire un miracle))» [3]).

Слѣдовательно, человѣкъ въ полномъ разсудкѣ и въ твердой памяти—чудо, а сумасшедшій—естественное явленіе.

Такъ думалъ Тэнъ, начиная писать исторію французской революціи Но онъ эту истину зналъ очень давно, высказалъ еще по поводу шекспировскихъ типовъ, еще тогда темпераментъ и галлюцинація для него были основными двигателями человѣка, и тогда же этотъ человѣкъ признанъ «безумнымъ по существу»—deraisonnable par essence [4]).

---

[1]) *Ib.* p. 18—19, 359.
[2]) *Ib.* p. 360—1.
[3]) L'ancien régime. Русск. изд. Спб. 1880, стр. 317—8.
[4]) *Hist. de la litt. anglaise.* Русск. изд. Спб. 1871, стр. 425.

И здѣсь, какъ и вездѣ, идеи Тэна очень ранняго происхожденія и самаго прочнаго и простого состава.

Таковъ человѣкъ въ умственномъ отношеніи,—едва ли не ниже его нравственная природа. И опять записки Грэндоржа совпадаютъ съ личными заявленіями Тэна послѣ довольно продолжительнаго времени.

Во всей книгѣ несомнѣнно самыя краснорѣчивыя страницы—нѣчто вродѣ нравственнаго завѣщанія Грэндоржа молодому поколѣнію [1]). Здѣсь и психологія, и философія исторіи, и мораль.

«Человѣкъ—животное по природѣ и строенію и никогда ни природа, ни строеніе не утратятъ своего первоначальнаго склада. Онъ имѣетъ клыки, подобно собакѣ и лисицѣ, и подобно этимъ животнымъ искони вонзалъ ихъ въ тѣло другихъ. Его потомки рѣзали другъ друга каменными ножами за кусокъ сырой рыбы. И теперь онъ вовсе не преобразовался, онъ только смягчился. Война царствуетъ повсюду, какъ и прежде, — она только происходитъ въ извѣстныхъ предѣлахъ и частями. Каждый все еще бьется за свой кусокъ сырой рыбы,—только подъ надзоромъ жандарма и не каменнымъ ножомъ»... Жизнь человѣка по прежнему—охота за дичью съ оружіемъ въ рукахъ, но дичи мало, а охотниковъ много,—борьба становится въ высшей степени жестокой и отвѣтственной. Обѣдаетъ только сильный, и обѣдъ вовсе не въ законахъ природы, напротивъ, голодъ — явленіе естественное, и «счастье вообще противорѣчитъ природѣ».

Грэндоржъ возмущается противъ всякихъ гуманныхъ представленій о судьбѣ и развитіи человѣчества: воспитаніе, внушающее юношѣ идею совмѣстной общественной работы и заставляющее преступниковъ считать явленіемъ отрицательнымъ и ненормальнымъ,—сплошная ложь. Напротивъ, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ надо смѣло убѣдиться въ истинѣ: человѣческое общество искони было царствомъ звѣрской борьбы,и таковымъ останется на всегда: «личный интересъ» его единственная двигательная сила. Чтобы не сдѣлаться «лицемѣромъ или бунтовщикомъ»,—надо заранѣе усвоить это правило.

Такова человѣческая личность, но еще страшнѣе естественныя стихійныя силы внѣ человѣка. Онъ среди нихъ то же самое, что мышенокъ среди слоновъ: онъ ежеминутно можетъ быть раздавленъ,—и онъ долженъ считать свою участь совершенно естественной. «Неужели ты станешь требовать отъ великихъ силъ природы — преобразоваться за тѣмъ, чтобы пощадить чувствительность твоихъ нервовъ и твоего сердца... Естественное назначеніе человѣка, какъ и всякаго животнаго, или быть убитымъ или умереть съ голоду»...

Въ этихъ рѣчахъ, несомнѣнно, много слишкомъ рѣзкихъ словъ, крайне отважныхъ сравненій и отождествленій. Но именно такова манера Тэна доказывать свои идеи. Она была отмѣчена французъ-

---

[1]) *Graindorge* p. 317—324.

ской критикой съ самаго начала и для указанія ея не требовалось никакой проницательности: все дѣло въ развитіи основныхъ тэновскихъ нравственныхъ качествъ—самоувѣренности и непреодолимой наклонности къ формулѣ и системѣ.

Одинъ критикъ по поводу самыхъ раннихъ произведеній Тэна писалъ: «Онъ не знаетъ цѣны умѣренности. Если онъ не всегда насильственъ (violent) въ формѣ,—въ своихъ сужденіяхъ онъ часто проявляетъ крайнюю жестокость. Когда онъ встрѣчаетъ вѣрную идею, онъ не довольствуется тѣмъ, что пользуется ею, онъ злоупотребляетъ ею. Быть правымъ ему недостаточно, онъ хочетъ торжествовать» [1]... То же самое было замѣчено и другимъ критикомъ спустя десять лѣтъ [2],—и въ томъ же самомъ мы убѣдимся на позднѣйшихъ произведеніяхъ Тэна. Тамъ будутъ на сценѣ литературныя и историческія явленія, — теперь предъ нами вопросъ общаго міросозерцанія.

Можно не отвергать сущности тэновской идеи о физіологическомъ и даже нравственномъ родствѣ человѣка съ животными: идея давно извѣстная,—но подчинять ей историческую судьбу личности и всего человѣчества можно только именно вслѣдствіе злоупотребленія извѣстной мыслью. Самъ Грэндоржъ оговаривается неоднократно, немедленно уничтожая свои оговорки—*но* и дальнѣйшими тирадами въ первоначальномъ смыслѣ. Напримѣръ, онъ соглашается,—человѣкъ-мышь въ теченіи пятидесяти вѣковъ достигъ того, что его «немного меньше» давятъ слоны,—«но», сейчасъ же возражаетъ авторъ, «еще давятъ и будутъ давить всегда». Потомъ,—всеобщая война стала «ограниченной и частичной», но война все-таки есть и останется вѣчно.

Ясно,—такимъ путемъ уничтожается всякая возможность реальнаго и положительнаго разсужденія. Идея заранѣе принимаетъ характеръ догмата, не допускающаго ни оттѣнковъ, ни ограниченій, ни степеней. А между тѣмъ, авторъ дѣлаетъ выводы на основаніи данныхъ *исторической* категоріи, т. е. подверженныхъ безпрестаннымъ измѣненіямъ и преобразованіямъ. *Основанія*, на которыхъ строится заключеніе, *сгуживаются* съ теченіемъ времени: война изъ всеобщей становится «ограниченной и частной», человѣкъ изъ совершенно беззащитной жертвы стихійныхъ силъ научается побѣждать природу, даже управлять ею, и подчасъ «мышенку» удается приручать страшныхъ «слоновъ». А *зданіе* остается все-таки необъятно велико. Совершенно не научный пріемъ вообще изрекать окончательныя предсказанія на счетъ будущихъ судебъ человѣчества; это значитъ повторять самыхъ отважныхъ мечтателей прошлаго вѣка въ родѣ Руссо и на мѣсто идеальнаго *естествен-*

[1]) Gustave Planche. *Le panthéisme et l'histoire.* *Revue des deux Mondes.* 1857, 1 avril p. 668: Lorsqu'il rencontre une idée vraie, il ne se contente pas d'en user, il en abuse.

[2]) Charles de Mazade. *La critique réaliste.* *Ib.* 1867, 15 juillet.

наго человѣка создавать *человѣка-звѣря* въ столь же абсолютной и метафизической формѣ, т. е. пріемы математическаго ума переносить на понятіе *прямо противоположное* идеѣ болѣе ранняго происхожденія. Любопытно сопоставить выводы «классическаго духа» и настоящей научной мысли относительно одного и того же предмета.

Дарвинъ, конечно, гораздо точнѣе и полнѣе, чѣмъ Тэнъ, представлялъ животныя свойства и признаки человѣческой природы, но книгу свою закончилъ несравненно болѣе скромными и, слѣдовательно, болѣе правдивыми словами, чѣмъ безаппеляціонный приговоръ французскаго писателя на счетъ результатовъ мірового процесса.

«Человѣку можно простить, если онъ чувствуетъ нѣкоторую гордость при мысли, что онъ поднялся, хотя и не собственными усиліями, на высшую ступень органической лѣстницы, и то обстоятельство, что онъ поднялся на нее вмѣсто того, чтобы быть поставленнымъ здѣсь съ самаго начала, можетъ внушать ему надежду на еще болѣе высокую участь въ недалекомъ будущемъ» [1]).

Тэнъ пользуется взглядами Дарвина, но подчеркиваетъ въ нихъ лишь *одну сторону*,—и выдвигаетъ ее съ особенной силой именно по поводу историческихъ явленій. Вотъ его разсужденіе, въ началѣ совпадающее съ послѣдними строками книги *Происхожденіе человѣка*, но по *выводу*—прямо противоположное дарвиновскому міросозерцанію.

«Если мы и не можемъ еще считать доказаннымъ, что человѣкъ, по крови, представляетъ дальняго родственника обезьяны, то, по крайней мѣрѣ, достовѣрно то, что, по своему устройству, онъ представляетъ животное очень близкое къ обезьянѣ, — животное, снабженное клыками, мясоядное и хищное, бывшее когда-то людоѣдомъ, а потомъ ставшее охотникомъ и воиномъ. Вслѣдствіе этого въ немъ постоянно сохраняется неистощимый запасъ звѣрства, свирѣпости, склонности къ насилію и разрушительныхъ инстинктовъ, къ которымъ еще присоединяются, — если онъ французъ, — веселость, смѣхъ и самая странная потребность кричать, скакать и шалить посреди произведенныхъ имъ опустошеній. Мы скоро увидимъ это животное на дѣлѣ» [2])...

Т. е.—во время революціи. Вступленіе настолько краснорѣчивое и рѣшительное, что мы заранѣе предчувствуемъ спектакль. Даже больше. Мы увѣрены, что авторъ употребитъ всѣ усилія—показать намъ исключительно иллюстраціи на свою тему; иначе онъ не сталъ бы такъ настаивать, будто всѣ конституціи, своды законовъ, суды, легальныя формы — безцѣльны: «позади всѣхъ этихъ колесъ вы всегда увидите основную пружину, единственное дѣйствительное орудіе, т. е. жандарма, ополчившагося на дикаря, раз-

[1]) *Происхожденіе человѣка*. Спб. 1874, II, 307—8.
[2]) *L'ancien régime*, ib. стр. 320.

бойника и сумасшедшаго, котораго скрываетъ каждый изъ насъ въ пещерѣ собственнаго сердца, гдѣ онъ, можетъ быть, спитъ или скованъ, но всетаки живъ» [1]).

Эта картина нарисована для опроверженія идиллическихъ теорій прошлаго вѣка,—но замѣтьте, какъ Тэнъ опровергаетъ: ему требуется непремѣнно безусловный контрастъ, онъ никогда не *вноситъ поправокъ*, онъ рубитъ съ плеча, цѣликомъ всю ненавистную ему идею, и здѣсь онъ выдвигаетъ ея абсолютный отрицательный моментъ. А такъ какъ ему приходится вести войну противъ *идеальныхъ* воззрѣній просвѣтительной философіи, то его собственная философія приметъ крайнюю *натуралистическую* форму, — и онъ, какъ впослѣдствіи увидимъ,—обнаружитъ такую же вражду къ «метафизикамъ» и «теоретикамъ», какую съ любовью будетъ находить у безпощаднаго врага идей — Наполеона, и во взглядахъ на людей XVIII вѣка и на революцію совпадетъ съ самыми ярыми представителями реакціи начала XIX вѣка, въ родѣ графа де-Местра. Послѣдній фактъ отмѣтятъ почти всѣ французскіе критики, начиная съ правовѣрныхъ католиковъ и кончая свободными мыслителями. Только, разумѣется, настроеніе и тѣхъ и другихъ будетъ различно.

Намъ ясны основы тэновскаго міросозерцанія: оно—непосредственное дѣтище политическихъ, общественныхъ и нравственныхъ условій второй Имперіи. Тэнъ, конечно, не могъ быть *активнымъ участникомъ* этихъ условій,—но онъ *вѣрнѣйшій теоретикъ* современной дѣйствительности. Онъ лично не создаетъ фактовъ; онъ въ качествѣ философски мыслящаго наблюдателя обобщаетъ ихъ, формулируетъ и—*возводитъ въ законъ*. Отрицатели наполеоновскихъ порядковъ, все еще протестующіе идеалисты и безпокойные мечтатели, не захватываютъ его поля зрѣнія. Тэнъ не принимаетъ ихъ въ разсчетъ, когда формулируетъ свое историческое и нравственное ученіе. Въ его системѣ — искреннѣйшіе подвижники положительной мысли превратились въ гамлетовъ мелкаго разбора, а изъ современной французской школы позитивизма онъ взялъ лишь идею *факта*, идею возвелъ въ систему и само понятіе *позитивистъ* отождествилъ съ полнымъ отрицаніемъ идеи вообще.

Этотъ процессъ долженъ отразиться на всѣхъ представленіяхъ Тэна въ области литературы и исторіи. Изслѣдователь всюду будетъ искать *человѣка-звѣря* и *матеріальной природы* и съ недовѣріемъ относиться къ явленіямъ иного порядка. И здѣсь онъ опять будетъ тѣснѣйшими узами связанъ съ торжествующими дѣятелями второй Имперіи. Если онъ ея нравственныя основы возвелъ въ неизбѣжный законъ человѣческой природы, — онъ *какъ философъ*, будетъ идти въ одномъ ряду и по одному пути съ ея писателями-художниками, т. е. *натуралистами*. Въ ихъ произведе-

[1]) *Ib.* стр. 321—2.

віяхъ Тэнъ будетъ почерпать и художественное удовлетвореніе и образцы для собственнаго искусства. Литературные вкусы Тэна дорисуютъ намъ его личность.

VI.

Одинъ изъ извѣстныхъ французскихъ критиковъ Тэна перечисляетъ слѣдующіе источники вліяній на него: *нѣмецкая метафизика, французскій позитивизмъ* и *англійскій натурализмъ* [1]). Это перечисленіе въ двухъ данныхъ не согласуется съ собственными заявленіями Тэна: онъ не хочетъ знать о *французскомъ* позитивизмѣ и неоднократно восхищается *французскими* натуралистами, по крайней мѣрѣ, двумя—Бейлемъ-Стендалемъ и Бальзакомъ. Бейль признается «величайшимъ психологомъ нашего вѣка», а Бальзакъ сравнивается съ Шекспиромъ по обилію «документовъ о человѣческой природѣ» [2]). Къ этимъ романистамъ слѣдуетъ присоединить еще любимаго поэта—Альфреда Мюссе. Тэнъ вообще не любитъ ссылокъ, но для Стендаля и Бальзака дѣлаетъ нерѣдко исключеніе,—въ вопросахъ психологіи [3]).

Что собственно Тэна влекло къ Бальзаку—мы знаемъ: Бальзакъ бралъ типы и сюжеты своихъ романовъ въ той «кучѣ» (fumier), откуда Тэнъ почерпнулъ матеріалы для своихъ психологическихъ и историко-философскихъ воззрѣній. А Стендаль былъ прямымъ предшественникомъ Бальзака. Онъ долго долженъ былъ ждать славы и на это негодуетъ Тэнъ, но объясняетъ фактъ столь же странно, какъ и возникновеніе эклектизма, — чисто внѣшними причинами. Бейль «избѣгалъ возвышеннаго слога», — и поэтому оставался въ тѣни предъ славой Виктора Гюго...

Можетъ показаться прямо невѣроятнымъ такое объясненіе литературныхъ явленій, но мы уже знаемъ, какое историческое и культурное значеніе Тэнъ приписывалъ «любви къ отвлеченнымъ словамъ», появившейся будто бы именно въ началѣ XIX вѣка.

На самомъ дѣлѣ,—причина забвенія Стендаля, конечно, не въ его слогѣ, а въ общественномъ настроеніи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Это была эпоха горячаго развитія соціальныхъ идей, эпоха, превратившая г-жу Зандъ изъ пѣвца свободной любви въ трибуна свободнаго народа, Гюго изъ бонапартиста — въ крайняго либерала. Рядомъ съ буржуазной косностью и правительственной *juste-milieu*—для художественной литературы и періодической печати сіяло «солнце». Настроеніе этихъ общественныхъ силъ напоминало эпоху расцвѣта просвѣтительной философіи, — и

---

[1]) Brunetière. *L'évolution des genres dans l'histoire de la littérature.* Paris 1890. I, p. 248.

[2]) О Бейлѣ.—*Франц. фил.* Ib, стр. 187; о Бальзакѣ — *Nouveaux essais de critique.*

[3]) Напримѣръ, *Derniers essais,* pp. 214, 228.

теперь философы, несравненно болѣе свѣдующіе и положительные, чѣмъ ихъ предшественники, не могли удержаться отъ мечтательныхъ ожиданій, отъ самыхъ смѣлыхъ политическихъ проектовъ. Именно къ этому времени относится преобразованіе контовскаго научнаго позитивизма сначала въ политику, а позже въ религію За Контомъ шелъ и его ученикъ Литтре, очарованный широкими идеями учителя.

Среди первостепенныхъ писателей только Мюссе остался внѣ теченія. Его задушевныя думы и чувства принадлежали аристократическому порядку вещей,—и среди выростающей демократіи онъ чувствовалъ себя «отверженной душой»—*l'âme declassée*, человѣкомъ потерявшимъ родину и почву подъ ногами—*l'homme depaysé*. Оставалось любить, разочаровываться и жаловаться.

Бейль не могъ найти читателей въ этой необыкновенно возбужденной средѣ. Всеобщимъ божествомъ явилась Жоржъ-Зандъ. Даже знакомый намъ суровый и замкнутый философъ Жуффруа былъ очарованъ, а критики дрались на дуэли во славу романистки [1]). Гюго вызывалъ бурю среди молодежи первыми романтическими драмами,—и одновременно печаталъ запальчивыя статьи въ самыхъ радикальныхъ органхъ. Именно объ этой эпохѣ впослѣдствіи біографъ поэта, лично ему близкій, писалъ: «великія движенія глубоко отзываются въ умахъ» [2]).

Кто же могъ оцѣнить психологическія разсужденія Стендаля? Сподвижникъ Наполеона, потомъ отшельникъ, чуждый новымъ вопросамъ и событіямъ, нелюдимъ, презирающій современное поколѣніе французовъ, поклонникъ Италіи и въ особенности города Милана, — чѣмъ могъ заинтересовать этотъ человѣкъ будущихъ виновниковъ февральской революціи? Онъ былъ совершенно свободенъ отъ всякаго романтизма и идейной мечтательности. Дѣтище наполеоновскаго режима — онъ видѣлъ слишкомъ много паденій, рабства, малодушія и въ особенности измѣнъ! Наполеону неоднократно приходилось выражать глубочайшее презрѣніе къ человѣческой натурѣ, — и на основаніи самыхъ убѣдительныхъ фактовъ. Разсадникомъ и источникомъ низостей былъ самъ же Наполеонъ, преднамѣренно и систематически развращавшій своихъ соратниковъ—деньгами, чинами или угрозами и карами, впослѣдствіи пожавшій только достойные плоды своего вліянія. Но воздухъ въ теченіи многихъ лѣтъ былъ пропитанъ нравственной заразой, — и воспиталъ философію Бейля.

Для нея всѣ явленія души и жизни—результатъ исключительно матерьяльныхъ причинъ и, послѣ точнаго анализа, заслуживаютъ

---

[1]) Напримѣръ, Gustave Planche, тотъ самый, чей отзывъ о Тэнѣ мы приводили,—самъ по себѣ человѣкъ менѣе всего увлекающійся.

[2]) *Victor Hugo raconté par un temoin de sa vie.* На русск. яз. *Викторъ Гюго и его время.*

или полнаго равнодушія, или презрѣнія и смѣха. Каждое чувство Бейль разбираетъ съ безстрастіемъ анатома и непремѣнно доходитъ до физіологической основы. На Жоржъ-Зандъ онъ навелъ ужасъ, будто Мефистофель на Маргариту, — и это впечатлѣніе должно было испытывать все поколѣніе идеалистовъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Бейль долженъ ждать настроеній, подходившихъ подъ его бонапартистскій взглядъ на идеи и человѣка. При второй имперіи онъ дождался и Тэнъ одинъ изъ первыхъ заявилъ о воскресающемъ имени покойнаго писателя. Критикъ могъ съ пріятнымъ изумленіемъ встрѣтить у современника перваго Бонапарта тотъ самый «позитивизмъ», какой Грендоржъ открылъ у парижанъ шестидесятыхъ годовъ. Что же касается психологическаго анализа на тему этого «позитивизма»,—Бейль не зналъ себѣ равнаго. иную страницу изъ его романовъ можно свободно вставить въ медицинскій трактатъ. Тэнъ прежде всего отмѣчаетъ у Бейля «короткія, точныя фразы, достойныя занимать мѣсто въ сводѣ законовъ или въ алгебрѣ».

Бальзакъ — прямой наслѣдникъ Бейля, даже въ политическихъ мнѣніяхъ: оба они — бонапартисты и основанія у нихъ одинаковыя: натуралистическій взглядъ на человѣчество. Для этого стада звѣрей нужна желѣзная рука, иначе они пожрутъ другъ друга, — и Бальзакъ не упускалъ случая поднять на смѣхъ разныя демократическія и либеральныя затѣи мечтателей. Ему даже случалось доходить до предѣловъ мракобѣсія и прямо средневѣковыхъ вожделѣній. И онъ умѣетъ превосходно подтверждать свои идеи образами своихъ романовъ, умѣетъ *научно* доказать вздорность болѣе гуманныхъ представленій о человѣческой природѣ и обществѣ. Онъ первый изъ романистовъ претендуетъ на титулъ «доктора соціальныхъ наукъ» и на роль натуралиста въ изслѣдованіи нравственныхъ явленій.

Въ сущности *научность* бальзаковскихъ романовъ—иллюзія авторскаго воображенія и создалась она на смѣшеніи понятій; наиболѣе грубая, отталкивающая дѣйствительность, въ противовѣсъ романтическому идеализму, сошла за единственно положительныя данныя о людской средѣ. Я — *натуралистъ*, потому что анализирую «fumier», а Жоржъ-Зандъ, напримѣръ, занимается сердцемъ и мыслью. Но иногда и у Бальзака являлся болѣе трезвый взглядъ на свои естественно-научныя работы. Однажды онъ сознался Жоржъ-Зандъ: «Я тоже идеализирую людей, какъ и вы, только въ обратномъ смыслѣ, т. е. со стороны безобразія и глупости».

Это замѣчаніе пригодится намъ и для сужденіи о тэновскомъ научномъ методѣ, особенно въ области исторіи...

Конечно, для Тэна Бальзакъ—самый подлинный натуралистъ, и критикъ пишетъ краснорѣчивую страницу на счетъ того, какъ натуралистъ понимаетъ человѣческую волю и добродѣтель. Для

насъ любопытно здѣсь одно выраженіе — *l'automate spirituel* [1]). Оно уже встрѣчалось въ одномъ изъ самыхъ раннихъ сочиненій Тэна,—о Титѣ Ливіи, здѣсь «духовный автоматъ» выражалъ идею *Спинозы* о человѣкѣ, теперь—онъ—*натуралистическое понятіе:* спинозизмъ, слѣдовательно, тождественъ съ натурализмомъ во взглядѣ на нравственные процессы человѣческой личности,—и мы одновременно открываемъ два источника тэновскаго міросозерцанія—философскій и художественный.

Но мы должны обратить вниманіе на преобразованіе спинозизма у французскихъ натуралистовъ и въ томъ числѣ у Тэна. Спиноза, подчиняя развитіе внѣшняго и внутренняго міра детерминизму, отнюдь не имѣлъ въ виду фактовъ исключительно отрицательнаго характера на общечеловѣческій взглядъ; все возникающее логически считалъ онъ *одинаково необходимымъ* проявленіемъ природы;—слѣдовательно, идеальныя и безкорыстныя наклонности людей [2]). Въ конечномъ выводѣ—философія Спинозы создаетъ даже весьма оптимистическія воззрѣнія на судьбу человѣка и общества и преподаетъ правила гуманности и безусловной терпимости [3]).

Совершенно иныя заключенія у натуралистовъ. Тэнъ—бальзаковскую мораль сравниваетъ съ принципами Гоббза, политическаго писателя эпохи англійской революціи. Гоббзъ «требовалъ желѣзныхъ прутьевъ и укротителя звѣрей»—противъ бывшихъ подданныхъ Карла I. Мы знаемъ,—Тэнъ безусловно согласенъ и съ Бальзакомъ и съ Гоббзомъ на счетъ человѣческаго безумія. Ничего подобнаго нѣтъ у Спинозы, хотя Тэнъ называетъ его «нашъ дорогой и обожаемый Спиноза» [4]). Напротивъ,—разсужденія Спинозы о единеніи людей, о томъ, что высшее благо обще всѣмъ людямъ—прямо противоположны идеямъ Тэна [5]). А между тѣмъ, и Спиноза и Тэнъ развиваютъ свои мысли однимъ и тѣмъ же методомъ,—математическимъ. У кого нибудь изъ нихъ, очевидно, есть лишняя, *своя аксіома.* Это именно—*натуралистическій взглядъ* Тэна на человѣческую природу и исторію. «Духовный автоматъ» взятъ у Спинозы, но въ упрощенномъ, половинчатомъ видѣ,—и законъ детерминизма примѣненъ къ явленіямъ *одного только порядка.*

Намъ теперь ясно значеніе бонапартистской литературной школы въ нравственномъ развитіи Тэна. Въ то время, когда вторая имперія давала факты для нравственной и культурной теоріи Тэна, натуральная школа представляла образы для подтвержденія и фактовъ и теорій. Тэнъ въ Бейлѣ и Бальзакѣ почувствовалъ родственныя

---

[1]) *Nouveaux essais*, p. 106.

[2]) *Этика.* Перев. съ латинскаго подъ ред. проф. Модестова. Спб. 1892 стр. 54.

[3]) *Ib.* стр. 1[illegible]1—2.

[4]) *Nouveaux essais.* p. 322.

[5]) *Этика* стр. 248—49, 250.

себѣ натуры и въ ихъ міровоззрѣніи и въ методѣ понимать дѣйствительность почуялъ свой собственный духъ.

Что касается третьяго писателя—Мюссе—симпатіи Тэна здѣсь еще естественнѣе. Критикъ главнѣйшее достоинство Мюссе видитъ въ его *искренности*: это значитъ—другіе, увлекавшіеся разными демократическими идеями, лгали и пробавлялись риторикой. . Мы получимъ полную возможность оцѣнить такой ходъ идей при разборѣ историческихъ сочиненій Тэна. Пока намъ достаточно опредѣлить общійхарактеръ его нравственныхъ и культурныхъ сочувствій

Любопытно одно обстоятельство: Тэна не миновало настроеніе весьма похожее на разочарованіе Мюссе и нелюдимство Бейля. Мы видѣли,—онъ его высказалъ въ послѣдніе годы жизни по поводу Марселэна, заявлялъ о необходимости современнаго человѣка имѣть нѣкоторое *alibi*. У Бейля *alibi* его внутренній міръ, egotisme, т. е. анализъ личныхъ ощущеній и еще — воспоминанія о наполеоновскихъ приключеніяхъ, у Мюссе боль усталаго и опустѣлаго сердца и также исторія—грезы о лучшихъ дняхъ Марли и Тріанона. У Тэна нѣсколько *alibi*. «Лучшій плодъ нашей науки—холодное самоотреченіе—la resignation froide». Путь къ нему—возможно меньше имѣть касательствъ съ внѣшнимъ міромъ, жить день за день, довольствоваться насущнымъ хлѣбомъ, чтобы не нуждаться въ помощи и услугахъ другихъ, и предаваться созерцанію—это «наименѣе животное занятіе». И Тэнъ рисуетъ очаровательный пейзажъ — предметъ для созерцанія.

Ты провелъ часъ и въ теченіе этого часа—странное дѣло—ты не былъ животнымъ, поздравляю тебя, ты можешь почти похвалиться тѣмъ, что ты жилъ [1])»...

Здѣсь, конечно, не обошлось дѣло безъ обычной тэновской реторики, хватающей нерѣдко слишкомъ далеко сравнительно съ основной мыслью. Но самая возможность реторическаго увлеченія идеей *alibi* краснорѣчиво подчеркиваетъ нравственную сущность извѣстнаго міросозерцанія. Ни Бейль, ни даже Мюссе, при всѣхъ разочарованіяхъ и мизантропическихъ построеніяхъ, не переставали бесѣдовать съ человѣчествомъ изъ нѣдръ своихъ *alibi*. То же самое будетъ дѣлать и Тэнъ. Вѣдь ни одинъ еще философъ, признавшій человѣчество безсмысленнымъ стадомъ и жизнь—глупой комедіей, не отказывалъ себѣ въ удовольствіи попытаться попасть въ пастухи къ этому стаду или сыграть роль ingénu на сценѣ мірового спектакля.

Тэнъ разовьетъ изумительную писательскую дѣятельность. Его ученіе объ *alibi* будетъ имѣть единственное значеніе: философъ станетъ судить о явленіяхъ человѣческаго общества изъ своего недоступнаго прекраснаго далека, будетъ созерцать людскую арену изъ укромнаго окна библіотеки и кабинета и малѣйшій шумъ у

[1]) *Graindorge*, p. 321, 324.

этого окна покажется ему жесточайшимъ испытаніемъ для правильно-настроенной мысли и годами выхоленнаго чувства порядка и гармоніи.

Вы спросите, можетъ-ли человѣкъ давать показанія въ процессѣ, разъ онъ заранѣе доказалъ свое *alibi*? Въ нашемъ случаѣ—процессъ—политическое развитіе демократіи, государственная и народная жизнь на самомъ широкомъ поприщѣ,—не столько въ парламентѣ, сколько за его стѣнами.

Несомнѣнно, свидѣтельскія показанія и достовѣрныя сужденія возможны только послѣ ближайшихъ наблюденій надъ этой жизнью, послѣ многолѣтняго пребыванія на самой сценѣ современнаго, крайне сложнаго и трудноуловимаго представленія. Это не значитъ, будто политическій мыслитель долженъ непремѣнно пройти искусъ политическаго дѣятеля. Нѣтъ. Онъ только долженъ въ толкованіе бумажныхъ архивныхъ документовъ внести живое чутье дѣйствительности, за мертвыми строками умѣть разгадывать трепетъ человѣческой души, на пожелтѣвшихъ листахъ видѣть ясно реальную игру людскихъ идей и страстей. Менѣе всего онъ долженъ показанія этихъ документовъ комбинировать какъ точныя математическія величины и съ цитатами обращаться какъ съ алгебраическими знаками для составленія формулы.

Иначе онъ на каждомъ шагу рискуетъ творить совершенно не философское дѣло, воспроизводить своего рода игру *въ черное и бѣлое*, т. е. *ради своей формулы*, а не *истины* сортировать свои архивные факты и документальныя цитаты. Только высшее пониманіе живой жизни можетъ проникнуть въ тайны историческихъ движеній и развернуть предъ глазами историка сцену событій и міра во всемъ ея величіи и разнообразіи. Это и будетъ идеальная догадка, *дивинація*, въ сущности историческій инстинктъ. Онъ въ XIX вѣкѣ въ произведеніяхъ талантливѣйшихъ нѣмецкихъ и англійскихъ историковъ возсоздалъ античную древность въ такой полнотѣ и правдѣ, какой не могли-бы достигнуть сами по себѣ никакія архивныя и археологическія изысканія.

Этотъ инстинктъ и есть настоящій *термометръ историка*. Онъ далеко не столь простой инструментъ, какъ физическій аппаратъ. Тамъ матерьялъ данъ самой природой, нужно только воспользоваться имъ съ извѣстными цѣлями. Здѣсь надо предварительно создать самый матерьялъ, подвергнуть «собственную душу» усиленнымъ воздѣйствіямъ внѣшняго міра, произвести закалку своего *я* — при всевозможныхъ температурахъ и атмосферахъ. И трудно сказать, существуетъ-ли даже предѣлъ для окончательной выработки историческаго термометра. Ртуть воспринимаетъ всѣ перемѣны физической температуры по своимъ естественнымъ свойствамъ, но душа человѣка одинаково чутка далеко не ко всѣмъ перемѣнамъ въ нравственной средѣ: чуткость зависитъ отъ пониманія, пониманіе отъ опыта, а опытъ отъ самаго тщательнаго и

менѣе всего предубѣжденнаго наблюденія надъ дѣйствительностью. Предубѣжденіе для души—термометра—тоже, чѣмъ для физическаго было-бы тѣло, дурно проводящее теплоту.

Всѣ эти соображенія должны быть во всей строгости примѣнены къ Тэну. Мы именно и желали изслѣдовать общія качества его историческаго термометра. Мы нашли, что матерьялъ аппарата опредѣлился въ самомъ началѣ литературной дѣятельности Тэна. Мы выяснили элементы матерьяла, общее міросозерцаніе Тэна, его взгляды на человѣческую природу и культурный прогрессъ. Мы пришли и къ конечному результату—ученію о нравственномъ *alibi*.

Это ученіе получаетъ весь свой смыслъ, конечно, не въ теоріи, а въ практическомъ осуществленіи. Мы знаемъ,—въ самой ранней молодости Тэнъ рѣшительно ушелъ въ чистую науку и не только литературно не участвовалъ въ современныхъ общественныхъ вопросахъ, но даже миновалъ и чужое участіе въ этой области, когда ему пришлось изображать парижское общество эпохи имперіи. Онъ мирно пребывалъ на затишныхъ берегахъ философіи, окруженный заботами примѣрной матери и всей семьи.

Со второй половины шестидесятыхъ годовъ, одновременно съ появленіемъ Грэндоржа, — идея *alibi* практически осуществилась безповоротно на всю дальнѣйшую дѣятельную жизнь историка. Мать сдала его съ рукъ на руки другой, столь же преданной женщинѣ—его женѣ.

M-lle Denuelle, теперь m-me Тэнъ, явилась настоящимъ стражемъ у святилища своего мужа. Жизнь философа сложилась окончательно по программѣ изъ двухъ рубрикъ: зимой собираніе документовъ въ библіотекахъ, лѣтомъ—работа на дачѣ. Тѣсный кружокъ однихъ и тѣхъ же друзей, методическая семейная жизнь, нѣкоторыя свѣтскія связи, вродѣ посѣщенія салона принцессы Матильды,—вотъ весь Тэнъ, какъ членъ общества [1]).

Мы позволимъ себѣ привести впечатлѣнія писателя, близко видѣвшаго Тэна въ періодъ его научной дѣятельности. Эти впечатлѣнія по существу совпадаютъ съ разсказомъ друга Тэна, — историка Моно, — и притомъ рисуютъ предметъ живо и даже художественно.

«Надо представить себѣ его въ кабинетѣ, въ библіотекѣ, вездѣ, гдѣ есть книги, которыя можно читать. Онъ быстрыми шагами проходитъ по улицамъ, не видя современной жизни; если онъ и обратитъ на нее вниманіе, то не иначе какъ съ опредѣленной цѣлью, чаще всего съ предвзятой идеей, и довольствуется бѣглыми наблюденіями, которыя затѣмъ обобщитъ и разовьетъ въ подкрѣпленіе какого нибудь тезиса. Его не встрѣчаютъ ни въ театрѣ, ни въ салонѣ, ни среди уличной толпы. Онъ игнорируетъ нашу эпоху и

[1]) Monod. *O. c.* p. 119—120.

знакомъ лишь съ тѣми ея сферами, которыя спеціально изучалъ. Книги, вотъ его близкіе пріятели, его товарищи; онѣ образовали и поддерживаютъ его, руководятъ имъ. Онъ привыкъ съ ними обращаться, онъ находитъ въ нихъ какъ бы громадный гербарій, въ которомъ собраны всѣ людскія засушенныя растенія»....

Въ другой разъ, годъ спустя, тотъ же авторъ доказываетъ, что Тэнъ не могъ быть критикомъ современной литературы.

«Тэнъ прежде всего ученый. У него нѣтъ глазъ, въ немъ работаетъ одинъ умъ. Его настоящая среда въ библіотекѣ. Тамъ онъ творитъ чудеса, роется въ грудахъ книгъ, дѣлаетъ ужасающее количество выписокъ, извлекая всѣ свои произведенія изъ печатныхъ произведеній. Онъ компиляторъ съ талантомъ классификаціи. Но на улицѣ, не знаю, видитъ ли онъ извощиковъ. Навѣрное, онъ никогда не глядѣлъ въ лицо прохожему; жизнь безусловно ускользаетъ отъ него; дѣйствительность его не трогаетъ. Отсюда безсознательное, быть можетъ, пренебреженіе ко всему живому. Онъ ушелъ отъ современнаго базара житейской суеты и отдался историческимъ и философскимъ изслѣдованіямъ. Онъ съ любовью отрясаетъ пыль со старыхъ документовъ. Чтобы замѣтить въ настоящую минуту современнаго ему писателя, онъ долженъ былъ бы сдѣлать чрезмѣрное усиліе».

Все это говоритъ Золя, вполнѣ благосклонно относящійся къ Тэну и даже признающій сильное вліяніе его историческихъ трудовъ на свою собственную дѣятельность [1]).

Мы пока примемъ разсказъ Золя въ тѣхъ чертахъ, гдѣ онъ совпадаетъ съ подлинными нашими свѣдѣніями отъ самого Тэна. Мы подождемъ подписываться подъ общей оцѣнкой таланта историка и философа. Мы пока узнали лишь общій нравственный и философскій обликъ Тэна,—можемъ, конечно, отчасти судить и о пріемахъ и о результатахъ его работы. Но для точности сужденій намъ необходимо познакомиться съ подробностями тэновскаго философскаго метода. Мы имѣемъ представленіе о *точкѣ отправленія* и *высшихъ руководящихъ* воззрѣніяхъ Тэна, теперь мы пойдемъ съ нимъ по его пути къ истинѣ, попытаемся оцѣнить каждый его важный шагъ, тщательно взвѣшивая оригинальность, логическую и научную основательность его положеній.

Ив. Ивановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Золя *Парижскія письма*. Вѣстн. Евр. 1876 ф 1877 февр.

РАДОСТИ И ГОРЕСТИ

знаменитой Молль Флендэрсъ,

которая родилась въ Ньюгетѣ и въ теченіи своей шестидесятилѣтней разнообразной жизни, не считая дѣтскаго возраста, была двѣнадцать лѣтъ проституткой, пять разъ замужемъ (причемъ одинъ разъ за своимъ братомъ), двѣнадцать лѣтъ воровкой, восемь лѣтъ, какъ преступница, въ ссылкѣ въ Виргиніи и, наконецъ, разбогатѣвъ, стала жить честно и умерла въ покаяніи; записано по ея мемуарамъ

Даніэлемъ Де Фо.

Переводъ съ англійскаго П. Канчаловскаго.

НАПИСАНО ВЪ 1683 ГОДУ.

I.

Мое дѣтство и воспитаніе у одной доброй, старой няни.

Мое настоящее имя такъ хорошо извѣстно въ архивахъ и спискахъ Ньюгетской тюрьмы и суда присяжныхъ въ Лондонѣ и, кромѣ того, съ нимъ связаны еще теперь такія важныя обстоятельства, касающіяся моей частной жизни, что вамъ трудно ожидать, чтобы я назвала его или разсказала что-нибудь о происхожденіи моей семьи; можетъ быть послѣ моей смерти все это станетъ извѣстнымъ; теперь же было бы совершенно неудобно говорить объ этомъ, даже и въ томъ случаѣ, еслибы всѣ мои преступленія и причастныя къ нимъ лица были забыты и прощены.

Достаточно вамъ сказать, что нѣкоторыя изъ моихъ худшихъ товарищей, лишенные возможности причинить мнѣ зло, такъ какъ они ушли изъ этого міра путемъ висѣлицы, къ которому я сама часто готовилась, знали меня подъ именемъ Молль Флендэрсъ, и потому вы мнѣ позволите являться передъ вами подъ этимъ именемъ до тѣхъ поръ, пока я буду имѣть право объявить разомъ, кѣмъ я была и кто я теперь.

Мнѣ говорили, что въ одной сосѣдней странѣ, во Франціи или въ другой какой, не знаю, существуетъ королевскій законъ, въ силу котораго дѣти преступника, осужденнаго на смерть, или галеры, или въ ссылку (остающіяся обыкновенно безъ

средствъ къ существованію, вслѣдствіе конфискаціи имущества ихъ родителей), немедленно берутся въ опеку правительствомъ и помѣщаются въ пріютъ для сиротъ, гдѣ ихъ воспитываютъ, одѣваютъ, кормятъ, обучаютъ и ко времени выхода оттуда ихъ такъ хорошо приготовляютъ, въ услуженіе или выучиваютъ ремеслу, что они способны добывать себѣ хлѣбъ честнымъ и самостоятельнымъ трудомъ.

Если бы такой законъ существовалъ у насъ, то я не была бы брошена несчастной, одинокой дѣвочкой, безъ друзей, безъ платья, безъ помощи, не имѣя никого, кто бы позаботился о моей судьбѣ. И такъ я, прежде чѣмъ сознать свое положеніе или сдѣлаться нищей, не только подвергалась величайшимъ бѣдствіямъ, но окунулась въ жизнь, постыдную сама по себѣ, которая своимъ обыденнымъ теченіемъ привела бы меня къ быстрому физическому и нравственному разрушенію.

Но моя судьба сложилась иначе. Мою мать изобличили въ уголовномъ преступленіи, благодаря незначительной кражѣ, о которой едва стоитъ упоминать: она, такъ сказать, позаимствовала у однаго продавца бѣлья въ Чипсайдѣ три штуки тонкаго полотна; было бы долго разсказывать всѣ подробности, тѣмъ болѣе, что мнѣ передавали ихъ такъ неодинаково, что я не могу составить точнаго разсказа.

Какъ бы то ни было, всѣ, однако, согласны въ томъ, что мою мать спасла отъ висѣлицы ея беременность. Исполненіе надъ ней приговора отсрочили на семь мѣсяцевъ, по истеченіи которыхъ ее снова призвали къ суду и милостиво замѣнили смертный приговоръ ссылкой въ колонію, оставя меня, шестимѣсячную дѣвочку, какъ надо думать, въ худыхъ рукахъ.

Все это происходило въ слишкомъ раннюю пору моей жизни и потому я могу разсказать о ней только по слухамъ; здѣсь достаточно упомянуть, что я родилась въ томъ несчастномъ мѣстѣ, гдѣ не было даже прихода, въ которомъ кормятъ маленькихъ брошенныхъ дѣтей, и я до сихъ поръ не могу объяснить, какъ я осталась жива; можетъ быть какая-нибудь родственница моей матери взяла меня къ себѣ, но на чей счетъ и по чьему распоряженію содержали меня это время—я и до сихъ поръ не знаю.

Первое, что могу сообщить о себѣ по своимъ личнымъ воспоминаніямъ, это то, что я очутилась въ шайкѣ людей, извѣстныхъ подъ именемъ цыганъ или египтянъ, но я думаю, что я не долго была тамъ, такъ какъ они не измѣнили цвѣта моей кожи, что обыкновенно дѣлаютъ съ тѣми дѣтьми, которыхъ уводятъ съ собой; какимъ образомъ я попала къ цыганамъ и какъ оставила ихъ, я не умѣю сказать.

Они бросили меня въ Кольчестерѣ, въ графствѣ Эссексъ; въ моей головѣ составилось представленіе, что собственно не

они, а я ихъ оставила, то есть, я спряталась отъ нихъ и не захотѣла дальше идти; однако же, я не могу положительно утверждать это. Я помню только, что когда меня взяли кольчестерскія власти, то я отвѣчала имъ, что я пришла въ городъ съ цыганами, но не хотѣла идти съ ними дальше, почему цыгане и оставили меня здѣсь; куда же дѣвались цыгане, я не знала, такъ какъ посланные за ними люди нигдѣ ихъ не нашли.

Теперь я очутилась въ такомъ положеніи, что такъ или иначе, а обо мнѣ должны были позаботиться; и хотя я не могла законнымъ образомъ стать бременемъ того или другого городского прихода, тѣмъ не менѣе, когда члены городского магистрата увидѣли, что я слишкомъ мала и не могу работать—мнѣ было не болѣе трехъ лѣтъ,—то, сжалясь надо мной, они рѣшили взять меня на попеченіе города, какъ еслибы я родилась здѣсь.

На назначенное мнѣ содержаніе я могла помѣститься у няни,—такъ они называли одну прекрасную женщину, которая хотя была и очень бѣдна, но когда то знала лучшіе дни, и которая теперь заработывала свое скудное существованіе, воспитывая такихъ брошенныхъ дѣтей, какъ я. Она содержала ихъ до такого возраста, когда, по мнѣнію магистрата, ребенокъ могъ поступить къ кому нибудь въ услуженіе и такимъ образомъ зарабатывать свой хлѣбъ.

У этой доброй женщины была кромѣ того небольшая школа, въ которой она учила дѣтей читать и шить; она, будучи, какъ я уже сказала, женщиной образованной, очень хорошо воспитывала ввѣренныхъ ея попеченію дѣтей.

Но что было всего важнѣе, она воспитывала ихъ въ духѣ религіи, такъ какъ сама была женщина строгой и набожной жизни, кромѣ того она была прекрасная, опрятная хозяйка и глубоко нравственная женщина. Такимъ образомъ, еслибы не самое простое помѣщеніе и не суровая наша пища и одежда, то мы могли бы считаться воспитанницами лучшаго благороднаго пансіона.

Такъ я спокойно прожила до восьми лѣтъ, когда внезапно меня поразило извѣстіе, что члены магистрата (мнѣ кажется, я вѣрно ихъ называю) сдѣлали распоряженіе отдать меня въ услуженіе; я могла исполнять кое какія работы, и потому мнѣ сказали, что меня помѣстятъ въ качествѣ судомойки къ какой нибудь кухаркѣ; мнѣ такъ часто повторяли это, что я пришла въ ужасъ; несмотря на свой возрастъ, я имѣла сильное отвращеніе къ обязанностямъ служанки и говорила моей нянѣ, что если она позволитъ, то я съумѣю заработать хлѣбъ, не идя въ услуженіе. Я выучилась шить и прясть толстую шерсть (это ремесло было главнымъ промысломъ нашего города) и говорила ей, что, если она пожелаетъ, я буду работать для нея и сильно работать.

Почти каждый день я твердила ей объ этомъ, часто я работала вся въ слезахъ и это такъ сильно опечалило прекрасную, добрую женщину, что она начала безпокоиться за меня: надо сказать правду, она очень любила меня.

Однажды, когда мы всѣ, бѣдныя дѣти, сидѣли за работой, на вошла къ намъ и сѣла не на свое обычное мѣсто учительницы, а прямо противъ меня, какъ будто намѣреваясь слѣдить за моей работой; я помню, что въ это время я мѣтила рубахи; прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ она заговорила со мной.

— Ты все плачешь, глупенькая,— сказала она (я въ то время дѣйствительно плакала),—скажи мнѣ, о чемъ ты плачешь?

— О томъ, что они хотятъ меня взять отсюда,—отвѣтила я,—и отдать въ услуженіе, а я не могу работать по хозяйству.

— Ну что-же, дитя мое,— сказала она,—быть можетъ теперь ты и не можешь работать по хозяйству, но со временемъ научишься, вѣдь сразу не поставятъ тебя на тяжелую работу.

— Какъ же, не поставятъ,— отвѣчала я:—если я не съумѣю чего сдѣлать, меня станутъ бить, служанки навѣрное будутъ меня бить, чтобы заставить дѣлать тяжелую работу, а я маленькая дѣвочка и не могу этого дѣлать.

И я снова принялась плакать и не могла выговорить ни одного слова. Это такъ сильно растрогало мою добрую няню мать, что она рѣшила не отдавать меня въ услуженіе и сказала, чтобы я не плакала и что она посовѣтуетъ мэру отдать меня въ услуженіе только тогда, когда я подрасту больше.

Но ея обѣщаніе не удовлетворило меня; одна мысль идти въ услуженіе казалась мнѣ такой ужасной, что еслибы меня увѣрили, что это случится только тогда, когда мнѣ исполнится двадцать лѣтъ, то это было бы все равно; я плакала постоянно, я боялась, что такъ или иначе, а должна буду служить.

Когда моя няня увидѣла, что я не успокоилась, она разсердилась и сказала:

— Чего тебѣ еще нужно, вѣдь я тебѣ говорила, что ты пойдешь въ услуженіе, когда подростешь больше.

— Да,—сказала я,—но все равно, рано или поздно, а я пойду.

— А что же? неужели ты такая глупая, что хочешь сдѣлаться барышней?

— Да,—сказала я и заплакала отъ всего сердца, разразясь громкими рыданіями.

Какъ и слѣдовало ожидать, это заставило разсмѣяться старую леди.

— И такъ, мадамъ, вы дѣйствительно желаете быть ба-

рышней, но какъ же вы сдѣлаетесь барышней, неужели, благодаря кончикамъ вашихъ пальцевъ?

— Да,—наивно отвѣчала я.

— Ну, посмотримъ, что можно ими заработать,—сказала она—сколько ты можешь получить, если будешь работать цѣлый день?

— Шесть пени пряжей,—сказала я,—и восемь пени шитьемъ толстаго бѣлья.

— Увы! бѣдная барышня—сказала она, продолжая смѣяться,—съ этимъ далеко не уйдешь.

— Этого будетъ для меня довольно, если вы захотите оставить меня жить съ вами.

Я говорила такимъ умоляющимъ тономъ, что сильно тронула сердце доброй женщины, какъ разсказывала она мнѣ потомъ.

— Но этого будетъ мало, даже на то, чтобы содержать тебя и покупать тебѣ простую одежду, а на какія же деньги шить хорошія платья для маленькой барышни?—спросила она

Все это время она улыбалась, глядя на меня.

— Тогда я буду больше работать и буду отдавать вамъ всѣ свои деньги.

— Но я говорю тебѣ, что этого будетъ не достаточно, бѣдное мое дитя, этого едва хватитъ на твою пищу.

— Тогда вы не давайте мнѣ ѣсть,—невинно сказала я,—и всетаки оставьте у себя.

— А развѣ ты можешь жить безъ пищи?

— Да,—отвѣчала я, заливаясь горькими слезами.

Вы легко можете видѣть, что я не давала себѣ отчета въ своихъ словахъ, я разсуждала по-дѣтски, но такъ наивно и высказывая такое горячее желанія остаться у нея, что въ концѣ концовъ добрая женщина сама начала плакать такъ же, какъ плакала я, и, взявъ меня за руку, вывела изъ школьной комнаты и сказала:—Пойдемъ, дитя мое, даю тебѣ слово, что ты не поступишь никуда въ услуженіе и будешь жить со мной.—Эти слова на нѣкоторое время успокоили меня.

Вскорѣ послѣ этого, леди отправилась къ мэру и въ разговорѣ разсказала ему всю исторію обо мнѣ, которая такъ понравилась мэру, что онъ позвалъ свою жену и двухъ дочерей послушать эту веселую исторію. Прошла еще недѣля и вотъ жена мэра и ея дочери пришли навѣстить мою добрую няню и посмотрѣть школу и дѣтей. Осмотрѣвъ все, жена мэра сказала:

— Теперь, я попрошу васъ показать мнѣ ту маленькую дѣвочку, которая желаетъ быть барышней.

Услыхавъ это, я, не знаю почему, страшно испугалась, между тѣмъ жена мэра подошла ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Милая миссъ, скажите, что вы работаете теперь?

Слово миссъ не часто слышалось въ нашей школѣ, и я удивилась, зачѣмъ она назвала меня такъ, тѣмъ не менѣе я встала, сдѣлала реверансъ, она же взяла въ руки мою работу и, разсмотрѣвъ ее, сказала, что я очень хорошо работаю, затѣмъ, взявъ мою руку, она прибавила:

— А вѣдь дѣвочка въ самомъ дѣлѣ можетъ сдѣлаться барышней, увѣряю васъ, у нея такія тонкія и нѣжныя ручки.

Ея слова доставили мнѣ безконечное удовольствіе, но жена мэра не остановилась на этомъ: она достала изъ кармана шиллингъ и отдала мнѣ, причемъ совѣтовала быть внимательнѣй къ работѣ, учиться хорошо, «и тогда, быть можетъ, ты сдѣлаешься барышней», прибавила она въ заключеніе. Однако же, ни моя добрая няня, ни жена мэра, словомъ, никто изъ окружавшихъ меня не понималъ, что я разумѣю подъ словомъ: барышня. Увы! съ этимъ словомъ у меня соединялось представленіе о полной возможности работать для себя и зарабатывать столько, сколько было нужно, чтобы не поступать въ услуженіе; между тѣмъ какъ для нихъ это значило занять высокое положеніе въ свѣтѣ, и еще не знаю что.

Послѣ жены мэра, ко мнѣ подошли ея дочери, вѣрно желая тоже посмотрѣть на барышню; онѣ долго разговаривали со мной, я по-дѣтски отвѣчала имъ, причемъ всегда, когда онѣ спрашивали — неужели я рѣшилась сдѣлаться барышней, я говорила «да». наконецъ, онѣ меня спросили: что такое барышня? Хотя этотъ вопросъ нѣсколько смутилъ меня, тѣмъ не менѣе, я объяснила отрицательные признаки барышни и, между прочимъ, сказала, что барышня не поступаетъ въ услуженіе на хозяйственныя работы; онѣ были въ восторгѣ отъ такого объясненія, моя дѣтская болтовня очень забавляла дѣвицъ, и онѣ, уходя, тоже подарили мнѣ денегъ. Деньги я отдала моей нянѣ учительницѣ, какъ я называла ее, обѣщая отдавать ей все, что заработаю, когда буду барышней; эти слова вмѣстѣ съ другими моими объясненіями навели, наконецъ, мою старую гувернантку на вѣрную мысль о томъ, что я разумѣю подъ именемъ барышни; она поняла, что, по моему мнѣнію, быть барышней, значитъ быть способной собственнымъ трудомъ зарабатывать хлѣбъ, о чемъ и спросила меня.

Я ей сказала «да» и объяснила, что я знаю одну такую женщину: она починяетъ кружева и моетъ дамскіе головные уборы, она то по моему и есть барышня, потому что всѣ называютъ ее *madame*.

— Бѣдное дитя мое,—сказала моя добрая старая няня.—ты скоро можешь сдѣлаться подобной барышней. Эта особа пользуется дурной славой: у нея двое незаконныхъ дѣтей.

Хотя я ничего не поняла изъ ея словъ, тѣмъ не менѣе

отвѣчала: «я вѣрно знаю, что ее зовутъ *madame*, она не ходитъ въ услуженіе и не занимается хозяйственными работами».

Все это было пересказано моимъ лэди, и все это очень забавляло ихъ; когда пріѣзжали къ намъ дочери мэра, то всегда спрашивали маленькую барышню, которая, впрочемъ, нисколько не гордилась своимъ прозвищемъ. Меня часто навѣщали эти молодыя дѣвицы, приводя съ собой многихъ другихъ; такимъ образомъ, скоро я стала извѣстна почти во всемъ городѣ.

Теперь мнѣ было уже около десяти лѣтъ и я имѣла видъ маленькой женщины, потому что была чрезвычайно серьезная дѣвочка съ хорошими манерами и, какъ часто говорили мои лэди, я была очень красивая, обѣщая вырости настоящей красавицей; легко предположить, что все это отчасти развивало во мнѣ гордость, но, во всякомъ случаѣ, тщеславіе еще не оказывало на меня особенно дурнаго вліянія; мои лэди продолжали часто дарить мнѣ деньги, которыя я передавала моей нянѣ; эта честная женщина тратила ихъ всѣ на меня, она покупала мнѣ бѣлье, платья, перчатки и я одѣвалась очень хорошо; впрочемъ, я была очень опрятна, даже въ то время, когда носила лохмотья, которыя мыла сама. Наконецъ, когда пришло время, что члены магистрата должны были взять меня и отдать въ услуженіе, то я уже сдѣлалась такой прекрасной работницей, что не нуждалась въ посторонней помощи и могла зарабатывать столько, сколько стоило моей нянѣ мое содержаніе. Она просила членовъ магистрата позволить ей оставить у себя «барышню», какъ называла она меня, помогать въ занятіяхъ съ дѣтьми, для чего я была совершенно способна, несмотря на свои молодые годы.

Доброта моихъ лэди не остановилась на этомъ.

Узнавъ, что городъ прекратилъ выдачу мнѣ пособія, онѣ стали чаще давать мнѣ деньги; по мѣрѣ того, какъ я подрастала, онѣ приносили мнѣ работу, одна шить бѣлье, другая починить кружево, третья перемѣнить фасонъ чепца, причемъ не только платили мнѣ за эти работы, но и учили, какъ что сдѣлать; такимъ образомъ, я стала настоящей «барышней», какъ я понимала, потому что хотя мнѣ не было и двѣнадцати лѣтъ, но я зарабатывала не только на свои платья и содержаніе, но и имѣла всегда карманныя деньги.

Тѣ же лэди часто дарили мнѣ свои старыя вещи: чулки, юбки, одна то, другая другое, и моя няня съ материнской заботливостью заставляла меня передѣлывать и исправлять для себя всѣ эти вещи.

Наконецъ, одной изъ моихъ лэди пришла фантазія взять меня на мѣсяцъ къ себѣ въ качествѣ компаньонки ея дочерей.

Повидимому, это приглашеніе было крайне любезно съ ея стороны; но не такъ смотрѣла на него моя добрая няня, ко-

торая и высказала ей свои соображенія, говоря, что если лэди дѣйствительно желаетъ взять къ себѣ маленькую барышню то принесетъ ей этимъ больше вреда, чѣмъ пользы.—«Ну, хорошо, отвѣтила дама, пусть будетъ по вашему, но позвольте мнѣ взять ее хотя только на одну недѣлю, я посмотрю, сойдутся-ли мои дочери съ нею и понравится-ли мнѣ ея характеръ; а затѣмъ я вамъ объясню, что я намѣрена для нея сдѣлать».

Итакъ, все прекрасно устроилось, я отправилась къ дамѣ, ея дочери такъ полюбили меня, а я ихъ, что когда я уѣзжала домой, мы съ сожалѣніемъ разставались другъ съ другомъ.

Такимъ образомъ, я прожила еще почти годъ съ моей честной старухой; теперь я была для нея вполнѣ полезна; мнѣ исполнилось около четырнадцати лѣтъ, а была велика ростомъ и казалась взрослой. Надо сказать, что мнѣ очень понравился образъ жизни въ домѣ знакомой лэди, и съ тѣхъ поръ я уже не чувствовала себя такъ хорошо, какъ прежде, въ пріютѣ: я уже желала быть настоящей барышней и теперь у меня сложилось о ней совершенно иное представленіе, чѣмъ прежде, поэтому мнѣ сильно хотѣлось вернуться къ моей знакомой лэди и жить у нея.

Мнѣ было четырнадцать лѣтъ и три мѣсяца, когда моя добрая, старая няня или, лучше сказать, моя мать заболѣла и умерла. Я осталась одна, въ самомъ печальномъ положеніи. Разорить семью, опорой которой была одна несчастная женщина, не трудно; лишь только ее снесли на кладбище, какъ приходскіе старосты разобрали дѣтей; школа закрылась, а всѣ приходящія перешли въ другія школы; откуда-то пріѣхала дочь моей няни, замужняя женщина, которая и забрала все ея имущество; квартира опустѣла и маленькой барышнѣ не нашли ничего другого сказать въ утѣшеніе, какъ предложить устроиться гдѣ угодно, за свой собственный страхъ.

Я почти помѣшалась отъ ужаса и не знала что дѣлать: я чувствовала себя выброшенной на улицу; но всего хуже было то, что когда я,—зная, что старая честная женщина оставила послѣ своей смерти сбереженные для меня двадцать два шиллинга, составлявшіе все состояніе маленькой барышни,—спросила эти деньги у ея дочери, послѣдняя выгоняла меня изъ комнаты, сказавъ, что ей нѣтъ никакого дѣла до моихъ денегъ. Я вѣрно знала, что покойница говорила о нихъ своей дочери, она объяснила ей, гдѣ лежатъ эти деньги; разъ или два она звала меня къ себѣ въ комнату, желая отдать ихъ, но, къ несчастію, меня въ это время не было дома, а когда я пришла она уже была настолько слаба, что не могла выговорить слова; впрочемъ, ея дочь потомъ отдала мнѣ эти деньги.

II.

Мое положеніе измѣняется—я дѣлаюсь барышней.—Первая любовь.

Итакъ, теперь я осталась дѣйствительно бѣдной барышней и въ эту самую ночь мнѣ приходилось быть выброшенной на улицу, такъ какъ наслѣдница старой лэди забрала все, что было въ квартирѣ. Однако-же, кто-то изъ сосѣдей, вѣроятно, сжалившись надо мной, увѣдомилъ о происшедшемъ ту даму, у которой я когда-то гостила; она немедленно прислала за мной свою служанку и вотъ я, какъ ни трудно себѣ представить, съ величайшей радостью отправилась къ ней, забравъ свои вещи.

Я прожила у моей покровительницы до восемнадцати лѣтъ, воспользовавшись всѣми преимуществами домашняго образованія. Надо сказать, что эта дама прекрасно воспитывала своихъ дочерей; у нихъ были различные учителя и онѣ обучались танцамъ, разговорному французскому языку и музыкѣ; я находилась постоянно при нихъ и, хотя учителя не были обязаны заниматься со мной, но я слушала и видѣла ихъ преподаванія и потому скоро усвоивала все, чему обучались эти дѣвицы. Такимъ образомъ, я научилась танцовать и говорить по-французски такъ же хорошо, какъ любая изъ дочерей моей покровительницы, а пѣла даже лучше ихъ, такъ какъ у меня былъ прекрасный голосъ; я не могла скоро научиться только играть, потому что у меня не было инструмента для упражненій, и я занималась музыкой урывками, когда не играли дѣвицы; тѣмъ не менѣе, потомъ я выучилась хорошо и играть, такъ какъ впослѣдствіи у нихъ было два инструмента, шпинетъ и клависены, и онѣ сами давали мнѣ уроки; что касается танцевъ, то тутъ не могли обойтись безъ меня, я должна была составить пару; съ другой стороны, всѣ онѣ такъ же охотно учили меня всему, чему учились сами, какъ я пользовалась ихъ уроками.

Благодаря всему этому, какъ я уже говорила, я получила такое образованіе, какое могли получить только знатныя барышни, съ которыми я жила; во многихъ отношеніяхъ я имѣла надъ ними даже преимущество, такъ какъ природа одарила меня такими дарами, которыхъ никакое состояніе замѣнить не можетъ. Прежде всего, я была гораздо красивѣе каждой изъ нихъ, лучше сложена и имѣла большой голосъ; надѣюсь, вы повѣрите, что я высказываю здѣсь не свое личное мнѣніе, а мнѣніе всѣхъ тѣхъ, кто окружалъ меня въ то время. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо сказать, что я была тщеславна, какъ всѣ женщины, и мнѣ доставляло большое удовольствіе, когда обо мнѣ говорили, что я красивая дѣвушка, даже больше: говорили, что я красавица, съ чѣмъ я совершенно соглашалась.

До сихъ поръ мнѣ не трудно разсказывать исторію моей жизни, до сихъ поръ меня знали не только какъ дѣвушку, живущую въ очень хорошей семьѣ, но и какъ дѣвушку строгой нравственности, скромную и добродѣтельную, какою я и была на самомъ дѣлѣ, не имѣя никакихъ поводовъ для развитія порочныхъ наклонностей. Но скоро мое тщеславіе погубило меня.

У моей покровительницы было два сына, каждый изъ этихъ молодыхъ знатныхъ джентльменовъ отличался особенными качествами; мое несчастіе заключалось въ томъ, что я была очень хороша съ обоими, но они вели себя со мной совсѣмъ не одинаково.

Старшій веселый джентльменъ, знавшій хорошо городскую и деревенскую жизнь, былъ человѣкъ настолько легкомысленный, что готовъ былъ на всякое дурное дѣло и, вмѣстѣ съ тѣмъ, настолько практичный, что никогда не платилъ дорого за свои удовольствія: со мной онъ началъ съ той печальной западни, какую обыкновенно ставятъ женщинамъ, то есть, при всякомъ удобномъ случаѣ онъ старался замѣтить, какъ я красива, любезна и граціозна; этой приманкой онъ такъ же хитро ловилъ женщинъ, какъ искусный охотникъ ловитъ сѣтью куропатокъ; такимъ образомъ, онъ постоянно расточалъ мнѣ свои любезности, высказывая ихъ не прямо въ глаза, а сестрамъ, въ то время, когда зналъ, что я недалеко и могу его слышать. При этомъ его сестры обыкновенно тихо шептали брату: «Молчи, она тебя слышитъ, вѣдь, она здѣсь, въ сосѣдней комнатѣ». Послѣ такого замѣчанія онъ умолкалъ, какъ бы досадуя, что я его слышу, но затѣмъ, будто забывшись, онъ снова начиналъ громко восхищаться мною; все это приводило меня въ восторгъ, и я рада была слушать его безъ конца.

Приготовя, такимъ образомъ, удочку и видя, что настало время бросить на моемъ пути приманку, онъ началъ со мной открытую игру. Однажды, проходя мимо комнаты своихъ сестеръ и увидя меня тамъ, онъ весело вошелъ и сказалъ:

— Ахъ, миссъ Бетти, какъ вы поживаете? ваши щечки еще цѣлы, онѣ не сгорѣли?

Я сдѣлала реверансъ и покраснѣла, не отвѣтивъ ни слова.

— Зачѣмъ ты говоришь ей это?—спросила одна изъ сестеръ.

— Затѣмъ, что не прошло еще и полъ-часа, какъ мы говорили о миссъ Бетти внизу.

— Но развѣ вы могли сказать о ней что нибудь дурное? притомъ же намъ нисколько не интересно, что вы тамъ болтаете о насъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ онъ,—мы не говоримъ ничего дурного о миссъ Бетти, напротивъ, мы говорили одно только хорошее; главнымъ же образомъ мы превозносили ея

красоту, словомъ, мы рѣшили, что она самая красивая дѣвушка въ Кольчестерѣ, и въ городѣ молодежь начинаетъ уже пить тосты за ея здоровье.

— Меня удивляютъ твои слова, — отвѣчала сестра; — ты знаешь, что Бетти не достаетъ одного, что дороже всего; нынче насъ дешево цѣнятъ на рынкѣ: будь дѣвушка красива, хорошаго происхожденія, образована, умна, съ прекрасными манерами и обхожденіемъ, словомъ будь она совершенство, но не имѣй денегъ, всѣ ея достоинства сотрутся передъ этимъ недостаткомъ; въ наше время только деньги и обусловливаютъ хорошія качества женщины. Всѣ мужчины прекрасно знаютъ это.

Тогда меньшой братъ, который былъ тоже здѣсь, сказалъ:

— Постой, сестра ты слишкомъ скоро дѣлаешь свои выводы; вотъ я, напримѣръ, составляю исключеніе изъ твоего правила и увѣряю тебя, что если бы я нашелъ женщину съ такими совершествами, какъ ты говоришь, я бы не заботился объ ея деньгахъ.

— О!—сказала сестра,—но ты всегда будешь на-сторожѣ и не полюбишь такую, у которой ничего нѣтъ.

— Но зачѣмъ,—сказалъ старшій братъ,—ты заговорила о состояніи? Ты, вѣдь, не изъ тѣхъ, у кого его нѣтъ, хотя, быть можетъ, тебѣ и не достаетъ другихъ необходимыхъ качествъ женщины.

— Я понимаю на что ты намекаешь,—рѣзко замѣтила сестра,—ты хочешь сказать, что я не красива; но мы живемъ въ такое время, когда довольно одного приданнаго, и потому я полагаю, что устроюсь лучше многихъ моихъ подругъ.

— Хорошо,—сказалъ младшій братъ,—но и твои подруги могутъ тоже недурно устроиться, потому что красота для хорошаго мужа дороже денегъ, и я думаю, что служанка можетъ разсчитывать раньше своей госпожи выйти замужъ, если она красивѣе ее.

Я сообразила, что мнѣ слѣдуетъ уйти, и ушла, но не такъ далеко, чтобы не уловить всего ихъ разговора, притомъ я услыхала массу прекрасныхъ вещей, которыя говорились обо мнѣ; подобныя похвалы развили во мнѣ тщеславіе и отклонили меня отъ моего прямого пути, какъ я скоро потомъ увидѣла; такимъ образомъ, сестра и ея меньшой братъ жестоко поссорились; онъ наговорилъ ей оскорбленій по поводу меня, что мнѣ не трудно было замѣтить изъ ея обращенія со мной, но въ этомъ случаѣ она была не справедлива: мнѣ никогда не приходило въ голову, чтобы она могла подозрѣвать мои самыя обыкновенныя отношенія къ ея младшему брату; другое дѣло старшій, онъ часто какъ то загадочно и издалека заговаривалъ со мной, и я имѣла глупость принимать серьезно

его разговоры, дававшіе мнѣ поводъ питать самыя несбыточныя надежды.

Однажды случилось, что онъ пришелъ по лѣстницѣ, ведущей въ комнату, гдѣ обыкновенно шили его сестры; прежде чѣмъ войти, онъ окликнулъ, какъ всегда, тамъ ли онѣ или нѣтъ. Я была въ комнатѣ одна и, подойдя къ двери, сказала:

— Вашихъ сестеръ здѣсь нѣтъ, сударь, онѣ пошли гулять въ садъ.

Говоря такимъ образомъ, я выставилась впередъ, онъ подошелъ къ двери и, какъ бы случайно схвативъ меня за руку, сказалъ:

— О, миссъ Бетти, вы здѣсь одна? Лучшаго я не желаю, мнѣ гораздо больше хочется поговорить съ вами, чѣмъ съ ними.

Затѣмъ, продолжая держать мои руки, онъ поцѣловалъ меня три или четыре раза.

Я отбивалась, желая вырваться, но дѣлала это такъ слабо, что онъ еще сильнѣе сжалъ меня и продолжалъ цѣловать до тѣхъ поръ, пока не усталъ, потомъ онъ сѣлъ, говоря:

— Милая Бетти, я люблю васъ.

Надо признаться, что эти слова воспламенили во мнѣ кровь, сердце мое забилось, я лишилась разсудка и въ то время, когда онъ повторялъ нѣсколько разъ «я люблю васъ», оно говорило мнѣ такъ ясно, какъ будто какой-то таинственный голосъ шепталъ, что мнѣ нравятся эти слова; да, когда онъ произносилъ ихъ, мои румяныя пятна на щекахъ отвѣчали: «я хочу этого, я хочу этого»; однако въ этотъ разъ ничего другого не случилось: наша встрѣча была неожиданной для меня случайностью и я скоро оправилась. Онъ оставался со мной довольно долго; затѣмъ посмотрѣвъ въ окно и увидя, что сестры возвращаются домой, онъ всталъ, поцѣловалъ меня еще разъ и сказалъ, что онъ серьезно меня любитъ и что скоро я услышу отъ него еще больше. И онъ ушелъ отъ меня радостный и веселый, а я была счастлива, но мое заблужденіе заключалось въ томъ, что ко всему происшедшему я отнеслась серьезно, а молодой джентельменъ шутя.

Съ этихъ поръ мнѣ приходили въ голову странныя мысли: я была сама не своя, когда думала о томъ, что у меня есть человѣкъ, который любитъ меня, постоянно говоритъ мнѣ о своей любви и говоритъ, что я очаровательное созданіе: переносить спокойно такія рѣчи я не могла, мое тщеславіе достигло высшихъ границъ. Правда, хотя моя голова и была преисполнена гордости, но я еще не знала порока, я не имѣла ни малѣйшаго представленія о добродѣтели, такъ что, если бы мой любовникъ понималъ это, то онъ могъ бы сдѣлать со мной все что угодно, но онъ не сознавалъ своего превосходства,

его недогадливость была для меня счастьемъ въ данную минуту.

Прошло немного времени, когда онъ нашелъ новый случай увидѣть меня одну и почти при тѣхъ же условіяхъ. Это произошло такимъ образомъ: однажды обѣ дѣвушки отправились вмѣстѣ съ матерью въ гости, братъ его былъ въ городѣ, а отецъ уже около недѣли жилъ въ Лондонѣ. Молодой джентельменъ такъ усердно сторожилъ меня, что ему всегда было извѣстно, гдѣ я; я же никогда не знала, дома ли онъ, или нѣтъ; и такъ онъ быстро вбѣжалъ по лѣстницѣ и, увидя меня за работой, вошелъ прямо въ комнату, и какъ въ первый разъ, обнялъ и началъ цѣловать, что продолжалось около четверти часа.

Все это происходило въ комнатѣ младшей сестры, онъ былъ тѣмъ смѣлѣе, что въ домѣ не было никого, кромѣ служанки, которая находилась внизу; въ этотъ разъ онъ сталъ настойчивѣе чѣмъ прежде, быть можетъ онъ замѣтилъ мою податливость, такъ какъ я слабо сопротивлялась его поцѣлуямъ и объятіямъ,—надо сказать правду, они доставляли мнѣ большое удовольствіе.

Истомленные этимъ занятіемъ, мы сѣли и онъ долго говорилъ со мной; онъ говорилъ, что я очаровала его, что я лишила его покоя, что онъ чѣмъ угодно можетъ доказать мнѣ свою любовь, и если я люблю его и пожелаю сдѣлать его счастливымъ, то этимъ спасу его жизнь: много, много подобныхъ прекрасныхъ словъ я услыхала отъ него въ этотъ разъ. Сама я говорила мало, но вѣроятно достаточно ясно показала ему свою наивность и непониманіе того, чего онъ ожидаетъ отъ меня. Затѣмъ, взявъ меня за руку, онъ сталъ ходить со мной по комнатѣ, потомъ, вдругъ схвативъ меня, онъ поднялъ, бросилъ на постель и началъ страстно цѣловать; однако надо отдать ему справедливость, при этомъ онъ не позволилъ себѣ никакого грубаго насилія, ограничиваясь одними долгими поцѣлуями; между тѣмъ ему послышалось будто кто-то всходитъ по лѣстницѣ, тогда онъ быстро спрыгнулъ съ кровати, подъялъ меня и, повторивъ, что безконечно любитъ меня самой благородной и честной любовью и не желаетъ причинить мнѣ ни малѣйшаго зла, онъ положилъ мнѣ въ руку пять гиней.

Деньги смутили меня теперь больше, чѣмъ всѣ его признанія, но я была въ такомъ восторженномъ состояніи, что едва сознавала себя.

Мы сидѣли не долго, онъ всталъ и началъ душить меня поцѣлуями, потомъ снова бросилъ меня на постель, гдѣ позволилъ себѣ такія вольности, о которыхъ приличіе заставляетъ умолчать и отъ которыхъ я не въ силахъ была бы защищаться

даже и тогда, если бы онъ не остановился и довелъ свои ласки до конца.

Однако же, онъ не достигъ того, что они называютъ послѣднимъ доказательствомъ любви, и надо отдать ему справедливость, онъ не искалъ его. Такое добровольное отреченіе послужило ему оправданіемъ всѣхъ тѣхъ вольностей, которыя онъ позволялъ себѣ со мной въ другихъ случаяхъ. Послѣ этого онъ оставался не долго и, сунувъ мнѣ въ руку снова горсть золота и снова повторяя, что онъ любитъ меня больше всего на свѣтѣ, вышелъ изъ комнаты.

Никому не покажется страннымъ, что только теперь я стала разсуждать, но увы! мои разсужденія были не особенно основательны. Я была слишкомъ тщеславна и горда и слишкомъ мало добродѣтельна.

Правда, иногда я старалась угадать, чего ищетъ отъ меня мой обожатель, но больше всего я думала о его прекрасныхъ словахъ и объ его золотѣ.

Я не придавала много значенія тому, намѣренъ-ли онъ жениться на мнѣ или нѣтъ, я до тѣхъ поръ не думала объ условіяхъ, на которыхъ готова была отдаться, пока онъ самъ не сдѣлалъ мнѣ нѣчто въ родѣ предложенія, о чемъ вы уже слышали.

Такимъ образомъ я безъ малѣйшей тревоги подготовляла свое паденіе. Каждый изъ насъ поступалъ въ высшей степени безразсудно; еслибы я дѣйствовала благоразумно и оказала сопротивленіе его ласкамъ, какъ того требовали моя честь и добродѣтель, онъ или прекратилъ бы свои исканія, или предложилъ бы мнѣ свою руку и тогда можно было бы осуждать только его, а не меня. Съ другой стороны, если бы онъ зналъ, какъ было ему не трудно добиться той бездѣлицы, которой онъ желалъ, онъ бы не сталъ такъ долго смущаться, а давъ мнѣ четыре или пять гиней при второмъ же свиданіи вступилъ бы со мной въ связь. И опять, еслибы я знала, что я кажусь ему неприступной, я бы поставила ему условіемъ или немедленно жениться на мнѣ или обезпечить меня совершенно до тѣхъ поръ, пока у него явится возможность свободно располагать собой; такимъ образомъ я получила бы все, чего хотѣла, такъ какъ, помимо наслѣдства въ будущемъ, онъ былъ очень богатъ; но мнѣ не приходили въ голову подобныя мысли, я была упоена своей красотой и гордостью быть любимой такимъ джентельменомъ, какъ онъ; что касается золота, я по цѣлымъ часамъ считала и разсматривала свои гинеи. Никогда еще бѣдное тщеславное созданіе не было окутано со всѣхъ сторонъ такою ложью, какъ я, не обращавшая вниманія на зіявшую передо мной пропасть, которая было такъ близко и

которую, какъ мнѣ кажется, я скорѣе искала, чѣмъ старалась избѣгнуть.

Тѣмъ не менѣе у меня достало хитрости во все это время не дать никому ни малѣйшаго повода заподозрить наши отношенія. Въ обществѣ я едва смотрѣла на него и едва отвѣчала, когда онъ обращался ко мнѣ съ какимъ-нибудь вопросомъ; не смотря на это, мы иногда находили возможность видѣться, перекинуться словомъ и обмѣняться поцѣлуемъ, не имѣя удобнаго случая для болѣе дурныхъ поступковъ, особенно если принять во вниманіе, что онъ прибѣгалъ къ совершенно излишнимъ уловкамъ, считая труднымъ сближеніе со мной и не замѣчая, что онъ самъ дѣлаетъ его такимъ.

III.

Мое паденіе.—Братъ моего любовника предлагаетъ мнѣ свою руку.

Но демонъ искушенія не знаетъ отдыха и всегда найдетъ случай заманить человѣка въ сѣти порока. Однажды вечеромъ, когда я была съ нимъ и его сестрами въ саду, онъ, улучивъ минуту, сунулъ мнѣ въ руку записку, въ которой сообщалъ, что завтра онъ при всѣхъ попросить меня исполнить его порученіе, отправиться въ городъ, гдѣ онъ встрѣтитъ меня на дорогѣ.

Дѣйствительно, послѣ обѣда онъ началъ со мной при сестрахъ слѣдующій разговоръ.

— Миссъ Бетти, я хочу просить васъ объ одномъ одолженіи.

— О какомъ это?—спросила младшая сестра

— Если ты, сестра, — продолжалъ онъ важнымъ тономъ, —не можешь сегодня обойтись безъ миссъ Бетти, тогда я воспользуюсь болѣе удобной минутой.

— Но если, —разомъ сказали обѣ сестры,—мы можемъ свободно обойтись безъ Бетти и если попросимъ тебя извинить насъ за нескромный вопросъ: —зачѣмъ тебѣ понадобилась Бетти? то отвѣтишь-ли ты?

— Во всякомъ же случаѣ тебѣ необходимо, —прибавила старшая,—объяснить миссъ Бетти, чего тебѣ отъ нея нужно, однако, быть можетъ у васъ есть какое-нибудь личное дѣло, которое намъ не слѣдуетъ знать тогда вызови ее въ другую комнату.

— Какъ!—воскликнулъ молодой джентельменъ,—что ты хочешь этимъ сказать? Я просто думалъ попросить Бетти отправиться въ лавку на Гай-Стритъ (при этомъ онъ вынулъ изъ кармана брыжжи и разсказалъ длинную исторію о двухъ красивыхъ кисейныхъ галстухахъ, которые онъ торговалъ тамъ), я думалъ попросить ее купить воротникъ для этихъ

брыжжей; и если не отдадутъ галстуховъ за ту цѣну, которую я назначу, то чтобы она прибавила шиллингъ и поторговалась больше.

Окончивъ это, онъ началъ новую исторію о томъ, что долженъ отправиться съ визитомъ въ одно знакомое имъ семейство, гдѣ будутъ и тѣ и другіе джентельмены, и церемонно сталъ упрашивать сестеръ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, но онѣ отказались, говоря, что ждутъ къ себѣ гостей; все это онъ придумалъ, имѣя въ виду совершенно другія намѣренія.

Едва онъ кончилъ, какъ вошелъ его лакей и объявилъ, что пріѣхала карета сэра W... H... При этихъ словахъ онъ выбѣжалъ изъ комнаты и тотчасъ вернулся.

— Увы!—проговорилъ онъ громко: всѣ мои планы провести сегодня хорошо время разомъ рушились; сэръ W... прислалъ за мной карету и проситъ, чтобы я пріѣхалъ къ нему.— Потомъ оказалось, что этотъ сэръ W... былъ джентельменъ, жившій отъ нихъ въ разстояніи трехъ миль, и мой джентельменъ просилъ его прислать за нимъ карету къ тремъ часамъ.

Молодой джентельменъ велѣлъ подать себѣ лучшій парикъ, шляпу, шпагу и приказалъ лакею отправиться съ извиненіемъ туда, куда намѣревался ѣхать раньше,—это извиненіе было придумано съ цѣлью услать лакея,—затѣмъ самъ онъ приготовился сѣсть въ карету. Уходя, онъ на минуту остановился и очень серьезно напомнилъ мнѣ о своихъ порученіяхъ, причемъ, уловивъ моментъ, тихо сказалъ:

— Какъ можно скорѣе, нагоните меня, моя милая.

Я ничего не отвѣтила, но сдѣлала реверансъ, какъ дѣлала всегда, когда онъ говорилъ со мной при всѣхъ. Черезъ четверть часа я вышла, не перемѣнивъ платья и взявъ съ собой въ карманъ чепчикъ, маску, вѣеръ и перчатки; такимъ образомъ я ушла, не оставя ни въ комъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Онъ ожидалъ меня возлѣ улицы, по которой я должна была проходить, кучеръ заранѣе зналъ, куда ему ѣхать и мы отправились въ Майль-Эндъ, гдѣ жилъ его нанерсникъ и гдѣ мы нашли всѣ удобства, чтобы на полной свободѣ предаться нашей порочной страсти.

Когда мы остались одни, онъ началъ со мною очень серьезный разговоръ, говоря, что привезъ меня сюда не съ цѣлью обмануть, такъ какъ его любовь не допускаетъ вѣроломства, что онъ рѣшился жениться на мнѣ, лишь только у него явится возможность самостоятельно располагать своимъ состояніемъ, но что если я теперь уступлю его желаніямъ, то онъ дастъ мнѣ приличное содержаніе; затѣмъ онъ тысячу разъ увѣрялъ меня въ искренности своей любви, прибавя, что никогда не оставитъ меня; надо сказать правду, онъ сдѣлалъ въ

тысячу разъ больше предварительныхъ приготовленій, чѣмъ это было нужно.

Такъ какъ онъ настаивалъ, чтобъ я говорила, то я отвѣчала ему, что послѣ такихъ его увѣреній у меня нѣтъ основанія не вѣрить искренности его любви, но... здѣсь я остановилась, какъ бы предоставляя ему догадаться, что я хочу сказать.

— Ахъ, я понимаю, что вы хотите сказать, моя милая! Вы думаете, что будетъ съ вами, если вы станете беременной; не правда-ли? Ну чтожъ, тогда я позабочусь о ребенкѣ такъ же, какъ и о васъ, а чтобы вы могли видѣть, что я не шучу, вотъ вамъ болѣе серьезное доказательство моей искренности; съ этими словами онъ вынулъ шелковый кошелекъ, наполненный ста гинеями, и передалъ его мнѣ, говоря, что онъ ежегодно будетъ давать мнѣ столько же, пока я не стану его женой.

Деньги, обѣщанія, ласки, все это сильно взволновало мою кровь, я то краснѣла, то блѣднѣла, я не могла выговорить слова; онъ прекрасно понялъ мое состояніе и воспользовался имъ, я же не сопротивлялась больше и позволила ему дѣлать съ собой все, что онъ хотѣлъ.

Но этимъ дѣло не кончилось. Я отправилась въ городъ, исполнила всѣ его порученія и возвратилась домой, раньше чѣмъ кто-нибудь могъ замѣтить мое долгое отсутствіе; что касается моего любовника, онъ оставался въ городѣ до полуночи и такимъ образомъ въ семьѣ не возникло ни малѣйшаго подозрѣнія на нашъ счетъ.

Потомъ намъ часто представлялись случаи повторять наши преступныя свиданія, особенно дома, когда мать и молодыя дѣвушки уѣзжали въ гости. Онъ тщательно сторожилъ эти случаи, зная заранѣе, когда онѣ уѣдутъ, и не пропуская момента застать меня одну въ совершенной безопасности; такимъ образомъ почти полгода мы полной чашей вкушали радость нашихъ запретныхъ наслажденій, и не смотря на это, я, къ величайшему моему удовольствію, не чувствовала себя беременной.

Но за-долго раньше до истеченія этого полугода, за мной сталъ ухаживать его меньшой братъ, о которомъ я уже говорила вскользь; однажды, встрѣтивъ меня одну въ саду, онъ началъ ту же исторію, говоря короче, онъ объяснился мнѣ въ любви и формально предложилъ свою руку.

Это страшно поразило меня и поставило въ такое затруднительное положеніе, въ какомъ я не была еще никогда. Я упорно отказывалась отъ его предложенія, приводя различные аргументы: я выставила ему на видъ неравенство нашего положенія, мое отношеніе къ его роднымъ; я сказала, что если я приму его предложеніе, то отплачу глубокой неблагодар-

ностью его отцу и матери, которые такъ великодушно пріютили меня у себя въ то время, когда я, оставшись одна, была вы-брошена на улицу; словомъ, я говорила все, чтобы только отклонить его отъ этого намѣренія, все, кромѣ правды, которая одна могла положить всему конецъ и о которой я не осмѣлилась обмолвиться ни однимъ словомъ.

Но здѣсь случилось одно неожиданное для меня обстоятельство, которое привело меня въ еще болѣе отчаянное положеніе; этотъ молодой джентльменъ былъ прямой и честный человѣкъ, и потому, не имѣя въ виду никакихъ порочныхъ намѣреній и сознавая свою чистоту, онъ не старался, какъ это дѣлалъ его братъ, тщательно скрывать свою склонность къ миссъ Бетти; хотя онъ не сказалъ никому о своемъ объясненіи со мной, тѣмъ не менѣе, онъ отзывался обо мнѣ такъ, что его сестры и мать легко могли угадать его нѣжныя чувства ко мнѣ; онѣ не скрывали своихъ подозрѣній, и я замѣтила, что ихъ обхожденіе со мной совершенно измѣнилось.

И такъ на моемъ горизонтѣ показалась туча, но я не предвидѣла грозы; повторяю, поведеніе со мной матери и сестеръ становилось съ каждымъ днемъ все хуже и хуже и, наконецъ, я узнала, что не далеко то время, когда меня попросятъ уйти.

Впрочемъ меня нисколько не встревожило бы это извѣстіе; я не боялась за свое будущее, зная, что меня обезпечитъ мой любовникъ; съ другой стороны, имѣя въ виду, что я могла каждый день забеременѣть, я должна была во всякомъ случаѣ быть готовой оставить этотъ домъ.

Спустя нѣсколько времени, младшій джентльменъ нашелъ случай сообщить мнѣ, что его любовь ко мнѣ стала всѣмъ извѣстна, онъ обвинялъ за это себя, говоря, что не могъ сохранить въ тайнѣ свое чувство, и потому теперь необходимо, если только я согласна принять его предложеніе, открыто объявить роднымъ, что онъ меня любитъ и хочетъ на мнѣ жениться; правда, прибавилъ онъ, отецъ и мать, узнавъ объ этомъ, могутъ разсердиться, будутъ неумолимы, но это для него вздоръ, такъ какъ онъ юристъ, можетъ самъ зарабатывать столько денегъ, что просодержитъ себя и меня безъ ихъ помощи; такимъ образомъ, полагая, что мы оба одинаково достойны другъ друга, онъ, вмѣсто того чтобы обвѣнчаться со мной тайно, какъ думалъ прежде, рѣшилъ сказать объ этомъ всѣмъ теперь же и потому мнѣ стоитъ только согласиться быть его женой, а за все остальное онъ ручается.

Эти слова привели меня дѣйствительно въ самое ужасное положеніе. Въ душѣ я чистосердечно раскаявалась въ своихъ легкомысленныхъ отношеніяхъ къ его брату, но я каялась не потому, чтобы меня вообще мучила совѣсть, а потому, что не могла и думать быть любовницей одного брата и женой дру-

того; съ другой стороны я вспомнила обѣщаніе старшаго брата жениться на мнѣ, когда онъ будетъ самостоятельно располагать своимъ состояніемъ, причемъ мнѣ пришло въ голову, что я часто задавалась вопросомъ, почему съ тѣхъ поръ, какъ я стала его любовницей, онъ ни слова не говорилъ объ этомъ обѣщаніи; надо сказать правду, до сихъ поръ я мало заботилась о бракѣ, такъ какъ считала невозможнымъ лишиться любви своего любовника, а тѣмъ болѣе его щедрости, хотя онъ и былъ человѣкъ разсудительный и всегда совѣтовалъ мнѣ беречь деньги, не тратить даже двухъ пенни на платья и не позволять себѣ ни малѣйшей роскоши, такъ какъ послѣднее непремѣнно возбудило бы подозрѣніе въ семьѣ; ибо всѣмъ извѣстно, что я не могу имѣть денегъ иначе, какъ при помощи какой нибудь связи на сторонѣ.

Послѣ серьезнаго размышленія вы, разумѣется, повѣрите, что теперь я стала строго относиться къ своему положенію. Однажды младшій братъ уѣхалъ по дѣламъ въ Лондонъ, а мать и сестры отправились въ гости, тогда мой любовникъ по обыкновенію пришелъ ко мнѣ провести часъ или два съ своей Бетти.

Послѣ первыхъ привѣтствій, ему не трудно было замѣтить во мнѣ перемѣну; я была не такъ свободна съ нимъ въ обхожденіи и не такъ весела, какъ прежде; скоро у меня на глазахъ появились слезы и я начала плакать. Онъ нѣжно ласкалъ меня и спрашивалъ, что со мной. Я бы охотно отказалась отъ объясненій, но я была не въ силахъ больше притворяться, я страстно желала открыть ему все и потому, послѣ недолгихъ его настояній, объяснила, что меня страшно мучитъ одно обстоятельство, которое я едва могу скрывать, а между тѣмъ не знаю, какъ разсказать, съ чего начать, тѣмъ болѣе, что это обстоятельство неожиданно застало меня врасплохъ, и безъ его совѣта я не могу придумать, что мнѣ дѣлать. Онъ нѣжно утѣшалъ меня, говоря, что какъ бы ни было велико мое горе, я не должна тревожиться, помня, что онъ навсегда останется моимъ покровителемъ.

Ободренная его ласками, я начала издалека. Я сказала, что мнѣ кажется, будто его мать и сестры узнали о нашей связи, что легко заключить изъ перемѣны ихъ отношеній ко мнѣ; теперь онѣ находятъ во мнѣ такіе недостатки, какихъ не видѣли прежде; онѣ высказываютъ мнѣ недовольство мной, заводятъ со мной ссоры, безъ всякаго повода съ моей стороны. Прежде я всегда спала съ его старшей сестрой, недавно же меня перевели сначала въ отдѣльную комнату, а потомъ положили въ комнатѣ горничной. Нѣсколько разъ я слыхала, какъ онѣ дурно отзываются обо мнѣ; но важнѣе всего то, что онѣ готовятся меня выпроводить отсюда совсѣмъ, о чемъ я узнала отъ горничной.

Слушая меня, онъ улыбался, и потому я спросила, неужели можно такъ относиться къ моимъ словамъ, неужели можно смѣяться въ виду моей гибели, если дѣйствительно обнаружилась наша связь; разумѣется, прибавила я, погибну я, а не вы, но во всякомъ случаѣ я думаю, что и вамъ будетъ не легко. Я упрекала его, что онъ похожъ на всѣхъ мужчинъ, которые забавляясь честью женщины, играютъ ею какъ куклой и считаютъ пустякомъ паденіе той, которая уступила ихъ желанію.

Увидя, что я серьезно разгорячилась, онъ сразу измѣнилъ тонъ и началъ говорить, что его огорчаетъ мое мнѣніе о немъ, что онъ не далъ мнѣ ни малѣйшаго повода такъ думать и что мое честное имя для него такъ же дорого, какъ свое собственное; правда, мы очень искусно обставили свой союзъ, никто въ семьѣ не подозрѣваетъ насъ, и если онъ смѣялся, слушая мой разсказъ, то причиной этого была увѣренность въ томъ, что ни одинъ свѣтлый лучъ не выдалъ нашей связи, и когда онъ разскажетъ, почему онъ убѣжденъ въ полной нашей безопасности, тогда я также весело посмѣюсь съ нимъ.

— Я не понимаю вашихъ таинственныхъ намековъ, — сказала я, и не понимаю, можно ли смѣяться, когда знаешь, что тебя хотятъ вытолкать за дверь. Если никто не подозрѣваетъ нашей связи, тогда что же заставило вашихъ родныхъ отвернуться отъ меня послѣ того какъ они относились ко мнѣ съ такой нѣжной любовью, что я готова была считать себя ихъ дочерью?

— Видите ли, дитя мое, сказалъ онъ, вы дѣйствительно служите невольной причиной ихъ тревоги, хотя они далеки отъ истины и подозрѣваютъ не меня, а моего брата Робина, который даетъ поводъ думать, что онъ ухаживаетъ за вами, не переставая открыто толковать о своей любви и тѣмъ ставя себя въ глупое и смѣшное положеніе. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ, разумѣется, виноватъ передъ вами, такъ какъ онъ видитъ, что это раздражаетъ родителей и возстановляетъ ихъ противъ васъ; но съ другой стороны, мы выигрываемъ, потому что съ насъ снимается всякое подозрѣніе, и я полагаю, что вы довольны этимъ такъ же, какъ и я.

— Да, отчасти довольна, отвѣчала я, хотя ихъ заблужденіе нисколько не измѣняетъ моего положенія; но не это главнымъ образомъ мучитъ меня, не смотря на то, что у меня и безъ того есть на это много причинъ.

— Но что же васъ мучитъ? спросилъ онъ.

Я залилась слезами и не могла вымолвить слова; онъ, какъ могъ, старался успокоить меня, прося объясниться; наконецъ, я сказала, что считаю своею обязанностью откровенно разсказать ему все, такъ какъ онъ имѣетъ на это нѣкоторое право, и кромѣ того я поставлена въ такія затруднительныя условія,

что безъ его совѣта я не съумѣю ничего сдѣлать; затѣмъ я передала ему исторію съ братомъ, объяснивъ его неблагоразумное поведеніе въ томъ смыслѣ, что если бы онъ не дѣйствовалъ такъ открыто и хранилъ бы въ тайнѣ свое чувство ко мнѣ, тогда я могла бы смѣло отказать ему, не объясняя причинъ; послѣ чего, спустя нѣкоторое время, онъ навѣрное прекратилъ бы свои искательства, между тѣмъ какъ теперь моя нерѣшительность поселяетъ въ немъ увѣренность, что я не откажу ему, и потому онъ, не стѣсняясь, разсказываетъ всѣмъ о своемъ намѣреніи жениться на мнѣ.

Затѣмъ я объяснила своему любовнику, что не смотря на благородное и искреннее предложеніе его брата, я до сихъ поръ упорно стояла на своемъ отказѣ.

— Но мое положеніе становится вдвое затруднительнѣе, продолжала я, я вижу, что ваши родители оставятъ меня у себя, такъ какъ имъ извѣстна любовь вашего брата и его желаніе жениться на мнѣ, а когда они узнаютъ, что я отказываю ему, то тѣмъ болѣе согласятся на бракъ, но если я и тогда стану упорствовать, то, разумѣется, у всѣхъ возникнетъ вопросъ: «Она отказываетъ, стало быть имѣетъ на то серьезныя причины. Она вѣроятно замужемъ, иначе она не упустила бы такой блестящей партіи».

Мое объясненіе поразило моего любовника. Онъ сказалъ, что я дѣйствительно нахожусь въ критическомъ положеніи, и въ данный моментъ онъ не знаетъ, какъ выйти изъ него; онъ просилъ дать ему время обдумать все это и обѣщалъ при слѣдующемъ свиданьи высказать свое рѣшеніе; онъ просилъ также не давать согласія брату, но пока и не отказывать ему, оставляя этотъ вопросъ открытымъ.

Послѣднія его слова какъ бы пробудили меня отъ сна. «Вы просите меня, начала я, не давать согласія вашему брату, но вѣдь вы хорошо знаете, могу ли вообще согласиться на это, послѣ того какъ дала вамъ слово выйти за васъ замужъ, а вы на мнѣ жениться? Вы всегда называли меня своей женой и я смотрѣла на это, какъ на дѣло рѣшенное, считала свою связь съ вами какъ бы уже освященною обрядомъ, въ чемъ вы сами постоянно меня увѣряли».

— Хорошо, моя дорогая, прервалъ онъ меня, но теперь дѣло не въ томъ; если я не мужъ вашъ, то во всякомъ случаѣ я исполняю всѣ его обязанности; въ настоящую же минуту я прошу васъ дать мнѣ время серьезнѣе обсудить и разобрать все, о чемъ мы поговоримъ подробнѣе при слѣдующемъ свиданіи.

Затѣмъ онъ успокаивалъ меня, какъ могъ, но я замѣтила, что онъ сталъ очень задумчивъ и хотя старался казаться нѣжнымъ, осыпая меня поцѣлуями и даря деньги, тѣмъ не менѣе

во все наше свиданіе, которое продолжалось болѣе двухъ часовъ, онъ не рѣшился на большее; это крайне удивило меня, такъ какъ я хорошо знала его привычки.

IV.

Мое отчаяніе и моя болѣзнь.

Его братъ возвратился изъ Лондона только черезъ пять или шесть дней послѣ этого свиданія; прошло еще два дня, пока представился случай старшему брату поговорить съ нимъ наединѣ. Въ тотъ же вечеръ мой любовникъ нашелъ возможность передать мнѣ ихъ разговоръ, который, насколько помню, представляется въ такомъ видѣ.

Старшій братъ началъ съ того, что до него дошли странные слухи, будто Робинъ влюбленъ въ миссъ Бетти.

— Пусть такъ, отвѣчалъ Робинъ, сердясь, что же дальше? Кому какое дѣло до этого?

— Не сердись, Робинъ, продолжалъ старшій, я вовсе не желаю вмѣшиваться и говорю только потому, что *они* встревожены и начали дурно обходиться съ бѣдной дѣвушкой, которую мнѣ такъ же жаль, какъ если бы я самъ былъ причиной этого.

— Кто же это *они*? спросилъ Робинъ.

— Мать и сестры, — отвѣчалъ старшій.—Но неужели ты въ самомъ дѣлѣ любишь эту дѣвушку?

— Если такъ, — продолжалъ Робинъ, — то я откровенно скажу тебѣ, что люблю Бетти больше всего на свѣтѣ, и она будетъ моей, что бы ни говорили и ни дѣлали мать и сестры, такъ какъ я увѣренъ, что Бетти согласится выйти за меня замужъ.

Эти слова кольнули меня въ самое сердце, и хотя Робинъ имѣлъ полное основаніе такъ думать, и я предчувствовала, что дамъ ему свое согласіе, зная, что оно погубитъ меня, тѣмъ не менѣе я понимала, что въ данную минуту мнѣ слѣдовало говорить иначе и потому я прервала своего любовника слѣдующими словами:

— О, да, пусть воображаетъ, что я не откажу ему, но онъ скоро разубѣдится въ этомъ, и я во всякомъ случаѣ не соглашусь на его предложеніе.

— Хорошо, хорошо, моя дорогая, но дайте мнѣ кончить и тогда можешь говорить все, что тебѣ угодно.

Затѣмъ онъ продолжалъ: я отвѣчалъ своему брату такъ:

— Однако, тебѣ хорошо извѣстно, что у Бетти ничего нѣтъ, а между тѣмъ ты можешь взять дѣвушку съ большимъ состояніемъ.

— Что за бѣда, что ничего нѣтъ! — отвѣчалъ Робинъ, — разъ я люблю Бетти, то не стану заботиться объ ея кошелькѣ.

— На это, моя дорогая, — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—я ничего не могъ ему возразить.

— А я, напротивъ, съумѣла бы что отвѣтить. Теперь я прямо скажу ему *нѣтъ*, хотя раньше и не рѣшилась бы на это; теперь я искренно могу отказать самому знаменитому лорду Англіи, если ему вздумается сдѣлать мнѣ предложеніе.

— Но разсмотримъ, моя дорогая, какой отвѣтъ вы дѣйствительно можете дать брату? Вамъ очень хорошо извѣстно, что если вы откажете, то на другой же день всѣ въ изумленіи спросятъ васъ, что это значитъ?

— А развѣ я не могу разомъ заставить всѣхъ замолчать?— сказала я, улыбаясь,—развѣ я не могу объявить вашему брату и всѣмъ, что я уже замужемъ за вами?

Онъ слегка улыбнулся, но я замѣтила, что эти слова поразили его, и хотя онъ не могъ скрыть своего волненія, тѣмъ не менѣе продолжалъ:

— Разумѣется, это до извѣстной степени справедливо. Но я убѣжденъ, что вы шутите, потому что хорошо понимаете все неудобство подобнаго отвѣта по многимъ причинамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — весело сказала я, — я не такъ безразсудна, чтобы могла сгоряча выдать безъ вашего согласія нашу тайну.

— Но тогда что же вы скажете брату и чѣмъ объясните свое несогласіе на союзъ, который очевидно представляетъ для васъ столько выгодъ?

— Мало-ли чѣмъ. Во первыхъ, я не обязана никому давать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, а съ другой стороны я могу объяснить, что я замужемъ, и стоять на этомъ; такое объясненіе будетъ окончательнымъ и послѣ этого, я полагаю, вашъ братъ не станетъ предлагать мнѣ никакихъ вопросовъ.

— Да, — сказалъ онъ, — но этимъ отказомъ вы оскорбите всѣхъ моихъ родныхъ, они потребуютъ болѣе подробныхъ объясненій и если вы откажетесь отъ нихъ, то помимо обиды возбудите подозрѣніе.

— Въ такомъ случаѣ, что же мнѣ дѣлать? — воскликнула я. — Скажите, что вы хотите, чтобы я сдѣлала? Я уже говорила, какъ меня мучитъ все это. Я потому и разсказала вамъ, что хотѣла знать ваше мнѣніе, хотѣла, чтобы вы научили какъ мнѣ поступить.

— Моя дорогая,—отвѣчалъ онъ,—вѣрьте, я много думалъ объ этомъ, и вы сейчасъ услышите мой совѣтъ, какъ онъ ни мученъ для меня и какъ ни страненъ будетъ для васъ; принимая же въ соображеніе условія, въ которыя мы поставлены, я долженъ предложить вамъ этотъ совѣтъ. Я не вижу лучшаго

исхода, какъ предоставить это дѣло своему теченію, и если вы убѣждены, что мой братъ искренно и глубоко васъ любитъ то я совѣтую вамъ выйти за него замужъ.

При этихъ словахъ я съ ужасомъ посмотрѣла на него и поблѣднѣла, какъ смерть, и упала въ обморокъ, едва не свалившись со стула, на которомъ сидѣла. «Милая моя,—громко кричалъ онъ,—что съ вами? Успокойтесь, опомнитесь!» При этомъ онъ взялъ меня за руки, началъ трясти, уговаривать, ласкать, пока наконецъ я пришла немного въ себя, однако прошло достаточно времени прежде, чѣмъ я совершенно опомнилась. Тогда онъ снова началъ говорить такъ:

— Милая моя, намъ надо очень серьезно обсудить все. Вы видите, съ какимъ неудовольствіемъ мои родные отнеслись къ намѣренію моего брата жениться на васъ, но что же они скажутъ и какъ будутъ возмущены, когда узнаютъ, что его мѣсто уже занялъ я; я увѣренъ, что случись подобная вещь, она въ концѣ раззоритъ меня, а стало быть и тебя.

— Да, теперь я вижу,—въ гнѣвѣ вскричала я,—что всѣ ваши увѣренія, клятвы, обѣщанія ничто въ сравненіи съ неудовольствіемъ вашихъ родныхъ. Не говорила-ли я вамъ объ этомъ раньше? Развѣ я не предсказывала этого? Но вы всегда легкомысленно относились къ моимъ замѣчаніямъ, вы дѣлали видъ, что стоите выше вашей семьи и всѣхъ предразсудковъ. А теперь до чего вы дошли? Гдѣ ваше честное слово, гдѣ ваша любовь и святость вашихъ обѣщаній?

Не смотря на мои упреки, которыхъ я не щадила, онъ оставался совершенно спокойнымъ и сказалъ:

— Дорогая моя, до сихъ поръ я еще не нарушилъ ни одного своего обѣщанія; я далъ слово жениться на васъ, но только тогда, когда получу наслѣдство, а между тѣмъ вы видите, что отецъ мой человѣкъ здоровый, бодрый и можетъ прожить еще лѣтъ тридцать; вы сами никогда прежде не требовали, чтобы я женился раньше назначеннаго нами срока, хорошо понимая, что такой смѣлый шагъ съ моей стороны былъ бы причиной моего разоренія.

Я не могла отрицать ни одного слова изъ всего, что онъ сказалъ до сихъ поръ.

— Въ такомъ случаѣ,—возразила я,—зачѣмъ же вы убѣждаете меня бросить васъ въ то время, когда вы еще живете со мной? Неужели вы не знаете, что я люблю васъ такъ же, какъ и вы меня? Развѣ я не отвѣчала вамъ взаимностью? Развѣ я не доказала вамъ искренности моихъ чувствъ? Развѣ я не принесла вамъ въ жертву свою честь, свое цѣломудріе и развѣ все это не связало меня съ вами такими узами, которыя я не въ силахъ порвать?

— Но вѣдь теперь, моя дорогая,—отвѣчалъ онъ,—пред-

ставляется случай, который упрочитъ ваше положеніе и поможетъ намъ выйти съ честью изъ всѣхъ затрудненій; память о нашей связи покроется вѣчнымъ молчаніемъ, я навсегда останусь вашимъ искреннимъ другомъ, а чтобы быть честнымъ и справедливымъ по отношенію къ брату, вы станете для меня такой же милой сестрой, какъ теперь моя милая... онъ остановился.

— Милая непотребная женщина, хотѣли вы сказать, и имѣли на это право; однако вспомните ваши длинные разговоры, которыми, въ продолженіи долгихъ часовъ, вы старались убѣдить меня въ томъ, что я честная женщина, что я ваша жена и что нашъ бракъ такъ же дѣйствителенъ, какъ еслибы мы были обвѣнчаны въ церкви; вспомните, что все это ваши собственныя слова.

Но я чувствовала, что я слишкомъ, такъ сказать, прижала его къ стѣнѣ, и потому въ то время, когда онъ стоялъ молча и неподвижно, я смягчила тонъ и продолжала такъ:

— Если вы не захотите быть жестоко несправедливымъ, то никогда не подумаете, что я отдалась вамъ безъ любви, въ которой вы не имѣете права сомнѣваться и которую нѣтъ силъ во мнѣ уничтожить, что бы ни случилось дальше; но если вы думаете иначе, тогда я спрошу васъ, на какомъ основаніи? И такъ, уступивъ порывамъ своей страсти и повѣривъ вашимъ доводамъ, я считала до сихъ поръ себя вашей женой, какъ же я могу теперь сама изобличить себя во лжи и помириться съ мыслью, что я развратница, или, что все равно, ваша любовница? Вы хотите передать меня вашему брату, но развѣ вы можете передать ему мое сердце?

Его видимо тронула искренность моихъ словъ и онъ сказалъ, что остался ко мнѣ такимъ же, какъ и былъ, не нарушивъ ни одного своего обѣщанія, но что благодаря брату, обстоятельства слагаются такъ ужасно, что онъ долженъ прибѣгнуть къ этому средству, какъ единственному, которое не только не отдалитъ насъ, но, напротивъ, сблизитъ дружбой на всю жизнь, что невозможно при нашемъ настоящемъ положеніи; мнѣ же нѣтъ основаніи бояться нарушенія имъ нашей тайны, потому что, если бы онъ это сдѣлалъ, то принесъ бы столько же вреда себѣ, сколько и мнѣ. «Наконецъ,—сказалъ онъ,—мнѣ необходимо предложить только одинъ вопросъ, и если я получу на него неблагопріятный отвѣтъ, то тогда всѣ мои планы могутъ рушиться, въ противномъ же случаѣ, по моему мнѣнію, вамъ остается сдѣлать именно то, что я предлагаю».

Я сразу догадалась, о чемъ онъ хочетъ спросить меня, и потому сказала:

— Вы можете быть совершенно спокойны. Я не беременна.

— Теперь, моя дорогая, у насъ нѣтъ больше времени продолжать бесѣду; подумайте обо всемъ еще; что касается меня, то я снова повторяю что, по моему мнѣнію, вамъ остается одинъ указанный мною выходъ изъ нашего положенія.

Съ этими словами онъ поспѣшилъ быстро уйти, такъ какъ у парадной двери позвонили мать и сестры.

Я осталась въ полномъ недоумѣніи и замѣшательствѣ, я не могла опомниться и ходила, какъ потерянная, не только весь слѣдующій день, но и всю недѣлю, чего онъ не могъ не замѣтить. Раньше воскресенья мы не имѣли случая переговорить съ нимъ; въ этотъ же день я была больна и не пошла въ церковь, а онъ тоже остался дома подъ какимъ-то предлогомъ.

Мы еще разъ перебрали въ теченіи полутора часа всѣ свои доводы; наконецъ, я горячо сказала ему, что, допуская для меня возможность сожительства съ двумя братьями, онъ не только не щадитъ моей стыдливости, но и смотритъ на меня, какъ на позорную женщину, для которой все возможно; а между тѣмъ, если бы мнѣ сказали, что я не увижу его болѣе (хотя это для меня было бы ужаснѣе смерти), то я и тогда не могла бы помириться съ такой унизительной мыслью, а потому прошу его, разъ у него сохранилась ко мнѣ хотя капля уваженія, не говорить мнѣ больше объ этомъ и лучше вынуть свою шпагу и убить меня.

Теряя его, какъ любовника, я не такъ огорчалась, какъ теряя въ немъ человѣка, котораго я обожала до безумія и съ которымъ были связаны всѣ мои надежды и мечты. Это сознаніе угнетало меня до такой степени, что я заболѣла горячкой и заболѣла такъ серьезно, что никто не надѣялся на мое выздоровленіе.

Въ болѣзни я часто бредила, причемъ я болѣе всего боялась сказать въ бреду что нибудь опасное для него. Я томилась желаніемъ видѣть его, онъ испытывалъ тоже, я знала это, потому что чувствовала, какъ онъ любитъ меня; было невозможно исполнить наше желаніе, а оно было такъ велико, что нѣтъ словъ выразить. Я пролежала въ постели около пяти недѣль и хотя въ концѣ третьей недѣли лихорадка стала уменьшаться, тѣмъ не менѣе она возвращалась нѣсколько разъ, и доктора говорили, что лекарства не могутъ помочь, а надо предоставить болѣзнь своему естественному теченію и силѣ моего организма; въ концѣ пятой недѣли мнѣ стало лучше, но я была такъ слаба и такъ измѣнилась, что доктора боялись, что у меня разовьется чахотка; непріятнѣе всего было ихъ предположеніе, что мой организмъ потрясенъ какимъ нибудь душевнымъ страданіемъ и что по всей вѣроятности я влюблена. По этому поводу всѣ въ домѣ заговорили. Меня начали осаж-

дать вопросами, правда-ли, что я влюблена, въ кого и когда я влюбилась. Я, насколько могла, увѣряла всѣхъ, что это неправда и что я ни въ кого не влюблена.

Однажды за обѣдомъ начался на эту тему разговоръ, послужившій поводомъ къ ссорѣ. Кромѣ отца, всѣ сидѣли въ столовой, я была еще больна и обѣдала у себя въ комнатѣ. Старая леди, отправя раньше мнѣ купанье, послала теперь горничную узнать, не хочу-ли я еще; горничная, возвратясь, объявила, что у меня осталась половина того, что было подано.

— Бѣдная дѣвушка,—сказала старая леди,—мнѣ кажется, она никогда не поправится.

— Разумѣется, она не можетъ поправиться, — замѣтилъ старшій братъ,—вѣдь говорятъ, что она влюблена.

— Я этому не вѣрю,—сказала старая леди.

— А я ужъ не знаю, что думать, — вмѣшалась старшая сестра,—всѣ кричали, что она красавица, что она обворожительна, никто не стѣснялся говорить это ей въ глаза, и глупенькой дѣвушкѣ поневолѣ вскружили голову, ей Богъ знаетъ что могло взбрести на умъ.

— Но вѣдь надо сказать правду, сестра, Бетти дѣйствительно красива,—сказалъ старшій братъ.

— И гораздо красивѣй тебя, — прибавилъ Робинъ, вотъ это и бѣситъ тебя.

— Хорошо, хорошо,—отвѣчала она,—но не въ этомъ дѣло. Я не спорю, Бетти не дурна, и это ей очень хорошо извѣстно, но не слѣдуетъ постоянно твердить объ этомъ, если не хочешь развить въ дѣвушкѣ тщеславіе.

— Мы не о томъ говоримъ, что она тщеславна, — возразилъ старшій братъ, — а о томъ, что она влюблена, можетъ быть даже и въ себя, вѣдь сестры кажется держатся этого мнѣнія.

— Какъ бы я хотѣлъ,—сказалъ Робинъ,—чтобы она была влюблена въ меня, я бы скоро ее вылечилъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать? — спросила его мать. — Развѣ можно болтать такой вздоръ.

— Неужели вы думаете, матушка, — отвѣчалъ Робинъ, — что я допустилъ бы дѣвушку умереть отъ любви ко мнѣ, чувствуя, что я могу предложить ей свою руку.

— Фи,—сказала младшая сестра, — неужели ты можешь говорить подобныя вещи. Неужели ты способенъ жениться на дѣвушкѣ, у которой нѣтъ пенни за душой?

— Ради Бога, не безпокойся обо мнѣ, дитя мое,—отвѣчалъ Робинъ,—красота большое приданное, а прекрасный характеръ и того больше, я желалъ бы, чтобы у тебя была хотя половина того, что есть у Бетти.

Послѣ этого замѣчанія она сразу замолчала.

— И такъ я вижу,—сказала старшая сестра,—что Бетти дѣйствительно не влюблена, но за то въ нее влюбленъ Робинъ и меня удивляетъ, почему до сихъ поръ онъ не предложилъ ей свою руку; я готова держать пари, что она не скажетъ ему *нѣтъ*.

— Что-жъ,—началъ Робинъ,—если дѣвушка и уступаетъ просьбѣ, то во всякомъ случаѣ она стоитъ на шагъ впереди той, у которой ничего не просятъ, и на два впереди той, которая готова на всѣ услуги прежде чѣмъ у нея ихъ попросятъ; вотъ что я тебѣ отвѣчу, моя сестра.

Эти слова вызвали бурю; дѣвушка, выйдя изъ себя, въ гнѣвѣ вскочила изъ-за стола и закричала, что дѣла не могутъ идти такъ дальше, что настало наконецъ время удалить изъ дому эту дѣвку (она разумѣла меня), но такъ какъ теперь она находится въ такомъ положеніи, что ее нельзя выбросить на улицу, то она надѣется, что отецъ и мать сдѣлаютъ это при первой возможности.

Робинъ возразилъ, что это дѣло хозяина и хозяйки дома, которые не имѣютъ надобности слушать наставленій его сестры.

Они пошли дальше; сестра ругала брата, братъ издѣвался надъ ней, а между тѣмъ несчастная Бетти теряла подъ собою почву въ ихъ семьѣ. Когда мнѣ разсказали все это, я горько плакала, и старая леди узнала объ этомъ. Скоро она пришла ко мнѣ. Я стала ей жаловаться на докторовъ, говоря, что они поступаютъ со мной жестоко, приписывая мнѣ то, на что не имѣютъ ни малѣйшаго основанія; это тѣмъ болѣе жестоко, что глубоко отражается на моихъ отношеніяхъ къ ея семьѣ, а между тѣмъ я не чувствую за собой ничего, что бы могло лишить меня ея расположенія или подать поводъ къ ссорѣ между ея дѣтьми; я говорила ей, что мнѣ надо думать скорѣе о смерти, чѣмъ о любви, и умоляла ее разубѣдить меня въ томъ, что она составила обо мнѣ дурное мнѣніе, благодаря чьимъ-то, но, во всякомъ случаѣ, не моимъ заблужденіямъ.

Она отнеслась съ полнымъ довѣріемъ къ моимъ словамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сказала, что такъ какъ между ея дѣтьми произошла ссора, благодаря болтовнѣ ея сына, то она проситъ меня отвѣтить откровенно только на одинъ вопросъ:—Было ли у меня что нибудь съ Робиномъ? Я совершенно искренно отвѣчала ей, что между нами ничего не было и не могло быть, хотя Робинъ, по своей привычкѣ, которая ей, какъ матери, хорошо извѣстна, часто шутилъ и смѣялся со мной, но я всегда понимала его слова такъ, какъ, полагаю, онъ понимаетъ ихъ и самъ, то есть считала ихъ пустяками и пропускала мимо ушей, не придавая имъ никакого значенія; я увѣряла ее, что онъ не сказалъ мнѣ ни одного такого слова,

которое могло бы повести къ тѣмъ отношеніямъ, на которыя она намекаетъ, и что тотъ, кто такимъ образомъ оговариваетъ меня передъ ней, причиняетъ мнѣ большое горе и оказываетъ плохую услугу серу Роберту.

Старая леди вполнѣ удовлетворилась моимъ отвѣтомъ, она поцѣловала меня, успокоила и весело совѣтовала скорѣе выздоровѣть; но когда она вышла изъ моей комнаты и спустилась внизъ, то застала тамъ новую ссору брата съ сестрами, обѣ онѣ были раздражены до бѣшенства. Старая леди пришла въ самый разгаръ ихъ ссоры и, желая прекратить ее, разсказала весь нашъ разговоръ, прибавя въ заключеніе:

— Она меня убѣдила, что между ней и Робиномъ ничего не было.

— Она совершенно права,—сказалъ Робинъ,—тѣмъ не менѣе я увѣренъ, что мы давно бы были ближе съ ней, если бы въ нашей семьѣ не происходило изъ за нея скандаловъ; я нѣсколько разъ говорилъ ей, какъ сильно люблю ее. но никогда не могъ заставить плутовку повѣрить, что я говорю правду.

— Я не понимаю, неужели тебѣ могло придти въ голову,—сказала старая леди,—что найдется такой благоразумный человѣкъ, который повѣритъ, что ты можешь сказать это серьезно бѣдной дѣвушкѣ, очень хорошо зная ея общественное положеніе. Но, ради Бога, сынъ мой, скажи, что все это значитъ?

— Право, матушка,—сказалъ Робинъ,—поднося вамъ пилюлю, я не вижу никакой надобности золотить ее или, говоря иначе, прибѣгать ко лжи. Я такъ же серьезенъ, какъ человѣкъ, котораго хотятъ повѣсить, и увѣряю васъ, что если бы миссъ Бетти захотѣла сейчасъ сказать мнѣ, что любитъ меня, то я завтра же, на тощакъ, утромъ, взялъ бы за себя ее вмѣсто завтрака и съ восторгомъ бы сказалъ: «Она моя, она въ моихъ рукахъ».

— А я скажу на это, что ты погибшій сынъ,—произнесла она заунывнымъ тономъ глубоко опечаленной матери.

— Неужели можно назвать погибшимъ человѣка,—отвѣчалъ Робинъ,—который полюбилъ честную дѣвушку.

— Но дитя мое,—возразила леди,—вѣдь она нищая!

— Стало быть, тѣмъ болѣе она нуждается въ милосердіи,—сказалъ Робинъ;—взявши ее, я развяжу руки приходу, и мы будемъ нищенствовать вмѣстѣ.

— Повторяю тебѣ, если ты говоришь серьезно, то ты погибъ,—сказала мать.

— А я боюсь, что не погибну,—отвѣчалъ онъ,—такъ какъ почти увѣренъ, что послѣ всѣхъ криковъ моихъ сестеръ, мнѣ никогда не удастся убѣдить Бетти согласиться на мое предложеніе.

— Вотъ забавная исторія,—сказала младшая сестра,—повѣрь, Бетти не зайдетъ такъ далеко; она не дура, и неужели ты думаешь, что она отвѣтитъ тебѣ *нѣтъ*, то есть сдѣлаетъ то, чего не сдѣлала бы на ея мѣстѣ ни одна женщина въ свѣтѣ.

— Да, моя остроумнѣйшая леди, Бетти дѣйствительно не дура,—отвѣчалъ Робинъ,—но она можетъ помимо меня выйти замужъ, и что-же тогда?

— Насчетъ этого, — сказала старшая сестра, —мы ничего не умѣемъ сказать; однако, за кого же другого она выйдетъ? Бетти всегда дома, и потому ей остается выборъ только между вами двумя.

— На это я ничего не могу отвѣтить,—сказалъ Робинъ,—вы меня довольно поэкзаменовали, братъ на-лицо и *если ей остается выбирать только между нами*, то теперь принимайтесь за него, онъ къ вашимъ услугамъ.

Эти слова задѣли за живое старшаго брата, и хотя ему пришла мысль, что Робинъ открылъ нашу тайну, тѣмъ не менѣе, онъ спокойно отвѣтилъ:

— Пожалуйста, не сваливай на меня своихъ исторій; я не торгую подобнымъ товаромъ, и не стану обращаться въ приходъ и искать тамъ какую нибудь миссъ Бетти.

Съ этими словами онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Такъ кончился этотъ разговоръ, смутившій старшаго брата; онъ пришелъ къ заключенію, что Робинъ узналъ все, и у него явилось сомнѣніе, не принимала ли и я участія въ этомъ; свиданіе со мною ему было необходимо, но несмотря на всю свою ловкость и хитрость, онъ не могъ его устроить, наконецъ онъ пришелъ въ такое смущеніе, что въ отчаяніи рѣшилъ во что бы то ни стало увидѣться со мной. Дѣйствительно, однажды, послѣ обѣда, онъ подстерегъ старшую сестру, которая поднималась ко мнѣ по лѣстницѣ, и сказалъ ей:

— Послушай, гдѣ наша больная? Можно ее видѣть?

— Я думаю, что можно,—отвѣчала она.—Впрочемъ обожди минуту, я сейчасъ скажу тебѣ.

Она вбѣжала ко мнѣ освѣдомиться и потомъ закричала:

— Войди, если хочешь!

— Такъ вотъ гдѣ наша больная, влюбленная,—сказалъ онъ входя.—Какъ поживаете, миссъ Бетти?

Я хотѣла встать со стула, на которомъ сидѣла, но была такъ слаба, что въ теченіи минуты не могла приподняться: увидя это, его сестра сказала:

— Зачѣмъ вы хотите вставать? мой братъ не нуждается ни въ какихъ церемоніяхъ, особенно теперь, когда вы такъ слабы.

— Да, да, миссъ Бетти, прошу васъ, сидите спокойно,—

сказалъ онъ, усаживаясь на стулъ прямо противъ меня и принимая свой обыкновенный, веселый видъ.

Онъ началъ общій разговоръ, переходя отъ одного предмета къ другому, какъ бы съ цѣлью позабавить насъ, возвращаясь по-временамъ ко мнѣ и моей болѣзни.

— Бѣдная миссъ Бетти,—говорилъ онъ,—что за печальная вещь быть влюбленной; посмотрите, какъ это измучило васъ.

Наконецъ заговорила и я.

— Я счастлива, что вижу васъ такимъ веселымъ,—сказала я,—но я думаю, докторъ сдѣлалъ бы лучше, если бы пересталъ забавляться на счетъ своихъ паціентовъ, и не будь я дѣйствительно больна, я бы охотно напомнила ему одну пословицу, которая избавила бы меня отъ его визитовъ.

— Какую?—спросилъ онъ,—ужъ не эту ли?

Гдѣ любовь есть причина недуга,
Тамъ докторъ оселъ, и невужна его услуга.

Мы много говорили на эту тему, но всѣ наши разговоры не имѣли никакого значенія; затѣмъ, какъ бы случайно, онъ попросилъ меня спѣть, я улыбнулась и сказала, что моя пѣсенка спѣта. Наконецъ онъ спросилъ, не желаю ли я послушать его флейту; тогда сестра тотчасъ замѣтила, что, по ея мнѣнію, я слишкомъ слаба и не могу теперь переносить музыки; но я наклонилась къ ней и сказала:

— Прошу васъ, миссъ, не мѣшайте ему, я очень люблю флейту.

— Милая сестра,—продолжалъ онъ,—ты знаешь какъ я лѣнивъ, будь же такая добрая, сходи за флейтой, вотъ тебѣ ключъ отъ ящика (при этомъ онъ указалъ на такое мѣсто, гдѣ навѣрное не было флейты, ему хотѣлось подольше задержать тамъ сестру).

Лишь только она вышла, онъ передалъ мнѣ весь свой разговоръ съ братомъ, а также и причины, заставившія его искать этого свиданія. Я увѣряла, что никогда не заикалась ни его брату, ни кому бы то ни было о нашихъ отношеніяхъ; затѣмъ я описала ему свое ужасное положеніе. Я предвижу, говорила я, что лишь только я оправлюсь, то должна буду оставить этотъ домъ, что же касается замужества съ его братомъ, то послѣ того, что произошло между нами, я гнушаюсь одной мысли объ этомъ, и онъ можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что никогда не соглашусь на подобный бракъ. Если же онъ хочетъ нарушить данную мнѣ клятву и забыть всѣ свои обѣщанія, пусть это остается на его совѣсти; по крайней мѣрѣ, я никогда не дамъ ему повода сказать, что, считая себя его женой и отдавшись ему, я нарушила супружескую вѣрность.

На это онъ началъ говорить мнѣ, что онъ глубоко огор-

чень, видя, что не можетъ убѣдить меня согласиться на его предложеніе, но тутъ послышались шаги сестры, и онъ едва успѣлъ поймать мои послѣднія слова: «Вы никогда не убѣдите меня полюбить вашего брата и выйти за него замужъ». Онъ покачалъ головой и сказалъ: «Тогда я погибъ». При этихъ словахъ сестра вошла въ комнату, говоря, что она нигдѣ не могла найти флейты. «И такъ, сказалъ онъ весело, моя лѣность ни къ чему не послужила», потомъ онъ всталъ и пошелъ самъ за флейтой, однако скоро возвратился съ пустыми руками и объявилъ, что у него прошла охота играть.

V.

Мой любовникъ убѣждаетъ меня выйти замужъ за его брата.

Черезъ нѣсколько недѣль я почувствовала себя лучше, я начала ходить по комнатамъ и слегка работать, но я была грустна и глубоко задумчива, что удивляло всѣхъ за исключеніемъ того, кто зналъ причину моей грусти; тѣмъ не менѣе онъ долго остерегался, я также избѣгала его, оставаясь, какъ всегда, почтительной, я не искала случая быть съ нимъ наединѣ; такъ шли дѣла два мѣсяца съ лишнимъ, и каждый день я ожидала получить предложеніе оставить домъ, хотя поводомъ для этого служило такое обстоятельство, въ которомъ я была совершенно неповинна; я уже ничего не ожидала отъ моего любовника и послѣ его торжественнаго объясненія со мной на мою долю оставались только позоръ и одиночество.

Наконецъ я сама узнала, что они желаютъ меня выгнать изъ дому, и узнала это такимъ образомъ: однажды старая леди серьезно заговорила со мной о моемъ тяжеломъ состояніи послѣ болѣзни.

— Я боюсь, Бетти,—сказала старая леди,—что мой разговоръ съ вами по поводу сына имѣлъ на васъ такое пагубное вліяніе, что съ тѣхъ поръ вы стали грустить и задумываться. Прошу васъ, скажите, что съ вами; если дѣло зашло не такъ далеко, то ради Бога скажите, отъ Робина я ничего не могу узнать, такъ какъ онъ отдѣлывается шутками и смѣхомъ, лишь только я заговорю съ нимъ объ этомъ.

— Да, миледи,—сказала я,—дѣло стоитъ совсѣмъ не такъ, какъ я бы хотѣла, и потому что бы ни случилось, а я буду съ вами вполнѣ откровенна и разскажу вамъ все. Сэръ Робертъ нѣсколько разъ предлагалъ мнѣ свою руку, но я, имѣя въ виду мое бѣдное положеніе, не придавала его словамъ никакого значенія; я ему отказывала, быть можетъ даже не такъ мотивируя отказъ, какъ бы слѣдовало, въ виду того уваженія, какимъ я обя-

зана каждому члену вашей семьи; но повторяю, миледи, я никогда не могла забыть своихъ обязательствъ къ вамъ и ко всему вашему дому и потому не могла согласиться на поступокъ, которымъ, я знаю, оскорбила бы васъ; поэтому я объявила вашему сыну, что до тѣхъ поръ не буду думать объ его предложеніи, пока онъ не получитъ вашего согласія и согласія вашего мужа, такъ какъ вамъ обоимъ я обязана всей своею жизнью.

— Возможно ли это, миссъ Бетти,—вскричала старая леди.—Неужели вы были справедливѣе къ намъ, чѣмъ мы къ вамъ. Вѣдь всѣ мы смотрѣли на васъ, какъ на женщину, которая разставила сѣти моему сыну; и не дальше, какъ сегодня, руководимая этой боязнью, я хотѣла предложить вамъ оставить нашъ домъ, но не хотѣла сразу упомянуть объ этомъ, боясь слишкомъ опечалить васъ и снова усилить вашу болѣзнь; вѣдь мы всетаки уважали и любили васъ, хотя не до такой степени, чтобы пожертвовать своимъ сыномъ; но если дѣло стоитъ такъ, какъ вы говорите, то мы слишкомъ виноваты предъ вами.

— Чтобы подтвердить вамъ истину всего, что я сказала,—продолжала я,—я прошу васъ, обратитесь къ вашему сыну, и если онъ пожелаетъ быть ко мнѣ справедливымъ, то повторитъ вамъ слово въ слово все, что я передала.

Послѣ этого старая леди ушла къ своимъ дочерямъ и сообщила имъ весь нашъ разговоръ; легко представить, какъ онѣ были поражены, услышавъ отъ нея подобныя вещи. Одна сказала, что она никогда не повѣрила бы этому, другая, что Робинъ дуракъ, и что она не вѣритъ ни одному моему слову и убѣждена, что отъ Робина услышитъ совершенно другое; но старая леди желала во что бы ни стало добраться до истины и поговорить съ сыномъ прежде, чѣмъ я буду имѣть случай увидѣться съ нимъ и передать ему нашъ разговоръ; поэтому она рѣшила послать за нимъ въ городъ, въ юридическое бюро, гдѣ онъ занимался.

Мать и сестры были вмѣстѣ, когда пріѣхалъ Робинъ.

— Садись, Робинъ,—сказала старая леди,—мнѣ надо немного поговорить съ тобой.

— Съ большимъ удовольствіемъ, миледи,—весело отвѣчалъ Робинъ,—тѣмъ болѣе, что, я думаю, рѣчь пойдетъ о той честной дѣвушкѣ, которая такъ сильно меня безпокоитъ.

— Чего же тебѣ безпокоиться?—сказала мать.—Не самъ ли ты говорилъ, что намѣренъ взять въ жены миссъ Бетти?

— Совершенно справедливо, миледи—отвѣчалъ Робинъ,—но есть нѣкто, кто запрещаетъ сдѣлать церковное оглашеніе.

— Запрещаетъ сдѣлать церковное оглашеніе? Но кто же это можетъ быть?

— Никто другой, какъ сама миссъ Бетти,—сказалъ Робинъ.

— Развѣ у васъ возникалъ объ этомъ вопросъ?

— Да, миледи,—отвѣчалъ Робинъ,—во время ея болѣзни я аттаковывалъ ее разъ пять и каждый разъ она отвергала меня; плутовка такъ настойчива, что не хочетъ сдаться ни на какую капитуляцію, ни уступить никакимъ доводамъ; она предлагаетъ только одно условіе, но на него я не могу согласиться.

— Ты меня удивляешь,—сказала мать.—Объяснись яснѣе, я ничего не понимаю, я думаю, что ты шутишь.

Тутъ вмѣшались сестры.

— Миледи,—сказала младшая, — съ нимъ невозможно говорить серьезно; онъ никогда не отвѣчаетъ прямо на вопросъ, и вы хорошо сдѣлаете, если оставите его въ покоѣ и перестанете говорить объ этомъ; вы знаете, какъ можно его заставить свернуть съ этого пути.

Дерзость сестры разсердила Робина, но онъ сразу остановилъ ее слѣдующими словами:

— Есть два сорта людей,—обратился онъ къ матери,—съ которыми невозможно спорить: умные и глупые, и мнѣ не много тяжело разомъ бороться противъ тѣхъ и другихъ.

Тогда вступилась самая младшая сестра.

— Въ самомъ дѣлѣ, мы должны быть очень глупы въ глазахъ брата,—сказала она,—такъ какъ онъ хочетъ заставить насъ повѣрить, будто сдѣлалъ серьезное предложеніе миссъ Бетти и та отказала ему.

— «Ты отвѣтишь и не отвѣтишь», сказалъ Соломонъ,—возразилъ ея братъ; когда братъ говоритъ, что онъ пять разъ просилъ руки Бетти и что она наотрѣзъ ему отказала, то мнѣ кажется, самая младшая его сестра не должна сомнѣваться въ этомъ и особенно, когда его мать и та вѣритъ ему.

— Но и мама не совсѣмъ понимаетъ это,—сказала вторая сестра.

— Есть нѣкоторая разница между тѣмъ, когда требуютъ отъ меня разъясненія или когда совсѣмъ не вѣрятъ мнѣ,—отвѣчалъ Робинъ.

— И такъ, сынъ мой,—сказала старая леди,—если ты намѣренъ посвятить насъ въ эту тайну, тогда объясни, какое тяжкое условіе предлагаетъ тебѣ Бетти?

— Да я бы давно сдѣлалъ это, если бы мои милѣйшія сестры не дразнили и не прерывали меня. Условіе ея слѣдующее: она хочетъ прежде всего получить ваше согласіе и согласіе отца; безъ этого, какъ она заявила, она не желаетъ говорить со мной о бракѣ; я же думаю, что никогда не буду въ состояніи исполнить это условіе. Теперь я надѣюсь, что мои пылкія сестрицы удовлетворены и я хотя немного, а заставилъ ихъ покраснѣть.

— Я уже слышала это,—сказала съ чувствомъ старая леди, но не могла повѣрить; если же это правда, тогда мы всѣ виноваты передъ миссъ Бетти, она вела себя лучше, чѣмъ я ожидала.

— Да, если это такъ,—сказала старая сестра,—тогда она дѣйствительно не виновата.

— Надо сказать правду,—продолжала леди,—виновата ли она, если мой сынъ такъ глупъ, что не хочетъ выбить ее изъ своей головы; тѣмъ не менѣе, ея отвѣтъ доказываетъ, какъ глубоко она уважаетъ насъ, и чѣмъ болѣе я узнаю эту дѣвушку, тѣмъ болѣе я начинаю сама чувствовать къ ней уваженіе.

— Къ ней, но не ко мнѣ,—сказалъ Робинъ, — по крайней мѣрѣ, вмѣсто этого, дайте мнѣ свое согласіе.

— Я подумаю еще,—сказала мать—и знаешь что, ея поведеніе такъ подкупаетъ меня, что я почти готова согласиться, если не встрѣтится другихъ препятствій.

Все это становилось для меня ужаснымъ: мать начинала уступать, а Робинъ настаивалъ. Съ другой стороны, она совѣтовалась со старшимъ сыномъ и онъ пустилъ въ ходъ всевозможные аргументы, чтобы убѣдить ее согласиться, выставляя на видъ страстную любовь брата и мое великодушное уваженіе къ семьѣ, заставившее меня жертвовать своимъ счастьемъ. Что касается отца, то онъ былъ весь погруженъ въ общественныя и свои личныя дѣла, рѣдко бывалъ дома и предоставилъ женѣ семейныя заботы.

Теперь всѣ думали, что моя тайна открыта, и потому легко себѣ представить, какъ не трудно было получить ко мнѣ доступъ старшему брату; даже сама мать предложила ему переговорить съ миссъ Бетти, что какъ разъ совпадало съ его желаніемъ.

— Быть можетъ,—сказала она,—тебѣ яснѣе представится это дѣло и ты лучше меня обсудишь и увидишь, такъ ли Бетти относится къ брату, какъ передаетъ это Робинъ.

Онъ не могъ желать ничего лучшаго и, притворяясь, что уступаетъ матери, согласился на свиданіе со мной; она привела меня въ свою спальню и сказала, что, по ея просьбѣ, ея старшій сынъ хочетъ переговорить со мной, затѣмъ она оставила насъ вдвоемъ, а онъ заперъ за нею дверь.

Потомъ онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руки, нѣжно поцѣловалъ и сказалъ, что для насъ наступило критическое время и что теперь отъ меня зависитъ сдѣлаться счастливой или несчастной на всю жизнь; и если я не соглашусь на его желаніе, тогда мы оба погибнемъ. Дальше онъ разсказалъ мнѣ все, что произошло между Робиномъ, матерью, сестрами и имъ.

— Теперь, дитя мое,—продолжалъ онъ,—смотрите, что будетъ съ вами, если вы выйдете замужъ за джентльмена изъ хоро-

шей семьи, съ прекраснымъ состояніемъ при общемъ согласіи всѣхъ родныхъ; вы будете тогда наслаждаться полной и счастливой жизнью; съ другой стороны, представьте себѣ иное, мрачное положеніе, положеніе погибшей женщины безъ имени и хотя, пока я живъ, я останусь вашимъ тайнымъ другомъ, тѣмъ не менѣе, опасаясь вѣчныхъ подозрѣній, вы сами будете избѣгать меня, а я долженъ буду не признавать васъ.

Онъ не далъ мнѣ времени возразить и продолжалъ такъ:

— То, что произошло между нами, съ общаго нашего согласія, будетъ погребено и забыто; я навсегда останусь вашимъ искреннимъ другомъ, я не буду стремиться къ болѣе интимнымъ отношеніямъ, когда вы станете моей сестрой. Я умоляю васъ подумать объ этомъ и не противиться собственному спасенію и благополучію, а чтобы доказать вамъ свою искренность, я предлагаю вамъ пятьсотъ ливровъ, въ видѣ вознагражденія за ту вольность, которую я позволилъ себѣ съ вами и на которую, если хотите, мы будемъ смотрѣть какъ на заблужденіе нашей прошлой жизни, въ чемъ мы еще успѣемъ покаяться.

Послѣднія слова привели меня въ такое смущеніе, что я едва удержалась, чтобы не упасть въ обморокъ, — я сильно любила его; онъ видѣлъ это и просилъ меня серьезно обдумать свое положеніе, помня, что этотъ бракъ представляется единственнымъ средствомъ сохранить нашу взаимную привязанность, и что только при такихъ условіяхъ мы можемъ любить другъ друга чистой любовью, свободные отъ угрызеній совѣсти и чьихъ бы то ни было подозрѣній; что онъ никогда не забудетъ того счастья, которое я дала ему, и останется вѣчнымъ моимъ должникомъ.

Такимъ образомъ онъ вызвалъ во мнѣ какое то нерѣшительное состояніе духа. Мнѣ представлялись тысячи опасностей, которыя усиливало мое воображеніе; я видѣла себя брошенной, потерянной и опозоренной дѣвушкой, безъ друзей и знакомыхъ вездѣ, кромѣ того города, въ которомъ не могла оставаться. Все это устрашало меня, а между тѣмъ онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы обрисовать мое будущее еще болѣе мрачными красками; съ другой стороны, онъ старался выставить въ самомъ яркомъ и радостномъ свѣтѣ жизнь съ его братомъ.

И такъ, я вынуждена сказать, что онъ разбилъ всѣ мои доводы и я начинала постигать опасность, о которой прежде не думала, опасность быть брошенной обоими братьями и остаться одной въ мірѣ снискивать себѣ самое жалкое существованіе.

Все это, наконецъ, вызвало у меня согласіе, хотя съ такимъ отвращеніемъ, что я не знала, какъ я пойду въ церковь. Кромѣ того я боялась моего будущаго мужа, который могъ послѣ первой

нашей брачной ночи потребовать отъ меня отчета; однако, я не знаю, было ли это сдѣлано съ умысломъ, или нѣтъ, но его братъ постарался такъ напоить на свадьбѣ моего мужа, что въ первую ночь онъ былъ совершенно пьянъ. Какъ это случилось, мнѣ неизвѣстно, но я убѣждена что это было дѣлано братомъ, съ цѣлью лишить моего мужа возможности найти различіе между дѣвушкой и замужней женщиной, и дѣйствительно у него никогда потомъ не возникало сомнѣнія по этому поводу.

Но необходимо вернуться нѣсколько назадъ и продолжать прерванный разсказъ. Старшій братъ, покончивъ со мной, принялся за мать и не отсталъ отъ нея до тѣхъ поръ, пока не убѣдилъ не только согласиться на бракъ, но и написать по почтѣ объ этомъ отцу, который не замедлилъ дать свое согласіе.

Затѣмъ мой любовникъ обратился къ своему брату, представя дѣло въ такомъ видѣ, что онъ оказалъ ему неоцѣненную услугу, выпросивъ согласіе матери; это было справедливо,— хотя понятно, что онъ ловилъ брата изъ своихъ личныхъ разсчетовъ и, рисуясь его истиннымъ другомъ, желалъ только одного: отдѣлаться отъ любовницы и передать ее въ качествѣ жены брату; такъ всегда поступаютъ мужчины: ради своей безопасности, они готовы пожертвовать честью, справедливостью и даже религіей.

Теперь мнѣ надо вернуться къ брату Робину, какъ мы всѣ называли его. Получивъ согласіе своей матери, онъ явился ко мнѣ съ радостной новостью и такъ искренно разсказалъ все, что, признаюсь, я была глубоко огорчена, сознавая себя орудіемъ обмана этого честнаго человѣка, но для меня не было выхода, онъ хотѣлъ обладать мною, а я не могла объявить ему, что была любовницей его брата; другого же средства отдалить его отъ себя у меня не было; такимъ образомъ мало по малу я привыкла къ этой мысли и мы обвѣнчались.

Для цѣлей этого разсказа нѣтъ надобности подробно описывать мою жизнь съ мужемъ въ теченіи пяти лѣтъ; достаточно замѣтить, что я имѣла отъ него двухъ дѣтей, но они умерли въ концѣ пятаго года. Робинъ былъ прекраснымъ мужемъ и мы жили очень хорошо, но такъ какъ онъ получилъ отъ родителей небольшія средства, а въ свою короткую жизнь не пріобрѣлъ ничего, то мое положеніе не было особенно хорошо и этотъ бракъ не принесъ мнѣ никакихъ матеріальныхъ выгодъ. Правда, у меня сохранились билеты его старшаго брата цѣнностью въ 500 фунтовъ, данные имъ за мое согласіе выйти замужъ за Робина, которые вмѣстѣ съ тѣмъ, что давалъ онъ раньше и что мнѣ осталось отъ моего мужа, составили сумму въ 1200 фунтовъ.

Мои оба ребенка, къ счастью, были взяты его отцомъ и

матерью и это было самое чистое, что они получили отъ миссъ Бетти.

Я должна сознаться, что меня нисколько не огорчила смерть моего мужа; я не могу сказать, чтобы когда нибудь я любила его, какъ должна была любить; я не могла отвѣчать на его нѣжную привязанность ко мнѣ, не смотря на то, что это былъ человѣкъ въ высшей степени деликатный, мягкій и съ такимъ характеромъ, лучше котораго не можетъ желать жена; но его братъ, бывшій всегда у меня на глазахъ, по крайней мѣрѣ во время нашего пребыванія въ деревнѣ, служилъ для меня вѣчной приманкой.

Еще до смерти моего мужа его старшій братъ женился. Въ это время мы жили въ Лондонѣ, старая леди написала намъ и просила пріѣхать на свадьбу; мой мужъ отправился, я же подъ предлогомъ нездоровья осталась дома; я не могла помириться съ мыслью, что онъ будетъ принадлежать другой женщинѣ, хотя хорошо знала, что онъ уже никогда не будетъ моимъ.

VI.

Я остаюсь вдовой. Я выхожу снова замужъ. Банкротство моего новаго мужа и его бѣгство. Мой взглядъ на положеніе женщины.

И такъ, я осталась вдовой, я была еще молода и по мнѣнію всѣхъ красива. У меня было порядочное состояніе и за мной ухаживали многіе богатые купцы, особенно одинъ торговецъ полотнами, который, повидимому, былъ сильно въ меня влюбленъ. Послѣ смерти мужа я поселилась у него, такъ какъ была дружна съ его сестрой; здѣсь я могла вполнѣ свободно и всегда проводить время, вращаясь въ обществѣ по своему вкусу, потому что я никогда въ жизни не встрѣчала болѣе веселой и болѣе безразсудной дѣвушки, какъ сестра моего квартирнаго хозяина, хотя въ то же время она была такъ добродѣтельна, какъ я не ожидала сначала; она ввела меня въ самое сумасбродное общество и принимала у себя самыхъ разнообразныхъ людей, охотно знакомя ихъ съ своей хорошенькой вдовушкой. А такъ какъ всякая извѣстность привлекаетъ глупцовъ, то возлѣ меня образовался кружокъ обожателей, которые льстили и ухаживали за мной, хотя никто изъ нихъ не сдѣлалъ мнѣ честнаго предложенія; я очень хорошо понимала ихъ общія намѣренія по отношенію ко мнѣ, чтобы не попасть въ западню этого рода. Мои обстоятельства измѣнились. У меня были деньги и я не нуждалась ни въ комъ. Я пошла разъ на приманку, называемую любовью, но игра была кончена; теперь я рѣшила или хорошо выйти замужъ, или совсѣмъ не выходить.

Надо сказать правду, я любила общество веселыхъ и умныхъ мужчинъ, хотя и не чуждалась другихъ; но изъ моихъ точныхъ наблюденій я увидѣла, что самые блестящіе мужчины всегда бываютъ самыми плохими вѣстниками, въ смыслѣ намѣченной мною цѣли; съ другой стороны, самыя блестящія предложенія исходятъ отъ самыхъ скучныхъ и непріятныхъ людей въ мірѣ.

Я не особенно гнушалась купцами, но въ то время я желала имѣть мужемъ купца джентльмена, который, когда захотѣлъ, могъ бы повести свою жену ко двору или въ театръ, умѣлъ бы носить шпагу, имѣлъ бы видъ настоящаго джентльмена, а не какого нибудь бѣдняка, у котораго на кафтанѣ всегда видны слѣды его передника, а на парикѣ слѣды его шапки и который, такъ сказать, какъ бы виситъ на шпагѣ, а не шпага на немъ.

Итакъ, наконецъ, я нашла такую амфибію, такое земноводное созданіе, какъ называютъ купцовъ-джентльменовъ; и, какъ бы въ наказаніе за свою глупость, я попала въ западню, которую, такъ сказать, разставила сама себѣ.

Это былъ тоже торговецъ полотнами. Хотя моя подруга сильно желала сосватать меня своему брату, тѣмъ не менѣе, когда мы объяснились, то я увидѣла, что онъ разсчитываетъ сдѣлать меня своей любовницей, и потому отказала ему, вѣря въ правило, что женщина не должна никогда быть любовницей, если у нея есть средства выйти замужъ.

Такимъ образомъ мое тщеславіе, но не мои принципы, мои деньги, но не моя добродѣтель сохранили мою честность; тѣмъ не менѣе исходъ этого брака показалъ мнѣ, что я сдѣлала бы лучше, если бы позволила своей подругѣ продать меня ея брату, чѣмъ я сама продала себя купцу, который былъ въ одно и тоже время бродяга, джентльменъ, лавочникъ и нищій.

Но благодаря капризу выйти замужъ за джентльмена, я разорилась, потому что мой новый мужъ, найдя у меня много денегъ, началъ самыя безразсудныя траты; такимъ образомъ въ теченіи года онъ спустилъ почти все, что мы оба имѣли.

Въ первые три мѣсяца нашего замужества я ему очень нравилась и мнѣ оставалось одно удовольствіе видѣть, что большую часть моихъ денегъ онъ прожилъ на меня.

— Крошка моя,—сказалъ онъ мнѣ однажды,—не хотите-ли вы сдѣлать маленькое путешествіе дней на восемь въ деревню?

— Куда же вы думаете ѣхать, мой другъ?—спросила я.

— Все равно, куда-нибудь; мнѣ хочется съ недѣлю потолкаться между учеными, и потому мы поѣдемъ въ Оксфордъ,—отвѣчалъ онъ.

— Но какъ же мы поѣдемъ? вѣдь я не умѣю ѣздить верхомъ, а для кареты это слишкомъ далеко.

— Слишкомъ далеко,—сказалъ онъ.—Нѣтъ такого мѣста, которое было бы далеко для кареты въ шесть лошадей. Если я васъ приглашаю, то хочу, чтобы вы путешествовали, какъ герцогиня.

— Гмъ, мой другъ, вѣдь это глупо,—сказалъ я,—но такъ какъ вы желаете этого, то я не стану возражать вамъ.

Итакъ, въ назначенный день предъ нашей квартирой стояла богатая карета, запряженная прекрасными лошадьми, съ кучеромъ, почтальономъ, двумя лакеями въ очень красивыхъ ливреяхъ, верховымъ джентльменомъ и пажомъ въ шляпѣ съ пером; вся прислуга называла его ваше сіятельство, а меня графиней; такимъ образомъ мы отправились въ Оксфордъ и это путешествіе было очаровательнымъ; надо отдать справедливость моему мужу въ томъ, что ни одинъ нищій въ мірѣ не могъ такъ искусно выдать себя за знатную особу, какъ онъ. Мы посѣтили всѣ достопримѣчательности Оксфорда и, между прочимъ, сообщили двумъ или тремъ профессорамъ, что имѣемъ намѣреніе отдать своего племянника въ университетъ; увѣривъ ихъ, что они будутъ назначены его туторами, мы забавлялись, обѣщая нѣсколькимъ бѣднымъ студентамъ сдѣлать ихъ капелланами въ церкви графини; проживъ тамъ въ качествѣ знатныхъ особъ нѣсколько дней, мы поѣхали въ Нортемптонъ; вообще мы проѣздили двѣнадцать дней и это удовольствіе стоило намъ 93 фунта стерлинговъ.

Тщеславіе есть самое лучшее качество каждаго фата; мой мужъ отличался этимъ качествомъ и потому не зналъ цѣны деньгамъ. Легко представить, что его исторія не имѣетъ особеннаго интереса, и потому достаточно будетъ сказать, что черезъ два года и три мѣсяца онъ сдѣлался банкротомъ и былъ арестованъ судебнымъ приставомъ по такому большому процессу, что нельзя было найти за него поручительства; тогда онъ позвалъ меня къ себѣ.

Это вовсе не было для меня неожиданностью; съ нѣкоторыхъ поръ я замѣчала, что все идетъ къ нашему разоренью, и я по возможности сохраняла кое-что для себя; наше свиданіе показало мнѣ, что онъ поступилъ со мною такъ хорошо, какъ я не ожидала; онъ откровенно объявилъ, что дѣйствовалъ глупо, позволивъ себя арестовать въ то время, когда еще могъ выпутаться изъ дѣла; ясно, что теперь все для него потеряно, и потому онъ проситъ меня вынести изъ дому ночью цѣнныя вещи, спрятавъ ихъ въ безопасномъ мѣстѣ; кромѣ того, онъ поручилъ мнѣ, если я смогу, взять изъ магазина товаровъ на 100 или на 200 фунтовъ.

— Только я не долженъ ничего знать объ этомъ, — прибавилъ онъ,—вы не говорите мнѣ, что возьмете, я намѣренъ въ эту же ночь бѣжать, и если вы, сердце мое, никогда больше

обо мнѣ не услышите, то позвольте пожелать вамъ вѣчнаго благополучія; мнѣ обидно, что я причинилъ вамъ столько горя.

Прежде, чѣмъ я ушла, онъ наговорилъ много еще другихъ любезностей; вообще, какъ я уже сказала, онъ былъ джентльменъ, который обходился со мной всегда нѣжно и привѣтливо. Это и было единственнымъ моимъ утѣшеніемъ, такъ какъ онъ промоталъ все мое состояніе и теперь заставилъ меня скрывать отъ его кредиторовъ остатки своего имущества.

Тѣмъ не менѣе, я сдѣлала все, какъ онъ сказалъ; съ этихъ поръ, я не видѣла его больше, онъ нашелъ возможность бѣжать въ ту же ночь или на другой день, не знаю, потому что мнѣ стало извѣстно только одно: что въ три часа утра онъ перевезъ остальные товары и, захвативъ сколько могъ денегъ, отправился во Францію, откуда я получила отъ него не болѣе двухъ или трехъ писемъ. Я не видѣла дома, такъ какъ, исполнивъ въ точности его инструкцію, я не возвращалась туда, зная, что меня могутъ арестовать его кредиторы, потому что судъ назначилъ конкурсъ надъ его несостоятельностью, такъ что констебль имѣлъ право арестовать и меня. Мой мужъ бѣжалъ самымъ отчаяннымъ образомъ изъ дома ареста: онъ перепрыгнулъ съ крыши одного дома на другой, рискуя сломать себѣ шею; затѣмъ онъ забралъ всѣ свои товары прежде, чѣмъ его кредиторы успѣли описать ихъ, и съ этими товарами скрылся.

Повторяю, мой мужъ честно поступилъ со мной; въ первомъ же своемъ письмѣ онъ сообщилъ мнѣ адресъ той кассы, гдѣ онъ заложилъ двадцать штукъ тонкаго голландскаго полотна, стоившаго болѣе 90 фунтовъ, за 30 фунтовъ, приложивъ квитанцію, по которой я могла его выкупить, что я и сдѣлала; въ свое время я выручила за этотъ холстъ больше 100 фунтовъ, продавая по частямъ своимъ знакомымъ.

Однако же, подсчитавъ все, что я имѣла, я увидѣла, что мои дѣла измѣнились и мое состояніе сильно уменьшилось; беря въ разсчетъ присланную имъ квитанцію, вмѣстѣ съ тѣми тюками полотна и кисеи, которые, по его указанію, я взяла раньше, а также разное серебро и другія вещи, я могла насчитать у себя 500 фунтовъ стерлинговъ. Итакъ, мое положеніе стало исключительнымъ; положимъ, у меня не было дѣтей (единственный мой ребенокъ отъ этого мужа умеръ), но я осталась, такъ сказать, соломенной вдовой, у меня былъ мужъ и не было его, и я не могла разсчитывать снова выйти замужъ, хотя навѣрное знала, что мой мужъ не возвратится въ Англію, даже въ томъ случаѣ, если бы онъ прожилъ еще пятьдесятъ лѣтъ. Такимъ образомъ, говорю я, какое бы предложеніе мнѣ ни сдѣлали, я не могла принять его; у меня не было друга, съ которымъ бы я могла посовѣтоваться и которому я могла бы повѣрить тайну своихъ дѣлъ, потому что, если бы было

открыто мѣсто моего пребыванія, то меня бы схватили и отобрали все мое имущество.

Первое, что я должна была сдѣлать въ своемъ опасномъ положеніи, это совершенно оставить всѣхъ своихъ знакомыхъ и перемѣнить фамилію. Такъ я и поступила: я переѣхала въ Минтъ, наняла квартиру въ глухомъ мѣстѣ, одѣлась вдовой и назвалась миссъ Флендэрсъ.

Здѣсь я познакомилась съ одной доброй и скромной женщиной, тоже вдовой, но она находилась въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ я,—она была вдова капитана корабля, который имѣлъ несчастье потерпѣть кораблекрушеніе при возвращеніи изъ Вестъ-Индіи; онъ былъ такъ огорченъ потерей этого корабля, что, несмотря на свое спасеніе, умеръ съ горя; его вдову начали преслѣдовать кредиторы и она была вынуждена искать убѣжища въ Минтѣ. Однако, скоро, благодаря своимъ друзьямъ, она устроила свои дѣла и была совершенно свободна. Увидя, что я пріѣхала сюда не съ цѣлью избѣжать преслѣдованій, а просто изъ желанія вести уединенную жизнь, онъ пригласила меня поселиться вмѣстѣ, пока мнѣ представится случай устроиться; къ тому же, говорила она, мы живемъ въ такой части города, гдѣ вы легко можете встрѣтить какого-нибудь капитана корабля, который станетъ ухаживать за вами и можетъ сдѣлать вамъ предложеніе.

Я согласилась и прожила у нея полгода; я бы осталась тамъ жить дальше, если бы съ ней не случилось того, что она предсказывала мнѣ, то есть, если бы она не вышла очень выгодно замужъ. Но, въ то время, когда счастливо рѣшалась судьба другихъ, мое положеніе ухудшалось и я не встрѣтила ни одного порядочнаго поклонника, кромѣ двухъ-трехъ боцмановъ и другихъ людей подобнаго же сорта. Что касается капитановъ, то въ этомъ отношеніи ихъ можно было раздѣлить на двѣ категоріи: къ первой принадлежали люди съ хорошимъ состояніемъ, т. е. хозяева кораблей, они искали выгоднаго брака; ко второй относились всѣ тѣ, кто былъ безъ мѣста и кто искалъ жену, которая принесла бы въ приданое корабль, т. е. иначе говоря, принесла бы деньги, при помощи которыхъ можно было купить долю участія въ морскомъ предпріятіи и вступить въ товарищество; или жену, у которой если и нѣтъ денегъ, но есть друзья, занимающіеся мореплаваніемъ, они могли бы дать ея мужу хорошее мѣсто на кораблѣ. Я не подходила ни къ одной изъ этихъ двухъ категорій и потому должна была, такъ сказать, лежать въ дрейфѣ.

Моя свояченица въ Кольчестерѣ была права, когда говорила, что въ этомъ случаѣ умъ, красота, прекрасное обращеніе, добрый характеръ, нравственность, воспитаніе, здравый смыслъ, словомъ, всѣ душевныя и тѣлесныя качества женщины

не имѣютъ никакого значенія, что только однѣ деньги дѣлаютъ ее пріятной; правда, мужчина выбираетъ себѣ женщину, руководясь сердечнымъ влеченіемъ къ ней, однако же красота, хорошее сложеніе, прекрасныя манеры и изящное обхожденіе необходимы только любовницѣ; что касается жены, то ея физическіе недостатки не охлаждаютъ его желанія, ея нравственныя несовершенства не оскорбляютъ его; деньги составляютъ все; приданое не можетъ быть кривымъ и безобразнымъ; золото нравится всегда, какова бы ни была жена.

Съ другой стороны, если у мужчины разсчетъ играетъ въ этомъ случаѣ главную роль, то я думаю, что женщина не лишена права говорить объ этомъ; теперь ей позволяютъ спрашивать и требовать отвѣта; хотя если какая нибудь молодая леди будетъ такъ высокомѣрна, что притворно откажетъ мужчинѣ, сдѣлавшему ей предложеніе, то едва ли ей представится случай повторить свой отказъ два раза, и хорошо еще, если она сможетъ исправить свой ложный шагъ на этомъ пути, согласившись на то, что она, повидимому, отвергала. Мужчины могутъ выбирать насъ вездѣ, женщины же болѣе несчастливы въ этомъ отношеніи, первые постучатся въ любую дверь и если откажутъ въ одномъ домѣ, то навѣрное примутъ въ другомъ.

Съ другой стороны, я замѣтила, что мужчины не стѣсняются въ этомъ случаѣ и свободно пускаются куда угодно на счастливую охоту, какъ они называютъ сватовство, не спрашивая, достойны ли они намѣченной добычи; они такого высокаго о себѣ мнѣнія, что едва позволяютъ женщинѣ, на руку которой претендуютъ, справиться объ ихъ характерѣ или положеніи.

Ни одинъ здравомыслящій мужчина не оцѣнитъ высоко ту женщину, которая отдается ему послѣ первой аттаки или приметъ его предложеніе, не узнавъ его какъ человѣка; напротивъ, онъ долженъ смотрѣть на такую женщину, какъ на самое порочное созданіе; короче сказать, онъ долженъ составить самое низкое мнѣніе о всѣхъ ея качествахъ, если она, дѣлая шагъ на всю жизнь, не обдумаетъ его и бросится въ замужество сразу въ темнотѣ, не зная что ожидаетъ ее тамъ.

Я бы хотѣла, чтобы женщины дѣйствовали осмотрительнѣе въ этомъ случаѣ, помня, что это самая важная сторона нашей жизни, отъ которой мы больше всего страдаемъ; здѣсь намъ не достаетъ бодрости, насъ пугаетъ мысль не выйти замужъ и остаться въ несчастномъ положеніи старой дѣвы. Это и есть опасная ловушка; но разъ леди, освободясь отъ подобнаго страха, дѣйствуетъ правильно, тогда она становится на истинный путь, который такъ необходимъ для ея счастья, и тогда она, если и не скоро, за то счастливо выйдетъ замужъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

По поводу „Молль Флендэрсъ“ Даніэля Дефо.

«Печатается множество новыхъ книгъ; хорошо-бы перепечатать иныя, старыя», замѣчаетъ Тэнъ въ одномъ изъ своихъ критическихъ очерковъ. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя не согласиться, что перепечатка или переводъ такой старой книги, которая вѣка́ и вѣка́ признавалась особенно выдающеюся,—дѣло хорошее; но едвали можно представить основательныя возраженія противъ перепечатки или перевода такой книги, которую хотя и нельзя счесть особенною и выдающеюся, но которая все-же не погибла окончательно «въ пропасти забвенья» и заключаетъ въ себѣ нѣчто, дающее ей права на память потомства. Такою книгою можно, какъ я думаю, признать между прочими ту, у которой нельзя отнять извѣстной роли въ эволюціи того или иного литературнаго рода. Такая книга и не обладаетъ, пожалуй, первостепенными достоинствами, авторомъ ея значится не Шекспиръ, не Сервантесъ, не Вольтеръ; ее произвелъ на свѣтъ писатель второстепенный, но она была введена этимъ писателемъ въ такой или иной эволюціонный рядъ столь основательно, что ее оттуда не выкинешь. Знать ее только по наслышкѣ согласенъ не всякій, а потому ее приходится перепечатывать или переводить. Перепечатки и переводы уготовляютъ книгѣ этой совсѣмъ исключительную участь: въ первомъ изданіи книга могла казаться совсѣмъ заурядною; кто только не читалъ ее? Теперь у нея совсѣмъ особый, «свой» читатель: книга вѣдь имѣетъ интересъ главнымъ образомъ въ силу опредѣленнаго соотношенія ея къ предшествовавшимъ ей и послѣдующимъ за нею звеньямъ цѣпи того литературнаго рода, къ которому она относится. Въ этомъ соотношеніи выражается ея историческое значеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ представляются данныя для сужденія о ростѣ и разцвѣтѣ того литературнаго рода, въ области котораго идутъ наши изслѣдованія.

«Молль Флендэрсъ» принадлежитъ къ числу книгъ этой категоріи: ее перепечатывали нѣсколько разъ даже въ настоящемъ столѣтіи и въ послѣдній разъ въ нынѣшнемъ году въ ряду другихъ произведеній Дефо, вышедшихъ въ изящномъ изданіи *Henry*'а, въ

16 томахъ, съ предисловіемъ *Aitken*'а и прекрасными иллюстраціями *Veats*'а; въпрошломъ году она была переведена на французскій языкъ и выпущена отдѣльною книгою; второе изданіе появилось вскорѣ послѣ перваго. Въ самомъ дѣлѣ, «Молль Флендэрсъ» представляется однимъ изъ звеньевъ очень длиннаго ряда однородныхъ ей литературныхъ произведеній, и такъ какъ рядъ этотъ относится къ любимѣйшему большою публикою литературному ряду, именно — роману, то одно изъ промежуточныхъ звеньевъ этого ряда не можетъ не найти своихъ читателей и цѣнителей. «Молль Флендэрсъ», появившаяся въ январѣ 1722 года и отвѣчавшая потребностямъ и вкусамъ своего времени, представляетъ, въ силу условій мѣста и времени, которыя я постараюсь выяснить далѣе, ту своеобразную зачаточную форму, которую реалистическій романъ, за рѣдкими исключеніями, имѣлъ повсемѣстно,—форму автобіографіи фиктивной личности, по положенію своему принадлежащей къ общественнымъ подонкамъ. Въ настоящемъ случаѣ—профессіональной воровки и распутной женщины, повѣствующей о своемъ паденіи, своихъ похожденіяхъ и приключеніяхъ и своемъ будто-бы чистосердечномъ раскаяніи,—все это въ высшей степени просто, естественно, правдоподобно.

Если мы отъ «Молль Флендэрсъ» и однородныхъ ей произведеній въ Англіи перейдемъ къ первоисточнику всѣхъ ихъ—испанской повѣсти «въ плутовскомъ родѣ» (género picarésco), то намъ встрѣтится много ума, таланта, остроумія и «выдумки» на протяженіи этого пути. Въ Англіи на этомъ поприщѣ слѣдуетъ отмѣтить Хеда (1660—1685) и Томаса Нэша съ его «Злополучнымъ Странникомъ» (1594); во Франціи—Скаррона, Сореля, Фюретьера и Лесажа, въ Испаніи—цѣлый рядъ писателей, начиная съ де-Рохаса съ его Селестиной (1499), о которой первый ея французскій переводчикъ замѣтилъ, что «le fruict que produict ce livre pour vieillir ne perd jamaise saison», до Кеведо съ его «Исторіей великаго плута» (1726). Тутъ блещутъ и доселѣ не забытыя въ отечествѣ ихъ имена Эспинеля, Матео Алемана, Солорсано, Эстеванильо Гонсалеса, неизвѣстнаго автора «Ласарильо де-Тормесъ» и др., и, наконецъ, и до сихъ поръ читаемаго во всемъ свѣтѣ Сервантеса.

Итакъ, длинный рядъ, въ который включается «Молль Флендэрсъ» (1499—1722), выступаетъ въ исторіи литературы съ испанскою повѣстью въ плутовскомъ родѣ—novela picaresca—во главѣ. Съ нея мы и начнемъ.

Избравъ міръ отверженныхъ своимъ центральнымъ пунктомъ, «novela picaresca» не замыкается, однако-же, въ немъ исключительно, но попутно захватываетъ и многіе другіе, соприкасающіеся съ этимъ міромъ общественные элементы. Реагируя при этомъ противъ искусственности и вычурности романовъ въ рыцарскомъ и пастушескомъ вкусѣ, новый родъ стремится къ вѣрному изображенію дѣйствительности, къ естественности, простотѣ и правдивому освѣще-

нію выводимыхъ лицъ и событій. Воодушевляясь этимъ стремленіемъ, новый романъ неизбѣжно перегибается въ сатиру, жаждущую дать почувствовать силу своего бича всѣмъ тѣмъ, ложь, лицемѣріе и склонность къ насилію которыхъ являлись источникомъ бѣдствій для всѣхъ обездоленныхъ. Въ лицѣ такого геніальнаго писателя, какъ Сервантесъ, мы встрѣчаемъ творца блестящихъ образцовъ «плутовского вкуса» и находимъ въ нихъ признаки полнаго сознанія цѣлей, которыя принадлежали этому роду литературы, и средствъ, которыми возможно было пользоваться для достиженія этихъ цѣлей въ данное время. «Novela picaresca» явно находится уже на томъ пути, который приведетъ ее ко всестороннему изображенію дѣйствительной жизни, словомъ, къ осуществленію задачи современнаго романа. Горько чувствуется еще необходимость «прикусывать себѣ языкъ», какъ замѣчаетъ одинъ изъ собесѣдниковъ знаменитаго «Coloquio de los perros», вполнѣ чувствуя и понимая при этомъ, что высказаться необходимо, «такъ какъ слова слетаютъ на языкъ, какъ мухи на сладкое вино, а долгъ писателя повелѣваетъ называть вещи ихъ настоящими именами, такъ какъ честно сказанныя или написанныя слова служатъ признакомъ честности высказавшаго ихъ»... А между тѣмъ, «чтобы молчать по-испански и говорить по-латини, потребно благоразуміе». Теперь и понятно, почему центромъ дѣйствія въ новаго рода повѣсти становится міръ отверженныхъ: «подставные нищіе, фальшивые калѣки, карманные воры, развратники», словомъ, всѣхъ родовъ и видовъ «picaros». Отсюда ужъ дѣлаются набѣги въ сопредѣльныя области, которыя непосредственно къ міру плутовъ и не прилегаютъ.

Произведенія перечисленныхъ выше авторовъ живо и ярко представляютъ намъ этотъ своеобразный и возбуждающій горькія чувства міръ. Женщины не составляютъ въ немъ исключенія, и «Плутовка Хустина» Лопесъ де Уведа и «Севильская Ласочка» Алонсо де Кастильо Солорсано пользуются и теперь въ Испаніи большою извѣстностью. Послѣдній изъ названныхъ романовъ въ настоящемъ случаѣ особенно намъ интересенъ, такъ какъ онъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ «Молль Флендэрсъ». Руфина—героиня романа и есть «Севильская Ласочка»; она прозвана такъ потому, что обладаетъ хищническими свойствами этого животнаго. «Поведенія была она вольнаго и распутнаго; ея отецъ и мать отличались такою нравственностью, что и думать нечего было объ исправленіи недостатковъ дочери; она и вышла поэтому очень напоминающею своихъ родителей: безпутныя наклонности, непомѣрная вольность и доходящая до дерзости смѣлость были выдающимися ея свойствами. Движимая такими необузданными побужденіями, она въ молодые еще годы проявляла необычайную неустрашимость: не было такого кошелька или такого сундука, которые не открылись бы отмычками ея проницательности и ключами ея ловкости. Да послужитъ же читателямъ предостереженіемъ выхваченная изъ жизни картина того,

что постигаетъ иной разъ такого рода личностей; я здѣсь всѣхъ ихъ сплетаю воедино, и пусть легкомысленныя воздержатся, смѣлыя получатъ назиданіе, беззаботныя поостерегутся, такъ какъ описываемое мною не вымышлено, а дѣйствительно совершилось въ наше время».

Переходя вслѣдъ за этимъ вступленіемъ къ описанію похожденій своей героини и проведя ее черезъ длинный рядъ преступленій, авторъ заканчиваетъ тѣмъ, что поселяетъ ее въ Сарагосѣ, гдѣ она открываетъ лавку, въ которой и занимается торговлей втеченіе всѣхъ остальныхъ годовъ своей жизни, «посвящаемой ею съ этого времени добрымъ дѣламъ, чтобы хотя отчасти загладить свои прежнія прегрѣшенія». (См. «La Garduna de Sevilla» въ 33-мъ томѣ «Biblioteca de autores espanoles»).

Въ приведенной характеристикѣ передъ читателемъ развертывается та общая канва, по которой тотъ или другой авторъ—испанскій, французскій, англійскій—можетъ выводить тѣ или другіе узоры. Эту канву можно считать общею у «Севильской Ласочки» и «знаменитой лэди» Дефо. Я не говорю, что у Дефо—«сюжетъ заимствованъ», въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы привыкли понимать это выраженіе. Дефо заимствовалъ не сюжетъ, а только общую его идею. Самый «сюжетъ» вырабатывался обыкновенно у него сложнымъ процессомъ аккумулированія самого разнообразнаго матеріала: тутъ были, случайно, и заимствованія, но тутъ находились и плоды личныхъ наблюденій, и припоминанія слышаннаго отъ арестантовъ Ньюгэтской тюрьмы, бывшихъ нѣкогда товарищей его по заключенію, и свѣдѣнія почерпнутыя изъ судебныхъ хроникъ и интервью съ важными преступниками, и результаты обширнаго и разнообразнаго чтенія, удерживаемаго замѣчательно памятью. Все это подъ общимъ воздѣйствіемъ схемы испанскихъ новеллъ вообще и «Севильской Ласочки» въ особенности складывалось, быть можетъ, и въ чисто свою, оригинальную, а, можетъ быть, и отчасти только оригинальную «выдумку». Англійскіе историки литературы находятъ, по крайней мѣрѣ, что въ произведеніяхъ Дефо такъ много загадочнаго, что нѣтъ никакой возможности опредѣлить, какіе именно элементы заимствованы и какіе принадлежатъ самому Дефо, какая комбинація можетъ счесться плагіатомъ, а какая представляетъ «выдумку» самого автора. Дефо очень ужъ безцеремонно бралъ все, что находилъ для себя подходящимъ, а все для себя подходящее считалъ своимъ. Въ концѣ концовъ получалось нѣчто, носившее его собственный отпечатокъ, нѣчто усвоенное одною, извѣстною, выдержанною обработкою, и нѣчто чисто-англійское, представлявшее нравы, обычаи, мысли и чувства, свойственныя людямъ начала прошлаго вѣка, и повѣствованіе въ извѣстномъ смыслѣ выходило оригинальнымъ *)

*) Рѣшеніе вопроса о вліяніи на Дефо испанскихъ писателей нисколько не зависитъ отъ того, зналъ ли онъ испанскій языкъ или не зналъ. Онъ увѣ-

Ободренный успѣхомъ «Удивительныхъ приключеній Робинзона Крузе, *написанныхъ имъ самимъ*» и переполненныхъ морализированіемъ, Дефо, выступая теперь съ записками «Молль Флендэрсъ», заботится прежде всего объ установленіи подлинности этихъ записокъ и уясненіи ихъ правильнаго значенія. Хорошо понимая, что подлинность авторства «знаменитой лэди» можетъ быть лишь условною, онъ говоритъ, что долженъ былъ переработать первоначальныя записки и до извѣстной степени измѣнить ихъ тонъ. «Всевозможное стараніе было приложено», говоритъ онъ, «къ тому, чтобы устранить всякую непристойную мысль, всякій нескромный оборотъ рѣчи, Въ этихъ видахъ описаніе наиболѣе порочной части ея жизни, какъ такой, которую невозможно передать, не переступая границъ скромности, было почти сплошь опущено, а нѣкоторыя другія части значительно сокращены. То, что оставлено, не смутитъ, какъ надо полагать, самаго строгаго читателя, а такъ какъ самая дурная часть этой повѣсти направлена къ нравственному назиданію читателя, то онъ и отнесется къ ней серьезно, даже и въ томъ случаѣ, когда самый разсказъ и не побуждалъ бы его къ тому непосредственно. Представить завершенною раскаяніемъ порочную жизнь возможно только при томъ условіи, чтобы порокъ былъ выведенъ во всей своей наготѣ и раскаяніе получило бы такимъ образомъ подобающее освѣщеніе. Исторія раскаянія поэтому и является тутъ самою лучшею и свѣтлою и излагается съ соотвѣтственною живостью и яркостью».

Съ содержаніемъ «Молль Флендэрсъ» читатель ознакомится изъ предлагаемаго ему перевода этого романа и резюмировать его теперь было-бы излишне. Но «Молль Флендэрсъ» не стоитъ особнякомъ: она имѣетъ въ исторіи литературы не только совмѣстную роль съ другими двумя романами Дефо—«Полковникомъ Джэкомъ» и «Роксаною», но и представляетъ вмѣстѣ съ ними какъ-бы рядъ метаморфозъ одного и того-же «picaro», являющагося сперва воплощеннымъ въ женщинѣ низшаго общественнаго класса, затѣмъ—въ женщинѣ средняго круга и, наконецъ, въ уличномъ мальчикѣ, до половины жизни переживающемъ тѣ-же похожденія, которыя могли бы пережить и «знаменитыя лэди». Жизнь Джэка изложена въ формѣ программы, представляющей, по обычаю того времени, заглавіе книги. Для моей цѣли его будетъ достаточно. Оно изложено такъ: «Исторія замѣчательной жизни достопочтеннаго полковника Джэка, который родился дворяниномъ, поступилъ въ обученіе къ карманному вору, двадцать шесть лѣтъ жилъ воровствомъ, былъ завербованъ въ Виргинію, возвратился купцомъ, былъ пять разъ

рялъ, что зналъ, но однако этого увѣренія, конечно, совершенно недостаточно. Быть можетъ и не зналъ, если допустилъ своихъ испанцевъ произносить такія странныя испанскія слова, какъ «bon veyajo» (вм. bueno viaje); но переводовъ испанскихъ повѣстей было въ Англіи такое множество, что возможно было обойтись безъ оригиналовъ.

женатъ на четырехъ публичныхъ женщинахъ, принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и оказалъ при этомъ храбрость, повышался въ чинахъ и былъ произведенъ въ полковники, дезертировалъ и бѣжалъ за-границу, гдѣ и понынѣ протекаетъ его, полная удивительныхъ приключеній, жизнь, окончить которую онъ надѣется въ чинѣ генерала». Заглавіе перваго изданія было еще длиннѣе и еще рекламистѣе. Дефо измѣнилъ его потому, что содержавшееся въ немъ указаніе на службу Джэка въ русской арміи, «дѣйствовавшей противъ турокъ», въ самой книгѣ подтвержденія не имѣло: авторъ нашелъ, по всей вѣроятности, что книга и безъ того достаточно объемиста. Но и послѣ этой поправки конецъ книги все-же оказывается не соотвѣтствующимъ тому, что значится въ заглавіи. Каковы-бы ни были однако-же эти подробности, общій характеръ существенно тотъ-же, что и автобіографіи Молль Флендэрсъ, и если послѣдняя является какъ своего рода *pendant* къ «Севильской Ласочкѣ», то прототипомъ «Полковника Джэка» въ испанской литературѣ служитъ не одинъ какой-нибудь изъ романовъ «плутовского рода», а цѣлый рядъ ихъ. Исторія «Полковника Джэка», какъ и всѣхъ романовъ этого рода, является автобіографіей этого самаго Джэка и сопровождается обычнымъ у авторовъ «плутовского романа» морализированіемъ, натянутость и блѣдность котораго совершенно стушевываются, впрочемъ, передъ яркостью картинъ, иллюстрирующихъ порочную жизнь героя.

Заглавіе «Роксаны» не столь пространно: «Счастливая метресса или исторія жизни и разнообразнѣйшихъ приключеній мадемуазель де-Бело, впослѣдствіе называвшейся въ Германіи графиней Винцельсгеймъ, особы, извѣстной во времена короля Карла II подъ именемъ Роксаны». Исторія счастливой метрессы, въ общихъ чертахъ, заключается въ нижеслѣдующихъ похожденіяхъ и приключеніяхъ. M-lle de-Beleau—дочь французскаго эмигранта—была привезена въ Англію въ 1683 году, когда ей было всего 10 лѣтъ отъ роду. Въ свое время она вышла замужъ за нѣкоего пивовара, человѣка зажиточнаго, но взбалмошнаго. Состояніе молодоженовъ было значительно, такъ какъ приданое г-жи Бело доходило до 2,000 ф. стерл. По прошествіи восьми лѣтъ ихъ супружества, когда въ семьѣ считалось уже пятеро дѣтей, мужъ разорился и молодой красавицѣ предстояло самой принять на себя заботу о средствахъ къ жизни. Обладая извѣстною дозою житейской мудрости, она вскорѣ забрала въ руки владѣльца дома, въ которомъ жила, и попала въ весьма хорошее положеніе. Къ несчастью по переѣздѣ во Францію, она лишилась своего новаго друга, измѣннически убитаго, и долго бѣдствовала, пока не попала на содержаніе къ весьма важной особѣ, обозначенной ею подъ вымышленнымъ именемъ графа де Клерака, съ которымъ она имѣла случай познакомиться въ Парижѣ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ сожительства графъ созналъ незаконность своего поведенія и разошелся съ своею метрессою, кото

рая, вмѣстѣ съ однимъ парижскимъ купцомъ, направилась въ Голландію. Купецъ этотъ предлагалъ авантюристкѣ выйти за него замужъ, но она отвергла это предложеніе и поселилась въ Лондонѣ въ качествѣ фешенебельной куртизанки. Здѣсь она стала давать блистательные балы и на одномъ изъ нихъ, въ присутствіи короля Карла II, плясала характерный танецъ, восхитила короля и получила отъ него при этомъ случаѣ прозваніе Роксаны, которое и осталось за нею навсегда. Въ теченіи трехъ лѣтъ послѣ этого приключенія она была на содержаніи у одного важнаго лица, имя котораго она не находитъ возможнымъ открыть... Подаркамъ и приношеніямъ, полученнымъ ею за это время, и счету не было... Сцены полученія нѣкоторымъ изъ нихъ описаны ею не безъ цинизма. Послѣ разрыва съ неназванной особой, начинается для Роксаны новая жизнь; сперва она поселяется у нѣкоторой квакерши, представляющей рѣзкій контрастъ съ нею, потомъ выходитъ замужъ за купца, который дѣлалъ ей предложеніе еще въ Амстердамѣ. Пріобрѣтеніе купцомъ этимъ графскаго титула даетъ ей возможность называться графиней фонъ-Винцельсгеймъ. Послѣ этой новой метаморфозы она опять ѣдетъ въ Голландію, но здѣсь «послѣ немногихъ лѣтъ счастья, я—говоритъ она въ заключеніе—попала въ жестокія тиски бѣдствій... И я опять пала такъ низко, что мое раскаяніе казалось лишь слѣдствіемъ моего злосчастья, такъ же точно, какъ мое злосчастье представлялось вытекающимъ изъ условій моей преступной жизни».

Предисловіе къ этой исторіи тоже не обошлось, конечно, безъ увѣреній въ подлинности записокъ и дѣйствительномъ существованіи описываемыхъ лицъ и происшествій, а также и не безъ обычнаго морализированія. Предисловіе это стоитъ того, чтобы остановиться на немъ нѣсколько долѣе. «Предлагаемое читателю повѣствованіе о жизни прекрасной лэди», — говорится тутъ,—«само за себя говоритъ. Если оно не такъ прекрасно, какъ сама лэди, если оно не такъ занимательно, какъ того желалъ бы читатель, и гораздо занимательнѣе, чѣмъ онъ можетъ съ достаточнымъ основаніемъ ожидать, и если всѣ занимательнѣйшія части его не приспособлены къ его назиданію и поученію, то происходитъ это отъ той неудовлетворительности, съ которою докладчикъ повѣствованія исполнилъ свое дѣло, представя разсказъ свой въ нарядѣ, уступающемъ тѣмъ, которые сама лэди держала въ готовности для появленія въ свѣтъ».

«Онъ беретъ на себя смѣлость заявить, что это повѣствованіе отличается отъ многихъ другихъ подобныхъ, появлявшихся въ свѣтъ въ послѣднее время и встрѣтившихъ все же таки весьма хорошій пріемъ. Я говорю: оно отличается отъ нихъ существеннѣйшимъ образомъ тѣмъ, что основаніемъ ему послужили истинные факты. Такимъ образомъ сочиненіе это можно счесть не беллетристикой, а исторіей».

«Сцена дѣйствія въ этой исторіи указана въ столь близкомъ отъ истиннаго мѣстѣ, что пришлось скрыть настоящія имена дѣйствующихъ лицъ, чтобъ не оживить въ памяти тѣ событія, которыя въ извѣстной части общества еще не могли быть совершенно забыты, такъ какъ многіе изъ остающихся въ живыхъ могутъ узнать выводимыхъ въ повѣсти лицъ по тѣмъ даннымъ, которыя объ этихъ лицахъ теперь сообщаются»...

...«Авторъ заявляетъ, что онъ былъ близко знакомъ съ первымъ мужемъ этой лэди — пивоваромъ — и его отцомъ, и хорошо зналъ ихъ трудныя обстоятельства; онъ можетъ утверждать поэтому, что первая часть повѣствованія согласна съ истиной. Это заявленіе можетъ служить порукою за истину остального; хотя вторая часть исторіи протекаетъ заграницей и не можетъ быть удостовѣрена въ такой же мѣрѣ, какъ первая. Принимая же во вниманіе, что сама лэди передавала ее автору, мы теряемъ почву для сомнѣнія въ правдивости ея и должны признать столь же достовѣрною, какъ и первую».

«Не слѣдуетъ упускать изъ виду при этомъ, что повѣствовательница не настаиваетъ на оправданіи себя ни въ первой, ни во второй части. Еще менѣе представляетъ она свое поведеніе, за исключеніемъ, впрочемъ, всего того, что относится къ ея раскаянію, какъ нѣчто достойное подражанія. Напротивъ того, она нерѣдко распространяется о справедливости осужденія и порицанія ея поступковъ. Сколько разъ принимается она горячо упрекать себя въ томъ, что было совершено, побуждая насъ при этомъ къ серьезнымъ размышленіямъ во всѣхъ случаяхъ жизни, подобныхъ тѣмъ, которые здѣсь описаны».

«Злодѣянія имѣли, правда, неожиданный успѣхъ; но и на самыхъ верхнихъ ступеняхъ достигнутаго ею благосостоянія она не разъ подтверждаетъ, что удовольствія, обусловленныя ея порочностью, не вознаграждали горечи угрызеній совѣсти, и что всѣ поблажки ея прихотямъ, всѣ радости, внушаемыя пользованіемъ благами жизни, — словомъ, все ея богатство не было въ состояніи утишить упреки, возникавшіе въ ея душѣ, и не могли доставить и часу спокойнаго сна именно въ то время, когда ее мучили тягостныя размышенія».

Въ заключеніе Дефо увѣряетъ, что онъ старался выводить порокъ не въ привлекательныхъ образахъ и постоянно имѣлъ въ виду поученіе читателя. «Если же читатель всетаки дастъ приводимымъ фактамъ ложное освѣщеніе и превратное толкованіе, то вина будетъ на сторонѣ порочности самого читателя».

Останавливаясь сперва только надъ вопросомъ о подлинности записокъ и достовѣрности всей исторіи, придется прежде всего обратить вниманіе на то обстоятельство, что Эткенъ въ своемъ предисловіи къ новому изданію Роксаны, о которомъ я имѣлъ уже случай упомянуть, утверждаетъ, что связать «Роксану» Дефо съ ка-

кою бы то ни было дѣйствительною личностью невозможно. «Да стоило ли и искать?» можетъ спросить всякій, убѣдившійся изъ разъясненій Минто и Лесли Стивена въ фиктивности всѣхъ вообще героевъ Дефо, которые его манерою, его слогомъ и не забывая даже его любимыхъ словечекъ, считали долгомъ излагать свои «подлинныя» записки и достовѣрные мемуары.

Дѣло въ томъ, что какія подлинныя и достовѣрныя «исторіи» шли очень ходко на книжномъ рынкѣ, а Дефо владѣлъ въ совершенствѣ искусствомъ «правдоподобно лгать». Онъ даже дважды поплатился за приложеніе этого искусства не къ беллетристикѣ, а къ жизни, а именно, когда онъ выступалъ съ памфлетами, предназначаемыми имъ для достиженія намѣченной цѣли посредствомъ заранѣе задуманной симуляціи, въ первый разъ по вопросу о диссидентахъ (The shortest way with the dissenters) и второй—о претендентѣ (What if the pretender comes). Пользованіе даромъ симуляціи до такихъ предѣловъ, какъ то было у Дефо, показываетъ, по мнѣнію Лесли Стивена, что въ періодъ младенческаго стстоянія романа, также какъ и во время младенчества живописи, считалось ужъ великимъ торжествомъ и то, что птицы прилетали клевать изображенный на картинѣ виноградъ. Этихъ птицъ очень ловко умѣлъ подманивать искусный симуляторъ и, утомленный долгою жизненною борьбою, на половину протекшею во всякаго рода двойственной игрѣ, онъ на старости принимается за болѣе безопасное и спокойное симулированіе фиктивныхъ героевъ и является передъ публикой то «знаменитой лэди»—Молль Флендэрсъ, то «прекрасной лэди» — Роксаной, то «раскаявшимся воромъ» — Джэкомъ... Матеріалъ для всѣхъ этихъ метаморфозъ стягивался самый разнообразный. Какъ для «Моль Флендэрсъ» и «Джэка» получили особенное значеніе разсказы ньюгэтскихъ арестантовъ и уголовная хроника судовъ, такъ для «Роксаны» несомнѣнно важны «Мемуары Граммона»; — къ тому же это были псевдо-мемуары, сочиненные Гамильтономъ, и, слѣдовательно, являлись моментомъ возбуждающимъ и образцомъ, достойнымъ подражанія. Они появились въ 1713, а «Роксана» въ 1723; могъ ли Дефо воздержаться, чтобы ими не попользоваться? Такъ или иначе, и въ мемуарахъ найдется не мало такихъ элементовъ, которые въ другомъ сочетаніи и съ богатою примѣсью другихъ подобныхъ, взошли, опять же какъ элементы, въ «правдивое» повѣствованіе Дефо. Въ калейдоскопическихъ этихъ звѣздочкахъ какъ нельзя ярче сказывается искусство Дефо «фабриковать повѣствованія и навязывать ихъ публикѣ, какъ истину»,—искусство, подмѣченное еще современникомъ Дефо злополучнымъ Мистомъ. И такъ, въ мемуарахъ Граммона разсыпана масса тѣхъ стеклышекъ, которыя можно найти въ калейдоскопѣ автора «Роксаны». Здѣсь повѣствуется, напримѣръ, исторія пресловутой актрисы Нэль Гьюинъ, стоившей Карлу II несмѣтныхъ суммъ; разсказывается о другой актрисѣ, прославившейся исполне-

ніемъ роли Роксаны и получившей это прозвище; упоминается о характерномъ танцѣ съ кастаньетами, исполнявшемся одной изъ фрейлинъ королевы—француженкой по происхожденію — на придворномъ балу... Такіе факты носились, впрочемъ, міріадами въ дни веселаго Стюарта, и Дефо съ юныхъ лѣтъ не могъ не слышать преданій объ этой оргіи, такъ какъ въ годъ смерти Карла будущему автору исторіи счастливой метрессы было 16 лѣтъ. Автобіографія фиктивныхъ героевъ Дефо являлась формою въ высшей степени благодарною для задуманныхъ имъ въ старости литературныхъ произведеній: она давала ему возможность нанизывать на одну нитку все, что у него было подъ рукою, и не дѣлало обязательнымъ никакой планъ, никакую послѣдовательность; приплетаемое же имъ морализированіе позволяло ему не стѣсняться и качествомъ имѣвшагося въ его распоряженіи матеріала, такъ какъ и двусмысленные эпизоды выдавались за нравоучительные. Его никогда не покидала увѣренность, что жаждущій «истинныхъ происшествій» читатель окажется падкимъ къ его «подлиннымъ мемуарамъ», и что сбытъ ихъ можно считать разъ навсегда обезпеченнымъ. Дефо шелъ такимъ образомъ навстрѣчу вкусамъ публики, охотно читавшей переводы иностранныхъ романовъ во вкусѣ «picaresque» и вполнѣ готовой поощрять пересадку этого рода беллетристическихъ произведеній на родную почву.

Итакъ, повинуясь воздѣйствію внѣшнихъ вліяній и побуждаемый своеобразіемъ своего таланта, Дефо, хотя и лишенный дара художественнаго творчества, становится въ Англіи родоначальникомъ реалистическаго романа, продолжающаго жить и развиваться и по настоящее время. Автобіографіи своихъ фиктивныхъ героевъ онъ сооружаетъ изъ матеріала, заимствуемаго или изъ жизни непосредственно, или изъ документовъ, тѣсно къ ней примыкающихъ. Онъ старается придать этимъ произведеніямъ такую степень правдоподобія, чтобы публика могла принять ихъ за подлинные мемуары и записки несомнѣнно существовавшихъ личностей, и это ему въ высшей степени удается. Онъ даже самую основную схему свою заимствуетъ у той беллетристической школы, которая была первою въ Европѣ отрѣшившеюся отъ искусственности, фальши и лжи рыцарскаго и пастушескаго романа и поставила жизненную правду краеугольною своею основою. Изъ этого видно, что всѣ условія литературной производительности Дефо сложились въ пользу водворенія жизненной правды въ тѣхъ самыхъ автобіографіяхъ, которыя нельзя не считать лживыми и фиктивными по отношенію къ достовѣрности, которую онъ имъ приписывлъ и которая была имъ, какъ извѣстной формѣ романа вовсе не нужна. Ошибочно оцѣнивая значеніе рѣшаемой имъ задачи, Дефо, само собой разумѣется, не могъ пустить въ дѣло правильные пріемы; романы его представляютъ собою въ начальной формѣ развитіе этого литературнаго рода, но при всемъ этомъ, заслугу его въ исторіи романа слѣ-

дуетъ признать весьма важною и перестать видѣть въ немъ — писателѣ разнообразномъ и плодовитомъ — автора «Робинзона» и только.

Вотъ какимъ окольнымъ путемъ шла первоначальная выработка основного характера реалистическаго романа; вопреки узости пути, по которому ему довелось дѣлать свои первые шаги, вопреки личному характеру дѣятеля, занимающаго въ исторіи его развитія такую важную и видную роль, романъ заключалъ уже въ себѣ тѣ задатки, благодаря которымъ онъ сталъ зеркаломъ всей многосложности жизни и поднялся на ту высоту, на которой получилъ свое великое общественное значеніе. Личная роль Дефо въ этомъ процессѣ до такой степени опредѣляется соціально-психологическими условіями эволюціи этого рода литературы, что ее можно считать только дополняющею и довершающею то, къ чему влекла равнодѣйствующая этихъ условій, а не проявляющею какое-нибудь активное, направляющее значеніе. И въ самомъ дѣлѣ, индивидуальными свойствами Дефо не опредѣляется тяготѣніе его къ художественному возсозданію жизни, а намѣчаются лишь черты второстепенныя, частныя, которыя, какъ бы онѣ ни измѣнились, оставляютъ коренныя черты повѣствованія неизмѣнными. И эти оттѣнки основного *даннаго*, а не избраннаго цвѣта, эти особенности характера неизбѣжнаго «picaro» выплываютъ на поверхность лишь постольку, поскольку они безъискусственны, поскольку они обнаруживаютъ свойства самого автора, безсознательно вскрывавшаго свою душу въ выводимыхъ имъ герояхъ. «Дефо», какъ замѣтилъ Минто, «входитъ въ такія подробности хитрыхъ плутней своихъ героевъ и проявляетъ при этомъ такое неподдѣльное участіе, которое было бы совершенно невозможно, если бы все это не обладало для него извѣстною прелестью. Плутовской цинизмъ проглядываетъ очень часто и изъ-за его проповѣдей, и если у него никогда не хватало смѣлости на откровенность, то онъ нерѣдко отводилъ душу, доказывая тождественность мотивовъ порядочнаго человѣка и негодяя. По этой то причинѣ воры и пираты у Дефо мало отличаются отъ его примѣрныхъ торговцевъ; въ руководящихъ началахъ поведенія тѣхъ и другихъ оказывается много общаго: своекорыстіе стоитъ на-сторожѣ, а самоувѣренность правитъ рулемъ». Перебирая его героевъ, можно убѣдиться, что онъ не обладалъ достаточною силою для усвоенія себѣ иной точки зрѣнія, кромѣ своей собственной, иного міровоззрѣнія, кромѣ своего собственнаго, иныхъ побужденій, кромѣ своихъ собственныхъ. Смутное сознаніе тождества своего со своими героями могло только усиливать его побужденіе настаивать на дѣйствительности ихъ существованія, на несомнѣнной подлинности ихъ автобіографій и на своемъ будто бы осторожномъ и осмотрительномъ отношеніи къ каждой написанной ими строкѣ. Дефо видѣлъ однако же, что одного голословнаго увѣренія еще мало, а потому онъ пускалъ въ ходъ особенные, якобы хитрые, пріемы для вну-

шенія читателю этой увѣренности окольнымъ путемъ, и, достигали ли пріемы своей цѣли, или нѣтъ, онъ все же таки намѣчалъ повѣствованію своему ту самую задачу, которую рѣшаетъ теперь преслѣдующее художественную правду искусство. Въ предисловіи къ Роксанѣ, онъ утверждаетъ, «что былъ близко знакомъ съ первымъ мужемъ этой лэди и его отцомъ и хорошо зналъ ихъ трудныя обстоятельства, такъ это можетъ настаивать на согласіи съ истиной первой части автобіографіи. Это заявленіе можетъ, въ свою очередь, служить порукою за истину остального». Все строится здѣсь авторскимъ удостовѣреніемъ, но почему само оно достойно вѣры—не поясняется. Подобный же фокусъ продѣлывается и по вопросу исправленій рукописи другой знаменитой лэди—Молль Флендэрсъ. Рукопись эту пришлось сократить, проредактировать, смягчить... мало ли еще что. Остается впечатлѣніе, что рукопись несомнѣнно существовала; но впечатлѣніе это не можетъ перейти въ убѣжденіе, такъ какъ никакихъ доказательствъ дѣйствительной наличности рукописи не представлено. Заурядному читателю ихъ, впрочемъ, и не надо: онъ радъ, что можетъ почитать подлинныя записки знаменитой воровки и проститутки и готовъ простить издателя ихъ за легкія исправленія, хотя и сожалѣетъ о пропускахъ. Иногда этотъ обычный пріемъ строить на пескѣ достигаетъ комическаго апогея. Такъ въ предисловіи къ «Мемуарамъ Кавалера» Дефо говоритъ: «не подлежитъ сомнѣнію, что никто не могъ дать описанія отступленія отъ Мэрстонъ-Мура къ Рочдэлю и далѣе, черезъ болото, къ сѣверу, въ такихъ вѣрныхъ и точныхъ очертаніяхъ, какъ тотъ, кто дѣйствительно совершилъ этотъ переходъ». Это безспорно; но слѣдуетъ ли изъ этого, что это вѣрное и точное описаніе сдѣлано именно этимъ лицомъ, которому оно приписывается. Мало ли кто ходилъ по этимъ дорогамъ и видѣлъ эти мѣста? Дефо не унываетъ однако же и имѣетъ на то серьезныя основанія: многіе его вымыслы долго сходили за описанія истинныхъ происшествій, фиктивные мемуары за подлинные, а память о Молль Флендэрсъ долго жила въ стѣнахъ Ньюгэта. «Какъ ни просты всѣ эти уловки», говоритъ Лесли Стивенъ, «но ею пользуются, однако жъ, и въ настоящее время всѣ сочинители сверхъестественныхъ побасенокъ. Цѣпь никогда не бываетъ крѣпче ея слабѣйшаго звена, но если вы станете разсматривать искусное соединеніе однихъ, то навѣрно забудете провѣрить прочность связи тѣхъ, которыя были отъ васъ скрыты, но значеніе которыхъ не менѣе существенно, чѣмъ значеніе предоставленныхъ вашему разсмотрѣнію».

Такъ, хлопоча объ одной только удачѣ подлога, Дефо старался увлечь читателя не необычностью, не фантастичностью, не вычурностью сюжета, а его обыденностью, простотой, заурядностью и достовѣрностью. Пріемы его ложно направлены, но поразительны по своимъ результатамъ, и если они скоро и устарѣли и перестали оказывать услуги авторамъ повѣстей и романовъ реалистическаго

характера, то потребность въ тѣхъ результатахъ, которые нѣкогда ими достигались—сила впечатлѣнія отъ прочитаннаго какъ бы отъ пережитаго или видѣннаго—осталась, и слѣдующему поколѣнію беллетристовъ предстояло, оставивъ погоню за фиктивною достовѣрностью и мнимою подлинностью, давать публикѣ не апокрифы, а сознательныя произведенія искусства. Эволюція романа, двигавшаяся какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, не прямолинейно, а затѣйливыми зигзагами, счастливо прошла этотъ трудный фазисъ и не только не застряла въ немъ, но могла еще и утилизировать столь противорѣчащія ея духу и смыслу извращенія истины и подсовываніе подлога.

Ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ Дефо не могло бы произнести тѣхъ словъ, которыя въ уста своего героя вкладываетъ одинъ изъ современныхъ беллетристовъ: «я художественная конденсація, дьявольское созданіе человѣческой мысли, стремящейся творить изъ слова то, что въ мірѣ физическомъ сотворено изъ матеріи; я новый экземпляръ тѣхъ фальсификацій человѣка, которыя споконъ вѣка выносятся на рынокъ людьми, слывущими у толпы подъ именемъ художниковъ и поэтовъ». Дефо, хотя и шелъ къ этому конечному результату, навѣрно протестовалъ бы противъ такой profession de foi: онъ прежде всего хотѣлъ убѣдить читателя, что герои его «существуютъ въ мірѣ физическомъ» и что онъ и не помышляетъ «творить ихъ изъ слова». И въ самомъ дѣлѣ, онъ не былъ поэтомъ, и пріемы у него были совсѣмъ особенные и ни о какой художественной конденсаціи въ его произведеніяхъ не можетъ быть и рѣчи. Дефо представляетъ еще ранній фазисъ развитія романа; онъ «фальсифицируетъ» не человѣка, а пока только еще рукописи этого предполагаемаго человѣка, и въ этой фальсификаціи онъ не пытается еще конденсировать такое или иное «нѣчто» силою художественнаго вдохновенія;—онъ только накопляетъ тамъ и сямъ собираемые факты, наращиваетъ эпизоды, облѣпляетъ ихъ всякими деталями и считаетъ дѣло свое сдѣланнымъ, если изъ рукъ его выходитъ что нибудь совершенно правдоподобное, что нибудь такое, что всякій могъ видѣть ранѣе или встрѣтить позже, что нибудь совершенно реальное, живое, чуть не осязаемое. Ни о какой художественной конденсаціи не было и помину, никакой намекъ на поэзію не былъ допущенъ при этомъ процессѣ, а въ результатѣ все же таки имѣется такое нѣчто, которое, и помимо намѣренія автора, чрезвычайно приближается къ тѣмъ фикціямъ, которыя впослѣдствіи вызывались силою художественнаго творчества и поэтическаго вдохновенія. Да и какъ могло быть иначе, если, при всей примитивности пріемовъ Дефо, у него не было иного источника, какъ только жизнь во всей ея пестротѣ и разнообразіи? Характеры, правда, однообразны, психологическій анализъ почти отсутствуетъ, описанія внѣшности заполняютъ картину до краевъ, обиліе подробностей подчасъ утомительно, число и мѣра даже аксессуар-

ныхъ вещей нерѣдко комичны: но все именно таково, какимъ всякій видѣлъ его и знаетъ, и торжеество иллюзіи получается, быть можетъ, большее, чѣмъ ожидалось. «Робинзонъ», напримѣръ, разсчитанъ былъ сперва на одинъ томъ, а потомъ успѣхъ этого произведенія побудилъ автора утроить первоначальный размѣръ, да и вдобавокъ написать еще одинъ томъ «Новаго путешествія вокругъ свѣта». Реализмъ въ беллетристикѣ одерживалъ побѣду по всей линіи и послѣдствія этой побѣды оказались поразительными.

«Оцѣнивая повѣствованія Дефо съ художественной точки зрѣнія», говоритъ Эткенъ, «нельзя не указать прежде всего на нескладность ихъ формы. Имъ не достаетъ единства, столь необходимаго въ высшихъ произведеніяхъ искусства и у нихъ нѣтъ при этомъ центральнаго кульминаціоннаго пункта. Ихъ можно удлинить до двойного противъ теперешняго размѣра, можно и укоротить на половину;—художественное достоинство ихъ отъ того нисколько не упадетъ. Они очень часто слѣдуютъ по стопамъ старинной «picaresque novel»: даютъ описаніе цѣлой нити плутовскихъ приключеній; оборвать эту нить можно, гдѣ вздумается. Самъ Дефо тянулъ, какъ видно, нить эту какъ разъ столько, сколько нужно было для пополненія извѣстнаго числа страницъ. Но существуетъ однако же и оборотная сторона, которою можетъ представисься намъ бьющая въ глаза безформенность этихъ повѣстей. Цѣль Дефо заключалась въ приданіи своимъ описаніямъ характера отчетовъ о дѣйствительныхъ событіяхъ, а ничто не придаетъ произведеніямъ искусства отпечатка дѣйствительности въ такой мѣрѣ, какъ безъискусственность, отступленія, растянутость, оборванность эпизодовъ, небрежность. Разсказъ Дефо подобенъ жизни, а жизнь всего прежде безформенна (amorphous)».

Связывая всѣ три романа Дефо въ одну группу по множеству присущихъ всѣмъ имъ общимъ чертамъ, надо отмѣтить въ заключеніе и различающіе ихъ оттѣнки. Прежде всего нельзя не остановиться надъ тѣмъ, что только «Молль Флендэрсъ» представляетъ произведеніе цѣлостное и законченное; «Роксана» обрывается довольно внезапно, а «Джэкъ» является во всей второй половинѣ представителемъ того типа, полное выраженіе котораго выводится въ «Мемуарахъ Кавалера». Обработка характера Молль Флендэрсъ тщательнѣе, чѣмъ обработки главныхъ характеровъ въ двухъ другихъ романахъ. Все это приводитъ къ окончательному выводу, согласному съ высказаннымъ извѣстнымъ историкомъ литературы и біографомъ Дефо Джорджемъ Сэнтсбери, что «Молль Флендэрсъ» принадлежитъ въ этой трехчленной группѣ первое мѣсто. По мнѣнію Сэнтсбери, послѣднее въ ней мѣсто надо отвести «Джэку».

Отъ выхода въ свѣтъ «Молль Флендэрсъ» прошло болѣе 170 лѣтъ, европейскій романъ изъ новеллы «плутовского» рода, изъ автобіографіи мошенниковъ и негодяевъ, изъ простого повѣствованія о похожденіяхъ всякаго рода «picaro», процвѣтавшихъ не въ

однихъ только низшихъ слояхъ общества, сталъ широкимъ и всесторонним отраженіемъ жизни, сложнымъ и тонкимъ произведеніемъ высокаго искусства, плодомъ творчества цѣлаго ряда геніальныхъ талантовъ. Онъ сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ любимымъ чтеніемъ публики: даже Гладстонъ читаетъ романы и пишетъ о нихъ. Это не исключаетъ, конечно, и легкомысленнаго и вздорнаго отношенія къ этому роду литературы, хотя, быть можетъ, даже и въ этихъ случаяхъ романъ приноситъ пользу читателю въ большей степени, нежели вредъ.

Что же касается до самого «рісаго», какъ героя романа, то онъ не только живетъ, но и привлекаетъ къ себѣ вниманіе и заботу и писателя, и читателя, еще въ большей степени, чѣмъ въ прежнее время. «Рісаго» въ качествѣ криминальнаго типа озабочиваетъ, впрочемъ, не однихъ только, такъ или иначе прикосновенныхъ къ беллетристикѣ: люди науки обратили на него заслуживаемое имъ вниманіе: заговорили о наслѣдственности, о вырожденіи и неуравновѣшенности, о границахъ психопатіи, о нравственномъ помѣшательствѣ, о всѣхъ тѣхъ степеняхъ психическаго разстройства, которыя хотя и не очевидны, не рѣзки, не ярки, но все же серьезны и въ нормальной жизни даютъ себя очень чувствовать. Вопросъ о криминальномъ типѣ выдвинулъ цѣлый рядъ другихъ, тѣсно связанныхъ между собою, общественныхъ вопросовъ и всѣ заинтересовались психопатологіей вообще и криминальной психопатологіей въ особенности. Все это не можетъ не воздѣйствовать на беллетристику. Отнынѣ, беллетристъ, исключающій изъ области своего вѣдѣнія всю обширную психопатологическую область, уклоняющійся отъ руководительства научныхъ теорій, рискуетъ даже и при большомъ талантѣ запутаться въ своихъ собственныхъ, импровизированныхъ теоріяхъ, а при маломъ—оказаться наивнымъ или пошлымъ, не способнымъ удовлетворить даже и средняго читателя. Такимъ образомъ, пріемами Дефо съ современнымъ «рісаго» ничего нельзя подѣлать. Къ тому же, и «рісаго» сталъ уже иной: онъ уже и во времена Дефо соприкасался съміромъ «Роксанъ», теперь сцена его дѣйствія стала еще шире. Его надо умѣть распознать подъ всевозможными оболочками: «сердце его облечено въ желѣзную броню, у него крѣпкія челюсти для пережевыванія своего хлѣба и чужого, онъ обладаетъ ненасытнымъ желудкомъ, который онъ изловчается держать всегда туго набитымъ, у него неоросимые слезами глаза, глухіе къ скорби ближняго уши, поспѣвающія за слабѣйшимъ ноги, цѣпкія руки»... Можно ли перечислить всѣ его признаки? Не онъ ли увѣрялъ, что «умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ»; не онъ ли жаловался на козни враговъ и уподоблялъ себя кораблю, носящемуся по волнамъ бурнаго моря; не онъ ли каялся въ прегрѣшеніяхъ, держа камень за пазухой, не онъ ли торжествовалъ побѣду въ «первой борьбѣ» и не знаю еще что?... О, онъ, разумѣется, торжествуетъ и теперь, и похваляется,—и въ десятый и въ сто-десятый разъ!.. Передъ романистами разстилается безграничная

область, видятся безчисленные оттѣнки героя отъ Диккенсонскаго Фэгина до несравненнаго де-Sergy незабвенной Хвощинской. Но если реалистическій романъ, представивъ въ картинѣ живой и яркой побѣдное шествіе этого вѣчно юнаго «picaro», исполнитъ долгъ свой до конца, то онъ изобразитъ намъ когда-нибудь, — надо надѣяться, — и его пораженіе и паденіе, если только, конечно, романъ, вѣрный самому себѣ, сможетъ сдѣлать это, оставаясь, какъ и прежде, реалистическимъ.

В. Лесевичъ.

Народно-хозяйственные наброски.

XXX.—Наше малоземелье въ связи съ приростомъ населенія, разными хозяйственными факторами и современнымъ „сельско-хозяйственнымъ кризисомъ.

XXX.

Въ прошлый разъ намъ пришлось коснуться вопроса о нашемъ малоземельѣ. Мы замѣтили, что сокращеніе площади надѣльнаго обезпеченія крестьянства служитъ однимъ изъ существенныхъ факторовъ развитія у насъ недоимочности. То-же обслѣдованіе центральнаго статистическаго комитета, о которомъ упомянуто было тамъ, доставляетъ еще нѣсколько важныхъ данныхъ, указывающихъ на народно-хозяйственное значеніе этого фактора. Данныя эти пріобрѣтаютъ крупный интересъ въ особенности потому, что касаются такого предмета, который, по самой техникѣ дѣла, не можетъ изучать никакое другое учрежденіе, кромѣ центральнаго для всей страны. Это — приростъ населенія. Только такой статистическій органъ можетъ дать болѣе или менѣе полныя свѣдѣнія въ этой области, который можетъ произвести соотвѣтственную анкету одновременно на всей площади государства. Такое изслѣдованіе, какъ было упомянуто въ прошлый разъ, было сдѣлано въ 1893 году по 46 губерніямъ *). Кромѣ тѣхъ данныхъ, о которыхъ уже было говорено, оно даетъ свѣдѣнія о приростѣ населенія и количествѣ пахатной земли у сельскихъ обществъ. Сопоставленія тѣхъ и другихъ имѣютъ немалое значеніе, такъ какъ еще и еще разъ намѣчаютъ желательное, необходимое направленіе, которое должна принять наша политика землевладѣнія.

Читатель едва-ли посѣтуетъ на насъ, что мы снова и снова воз-

*) Обслѣдованію не подвергались губерніи прибалтійскія и область войска донского.

вращаемся къ вопросу о малоземельѣ. Всѣ крупнѣйшіе вопросы нашего хозяйственнаго быта соприкасаются такъ близко съ размѣрами земельнаго обезпеченія крестьянъ, что ихъ приходится касаться изслѣдователю при изученіи каждой отдѣльной стороны нашего народнаго хозяйства. Много, очень много было ужъ говорено по этому поводу, но жизнь предъявляетъ все новые и новые факты, указывающіе на необходимость быстрѣйшаго и рѣшительнаго измѣненія настоящаго земельнаго положенія крестьянства и освѣщающіе новыя стороны вопроса. Поэтому говорить объ этомъ предметѣ пока еще не можетъ быть излишнимъ; стучать въ дверь нужно, пока она не отворится. Въ особенности это бываетъ важно въ тѣхъ случаяхъ, когда появляются новыя оффиціальныя сообщенія, подтверждающія сказанное.

Упомянутыя данныя сгруппированы въ № 33 *Временника ц ст. комитета: «Населеніе сельскихъ обществъ и количество у нихъ пахатной надѣльной земли»*. Спб. 1894. Изъ этой брошюры мы воспользуемся цифрами таблицъ на стр. XVШ и XXШ и на основаніи ихъ дадимъ нѣкоторыя вычисленія.

Исходной нашей точкой въ данномъ случаѣ служатъ свѣдѣнія о количествѣ пахатной земли, отмежеванной при крестьянской реформѣ на ревизскую душу. Колебанія этой цифры для разныхъ губерній Европейской Россіи (кромѣ указанныхъ четырехъ) весьма значительны: отъ $13,_1$ дес. (въ Оренбургской), до $1,_8$ дес. (въ Московской) и $1,_1$ дес. (въ Архангельской). Разсматривая параллельно эти погубернскія цифры съ цифрами прироста населенія тѣхъ-же губерній за 35-лѣтній періодъ (1858—1893 гг.), замѣчаемъ, что между обоими рядами существуетъ зависимость. Располагаемъ затѣмъ всѣ 46 губерній по признаку уменьшенія прироста ихъ населенія и видимъ, что и размѣры пахатной земли на ревизскую душу соотвѣтственно уменьшаются. Исключенія немногочисленны и вліяніе ихъ совершенно уничтожается при вычисленіи среднихъ.

Средній приростъ населенія по всѣмъ 46 губерніямъ за указанный періодъ выражается цифрой $51,_7\%$ (или $1,_5\%$ въ среднемъ въ годъ), т. е. за 35 лѣтъ населеніе возросло болѣе чѣмъ въ $1^1/_2$ раза. По губерніямъ колебанія этой цифры, также какъ и предшествующей, весьма велики.

Чтобы не загромождать изложенія чрезмѣрнымъ изобиліемъ цифръ, мы не приводимъ полностью всей таблицы губерній, показывающей параллельныя колебанія сказанныхъ двухъ родовъ данныхъ. Но вотъ результаты этой таблицы, указывающіе на зависимость ихъ между собой:

	Колебанія % прироста.	Средній % прироста.	Средн. число дес. пахат. земли на ревизск. душу.
15 губерній съ наибольшимъ приростомъ населенія	110,2 — 60,4	78,8	5,1 дес.
15 губерній съ среднимъ приростомъ населенія . .	57,2 — 44,5	56,7	4,1 дес.
16 губерній съ наименьшимъ приростомъ населенія.	43,1 — 18,8	34,6	3,1 дес.

Т. е. тамъ, гдѣ количество пахатной земли въ среднемъ на 1 рев. душу было наибольшее—5,1 дес.,—населеніе возросло за 35 лѣтъ почти на $^4/_5$ своей прежней цифры; гдѣ пахоты было 4,1 дес.—только съ небольшимъ въ $1^1/_2$ раза, а гдѣ 3,1 дес.—лишь на $^1/_3$. Замѣчательна та правильность, съ которой расположились эти цифры. Группа вторая имѣетъ пахатной земли менѣе первой на 1 дес. и группа третья—меньше второй тоже на 1 дес.; приростъ населенія второй группы меньше прироста первой на 22,1% и приростъ третьей меньше прироста второй тоже на 22,1%. Или: *увеличеніе среднихъ размѣровъ обезпеченія крестьянъ пахатной надѣльной землей на 1 дес. давало за истекшее 35-лѣтіе возрастаніе прироста населенія на* $^2/_9$.

Слѣдовательно, каждая пахатная десятина играла въ крестьянскомъ хозяйствѣ столь важную роль въ смыслѣ улучшенія питанія и прочихъ условій жизни населенія, что, благодаря ей, послѣднее размножалась быстрѣе чуть не на четверть всего числа. На основаніи сказаннаго можно думать, что если-бы при крестьянской реформѣ размѣръ надѣловъ былъ установленъ больше теперешняго въ среднемъ на одну десятину, населеніе возросло-бы у насъ за 35 лѣтъ не въ полтора раза, а приблизительно въ $1^3/_4$ раза, т. е. болѣе чѣмъ на 70 проц., а если бы на двѣ—то размноженіе его, пожалуй, уже приближалось-бы къ удвоенію. Могутъ говорить, что отъ этого усиливалась-бы земельная тѣснота и хозяйственная необезпеченность населенія. Въ нашу задачу пока не входитъ подвергать разсмотрѣнію вопросъ о народнохозяйственномъ значеніи увеличенія или уменьшенія коэффиціента прироста населенія. Но, не выходя изъ предѣловъ приведенныхъ данныхъ, можно легко видѣть, что болѣе быстрое размноженіе можетъ служить показателемъ большей обезпеченности населенія: гдѣ надѣльной пахоты больше, гдѣ крестьяне имѣютъ возможность расширять свои запашки, гдѣ потребительныя силы двора при прочихъ равныхъ условіяхъ крѣпче, тамъ скорѣе и ростетъ число населенія, т. е., вѣроятно, рождаемость усиливается, а смертность сокращается; лучшее питаніе дѣлаетъ организмъ способнымъ больше сопротивляться неблагопріятнымъ внѣшнимъ вліяніямъ, истощенію, болѣзненности. Слѣдовательно, будемъ ли

мы радоваться или нѣтъ болѣе быстрому размноженію населенія съ точки зрѣнія народно-хозяйственныхъ *послѣдствій* этого факта, мы во всякомъ случаѣ должны признать за нимъ важное *симптоматическое* значеніе: названное явленіе можетъ имѣть мѣсто только на почвѣ большей обезпеченности, большаго матеріальнаго благосостоянія массы. Сокращеніе процента прироста, какъ показываетъ наша таблица, находится въ прямой зависимости отъ уменьшенія площади пахоты, которою эта масса располагаетъ.

Наличность сказанной зависимости между обоими этими факторами констатирована была еще почтеннымъ статистикомъ П. П. Семеновымъ въ извѣстномъ изданіи центральнаго стат. комитета «Статистика поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи». Но его данныя относились только къ черноземной полосѣ и къ 20-лѣтнему періоду со времени послѣдней ревизіи 1858 г.; приведенныя-же цифры подтверждаютъ его выводы для всей Европейской Россіи за гораздо большій промежутокъ времени и тѣмъ гораздо болѣе укрѣпляютъ безспорность самаго факта.

Переходя къ явленіямъ, вытекающимъ изъ этого факта, надо на основаніи сказаннаго прежде всего предположить a priori, что въ мѣстностяхъ съ большимъ земельнымъ обезпеченіемъ, количество пахоты въ среднемъ на 1 *наличную* душу быстрѣе и сокращается, чѣмъ въ мѣстностяхъ съ меньшими размѣрами этого угодья въ составѣ крестьянскихъ надѣловъ. Это и подтверждается нашими данными.

	Уменьшеніе пахоты за 35 лѣтъ на 1 *наличную* душу по сравненію съ ревизской.	Среднее число десятинъ пахоты на 1 *наличную* душу.
Въ 15 губерніяхъ съ наибольшимъ приростомъ населенія	2,2 дес.=43,1%	2,9
Въ 15 губерніяхъ съ среднимъ приростомъ населенія. .	1,4 дес.=34,1%	2,7
Въ 16 губерніяхъ съ наименьшимъ приростомъ населенія	0,8 дес.=25,8%	2,3

Очевидно, разница въ среднемъ уменьшеніи обезпеченія крестьянъ пахотной землей между приведенными группами губерній весьма велика. Въ то время, какъ въ первой оно сократилось на 2,2 дес., т. е. болѣе, чѣмъ на $^2/_5$ (43,1 проц.) первоначальныхъ размѣровъ надѣловъ, во второй—только на 1,4 дес. или лишь съ небольшимъ на треть (34,1 проц.), а въ третьей—всего на $^4/_5$ десятины, т. е. всего съ небольшимъ на четверть (25,8%). Сокращеніе площади пахатной земли на наличную душу второй группы меньше сокращенія первой на 9% и сокращеніе третьей меньше сокращенія второй также почти на 9%.

Переходя ко второму ряду цифръ послѣдней таблички, видимъ

и результаты этой разницы. Средній размѣръ пахоты упалъ за 35 лѣтъ въ губерніяхъ первой группы до 2,9 дес., второй—до 2,7 дес., а третьей—до 2,3 дес. Т. е. первоначальныя различія въ обезпеченіи крестьянъ пахатной землей значительно сгладились. Вспомнимъ, что ревизское населеніе дѣлилось на группы по этому признаку такимъ образомъ, что вторая имѣла названнаго угодья меньше первой въ среднемъ на душу на 1 десятину, а третья меньше второй тоже на 1 десятину и меньше первой на 2 дес. Наличное-же населеніе дѣлится на группы въ этомъ случаѣ такъ, что вторая имѣетъ пахоты меньше первой всего на $^1/_5$ дес. (0,2), третья меньше второй на 0,4 дес. и меньше первой всего съ небольшимъ на $^1/_2$ дес. (0,6). Или: разница между второй и первой сократилась на 80 проц. и между третьей и первой—почти на 75 проц., а между третьей и второй—на 60 проц., т. е. чѣмъ больше было первоначальное среднее земельное обезпеченіе, тѣмъ оно быстрѣе и падаетъ, и наоборотъ. Слѣдовательно, *въ размѣрахъ площади надѣльныхъ пахатныхъ земель замѣчается стремленіе къ нивеллировкѣ. Они постепенно сокращаются и чѣмъ они больше, тѣмъ быстрѣе.*

Географическое распредѣленіе указанныхъ группъ губерній таково. Первая изъ нихъ (15 губерній съ наибольшимъ приростомъ населенія, наибольшимъ среднимъ обезпеченіемъ пахотой и наибольшимъ среднимъ сокращеніемъ ея на 1 наличную душу) начинается на западѣ съ Псковской губерніи, охватываетъ почти весь сѣверо-западный край, Малороссію, Новороссію (свѣдѣній о Донской области не имѣется), юго-востокъ (Астраханская губ.) и поднимается къ сѣверу лѣвымъ берегомъ Волги и Камы *). Всѣ эти губерніи составляютъ одну сплошную дугу съ выгибомъ на югъ (не считая Донской области), опоясывающую съ запада, юга и востока почти всѣ (за немногими исключеніями) губерніи двухъ остальныхъ группъ.

Вторая группа губерній **) (15 губерній съ среднимъ развитіемъ всѣхъ трехъ названныхъ признаковъ) окаймляетъ губерніи первой группы съ запада и востока почти на всемъ протяженіи очерченной области и составляетъ какъ бы переходный поясъ къ губерніямъ послѣдней группы. Сюда относятся всѣ остальныя губерніи запада (кромѣ двухъ юго-западныхъ—Подольской и Бессарабской и Малороссіи), почти вся средняя черноземная полоса,

---

*) Губерніи: 1) Псковская, 2) Витебская, 3) Виленская, 4) Гродненская, 5) Минская, 6) Могилевская, 7) Черниговская, 8) Кіевская, 9) Херсонская, 10) Таврическая, 11) Екатеринославская, 12) Харьковская, 13) Астраханская, 14) Самарская и 15) Уфимская.

**) Губерніи: 1) Ковенская, 2) Волынская, 3) Смоленская, 4) Орловская, 5) Курская, 6) Полтавская, 7) Воронежская, 8) Тамбовская, 9) Пензенская, 10) Саратовская, 11) Симбирская, 12) Казанская, 13) Оренбургская, 14) Вятская, 15) Вологодская.

одна губернія крайняго востока (Оренбургская) и далѣе—двѣ сѣверныхъ—Вятская и Вологодская. Всѣ онѣ составляютъ также сплошную область, прерываемую лишь въ трехъ мѣстахъ (губерніи Ковенская, Волынская и Оренбургская) губерніями первой группы.

Третья группа губерній *) (16 губерній съ наименьшимъ развитіемъ всѣхъ трехъ указанныхъ признаковъ) главной массой своей занимаетъ центральный примосковскій районъ, область по Николаевской ж. д. и сѣверь (Олонецкая и Архангельская). Эта сплошная огромная страна окаймлена съ трехъ сторонъ (кромѣ сѣвера) губерніями двухъ первыхъ группъ. Отдѣльно расположены три: губерніи: на востокѣ Пермская и на юго-западѣ названныя выше Подольская и Бессарабская.

Теперь мы, слѣдовательно, можемъ сказать, что (за немногими исключеніями) нашъ западъ, югъ и востокъ, заключая въ составѣ крестьянскихъ надѣловъ большее количество пахатныхъ земель, характеризуется и большимъ приростомъ населенія, чѣмъ центръ, петербургскій районъ и сѣверъ. Вслѣдствіе прироста населенія среднее обезпеченіе крестьянъ пахотой по разсчету на наличное населеніе сокращается, и тѣмъ быстрѣе, чѣмъ больше было первоначальное надѣленіе ихъ сказаннымъ угодьемъ. Поэтому размѣры послѣдняго въ среднемъ стремятся уравняться, т. е. большія стремятся сократиться до уровня меньшихъ. Если этотъ процессъ продлится и далѣе, то среднія количества пахатныхъ земель на наличную душу будутъ умаляться все болѣе и болѣе и притомъ приблизительно сравняются во всѣхъ мѣстностяхъ на уровнѣ наименьшихъ величинъ. Получится тоже своего рода равенство, но, по извѣстному выраженію Лавелэ, «égalité dans la misère». Другими словами, бывшій прежде малоземельнымъ останется при небольшой полосѣ пахоты, а бывшій прежде многоземельнымъ въ то-же время будетъ имѣть не болѣе перваго.

Но во-первыхъ, это будетъ народъ, состоящій на $^9/_{10}$ населенія изъ нищихъ. Такой народъ не можетъ быть пригоденъ ни для хозяйственнаго, ни для культурнаго прогресса. Во-вторыхъ, согласно установленной выше зависимости прироста населенія отъ обезпеченія массы пахотой, съ уменьшеніемъ размѣра послѣдней долженъ сокращаться и коэффиціентъ перваго. Выше намъ удалось видѣть, какъ рѣзко отражается на размѣрахъ размноженія населенія даже такая сравнительно небольшая величина, какъ 1 пахатная десятина на ревизскую душу. Мы замѣтили, что эта десятина колеблетъ размѣры прироста чуть не на четверть. Насколько-же сильно должно уменьшиться размноженіе

*) 1) Подольская, 2) Бессарабская, 3) Калужская, 4) Тульская, 5) Рязанская, 6) Московская, 7) Владимірская, 8) Нижегородская, 9) Костромская, 10) Ярославская, 11) Тверская, 12) Новгородская, 13) С.-Петербургская, 14) Олонецкая, 15) Архангельская и 16) Пермская.

населенія въ будущемъ, по сравненію съ прошлымъ, если сокращеніе среднихъ размѣровъ пахоты на наличную душу будетъ продолжаться тѣмъ-же темпомъ, какимъ оно шло въ предшествующій періодъ?

Не будемъ вступать въ область гаданій. Можно, однако, считать безспорнымъ, что при условіи почти полной неизмѣняемости размѣровъ общей площади крестьянскихъ земель въ Россіи (небольшое увеличеніе ея—не въ счетъ) приростъ нашего населенія долженъ сокращаться, что прежде всего служило-бы показателемъ прогрессивнаго ухудшенія потребительныхъ силъ массы, т. е. ея обѣдненія. Но кромѣ такого симптоматическаго значенія, можетъ-ли самъ по себѣ быть желательнымъ такой фактъ для народнаго хозяйства страна? Развѣ съ уменьшеніемъ коэффиціента размноженія населенія не сокращается та сумма хозяйственнаго труда, которою могло-бы располагать въ противномъ случаѣ общество? Развѣ мы уже достигли той точки промышленнаго развитія, на которой всѣ естественныя силы, всѣ богатства наземныя и подземныя нашей страны уже получаютъ достаточную, исчерпывающую разработку и въ дальнѣйшемъ увеличеніи у насъ суммы труда мы уже больше не нуждаемся? Кажется намъ рано еще бояться «перепроизводства труда». Или Кавказъ, Туркестанъ, Сибирь, да и самая Европейская Россія уже имѣютъ всѣ тѣ культуры, всѣ тѣ отрасли промышленности, которыя тамъ могутъ быть по мѣстнымъ естественнымъ условіямъ? Если для той или другой части страны намъ вычисляютъ то или другое количество незанятыхъ рабочихъ рукъ, то не есть-ли это плодъ недостаточности распредѣленія ихъ по данной территоріи и матеріальной необезпеченности массы, нуждающейся въ развитіи у нея орудій производства? Развѣ кто-нибудь взялся-бы утверждать, что это самое производство для тѣхъ его размѣровъ, которые могли-бы получиться у насъ, уже теперь достаточно обставлено трудомъ? Но если эти размѣры еще далеки отъ возможныхъ, то вѣдь необходимо-же устранить главную причину, препятствующую его развитію—недостаточность орудій производства у массы производителей. Россія, что-бы ни говорили, продолжаетъ быть почти исключительно земледѣльческой страной. Если прибавка одной десятины пахатной земли способствуетъ подъему коэффиціента прироста населенія почти на четверть, значитъ, пахота служитъ главнѣйшимъ орудіемъ производства, вліяніе котораго затушевываетъ собой вліяніе прочихъ факторовъ на то-же явленіе. Слѣдовательно, увеличеніе этого орудія производства, расширеніе землевладѣнія крестьянъ и должно составлять главнѣйшую задачу настоящей минуты. Не будемъ забывать, что это нужно прежде всего не для поставки на рынокъ большаго количества хлѣба, а для улучшенія питанія, для укрѣпленія потребительныхъ силъ двора, слѣдовательно, и для того, чтобы приростъ нашего населенія не

грозилъ намъ уменьшеніемъ. Стоитъ-ли говорить, что разселенія и переселенія служатъ тому главнѣйшими средствами, за которыя надо теперь-же «искренно» и серьезно браться.

Скажутъ, пожалуй, что съ увеличеніемъ крестьянскаго землевладѣнія дѣло измѣнится лишь на время, что еслибы сейчасъ все наличное населеніе получило максимальные (по ревизскому масштабу) надѣлы, то черезъ нѣсколько десятилѣтій получилисьбы то-же пониженіе, какое мы видимъ сейчасъ, такъ какъ, сообразно сказанному, приростъ населенія происходилъ бы быстрѣе. Но забываютъ, что невозможно-же обходиться безъ усиленія интенсивности хозяйства, безъ того, чтобы стремиться производить большее количество продуктовъ на прежнемъ участкѣ земли; забываютъ, что даже теперь, при всей ничтожности матеріальной обезпеченности деревни, къ этой «интенсификаціи» стремится масса и достигаетъ кое-чего и самостоятельно, и при помощи земствъ. Но для серьезныхъ всеобщихъ шаговъ въ этомъ направленіи необходимо расширеніе землевладѣнія и увеличеніе сельско-хозяйственныхъ капиталовъ. А послѣднее возможно только при первомъ. Слѣдовательно, мы снова подходимъ къ вопросу о малоземеліи, настойчиво заявляющему о себѣ всегда, лишь только мы заговоримъ о какой-либо сторонѣ нашихъ внутреннихъ отношеній.

Въ журналѣ «Сельское хозяйство и Лѣсоводство» (августъ, 1895) напечатано обширное изслѣдованіе *г. Вихляева*—«*Рабочій скотъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ*», въ которомъ обращаетъ на себя вниманіе разработка вліяній того-же фактора—малоземелья—на нѣкоторыя экономическія и агрономическія стороны современнаго крестьянскаго хозяйства по даннымъ оффиціальной и земской статистики. Есть въ этомъ изслѣдованіи кое-что старое, а есть и новое или, если не совсѣмъ новое, то такое, что является въ новомъ освѣщеніи и что нужно бываетъ подчеркнуть лишній разъ. Такъ какъ указанный журналъ имѣетъ ограниченный кругъ читателей и притомъ чаще всего спеціалистовъ, то я позволю себѣ познакомить съ нѣкоторыми выводами автора.

Прежде всего, изъ сопоставленія цифръ приходящихся на 1 лошадь у крестьянъ десятинъ надѣла удобной земли и пашни, по даннымъ Центральнаго Статистическаго Комитета, «замѣчается сильная, создаваемая паденіемъ надѣла, тенденція къ пониженію количества десятинъ удобной земли, приходящихся на 1 штуку рабочаго скота вообще и пахатной земли на 1 рабочую лошадь въ частности. Вмѣстѣ съ уменьшеніемъ надѣла не только сокращаются средства на содержаніе рабочаго скота, но *одновременно падаетъ и его производительность;* сила-же лошади съ сокращеніемъ величины надѣла, прилагается къ послѣдовательно уменьшающемуся пространству пахатныхъ земель». «*Сокращеніе надѣла влечетъ за собой паденіе коэффиціента производительности ра-*

бочаго скота» (400). Этотъ общій выводъ вполнѣ подтверждается и земско-статистическими данными по тѣмъ 98 уѣздамъ, въ которыхъ практикуется конская работа. Всѣ эти уѣзды разбиваются на слѣдующія группы:

Надѣлъ.	Удобной земли на 1 рабочую лошадь.	Лошадей на 1 дворъ.
14,0	9,01	1,56
10,6	6,80	1,56
9,1	6,09	1,43
7,2	5,53	1,30

Т. е. чѣмъ меньше среднее земельное обезпеченіе двора, тѣмъ меньше приходится и лошадей на эту хозяйственную единицу; но не только это: тѣмъ относительно меньшую площадь удобной земли приходится обрабатывать одной лошади, т. е. сокращается ея производительность. Детальныя сопоставленія нѣкоторыхъ относящихся сюда цифръ спеціально для нѣкоторыхъ уѣздовъ Воронежской, Казанской, Тверской и Новгородской губ. еще болѣе укрѣпляютъ приведенное положеніе.

Переходя къ мѣстностямъ смѣшанной конно-воловой работы (въ четырехъ уѣздахъ Воронежской губ.), г. Вихляевъ устанавливаетъ, что «*по мѣрѣ паденія надѣла волъ замѣняется лошадью*». Не приводя всей интересной относящейся сюда таблички, отмѣтимъ лишь крайнія ея цифры. Общая сумма рабочаго скота распредѣляется такимъ образомъ:

Уѣзды:	При надѣлѣ 0—5 дес.		При надѣлѣ 50 дес.	
	лош.	вол.	лош.	вол.
Новохоперскій . . .	86,6%	13,4%	52,4%	47,6%
Павловскій	71,9%	28,1%	44,3%	55,7%

	При надѣлѣ 0—5 дес.		При надѣлѣ 25—50 дес.	
	лош.	вол.	лош.	вол.
Острогожскій . . .	57,3%	42,7%	47,9%	52,1%
Богучарскій. . . .	30,2%	69,8%	23,7%	76,3%

Въ каждомъ изъ этихъ уѣздовъ относительное количество лошадей при меньшемъ надѣлѣ гораздо больше, чѣмъ при большемъ, а количество воловъ, наоборотъ, увеличивается во второмъ случаѣ по сравненію съ первымъ.

Это обстоятельство отражается на крестьянскомъ хозяйствѣ прежде всего тѣмъ, что плугъ вытѣсняетъ соху тѣмъ слабѣе, чѣмъ менѣе надѣлъ. Такъ на 100 сохъ приходится плуговъ, въ группѣ хозяйствъ съ размѣромъ надѣловъ:

	Наименьшимъ.	Наибольшимъ.
Въ Новохоперскомъ уѣздѣ	4,9	31,2
» Павловскомъ уѣздѣ .	10.5	33,8
» Острогожскомъ » .	18,9	132,4
» Богучарскомъ » .	49,2	236,0

Разницы цифръ—очень велики и наглядны.

А такое положеніе влечетъ за собой слѣдующія послѣдствія. «Замѣна плуга сохой отражается прежде всего на пріемахъ, практикуемыхъ при вспашкѣ земли. Тамъ, гдѣ болѣе распространенъ плугъ, практикуются преимущественно однократныя распашки, и наоборотъ, вмѣстѣ съ большимъ распространеніемъ сохи, болѣе часты вспашки земли по два раза. И это понятно: одинъ разъ плужной распашки соотвѣтствуетъ двукратному вспахиванію земли сохою; плужная вспашка медленнѣе, но глубже» (409). Авторъ приводитъ затѣмъ характерные отзывы по этому предмету нѣкоторыхъ мѣстныхъ изслѣдователей. Такъ, г. Щербина говоритъ о томъ, что въ южныхъ частяхъ Острогожскаго уѣзда размѣры крестьянскаго землевладѣнія «еще позволяютъ держать воловъ, а въ сѣверныхъ крестьянинъ по необходимости, благодаря густотѣ населенія, принужденъ замѣнять воловъ лошадьми»; такъ въ Миргородскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи «лошадьми пашутъ въ силу необходимости главнымъ образомъ бѣдняки или обезсилѣвшіе хозяева; напримѣръ, въ юго-восточной части уѣзда считается какъ-бы несогласнымъ съ достоинствомъ хорошаго хозяина пахать лошадьми, а не волами. Заурядная «мужичья лошадь», плохо содержимая, обыкновенно малосильна для удовлетворенія плуговой пахота. «Такимъ образомъ, прибавляетъ отъ себя авторъ, замѣна вола лошадью является выраженіемъ приспособленія малонадѣленныхъ группъ къ измѣняющимся условіямъ».

Необходимо оговориться, что эти отзывы и данныя мѣстныхъ изслѣдователей относятся ко времени производства въ соотвѣтственныхъ уѣздахъ подворныхъ переписей, т. е. къ 80-тымъ годамъ. Судя по установленной выше зависимости между развитіемъ лошадиной работы и сокращеніемъ среднихъ размѣровъ надѣловъ, надо думать, что въ настоящую минуту этотъ процессъ замѣны вола лошадью развился еще въ гораздо большей степени, а мѣстами, вѣроятно, уже завершился полнымъ упраздненіемъ въ работѣ исконнаго кормильца нашего юга—вола.

Наконецъ, и въ примѣненіи къ воловьей работѣ г. Вихляевъ находитъ полное подтвержденіе своему выводу о томъ, что коэффиціентъ производительности рабочаго скота падаетъ по мѣрѣ сокращенія размѣровъ надѣла.

Менѣе новизны, но не менѣе интереса заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя дальнѣйшіе выводы автора.

Чѣмъ меньше надѣлъ, тѣмъ большій процентъ хозяйствъ лишаются рабочаго скота. Такъ, на основаніи данныхъ земской статистики по 130 уѣздамъ получается, что при среднемъ надѣлѣ на дворъ въ 17,9 дес. процентъ дворовъ безъ рабочаго скота = 16,6%, а при надѣлѣ въ 6,8 дес.—31,6%, т. е. почти вдвое больше; на основаніи данныхъ военно-конской переписи по 313 уѣздамъ—при надѣлѣ въ 17,39 дес.—процентъ безлошадныхъ

дворовъ 12,67%, а при надѣлѣ въ 7,71 дес.—26,23%, т. е. болѣе чѣмъ вдвое. Совершенно то же вытекаетъ и изъ аналогичныхъ группировокъ для упомянутыхъ 4-хъ уѣздовъ Воронежской г., представляющихъ собою область конско-воловьей работы. Основную причину этого явленія г. Вихляевъ видитъ въ томъ, упомянутомъ уже обстоятельствѣ, что «по мѣрѣ сокращенія величины надѣла содержаніе рабочей лошади поглощаетъ все большій и большій процентъ валового дохода хозяйства, а такъ какъ съ меньшаго надѣла получается и меньшее количество продуктовъ, то съ уменьшеніемъ площади надѣла меньшее количество продуктовъ остается въ рукахъ земледѣльца для удовлетворенія его собственныхъ потребностей». «Среднія-же человѣческія потребности съ уменьшеніемъ надѣловъ остаются тѣ же» (413—414). Можно бы пожелать, чтобы авторъ подчеркнулъ, что сокращеніе количества продуктовъ, остающагося въ рукахъ земледѣльца съ уменьшеніемъ величины надѣловъ зависитъ, конечно, далеко не отъ одной сказанной причины. Играетъ же въ этомъ случаѣ роль и отсутствіе въ надѣлѣ нѣкоторыхъ необходимыхъ угодій, и неравномѣрность обложенія, и наличные пріемы взысканія недоимокъ и другіе факторы. Но едва ли можно не согласиться съ г. Вихляевымъ въ томъ, что и отношеніе стоимости содержанія рабочаго скота къ валовому доходу хозяйства имѣетъ свое, и не малое значеніе.

А послѣдствія обезлошаденія для крестьянскаго двора ужъ черезчуръ извѣстны. Оно влечетъ для него за собою прежде всего потерю аренды, затѣмъ—переходъ къ обработкѣ надѣла наймомъ, т. е. сокращеніе самостоятельныхъ хозяйствъ, обрабатывающихъ надѣлъ своимъ скотомъ. «Необходимость обработки земли наймомъ ведетъ къ несвоевременному выполненію полевыхъ работъ и ставитъ нанимателя въ тѣсную зависимость отъ хозяина рабочаго скота».—«Подъ давленіемъ сложившихся, благодаря потерѣ рабочаго скота, обстоятельствъ, въ концѣ концовъ наступаетъ полное «раскрестьяниваніе»—забрасываніе или сдача всего надѣла въ чужія руки». «Даже сохраненіе усадебной осѣдлости, съ потерею рабочаго скота, подвергается опасности; въ группѣ безлошадныхъ появляется значительный процентъ хозяевъ *бездомовыхъ*». «Такимъ образомъ потерею рабочаго скота создаются условія, вызывающія потерю земли и усадебной осѣдлости, послѣ чего крестьянинъ обращается въ пролетарія и принужденъ идти въ батраки къ своимъ богатымъ односельцамъ, или въ помѣщичьи хозяйства, или наниматься въ рабочіе на фабрики и заводы» (415—417).

Засимъ авторъ задается вопросомъ. куда же дѣвается та земля, которая забрасывается маломощными хозяевами, и на строгомъ основаніи цифровыхъ сопоставленій приходитъ къ убѣжденію, что слѣдствіемъ увеличенія числа безхозяйныхъ является дифференціація сельскаго населенія. Съ пониженіемъ размѣра надѣла и

возрастаніемъ процента безлошадныхъ «таетъ группа хозяйствъ, обладающихъ одной или двумя лошадьми» и увеличивается группа съ большимъ количествомъ лошадей на дворъ. Упомянутыя земли «переходятъ въ руки многомощныхъ хозяевъ, такъ что значеніе среднихъ группъ съ уменьшеніемъ надѣла понижается, а значеніе крайнихъ возрастаетъ; въ то время, какъ при наибольшемъ надѣлѣ сумма хозяйствъ безлошадныхъ и имѣющихъ не менѣе 4-хъ лошадей составляетъ 25% общаго числа хозяйствъ, у наименьшаго надѣла процентъ этотъ доходитъ до 37» (417—420). Т. е. среди одподеревенцевъ сравнительно однородныя (по ихъ матеріальной обезпеченности) группы дифференцируются все болѣе и болѣе; глубже проходитъ разница между бѣдняками и богачами и благосостояніе послѣднихъ основывается все болѣе и болѣе на развалинахъ благосостоянія первыхъ.

«Крестьянское хозяйство,—такъ заключаетъ г. Вихляевъ свое интересное и весьма содержательное изслѣдованіе,—вслѣдствіе сокращенія величины надѣла, приходитъ къ менѣе нормальнымъ отношеніямъ лошади къ землѣ и требуетъ для содержанія рабочаго скота съ теченіемъ времени все большей и большей доли валового сбора. Силою этого обстоятельства создается главнѣйшее условіе обезлошаденія, за которымъ слѣдуетъ потеря земли и закрѣпленіе ея за многонадѣльными группами. Итакъ, полученіе того же количества продуктовъ съ большими издержками и неравномѣрность въ распредѣленіи земли—таковы первыя послѣдствія разсмотрѣннаго процесса» (437).

Въ соотвѣтствіи съ сказаннымъ весьма характерными являются слѣдующія данныя, касающіяся крестьянскаго коневодства въ Саратовской губ.

Въ № 4 «Сборника Саратовскаго Земства» за 1895 года помѣщена замѣтка *г. Березова* о *«количественномъ и качественномъ составѣ коневодства Саратовской губ. по даннымъ конскихъ переписей военнаго вѣдомства 1891 и 1893 гг.»*. Изъ нея мы прежде всего узнаемъ, что голодъ отразился на крестьянскомъ коневодствѣ сокращеніемъ огромнаго числа—почти 119 тысячъ головъ, что составляетъ болѣе $^1/_5$ всего числа крестьянскихъ лошадей (21,3%). Въ частности число нерабочихъ лошадей сократилось почти на половину (44,5 проц.). Въ то же время число безлошадныхъ дворовъ съ 74,5 тыс. возросло до 85,1, т. е. увеличилось на 14,3% (стр. 285). У частныхъ владѣльцевъ въ тотъ же періодъ и по той же причинѣ коневодство тоже сократилось, но гораздо меньше—больше чѣмъ втрое меньше, чѣмъ у крестьянъ: всего на 6,8% (288). — Но, какъ ни печально въ народно-хозяйственномъ смыслѣ указанное явленіе, гораздо важнѣе, гораздо болѣе наводитъ на размышленіе слѣдующій фактъ, устанавливаемый авторомъ изъ сопоставленія количественнаго состава коневодства по даннымъ конскихъ переписей 1882 и 1893 годовъ.

За это одиннадцатилѣтіе число лошадей у крестьянъ сократилось почти на 95.000 головъ, т. е. на 17,7%, въ то время, какъ у владѣльцевъ оно *возрасло* на 9011 головъ т. е. почти на цѣлую четверть (24,3%) (293). Рядомъ съ этимъ крупно возрасло и количество безлошадныхъ: съ 21,7% въ 1882 году на 29,2%, въ 1893 году «Достойно вниманія то обстоятельство, прибавляетъ г. Березовъ, что 1882 году тоже предшествовалъ голодъ, тѣмъ не менѣе голодъ тогда не имѣлъ такихъ губительныхъ послѣдствій для крестьянскаго коневодства. Видимо, въ то время крестьянскія хозяйства были устойчивѣе и одинъ недородъ не былъ въ состояніи такъ чувствительно подорвать ихъ благосостояніе. Голодъ-же 1891—1892 года оставилъ столь глубокіе слѣды вслѣдствіе того, что онъ завершилъ цѣлый рядъ неурожайныхъ годовъ, въ теченіе которыхъ благосостояніе крестьянскихъ хозяйствъ было уже значительно подорвано. Вотъ почему перепись, произведенная спустя годъ, не смотря на то, что годъ этотъ былъ довольно благопріятный (хорошій урожай и высокія цѣны на хлѣбъ) застаетъ еще такую крупную убыль лошадей» (294). Къ сказанному авторомъ можно ввести нѣкоторую поправку. Не по одному тому голодъ 1891—1892 г. оставилъ столь глубокіе слѣды въ крестьянскомъ хозяйствѣ Саратовской губерніи, что онъ завершилъ собой цѣлый рядъ неурожайныхъ годовъ, но вѣроятно, еще по другимъ, менѣе случайнымъ, такъ сказать, причинамъ. Не остается въ данномъ случаѣ безъ вліянія и то, напр., обстоятельство, что приростъ населенія тамъ за 35-лѣтній періодъ превысилъ 50 проц. (50,3 проц.), что уменьшеніе среднихъ размѣровъ пахоты тамъ за то время равняется почти $1^1/_2$ дес. на душу (1,4), что количество пахатныхъ земель на наличную душу опустилась тамъ до 2,7 дес. *).—Но если даже оставить совсѣмъ въ сторонѣ вліяніе голода 1891—1892 гг., сопоставленіе цифръ переписей 1882 и 1891 годовъ, приводимыхъ г. Березовымъ, показываетъ, что движеніе коневодства у крестьянъ Саратовской губ. оставляло желать очень многаго и въ указанное девятилѣтіе. Въ самомъ дѣлѣ, число всѣхъ лошадей у нихъ въ первую перепись равнялось 534,102, а во вторую—558,120, т. е. у всѣхъ крестьянъ въ деревнѣ прибавилось 24,018 лошадей. Число всѣхъ домохозяевъ въ 1891 году было 293,639; слѣдовательно за 9 лѣтъ у крестьянъ прибавилась тамъ всего только одна лошадь на 12 слишнимъ дворовъ, если въ годъ прибавлялась въ среднемъ одна голова на 108—110 дворовъ. Очевидно, это—не увеличеніе коневодства, а какая то хозяйственная гомеопатія. О какомъ же увеличеніи хозяйственныхъ капиталовъ можетъ быть рѣчь, когда крестьянскій дворъ въ годъ въ среднемъ получаетъ прибавку рабочаго скота въ количествѣ *менѣе*

*) См. цитованныя выше таблицы въ № 33 «Временнаго Центр. Статистическаго комитета»

одной сотой доли лошади... Такимъ образомъ, все сказанное подтверждаетъ то, что сказано уже было вначалѣ. Малоземелье есть корень всѣхъ нашихъ хозяйственныхъ бѣдъ. Мы видѣли, что оно служитъ источникомъ и сокращенія прироста населенія, и упадка скотоводства, и уменьшенія коэффиціента производительности рабочаго скота, и арендъ, и увеличенія безлошадности, безхозяйности, бездомовности. Цѣлый калейдоскопъ, цѣлая цѣпь хозяйственныхъ бѣдствій, логически вытекающихъ одно изъ другого и логически слѣдующихъ одно за другимъ.

Передо мной брошюра *В. Е. Варзара «Къ вопросу о сельскохозяйственномъ кризисѣ»*. (Спб. 1895)—сообщеніе, читанное имъ въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ въ прошломъ Апрѣлѣ. Ужъ сколько ни пишутъ теперь о переживаемомъ кризисѣ! Цѣлую библіотеку можно собрать изъ статей, сообщеній, замѣтокъ на эту тему. Сдается, однако, что безспорнаго, научнаго освѣщенія еще не дано, а кризисъ принимаетъ столь затяжной характеръ, что грозитъ перейти изъ кризиса въ нормальныя условія существованія нашего современнаго хозяйства. Брошюра названнаго автора, однако, выгодно отличается отъ многихъ другихъ подобныхъ прежде всего гораздо меньшей односторонностью, составляющей принадлежность защитниковъ классовыхъ, а не народно-хозяйственныхъ интересовъ. Такой односторонности мы почти не замѣтили у автора; а та доля ея, которая все-таки въ брошюрѣ имѣется, повидимому, имѣетъ своимъ источникомъ недостаточную выдержанность основного исходнаго пункта автора: онъ видитъ спасеніе въ улучшеніи условій производства, а вводитъ въ число проектируемыхъ мѣропріятій и такія, которыя должны способствовать развитію обмѣна. Впрочемъ, объ этомъ нѣсколько ниже.

Я не затѣмъ повелъ рѣчь о сообщеніи В. Е. Варзара, чтобы подробно разбирать его. Это завело бы насъ слишкомъ далеко. Брошюра его даетъ на 40 страничкахъ критику мнѣній о происхожденіи того, что принято называть современнымъ сельско-хозяйственнымъ кризисомъ, установку точки зрѣнія автора на тотъ же предметъ и указаніе того пути, которому должна слѣдовать экономическая политика страны для борьбы съ указаннымъ положеніемъ. Очевидно, эти капитальные вопросы на такомъ маломъ количествѣ бумаги могутъ быть только бѣгло пройдены, и вся аргументація, на которой строится ихъ рѣшеніе, могла быть составлена лишь въ общихъ чертахъ. Авторъ не писалъ научнаго сочиненія, а дѣлалъ лишь общій очеркъ предмета и притомъ очеркъ публицистическаго характера. Поэтому нечего удивляться что тамъ и здѣсь въ работѣ его встрѣчаются и пробѣлы и неточности, а подчасъ и противорѣчія. Слѣдить за В. Е. Варзаромъ шагъ за шагомъ, значитъ, поэтому, написать ему отвѣтъ по крайней мѣрѣ въ тѣ же 40 страницъ, да и этимъ не отдѣлаешься. И не съ этой цѣлью я упомянулъ про эту работу. Въ нѣкоторыхъ

ея частяхъ я нашелъ мѣста, имѣющія близкое отношеніе ко всему тому, что было говорено на предшествующихъ страницахъ. И среди многаго другого, съ чѣмъ можно поспорить, встрѣчается не мало и такого, надъ чѣмъ стоитъ задуматься серьезно.

Вотъ, напр., любопытная табличка, составленная В. Е Варзаромъ, характеризующая распредѣленіе угодій у насъ по полосамъ, отдѣльно у крестьянъ и владѣльцевъ. На одну десятину пахатной и усадебной земли приблизительно приходится десятинъ земли:

	У крестьянъ:		У владѣльцевъ:	
	Луговой десятинъ.	Проч. пастбищн. и лѣсной.	Луговой десятинъ.	Проч. пастбищн. и лѣсной.
Въ 13 губ. централ.—черноземн. и юго западн.	1/10	1/10	1/6	1/2
» 13 губ. южн.-степныхъ, приволж. и заволжск.	1/5	1/2	1/2	1—2
» 12 губ. нечерноземн. централ. промышлен. и западныхъ	1/2—2/5	1/2—1/3	1 1/2—1	5—3
» 6 губ. нечерноземн. сѣверн. заволжск. и сѣверо-западныхъ	1/4—1/2	2/3—1/2	1	26 и выше
» 3-хъ прибалт. и въ 3-хъ сѣверныхъ лѣсныхъ .	1	2—1	1—1 1/2	3 1/2—9 (стр. 16)

Оставляя точность вычисленія на отвѣтственности автора, я не могу не признать этой таблички весьма характерной. Изъ нея «видно, говоритъ В. Е. Варзаръ, какъ это такъ вышло, что въ прибалтійскихъ губерніяхъ и скотоводство процвѣло и даже дѣло дошло до «интенсивности» *) сѣвооборотовъ: луговъ—какъ нигдѣ въ Россіи, значитъ, зимніе кормы обильны, а навозу достаточно; запасъ пастбищъ, какъ нигдѣ; дождикъ чуть не ежедневно, трава зеленѣетъ, пастбищныхъ дней въ году 200 (корму, значитъ, достаточно)» (16). Хотя изъ таблички и не видно, идетъ ли тамъ дождикъ ежедневно и зеленѣетъ ли трава, но все же отличіе послѣдней группы губерній отъ предыдущихъ намѣчается весьма отчетливо. У крестьянъ на 1 пахатную десятину приходится тамъ 1 луговая, а вездѣ въ другихъ мѣстахъ не болѣе 1/2 и даже—до 1/10; прочей пастбищной и лѣсной—тамъ отъ одной до двухъ, а въ другихъ группахъ не болѣе 2/3, чаще всего 1/2, а въ первой группѣ даже, 1/10. У владѣльцевъ разница эта гораздо менѣе замѣтна. Относительное количество луговой земли у нихъ почти то же, какое имѣется и въ двухъ предпослѣднихъ группахъ губерній; оно значительно крупнѣе тамъ лишь по сравненію съ двумя

*) Этого слова, какъ увидимъ сейчасъ, авторъ не любитъ. И здѣсь онъ почему то употребляетъ его въ ковычкахъ.

первыми, меньше различій встрѣчается между группами по относительному количеству пастбищной и лѣсной владѣльческой земли, въ этомъ случаѣ послѣдняя группа губерній даже значительно уступаетъ предпослѣдней. Не трудно замѣтить, что земельный просторъ, особенно у крестьянъ, въ Прибалтійскомъ краѣ сравнительно гораздо больше, чѣмъ въ прочихъ частяхъ страны. Даже и безъ ежедневнаго «дождика», даже при прочихъ равныхъ условіяхъ тамъ, дѣйствительно, имѣются данныя къ тому, чтобы и завести надлежащее (по количеству и качеству) скотоводство, и вести интенсивное хозяйство. Всѣмъ остальнымъ группамъ до такого распредѣленія угодій въ крестьянскомъ хозяйствѣ, распредѣленія, зависящаго прежде всего отъ размѣровъ землевладѣнія, какъ до звѣзды небесной далеко. Особенно — первой группѣ, состоящей изъ губерній центральной черноземной полосы и юго-западныхъ, и представляющей, какъ извѣстно, область нашего наиболѣе остраго малоземелія.

Интересна эта табличка, далѣе, при сопоставленіи ея данныхъ не только вертикально, но и горизонтально, хотя о такомъ ея значеніи авторъ совсѣмъ не упоминаетъ. При такомъ сопоставленіи не трудно убѣдиться въ томъ, что вездѣ, во всѣхъ группахъ, крестьянскія земли гораздо бѣднѣе владѣльческихъ сѣнокосными, пастбищными и лѣсными угодьями. Гдѣ у владѣльцевъ, напр., на 1 дес. пахоты приходится $^1/_6$ дес. луга, такъ у крестьянъ $^1/_{10}$, гдѣ у первыхъ 1—$1^1/_2$ дес., тамъ у вторыхъ $^2/_5$—$^1/_2$ дес. и т. д. Разница эта меньше сказывается въ первыхъ двухъ группахъ, чѣмъ въ 3-й и 4-й, гдѣ она достигаетъ весьма крупныхъ размѣровъ. Выводъ ясенъ—опять крестьянское малоземеліе стоитъ на пути перехода хозяйства массы къ высшимъ формамъ и сдѣлать это крестьянству гораздо труднѣе, чѣмъ владѣльцамъ.

Начертивъ такую картину, авторъ переходитъ къ разбору мнѣній о способахъ борьбы съ кризисомъ. Такихъ мнѣній встрѣчается двѣ группы: «одни ищутъ средствъ къ усиленію производительности почвы путемъ различныхъ улучшеній въ полеводствѣ и подсобныхъ имъ промыслахъ (скотоводствѣ), другіе въ сокращеніи издержекъ производства хлѣбовъ путемъ внесенія въ процессъ производства удешевляющаго пособія машинъ и усовершенствованныхъ орудій» (21). Первые «хотятъ путемъ улучшенія почвы удобреніемъ, искусственными туками, орошеніемъ, осушеніемъ, выборомъ правильныхъ сѣвооборотовъ и цѣнныхъ растеній усилить естественное плодородіе земли; другіе—путемъ сокращенія зерновыхъ посѣвовъ и развитія искусственнаго травосѣянія хотятъ поднять скотоводство въ ущербъ хлѣбной культурѣ и тѣмъ лишить рынокъ избытка зерновыхъ продуктовъ» (21).

Полемизируя съ первымъ мнѣніемъ, г. Варзаръ находитъ, что «интенсивность земледѣлія, вообще говоря, невѣрное средство въ борьбѣ» и ссылается на примѣръ Англіи и «всей Западной Европы».

Естественное плодородіе Америки и Россіи угнетаетъ, по его словамъ, мѣстное производство хлѣбовъ. Да, но развѣ предѣла этому плодородію Америки и Россіи не полагается? И развѣ въ южныхъ мѣстностяхъ Россіи этотъ предѣлъ уже не приближается довольно замѣтно? И развѣ не говоритъ самъ авторъ, что урожайность Англіи втрое, а Франціи и Германіи почти вдвое выше нашего? Или подъемъ урожайности у насъ нежелателенъ? И далѣе, сравненіе Германіи и Франціи съ умирающимъ, поддерживаемымъ кислородомъ, т. е. высокими ввозными пошлинами на хлѣбъ—нѣсколько рискованно. Прусскіе аграріи пережили бы нѣсколько веселыхъ минутъ, если бы прочли это утвержденіе нашего автора. Они то еще далеки отъ «смерти» и для нихъ «кислородъ», пожалуй, скорѣе составляетъ просто удовольствіе, чѣмъ предсмертное лѣкарство. Невѣрно, далѣе, и то, что «вся Западная Европа» ужъ такъ далеко ушла впередъ на пути интенсификаціи хозяйства. Какъ разъ именно вся восточная Пруссія, эта страна аграріевъ, въ этомъ отношеніи и не можетъ выдерживать сравненія съ Англіей, напр., и ставить ее на одну доску даже съ Франціей значитъ допускать немалую натяжку. Но это въ сторону. Переходя къ Россіи, авторъ утверждаетъ, что весь нашъ сѣверъ, центръ и западъ не способны къ какой-нибудь интенсификаціи хозяйства, что они годны лишь для культуры сѣрыхъ, малоцѣнныхъ хлѣбовъ (22). Но самъ онъ здѣсь же дѣлаетъ оговорку о картофелѣ и льнѣ, а затѣмъ страннымъ образомъ забываетъ то, что самъ же представилъ ранѣе въ приведенной таблицѣ. На границѣ нашего сѣверо-запада и запада подъ тѣми-же широтами расположены прибалтійскія и привислинскія губерніи, въ которыхъ интенсивность хозяйства стоитъ сравнительно съ чисто русскими очень высоко. Значитъ, что̀ въ Лифляндіи дѣлать можно, того дѣлать нельзя, лишь только перенесъ ногу съ территоріи Лифляндской на территорію Псковской губ.? Очевидно, можно бы дѣлать и здѣсь, да дѣло въ томъ, что, выражаясь крестьянскимъ языкомъ, тамъ «есть гдѣ повернуться», а у насъ «куренка некуда выпустить». Или вотъ еще о центрѣ: развѣ въ Московской, напр., губерніи не встрѣчается высоко интенсивныхъ хозяйствъ у владѣльцевъ? Развѣ не пользуются нѣкоторыя изъ нихъ (напр. молочное хозяйство кн. Мещерскихъ) чуть не всероссійской извѣстностью? Значитъ, естественныя условія позволяютъ и тамъ дѣлать не мало въ этомъ направленіи. Отчего же крестьянское хозяйство въ массѣ стоитъ на мѣстѣ, не двигаясь впередъ? Да оттого же, что «повернуться негдѣ», да «капиталу не хватаетъ». Г. Варзаръ вполнѣ правъ, думая, что наступившему «кризису» не помочь платоническими толками объ интенсивности хозяйства. Но это правда по другимъ причинамъ, а не по тѣмъ, которыя имъ приведены. Имѣя въ виду на первомъ планѣ потребительныя цѣли населенія, а не его вывозную способность, очень нужно стре-

миться къ интенсификаціи крестьянскаго хозяйства. Но этого въ мѣсяцъ и въ годъ не сдѣлаешь. Надо расширить прежде всего площадь его землепользованія, а затѣмъ придти ему на помощь соотвѣтственными капиталами и знаніями. Это должны дѣлать государство и земство. И съ этимъ надо торопиться. Надо теперь же идти на встрѣчу потребности, назрѣвшей среди самихъ крестьянъ. Теперь еще можно достаточно расширить землепользованіе массы путемъ разселеній и переселеній. Надо думать, что земли еще нока хватитъ. Хотя и теперь уже есть скептики, утверждающіе, что Сибирь близка къ переполненію населеніемъ, однако пока это не доказано статистически, оставляемъ это утвержденіе на ихъ отвѣтственности.

Второй оттѣнокъ первой серіи мнѣній—расширеніе скотоводства на счетъ полеводства, какъ средство борьбы съ кризисомъ—авторъ справедливо отвергаетъ, находя эту мѣру примѣнимой только для владѣльцевъ, но не для крестьянъ. Крестьянину, говоритъ онъ, нужно получить продукты немедленно послѣ жатвы 1) для питанія и 2) для продажи на уплату недоимокъ и податей. Онъ могъ бы спеціализировать себя на скотоводствѣ, «если бы государство ждало съ уплатой податей до времени, когда теленокъ выростетъ въ быка, а лошонокъ въ лошадь» и если бы ему не нужно было *покупать* себѣ немедленно одежды, керосину, водки, соли и желѣза. «А вѣдь мы знаемъ, что именно мелкимъ собственникамъ принадлежитъ $^3/_4$ культурныхъ земель въ Россіи» (23—24). Опять-таки приведенная аргументація, какъ-бы это сказать?—немножко черезчуръ сильна, что ли. Да вѣдь если дѣло идетъ только о рыночной роли производства крестьянскаго двора, о его денежномъ хозяйствѣ, то такой рыночной потребности можетъ удовлетворять всякій продуктъ, скотъ такъ же, какъ и зерно, если есть сбытъ. Покупать керосинъ можно на деньги, вырученныя отъ продажи быка, такъ-же хорошо, какъ и на деньги, вырученныя отъ продажи пшеницы или овса. И затѣмъ—для взиманія податей департаменту окладныхъ сборовъ совсѣмъ не зачѣмъ дожидаться при скотоводственномъ хозяйствѣ, пока теленокъ сдѣлается быкомъ, а лошонокъ лошадью. Если этотъ типъ хозяйства установился, то на лицо имѣются ежегодно для продажи животныя всякихъ возрастовъ. Дѣло совсѣмъ не въ этомъ.—Г. Варзаръ совершенно правильно началъ съ того, что эта мѣра доступна только крупнымъ владѣльцамъ *); а эти пользуются, по его же вычисленію, всего лишь одной четвертью культурныхъ земель. Можетъ ли она распространиться на остальныя три четверти, находящіяся въ пользованіи мелкихъ владѣльцевъ? Конечно, нѣтъ, но не по причинамъ, приведеннымъ авторомъ, а потому, что нельзя же говорить о спеціальномъ скотоводческомъ хозяйствѣ

*) Сюда причисляетъ онъ, очевидно, и среднихъ.

при наличныхъ размѣрахъ надѣловъ. Мы выше видѣли, что на наличную мужскую душу у насъ приходится въ среднемъ отъ 2,9 до 2,3 дес. пахоты, а затѣмъ изъ таблички г. Варзара мы узнали, что всѣ остальныя угодья составляютъ во всѣхъ губерніяхъ (кромѣ 3-хъ сѣверныхъ) отъ 100 проц. до 20 проц. пахоты; т. е. полный надѣлъ на наличную душу м. п. теперь едва ли гдѣ нибудь превышаетъ 5 дес. и опускается до предѣловъ ниже 3-хъ. Это въ среднемъ. Понятно, что если на окраинахъ размѣръ этотъ кое-гдѣ значительно повышается, за то въ центрѣ—значительно понижается. Развѣ мыслимо экстенсивное скотоводческое хозяйство на такомъ пространствѣ? Да и гдѣ-же набрать сѣна на долгую зиму, если сѣнокосныя угодія входятъ въ столь скромныхъ размѣрахъ въ составъ надѣловъ? Едва ли нужно прибавлять, что тамъ, гдѣ даже при теперешнихъ размѣрахъ запашекъ своего хлѣба не хватаетъ на годовое пропитаніе семьи, странно надѣяться, чтобы земледѣлецъ еще сократилъ посѣвы и началъ разводить хотя лошадей для поставки на армію. Это ужъ просто какое то «плѣнной мысли раздраженье». Потребительныя цѣли свойственны нашему крестьянскому хозяйству до сихъ поръ гораздо болѣе, чѣмъ рыночныя.

Вторая серія мнѣній—развитіе машинной обработки на счетъ ручной—тоже не встрѣчаетъ симпатій автора, хотя она «ближе подходитъ къ цѣли», чѣмъ прочіе рецепты для борьбы съ «кризисомъ». Во владѣльческихъ хозяйствахъ—гдѣ трудъ дешевъ, машинная работа невыгодна, гдѣ трудъ дороже, она понижаетъ заработную плату и тѣмъ подрываетъ крестьянскій заработокъ. Въ крестьянскихъ хозяйствахъ запашки слишкомъ малы для введенія машинъ (27—30). Прежде всего, не совсѣмъ ясно, почему развитіе машинной обработки выдѣлено авторомъ изъ общаго понятія интенсификаціи хозяйства? Вѣдь это и есть одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ видовъ увеличенія интенсивности земледѣлія. Съ введеніемъ и расширеніемъ примѣненія машинъ хозяйство и становится болѣе kapitalintensiv. Но не въ этомъ дѣло. Введеніе машинъ во владѣльческомъ хозяйствѣ, дѣйствительно, понижаетъ заработную плату. Еще въ половинѣ 70-хъ годовъ въ недѣлю уборки пшеницы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссіи поденная плата косцу въ урожай поднималась до 3—5 рублей; къ концу-же 80 годовъ, вслѣдствіе усиленнаго распространенія тамъ жатвенныхъ машинъ, полуторарублевая плата считалась непомѣрно высокой, а теперь и она отошла уже, повидимому, въ область преданій. Такое паденіе платы отразилась, конечно, на заработкахъ того населенія среднихъ черноземныхъ губерній, которое приходитъ туда на лѣтніе отхожіе промыслы. Больше возраженій вызываетъ утвержденіе автора, что малый размѣръ запашекъ дѣлаетъ нежелательнымъ введеніе и распространеніе машинъ въ мелкомъ и крестьянскомъ хозяйствѣ. Во первыхъ,

есть типы машинъ, приспособленные къ такому хозяйству. Развѣ, напр., автору неизвѣстны тѣ *тысячи* плуговъ, которые расходятся среди крестьянъ въ отдѣльныхъ *уѣздахъ* Московской губерніи при помощи земства? Введеніе машинъ позволяетъ крестьянину расширять свое землепользованіе при помощи аренды. Пишущему эти строки лично извѣстно *очень сильное* распространеніе плуговъ, буккеровъ, вѣялокъ, сортировокъ (фухтелей), бричекъ и арбъ нѣмецкаго типа, даже жатокъ, среди *рядового, средняго* крестьянства южной части Екатеринославской губерніи, распространеніе, вытекающее именно изъ крупнаго распространенія тамъ арендъ. И далѣе, развѣ въ мѣстностяхъ, гдѣ пріобрѣтеніе машинъ невыгодно или непосильно сообразно наличнымъ размѣрамъ запашекъ, введеніе или распространеніе ихъ не можетъ происходить артельнымъ, ассоціаціоннымъ путемъ? Г. Варзару, безъ сомнѣнія, извѣстно, что еще во второй половинѣ 80-хъ годовъ херсонскіе статистики при основномъ изслѣдованіи Елисаветградскаго уѣзда зарегистрировали тамъ 50 «компанейскихъ» молотилокъ. Да мало-ли фактовъ этого рода собрано г. В. В. въ его книгѣ «Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ»? Но страннѣе всего слѣдующая тирада автора: «Да и зачѣмъ (вводить машины у крестьянъ)? Куда дѣвать лишнее рабочее время, когда и теперь въ большинствѣ земледѣльческихъ губерній средней и западной полосы мы имѣемъ до 20 проц. лишняго, избыточнаго населенія, ненужнаго для земледѣлія. Если-бы сжать урожай средней семьи въ одинъ день, а обмолотить и провѣять въ полдня, по-американски, что-бы дѣлало населеніе въ теченіи лѣта и цѣлой зимы (29)?—До сихъ поръ считалось идеаломъ экономики каждой страны, чтобы матеріальныя потребности народа удовлетворялись съ *наименьшей затратой труда;* казалось болѣе согласнымъ съ теоріей экономіи и съ хозяйственнымъ благомъ населенія съумѣть приложить 1 день труда для полученія того-же количества продуктовъ, для котораго раньше надо было приложить 2 дня. Теперь намъ говорятъ, что производительность труда не надо усиливать только потому, что въ противномъ случаѣ у рабочихъ освободится время. Это совсѣмъ новое теоретическое положеніе: какой-то культъ «труда для труда», труда an und für sich. Трудъ становится не средствомъ, а цѣлью. Сокращать его вредно. Почему? «Чтобъ человѣкъ не баловался»? Желательно было-бы знать аргументацію такого положенія. Если его принять, то надо признать бѣдствіями для рода человѣческаго и замѣну ручного помола зерна водяными и вѣтряными мельницами, и изобрѣтенія Уатта, Аркрайта, Гаргревса. Въ самомъ дѣлѣ—они всѣ «освобождали» человѣческій трудъ... И развѣ человѣкъ, удовлетворившій потребностямъ своимъ и семьи, не имѣетъ права на отдыхъ или на другое какое-нибудь занятіе? Если представить себѣ такую идиллію, что крестьянская семья продѣлала весь свой годовой трудъ въ

мѣсяцъ, что плохого, если-бы она взялась въ остальное время за книжку или ввела-бы у себя какое-нибудь новое кустарное производство предметовъ своего обихода, какъ подсобное занятіе?.. Нѣтъ, не того надо бояться, что машины вводятся въ крестьянское хозяйство, а того, что они вводятся мало; отъ этого и вспашка не глубока, и задѣлка земли при посѣвѣ плоха, и много лишняго времени тратится на сѣнокосъ, жатву и молотьбу, и хлѣбъ получается сорный, никакимъ международнымъ пробамъ не удовлетворяющій и продаваемый за треть цѣны. А въ дѣлѣ распространенія машинъ развѣ не играютъ первоклассной роли размѣры земельнаго обезпеченія хозяйства? Отчего районъ наибольшаго распространенія машинъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ охватываетъ именно южную и восточную окраины? Не служитъ-ли основной причиной этому нѣсколько большій земельный просторъ тамъ по сравненію съ другими частями страны?

Въ положительной части своихъ разсужденій г. Варзаръ исходитъ изъ того пункта, что намъ «надо удешевить свое національное производство земледѣльческаго продукта такъ, чтобы и существующая низкая цѣна была выгодна». «Что-же говоритъ изученіе этого опыта мірового производства новаго дешеваго хлѣба?» Результаты сводятся въ такихъ «мудрыхъ положеніяхъ»: 1) «Къ выдѣлыванію зерновыхъ продуктовъ должны быть привлечены земли страны съ наибольшимъ естественнымъ плодородіемъ, потому что на этихъ земляхъ съ наименьшимъ количествомъ труда можно получить наибольшее количество дешеваго хлѣба; 2) земли эти должны быть соединены съ рынками сбыта наиболѣе дешевыми путями сбыта; 3) при самомъ процессѣ производства надо заботиться о расширеніи площади выгодныхъ запашекъ, потому-что для уборки и обмолота современная техника даетъ весьма облегченные способы при помощи орудій и машинъ» (31). Итакъ, прежде всего г. Варзаръ признаетъ пользу машинъ. Въ виду предшествующаго отмѣтимъ это и будемъ думать, что въ своемъ послѣднемъ тезисѣ онъ не имѣетъ въ виду однѣ помѣщичьи запашки (вѣдь введеніе машинъ у владѣльцевъ уменьшаетъ заработную плату?), а и крестьянскія. Далѣе, при всемъ желаніи я не могу признать особенно «мудрымъ» положеніе о необходимости ставить въ первую голову соединеніе мѣстъ производства «съ рынками сбыта наиболѣе дешевыми путями сбыта». Это можетъ быть *нужнымъ* по «конъюнктурамъ» современнаго частнаго и государственнаго хозяйства, но никогда не можетъ быть народно-хозяйственнымъ постулатомъ первой степени. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ на минуту такую утопію. Пусть исполнится первое пожеланіе автора, къ культурѣ привлечены всѣ удобныя земли Россійской имперіи; для этого, конечно, все земледѣльческое населеніе разселено очень широко и можно думать, что при этихъ условіяхъ каждый земледѣльческій дворъ былъ-бы настольно обезпеченъ своей землей, что къ арендѣ чужой

приходилось-бы прибѣгать лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Стало быть, арендная плата, этотъ Дамокловъ мечъ современнаго крестьянскаго бюджета, отпала-бы, какъ норма, какъ общее правило. Далѣе, пусть при этомъ въ странѣ введенъ хоть подоходный, если ужъ не прогрессивный, налогъ, при которомъ отъ платежей освобождены, хоть по англійскому масштабу, хозяйства, имѣющія не болѣе 150 ф. ст. = 1500 рублей дохода. Думаетъ-ли г. Варзаръ, что при такихъ условіяхъ были-бы населенію очень нужны эти «дешевые пути сбыта»? Надо полагать, что не особенно. Масса питалась-бы лучше и удовлетворяла своимъ первымъ потребностямъ, а сколько тогда поступало-бы хлѣба на рынокъ, больше или меньше теперешняго, объ этомъ еще можно поспорить. Теперь нерѣдко приходится слышать такія угрозы: двиньте широкой рукой переселенія и скоро сибирскій хлѣбъ задавитъ собой хлѣбъ Европейской Россіи. Такъ-ли это? Гдѣ данныя для такой серьезной угрозы? Доказано-ли это вѣрными цифрами? Г. Варзаръ самъ ссылается на труды почтеннаго Л. Н. Мареса о недостаточности питанія русскаго крестьянина (стр. 34). Отчего-же не принять имъ во вниманіе основной выводъ изъ работъ г. Мареса, что всякое увеличеніе земельнаго простора (возможность обходиться безъ арендованія чужой земли) прежде всего должно въ значительной степени усилить личное потребленіе производителей, а не сбытъ. Вѣдь еще въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ (въ оффиціальномъ изданіи для Московской выставки) было вычислено, что потребляемое населеніемъ количество хлѣба на 14 проц. меньше нормальнаго количества *). Съ тѣхъ поръ много воды утекло и не въ смыслѣ сокращенія этихъ 14 проц., а въ смыслѣ значительнаго ихъ увеличенія: и населеніе возросло, и недороды насъ не покидаютъ, и вывозъ возростаетъ подъ вліяніемъ необходимости сельскаго населенія въ деньгахъ и пр. Очевидно разселеніе и переселеніе, да еще въ связи съ основной податной реформой, прежде всего должны былибы отразиться на отечественномъ хозяйствѣ въ смыслѣ крупнаго увеличенія потребленія на счетъ сбыта, что, конечно, съ народнохозяйственной точки зрѣнія и было-бы наиболѣе выгоднымъ. Стало быть, если столь милые сердцу нашего автора «дешевые пути сбыта» и нужны при теперешнихъ условіяхъ, то все-же не о нихъ надо хлопотать прежде всего, а объ измѣненіи самыхъ условій, которыя г. Варзаръ признаетъ, повидимому, столь-же анти-хозяйственными, какъ и мы. А главное изъ нихъ имъ и упомянуто въ приведенномъ первомъ тезисѣ. Но зачѣмъ онъ настаиваетъ на томъ, что къ обработкѣ должны быто привлечены только земли с ь *наибольшимъ* естественнымъ плодородіемъ, а не *всѣ удобныя*? Онъ думаетъ правда,

*) Историко-статистическій обзоръ промышленности Россіи. Составленъ по порученію Высочайше утвержденной коммисіи по устройству Всероссійской выставки въ Москвѣ, 1882 г. Группа III, стр. 58.

что въ большей части Россіи, по ея естественнымъ условіямъ, «земледѣліе должно-бы являться не главнымъ, а побочнымъ занятіемъ при скотоводствѣ, фабрично-заводской, кустарной и иной промышленности» (22). Но вѣдь это только предположеніе, благопожеланіе, но не фактъ, противъ котораго нельзя было-бы спорить. И самъ онъ вполнѣ основательно противится всякой искусственной ломкѣ народнаго производства, всякому декретированію кабинетныхъ умозрѣній. «Въ экономикѣ, говоритъ онъ, все дѣлается по словамъ поэта: «чему быть суждено, то и сбудется», а иначе это говорится такъ: когда имѣются всѣ условія для развитія чего либо и экономическая необходимость для измѣненія въ извѣстную сторону, то и воспособленій не надо, само собой разовьется. А вотъ если противъ этихъ условій идти, съ трудомъ все дѣлается, а иногда и ничего не выходитъ» (17). Это и правильно. Пока $^{9}/_{10}$ населенія страны находитъ для себя удобнымъ заниматься земледѣліемъ и пусть занимаются; не мѣшайте—все равно «ничего не выйдетъ». Пусть и занимаютъ себѣ *всѣ удобныя* (а не только наилучшія) свободныя земли и улучшаютъ свое питаніе. Когда найдутся «всѣ условія для развитія чего либо» иного, когда къ тому побудитъ «экономическая необходимость», тогда и «сбудется, чему быть суждено». Еще покойный Н. Ч. убѣждалъ побольше заботиться о своей судьбѣ и поменьше—о судьбѣ внуковъ: тѣ, молъ, будутъ умнѣе насъ и получше насъ съумѣютъ устроиться. Такова была вѣра въ культурный и хозяйственный прогрессъ, прогрессъ не искусственный, не насаженный, не доктринерскій, а тотъ, къ которому ведетъ сама жизнь, сама практика народнаго хозяйства.

Итакъ, если авторъ поступился-бы словами «наибольшее естественное плодородіе», то его первый тезисъ представлялъ-бы весьма серьезное значеніе въ борьбѣ съ современными хозяйственными нашими невзгодами. Выше мы уже видѣли разныя послѣдствія нашего малоземелія, проявляющіяся въ настоящую минуту. Понятно, уничтоженіе этого зла есть альфа (но, конечно, не омега) тѣхъ мѣръ, изъ которыхъ должна составляться наша экономическая политика. Г. Варзаръ съ полнымъ основаніемъ настаиваетъ на «привлеченіи къ культурѣ южныхъ (?), кавказскихъ и сибирскихъ земель» (пропущенъ Туркестанъ) и на «правильно, широко поставленной колонизаціи новыхъ земель» (33). «Если-бы плотно населенныя мѣстности Европейской Россіи избавить отъ ихъ избыточнаго земледѣльческаго населенія, которое гдѣ-то на просторѣ новыхъ земель, давно ждущихъ плуга и косы, будетъ производить дешевый хлѣбъ, мясо, скотъ и шерсть (главнымъ образомъ для собственнаго потребленія, прибавимъ мы отъ себя), тогда въ Россіи поднимется заработная плата и получится нѣкоторый земельный просторъ, могущій дать почву для большей производительности земледѣльческаго промысла, развитія желаемой экстенсивности посѣвовъ (?), скотоводства, примѣненія машинъ къ земледѣлію и проч.»

(33). Стало-быть, машины вредны при неравномѣрномъ ихъ распредѣленіи въ хозяйствахъ страны, а не тогда, когда онѣ даютъ отдыхъ производителю...

Прекрасную тираду авторъ говоритъ въ концѣ своей брошюры. Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести ее цѣликомъ, такъ какъ мысль, выраженная въ ней, должна-бы получить наибольшее распространеніе и внѣдриться потверже въ сознаніе нашего общества. «Паническимъ и совершенно искреннимъ ужасомъ охватываетъ многихъ землевладѣльцевъ Центральной Россіи самая мысль о широкой постановкѣ дѣла колонизаціи и переселенія. Близорукимъ людямъ кажется, что подъемъ рабочей платы, отсутствіе дешеваго работника сдѣлаетъ земледѣліе невозможнымъ, а земли бездоходными. Точь въ точь ужасъ крѣпостниковъ передъ отмѣною крѣпостного права. Имъ казалось, что съ отмѣной крѣпостного права раззорятся всѣ хозяйства, которыя не представлялись даже возможными безъ дарового труда. За освобожденіемъ отъ прикрѣпленія къ лицу должно теперь слѣдовать освобожденіе отъ прикрѣпленія къ землѣ. Какъ тогда свободный трудъ обогатилъ страну, такъ и теперь свободный въ своемъ распредѣленіи въ границахъ государства трудъ долженъ подняться въ своей производительности и создать новое національное богатство. Все равно, сопротивленіе здѣсь безполезно, ибо ходъ экономическихъ событій неумолимъ. Это все равно будетъ, и отъ этого въ погребъ не спрячешься. Все равно—цѣна на хлѣбъ будетъ низка и жить надеждой на неурожай въ Европѣ и Америкѣ нельзя. Будетъ падать доходъ съ земли и начнутъ падать цѣны на земли; конкуррировать съ Америкой національнымъ недоѣданіемъ и дешевизной рабочаго долго также будетъ трудно—задержится ростъ и развитіе русскаго племени, удерживаемаго въ земельный тѣснотѣ и на низкой заработной платѣ, упадетъ обрабатывающая промышленность за истощеніемъ покупательной силы внутренняго рынка и т. д. и т. д. Выйдетъ по русской пословицѣ: «ни себѣ, ни людямъ»—одно безполезное экономическое и физическое истощеніе силъ земли и работника. Лучше же, не дожидаясь общаго кризиса и не пряча голову, подобно страусу, пойти навстрѣчу бѣдѣ сознательно и искренне» (35—36).

Въ прошлый разъ мы бесѣдовали съ читателемъ о нашей хронической недоимочности и о вытекающей изъ нея настоятельной необходимости коренного пересмотра нашего податной системы. Теперь мы старались показать, насколько сильна у насъ потребность въ разселеніяхъ и переселеніяхъ земледѣльческаго населенія въ широкихъ размѣрахъ. То и другое вмѣстѣ не составляетъ-ли необходимой основы хозяйственной политики, имѣющей цѣлью, чтобы поднялись до надлежащей нормы потребительныя силы крестьянской массы, чтобы матерьяльныя потребности этой массы удовлетворялись сообразно достоинству человѣка?

Н. Карышевъ.

Литература и жизнь.

Въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» закончены «Воспоминанія А. В. Эвальда». Въ заключительныхъ страницахъ авторъ разсказываетъ, что побудило его писать воспоминанія и чего онъ опасался, принимаясь за нихъ. Къ сожалѣнію, довольно трудно разобраться въ этихъ мотивахъ и опасеніяхъ. Собственно основной мотивъ, конечно, простъ и понятенъ: «Бываетъ такъ,—говоритъ г. Эвальдъ,—что жизнь самаго автора записокъ не представляетъ особаго любопытнаго матеріала, но онъ много видѣлъ на своемъ вѣку и можетъ обрисовать болѣе или менѣе талантливо эпоху, въ которой жилъ». И прекрасно. Но г. Эвальдъ рѣшительно утверждаетъ, что «написать правдивыя воспоминанія и напечатать ихъ при своей жизни—трудъ совершенно невозможный». Читатель понимаетъ, что чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ, и что если г. Эвальдъ всетаки написалъ воспоминанія и напечаталъ ихъ при своей жизни, такъ, должно быть, это трудъ не «совершенно невозможный.» Однако, какіе всетаки резоны «совершенной невозможности»? Вотъ какіе: «Всѣ дѣятели, о которыхъ придется упоминать, сами еще живы, а если не они, то какіе нибудь ближайшіе ихъ родственники, которые, прочтя правдивую оцѣнку свою или своего близкаго, поднимутъ шумъ и притянутъ автора къ отвѣтственности. Писать же, скрывая правду, не имѣетъ никакого смысла». Послѣднее, разумѣется, совершенно справедливо, но нѣсколько непонятно—почему г. Эвальдъ такъ боится отвѣтственности за «правдивую оцѣнку». Всѣ мы, писатели, постоянно тѣмъ и занимаемся, что по мѣрѣ силъ и насколько позволяютъ обстоятельства, даемъ оцѣнку событій, лицъ, идей, художественныхъ произведеній. Не всегда эта оцѣнка бываетъ правдивая, но всетаки и въ такихъ случаяхъ всякій желаетъ, чтобы ее считали таковою, всякій либо дѣйствительно говоритъ правду, либо притворяется правдивымъ. Однимъ изъ этихъ путей шелъ и г. Эвальдъ въ своей литературной дѣятельности. Спрашивается, почему же именно теперь, по отношенію къ своимъ воспоминаніямъ, онъ вдругъ забоялся, что «поднимутъ шумъ и притянутъ автора къ отвѣтственности»?

Не умѣя разгадать эту загадку, я беру фактъ, какъ онъ есть: г. Эвальдъ не хочетъ отвѣтственности, почему бы то ни было боится ея. Но въ такомъ случаѣ онъ всетаки могъ бы написать свои мемуары, только не печатать ихъ при своей жизни, а завѣщать потомству. Но и это не улыбается г. Эвальду, и именно вотъ почему: «Печатая при своей жизни, слѣдовательно готовясь къ отвѣтственности за каждое слово, авторъ поостережется говорить неправду,

преувеличивать или преуменьшать что нибудь, выставлять себя въ лучшемъ видѣ, а другихъ въ худшемъ и т. д. Воспоминанія же загробныя, то есть составляемыя для напечатанія послѣ смерти автора, теряютъ девять десятыхъ своей цѣнности, именно потому, что авторъ уже ускользнулъ отъ отвѣтственности и можетъ сочинять, что ему угодно».

Какъ же быть? Казалось бы, единственный выходъ изъ положенія, въ которое г. Эвальдъ поставленъ своими размышленіями объ отвѣтственности, состоитъ въ томъ, чтобы совсѣмъ не писать воспоминаній или по крайней мѣрѣ писать ихъ лишь для собственнаго времяпровожденія, а не печатать ни при жизни, ни послѣ смерти. Но у г. Эвальда вышло нѣчто иное. Приведя еще нѣсколько соображеній о томъ, какія бываютъ воспоминанія (мы сейчасъ этими соображеніями займемся), г. Эвальдъ кончаетъ такъ: «Вотъ почему я рѣшился кое что, очень малое и очень отрывочное, написать теперь и напечатать непремѣнно при своей жизни, подъ страхомъ отвѣтственности за все, что я сказалъ. Пусть это будетъ не много, но за то вѣрно».

Такимъ образомъ, г. Эвальдъ боится отвѣтственности за правдивую оцѣнку, до такой степени боится, что считаетъ эту правдивую оцѣнку даже «совершенно невозможнымъ» дѣломъ, но «очень малое и очень отрывочное»—ничего, не страшно... Это напоминаетъ анекдотъ о маленькой дѣвочкѣ, которая долго колебалась—слѣдуетъ ли въ извѣстномъ мѣстѣ диктанта поставить запятую, и наконецъ рѣшила: поставить, но маленькую. Дѣвочка имѣла всѣ основанія колебаться: она знала свою слабость въ грамматикѣ; г. Эвальдъ тоже имѣетъ всѣ основанія колебаться: онъ знаетъ свою слабость въ правдивости. Онъ считаетъ впрочемъ эту слабость общечеловѣческою. Онъ говоритъ: «Я много читалъ загробныхъ записокъ и всегда находилъ въ нихъ одинъ общій всѣмъ имъ недостатокъ: авторъ всегда выходитъ правъ, онъ всегда умнѣе другихъ, честнѣе другихъ, и постоянно между строкъ его просвѣчиваетъ, что еслибы его послушали, то было бы не то, а нѣчто гораздо лучшее. Говорю это не въ упрекъ другимъ, а по личному опыту. Я самъ иногда начиналъ писать такія записки и когда прочитывалъ ихъ черезъ нѣсколько времени, то всегда находилъ неправду не въ самыхъ фактахъ, а въ освѣщеніи этихъ фактовъ, и потому рвалъ и сжигалъ ихъ, какъ негодныя. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда я говорилъ о себѣ, повидимому, безпощадную и жестокую правду, и тогда я выставлялся какимъ то героемъ, хотя бы въ томъ отношеніи, что сознавался въ своихъ недостаткахъ и ошибкахъ. А это противно».

Повидимому, коли противно,—такъ не дѣлай, не «выставляйся какимъ-то героемъ». Но, когда г. Эвальдъ пытался ставить большую запятую, онъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ этой слабости. Почему бы она могла оставить его теперь, когда онъ остановился на маленькой запятой, непонятно, но, конечно, надо радоваться, если

оставилъ, потому что не хорошая это слабость. Не въ томъ только дѣло, что человѣкъ «выставляется какимъ то героемъ». Пусть бы онъ этимъ занимался подобно Нарцису, гдѣ-нибудь въ красивомъ уединеніи, любуясь своимъ отраженіемъ въ ручьѣ. Отъ этого никому ни тепло, ни холодно. Но обыкновенно не такъ бываетъ, и собственное величіе автора воспоминаній строится на чужой счетъ, а удобнѣе всего, конечно, воздвигнуть себѣ пьедесталъ изъ труповъ покойниковъ. Кстати у насъ и подходящая поговорка есть: мертвымъ тѣломъ хоть заборъ подпирай. Что сказалось въ этой мрачной поговоркѣ? настоящая вѣра въ правомѣрность совершенно «свободнаго» обращенія съ покойниками, съ ихъ именемъ, достоинствомъ, честью, или, напротивъ, скорбное негодованіе на такого рода факты? Негодовать во всякомъ случаѣ есть на что. Есть нѣчто глубоко возмутительное въ той безцеремонности, съ которою люди иногда,— повинуясь ли чувству долго сдерживаемой злобы или вотъ именно изъ желанія устроить себѣ какой-нибудь пьедестальчикъ на чужой счетъ, — извращаютъ личность и дѣятельность покойника. Правда, его собственные счеты съ нашей грѣшной землей покончены, и злословіе такъ же его не тревожитъ, какъ не радуетъ дань справедливости; но если живы знавшіе и чтившіе его, то каждое незаслуженное оскорбленіе его памяти естественно вызываетъ въ нихъ негодованіе. Однако они далеко не всегда могутъ фактически опровергнуть ложное показаніе или, какъ выражается г. Эвальдъ, «поднять шумъ и притянуть къ отвѣтственности». Бываетъ и такъ, что у знавшихъ и чтившихъ покойника руки коротки; они, напримѣръ, не были свидѣтелями такого то именно происшествія или разговора, или не имѣютъ въ своемъ распоряженіи оправдательныхъ документовъ, и т. п. Они принуждены поэтому молча присутствовать при томъ, какъ надъ покойникомъ совершается даже не насиліе, а нѣчто гораздо болѣе возмутительное, потому что насиліе даже надъ безпомощнымъ ребенкомъ встрѣчаетъ съ его стороны протестъ, хоть въ видѣ крика или инстинктивно защитительныхъ жестовъ, а тутъ нѣтъ и этого подобія препятствій. Къ счастію, возможны иногда достаточно убѣдительныя косвенныя улики... Да, хорошо, если г. Эвальдъ отдѣлался отъ своей слабости.

Въ воспоминаніяхъ г. Эвальда меня особенно заинтересовалъ одинъ эпизодъ, касающійся покойнаго Г. З. Елисеева, котораго я глубоко уважалъ и горячо любилъ, потому что хорошо зналъ. Правда, я познакомился съ нимъ нѣсколько позже того времени, къ которому относится разсказъ г. Эвальда, но и тогда уже, въ моментъ этого разсказа, Елисееву было за сорокъ лѣтъ, онъ былъ человѣкъ вполнѣ сложившійся, чему соотвѣтствовало и видное положеніе, занимаемое имъ въ литературѣ; стало быть тотъ Елисеевъ, котораго я зналъ, едва ли отличался отъ того Елисеева, который имѣлъ нижеслѣдующее объясненіе съ г. Эвальдомъ.

Дѣло было въ 1862 г. Краевскій и Очкинъ, издававшіе «С.-Пе-

тербургскія Вѣдомости», передали ихъ Коршу, Краевскій основалъ «Голосъ», Очкинъ остался не у дѣлъ. Г. Эвальду «стало жаль почтеннаго старика» (Очкина), и онъ «обѣщалъ ему придумать какое нибудь дѣло». И дѣйствительно придумалъ: «изданіе небольшой и недорогой литературно-политической газеты», въ которой, конечно, Очкинъ предложилъ и ему участвовать, въ качествѣ компаньона, и онъ, конечно, не отвергъ этого предложенія. Такимъ образомъ г. Эвальдъ придумалъ дѣло не только для жалости достойнаго почтеннаго старика, а и для самого себя. Очкинъ уѣхалъ въ Парижъ, а г. Эвальдъ занялся приготовленіями. Но когда Очкинъ вернулся въ сентябрѣ въ Петербургъ, то г. Эвальдъ услышалъ отъ него такую неожиданную рѣчь: «Вы поймете хорошо, что, начиная новую газету, надо чѣмъ нибудь привлечь къ ней публику. Теперь въ большой модѣ такіе писатели, какъ Елисеевъ, Антоновичъ, Чернышевскій и другіе. Наша публика, въ особенности молодежь, зачитывается ими. Безъ нихъ мы будемъ только лапти плести, а съ ними, наоборотъ, можно разсчитывать на блестящій успѣхъ». Г. Эвальдъ изумился и испугался, но, на увѣщаніе Очкина попробовать переговорить съ новыми сотрудниками, согласился, безъ всякой, однако, надежды на успѣхъ. Вотъ какъ онъ объ этомъ разсказываетъ:

«*Чтобы успокоить его* (Очкина), я согласился, и дня черезъ два, по моему приглашенію, сдѣланному черезъ Кожанчикова, Елисеевъ пріѣхалъ ко мнѣ. *По первому взгляду* на него, я убѣдился, что никакое соглашеніе между нами не будетъ возможно, да вѣроятно къ тому же убѣжденію пришелъ и Елисеевъ. Не желая вилять и безполезно тянуть разговоръ, я поставилъ вопросъ прямо ребромъ».

Здѣсь я позволю себѣ перебить на минуту разсказъ г. Эвальда для одного маленькаго замѣчанія. Г. Эвальдъ «по первому взгляду» убѣдился, что имъ съ Елисеевымъ не сойтись. Это ему дѣлаетъ честь, какъ физіономисту. Но, хотя физіономія у Елисеева была дѣйствительно очень выразительная, сколько нибудь основательному человѣку странно руководствоваться такого рода первыми впечатлѣніями. Притомъ же, г. Эвальдъ могъ бы еще до «перваго взгляда», на основаніи писаній Елисеева, рѣшить—возможна ли для нихъ совмѣстная работа. Да вѣдь онъ ужъ и рѣшилъ это: онъ только «чтобы успокоить» Очкина согласился бесѣдовать съ Елисеевымъ, а въ душѣ то зналъ, что изъ этого ничего не выйдетъ... Продолжаю выписку:

— Вы знаете, конечно, отъ Кожанчикова о причинѣ нашего свиданія, сказалъ я.—Знаю и удивляюсь этому, отвѣтилъ Елисеевъ.—То есть чему именно?—Тому, что вы хотите сдѣлать попытку сойтись со мной.—Я такого желанія вовсе не имѣю, г. Елисеевъ, вы ошибаетесь. Я сегодня говорю съ вами только по просьбѣ Очкина, который желаетъ чтобы вы участвовали въ редакціи его газеты.—Но Кожанчиковъ мнѣ говорилъ, что вы состоите компаньономъ Очкина?—Да, пока. Но я думаю вы пой-

мете, что если желаніе Очкина состоится, то только при условіи, что я оставлю его.—А! это другое дѣло...—Иначе и быть не можетъ... *)—Легкая насмѣшливая улыбка пробѣжала по лицу Елисеева.—А вы сами, сказалъ онъ, считаете невозможнымъ сойтись со мной?—Совершенно, какъ двумъ концамъ магнитной стрѣлки. Вы исповѣдуете разрушеніе, а я созиданіе.—Одно безъ другого немыслимо, замѣтилъ Елисеевъ, нахмуривъ брови. Нашъ храмъ обветшалъ; надо построить новый; а какъ же это сдѣлать, не разрушая стараго. Мы съ вами новаго не успѣемъ создать, это будетъ дѣломъ грядущихъ поколѣній; довольно будетъ на нашъ вѣкъ, если мы уничтожимъ ветхія развалины и подготовимъ почву для новаго зданія.—Объ этихъ вопросахъ можно спорить безконечно, возразилъ я, и мы все таки ни къ чему не придемъ. Скажу вамъ коротко: въ Европѣ есть народъ, который вѣчно создаетъ новое, никогда не разрушая ничего стараго. Это, какъ вамъ извѣстно, англичане. Изъ ихъ примѣра я вывожу, что такимъ путемъ можно идти впередъ, безъ тѣхъ скачковъ то впередъ, то назадъ, которые вѣчно совершаются у насъ, въ Россіи, не приводя ровно ни къ чему.—Катковщина, презрительно замѣтилъ Елисеевъ.—Называйте, какъ хотите. Я привелъ этотъ примѣръ только къ тому, чтобы показать, какъ мало общаго между мною и вами и какъ невозможно какое либо соглашеніе между нами.

И т. д. Дѣло кончилось тѣмъ, что газета Очкина стала выходить подъ редакціей Елисеева, безъ всякаго участія въ ней г. Эвальда. Это были «Очерки», просуществовавшіе очень не долго (однако все-таки не два мѣсяца, какъ утверждаетъ г. Эвальдъ).

Мнѣ кажется, что весь этотъ разсказъ г. Эвальда принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые онъ, по его собственнымъ словамъ, принимался не разъ писать, но «всегда находилъ въ нихъ неправду не въ самыхъ фактахъ, а въ освѣщеніи этихъ фактовъ, и потому рвалъ и сжигалъ ихъ, какъ негодныя». Только вотъ на этотъ разъ онъ забылъ или не имѣлъ времени разорвать и сжечь. Я не смѣю, разумѣется, сомнѣваться въ фактахъ, сообщаемыхъ г. Эвальдомъ, но, съ его любезнаго разрѣшенія, очень сомнѣваюсь въ ихъ освѣщеніи. Несомнѣнно, что г. Эвальдъ съ Очкинымъ затѣяли «Очерки», что Очкинъ неожиданно для г. Эвальда предложилъ Елисеева въ редакторы, что, наконецъ, у Елисеева съ г. Эвальдомъ былъ по этому поводу разговоръ, изъ котораго выяснилась невозможность ихъ совмѣстной работы. Все это факты, но затѣмъ идетъ освѣщеніе фактовъ. Нѣкоторое сомнѣніе внушаетъ уже самая сбивчивость показаній г. Эвальда относительно времени, когда именно выяснилась для него невозможность совмѣстной работы съ Елисеевымъ: какъ будто «по первому взгляду», а какъ будто и еще раньше. Я бы не удивился, еслибы въ дѣйствительности это оказалось гораздо позже, а именно въ конечномъ результатѣ бесѣды, причемъ, разумѣется, и самая эта бесѣда должна была имѣть совсѣмъ другой характеръ. Судя по разсказу г. Эвальда, онъ позвалъ къ себѣ Елисеева и объявилъ ему, что они вмѣстѣ работать не могутъ, причемъ обращался съ нимъ свысока, поучая его, и рѣзко, даже не удостаивая

*) Пропускаю, для краткости, нѣсколько строкъ объ Очкинѣ.

называть по имени и отчеству, какъ у насъ принято, а просто «г. Елисеевъ». Самая цѣль свиданія что-то ужъ очень странна. Собственно вопросъ о согласіи или несогласіи Елисеева участвовать въ газетѣ могъ бы ему задать самъ Очкинъ или, если ужъ нуженъ былъ посредникъ, то Кожанчиковъ. Очевидно, г. Эвальдъ имѣлъ сказать нѣчто гораздо болѣе значительное, чѣмъ простой вопросъ о согласіи Елисеева работать въ «Очеркахъ», и болѣе дѣловое, чѣмъ элементарныя разсужденія о характерѣ англійскаго прогресса, да иначе Елисееевъ, предупрежденный Кожанчиковымъ, и не пошелъ бы на зовъ г. Эвальда. Но и помимо этого весь тонъ разговора мало вѣроятенъ даже для людей, не знавшихъ Елисеева. Чтобы достойно оцѣнить эту маловѣроятность, достаточно сопоставить тогдашнее положеніе въ литературѣ Елисеева и г. Эвальда. Елисееву, какъ уже сказано, было въ это время за сорокъ лѣтъ. Онъ занималъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ литературѣ, въ качествѣ постояннаго сотрудника и члена редакціи «Современника», былъ «въ большой модѣ», какъ выразился объ немъ, по словамъ г. Эвальда, Очкинъ. Въ 1861 г. въ Петербургѣ составилась артель литераторовъ, предполагавшая издавать на паяхъ еженедѣльную газету «Мірской Толкъ». Редакторомъ былъ выбранъ Елисеевъ, но газета не была разрѣшена. Въ 1862 г. компанія человѣкъ въ тридцать литераторовъ пріобрѣла у П. И. Вейнберга газету «Вѣкъ». Въ числѣ новыхъ издателей-сотрудниковъ были: К. К. Арсеньевъ, братья Курочкины, Лѣсковъ, С. В. Максимовъ, Помяловскій, братья Потѣхины, Серно-Соловьевичъ, Унковскій, Н. Успенскій, Шелгуновъ, Щаповъ, Энгельгардтъ и др. Редакторомъ опять таки былъ выбранъ единогласно Елисеевъ, и любопытно, что выборъ этотъ заслужилъ одобреніе Каткова въ «Современной Лѣтописи». Въ 1863 г. «Искра», о тогдашнемъ значеніи которой нынѣшнему читателю трудно и судить, издавалась съ виньеткой, на которой каждую изъ пяти буквъ, составляющихъ названіе газеты, несутъ главные сотрудники. Букву «И», первую, несетъ Елисеевъ. Словомъ, въ разныхъ литературныхъ кругахъ Елисеевъ являлся, по выраженію Шелгунова, «мужемъ совѣта», всѣмъ хорошо извѣстнымъ, всѣми уважаемымъ. Г-нъ же Эвальдъ никогда во всю свою жизнь не занималъ хотя бы отдаленно подобнаго положенія въ литературѣ, а въ то время, къ которому относится вышеприведенный разсказъ, былъ просто начинающій писатель. Онъ не сообщаетъ, когда именно было напечатано его первое произведеніе; во всякомъ случаѣ это была какая то бездѣлка, написанная ради прекрасныхъ глазъ барышни, за которою авторъ «немножко ухаживалъ», и самъ онъ «не придалъ этому случаю большого значенія и далѣе не продолжалъ писать нѣсколько лѣтъ». Затѣмъ онъ «вступилъ на печальный и тернистый путь русскаго журналиста» въ 1860 или 1861 г. въ качествѣ заграничнаго корреспондента «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», а въ 1862 г. началъ писать въ «Отечественныхъ Запискахъ» (значеніе которыхъ тогда уже сильно упало) фельетоны подъ за-

главіемъ «Все и ничего». И въ томъ же 1862 г. этотъ литературный младенецъ такъ разговаривалъ съ Елисеевымъ...

Да проститъ мнѣ читатель, что я его занимаю столь подробнымъ изслѣдованіемъ давно забытаго и совершенно ничтожнаго литературнаго эпизода. Но, оставляя даже въ сторонѣ мое личное глубокое почтеніе къ памяти покойнаго Елисеева, я думаю, что именно его память особенно нуждается въ огражденіи отъ наскоковъ охочихъ людей, въ воспоминаніяхъ которыхъ, по словамъ г. Эвальда, авторъ «всегда выходитъ правъ, всегда умнѣе и честнѣе другихъ». Я не хочу этимъ сказать, что въ данномъ случаѣ г. Эвальдъ выходитъ умнѣе или честнѣе Елисеева. Не могу повѣрить, чтобы г. Эвальдъ съ точностью воспроизвелъ бесѣду литературнаго младенца съ «мужемъ совѣта», но собственно ума въ приведенномъ разсказѣ на сторонѣ Елисеева больше всетаки, чѣмъ на сторонѣ разсказчика. «Вы исповѣдуете разрушеніе, а я созиданіе»... англичане «вѣчно создаютъ новое, никогда не разрушая ничего стараго»,—это просто фразы, пустыя и неумныя фразы, тогда какъ возраженіе Елисеева, даже въ передачѣ г. Эвальда, совершенно вѣрно, азбучно, элементарно вѣрно: въ самомъ дѣлѣ вѣдь «одно безъ другого немыслимо».

Перелистывая воспоминанія самого г. Эвальда и останавливаясь на страницахъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ, т. е. на такихъ, гдѣ онъ является не героемъ добродѣтели или ума, я нахожу, напримѣръ, слѣдующее. Въ 1869 году ему захотѣлось ухватить на свою долю какую-нибудь желѣзнодорожную концессію. Онъ видѣлъ, какъ быстро богатѣютъ фонъ-Дервизы, Поляковы, Варшавскіе и проч., и рѣшилъ тоже попробовать счастья. Намѣтилъ онъ линію отъ Москвы къ Воскресенскому посаду, при которомъ находится монастырь Новый Іерусалимъ, посѣщаемый многочисленными богомольцами,—на ихъ-то религіозномъ рвеніи онъ и разсчитывалъ построить свое благополучіе. Надо было заручиться содѣйствіемъ московскаго митрополита Иннокентія, и вотъ, между прочимъ, какой вопросъ задалъ г. Эвальдъ митрополиту: «Я могу исполнить это дѣло только при содѣйствіи Варшавскаго, еврея. Не будетъ-ли это непріятно вашему высокопреосвященству?» Митрополитъ отвѣчалъ: «Отчего же непріятно? Да Господь съ нимъ, что онъ еврей. Какой ни на есть, онъ всетаки въ Бога вѣруетъ. Вотъ церковь строить еврею было бы не совсѣмъ удобно, это правда, а что касается желѣзной дороги, хотя бы къ монастырю, то я въ этомъ не вижу никакого препятствія. Нѣтъ, нѣтъ, этого вы не опасайтесь». Замѣтьте, что, какъ видно изъ діалога между митрополитомъ и г. Эвальдомъ, послѣдній самъ никогда въ Новомъ Іерусалимѣ до тѣхъ поръ не бывалъ, объ удовлетвореніи религіозной потребности богомольцевъ вовсе не думалъ и только освѣдомлялся: «думаете-ли, ваше высокопреосвященство, что эта дорога будетъ давать достаточный доходъ?» «вамъ неизвѣстно, какъ велико приблизительно

число паломниковъ въ настоящее время?» И этотъ-то человѣкъ полагаетъ, что еврею, которому, конечно, тоже нѣтъ дѣла до религіозныхъ потребностей ново-іерусалимскихъ богомольцевъ, можетъ быть и неприлично строить желѣзную дорогу къ монастырю. Такое чисто формальное и нѣсколько лицемѣрное благочестіе не рѣдкость въ нашемъ духовномъ обиходѣ, и митрополитъ Иннокентій естественно явился по отношенію къ нему отрицателемъ, «разрушителемъ», изъ чего однако, не слѣдуетъ, что въ его дѣятельности не было ничего созидательнаго.

Другой примѣръ, совсѣмъ изъ другой области. Хотя дѣло съ постройкой желѣзной дороги къ Новому Іерусалиму въ концѣ концовъ и не выгорѣло у г. Эвальда, но онъ всетаки дѣлалъ изысканія этого пути. На этихъ изысканіяхъ на него напали мужики, такъ что ему пришлось пугнуть ихъ револьверомъ. Такъ-ли онъ все это разсказываетъ, какъ оно дѣйствительно было, вопросъ особый; но итогъ его таковъ: «Трудно вѣрится самому себѣ, что все это было такъ недавно и притомъ подъ самой Москвой, а не въ глухихъ дебряхъ какой-нибудь Енисейской губерніи!» Тамъ же ему пришлось ѣсть въ крестьянской избѣ крестьянское кушанье,— похлебку изъ ржаной муки, листьевъ подорожника и грибовъ. Ѣсть эту мерзость онъ не могъ, да и угощавшая его баба предупредила, что, дескать, «очень паскудная похлебка». «Нечего ѣсть то у насъ,— пояснила она въ дальнѣйшемъ разговорѣ: хлѣбъ куды плохой родится, земля—песокъ одинъ. Вотъ кабы картофель намъ сажать, такъ мы богатѣи были бы! Картофель у насъ родится словно сахаръ: сладкій, разсыпчатый, скусный такой.—Такъ отчего же вы не садите картофель? — Нельзя, баринъ: мужики говорятъ, что это — чортово яблоко». Въ той же деревнѣ г. Эвальдъ увидалъ, что всѣ ея жители, бабы, мужики, ребята вяжутъ чулки,—сидятъ на улицѣ и вяжутъ: «выходила точно каррикатура на крестьянскій бытъ!» Оказалось, что другихъ заработковъ нѣтъ, и деревня глубоко благодарна московскому купцу, заказывающему ей чулки. Г. Эвальдъ предложилъ своей хозяйкѣ связать ему полдюжины, но та предупредила его, что эти чулки нельзя носить, потому что «нитка совсѣмъ гнилая: часу не проносишь, какъ весь чулокъ расползется на ногѣ.— Такъ на что же купцу такіе чулки? — Для торговли, онъ ихъ на нижегородской ярмаркѣ тысячами продаетъ». Приведя еще два-три штриха, г. Эвальдъ заключаетъ: «Боже мой, какая жизнь! Каторжники въ острогахъ живутъ сытнѣе и съ большимъ комфортомъ, чѣмъ эти несчастные труженики, которыхъ некому ни научить, ни просвѣтить... И это, опять повторяю, подъ самой Москвой, ворочающей торговлей всей Россіи!»

Не будемъ больше рыться въ мемуарахъ г. Эвальда и возьмемъ только вышеприведенное. Возьмемъ самого г. Эвальда въ его бесѣдѣ съ митрополитомъ Иннокентіемъ, подмосковныхъ крестьянъ, съ которыми нужно разговаривать съ револьверомъ въ рукахъ,

«очень паскудную похлебку», которую нельзя ѣсть, и очень «скусный» картофель, котораго нельзя сажать, сотни рукъ, занятыхъ вязаніемъ чулокъ, которыхъ нельзя носить и которые, однако, тысячами распродаются на нижегородской ярмаркѣ. Возьмемъ все это вмѣстѣ, какъ цѣльную картину, и попросимъ г. Эвальда приложить къ ней его будто бы англійскій рецептъ: «вѣчно создавать новое, никогда не разрушая ничего стараго». Ясно, что это совершенно пустопорожняя фраза, но она довольно часто пускается въ ходъ вмѣстѣ съ другой, столь же пустопорожней фразой г. Эвальда: «вы исповѣдуете разрушеніе, а я созиданіе». Пустопорожняя вообще, эта послѣдняя фраза въ особенности непозволительна по отношенію къ Елисееву, во-первыхъ потому, что въ этомъ случаѣ фактически сугубо не вѣрна, а во-вторыхъ потому, что ей всетаки могутъ повѣрить въ виду малой извѣстности писаній Елисеева, почти сплошь анонимныхъ.

Упорство, съ которымъ Елисеевъ держался анонимности, достойно вниманія. Не удивительно, что его первыя статьи въ «Современникѣ» являлись безъ подписи: робость и скромность начинающихъ писателей—дѣло столь же обыкновенное, какъ и естественное. Затѣмъ всякому руководящему журналисту приходится иногда писать анонимныя статьи, разъ онѣ имѣютъ общередакціонный характеръ. Анонимныя «внутреннія обозрѣнія» у насъ тоже одно время были общепріняты, хотя надо замѣтить, что можетъ быть примѣръ именно Елисеева до извѣстной степени повліялъ на установленіе этого обычая. Но во всякомъ случаѣ у писателя, работающаго десятки лѣтъ въ журналистикѣ, притомъ въ наиболѣе распространенныхъ журналахъ, все таки въ концѣ концовъ оказывается хорошо знакомое публикѣ имя, и статьи анонимныя составляютъ въ его литературномъ наслѣдіи лишь болѣе или менѣе значительное исключеніе. У Елисеева напротивъ исключеніемъ являются статьи, подписанныя собственнымъ именемъ или псевдонимомъ «Грицко». Да и то въ силу требованій, такъ сказать, журнальной политики. Такъ, первыя его статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ» были подписаны, и это было нужно, чтобы показать читателямъ, что Некрасовъ не оспротѣлъ, что не всѣ старые сотрудники отъ него отвернулись.

Какъ уже сказано, въ литературныхъ кругахъ Елисеевъ являлся, по выраженію Шелгунова, «мужемъ совѣта», всѣмъ хорошо извѣстнымъ, всѣми уважаемымъ. Но огромному большинству читателей имя Елисеева ничего или почти ничего не говорило, благодаря упорству, съ которымъ онъ держался анонима. Это не была просто скромность. Елисеевъ былъ очень скроменъ, но цѣну себѣ зналъ. Объясненія надо, кажется, искать въ его взглядахъ на популярность въ Россіи вообще, на популярность русскаго писателя въ особенности.

Взгляды эти изложены въ одномъ изъ внутреннихъ обозрѣній

(1876 г., май). Онъ говоритъ тамъ, что настоящая популярность состоитъ въ томъ, чтобы «стать во главѣ болѣе или менѣе значительной части общества, дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ для извѣстной цѣли, сообща устраняя препятствія, лежащія на пути къ ней, и сообща изобрѣтая и употребляя тѣ или другія средства для достиженія ея». Но, продолжаетъ Елисеевъ, «у насъ всякая инициатива и дѣятельность, предпринятая въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ для общества, возможна только подъ формою оффиціальною, а потому и популярность у насъ возможна только оффиціальная». А затѣмъ у насъ возможна лишь популярность «мѣстная, сословная и кружковая»,—узкая, хрупкая, не дающая удовлетворенія потребности участвовать въ общей жизни. Что касается характера и значенія литературной дѣятельности, то, по мнѣнію Елисеева, къ ней и теперь можетъ быть приложено то, что говорилъ кн. Вяземскій въ книгѣ о Фонъ-Визинѣ: «Посреди безмолвія оцѣпенѣнія, царствующаго въ обществѣ, можетъ возвыситься иногда голосъ автора, который сильно подѣйствуетъ на вним ніе общества его окружающаго: общество отвѣчаетъ ему съ силою и быстротою потрясеннаго сочувствія, но сіе дѣйствіе случайно, скоропостижно и недолговременно. По своей мимолетности, оно ничѣмъ не отличается отъ того восторга и сочувствія, которыя зажигаютъ въ своихъ слушателяхъ сладкозвучный Ромбергъ или молніеносный смычокъ Паганини... Концертъ отслушанъ, книга прочитана, и тотъ и другой возбудили нѣсколько изящныхъ ощущеній, можетъ быть нѣсколько благородныхъ соревнованій, но тѣмъ все и кончилось». Отъ себя Елисеевъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Тамъ, гдѣ литература, какъ у насъ, не есть выраженіе общежитія, литераторъ не знаетъ, съ кѣмъ онъ бесѣдуетъ, не знаетъ даже, есть-ли у него собесѣдники, не говоритъ ли онъ даже просто въ пустое пространство. По крайней мѣрѣ, если бы онъ сталъ судить о плодахъ своей дѣятельности по проходящимъ передъ нимъ явленіямъ, то онъ долженъ бы былъ убѣдиться въ полной своей безполезности и съ отчаяніемъ бросить перо навсегда. Потому что въ дѣйствительности большею частью дѣлается какъ разъ совершенно противное тому, чему онъ учитъ, за что ратуетъ, на чемъ настаиваетъ. Конечно, литераторъ имѣетъ право предполагать, что помимо этой рутинной, парадной дѣйствительности, проходящей передъ его глазами въ видѣ тѣней волшебнаго фонаря, такъ же призрачной, ничтожной и скоро преходящей, какъ эти тѣни, есть другая дѣйствительность, болѣе прочная и дѣйствительная, за которою будущность: это—молодые умы и сердца, разсѣянные по всему лицу огромной русской земли, которые страстно ловятъ каждое его слово, всасываютъ въ себя его идеи, вводятъ въ свою жизнь и дѣятельность проповѣдуемые имъ принципы, приготовляясь быть дѣятелями въ будущемъ... Но вѣдь это предположеніе можетъ быть и пустой мечтой. Однимъ словомъ, для литератора тѣхъ обществъ, гдѣ XVIII в·

еще не кончился, гдѣ онъ не поставленъ въ непосредственной связи съ своей партіей и не несетъ открыто ея знамени, остаются скрытыми существенные результаты его дѣятельности. Онъ можетъ болѣе или менѣе знать только дѣйствіе своего литературнаго пера на мозги культурныхъ людей ближайшихъ къ нему круговъ и кружковъ. Онъ можетъ читать похвалы своимъ сочиненіямъ въ печати, можетъ слышать лестные отзывы о нихъ въ публикѣ. Но для того, чтобы довольствоваться этимъ дешевымъ ѳиміамомъ, исходящимъ или отъ записныхъ литературныхъ судей ex officio, или отъ людей, которые читаютъ сочиненія отъ скуки, ради препровожденія времени, для пищеваренія и т. п., и чтобы видѣть въ этомъ вѣнецъ и цѣль своей дѣятельности, надобно плавать уже слишкомъ мелко».

Все это Елисеевъ говоритъ въ примѣненіи къ Щапову, который не нашелъ удовлетворенія въ литературной дѣятельности. Но все это относится и къ другимъ русскимъ писателямъ, въ томъ числѣ и къ самому Елисееву. Какъ видитъ читатель, онъ не строилъ себѣ никакихъ иллюзій на счетъ своей литературной дѣятельности. Онъ, занятый преимущественно дѣлами текущей жизни, вопросами дня, долженъ былъ въ особенности ясно чувствовать практическое безсиліе литературы и, слѣдовательно, ничтожество популярности. Популярностью кружковою, собственно въ литературныхъ сферахъ, онъ пользовался въ достаточной степени, чтобы имѣть здѣсь практическое вліяніе, и анонимность этому не мѣшала, а за этими предѣлами не объ чемъ и хлопотать: знаютъ ли тебя тамъ, не знаютъ ли—все равно ты практически равенъ нулю или почти нулю, а нулю и не подобаетъ носить собственное имя.

Я думаю, что Елисеевъ, если таковъ дѣйствительно былъ ходъ его мысли, очень ошибался. Онъ не ошибался, къ сожалѣнію, относительно общаго значенія русской литературы, это—та же горькая для насъ, писателей, правда, которую Салтыковъ выразилъ знаменитою фразой: «писатель пописываетъ, читатель почитываетъ». Эта правда можетъ быть даже горше, чѣмъ казалась Елисееву. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда «молодые умы и сердца, страстно ловящіе каждое слово писателя»—не «пустая мечта», онъ, писатель, по бывшимъ примѣрамъ, не можетъ поручиться, что завтра же какая нибудь случайная волна не смоетъ всего этого увлеченія, такъ что отъ него и на сѣмена ничего не останется. И за это нельзя даже особенно винить русскаго читателя. Но анонимность можетъ только содѣйствовать этому положенію, только усугубить ту шаткость преемственности, которая составляетъ болѣзнь нашего общества и естественный привѣсокъ къ практическому безсилію нашей литературы. Все изнашивается съ теченіемъ времени, безсмертіе, даже въ самомъ условномъ смыслѣ этого слова, есть достояніе очень и очень немногихъ, къ числу которыхъ Елисеевъ, конечно, не принадлежалъ. Но анонимность искусственно сокращаетъ жизнь писателя въ потомствѣ, въ особенности у насъ, и лишаетъ идеи,

которымъ служилъ писатель при жизни, той поддержки, какую онѣ могли бы имѣть въ его лицѣ и послѣ его смерти. Точка зрѣнія Елисеева на наши внутреннія дѣла далеко не износилась. Напротивъ, теперь, можетъ быть больше, чѣмъ, при его жизни, получаетъ она важное значеніе. Нельзя поэтому не пожалѣть объ томъ, что онъ слишкомъ ужъ презиралъ ту степень популярности, какая возможна для русскаго писателя, помимо непосредственныхъ практическихъ результатовъ его дѣятельности, а въ связи съ этимъ находятся и нѣкоторыя другія черты писательской физіономіи Елисеева.

Довольствоваться похвалами своимъ сочиненіямъ въ печати и лестными отзывами о нихъ въ публикѣ, видѣть въ этомъ вѣнецъ и цѣль своей дѣятельности, это, разумѣется, значитъ очень мелко плавать. Настоящій, «кровный» писатель, даже въ томъ случаѣ, если онъ страдаетъ излишкомъ чувствительности къ похваламъ,—а вѣдь похвалы съ одной стороны рѣдко обходятся безъ порицаній съ другой,—имѣетъ въ виду и нѣчто иное. Онъ хочетъ возбудить въ читателяхъ извѣстныя мысли и чувства по отношенію къ обсуждаемому предмету и вызвать соотвѣтственныя дѣйствія, не сегодня, такъ завтра, хотя это «завтра» можетъ растянуться на многіе и многіе годы. Но тотъ-же настоящій, кровный писатель не можетъ, какъ предположилъ Елисеевъ, «съ отчаянія бросить перо навсегда», даже «убѣдившись въ полной своей безполезности», въ смыслѣ непосредственныхъ практическихъ результатовъ. Отчаяніе, конечно, возможно, но думать объ томъ, что васъ занимаетъ, отказаться нельзя, а думать и писать, для такого писателя, почти синонимы. И если онъ не можетъ писать о большомъ, онъ будетъ писать о маломъ, съ тѣми самыми пріемами мысли, какіе примѣнилъ-бы, при иныхъ обстоятельствахъ времени, мѣста и образа дѣйствія, къ большему. Елисеевъ былъ, по самому складу своего ума, практикъ, «мужъ совѣта», практическаго, удобоисполнимаго совѣта. И я не сомнѣваюсь, что еслибы онъ былъ «поставленъ въ непосредственной связи съ своей партіей и несъ открыто ея знамя», еслибы это было возможно по условіямъ русской жизни, то онъ былъ-бы крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Въ немъ всегда билась жилка практическаго реформатора, не придающаго особенно большого значенія отдаленнымъ теоретическимъ основамъ обсуждаемаго вопроса, но не довольствующагося и простымъ констатированіемъ факта, вызывающаго съ его стороны рѣзкую критику, а всегда готоваго представить положительный проектъ реформы. Такой *дѣловой* характеръ дѣятельности, обусловливаемый самымъ складомъ ума Елисеева, обязывалъ его крѣпко держаться дѣйствительности и искать въ ней точки опоры, какъ-бы это ни было трудно при данныхъ обстоятельствахъ, какъ-бы ни была она далека отъ идеала, который жилъ въ его душѣ. Въ этомъ заключалась и его сила, и его слабость.

Есть, однако, точка зрѣнія, съ которой и эта сила, и эта слабость—фантомы, а идеалы и идеи—пустяки, не имѣющія никакого значенія. Ибо, во-первыхъ, «идеи не выходятъ изъ головы Юпитера, какъ Минерва, но возникаютъ на почвѣ общихъ матеріальныхъ и культурныхъ условій эпохи»... Это-то мы и безъ васъ знаемъ,—перебьетъ меня можетъ быть иной нетерпѣливый читатель,—это ужъ лѣтъ тридцать слишкомъ намъ литература на разные манеры толкуетъ, и ново это развѣ только для васъ, да и къ дѣлу не идетъ; вы мнѣ скажите, почему идеи, такъ-ли сякъ-ли возникшія, не имѣютъ значенія...—Извольте, но я долженъ сказать, что приведенная фраза принадлежитъ не мнѣ, а г. М. Туганъ-Барановскому, и находится въ статьѣ «Значеніе экономическаго фактора въ исторіи», напечатанной въ декабрьской книжкѣ журнала «Міръ Божій». Что касается, относительно говоря, почтеннаго возраста мысли, выраженной въ этой фразѣ, то зачѣмъ вамъ непремѣнно новыя мысли, если и старыя хороши? не надо только выдавать ихъ за новыя. А затѣмъ, на интересующій васъ вопросъ г. Туганъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: «Вліяніе научныхъ идей, въ сущности, довольно ограниченно. Очень мало людей серьезно читаетъ книги, а еще меньше такихъ, на которыхъ книги оказываютъ настолько глубокое дѣйствіе, что они подъ вліяніемъ книгъ измѣняютъ свое поведеніе. Обыкновенный средній человѣкъ живетъ не умомъ, а чувствомъ; условія его жизни воспитываютъ въ немъ цѣлый рядъ наклонностей, симпатій и антипатій, предвзятыхъ мыслей, предразсудковъ, которые глубоко коренятся въ его душѣ и не могутъ быть измѣнены книгами. Характеръ человѣка опредѣляется не книгами, а всей его жизненной обстановкой, противъ которой, точно также, какъ и противъ интересовъ, книги безсильны. Даже и на взгляды людей книги оказываютъ далеко не такое сильное вліяніе, какъ обыкновенно думаютъ».

Какъ увидимъ ниже, тирада эта, въ связи съ содержаніемъ всей статьи г. Тугана, интересна во многихъ отношеніяхъ. Но остановимся пока только на одной сторонѣ дѣла. Если г. Туганъ хочетъ вразумить тѣхъ, кто думаетъ книгой или идеей, только книгой и идеей, направлять ходъ исторіи, то онъ, конечно, правъ. Но, по всѣмъ видимостямъ, онъ хочетъ сказать нѣчто гораздо большее и только изъ снисхожденія къ предразсудкамъ читателей ставитъ маленькія ограниченія: «въ сущности довольно ограниченно», «очень мало», «не такое сильное, какъ обыкновенно думаютъ». Въ принципіальномъ отношеніи эти оговорки никакого значенія не имѣютъ и свидѣтельствуютъ только о нѣкоторомъ наивномъ лукавствѣ автора, которое уже и въ томъ сказывается, что онъ говоритъ лишь о «научныхъ» идеяхъ. Ну, а прочія, напримѣръ, религіозныя, сплошь и рядомъ не нуждающіяся въ «книгѣ» для своего распространенія, обращающіяся не столько къ «уму», сколько къ

«чувству», властно охватывающія всего человѣка со всѣми его симпатіями и антипатіями?

Здѣсь я предвижу одну сказку про бѣлаго бычка, которою возразилъ-бы г. Туганъ, еслибы я имѣлъ честь лично бесѣдовать съ нимъ. Онъ сказалъ-бы, напримѣръ: чего далеко ходить,—въ той-же декабрьской книжкѣ «Міра Божія» въ отдѣлѣ «Разныя разности» сообщается о статьѣ «Вѣстника Европы» по поводу изданнаго г. Лопыревымъ сочиненія XVII вѣка о самосожигателяхъ. Въ замѣткѣ «Міра Божія» читаемъ: «Происхожденіе раскола обыкновенно объяснялось невѣжествомъ народной массы, не понявшей исправленія церковныхъ книгъ при Никонѣ». «Но, говоритъ г. Лопыревъ, новѣйшія изслѣдованія показали, что корни «старой вѣры» лежали дальше Никона и что глубокая основа раскола лежала въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ». Вотъ,—сказалъ-бы г. Туганъ,—видите: «*новѣйшія* изслѣдованія показали, что и религіозныя идеи выростаютъ на почвѣ общихъ матеріальныхъ и культурныхъ условій». Я не читалъ ни книги, изданной г. Лопыревымъ, ни статьи о ней «Вѣстника Европы», а потому не знаю, въ какомъ смыслѣ говорится о *новѣйшихъ* изслѣдованіяхъ раскола, но собственно та точка зрѣнія, съ которой здѣсь трактуется расколъ, установлена 30—35 лѣтъ тому назадъ (вспомните Щапова), такъ что эпитетъ «новѣйшія» надо понимать очень условно. Несомнѣнно, однако, что въ составъ «соціально-экономическихъ отношеній», породившихъ самосожигательство, входило и невѣжество. По словамъ замѣтки «Міра Божія», авторъ упомянутаго трактата XVII вѣка «свидѣтельствуетъ, что большинство раскольниковъ-зажигателей были людьми необразованными, людьми «глубоко безсловесными», чѣмъ отчасти и объясняется фактъ массовыхъ самоубійствъ». А главное, что я имѣлъ-бы возразить г. Тугану, состоитъ въ томъ, что онъ разсказываетъ сказку про бѣлаго бычка: мы говоримъ теперь не о происхожденіи, а о вліяніи идей,—«научныхъ» и всякихъ другихъ, распространяемыхъ при помощи книгъ и всякими другими путями. Въ видѣ иллюстраціи сдѣлаю еще выписку изъ замѣтки «Міра Божія»: «Около 1685 г. была «гарь» близъ Пошехонья. Раскольничій попъ до того довелъ свою паству, что она рѣшилась идти въ огонь, и въ ту-же ночь человѣкъ 600 собралось въ одномъ домѣ, подожгли его и заживо сгорѣли».

Такъ что, не будь этотъ самый раскольничій попъ столь краснорѣчивъ, 600 человѣкъ можетъ быть и не сожглись бы, а поискали бы (какъ и искали другіе) какого-нибудь другого выхода изъ данныхъ «соціально-экономическихъ отношеній». Но для г. Тугана 600 мучительнѣйшихъ смертей, это такіе пустяки...

Наивное лукавство г. Тугана сказывается не только въ томъ, что, заговоривъ объ идеяхъ вообще, онъ сводитъ дѣло на идеи «научныя» и книги, а и во всей его аргументаціи. «Очень мало людей серьезно читаетъ книги». — Что это за аргументъ? Надо ли

«серьезно» читать, чтобы, напримѣръ отравиться изо дня въ день подносимой порнографической и кроваво-уголовной пищей парижской бульварной прессы? По крайней мѣрѣ, знаменитѣйшіе французскіе психіатры не разъ вступались въ это дѣло, указывая на грозящія всему обществу опасности. Ну, а для г. Тугана это пустяки. Далѣе, если люди читаютъ мало, то вѣдь они могутъ читать и больше: у насъ совсѣмъ мало, въ Германіи и Англіи больше, а съ теченіемъ времени будутъ и еще больше, такъ что на «очень мало» г. Тугана можно и очень мало построить. Одно изъ двухъ: или идеи имѣютъ вліяніе,—тогда давайте работать, или онѣ его не имѣютъ,—тогда не зачѣмъ и огородъ городить, не зачѣмъ и статьи о «значеніи экономическаго фактора писать», онъ, этотъ факторъ, безъ насъ съумѣетъ заявить себя.

Тѣмъ не менѣе г. Туганъ написалъ и напечаталъ свою статью, въ которой изложилъ, по его собственнымъ словамъ, «весьма плодотворную», то есть весьма вліятельную гипотезу. Онъ, сколько мнѣ извѣстно, читаетъ въ петербургскомъ университетѣ лекціи, которыми старается повліять на умы своихъ слушателей, въ разсчетѣ, что они въ свою очередь понесутъ это вліяніе и дальше. Онъ, можетъ быть, состоитъ членомъ комитета грамотности или какого-нибудь другого учрежденія, взявшаго на себя благородную задачу распространенія просвѣщенія. Онъ, я увѣренъ, совсѣмъ не такъ жестокосердъ, чтобы ему было «вполнѣ и исключительно наплевать» на 600 мучительныхъ смертей; напротивъ, я увѣренъ, что случись на его глазахъ что нибудь подобное, онъ съ жаромъ противопоставилъ бы свои собственныя идеи идеямъ раскольничьяго попа и свое краснорѣчіе его краснорѣчію. Наконецъ, мнѣ было бы оченъ не трудно указать, какія идеи и книги рѣшительно, до ослѣпленія рѣшительно повліяли на него самого, на г. Тугана. Откуда же такое странное недоразумѣніе? Почему г. Туганъ, такъ... деликатно выражаясь, такъ неосторожно и неблагодарно относится къ хлѣбу, его самого вскормившему и имъ самимъ раздаваемому, если предположить, конечно, что онъ предлагаетъ своимъ читателямъ и слушателямъ хлѣбъ, а не камень? Дѣло именно въ томъ, что извѣстныя идеи и книги повліяли на г. Тугана до ослѣпленія, и такъ быстро, что онъ не успѣлъ даже познакомиться съ исторіей этихъ самыхъ идей. Для разъясненія этого прискорбнаго обстоятельства мнѣ придется сдѣлать нѣкоторое отступленіе. Но и раньше того мнѣ хочется сказать нѣсколько постороннихъ словъ. Хочется сказать именно, что я очень сожалѣю объ томъ, что въ своихъ скромныхъ замѣткахъ о текущей литературѣ и жизни мнѣ случайно приходится впервые упомянуть о «Мірѣ Божіемъ» въ связи со статьей г. Тугана. Еслибы я говорилъ вообще объ этомъ почтенномъ изданіи, столь быстро и заслуженно занявшемъ видное мѣсто въ средѣ нашей журналистики, то я долженъ бы былъ сказать много хорошаго. Но статья г. Тугана не украшаетъ почтенный журналъ...

У Глѣба Успенскаго есть прелестный разсказъ «Неизлѣчимый»,— одинъ изъ тѣхъ, въ которыхъ свойственный этому писателю тонкій переплетъ трагическаго и комическаго элементовъ рисуется съ особенною яркостью. Герой разсказа — запрещенный дьяконъ, лишенный сана за пьянство и проявленіе «свиного элемента» вообще. Но это не столько порочный, сколько несчастный человѣкъ, одолѣваемый, подобно многимъ дѣйствующимъ лицамъ разсказовъ Успенскаго, «болѣзнью совѣсти». Онъ искренно желаетъ исправиться, обновиться и, не находя въ себѣ достаточной силы воли, прибѣгаетъ за совѣтами къ доктору. Тотъ рекомендуетъ ему прежде всего прекратить пьянство и прописываетъ желѣзо. Но именно пить то онъ и не можетъ перестать, потому что, въ ожиданіи обновленія, только водкой и можетъ залить свое горе (а горе у него есть настоящее, большое); что же касается лекарства, прописаннаго докторомъ, то его все беретъ сомнѣніе,—дѣйствительно ли оно «вступаетъ»?.. Онъ приступаетъ съ этимъ мучающимъ его вопросомъ къ доктору. Докторъ недоумѣваетъ.

— Что такое «вступаетъ»? Что вы тутъ толкуете? куда вступаетъ?— Да желѣзо-то... Точно-ли, молъ, вступаетъ въ это... какъ его?—Въ кровь что-ль? Въ организмъ?—Вотъ, вотъ... въ это самое... Точно-ли-молъ?... — Ахъ, отецъ Аркадій, или какъ тамъ васъ, отецъ вы или кто ужъ не знаю... Сколько разъ я вамъ говорилъ—да! да! вступаетъ! И именно вступаетъ въ кровь! За какимъ-же чортомъ, спрашивается, я вамъ его прописывалъ? Ну скажите, ради Бога, за какимъ чортомъ? — Отецъ дьяконъ кашлянулъ. — Вы, продолжалъ докторъ, отдѣляя каждое слово:—вы пили, кровь у васъ теперь—не кровь, а сусло... Понимаете? сусло, а не кровь!...—Позвольте, перебилъ дьяконъ: — Господи помилуй! Да развѣ я объ этомъ? Конечно, пьешь... да нѣшто я объ этомъ? Сусло! Я и самъ знаю, что сусло... — Ну такъ что-же тутъ, о чемъ-же тутъ разговаривать? Принимайте желѣзо—и все!—И, то-есть, ужъ въ самый корень вступить?—Я не знаю, что это за корень... Вамъ куда надо-то?—Да по мнѣ-бы въ самую настоящую точку...— Еще куда?... Въ корень, въ точку, еще куда?—То-есть, чтобъ въ сам-мую, напримѣръ, въ жилу? — Дьяконъ ждалъ отвѣта. — Знаете, что я вамъ скажу, отецъ дьяконъ, довольно строгимъ тономъ заговорилъ докторъ:— Такъ говорить нельзя... Помилуйте! Да такого разговора самъ чортъ не разберетъ... Что это значитъ—въ самую точку? Гдѣ самая жила, а гдѣ не самая? Вѣдь это—просто чортъ знаетъ что такое! Что такое вы говорите?— Дьяконъ и самъ засмѣялся. — Чортъ ее знаетъ, въ самомъ дѣлѣ, плетешь языкомъ невѣсть что!...—Ей-Богу, вѣдь это невозможно!... Въ точку, да въ жилу... — Ха-ха-ха!... хохоталъ дьяконъ.— Ей-Богу невозможно!... — Послѣ незначительнаго молчанія, во время котораго докторъ, надо думать, смягчился, разговоръ возобновился вновь. — Я вамъ говорю, началъ докторъ спокойно и категорически: — желѣзо вступаетъ въ кровь! разъ!— Такъ!— Поправляетъ и укрѣпляетъ нервы!—Два! тоже категорически отчеканивалъ дьяконъ. Далѣе?—Да чего-жъ вамъ еще?—А въ душу?—Что въ душу?—Да въ душу-то вступаетъ-ли?

Такъ какъ доктора этотъ вопросъ ставитъ окончательно въ тупикъ, то и дьяконъ въ свою очередь объявляетъ, что «какой же, дескать, ему расчетъ его пить, ежели оно только обаполо болѣзни ходитъ, тамъ, въ эти нервы въ разные, а въ самую, значитъ, суть

то и нѣтъ!» Дьяконъ уходитъ, но опять возвращается. Онъ надумалъ: для тѣла пусть будутъ порошки эти самые, а для души—чтеніе; не дастъ ли докторъ книжекъ почитать. Докторъ спрашиваетъ: какихъ же надо?

— Да мнѣ-бы пофундаментальнѣе...—Ну, вотъ выбирайте... Вотъ журналъ не хотите-ли?—Нѣтъ, это все мимолетное.—А вамъ надо не мимолетнаго? да?—Да ужъ что нибудь, но... того, поздоровѣй.—Поздоровѣй?...—роясь въ книгахъ. болталъ докторъ. Поздоровѣй вамъ? Не хотите-ли взять вотъ Шлоссера: это, я думаю. будетъ довольно здорово...—Это что такое—Шлоссеръ?—Исторія. — Сдѣлайте милость, это мнѣ въ самый разъ...—Ну такъ вотъ и берите...—Мнѣ-бы только, Иванъ Ивановичъ, ужъ съ самаго начала... что-нибудь...—Да вотъ, что тутъ? «Греки»... вотъ тутъ съ самаго начала...—Очень вамъ благодаренъ... То-есть, какъ вы говорите—съ самаго начала? Съ самаго начала только греческая исторія?—Только одна греческая... А вамъ что-же?—А раньше грековъ нѣтъ-ли чего?—Разумѣется, есть. Вотъ исторія Индіи... Это раньше грековъ.—А еще чего не было-ли раньше?—Ужъ я, ей-Богу, не знаю... Да зачѣмъ вамъ?—Да мнѣ бы хотѣлось ужъ, что-бы начать, напримѣръ, съ самаго корня... — Опять самые корни?—Да ей-Богу, Иванъ Ивановичъ, что жъ мнѣ хватать верхушки? Ужъ ежели поправляться, такъ надо, какъ слѣдуетъ... Вновь... Съ самаго, напримѣръ, съ кор... съ корня... Что вы смѣетесь? Ей-Богу, право... Чтожъ такъ-то?...—Да такъ, такъ. Только я незнаю, чтожъ бы такое?... Не хотите-ли «До человѣка»?—Это—книга такая? — Книга... Понимаете — до! Ужъ тутъ самый корень.—Вотъ, вотъ, вотъ! какъ-то даже сладострастно зашепталъ дьяконъ: — до! Это самое и есть—«до» всего еще?—То-есть до всего на свѣтѣ!...—Ну, ну, ну... Этого мнѣ и надо... съ самаго...—Съ самаго, съ самаго! на-те, берите!

Я не прошу у читателя прощенія за эту длинную выписку: она навѣрное доставила ему много художественнаго наслажденія и не разъ заставила улыбнуться. Продолженіе разсказа, опять таки, какъ это обыкновенно у Успенскаго, совсѣмъ не веселаго характера и получаетъ даже рѣзко-трагическій оттѣнокъ. Однако, и въ приведенномъ діалогѣ не все ужъ такъ смѣшно, какъ иному можетъ показаться съ перваго взгляда. Вы видите, что бѣдный дьяконъ дѣйствительно ищетъ, мучительно ищетъ радикальнаго леченія отъ «свиного элемента», и мука эта сквозитъ въ каждомъ смѣшномъ, неуклюжемъ словѣ, которымъ онъ тщетно старается выразить свою душевную боль. Трезвенному доктору, который формально совершенно правъ, да и слишкомъ занятъ своими прямыми обязанностями, вамъ иной разъ хочется крикнуть: да деревянный ты человѣкъ, вѣдь ты знаешь исторію этого бѣдняги, поговори же съ нимъ по просту, по человѣчески... Намъ, однако, до всего этого дѣла нѣтъ теперь,—ни до отношенія доктора къ дьякону, ни до побужденій послѣдняго. По какимъ бы то ни было причинамъ, дьяконъ ищетъ корня вещей, отметая поверхностное, по его мнѣнію, леченіе и поверхностное чтеніе. Это сама по себѣ, конечно, прекрасная черта; столь прекрасная, что я не вижу надобности распространяться въ ея восхваленіи. Но она имѣетъ свои опасныя стороны, что и на дьяконѣ сказывается. Какъ ни какъ, а въ погонѣ за средствомъ,

которое «вступало» бы въ «сам-мую жилу», онъ уклоняется отъ исполненія практическаго совѣта, быть можетъ единственнаго, какой находится въ распоряженіи медицины, а въ поискахъ книги о томъ, что было «до всего на свѣтѣ», остается безъ всякаго чтенія. Однако, самая страстность его исканія, придавая жизненность его фигурѣ, одухотворяя ее, притягиваетъ къ нему наши симпатіи. Но представимъ себѣ, что онъ достигъ своей цѣли или, вѣрнѣе, повѣрилъ, что достигъ ея,—потому что въ дѣйствительности нѣтъ и не можетъ быть «*самой* жилы», «точки», въ которую «вступало» бы помимо «нервовъ этихъ разныхъ», равно, какъ нѣтъ и не можетъ быть книги, которая разсказывала бы объ томъ, что было «до всего на свѣтѣ». Какъ бы то ни было, исканія кончились, и дьяконъ долженъ немедленно преобразиться побѣднымъ кликомъ—«эврика». Онъ понялъ все. Съ нимъ случилось то же, что съ пушкинскимъ пророкомъ: «духовная жажда» и «пустыня мрачная» отошли въ прошедшее, «отверзлись вѣщія зѣницы... и внялъ онъ неба содроганье, и горній ангеловъ полетъ, и гадъ морскихъ подводный ходъ, и дольней лозы прозябанье»... Неизвѣстно однако, услышалъ ли онъ голосъ: «возстань, пророкъ, и виждь и внемли, исполнись волею моей и, обходя моря и земли, глаголомъ жги сердца людей». Если не услышалъ, то и Богъ съ нимъ, онъ самъ себѣ довлѣетъ; если же услышалъ, то глаголъ, которымъ онъ будетъ жечь сердца людей, получаетъ общественный интересъ, а слѣдовательно заслуживаетъ нашего вниманія. И здѣсь жизненный путь просвѣтленнаго дьякона раздвояется.

Та «сам-мая точка», тотъ «корень», который нашелъ или вѣритъ, что нашелъ дьяконъ, лежитъ во всякомъ случаѣ очень глубоко; такъ глубоко, что между нимъ и просвѣтленнымъ дьякономъ помѣщается цѣлая толща разнаго рода наслоеній. Если въ немъ, въ дьяконѣ, бьется практическая жилка или даже только горячее сердце, то онъ очень скоро убѣдится, что даже въ видахъ достиженія «точки» необходимо повозиться съ этой толщей или, пожалуй, съ этой «надстройкой», а съ теченіемъ времени убѣдится онъ и въ томъ, что эти надстройки и сами по себѣ имѣютъ и значеніе, и вліяніе, отражающееся въ свою очередь на «точкѣ», что нѣтъ такой «самой точки», къ которой можно бы было свести всю безконечную сложность и пестроту жизни. Послѣ этого вторичнаго просвѣтленія дьяконъ, если судьба побаловала его нужными дарованіями, будетъ дѣйствительно глаголомъ жечь сердца людей. Но быть можетъ онъ не дѣятельная, а созерцательная натура, и искалъ «точки», какъ центра художественно цѣльной картины мірозданія или какъ отправнаго пункта для логически стройной философской системы. Это очень часто случается въ исторіи мысли, причемъ найденная «сам-мая точка» — Идея, Матерія, Духъ, Воля, Безсознательное— получаетъ характеръ и названіе «сущности вещей», а толща разныхъ наслоеній, отдѣляющая мыслителя отъ «точки», иначе говоря,

весь міръ доступныхъ опыту и наблюденію «явленій» оказывается собраніемъ, по выраженію дьякона, «мимолетностей». Эти «мимолетности», эти явленія не интересуютъ мыслителя своею пестрою игрою и не задѣваютъ его непосредственнаго чувства, — онѣ такъ преходящи, а онъ знаетъ «самую точку», «самую суть», принимающую въ нихъ безконечно разнообразныя, вѣчно смѣняющіяся формы; онѣ даже мѣшаютъ ему иногда своею пестротою и шумностью, врываясь въ спокойный ходъ его созерцанія и не съ разу укладываясь, а то и совсѣмъ не укладываясь въ приготовленную для нихъ систему. Да и зачѣмъ съ ними возиться? Найдена «самая точка», нѣчто, собственно говоря, единосущее (потому что все остальное — только мимолетныя формы бытія), нѣчто все опредѣляющее, и ничѣмъ въ свою очередь не опредѣляемое, на все воздѣйствующее, но само не подлежащее воздѣйствію. Оно само совершитъ все то, что должно быть совершено, и наше вмѣшательство будетъ или безумною дерзостью (потому что мы совершенно безсильны передъ «самой точкой»), или смѣшной иллюзіей (потому что самое это вмѣшательство есть лишь одно изъ безчисленныхъ мимолетныхъ проявленій «точки»). Мыслителю, открывшему это великое всеопредѣляющее и ничѣмъ не опредѣляемое нѣчто, только и остается сказать: вотъ Аллахъ, а я — Магометъ, пророкъ его. На дѣлѣ однако это простое предложеніе разростается въ цѣлые томы, въ которыхъ Магометъ вѣщаетъ и истолковываетъ волю Аллаха. И хотя это, конечно, не Аллаховы, а собственные Магометовы «глаголы», но въ числѣ мыслителей этого типа бывали люди большой эрудиціи, логической силы и таланта изложенія, и потому ихъ «глаголы», если не всегда «жгли сердца людей», то увлекали умы. Естественный выводъ изъ всемогущества и единосущности «самой точки»—есть квіетизмъ, оптимистическій или пессимистическій, радостное или скорбное примиреніе съ дѣйствительностью. Но рѣзко выраженные типы натуръ дѣятельныхъ и чисто созерцательныхъ встрѣчаются не часто, и въ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ дѣло съ типами смѣшанными, въ которыхъ эти элементы соединяются въ разныхъ пропорціяхъ. Притомъ же Магометы иногда такъ искусно располагаютъ свои толкованія воли Аллаха, что ихъ можно гнуть и направо и налѣво.

Все сказанное относится къ людямъ, нашедшимъ свою «самую точку» послѣ болѣе или менѣе долгихъ, болѣе или менѣе упорныхъ исканій. Но бываетъ и такъ, что человѣкъ получилъ свою «точку» совсѣмъ даромъ, безъ усилій мысли и напряженія чувства, «безъ борьбы, безъ думы роковой»: просто въ книжкѣ вычиталъ или отъ вѣрнаго человѣка услышалъ и такъ соблазнился простотою и ясностью прочитаннаго или услышаннаго, что съ разу увѣровалъ. Это даже наиболѣе обыкновенный случай, потому что на каждый изъ самостоятельныхъ голосовъ, при извѣстныхъ акустическихъ условіяхъ, приходится многократное эхо. Дѣйственная складка въ характерѣ

и такого человѣка скоро убѣдитъ въ томъ, что нельзя не считаться съ «мимолетнымъ», а созерцательная натура надолго, быть можетъ навсегда останется при своихъ великолѣпномъ презрѣніи къ этимъ «нервамъ тамъ разнымъ». Но, не пройдя сквозь горнило сколько-нибудь самостоятельныхъ, хотя бы только чисто умозрительныхъ исканій, такой, если позволительно такъ выразиться, «эховый» человѣкъ естественно окажется плохимъ защитникомъ своей «самой жилы». Разгнѣванная богиня наказала нимфу Эхо косноязычіемъ, да еще въ скалу превратила, и съ тѣхъ поръ эта окаменѣлая и косноязычная нимфа повторяетъ только послѣднія слова или слоги услышаннаго. Все остальное эховый человѣкъ воспроизводитъ собственными рессурсами, ну, а для выясненія начала всѣхъ началъ, той «самой жилы», которая всѣмъ жиламъ жила,—нужны рессурсы очень значительные, и немудрено, что ихъ не оказывается въ распоряженіи эховаго человѣка: они вообще крайне рѣдко даются въ размѣрѣ, нужномъ для такого предпріятія. Но это послѣднее вовсе не кажется такимъ труднымъ самому эховому человѣку,—онъ получилъ готовую истину. И въ результатѣ получается нѣчто такое, объ чемъ по справедливости можно сказать: «все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно».

Именно эти слова поэта пришли мнѣ прежде всего въ голову по прочтеніи вышеупомянутой статьи г. Туганъ Барановскаго «Значеніе экономическаго фактора въ исторіи». Мнѣ кажется, что слова эти должны повторить и всѣ сколько нибудь серьезные единомышленники г. Тугана: слишкомъ ужъ наивна его аргументація и слишкомъ компрометируетъ защищаемый имъ тезисъ. Источникъ моей грусти, конечно, совсѣмъ другой.

Г. Туганъ начинаетъ свою статью справедливымъ замѣчаніемъ, что какъ бы ни былъ, повидимому, «объективенъ» историкъ, онъ на дѣлѣ непремѣнно руководится какою нибудь «предвзятою теоріею» въ расположеніи и освѣщеніи своего матеріала. «Древніе лѣтописцы менѣе всего могутъ считаться зараженными какими бы то ни было предвзятыми теоріями,—говоритъ г. Туганъ: ихъ труды являются образцами спокойнаго, объективнаго изложенія предмета, но легко доказать, что и они были проникнуты вполнѣ опредѣленной историко-философской теоріей». Эта безсознательно руководящая теорія получила впослѣдствіи сознательную обработку и состоитъ въ томъ, что исторію дѣлаютъ выдающіеся люди, герои. Карлейль приглашалъ преклоняться передъ великими людьми. «Но наука ни передъ чѣмъ не преклоняется», гордо заявляетъ г. Туганъ. Великій человѣкъ есть нѣчто «мимолетное» и надо не имъ объяснять исторію, а еще самого его объяснить. Поэтому на смѣну культа героевъ явилось ученіе о всемогуществѣ идеи. «Разуму, интеллекту приписывается первенствующая роль въ жизни отдѣльнаго человѣка и всего общества, а чувства, привычки, желанія, страсти человѣка признаются маловажнымъ элементомъ въ его жизни, не

имѣющимъ никакого историческаго значенія». По словамъ г. Туган, эта точка зрѣнія господствовала у всѣхъ писателей конца прошлаго и начала XIX вѣка,—у Вольтера, Руссо, энциклопедистовъ, въ школѣ Адама Смита, въ школѣ Бентама, у утопистовъ, каковы Овенъ, Сенъ-Симонъ, Фурье и проч. «Но можно ли согласиться съ исторической философіей, признающей идеи, мнѣнія и взгляды людей конечною причиной прогресса?»—спрашиваетъ г. Туганъ и отвѣчаетъ, разумѣется, отрицательно. Идеи, взгляды, мнѣнія,—все это лишено самостоятельнаго значенія, ибо имѣетъ свои корни въ данной соціальной средѣ, которая, повидимому, и должна, наконецъ быть признана «самой жилой». Однако, нѣтъ. «Соціальная среда не есть первичный факторъ, не поддающійся дальнѣйшему разложенію. Соціальная среда—это тѣ же люди. Слѣдовательно, объясняя историческое развитіе вліяніемъ среды, мы, въ сущности, утверждаемъ только то, что историческая эволюція имѣетъ безличный, массовый характеръ. Но чѣмъ же движется исторія, что толкаетъ человѣчество впередъ, что создаетъ то общественное настроеніе, которымъ опредѣляется характеръ исторической эпохи? Соціальная среда опредѣляется прежде всего («до всего на свѣтѣ!») хозяйственными отношеніями». Достаточно поговоривъ на эту тему съ чисто догматическою увѣренностью, г. Туганъ, однако, опять возвращается къ вопросу: «чѣмъ создается сама среда, что опредѣляетъ ея характеръ?» Отмѣтивъ разнородность соціальной среды, раздѣленіе всѣхъ историческихъ обществъ на классы, г. Туганъ приходитъ къ заключенію, что раздѣленіе это основывается на «неравенствѣ распредѣленія народнаго дохода». «Чѣмъ же опредѣляется это распредѣленіе? Ничѣмъ инымъ, какъ способомъ производства и обмѣна». И тутъ мы, наконецъ, у пристани, у той «самой точки», которой такъ страстно и мучительно искалъ дьяконъ и которую такъ просто и спокойно нашелъ г. Туганъ.

Дѣло, однако, въ томъ, что онъ не самъ ее нашелъ. Г. Туганъ съ приличествующею ему скромностью отвѣтитъ, конечно, что онъ и не думаетъ выдавать себя за творца доктрины, оригинальнаго мыслителя, или даже только за человѣка, исчерпавшаго всѣ pro и contra доктрины. Онъ сознаетъ, что «этихъ бѣглыхъ замѣчаній, разумѣется, отнюдь не достаточно для доказательства преобладающаго значенія экономическаго фактора въ исторіи», что онъ лишь изложилъ основы «гипотезы», которая еще ждетъ фактическаго подтвержденія. Но я и не приписываю г. Тугану неблаговидной роли творца-самозванца. Говоря, что онъ не самъ нашелъ свой ключъ отъ всѣхъ ключей, я хочу лишь сказать, что онъ получилъ нѣчто цѣликомъ готовое, безъ предварительнаго процесса исканій, сравненій, сомнѣній, провѣрокъ, что послѣдовательно отметая все «мимолетное» въ разныхъ историческихъ теоріяхъ и добираясь до «фундаментальнаго», онъ не продумалъ сколько нибудь самостоятельнаго ни своей «фундаментальности» и ни одной изъ отринутыхъ

«мимолетностей». Все имъ изложенное онъ принялъ просто на вѣру. Этому вполнѣ соотвѣтствуютъ и та наивность, съ которой онъ побѣдоносно предъявляетъ аргументы по истинѣ поразительные, и то пренебреженіе, съ которымъ онъ относится къ тому, что онъ якобы анализируетъ, критически освѣщаетъ. Онъ въ одномъ мѣстѣ утверждаетъ даже, что «въ критикѣ и заключается вся сущность науки» (стр. 102), что ужъ несомнѣнно черезъ край хвачено, но, какъ слѣпо вѣрующему, ему совершенно чуждъ истинно критическій духъ. А такъ какъ формально задачу г. Тугана составляетъ главнымъ образомъ именно критика, то въ результатѣ получается нѣчто до такой степени несуразное, что въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ статья г. Тугана смѣло могла бы быть оставлена безъ всякаго вниманія. Не то нынѣ, когда слѣпая вѣра, прикрывающаяся «критикой» и «наукой», съ особенною силою обнаруживаетъ свое общественное свойство—заразительность. Не забудемъ, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, ex cathedra излагающимъ свои взгляды... Великій грѣхъ беретъ на свою душу г. Туганъ...

Мы видѣли то наивное лукавство, съ которымъ г. Туганъ, говоря о вліяніи идей, подмѣниваетъ идеи вообще идеями «научными» и «книгами» и обставляетъ свой тезисъ разными «въ сущности не очень» и, такъ сказать, «не очень, чтобъ очень». Это на стр. 109. Но на стр. 105 узнаемъ, что «нельзя, разумѣется, отрицать вліяніе идей на ходъ исторіи», а на стр. 106, приведя отзывы Бокля и Беджгота о вліяніи книги Адама Смита, г. Туганъ говоритъ: «Если даже признать эти отзывы сильно преувеличенными, то все же фактъ огромнаго историческаго значенія «Богатства народовъ» не подлежитъ сомнѣнію. Идеи Ад. Смита дѣйствительно обладали творческою силой, и соціальныя отношенія въ Англіи глубоко измѣнились подъ вліяніемъ этихъ идей». Значитъ, хоть и не очень, чтобъ очень, а бываетъ и такъ, что и очень. Г. Туганъ не смущается этимъ противорѣчіемъ, да и не видитъ его, ибо, говоритъ онъ, хотя идеи Ад. Смита дѣйствительно имѣли огромное вліяніе, но не то, на которое самъ Смитъ разсчитывалъ. «Смитъ признавалъ свои идеи вполнѣ соотвѣтствующими интересамъ рабочихъ и находящимися въ непримиримомъ противорѣчіи со стремленіями капиталистическаго класса. И что же...— на сторонѣ Смита оказались фабриканты и торговцы, а противъ ученія Смита боролись рабочіе; и будущее вполнѣ оправдало такое неожиданное для творца экономической науки распредѣленіе ролей на исторической сценѣ». Дѣло, значитъ, въ томъ, что хотя идеи Смита и оказали вліяніе, но въ направленіи, указанномъ тѣмъ всемогущимъ ключомъ отъ всѣхъ ключей, котораго Смитъ не зналъ, а г. Туганъ знаетъ. Это не удивительно — наука идетъ впередъ; и такъ какъ человѣчеству остается еще жить, по всей вѣроятности, неизмѣримо дольше, чѣмъ тѣ 120 лѣтъ, которыя отдѣляютъ г. Тугана отъ Ад. Смита, то я боюсь, что найдется наконецъ какой-

нибудь г. Постъ - Туганъ, который будетъ знать то, чего даже г. Туганъ еще не знаетъ, и докажетъ, что вліяніе идей послѣдняго или было совершенно ничтожно, такъ что незачѣмъ ему было и писать, и говорить, или же, что вліяніе это было прямо противоположно тому, на которое г. Туганъ разсчитывалъ. Издали вѣдь это виднѣе будетъ. Въ чемъ же состоитъ поучительность разсказанной г. Туганомъ исторіи идей Ад. Смита? Единственный выводъ, который изъ нея можетъ быть сдѣланъ, состоитъ въ томъ, что говори—не говори, а если говоришь, то чтобы ты ни говорилъ съ каѳедры, въ книгѣ, въ общественномъ собраніи, въ совѣтѣ призванныхъ вязать и рѣшить, въ толпѣ, — «самая жила» все устроитъ по своему. «И погромче насъ были витіи», вотъ, напримѣръ, Ад. Смитъ, а между тѣмъ, что же мы видимъ? Если же г. Туганъ удостоиваетъ насъ собесѣдованія и съ каѳедры, и въ книгѣ, то единственно для просвѣтленія насъ на счетъ этой «самой жилы», руководящей ходомъ исторіи. Просвѣтилъ и отошелъ къ сторонѣ: созерцаетъ. Правда, въ исторіи не одинако стоитъ тотъ случай, что раскольничій попъ заставилъ своимъ словомъ 600 человѣкъ сжечься, но это—«мимолетное», а надо смотрѣть въ корень вещей, въ самм...ую, сам...мую...

До какой степени проникаетъ г. Туганъ въ глубь вещей, видно изъ слѣдующей его поразительной иллюстраціи: «Въ средніе вѣка самые сильные умы посвящали себя теологіи и изощрялись въ безплодныхъ усиліяхъ понять и объяснить то, что по самому существу своему необъяснимо. Теперь во главѣ наукъ стоитъ естествознаніе. Почему же блаженный (beatus) Августинъ изучалъ не природу, а Дарвинъ не сдѣлался теологомъ? Не вслѣдствіе своей индивидуальности, а просто потому, что Августинъ жилъ въ то время, когда теологія господствовала надъ умами человѣчества и заключала въ себѣ всѣ знанія и философію эпохи, а Дарвинъ жилъ въ наше время, когда крупная промышленность преобразовала хозяйство и на первый планъ выдвинулись практическія задачи, разрѣшеніе которыхъ невозможно безъ познанія законовъ природы».

Выслушавъ эту тираду, вы естественно думаете сначала, что ошиблись, не дослышали. Что? какъ? — переспрашиваете вы. Всѣ занимались, Августинъ былъ одинъ изъ всѣхъ, а потому и онъ занимался. Въ формально логическомъ или, точнѣе, силлогистическомъ смыслѣ это предложеніе безупречно, но за то же и довольно безплодно, и притомъ вы не видите, зачѣмъ понадобился автору этотъ пустопорожній силлогизмъ. Другое дѣло примѣръ Дарвина: тутъ вы видите персть, указующій на «самую жилу» — «крупная промышленность преобразовала хозяйство» Но для избранной авторомъ параллели Дарвина съ Августиномъ и въ подтвержденіе того, что индивидуальность ничего не опредѣляетъ въ выборѣ занятій, надо бы было доказать, что нынѣ всѣ занимаются естествознаніемъ и никто не занимается теологіей. Не говоря о безчисленныхъ спе-

ціалистахъ по исторіи, по философіи, языкознанію, по разнымъ отраслямъ общественныхъ наукъ, я попрошу г. Тугана объяснить мнѣ хоть одинъ только случай: почему такая крупная фигура, какъ современникъ Дарвина Гладстонъ, не занимается естествознаніемъ, а занимается политикой, исторіей литературы и — теологическими вопросами? Почему онъ не слушается властныхъ велѣній того Аллаха, Магометомъ котораго состоитъ г. Туганъ и котораго такъ охотно послушался Дарвинъ? Надо, впрочемъ, замѣтить, что какъ разъ предметъ изслѣдованій Дарвина не имѣетъ никакого непосредственнаго отношенія къ «практическимъ задачамъ, выдвинутымъ на первый планъ крупною промышленностью» (если не считать таковою скотоводство, изъ практики котораго самъ Дарвинъ кое что заимствовалъ и едва-ли въ свою очередь на него повліялъ). Я воображаю положеніе самого Дарвина, если бы ему довелось прочитать размышленія г. Тугана! Онъ особенно удивился бы тому, что именно изъ него, изъ его личной жизни дѣлаютъ какой-то аргументъ противъ значенія индивидуальности въ развитіи склонностей; ибо такимъ образомъ ниспровергается одинъ изъ главныхъ столповъ всего его ученія. Не одному этому, конечно, подивился бы Дарвинъ, но и мы, простые люди, знакомые всетаки съ трудами и біографіей Дарвина, можемъ руками развести.

Родъ Дарвиновъ часто приводится, какъ типическій образчикъ наслѣдственности талантовъ и склонностей. Дѣдъ Чарльза Дарвина, Эразмъ, былъ ботаникъ и поэтъ, и въ стихахъ, и въ прозѣ до извѣстной степени предвосхитилъ нѣкоторыя идеи своего знаменитаго внука. Братъ Эразма, Робертъ, былъ также ботаникъ и написалъ очень цѣнившіяся въ свое время «Начала ботаники». Старшій сынъ Эразма былъ физіологъ. Отецъ Чарльза былъ врачъ, славившійся, какъ діагностъ, и, вообще, обладавшій, повидимому, исключительною наблюдательностью; онъ также занимался цвѣтоводствомъ и садоводствомъ. Что наблюдательность въ связи съ широкимъ воображеніемъ получены Чарльзомъ Дарвиномъ по наслѣдству, въ этомъ сомнѣваться мудрено, хотя мы не знаемъ и никогда не узнаемъ тайны индивидуальныхъ особенностей великаго натуралиста, заложенныхъ быть можетъ въ моментъ зачатія, въ связи съ наслѣдственностью по женской линіи, настроеніемъ духа родителей и проч. Труднѣе утверждать, что склонность именно къ естествознанію была наслѣдственнымъ даромъ, но здѣсь должны придти на помощь фамильныя преданія, домашняя обстановка и проч. Надо, однако, замѣтить, что естествоиспытатель Дарвинъ сложился далеко не сразу. Учился онъ плохо, увлекался больше охотой, рыбной ловлей и коллекціонированіемъ, и притомъ не только естественно-историческихъ предметовъ, минераловъ, насѣкомыхъ и проч., а и печатей, монетъ и т. п. Затѣмъ онъ готовился въ Эдинбургѣ къ медицинской карьерѣ, къ которой не чувствовалъ, однако, никакой склонности. Отношеніе его къ естествознанію было въ это время двойственное: онъ съ от-

вращеніемъ слушалъ лекціи по анатоміи, по геологіи, но охотно ѣздилъ съ нѣкіимъ зоологомъ Грантомъ, поклонникомъ Ламарка, на морской берегъ для собиранія морскихъ животныхъ. Черезъ два года Дарвинъ сталъ готовиться въ священники и перешелъ въ Кембриджскій университетъ. Здѣсь судьба столкнула его съ ботаникомъ Генсло, который съумѣлъ заинтересовать его естествознаніемъ, главнымъ образомъ, экскурсіями и собираніемъ коллекцій. Этотъ же Генсло устроилъ ему мѣсто на кораблѣ «Бигль», на которомъ онъ отправился въ путешествіе, главнымъ образомъ, въ качествѣ эстетика-любителя природы, охотника и коллекціонера. Но здѣсь-то, во время пятилѣтняго плаванія на «Биглѣ», пятилѣтняго отдаленія отъ всего европейскаго шума,—въ томъ числѣ и отъ практическихъ задачъ, выдвигаемыхъ крупною промышленностью,—сложился тотъ великій натуралистъ, котораго мы знаемъ....

Зачѣмъ я все это разсказываю? Вѣдь, это можно прочитать въ любой біографіи Дарвина, а ихъ и на русскомъ языкѣ десятки. Затѣмъ, читатель, чтобы ярче оттѣнить глубокомысліе г. Тугана. Мы, простые люди, да и не только мы, а и люди науки, интересуемся законами наслѣдственности и измѣнчивости, фактической стороной біографіи знаменитаго натуралиста и проч., а г. Туганъ—онъ на три аршина подъ землей видитъ: все это «мимолетное», а ему надо что-нибудь «пофундаментальнѣе, поздоровѣе», чтобы ужъ «до всего на свѣтѣ». И онъ находитъ это фундаментальное въ практическихъ задачахъ, выдвигаемыхъ развитіемъ крупной промышленности...

Но вернемся къ Дарвину и подойдемъ къ нему съ такой стороны, на которую г. Туганъ, будь онъ менѣе глубокомысленъ, имѣлъ-бы гораздо болѣе резоновъ сослаться. Что выборъ занятій Дарвина опредѣлился практическими задачами, выдвигаемыми развитіемъ крупной промышленности,—это просто смѣшной вздоръ, но что развитіе это имѣло свою долю вліянія на самое содержаніе ученія Дарвина,—это весьма вѣроятно. Первое мѣсто принадлежитъ здѣсь, конечно, самостоятельному преемственному ходу развитія самой науки. Обобщеніе, столь солидно поставленное, какъ теорія Дарвина, не могло явиться раньше, чѣмъ наука накопила достаточное количество спеціальныхъ наблюденій и фактовъ. Затѣмъ и общее содержаніе ученія Дарвина—измѣнчивость видовъ—было болѣе, чѣмъ подготовлено трудами Ламарка, Жоффруа Сентъ-Илера и проч. Дарвинъ въ этомъ смыслѣ не сказалъ новаго слова, а только далъ прочную и широкую опору слову, до него сказанному. Новое слово состояло въ указаніи тѣхъ путей, которыми отъ вѣка и до вѣка шло и будетъ идти измѣненіе видовъ. Здѣсь, кромѣ развѣ Мальтуса, нельзя указать ни одного прямого личнаго или сколько-нибудь значительнаго преемственно-научнаго вліянія. Но за то теорія пассивно механическаго подбора приспособленныхъ и переживанія, въ лютой борьбѣ за существованіе, лучшихъ

и высшихъ организмовъ—есть прямое отраженіе и какъ-бы принципіальное оправданіе той бѣшеной общественной конкурренціи, въ которой развитіе крупной промышленности играетъ столь видную роль. Рекомендую эту тему г. Тугану. Разрабатывая ее, онъ не упуститъ, конечно, изъ вида и того, что какъ ни мощенъ былъ голосъ Дарвина и какъ ни восторженно былъ онъ привѣтствованъ и ученымъ міромъ, и профанами, но встрѣчалъ и протесты, какъ со стороны правовѣрныхъ сторонниковъ идеи постоянства видовъ, такъ и со стороны людей, вполнѣ признававшихъ ихъ измѣнчивость и огромныя заслуги Дарвина въ этомъ общемъ смыслѣ; но они, послѣдніе, полагали, полагаютъ и все настойчивѣе продолжаютъ утверждать, что пути развитія органической жизни указаны Дарвиномъ односторонне и не полно, и что борьба за существованіе и переживаніе приспособленныхъ не играютъ той благотворной роли, которую имъ приписывалъ Дарвинъ...

Куда ужъ, впрочемъ, г. Тугану заниматься такими мелочами! Онъ на три аршина подъ землей видитъ и, гордый этою своею проницательностью, тѣмъ, что добрался, наконецъ, до «самой жилы», презираетъ все, что у него, съ позволенія сказать, передъ носомъ дѣлается, все «мимолетное». Но я рѣшительно утверждаю, что идеи г. Тугана или не будутъ имѣть никакого положительнаго вліянія, или вліяніе какъ разъ противоположное тому, на которое онъ разсчитываетъ: онъ желаетъ ввести насъ въ глубь вещей, а на дѣлѣ, если научитъ чему-нибудь, то верхоглядству и непозволительно поверхностному отношенію къ наукѣ и жизни; онъ хочетъ схватить жизнь въ самомъ широкомъ ея основаніи, всѣ частности обнимающемъ, а на дѣлѣ учитъ грубѣйшей односторонности и узости; онъ, наконецъ, желаетъ возвеличить идею такъ называемаго экономическаго матеріализма и—компрометируетъ ее. Развѣ въ самомъ дѣлѣ глубина, а не верхоглядство это разсужденіе объ Августинѣ и Дарвинѣ? И какая односторонность, узость, тусклость всего міросозерцанія, поскольку оно отразилось въ этомъ эпизодѣ! Весь пестрый переплетъ законовъ наслѣдственности и измѣнчивости, самимъ-же Дарвиномъ формулированныхъ, весь преемственный ходъ развитія біологіи, все вліяніе непосредственно окружающей среды, воспитанія, чтенія, вся психологія путешественника, пять лѣтъ живущаго вдали отъ текущихъ дѣлъ родины и Европы вообще,—всѣ своеобразныя комбинаціи красокъ и звуковъ жизни испаряются, все получаетъ однотонный, тусклый характеръ. Г. Туганъ возразитъ можетъ быть, что «наука ни передъ чѣмъ не преклоняется», и что если мнѣ жаль той шумной пестроты жизни, которую онъ упраздняетъ своимъ ключомъ отъ всѣхъ ключей,—такъ я долженъ все таки смириться передъ голосомъ науки. Да, мнѣ жаль этихъ стертыхъ красокъ, этихъ заглушенныхъ звуковъ, но собственно для меня никакіе Туганы ихъ не сотрутъ и не заглушатъ; а истинно жаль мнѣ тѣхъ, кто, повѣривъ г. Тугану, начнетъ смотрѣть на бѣ-

лый свѣтъ холодными и тусклыми рыбьими глазами, въ увѣренности, что это и есть «научный» взглядъ. Въ дѣйствительности, это пропаганда не науки, а самоувѣреннаго невѣжества. И понятно, что если я повѣрю г. Тугану, такъ незачѣмъ мнѣ знакомиться ни съ трудами, ни съ жизнью Дарвина, равно какъ и другихъ современныхъ натуралистовъ: и Бэръ, и Фогтъ, и Гельмгольцъ, и Фехнеръ, и Геккель и проч.—всѣ уравниваются въ этой формулѣ: стали натуралистами, потому что практическія задачи крупной промышленности и т. д. Правда, напримѣръ, Ньютонъ и многіе другіе знаменитые люди занимались естествознаніемъ задолго до требованій современной крупной промышленности; правда, что и наши знаменитѣйшіе современники не все естествоиспытатели, а есть между ними и Гладстонъ, и Марксъ, и Ренанъ, и Гюго, и Парнель, и Моммсенъ, и Толстой, и Іерингъ и проч., и проч., и проч.,—но это я мимо ушей пропущу, какъ многое пропускаетъ мимо ушей и мой учитель, г. Туганъ...

Я остановился на диссертаціи г. Тугана объ Августинѣ и Дарвинѣ (и все-таки не исчерпалъ ея достоинствъ), какъ на типичномъ образчикѣ его разсужденій вообще. Но это не снимаетъ съ меня грустной обязанности пересмотрѣть и другія страницы статьи г. Тугана. Однако, исполненіе этой обязанности приходится, за недостаткомъ мѣста и времени, отложить до слѣдующаго раза. Одно прибавлю въ заключеніе. Я сказалъ, что идеи г. Тугана или не будутъ имѣть никакого вліянія, или противоположное тому, на которое онъ разсчитываетъ. Но возможенъ еще исходъ. Быть можетъ, люди, склонные къ слѣпой вѣрѣ подъ флагомъ науки и критики, и люди, склонные къ верхоглядству подъ флагомъ глубины,—согласитесь, читатель, что такіе у насъ есть,—уразумѣвъ статью г. Тугана, скажутъ себѣ: нѣтъ, это ужъ черезчуръ! такъ нельзя! Надо серьезнѣе, вдумчивѣе, самостоятельнѣе пересмотрѣть свой багажъ, а то чего добраго до этакого-же договоришься... Если результатъ будетъ дѣйствительно таковъ, то да благословенъ будетъ жизненный путь г. Тугана: онъ сослужилъ хорошую службу...

Умеръ И. Ѳ. Горбуновъ. Всѣ мы тамъ будемъ, куда исчезъ этотъ талантливый человѣкъ. Но это не утѣшеніе для тѣхъ, кто привыкъ слышать веселые разсказы покойника,—а кто ихъ не слышалъ въ Петербургѣ? Они были можетъ быть даже слишкомъ веселы, то есть слишкомъ постоянно весело разсказывались и слишкомъ постоянно весело слушались. Справедливо говоритъ Т. И. Филипповъ въ «Новомъ Времени» отъ 28 декабря:

«Между произведеніями его зрѣлой поры внимательный взоръ можетъ отмѣтить не мало такихъ, которымъ, сверхъ ихъ художественнаго совершенства, нельзя отказать и въ важномъ общественномъ значеніи. Напримѣръ, когда бѣднягу портного изъ Гусева

переулка взяли въ участокъ за его невинное намѣреніе летѣть съ нѣмцемъ въ воздушномъ шарѣ и когда изъ народа раздается голосъ «и какъ это возможно безъ начальства летѣть?» мысль не останавливается на забавномъ смыслѣ этого частнаго случая, но простирается далѣе его: къ болѣе важнымъ общественнымъ явленіямъ. Разсказъ о засѣданіи «Общества прикосновенія къ чужой собственности», вмѣстѣ съ взрывомъ неудержимаго хохота, вызываетъ (увы! вызывалъ) и взрывъ негодованія и унынія своимъ сходствомъ съ дѣйствительными нравами нашихъ общественныхъ дѣятелей, которые ни мало не стѣсняются тѣмъ, что «грабить не приказано».

Повторяю, это совершенно справедливо, но едва ли у многихъ слушателей Горбунова оказывались тотъ «внимательный взоръ» и тѣ «взрывы негодованія», о которыхъ говоритъ г. государственный контролеръ: большинство, какъ я самъ имѣлъ не разъ случай наблюдать, смѣялось просто потому, что было смѣшно, и это въ значительной степени зависѣло отъ самого разсказчика, который, при всемъ своемъ талантѣ, норовилъ всетаки исключительно смѣшить публику и едва ли самъ сознавалъ скорбный смыслъ нѣкоторыхъ своихъ произведеній. Но—миръ его праху...

Ник. Михайловскій.

Критики Тургенева.

Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Два выпуска. Составилъ Б. Зелинскій. Москва. 1895.

I.

Въ одномъ изъ романовъ полузабытаго теперь писателя Авдѣева представленъ, между прочимъ, молодой офицеръ, котораго приводятъ вгупикъ запросы новѣйшей (дѣйствіе происходитъ въ 50—60 годахъ) образованности. Офицеръ жалуется, что писатели неясно пишутъ, не договариваютъ того, что нужно. «Одинъ говоритъ, что для того, чтобы сдѣлаться образованнымъ человѣкомъ, достаточно прочесть нѣсколько хорошихъ книгъ, а какихъ книгъ—не поименовываетъ. Другой смѣется надъ тѣмъ, что кто то назвалъ кита рыбой. Я кончилъ однимъ изъ первыхъ, даже на золотую доску записанъ, но, признаюсь, самъ до сихъ поръ думалъ, что китъ — рыба. Позвольте же узнать, что такое китъ?» Съ этимъ томительнымъ вопросомъ бѣдный офицеръ пристаетъ ко всѣмъ своимъ собесѣдникамъ.

Прочитавши сборники г. Зелинскаго, мы почувствовали себя въ положеніи этого офицера. Наше мнѣніе о Тургеневѣ было давно составлено и казалось намъ совершенно прочнымъ, но теперь мы съ недоумѣніемъ вопрошаемъ: позвольте же узнать, что такое Тур-

геневъ? Былъ ли онъ, напр., западникомъ? До сихъ поръ мы именно такъ и думали, но вотъ что говоритъ на этотъ счетъ одинъ изъ критиковъ Тургенева—г. Н. Страховъ: «съ какою любовью, съ какою нѣжною симпатіей нарисованы у Тургенева многія лица, въ которыхъ нѣтъ ничего ни западнаго, ни западническаго! Лиза «Дворянскаго гнѣзда», Маша «Затишья», «Ася», «Хорь и Калинычъ», «Касьянъ съ Красивой Мечи» и пр., и пр.—гдѣ же тутъ западныя начала, при чемъ тутъ жизнь Европы и выработанные ею результаты? Тайное сочувствіе къ русскому складу ума и сердца, къ нравственнымъ началамъ, которыми сложилась и держится русская жизнь, безпрестанно сквозитъ у Тургенева». Итакъ, Тургеневъ западникомъ не былъ. Однако, нѣтъ, позвольте, онъ западникомъ былъ: «западники должны вполнѣ гордиться Тургеневымъ и съ великимъ почетомъ вписать его имя въ исторію нашей литературы. Изъ всѣхъ значительныхъ писателей онъ одинъ остался почти вовсе чуждъ того, что въ нашемъ обществѣ принято называть элементами *славянофильства*. Онъ первый не подходитъ подъ общій законъ, по которому наши писатели сперва подчиняются вліянію Запада, но, по мѣрѣ созрѣванія своихъ силъ, начинаютъ обнаруживать стремленія, вытекающія изъ самобытнаго духовнаго строя ихъ родины». Это говоритъ опять все тотъ же г. Н. Страховъ. *Не былъ западникомъ*—это объявлено во 2-й части сборника стр. 371. *Былъ западникомъ*—это сказано въ 1-й части сборника стр. 70. Позвольте же узнать, что такое Тургеневъ? Такъ какъ отъ г. Н. Страхова, очевидно, толковаго отвѣта не дождешься, то спросимъ кого нибудь другого,—г. Незеленова, напримѣръ. Г. Незеленовъ намъ вотъ что скажетъ: «Тургенева именовали и великимъ поэтомъ, и вождемъ русскаго прогресса, и представителемъ западническаго направленія нашей литературы и образованности... Но, глубже вдумываясь въ его творчество, слѣдуетъ признать, что, кромѣ перваго опредѣленія, всѣ остальныя неточны и совершенно ошибочны. Тургеневъ былъ поэтъ въ высочайшемъ смыслѣ слова и этого достаточно, и это исключаетъ для него возможность быть представителемъ какой либо партіи, какого либо направленія. Поэтъ стоитъ выше односторонности направленій» (I, 72) Итакъ, вотъ еще мнѣніе: «не точно и совершенно ошибочно» называть Тургенева западникомъ. Однако, эту неточность и совершенную ошибочность позволялъ себѣ самъ Тургеневъ, который говорилъ: «я не думаю, чтобы мое западничество лишило меня всякаго сочувствія къ русской жизни, всякаго пониманія ея особенностей и нуждъ. «Записки охотника» были написаны мною заграницей; нѣкоторыя изъ нихъ въ тяжелыя минуты раздумья о томъ, вернуться ли мнѣ на родину или нѣтъ? Мнѣ могутъ возразить, что та частичка русскаго духа, которая въ нихъ замѣчается, уцѣлѣла не по милости моихъ западныхъ убѣжденій, но не смотря на эти убѣжденія и помимо моей воли. Трудно спорить о

подобномъ предметѣ; знаю только, что я, конечно, не написалъ бы «Записокъ охотника», если бы остался въ Россіи».

Вопросъ о западничествѣ Тургенева остается такимъ образомъ нерѣшеннымъ. Но нельзя ли его рѣшить косвеннымъ путемъ? Наши западники были большею частью либералами и либералы большею частью западниками, такъ что если будетъ доказанъ либерализмъ Тургенева, то этимъ самымъ рѣшится и вопросъ о его западничествѣ. Какъ извѣстно, Тургеневъ печатно призналъ себя либераломъ «въ старомъ англійскомъ смыслѣ» и всѣ мы охотно повѣрили этому признанію. Но вотъ, напримѣръ, г. Скабичевскій думаетъ иначе и находитъ, что Тургеневъ былъ врагомъ и изобличителемъ либерализма. «Ну, что жъ, прекрасно, иронизируетъ критикъ. Очень можетъ быть, что либерализмъ этотъ—такая язва на русской почвѣ, что необходимо распутать всѣ его хитро-сплетенныя нити и вырвать это зло съ корнемъ. Это подвигъ вполнѣ достойный русскаго писателя и весьма обыкновенный на Руси, когда писателю перешло за 50 лѣтъ и когда онъ пересталъ уже сожигать то, чему поклонялся, и начинаетъ вновь поклоняться тому, что сожигалъ. Что же дѣлаетъ Тургеневъ для наказанія либераловъ? Онъ изображаетъ нѣсколько личностей, судя по его описанію, дѣйствительно пошлыхъ и дрянныхъ. Всѣ онѣ прикидываются людьми что то дѣлающими, но въ сущности онѣ ничего не дѣлаютъ». Отсюда слѣдуетъ такое поученіе Тургеневу со стороны критика: «пусть онъ знаетъ напередъ, что его караніе либерализма не принесетъ никакого вреда либерализму и никакой пользы тѣмъ людямъ, во имя которыхъ онъ караетъ либерализмъ, а окажется холостымъ выстрѣломъ на воздухъ, ради потѣхи праздной толпы» (II, 367). Собственно говоря, Тургеневъ не былъ ни западникомъ, ни славянофиломъ, ни либераломъ, ни консерваторомъ, а былъ онъ филистеромъ, какъ это видно изъ его отношеній къ Рудину и къ Литвинову («Дымъ»): «Тургеневъ взглянулъ на Рудина съ чисто—филистерской точки зрѣнія; филистерская точка зрѣнія не знала иной цѣли въ жизни, иного дѣла, кромѣ наживанія денегъ для устройства узенькаго семейнаго счастья; Рудинъ этого не дѣлалъ, слѣдовательно, онъ былъ бездѣльникомъ». (I, 363). Это говоритъ критикъ «Невскаго Сборника» г. Алкандровъ и то же мнѣніе повторяетъ г. Скабичевскій по поводу личности Литвинова: «если мы возьмемъ массу обыденныхъ тружениковъ—учителей, медиковъ, адвокатовъ, ученыхъ, технологовъ и пр., самый ограниченный изъ всѣхъ ихъ навѣрно окажется гораздо положительнѣе, устойчивѣе, а главное дѣло честнѣе Литвинова въ своихъ отношеніяхъ и къ труду, и къ любимой женщинѣ. А между тѣмъ Тургеневъ положительно сочувствуетъ Литвинову, какъ хорошему человѣку, сочувствуетъ съ первой страницы и до послѣдней»... (II, 365). Опять приходится спросить: что же такое Тургеневъ?

Одно изъ популярнѣйшихъ мнѣній относительно Тургенева состояло въ томъ, что онъ представлялъ собою наиболѣе чуткаго и

яркаго выразителя разнаго рода новыхъ умственныхъ теченій, возникавшихъ въ нашемъ обществѣ. Обращаясь къ критикамъ Тургенева за провѣркою этого мнѣнія, мы снова погружаемся въ пучину противорѣчивыхъ показаній. «Анализъ дѣятельности Тургенева есть анализъ цѣлой нашей эпохи со множествомъ ея процессовъ. Другого столь полнаго ея представителя у насъ нѣтъ. Островскій и Толстой каждый въ своемъ родѣ сильнѣе Тургенева, но односторонніе». Эти слова принадлежатъ Аполлону Григорьеву. То же самое, только въ другихъ выраженіяхъ, повторяетъ и г. Н. Страховъ: «Тургеневъ, какъ уже давно извѣстно, есть писатель, усердно слѣдящій за движеніемъ русской мысли и русской жизни. Онъ заинтересованъ этимъ движеніемъ необыкновенно сильно; не только въ «Отцахъ и дѣтяхъ», но и во всѣхъ прежнихъ своихъ произведеніяхъ онъ постоянно схватывалъ и изображалъ отношенія между отцами и дѣтьми. Послѣдняя мысль, послѣдняя волна жизни—вотъ что всего болѣе приковывало его вниманіе. Онъ представляетъ образецъ писателя, одареннаго совершенною подвижностью и вмѣстѣ глубокою чуткостью, глубокою любовью къ современной ему жизни...» (II, 229). Однако, тотъ же г. Страховъ въ другой статьѣ говоритъ нѣчто совершенно иное: «Тургенева нельзя назвать писателемъ, выражающимъ духъ своего народа или нѣкоторыя стороны этого духа. Ренанъ, который все больше и больше впадаетъ въ фразу и теряетъ ту тонкость и отчетливость, которая была въ немъ такъ привлекательна, напрасно приложилъ къ Тургеневу общую характеристику великаго поэта, именно сказалъ, что нашъ писатель есть выразитель безчисленныхъ поколѣній, умѣвшихъ жить и чувствовать, но не умѣвшихъ высказывать свою жизнь и чувства» (I, 66). Кто поймете г. Страхова? Съ одной стороны, Тургеневъ «постоянно схватывалъ и изображалъ отношенія между отцами и дѣтьми», а съ другой стороны *напрасно* называть его выразителемъ поколѣній Но развѣ схватывать и изображать отношенія между смѣняющимися поколѣніями не значитъ быть выразителемъ жизни этихъ поколѣній? Прибавимъ сюда еще мнѣніе одного изъ позднѣйшихъ критиковъ Тургенева—г. Михайловскаго: «за Тургеневымъ утвердилась репутація какого то спеціалиста по части «уловленія момента» и именно не просто чуткаго художника, а изобразителя «новыхъ людей». Едва ли существуетъ ходячее мнѣніе о томъ или другомъ крупномъ писателѣ, которое было бы такъ распространено и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ невѣрно» (I, 36). Кому вѣрить?

Но по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что Тургеневъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ объ его второстепенныхъ, спеціальныхъ свойствахъ, былъ первокласснымъ писателемъ, оставившимъ глубокій слѣдъ въ нашей общественности и въ нашей литературѣ? Казалось-бы, на этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ, хотябы только въ виду того преизобилія критики, которымъ почтены всѣ безъ исключенія произведенія Тургенева. Остерегитесь такъ

думать, читатель: въ числѣ критиковъ Тургенева имѣется вѣдь г. Н. Страховъ, который уже доказалъ свою способность однимъ духомъ выговаривать и «да» и «нѣтъ». Это самое мы находимъ и теперь. «Тургеневъ былъ любимцемъ публики въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ. Двадцать пять лѣтъ онъ считался первымъ русскимъ писателемъ, прямымъ и достойнымъ преемникомъ Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Никто изъ его современниковъ не имѣлъ такой свѣтлой, общепризнанной и широкой славы. Чѣмъ-же объясняется это первенство, это долгое и живое обаяніе?» Такъ начинается статья г. Н. Страхова. Первый русскій писатель... свѣтлая и широкая слава... долгое и живое обаяніе... Какого еще признанія нужно? Но вотъ неожиданное заключеніе статьи: «Тургеневъ до конца дней не обладалъ никакимъ авторитетомъ. Его очень любили и жадно читали; всякая мысль, всякое чувство, которое онъ вздумалъ-бы вложить въ свое созданіе, были-бы приняты публикою съ отверстыми душами. Но ему нечего было сказать; не было въ немъ струны, которая, издавая господствующій звукъ, вносила-бы ясность и гармонію во всѣ его звуки». Первый русскій писатель, которому «нечего было сказать», и долгое и живое обаяніе въ связи съ отсутствіемъ всякой авторитетности—это даже и г. Страховъ не каждый день можетъ сочинить. Но по крайней мѣрѣ Тургеневъ зналъ Россію и любилъ ее? Критики—друзья Тургенева, конечно, утверждаютъ это, какъ они утверждали за нимъ и авторитетность, и опредѣленныя политическія убѣжденія, но читатель сборниковъ г. Зеленскаго встрѣтитъ другія мнѣнія на этотъ счетъ, которыя неизбѣжно должны смутить его. Вотъ, не угодно-ли: «не съ любовью глядитъ г. Тургеневъ на Россію изъ своего прекраснаго далека; презрѣніемъ мечетъ онъ въ нее оттуда! Да, безотрадное впечатлѣніе производитъ на читателя его послѣдняя повѣсть. Не даромъ названа она «Дымомъ»: она, какъ дымъ, ѣстъ глаза и дурманитъ голову. Богъ да сохранитъ отъ ея чада и угара впечатлительныя головы нашей читающей молодежи! Россія еще не такъ дурна, какъ изображаетъ ее теперь г. Тургеневъ. Онъ бы, вѣроятно, и самъ съ этимъ согласился, еслибы не отлыкъ отъ нея и узналъ ее покороче»... («Голосъ» II, 385).

Вотъ теперь читатель критическихъ сборниковъ г. Зеленскаго пусть и подводитъ итоги. Тургеневъ—западникъ, Тургеневъ—не западникъ, либералъ и обличитель либерализма, Тургеневъ изобразитель эпохъ и ловецъ моментовъ, Тургеневъ ни то, ни другое, Тургеневъ чистый художникъ, Тургеневъ борецъ противъ крѣпостного права, Тургеневъ первый русскій писатель послѣ Пушкина и Гоголя, Тургеневу сказать было нечего, Тургеневъ пользовался обаяніемъ, Тургеневъ не обладалъ никакимъ авторитетомъ, Тургеневъ зналъ, понималъ и любилъ Россію, Тургеневъ не зналъ, не понималъ и не любилъ ее. Позвольте узнать, что-же такое китъ? Ничего, читатель, не тревожьтесь, никакой бѣды нѣтъ. Китъ, дѣйстви-

тельно, не рыба, а млекопитающее, и это, пожалуй, знать не мѣшаетъ, но суть дѣла не въ этомъ, а въ томъ... Господь умудряетъ немудрыхъ и вотъ что сказалъ мимоходомъ одинъ изъ самыхъ слабыхъ и безцвѣтныхъ критиковъ Тургенева, Н. Соловьевъ, по поводу «Отцовъ и дѣтей»: «заслуга Тургенева во всякомъ случаѣ большая. Сколько умныхъ вещей было высказано, сколько сомнѣній разрѣшено, сколько вопросовъ затронуто—и все это по поводу одного художественнаго произведенія!» (II, 255). Да. А такихъ произведеній у Тургенева не одно, а около десятка, и о каждомъ изъ нихъ можно сказать то, что сказалъ Соловьевъ объ «Отцахъ и дѣтяхъ». Это замѣчаніе Соловьева нужно, однако, поразвить и подкрѣпить.

II.

Русская критика не дѣлаетъ безчестья своей родной литературѣ. Разныя посредственности и бездарности, обиженныя ею, да кое-какіе критики-паразиты, жаждущіе хотя-бы геростратовой славы, могутъ съ легкимъ сердцемъ отрицать заслуги «русскихъ критиковъ», но читатели, сроднившіеся съ русской литературой, напоенные ея духомъ, должны знать всю мѣру и цѣну этихъ заслугъ. Лучшія страницы нашихъ критиковъ волновали насъ ничуть не меньше (еслибы я говорилъ лично о себѣ, я сказалъ-бы: гораздо больше), нежели лучшія страницы нашей художественной литературы. Скоро исполнится полвѣка со времени смерти главы и родоначальника нашей критики, но его произведенія до сихъ поръ не утратили своей жизненности и силы—не въ отношеніи ихъ идейнаго содержанія, давнымъ давно усвоеннаго и переваренаго нами, а въ смыслѣ ихъ неослабѣвающаго нравственнаго воздѣйствія на насъ. Лучшія статьи Бѣлинскаго до сихъ поръ нескучно читать и перечитывать—въ двадцатый разъ, быть можетъ. Глубоко правдивыя картины Гоголя, Достоевскаго и Толстого такъ же живучи и даже безсмертны, какъ и глубоко-искренній энтузіазмъ Бѣлинскаго, и развѣ одно не стоитъ другого? Да, конечно, велика заслуга художника, по поводу произведеній котораго высказано много умныхъ вещей, разрѣшено много сомнѣній и затронуто много вопросовъ, но не забудемъ-же и о заслугѣ тѣхъ, кто воспользовался этимъ поводомъ, съумѣлъ высказать всѣ эти умныя вещи и затронуть всѣ эти вопросы. Развитіе нашей художественной литературы совершалось параллельно съ развитіемъ нашей литературной критики, взаимно питая и поддерживая другъ друга. Къ чему пристроилъ-бы свой энтузіазмъ и на чемъ развернулъ-бы силу своей критической проницательности Бѣлинскій, еслибы передъ нимъ не было Пушкина и Гоголя? Съ другой стороны, произведенія Пушкина и Гоголя не остались-ли бы для русскаго общества мертвымъ капиталомъ, еслибы не обрѣли въ лицѣ Бѣлинскаго такого себѣ истол-

кователя? Это частный примѣръ, но онъ имѣетъ общее значеніе. Эти двѣ родныя сестры—художественная литература и литературная критика—ни въ какомъ случаѣ не могутъ у насъ жаловаться другъ на друга. Ни одинъ крупно-даровитый художникъ нашъ не въ правѣ былъ-бы сказать, что его не оцѣнили; ни одинъ крупно-даровитый критикъ нашъ не могъ-бы пожаловаться на недостатокъ работы, на отсутствіе темъ, на неимѣніе поводовъ къ пропагандѣ. Критикой обыкновенно бываютъ недовольны тѣ писатели, которые знаютъ или предчувствуютъ, что ими недовольна критика. Равнымъ образомъ, только тѣ наши критики (если только они не преслѣдовали возбудительно-полемическихъ цѣлей) повторялись въ жалобахъ на оскудѣніе художественной литературы, которымъ нечего было-бы сказать при какомъ угодно ея богатствѣ. Глупому сыну не въ помощь богатство. Вѣдь и передъ Бѣлинскимъ, эпоха котораго, дѣйствительно, была особенно счастлива на художественные таланты, все-таки стояли не только Пушкинъ и Гоголь съ своими учениками, но и длинные ряды писателей средняго и малаго калибра и, однако, Бѣлинскій смогъ написать превосходныя статьи о пустѣйшемъ изъ романовъ—«Мирошевѣ» Загоскина и о пустѣйшей изъ повѣстей—«Тарантасѣ» Сологуба. Это значитъ, что критикъ былъ богатъ своимъ собственнымъ внутреннимъ содержаніемъ, а это въ свою очередь значитъ, что литературная критика представляетъ собою столь-же самостоятельный родъ творчества, какъ и беллетристика, и поэзія. «Высказано много умныхъ вещей, разрѣшено сомнѣній, затронуто вопросовъ», но дѣло въ томъ, что зачастую самъ художникъ и не подозрѣваетъ, создавая свое произведеніе, объ этихъ вопросахъ и сомнѣніяхъ и очень мало повиненъ въ «умныхъ вещахъ», сказанныхъ по его поводу критикою. Такъ было у насъ едва-ли не со всѣми крупнѣйшими прозаиками. Ни Гоголь, ни Достоевскій, ни Гончаровъ, ни Островскій, ни Толстой не могли-бы согласиться со многими изъ тѣхъ выводовъ, которые дѣлались критикою на основаніи ихъ произведеній, изъ чего, впрочемъ, не слѣдуетъ, чтобъ эти выводы были невѣрны или произвольны.

Съ этимъ критеріемъ въ рукахъ читателю очень легко будетъ ориентироваться среди густой толпы нашихъ критиковъ вообще и критиковъ Тургенева въ частности. Всѣ они рѣзко раздѣляются на два основныхъ типа,—не по своему направленію или міросозерцанію, а по своимъ методологическимъ пріемамъ. Къ первому типу принадлежатъ критики, какихъ желалъ себѣ Гете и какихъ желаетъ себѣ каждый художникъ, въ особенности самолюбивый и честолюбивый. Гете желалъ себѣ критика «такого, который-бы меня, себя и цѣлый міръ забылъ и жилъ-бы только въ книгѣ моей». По поводу этой претензіи Бѣлинскій справедливо замѣтилъ, что «подобное требованіе очень выгодно для всѣхъ поэтовъ, не только великихъ, но и маленькихъ; принявъ его на вѣру и безусловно,

критика только и дѣлала бы, что кланялась-бы въ поясъ то тому, то другому поэту». Критики того типа, о которомъ мы говоримъ теперь, удовлетворяютъ этому требованію вполнѣ: кланяться въ поясъ—ихъ настоящее призваніе. Они являются или почтительными комментаторами или восторженными клакерами разсматриваемаго писателя. Ихъ личности совершенно заслоняются личностью художника, растворяются и утопаютъ въ его образахъ и идеяхъ—точь-въ-точь такъ, какъ того требовалъ Гете. *Забыть себя* нисколько не трудно для того, кто не въ силахъ почувствовать себя; *забыть весь міръ*—но въ данную минуту весь міръ сосредоточивается для нихъ въ мірѣ поработившаго ихъ писателя. Изъ этого рабства они выходятъ только за тѣмъ, чтобы запречься въ колесницу другого идола, перемѣнить себѣ господина. Они тургеневцы, когда пишутъ о Тургеневѣ, толстовцы, когда пишутъ о Толстомъ. Они блѣднѣютъ и стушевываются въ присутствіи всякой сколько-нибудь сильной индивидуальности. Между собой они рѣдко спорятъ и, во всякомъ случаѣ, только о мелочахъ, и это понятно: вѣдь они идутъ не только по одной дорогѣ, но и на однѣхъ и тѣхъ-же помочахъ. Самимъ себѣ они противорѣчатъ постольку, поскольку противорѣчилъ ихъ вожакъ. Если этотъ вожакъ вчера сказалъ въ одномъ своемъ произведеніи «да», а сегодня въ другомъ произведеніи говоритъ «нѣтъ» (а это бываетъ зачастую—изъ нашихъ современниковъ вспомните хоть Толстого), то и они вчера говорили «да»—но съ комментаріями, а сегодня скажутъ «нѣтъ»—но съ оговорочками. Въ этихъ маленькихъ комментаріяхъ и крошечныхъ оговорочкахъ выражается та доза умственной самостоятельности и творческой иниціативы, которая отпущена имъ природой. При всемъ томъ, они себя-то именно и считаютъ настоящими критиками: они пишутъ о *дѣлѣ*, т. е. о самомъ писателѣ, тогда какъ иные прочіе пишутъ лишь *по поводу*, пишутъ о жизни. Наиболѣе полными представителями этого типа критиковъ между критиками Тургенева являются покойные Анненковъ, Де-Пуле, О. Миллеръ и въ особенности здравствующій г. Незеленовъ. Все это, говоря добролюбовскимъ выраженіемъ, «люди, уткнувшіеся въ свою литературу», спеціалисты словеснаго мастерства и ничего больше.

Критики второго, противоположнаго типа руководствуются совсѣмъ иными началами. Писатель-художникъ имъ нуженъ не какъ предметъ для изслѣдованія an und für sich, а просто какъ поставщикъ подходящаго матерьяла для критическаго обсужденія, имѣющаго конечною цѣлью выраженіе собственныхъ взглядовъ критика на явленія жизни. Именно эти критики «разрѣшаютъ сомнѣнія» и «затрогиваютъ вопросы» по поводу художественныхъ произведеній. Добролюбову было сравнительно мало дѣла до художественнаго мастерства Островскаго и очень много до того общественно-историческаго явленія, которое называется самодурствомъ. Еслибы

Тургеневъ не написалъ «Наканунѣ», Добролюбовъ все-таки нашелъ-бы предлогъ указать намъ на окружающій насъ мракъ предразсвѣтной «канунной» ночи, кольнуть насъ дѣловитымъ фанатизмомъ Инсарова, указать намъ на необходимость самоотверженія ради идеи. Точно также, еслибы Тургеневъ не написалъ романа «Отцы и дѣти», Писаревъ все-таки далъ-бы намъ свой образъ «мыслящаго реалиста», олицетворивъ его не въ Базаровѣ, а въ какомъ-нибудь другомъ подходящемъ типѣ. Этотъ образъ былъ вполнѣ самостоятельнымъ произведеніемъ Писарева, отвѣчавшимъ на томившій его вопросъ: «како жить свято?» и во всей этой духовной работѣ даровитаго критика Тургеневъ былъ почти не при чемъ. Личности критиковъ этого рода не только не стушевываются передъ личностью писателя-художника, но еще ярче выступаютъ на фонѣ его художественныхъ обобщеній. Если взглядъ художника на значеніе и смыслъ подмѣченныхъ имъ явленій совпадаетъ со взглядомъ критики—тѣмъ лучше. Въ противномъ случаѣ—не погнѣвайтесь. Нелѣпо было-бы требовать, напр., отъ Бѣлинскаго, чтобы онъ, подобно Гоголю, видѣлъ въ Чичиковѣ не болѣе, какъ «плутоватаго человѣка», а въ Хлестаковѣ—мелкаго департаментскаго чиновника изъ разряда «пустѣйшихъ». Вопросъ ставился гораздо шире, далеко выходя изъ рамокъ индивидуальной психологіи, и если Гоголь этого не понималъ (а онъ дѣйствительно этого не понималъ), то его критику-истолкователю не могло быть никакого дѣла до этого: вѣдь истолковывался собственно не Гоголь, не его пониманіе жизни, а подмѣченные и собранные имъ факты. Давно извѣстно, что сила художественнаго таланта нисколько не обезпечиваетъ собою широту теоретическаго пониманія, и вотъ почему роль такихъ критиковъ, какъ Бѣлинскій, роль не служебная, а самостоятельная, творческая, а не комментаторская.

Тургеневъ, какъ художникъ, былъ одинаково близокъ и нуженъ критикамъ обѣихъ категорій. Этимъ, конечно, и объясняется рѣдкая многочисленность его критиковъ. Комментаторамъ произведенія Тургенева представляли обширнѣйшій эстетическій и психологическій матерьялъ для всякаго рода догадокъ и соображеній. Твердыхъ эстетическихъ критеріевъ, для всѣхъ равно обязательныхъ, нѣтъ и не бывало, а психологія, какъ замѣтилъ Достоевскій, всегда бываетъ о двухъ концахъ, такъ что въ этихъ областяхъ всякій можетъ чувствовать себя совершенно свободно. Вамъ нравятся стихотворенія Тургенева, а мнѣ они не нравятся—«въ нихъ нѣтъ ни образности, ни силы и самая форма ихъ не безукоризненна»,—мы можемъ объ этомъ даже слегка поспорить и все останется по старому. Точно также моральный психологическій вопросъ, хорошо или дурно поступилъ Рудинъ, напр. отказавшись отъ Натальи, можетъ быть разрѣшаемъ на десятки ладовъ съ одинаковою убѣдительностью. Это не потому, чтобы нравственные критеріи были также неопредѣленны какъ и эстетическіе, а просто потому, что каждый данный случай

имѣетъ свою спеціальную обстановку, которая рѣдко можетъ быть вполнѣ освѣщена въ художественномъ произведеніи, но въ которой именно и заключается ключъ къ окончательному нравственному выводу. Сколько горячихъ страницъ, преисполненныхъ горькихъ укоризнъ Рудину за его «трусость», найдетъ читатель въ критическихъ статьяхъ объ этой повѣсти, но на нашъ личный взглядъ всѣ эти укоры разбиваются небольшимъ хладнокровнымъ замѣчаніемъ покойнаго Н. В. Шелгунова: «удивляются отважности героинь Тургенева. Но отважности тутъ въ сущности нѣтъ никакой, а только неразуміе и неспособность видѣть и оцѣнить послѣдствія. Вы струсили, говоритъ тургеневская героиня тургеневскому герою; я же готова съ вами на край свѣта, я готова хоть сейчасъ сдѣлаться вашей любовницей. И нужно сказать правду, что въ трусости героя гораздо больше ума, чѣмъ въ отважности героини. Героиня дѣйствуетъ по короткому порыву; она только желаетъ страстнѣе и требуетъ немедленнаго удовлетворенія своей страсти. Ну, а потомъ то что? Гражданскаго брака героини г. Тургенева не знали, значитъ имъ приходилось дѣлаться простыми любовницами. И разумѣется, герои были правы, когда отклоняли неопытныхъ дѣвушекъ отъ подобнаго намѣренія» (I, 353) Очевидно, эта простая практичная мысль Шелгунова могла бы быть развита подробно, обставлена разнообразными доказательствами, и какъ послѣ этого поблѣднѣли бы всѣ рыцарскія филиппики противъ Рудина за его «трусость»! Тоже самое и въ другихъ случаяхъ, во всѣхъ другихъ положеніяхъ Тургеневскихъ героевъ и героинь: всегда два конца, вѣчное «можно не соглашаться, но нельзя не сознаться», все спорно, растяжимо, сомнительно, условно. Хорошо или дурно сдѣлала Лиза «Дворянскаго гнѣзда», отказавшись отъ личнаго счастія и уйдя въ монастырь? Читатель и на этотъ вопросъ найдетъ у критиковъ Тургенева противоположные отвѣты—«да», «нѣтъ», «и да, и нѣтъ», «ни да, ни нѣтъ», но эти отвѣты нисколько не освѣщаютъ поступка Лизы, а лишь характеризуютъ личности самихъ критиковъ. Чужая душа потемки—вотъ что мы дѣйствительно твердо знаемъ. Свѣтъ, вносимый художествомъ въ эти потемки, есть свѣтъ конечно, но это свѣтъ маленькой лампады въ огромномъ, пустынномъ залѣ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ—а ихъ у Тургенева очень много—собственной волѣ и собственному разумѣнію читателя предоставляется принять то или другое рѣшеніе, и онъ можетъ быть увѣренъ, что каково бы это рѣшеніе ни было, оно будетъ не хуже и не лучше разнообразныхъ рѣшеній, предлагаемыхъ критиками Тургенева

Какія же, однако «умныя вещи были высказаны, сомнѣнія разрѣшены, вопросы затронуты» критиками Тургенева? Необходима историческая точка зрѣнія, чтобы понять это, оцѣнить ту огромную и страстную работу критической мысли, которую вызвали произведенія Тургенева. Прежнія «сомнѣнія» теперь не волнуютъ насъ и затронутые когда то «вопросы» перестали быть вопросами, но

все это *было*, все это оставило слѣдъ и въ нашемъ сознаніи и въ нашей жизни. Лишніе люди и западники—Рудины, славянофилы—Лаврецкіе, нигилисты—Базаровы, опрощенные Неждановы—все это пройденныя ступени, пережитые фазисы, но не знать ихъ судьбы и исторіи—нельзя. Кто не понимаетъ духа сороковыхъ, шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ (а также впрочемъ и того пустопорожняго мѣста, которое называется восьмидесятыми годами), тотъ перейдетъ въ двадцатое столѣтіе не какъ живой участникъ историческаго процесса, а какъ Иванъ, не помнящій родства. «Критики Тургенева» много помогутъ читателю въ этомъ дѣлѣ, при томъ непремѣнномъ условіи, что онъ не откажется отъ права своей собственной критики.

III.

Въ сборникѣ критическихъ статей Чернышевскаго, вышедшемъ въ 1893 году, имѣется между прочимъ статья подъ заглавіемъ «Объ искренности въ критикѣ.» По правдѣ говоря, статья довольно безцвѣтна (въ виду того, что она напечатана въ 1854 году, это совершенно понятно), но самая тема ея чрезвычайно любопытна. Искренность въ критикѣ! Чернышевскій въ своей статьѣ возставалъ собственно противъ уклончивости тогдашней критики, противъ ея манеры всякое, хотя бы самое справедливое, порицаніе прикрывать комплиментами и разными осторожными оговорками въ такомъ напр. родѣ: «Слогъ г-жи Туръ можетъ быть во многомъ исправленъ къ лучшему, если того будетъ угодно самой сочинительницѣ». Такая галантность, разумѣется, была смѣшна, но довольно безвредна. Это не лицемѣріе, какъ свойство противоположное искренности, это выраженіе той своеобразной свѣтскости, въ силу которой Чичиковъ говорилъ: вы изволили пойти съ туза, а я имѣлъ честь убить его козыремъ. Понятіе искренности гораздо шире и серьезнѣе. Искренность въ литературѣ (а не въ одной только критикѣ), это тоже, что честность въ общественныхъ отношеніяхъ: это стихія, внѣ которой организмъ не можетъ развиваться правильно. Только тотъ писатель искрененъ, который можетъ по праву сказать о своей дѣятельности Лермонтовскимъ выраженіемъ: диктуетъ совѣсть, перомъ сердитый водитъ умъ. «Езоповскій языкъ», надъ неизбѣжностью котораго такъ горько шутилъ Салтыковъ, ничуть не компрометируетъ нашей искренности: вѣдь этимъ жалкимъ языкомъ мы говоримъ не такъ, но то-же самое, что хотѣли бы сказать. Но если писатель, высказывая извѣстныя общія положенія, дѣлаетъ изъ нихъ выводы, противорѣчащіе и смыслу и буквѣ этихъ положеній, мы не можемъ видѣть здѣсь только логическую ошибку, а видимъ именно лицемѣріе и сознательную ложь. Если писатель говоритъ напр. о русскомъ народѣ, какъ о народѣ избранномъ, предназначенномъ къ тому, чтобы создать новую, самобытную, нигдѣ не бывалую куль-

туру, и въ то же время утверждаетъ (самолично или черезъ своихъ единомышленниковъ—это все равно) что этотъ народъ—богоносецъ нуждается больше всего въ розгѣ,—мы не можемъ вѣрить честности этого писателя, не можемъ не презирать его.

Такіе писатели есть и между «критиками Тургенева» и мы хотѣли бы предостеречь отъ нихъ читателя. Нѣтъ, повторяемъ, никакой бѣды въ томъ, что «критики Тургенева» противорѣчатъ другъ другу на почвѣ критическаго истолкованія произведеній Тургенева: сколько головъ, столько умовъ и не изъ мутнаго ль броженья творится свѣтлое вино? Ну, и потрудитесь, подумайте, разберитесь собственными силами въ этихъ противоположныхъ мнѣніяхъ: всѣ документы передъ вами и все дѣло происходитъ на виду, при солнечномъ освѣщеніи. Нѣтъ большой бѣды даже и въ томъ случаѣ, когда критикъ противорѣчитъ самому себѣ: вѣдь это только недомысліе и весь трудъ читателя въ этомъ случаѣ будетъ сотоять только въ томъ, чтобы сбросить такого критика со счетовъ. Но если критикъ, прикрываясь авторитетсмъ Тургенева, инсинуруетъ читателю ученія, сущность которыхъ именно Тургеневъ справедливо и остроумно свелъ къ двумъ основнымъ принципамъ—«кнутъ и редереръ», тогда мы обязаны сказать читателю: будьте осторожны! Среди «критиковъ Тургенева» типичнѣйшимъ образцомъ такого критика—инсинуатора является не безъизвѣстный сотрудникъ «Московскихъ Вѣдомостей» г. Ю. Николаевъ, котораго мы теперь и отрекомендуемъ читателю.

Этотъ критикъ живѣйшимъ образомъ напоминаетъ одного изъ героевъ «Мертваго дома» по характеристикѣ Достоевскаго: «говорилъ онъ смирнехонько, пришепетывая, улыбочка сладенькая. То-то своего рода птица!» Птица или не птица г. Ю. Николаевъ, но елейностью, напускной кротостью, дѣланнымъ смиренномудріемъ отъ него дѣйствительно такъ и разитъ, хоть носъ зажимай. Говоритъ онъ не только смирнехонько и пришепетывая, но и безпрестанно перемежая свою рѣчь глубокими вздохами благочестиваго сокрушенія. Слова «вѣра» и «любовь» не сходятъ у него съ языка, но вы видите воочію, что настоящей вѣры и настоящей любви, той вѣры, которая мертва безъ дѣлъ, и той любви, которая кладетъ душу свою за други своя, у него нѣтъ и въ поминѣ, а есть вмѣсто вѣры казенное почтеніе къ ритуалу, а вмѣсто любви сладкія «словеса лукавствія». Показное ханженство — вотъ и все, чѣмъ онъ обладаетъ. Вотъ какъ напр. судитъ г. Ю. Николаевъ, по поводу Рудина, о нашихъ людяхъ сороковыхъ годовъ.

„Огонь не горитъ у Рудина даже въ крови, а въ душѣ его нѣтъ того „тайнаго холода“, того холоднаго отчаянія, той углубленной скорби, которыя у сильныхъ натуръ часто разрѣшаются слезами покаянія, приводятъ къ вѣрѣ, къ любви, къ надеждѣ, къ примиренію съ жизнью. Рудинъ не холоденъ, не горячъ, а только теплъ и къ нему и къ подобнымъ ему, ко всѣмъ тѣмъ, чье настроеніе воплотилъ Тургеневъ въ Рудинѣ, можно примѣнить грозныя слова Апокалипсиса: „Знаю твои дѣла: ты не холоденъ,

не горячъ; о если бы ты былъ холоденъ или горячъ! Но поелику ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ моихъ". Такое и при томъ *постоянное* состояніе души не совмѣстимо, конечно, съ геніальностью. Всякаго генія прежде всего характеризуетъ великій подъемъ его духа, великая вѣра, великая любовь; въ геніи какъ бы сосредоточивается вся сила вѣры и любви, заключенная въ его народѣ, и вотъ почему геній непремѣнно создатель, творецъ. Иначе не бываетъ. Отрицательная работа не дѣло геніевъ—они только творятъ. Въ Рудинѣ, какъ и во всѣхъ такъ называемыхъ людяхъ сороковыхъ годовъ, былъ умъ острый и блестящій, но не глубокій, была даровитость—при томъ даровитость лишь переимчивая, но и это расплывалось въ томъ душевномъ состояніи, которое было обще всѣмъ подобнымъ ему. Они были „не холодны, не горячи" и жизнь, суровая, неумолимая въ своихъ требованіяхъ жизнь — извергла ихъ изъ устъ своихъ. Если Рудинъ былъ скитальцемъ и въ буквальномъ смыслѣ слова, то всѣ люди сороковыхъ годовъ были нравственными и умственными скитальцами. Возьмемъ лучшихъ, благороднѣйшихъ изъ нихъ? Герцена, столь обаятельнаго своимъ гибкимъ умомъ, Грановскаго, столь обаятельнаго своею личностью. Кому же не очевидно, что ихъ жизнь, жизнь этихъ лучшихъ, но которыя были все таки „не холодны, не горячи"—кому не очевидно, что ихъ „слово" было словомъ протеста безъ основъ, который порождалъ страданія безъ исхода, жажду безъ удовлетворенія. Черенокъ европейской культуры, привитый къ людямъ сороковыхъ годовъ, къ этимъ чахлымъ и слабымъ дичкамъ—далъ лишь безплодно опавшій цвѣтъ, но не далъ плода; чуждые соки лишь искривили этотъ дичокъ, нарушили правильность его роста. Но та же европейская культура, привитая къ сильнымъ и крѣпкимъ, дала и роскошный цвѣтъ и плодъ; она дала намъ Пушкина, Гоголя, Лермонтова, дала ихъ продолжателей, уже питавшихся ихъ соками. Эти—дѣлали положительное дѣло, между тѣмъ какъ люди сороковыхъ годовъ только болѣли болѣзнью прививки и, не перенесши ея, зачахли среди вѣчныхъ своихъ умственныхъ и нравственныхъ скитаній" (I, 385).

Далѣе доказывается (т. е. собственно на разныя лады повторяется), что въ Рудинѣ, а стало быть и въ людяхъ сороковыхъ годовъ, «мы видимъ изображеніе жизни безъ подпоры прочной, жизни, въ основаніи которой нѣтъ вѣры, жизни, не согрѣтой любовью, не освѣщенной надеждой». «Не въ Рудиныхъ—заканчиваетъ критикъ—выражается культурный ростъ Россіи, а въ иныхъ людяхъ и въ иныхъ явленіяхъ»...

Слова «вѣра», «надежда», «любовь» повторены въ приведенномъ отрывкѣ до десяти разъ—вотъ какой вѣрующій, надѣющійся и любящій человѣкъ г. Ю. Николаевъ! Но люди сороковыхъ годовъ? Неужели Грановскій меньше вѣрилъ, Герценъ меньше надѣялся и Бѣлинскій меньше любилъ, нежели г. Ю. Николаевъ? Правда, «жизнь извергла ихъ изъ устъ своихъ», какъ апокалипсически выражается г. Ю. Николаевъ, которая, наоборотъ, жизнь возвратила на лоно «Московскихъ Вѣдомостей», но вѣдь та же самая жизнь не извергала, а пригрѣвала и Чичикова, и Молчалина, и Собакевича. Далѣе, почему бы это Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ и ихъ продолжатели дѣлали, по увѣренію г. Ю. Николаева, положительное дѣло, между тѣмъ какъ люди сороковыхъ годовъ, т. е. опять таки Бѣлинскій, Грановскій, Герценъ и ихъ друзья «только болѣли бо-

лѣзнью прививки и зачахли»? Вѣдь совершенно достовѣрно извѣстно, что и Пушкинъ, и Лермонтовъ, и Гоголь въ такой же точно степени пришлись «не ко двору» русской жизни, какъ и люди сороковыхъ годовъ. Они дѣлали «положительное дѣло» — этого мы не оспариваемъ, но это дѣло было *тѣмъ самымъ* дѣломъ критики, которымъ были заняты и люди сороковыхъ годовъ. Какой характеръ имѣютъ «Ревизоръ» и «Мертвыя души»—положительный или отрицательный? Развѣ дѣятельность Лермонтова не была сплошь тѣмъ самымъ «словомъ протеста», которое г. Ю. Николаевъ вмѣняетъ въ вину людямъ сороковыхъ годовъ? И развѣ Пушкинъ, восклицавшій: «да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма!», Пушкинъ, который только низкому *льстецу* приписывалъ мысль, что «просвѣщенья плодъ— развратъ и нѣкій духъ мятежный», Пушкинъ съ такимъ искреннимъ чувствомъ говорившій:

Увижу ли, друзья, народъ освобожденный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря!

неужели этотъ Пушкинъ можетъ служить сѣнью и оплотомъ для критика «Московскихъ Вѣдомостей»? Впрочемъ,—какъ это и всегда бываетъ съ защитниками неправыхъ дѣлъ, — г. Николаевъ самъ себя по ногамъ коситъ. Онъ говоритъ, что Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ и *ихъ продолжатели* дѣлали «положительное дѣло». Въ плеядѣ этихъ продолжателей одно изъ видныхъ мѣстъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Тургеневу. Между тѣмъ, г. Николаевъ отождествляетъ Тургенева съ людьми сороковыхъ годовъ и даже съ самимъ Рудинымъ: «въ Рудинѣ Тургеневу пришлось имѣть дѣло съ цѣлою полосой нашего развитія, съ тѣми вѣяніями сороковыхъ годовъ, отъ которыхъ онъ самъ никогда не могъ освободиться, которыя его самого сдѣлали *лишнимъ человѣкомъ*» (I, 388). Отсюда прямой выводъ, что люди сороковыхъ годовъ, они же *лишніе люди*, дѣлали какъ Тургеневъ, «положительное дѣло». Это вѣрно, разумѣется, мы именно эту самую мысль и защищаемъ, но что же сказать о логикѣ г. Николаева, который всетаки утверждаетъ, что люди сороковыхъ годовъ «только болѣли болѣзнью прививки и зачахли», не сдѣлавъ ничего путнаго? Нѣтъ, не ничего: профессура Грановскаго, 12 томовъ Бѣлинскаго, еще кое что и еще кое что — все это довольно путно и положительно. Русская литература очень сильно обезцвѣтилась бы, если изъ нея вычеркнуть труды тѣхъ людей, которыхъ нужный критикъ «Московскихъ Вѣдомостей» называетъ «лишними людьми».

Поучивши насъ вѣрѣ, надеждѣ и любви, г. Ю. Николаевъ приступаетъ къ наставленію и къ утвержденію насъ въ любви къ отечеству. «Мало мы любимъ Россію, говоритъ г. Ю. Николаевъ, больше инстинктивною, часто болѣзненною любовью, нежели созна-

тельною и глубокою—мало любимъ Россію, потому что мало любимъ нашу исторію и мало знаемъ ее.—Мы всѣ, конечно, инстинктивно и часто болѣзненно любимъ свою родину; мы не промѣняемъ ея, не промѣняемъ «эти бѣдныя селенья, эту скудную природу» на чужія «святыя чудеса» — но намъ надо учиться любить ее, чтобы полюбить сознательно». Мы рады учиться, но у кого же, собственно? У Лаврецкаго и главнымъ образомъ у Лизы («Дворянское гнѣздо»), отвѣчаетъ намъ г. Ю. Николаевъ. Лаврецкій, видите ли, представитель нашего среднепомѣстнаго дворянства, которое, по свидѣтельству г. Ю. Николаева, блистало своими истинно-русскими доблестями. «Оно не сопротивлялось новымъ вѣяніямъ, оно поступилось всѣмъ внѣшнимъ, оно обрило бороду, одѣлось въ кафтанъ и прицѣпило шпагу, оно служило, когда приказывали, но тѣмъ болѣе былъ силенъ его пассивный отпоръ. Измѣнивъ внѣшнія формы быта, оно осталось при прежнемъ внутреннемъ складѣ жизни. Среднепомѣстное дворянство мало чѣмъ отличалось отъ народа во внутреннемъ складѣ быта, и вотъ почему въ этотъ слой постоянно просачивалась изъ слоя народнаго та живая вода, которою народъ утолялъ свою духовную жажду. Этотъ слой, не приставшій къ движенію, происходившему на поверхности, какъ бы застылъ, какъ бы окаменѣлъ, жизнь въ немъ какъ бы заснула, не задумываясь сама надъ собой. Духовнаго движенія не было въ этотъ слоѣ, но духовная жизнь теплилась въ немъ. Эта духовная жизнь была однородна съ духовною жизнью народа: тѣ же паломники одинаково заходили въ крестьянскую хату и въ барскую усадьбу, на гробахъ тѣхъ же подвижниковъ одинаково молились господа и ихъ рабы, оттуда же, изъ тѣхъ же монастырей свѣтилъ свѣтъ и тѣмъ и другимъ» (II, 27). Именно все такъ и было, какъ разсказываетъ г. Николаевъ. Была крѣпостная тишь, да гладь, да божья благодать. Живая вода потихонечку просачивалась изъ нижнихъ слоевъ въ верхніе и баринъ и мужикъ одинаково удовлетворяли свою духовную жажду. Странница Феклуша, побесѣдовавъ въ мужицкой избѣ о пупѣ земли, шла затѣмъ въ барскую усадьбу, чтобы разсказать все о томъ же пупѣ. Духовная жизнь барина была однородна съ духовною жизнью народа — это г. Николаевъ прекрасно сказалъ. Если баринъ поролъ мужика на конюшнѣ, морилъ его на барщинѣ, отнималъ у него жену или дочь, то это была разница только физическихъ, а не нравственныхъ условій. Духовная жизнь тутъ была не при чемъ. Она одинаково и у мужика, и у барина «какъ бы застыла, какъ бы окаменѣла, какъ бы заснула, не задумываясь сама надъ собой», и это было прекрасно. *Пассивный отпоръ*, восхваляемый г. Николаевымъ, дѣйствительно, былъ силенъ,— и не напрасно. «Вѣдь, мой батюшка, говорила среднепомѣстная дворянка Простакова,—пока Митрофанушка еще въ недоросляхъ, пока его и понѣжить, а тамъ, лѣтъ черезъ десятокъ, какъ войдетъ, избави Боже, въ службу, всего натерпится. Какъ кому счастіе на

роду написано! Изъ нашей же фамиліи Простаковыхъ, смотри-тка, на боку лежа, летятъ себѣ въ чины. Чѣмъ же плоше ихъ Митрофанушка?» Вотъ это и былъ «пассивный отпоръ», благодаря которому не изсякли въ нашемъ отечествѣ источники «живой воды». Но рядомъ съ «пассивнымъ отпоромъ», по свидѣтельству той же Простаковой, шла своимъ чередомъ и активная дѣятельность: «все сама управляюсь, батюшка. Отъ утра до вечера, какъ за языкъ повѣшена, рукъ не покладываю: то бранюсь, то дерусь; тѣмъ и домъ держится, мой батюшка!»

«Изъ нѣдръ-то этой жизни, какъ бы замершей, какъ бы завороженной, вышли Лиза и Лаврецкій» говоритъ г. Ю. Николаевъ. Послѣ этого не можетъ оставаться никакихъ сомнѣній въ ихъ душевной красотѣ. И дѣйствительно, Лаврецкій если и учился, то «учился просто, безъ задней мысли: не для того, чтобы научиться любить родину», тогда какъ люди сороковыхъ годовъ, какъ извѣстно, изучали Гегеля и Шеллинга именно затѣмъ, чтобы научиться любить родину. Лаврецкій — «не славянофилъ и не западникъ, онъ просто русскій человѣкъ, который даже не понимаетъ о чемъ тутъ думать и разсуждать». Благодаря этому неожиданному извороту тонкой критической мысли г. Николаева, всѣ наши славянофилы отъ Кирѣевскаго до Достоевскаго оказываются не русскими, по крайней мѣрѣ не истинно-русскими людьми: вѣдь они не только понимали причины спора между славянофилами и западниками, но и принимали участіе въ этомъ спорѣ. Съ другой стороны, и Лаврецкому тутъ не поздоровится: если онъ русскій человѣкъ потому, что *не понималъ* причинъ спора, то еще болѣе, конечно, русскіе люди тѣ, которые вовсе даже и *не знали* о существованіи славянофиловъ и западниковъ, а если бы и узнали, то не поняли бы ужъ ровно ничего, ни даже самыхъ терминовъ. Изъ среднепомѣстнаго дворянства такимъ, самымъ ужъ истиннымъ и кореннымъ русскимъ человѣкомъ могъ бы явиться именно Митрофанушка Простаковъ, а изъ народа — всѣ тѣ милліоны, которые о самой азбукѣ знаютъ только по наслышкѣ.

Достаточно, полагаю. Я вовсе не намѣревался вступать съ г. Николаевымъ въ обстоятельную полемику — очень нужно! — я хотѣлъ, повторяю, только предостеречь читателя: когда, знакомясь съ критиками Тургенева, онъ повстрѣчаетъ въ ихъ толпѣ нѣкую смиренную фигуру, въ долгополой одеждѣ, съ волосами, умащенными деревяннымъ масломъ, съ скромно потупленными глазами, сладкой улыбкой и съ вкрадчивой рѣчью—пусть онъ приметъ предохранительныя мѣры, пусть онъ вспомнитъ восклицаніе Достоевскаго: «то-то птица должно быть!»

М. Протопоповъ.

Новыя книги.

А. Витковскій. Аринушка. Повѣсть. СПБ. 1895 г.

Г. Каспари, издателю старой (тридцатитрехлѣтней) повѣсти Витковскаго, пришла въ голову не новая, но справедливая мысль, изъ которой онъ сдѣлалъ новыя, но несправедливыя заключенія. Мысль состоитъ въ томъ, что эпоха пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ—эпоха интересная и поучительная. Заключеніе состоитъ въ томъ, что для изученія этой интересной эпохи нужно теперь перепечатывать произведенія беллетристовъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, даже столь мало замѣчательныя, какъ повѣсть Витковскаго. Г. Каспари насчетъ „Аринушки" держится впрочемъ иного мнѣнія, нежели мы: „читатель, говоритъ онъ, встрѣтитъ въ этой повѣсти не только довольно широкую картину помѣщичьей жизни крѣпостного періода, но съ любопытствомъ остановится на психологическомъ анализѣ дѣйствующихъ лицъ, такъ какъ въ настроеніяхъ героевъ повѣсти, несомнѣнно, сказались общественныя и нравственныя настроенія эпохи. Идея долга находится въ противорѣчіи съ жаждою свободы и съ потребностью личнаго счастья — и въ этомъ заключается трагическій элементъ повѣсти, которая читается съ начала до конца съ неослабѣвающимъ интересомъ". Всѣ эти соображенія нисколько не убѣдительны. Во первыхъ, если ужъ искать картинъ помѣщичьей жизни въ беллетристикѣ, то въ качествѣ полезныхъ историческихъ документовъ могутъ служить для этой цѣли только первоклассныя произведенія, а не заурядныя повѣсти, называемыя на техническомъ языкѣ журналистики „балластомъ". Во вторыхъ, въ психіи дѣйствующихъ лицъ повѣстей Витковскаго—самой „Аринушки" и ея мужа, отставного генерала и крупнаго помѣщика,—„общественныя и нравственныя настроенія эпохи" не выразились и не могли выразиться, потому что такими выразителями могутъ явиться только люди сколько нибудь замѣчательные, а отнюдь не первые встрѣчные, какъ персонажи Витковскаго. Въ третьихъ, противорѣчіе идеи долга съ жаждою личнаго счастія не можетъ служить характеристическимъ признакомъ ни какой бы то ни было эпохи, ни какого бы то ни было общества: такое противорѣчіе есть черта индивидуально психологическая и можетъ быть наблюдаема въ литературѣ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Развѣ напр. гомеровскій Гекторъ, остановившійся въ нерѣшительности между призывомъ своихъ соратниковъ

на отраженіе подступавшихъ къ Троѣ грековъ и страстною мольбою Андромахи остаться, ради ихъ сына, въ безопасности, за стѣнами города,—развѣ эта классическая фигура не представляетъ собою живого олицетворенія борьбы между идеей долга и жаждой личнаго счастья? Въ четвертыхъ, наконецъ, утвержденіе г. Каспари, что повѣсть Витковскаго „читается" съ начала до конца съ неослабѣвающимъ интересомъ, свидѣтельствуетъ только о неразвитости литературнаго вкуса издателя.

Дѣло въ томъ, что повѣсть Витковскаго скучна и монотонна, какъ всякое посредственное произведеніе. Мертвыхъ съ погоста не носятъ, а эта повѣсть и явилась на свѣтъ (въ 1862 году) мертворожденною. *Витковскій*... кто, даже изъ людей, хорошо знающихъ нашу литературу, можетъ сказать, что знаетъ и помнитъ это имя? Это былъ, какъ видно изъ реставрированной повѣсти, человѣкъ и писатель несомнѣнно съ благими намѣреніями, но это и все. Писать онъ умѣлъ лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ умѣетъ писать всякій хорошо грамотный человѣкъ, т. е. зналъ всѣ слова литературнаго языка, умѣлъ связывать эти слова въ предложенія — предложенія въ періоды, а изъ этихъ періодовъ составлялъ „главы", совокупность которыхъ образовала собою повѣсть. Кому жъ ума не доставало, чтобы, при желаніи и при усердіи, не овладѣть нехитрой литературной, техникой? Но обладаніе этой техникой еще не создаетъ писателей творцовъ, а плодитъ лишь писателей-ремесленниковъ, назначеніе которыхъ— только перепѣвать основные литературные мотивы по камертону дѣйствительныхъ талантовъ. Это самое мы и находимъ у Витковскаго, только съ тою печальною особенностью, что онъ даже вторить или перепѣвать не можетъ безъ фальшивыхъ нотъ, иногда просто рѣжущихъ ухо. Приведемъ примѣръ и при томъ не случайный, а такой, въ которомъ сконцентрирована основная тенденція повѣсти. Аринушка—это молодая дѣвушка необразованная, дочь крошечнаго провинціальнаго чиновника, которую генералъ Бетрищевъ, то бишь, генералъ Калатырниковъ, удостоилъ взять въ законныя супруги—не изъ любви къ Аринушкѣ, а для прекращенія поднявшихся сплетень и „на зло" провинціальному обществу. Аринушка, разумѣется, боится мужа, какъ огня, но нисколько не любитъ его, а любить ей хочется. Все это, какъ видите, знакомо-перезнакомо, молото-перемолото, но по этой истасканной канвѣ Витковскій вышилъ свой, правда, оригинальный, но ни съ чѣмъ несообразный, совершенно нелѣпый узоръ. Калатырниковъ раззоряется, принужденъ переселиться изъ деревни въ Петербуръ и изъ провинціальнаго „орла" котораго всѣ боялись, превращается въ столичную мошку, которая всѣхъ боится.

Аринушка въ это время успѣла уже полюбить другого, отставного поручика Пирогова, то бишь отставного поручика Стадкина, къ которому было и уѣхала, но по слезному призыву мужа, опять вернулась къ семейному очагу. Мужъ умираетъ, ворча и брюзжа на Аринушку, которая послѣ этого написала своему поручику письмо, изъ котораго мы должны сдѣлать довольно большую выдержку, такъ какъ въ немъ — вся идея и вся оригинальность повѣсти. Вотъ, не угодно ли:

„Несчастіе, случившееся съ мужемъ, его письмо, внезапная перемѣна характера, вдругъ разомъ перевернули меня; точно какой то небесный свѣтъ озарилъ меня, прежнія мои мученія смѣнились раскаяніемъ, мнѣ сдѣлалось почему то страшно, стыдно, больно и между тѣмъ я радовалась, мнѣ хорошо было! Никогда я не забуду той минуты, когда встрѣтилась съ Петромъ Петровичемъ (мужемъ). При этой встрѣчѣ я уже любила его такъ, какъ никого никогда не любила, я каялась передъ нимъ во всемъ прошедшемъ, сердце мое рвалось къ нему, мнѣ казалось, что у меня крылья выросли, что я сдѣлалась крѣпче, сильнѣе, мужественнѣе; отъ этой любви никакая сила не могла оторвать меня! Скажите, виновата ли я во всемъ этомъ, отчего все вышло такъ чудно, такъ непостижимо? Въ моей ли волѣ было отказаться отъ моего счастья, отъ того, чего я такъ долго искала, къ чему стремилась, для чего жила до сихъ поръ! Я нашла кладъ, мнѣ принадлежащій, и крѣпко уцѣпилась за него. Болѣзнь мужа, его упреки, ругательства не могли уменьшить любви моей, я страдала молча, тихо, безропотно, никому не жалуясь: я должна была страдать—это страданіе утѣшало меня, я дорожила имъ, я втихомолку обливалась слезами и радовалась, что исполняю долгъ мой; эти горячія, искреннія слезы облегчали душу, наполняли сердце какимъ то невыразимымъ блаженствомъ. Теперь, лишившись мужа, я живу памятью о немъ, я все таки люблю его, я вижу тѣнь его, слышу слова его, его стоны, его проклятія—они милы, драгоцѣнны для меня; ни на что на свѣтѣ не промѣняю я ихъ, да и промѣнять не могу, не въ силахъ!... Я бы подло обманула и себя и другого, если бы вздумала насильно, временно заглушить ихъ: рано или поздно они снова проснулись бы и еще сильнѣе овладѣли бы всѣмъ существомъ моимъ. Что же мнѣ оставалось дѣлать? Я одна, ничто на свѣтѣ не можетъ занимать, радовать меня; моя радость въ могилѣ, тамъ все мое: умъ, сердце, совѣсть—все тамъ; я только насильно хожу по землѣ; нѣтъ на ней ничего мнѣ родного, близкаго, все чуждо, все холодно; средствъ къ жизни никакихъ не имѣю, вашей помощью существовать не могу; я пользовалась ею только изъ любви къ мужу и для его спасенія! Я рѣшилась, я иду въ монастырь—вотъ лучшая, единственная для меня дорога, вотъ конецъ мой!“

Что жъ, скажетъ иной читатель, это экзальтированная потребность жертвы—вещь довольно знакомая. Est modus in rebus, скажемъ мы на это. Когда Пушкинская Татьяна говорила Онѣгину: „я другому отдана, я буду вѣкъ ему вѣрна“, мы понимали ее: мужъ ея былъ очень почтенный человѣкъ и, главное, живой, здравствующій человѣкъ. Но если бы Татьяна, овдовѣвши, повторила Онѣгину тѣ же свои слова, мы въ правѣ были бы счесть ее полуумной. Когда Тургеневская Лиза ушла въ монастырь, убѣдившись въ невозможности за-

коннаго счастья съ Лаврецкимъ, мы и ее понимали: вѣдь она же мечтала о замужествѣ, когда одно время думала, что жена Лаврецкаго умерла за границей,—человѣкъ же, значитъ, была она! Но Аринушка Витковскаго больше и хуже чѣмъ психопатка: ей милѣе свего на свѣтѣ воспоминанія о брюзжаніи и воркотнѣ („неотесанная дура", „неблагодарная тварь" и пр.) глупаго и злобнаго стариченка. Ея сердце, умъ, совѣсть,— все тамъ въ могилѣ за-долго до смерти и изъ ума, и изъ совѣсти выжившаго генерала Бегрищева. Боже мой, разумѣется, мы не сравниваемъ Витковскаго съ Пушкинымъ и Тургеневымъ, не предъявляемъ къ нему невозможныхъ требованій, мы указываемъ только на разницу между талантомъ и посредственностью: первый знаетъ и никогда не забываетъ, что est modus in rebus, вторая объ этомъ даже не догадывается. И вотъ такую то примитивную психопатологію г. Каспари называетъ „психологическимъ анализомъ", въ бредовыхъ идеяхъ сумашедшой женщины усматриваетъ выраженія „общественныхъ и нравственныхъ настроеній" эпохи шестидесятыхъ годовъ! Благодаримъ, не ожидали!

В. Фирсовъ Разсказы и легенды. СПБ. 1896 г.

„Познай самого себя: это всего труднѣе, ибо самолюбіе всегда преувеличиваетъ наши достоинства". Афоризмъ этотъ значится во всѣхъ азбукахъ и прописяхъ и мы рекомендуемъ его вниманію г. Фирсова. Если бы этотъ *тоже* писатель позналъ самаго себя, размѣръ своихъ литературныхъ силъ, онъ никогда бы не рѣшился предлагать читателю свои разсказцы вторично, въ отдѣльномъ изданіи. Вѣдь это значитъ претендовать на серьезное вниманіе, напрашиваться на критику, а для разсказовъ, подобныхъ разсказамъ г. Фирсова, это также губительно, какъ для плохой матеріи губительно и ведро, и ненастье, и солнце, и дождь. Ужъ если вы имѣли несчастіе сшить себѣ платье изъ такой матеріи, то носите его дома и не выходите въ немъ на улицу: на солнцѣ оно выгоритъ, на дождѣ она начнетъ распалзываться. Вотъ ужъ именно: Ерема, Ерема, сидѣлъ бы ты дома...

О чемъ, бишь, трактуется въ разсказцахъ г. Фирсова? Возьмемъ изъ нихъ первый и послѣдній по порядку помѣщенія ихъ въ книжкѣ. Въ первомъ—„Недолгое счастье" разсказывается раздирательная исторія одной юной четы, но кѣмъ разсказывается? Лампой. Да, обыкновенной бронзовой столовой лампой, цѣною въ 35 р. Лампа эта по собственному признанію была забракована хозяиномъ фабрики „за то, что одна ручка у меня прилажена чуть-чуть повыше другой". Мы одобряемъ такой художественный пріемъ: чего жъ въ самомъ

дѣлѣ и требовать отъ лампы, да еще забракованной? И такъ, проходи съ миромъ, ламповая литература! Послѣдній разсказъ носитъ названіе „Подвигъ Ахметъ-бека“ и относится уже къ разряду восточныхъ легендъ. Однако, находчивость и здѣсь не покинула г. Фирсова, и онъ ухитрился придѣлать къ легендѣ слѣдующую глубокую мораль: необходимо „всячески содѣйствовать распространенію грамотности—этого единственнаго оплота противъ суевѣрія“. Справедливо.

Альфредъ де-Мюссе. Ночи. Переводъ А. Д. Облеухова. Москва. 1895 г.

„Прошу имѣть въ виду одно, заключаетъ г. Облеуховъ свое предисловіе: если мой переводъ слабъ, то это слѣдствіе не недостатка буквальности, а просто недостатка моего поэтическаго дарованія“.

Охотно дѣлаемъ эту уступку г. Облеухову: дѣло, дѣйствительно, не въ недостаткѣ „буквальности“. Переводъ его не только слабъ—онъ просто никуда не годится и происходитъ это, по мѣткому замѣчанію г. Облеухова, отъ „недостатка поэтическаго дарованія“. Муза, прилетавшая къ Мюссе въ его „Ночахъ“, ни разу не навѣстила его переводчика и всѣ эти шестьдесятъ страницъ перевода отъ первой до послѣдней строки—безвкусная рубленная проза, ни формой, ни настроеніемъ, ни содержаніемъ образовъ не напоминающая „Ночей“: ein Afterbild von Musset, сказалъ-бы нѣмецъ.

Въ „Ночахъ“ никогда нѣтъ ни лишняго слова, ни безсодержательнаго эпитета, ни туманныхъ плеоназмовъ; настроеніе читателя все время активно и приподнято,—съ каждымъ стихомъ, съ каждымъ ударомъ ритма оно получаетъ новый запасъ содержанія: новое слово—новый сбразъ. Методъ г. Облеухова нѣсколько иной: изъ строфы Мюссе онъ выбираетъ два-три образа, разводитъ ихъ тавтологіями и ничѣмъ не оправдываемыми прибавленіями отъ себя до нужныхъ ему размѣровъ—и перелагаетъ эту смѣсь въ неумѣлыя, тяжелыя вирши. „Poète, prends ton luth, et me donne un baiser“ — такъ начинается „La nuit de Mai“ Мюссе; вотъ что соотвѣтствуетъ этой *строкѣ* у г. Облеухова:

„Возьми, о поэтъ, сладкозвучную лиру,
Рукою могучей ударь по струнамъ
И звуки польются подобно волнамъ
Про муки поэта разсказывать міру“.

Ничего этого нѣтъ у Мюссе; но есть за то другое: „цвѣтокъ шиповника, говоритъ поэтъ, почувствовалъ, какъ раскрываются его почки; весна родится въ этотъ вечеръ, и вѣ-

терки становятся теплѣй, и трясогузка въ ожиданіи зари садится на первые зеленые кусты". Но, истративъ на передачу одной строки цѣлыхъ четыре, г. Облеуховъ спѣшитъ восполнить нехватку, и потому эту простую, прозрачную, сплошь конкретную картинку замѣняетъ менѣе поэтичными, но болѣе глубокими образами:

„Востокъ превращается въ царственный храмъ
Отъ ясной зари, разостлавшей порфиру".

Таково начало. Остальное переведено—мы сличали весь переводъ съ подлинникомъ—еще топорнѣе, своевольнѣе и безталаннѣе. Отъ счетовъ съ теоретическимъ предисловіемъ г. Облеухова можно отказаться. Прежде, чѣмъ учить другихъ, надо уяснить самому себѣ смыслъ своихъ словъ; не мѣшаетъ и поучиться, чтобы знать, что люди думали до тебя, и чтобы не открывать Америку съ другой стороны. Тогда смѣшными и странными станутъ г. Облеухову его открытія такого рода: „Сущность поэтическаго произведенія составляетъ его главная идея, объединяющая все второстепенное, всѣ образы, всѣ выраженія, посредствомъ коихъ эта идея воплощена и представлена. Поэзія имѣетъ дѣло не съ разсудкомъ, а съ чувствами и въ поэмѣ собственно важна не самая идея, а тѣ ощущенія и мысли, которыя возбуждаетъ въ читателѣ представленная поэтомъ идея". Какимъ образомъ *сущность* поэтическаго произведенія становится чрезъ пять строкъ „собственно не важной", предоставляемъ рѣшать г. Облеухову, а по вопросу о томъ, имѣетъ - ли дѣло поэзія съ разсудкомъ, совѣтуемъ ему заглянуть въ любую книжку по теоріи искусства отъ Буало до Гюйо и отъ „Критики силы сужденія" Канта до „Лекцій по теоріи словесности" покойнаго А. А. Потебни.

Ж. Э. Ренанъ. Сборникъ мелкихъ статей и рѣчей Переведъ В. И. Штейнъ. Съ приложеніемъ историко-литературнаго очерка о Ренанѣ. Изданіе М. М. Ледерле. „Моя библіотека". СПБ. 1895 г.

С. Ф. Годлевскій. Ренанъ какъ человѣкъ и писатель. Критико-біографическій этюдъ. Съ портретомъ Э. Ренана. СПБ. 1895 г.

Русская публика, вообще говоря, имѣетъ недостаточно вѣрное и ясное представленіе о трудахъ и личности знаменитаго автора „Исторіи первыхъ вѣковъ христіанства"; она знакомится съ нимъ то изъ вторыхъ рукъ, изъ характеристикъ, болѣе или менѣе односторонникъ, то по отрывочнымъ пересказамъ его второстепенныхъ произведеній, по его мелкимъ статьямъ, рѣчамъ, замѣткамъ. Ренанъ — авторъ капитальныхъ и многотомныхъ изслѣдованій, Ренанъ,—неустанный работникъ, Ренанъ, сложный и интересный характеръ, Ренанъ,

возведшій политическій и общественный индифферентизмъ въ догматъ—исчезаетъ за инымъ Ренаномъ: авторомъ какой то заманчивой своей запретностью книжки, самодовольнымъ эпикурейцемъ и ненавистникомъ не то клерикализма, не то демократіи, блестящимъ и, можетъ быть, легковѣснымъ ораторомъ. Это не всегда достаточно содержательное представленіе могло бы быть устранено, конечно, лишь знакомствомъ съ настоящими научными трудами покойнаго профессора семитическихъ языковъ въ Collège de France. Пока-же выходъ въ свѣтъ и успѣхъ этихъ суррогатовъ—біографій, характеристикъ, сборниковъ свидѣтельствуетъ о неутоленномъ интересѣ читателей къ его оригинальной фигурѣ и дѣятельности.

Этой потребности въ извѣстной степени удовлетворяетъ изданіе г. Ледерле. Его сборникъ, умѣло составленный и безукоризненно переведенный, даетъ достаточный и тщательно подобранный матеріалъ для знакомства хотя бы съ той разносторонностью духовныхъ интересовъ, какою отличался Ренанъ. Читатель найдетъ въ книжкѣ рѣчи надъ гробомъ Тургенева и у памятника Спинозы, лекціи объ участіи семьи и государства въ дѣлѣ воспитанія и о роли семитическихъ народовъ въ исторіи цивилизаціи, письма къ Бертело о задачахъ и методѣ историческихъ и естественныхъ наукъ, воспоминанія о научныхъ конгрессахъ и обществахъ—немного шутки, немного лирики, немного тяжеловѣсной учености. Въ сборникъ входитъ составленный г-мъ Штейномъ историко-литературный очеркъ жизни и дѣятельности Ренана, очень сжатый, содержательный и хорошо написанный. Въ общемъ сужденіи о результатахъ дѣятельности Ренана г. Штейнъ сходится съ Дешаномъ, авторомъ статьи „Rénan et le Rénanisme“: „творческая фантазія, остроумная парадоксальность, глубокомысленныя положенія, неожиданныя остроумныя догадки, удивительный слогъ, присущіе Ренану, все это не властно прельстить того, кто ищетъ опредѣленныхъ и точныхъ ученій, кто жаждетъ мужественной твердости убѣжденій и кто проникнутъ вѣрованіемъ, что правда и свобода не суетныя слова, но истина, непреложная для всѣхъ и каждаго. Наоборотъ, воззрѣнія Ренана неотразимо чарующъ и прельщаютъ чуткія художественныя натуры и молодежь“. Вотъ, въ дурномъ вліяніи легкомысленнаго скептицизма Ренана на этихъ minus habentes авторъ и усматриваетъ наиболѣе серьезное изъ всѣхъ прегрѣшеній, какія ставятся на счетъ Ренану.

Критико-біографическій этюдъ г. Годлевскаго производитъ нѣсколько двойственное впечатлѣніе. Авторъ ознакомился со многимъ изъ литературы о Ренанѣ, добросовѣстно вчитался въ его сочиненія, и въ сужденіи о его личности имѣлъ

благое намѣреніе дать ему объективную реабилитацію—„понять Ренана не только какъ скептика и разрушителя вѣрованій, но и какъ творца и провозвѣстника лучшаго будущаго", и при изученіи его произведеній обращать особенное вниманіе на ихъ положительную сторону. Но отсутствіе опредѣленной точки зрѣнія, нѣкоторая наивность въ воззрѣніяхъ и слабость теоретическихъ построеній помѣшали автору выполнить его обѣщаніе. Изъ того, что Ренанъ представлялъ собою типъ, на первый взглядъ, противорѣчивый, едва ли слѣдуетъ, что характеристика его можетъ быть охвачена рядомъ мало опредѣленныхъ, другъ друга уничтожающихъ и, въ сущности, недостаточно смѣлыхъ положеній. Будь авторъ пристрастенъ, онъ легко бы сбился на панегирикъ или на обвинительный актъ Ренану; будь онъ дѣйствительно широкъ, онъ занялъ бы возвышенную точку, съ которой личность Ренана, охваченная во всей своей многообразной цѣлостности, представилась бы ему и читателю живою и невыдуманною. Но для безпристрастія мало одного желанія, и эклектика не замѣняетъ его. Выводы автора построены по одному шаблону: сперва утвержденіе и затѣмъ, поскорѣе, ограниченіе. „Какъ мыслитель и ученый, Ренанъ *конечно* не можетъ былъ поставленъ на-ряду съ Контомъ, Спенсеромъ, Дарвиномъ и Миллемъ. По силѣ творческаго литературнаго таланта онъ уступаетъ Гете" Шиллеру и Байрону; *но* тѣмъ не менѣе ни одинъ изъ великихъ писателей XIX вѣка не съумѣлъ отразить въ своихъ произведеніяхъ измѣнчивый, тревожный характеръ переживаемой нами эпохи такъ жизненно и полно, какъ Ренанъ". Онъ впадалъ въ крайности, *но* никогда не измѣнялъ основному принципу всей своей жизни и литературной дѣятельности—идеѣ развитія; онъ примѣнилъ эту идею къ этикѣ и экзегетикѣ, и въ этомъ положительное значеніе его произведеній, *но* основныя положенія теоріи развитія лишь намѣчены у него и нигдѣ не проведены до конца. Однимъ словомъ, Ренанъ не былъ благодѣтелемъ человѣчества, *но* онъ все таки не даромъ пріобрѣлъ славу великаго писателя".

Какой реальный смыслъ можно вложить въ эти несоизмѣримыя противоположенія и что выражаютъ они собою, какъ не удобныя и безопасныя, ибо безсодержательныя варіаціи на тему „съ одной стороны нельзя не признаться" и т. д. Г. Годлевскій систематически излагаетъ содержаніе главныхъ общихъ трудовъ Ренана; онъ хорошо передаетъ исторію его жизни, отчасти разсказанную имъ самимъ. Но онъ напрасно взялся за непосильную для него характеристику писателя или, по крайней мѣрѣ, напрасно не выбралъ себѣ опредѣленнаго руководителя. Такимъ могла бы съ успѣхомъ служить для него новая книга Сеайля: „E. Renan; Essai de biographie

psychologique", вышедшая за полъ-года до труда г. Годлевскаго и почему то оставшаяся ему неизвѣстной: онъ не указываетъ ея въ своей „библіографической справкѣ". Двѣ особенности дѣлаютъ эту новую книгу о Ренанѣ, если не образцомъ, то указаніемъ, какъ надо писать біографію дѣятеля мысли: это, во первыхъ, настоящая *исторія* и, во вторыхъ, исторія *души*. И, если такой генетическій методъ долженъ бы вообще имѣть исключительное примѣненіе въ жизнеописаніи писателя, то едва ли можно найти среди крупныхъ величинъ нашего времени человѣка, болѣе подходящаго для примѣрной демонстраціи этого метода, чѣмъ Ренанъ: пусть послѣдовательныя метаморфозы въ его міровоззрѣніи знаменовали собою по мнѣнію Сеайля—постепенное паденіе, но безостановочнаго видоизмѣненія не отрицаетъ въ немъ и его суровый біографъ. Пусть основы его натуры оставались всегда неизмѣнными пусть первичные элементы ея поддаются точному опредѣленію, но въ различные моменты его жизни, въ связи съ извѣстными событіями, эти элементы комбинировались настолько разнообразно, что совершенно преобразовывали характеръ его подвижной психики и вмѣстѣ съ нею ликъ міра, который въ ней отражался. Вотъ почему напрасно было бы изображать эту живую фигуру въ неподвижномъ образѣ галантнаго скептика и духовнаго эпикурейца послѣдняго періода: понять Ренана значитъ слѣдить метаморфозы его міровоззрѣнія въ связи съ послѣдовательными моментами его жизни. Задача его біографіи получаетъ, такимъ образомъ, такую форму: показать, какъ психика вліяетъ на методъ и какъ методъ реагируетъ на психику; разрѣшить тайну этой души, сложность которой преувеличена, въ простыхъ законахъ, опредѣляющихъ смыслъ ея эволюціи; за прихотливыми скачками этой мысли, которою, на первый взглядъ, правитъ лишь игра случайности, найти законъ ея развитія И, опредѣливъ въ такихъ чертахъ свою трудную проблемму, Сеайль выполняетъ ее не только умѣло, серьезно и интересно: онъ влагаетъ въ ея рѣшеніе особый тактъ, который даетъ ему возможность совмѣстить глубокое уваженіе къ памяти покойнаго ученаго съ рѣшительнымъ осужденіемъ тѣхъ печальныхъ стадій въ развитіи общественнаго и нравственнаго міросозерцанія Ренана, которыя, какъ извѣстно, создали ему большій успѣхъ, чѣмъ его научные труды. Объясненіе этихъ моментовъ въ психологіи Ренана и его современниковъ принадлежитъ къ наиболѣе удачнымъ страницамъ въ книгѣ Сеайля, которая вообще заслуживала бы перевода на русскій языкъ.

Рудольфъ Іерингъ. Борьба за право. Переводъ О. А. Верта подъ редакціей М. И. Свѣшникова, приватъ-доцента Спб. университета. Спб. 1895. Ц. 60 к.

Рудольфъ фонъ Іерингъ. Борьба за право. Изданіе І. Юровскаго. (Международная Библіотека № 36) Спб. 1895. Ц. 25 к.

Знаменитая брошюра покойнаго нѣмецкаго юриста вышла сразу въ двухъ новыхъ русскихъ переводахъ—уже *четвертомъ и пятомъ*. Намъ хотѣлось бы считать это рѣдкое на нашемъ книжномъ рынкѣ явленіе новымъ подтвержденіемъ мысли автора, высказанной имъ въ предисловіи къ послѣднему изданію его книжки, гдѣ успѣхъ ея онъ желаетъ объяснить „истиннымъ убѣжденіемъ большинства публики въ вѣрности той основной идеи, которую онъ въ ней защищаетъ".

Эта основная идея могла бы считаться и не новой, если бы не было такъ оригинально глубокое чувство, съ которымъ проповѣдуетъ ее авторъ, и если бы его блестящая аргументація не представляла ее въ погомъ, яркомъ и импонирующемъ освѣщеніи.

Формула весьма проста: всякій долженъ бороться за свое право. Она кажется извѣстной и мало значительной. Но надо ознакомиться съ нею въ той постановкѣ, какую даетъ ей Іерингъ, чтобы понять, что трудно преувеличить ея глубокій внутренній смыслъ. Для большинства людей здѣсь нѣтъ вопроса: если благо, которое у меня съ нарушеніемъ моего права собираются отнять, дорого для меня, я, конечно, не уступлю его безъ борьбы; если же оно для меня не важно, если убытки и невыгоды, связанные съ его возстановленіемъ, перевѣшиваютъ его реальную цѣнность, то Господь съ нимъ. Таково разсужденіе „правового филистера". Вопросъ нравственнаго значенія онъ рѣшаетъ ариѳметической выкладкой; онъ не чувствуетъ, что дѣло идетъ не о ничтожномъ предметѣ, а о чемъ то неизмѣримо болѣе важномъ: о его правовомъ чувствѣ и самоуваженіи, о его чести и личности. Въ моемъ правѣ нарушается моя личность, и борьба за него есть моя обязанность, какъ въ отношеніи самого себя, такъ и по отношенію къ обществу—таковъ безсознательно правильный взглядъ человѣка съ здоровымъ правовымъ сознаніемъ. Вотъ почему возбуждается множество процессовъ, стоимость объекта которыхъ совершенно не соизмѣрима съ той массой труда, волненій и издержекъ, которыхъ они стоятъ. Вотъ почему всякій человѣкъ съ особеннымъ упорствомъ защищаетъ ту сторону своихъ правъ, въ которой, по его положенію и жизненнымъ условіямъ, находитъ себѣ наиболѣе полное примѣненіе его чувство личности; вотъ почему крестьянинъ разоряется на процессъ изъ-за ничтожнаго клочка земли, офицеръ умираетъ на дуэли, защищая свою честь: „всякій защищаетъ въ своемъ правѣ этическія условія своей жизни".

Трудно представить себѣ людей, которые менѣе удовлетворяли бы идеальнымъ требованіямъ Іеринга, чѣмъ люди, воспитанные въ условіяхъ русской жизни. Жизнь спустя рукава пріучила насъ къ такому пассивному отношенію къ нарушенію своихъ и чужихъ правъ, дальше котораго идти трудно. Начиная мельчайшими повседневными злоупотребленіями въ родѣ нарушеній очереди у врача или у кассы,—наша мысль такъ привыкла къ позорной покорности, что едва-ли гдѣ либо можно найти болѣе богатый арсеналъ доводовъ претерпѣть, позволить другому сдѣлать съ нами, какъ онъ хочетъ. Отъ „не стоитъ связываться“ до „непротивленія злу“, отъ лѣни до боязни впутаться и „какъ бы хуже не было“—мы находимъ десятки основаній позволять попирать ногами наше право, наше достоинство, нашу личность. Съ произволомъ мы не боремся: мы пытаемся устранить его невыгодныя для насъ послѣдствія; мы признаемъ его и считаемся съ нимъ на общей почвѣ беззаконія. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ эта борьба, конечно, и не по силамъ отдѣльному лицу, а о сторонникахъ ему нечего и думать, но очень часто у насъ и ceteris paribus предпочитается путь непризнанный закономъ, но освященный обычаями предковъ: легче обойти, попросить, подмазать, чѣмъ начать борьбу, тѣмъ болѣе, что въ исходѣ ея никогда нельзя быть увѣреннымъ. Да и охота наживать непріятности,—а то, тихо, чинно, по душѣ, по пріятельски. Какъ смотритъ на такія вещи развитое правовое Іеринг. Мы сознаніе истинно культурнаго человѣка, разсказываетъ самъ позволимъ себѣ привести эту длинную выписку, ибо эти золотыя слова полезно всегда помнить всякому изъ насъ.

„Мы часто имѣемъ на континентѣ случай наблюдать, съ какой энергіей высказывается правовое чувство даже въ простыхъ имущественныхъ вопросахъ у сдѣлавшагося типичнымъ путешествующаго англичанина. Онъ съ такой твердостью вступаетъ въ борьбу съ хозяиномъ гостинницы или извозчикомъ, при первой попыткѣ съ ихъ стороны его надуть, что можно подумать, что онъ защищаетъ все право старой Англіи: онъ лучше готовъ въ случаѣ необходимости отложить свой отъѣздъ, прождать нѣсколько дней и истратить вдесятеро болѣе спорной суммы. Народъ смѣется, не понимая его,—*но лучше было бы, если бы онъ понялъ.* Ибо въ нѣсколькихъ гульденахъ, которые этотъ человѣкъ защищаетъ, заключается дѣйствительно вся старая Англія; дома его бы всякій понялъ и не легко отважился бы съ нимъ связаться. Теперь я поставлю въ тѣ же самыя условія австрійца, одинаковаго съ нимъ положенія и одинаковаго состоянія. Если я могу вѣрить своему собственному опыту, то я долженъ сказать, что едва ли десять процентовъ послѣдуютъ примѣру англичанина. Остальные же побоятся непріятностей, спора, скандала, возможности пересудовъ, которыхъ нечего бояться въ Англіи англичанину,—короче говоря, они заплатятъ. *Но въ гульденъ, который защищаетъ англичанинъ и платитъ австріецъ, лежитъ гораздо болѣе, чѣмъ думаютъ.* Между ними лежитъ пропасть, отдѣляющая Англію отъ Австріи, лежатъ столѣтія ихъ различнаго политическаго развитія и ихъ соціальной жизни“.

Практика покорности находитъ себѣ подходящія теоріи; лучшіе люди, безсознательно примыкая къ массѣ, даютъ ненамѣренно матеріалы для оправданія ея поведенія. Ложный сентиментализмъ, индифферентизмъ, расплывчатая вялость, перетолковывая хорошія слова, дѣлаютъ изъ нихъ основанія для постыднаго невмѣшательства въ судьбу своей же индивидуальности. Одно изъ такихъ извращенныхъ хорошихъ словъ и есть „непротивленіе злу". „Когда я долженъ былъ бы, говоритъ Іерингъ, оцѣнивать практическое значеніе двухъ положеній: „не дѣлай неправа" и „не терпи неправа", то я поставилъ бы на первое мѣсто: „не терпи неправа", а уже потомъ „не дѣлай его". Ложная гуманность можетъ возмущаться этимъ сильнымъ міровоззрѣніемъ; тартюфы морали повторятъ у насъ упреки, которые имѣли мѣсто и въ западной литературѣ, будто это обязательное охраненіе своего права противорѣчитъ этическому долгу смиренія и покорности. Но утонченная мысль глубокаго теоретика и хорошаго человѣка умѣетъ найти оттѣнокъ истины, соотвѣтствующій индивидуальному случаю: „я требую борьбы за право только въ тѣхъ случаяхъ, когда посягательство на право въ то же время содержитъ въ себѣ неуваженіе личности. Уступчивость и снисхожденіе, кротость и миролюбіе, соглашеніе и отреченіе отъ осуществленія права находятъ и въ моей теоріи подобающее имъ мѣсто. Она выступаетъ только противъ недостойнаго непротивленія произволу, обусловливаемаго трусостью, инертностью и нетерпѣніемъ".

Мы едва намѣтили малую долю тѣхъ высоко интересныхъ деталей въ разработкѣ основной мысли автора, въ которыхъ, въ сущности, заключается вся прелесть брошюры Іеринга; а самую идею онъ считаетъ настолько не оригинальной, что лучшее выраженіе ей находитъ въ словахъ Канта: „кто дѣлаетъ себя червякомъ, тотъ не долженъ жаловаться если его топчутъ ногами". Мы настойчиво рекомендуемъ читателю обратиться къ подлиннику, гдѣ онъ найдетъ поразительное богатство содержанія. Здѣсь и мысли о роли борьбы въ выработкѣ объективнаго права и о значеніи борьбы за право въ развитіи нравственныхъ чувствъ и характера, и превосходный экскурсъ о Шейлокѣ, вызвавшій такъ много—такихъ неудачныхъ — возраженій, и указанія на общественный характеръ борьбы за право, и изслѣдованіе отношеній современнаго законодательства къ защитнику своихъ нарушенныхъ правъ,— и многое другое.

Изъ новыхъ изданій брошюры Іеринга первое (переводъ г. Верта) лучше по внѣшности и гораздо дороже. Переводъ изданія г. Юровскаго за то ближе къ подлиннику по ясности и выразительности языка, чѣмъ далеко не можетъ похвалиться пере-

водъ г. Верта; напрасно также ученый редакторъ санкціонировалъ его мнѣніе, будто „Shakespeare vor dem Forum der Jurisprudenz“ можно перевести—„Шекспиръ *на форумѣ* юриспруденціи“: „vor dem Forum“ значитъ „предъ судомъ“.

М. С. Корелинъ. Паденіе античнаго міросозерцанія (Культурный кризисъ въ Римской имперіи). Лекціи, читанныя въ Московскомъ политехническомъ музеѣ въ 1891—1892 гг. Спб. 1895.

Историческія эпохи разнятся между собою не однимъ индивидуальнымъ характеромъ событій и дѣйствующихъ лицъ; болѣе глубокая характеристика каждой эпохи заключается въ томъ, что можно было бы назвать ея духовной атмосферой. Каждая эпоха характеризуется преобладаніемъ тѣхъ или иныхъ общихъ воззрѣній, идей и вѣрованій,—господствомъ извѣстнаго міросозерцанія. Это и есть духовная историческая атмосфера данной эпохи. Для человѣка духовнаго она то же что для человѣка тѣлеснаго—физическая атмосфера. Въ ней какъ и въ физической атмосферѣ, бываютъ свои моменты затишья, которые чередуются—то съ тихими „вёяніями“, то съ грозными бурями. На языкѣ историковъ такія бури называются историческими кризисами, въ частности—культурными кризисами, въ отличіе отъ кризисовъ политическихъ или экономическихъ (хотя въ сущности всякій политическій или экономическій кризисъ есть въ то же время и культурный).

Книга г. Корелина посвящена одному изъ такихъ кризисовъ. Она распадается на десять главъ изъ которыхъ первыя три посвящены общей характеристикѣ древне-римской религіи и изображенію ея состоянія въ первыя два столѣтія нашей эры, когда внутри римскаго язычества происходило особаго рода движеніе, нѣкоторое какъ бы „возрожденіе“, подъ вліяніемъ восточныхъ культовъ. Въ слѣдующихъ пяти главахъ разсматриваются отдѣльныя морально-философскія движенія, представлявшія собою попытки возродить падающее язычество—частью путемъ раціоналистической очистки традиціонныхъ представленій, частью при помощи внесенія въ нихъ новыхъ этическихъ элементовъ. Эти реформаціонныя попытки нашли свое выраженіе въ четырехъ этико-философскихъ школахъ: стоицизмѣ, эпикурействѣ, неоплатонизмѣ и неопиѳагореизмѣ. Послѣднія двѣ главы посвящены изображенію идейной борьбы отживающаго язычества съ нарождающимся христіанствомъ. Самое паденіе античнаго міросозерцанія авторъ изображаетъ, прежде всего, какъ внутренній процессъ, переживаемый язычествомъ, какъ процессъ саморазложенія, являющійся результатомъ внутренней несостоятельности языческаго міросозерцанія, его неспособности удовлетворить тѣмъ новымъ

запросамъ которые начала предъявлять человѣческая душа, разочаровавшаяся въ своихъ старыхъ богахъ.

Изъ этого общаго контура содержанія книги г. Корелина читатель замѣтитъ, что авторъ вращается исключительно въ области идей, сосредоточивая все свое вниманіе на психологическихъ условіяхъ эпохи и оставляя въ сторонѣ соціальныя, политическія и экономическія условія. Устранивъ послѣднія, авторъ значительно упростилъ свою задачу, получивъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность придать болѣе цѣльности и единства своему изложенію. Мы бы имѣли серьезное основаніе сдѣлать по этому поводу возраженіе автору только въ томъ случаѣ, если бы указанное „упрощеніе“ задачи было связано съ искаженіемъ самаго предмета. Авторъ, однако, свободенъ отъ подобнаго упрека. Онъ и самъ дѣлаетъ соотвѣтствующую оговорку на счетъ сдѣланнаго имъ упущенія и мы вполнѣ согласны съ нимъ въ томъ, что политическіе и хозяйственные факторы играли во всякомъ случаѣ лишь второстепенную роль въ томъ идейномъ движеніи, съ которымъ онъ имѣетъ дѣло. Во всякомъ случаѣ, новую книгу слѣдуетъ отмѣтить, какъ пріятное явленіе въ нашей небогатой популярной литературѣ по всеобщей исторіи.

Фридрихъ Штрайслеръ. Исторія культуры. Перевелъ съ нѣмецкаго д-ръ Н. Лейненбергъ. Одесса. 1896.

Сказать про сочиненіе Штрайслера, что оно—компиляція, значило бы допустить рѣшительный эвфемизмъ, т. е. слишкомъ „благозвучное“ наименованіе для слишкомъ неблагообразной вещи. Компиляція компиляціи рознь. Бываютъ поверхностныя компиляціи, сшитыя бѣлыми нитками, и бываютъ болѣе или менѣе оригинальныя, заключающія въ себѣ извѣстный элементъ научнаго или литературнаго творчества, хотя бы просто въ формѣ комбинаціи готовыхъ элементовъ. Никакой опредѣленной нормы на этотъ счетъ не существуетъ, но est modus in rebus, и этотъ „modus“ требуетъ отъ всякой компиляціи извѣстной стыдливости, предѣлы которой для пея переступать опасно. Эти предѣлы, къ несчастію, едва ли не перешагнула компиляція Штрайслера. До чего упростилъ „названный авторъ“ свою задачу, можно судить потому, что онъ—мы ужъ не говоримъ объ „элементѣ творчества“: какое ужъ тутъ творчество!—считаетъ даже лишнимъ излагать свои источники,—онъ просто списываетъ ихъ. Для образчика возьмемъ, напримѣръ, главу объ языкѣ, стр. 107 — 133. „Расшить“ ее не представляетъ никакой трудности, благодаря классической простотѣ литературныхъ пріемовъ „автора“. Въ началѣ главы идетъ полстраницы „своего“ текста, который заканчивается

замѣчаніемъ, что происхожденіе и развитіе языка „Липпертъ прекрасно описалъ въ третьемъ отдѣлѣ своей „Исторіи культуры", и вслѣдъ за этими словами идетъ дословная выписка изъ Липперта, на протяженіи пяти страницъ. Далѣе слѣдуетъ небольшой перерывъ; на пространствѣ четырехъ страницъ „авторъ" излагаетъ „своими словами" относящіяся сюда мнѣнія нѣкоторыхъ антропологовъ. Остальныя шестнадцать страницъ этой главы представляютъ собою сплошную, безъ всякаго перерыва, дословную выписку изъ „Исторіи культуры" Липперта. Итого, изъ двадцати шести страницъ, составляющихъ упомянутую главу, пять страницъ, по крайней мѣрѣ по изложенію, принадлежатъ „автору", остальныя же двадцать одна страница списаны буквально съ Липперта. По тому же „методу" составлены и остальныя главы „сочиненія" Штрайслера, съ тою лишь разницей, что нѣкоторыя главы списаны не съ Липперта, а съ Энгельса (Происхожденіе семьи, частной собственности и государства); напримѣръ, глава о происхожденіи семьи, стр. 50—73, представляетъ собою не что иное, какъ дословную выписку, съ незначительными перерывами, изъ Энгельса. Въ общемъ, „сочиненіе" Штрайслера по крайней мѣрѣ на три четверти своего объема, состоитъ изъ дословныхъ выписокъ изъ указанныхъ двухъ сочиненій Липперта и Энгельса, такъ что лишь какая-нибудь четверть разсматриваемой книги представляетъ собою болѣе или менѣе „стыдливую" компиляцію. Послѣдній терминъ поэтому оказывается неприложимымъ къ разбираемому „сочиненію" въ его цѣломъ; для этого существуетъ болѣе точный терминъ, который. впрочемъ, относится уже болѣе къ области юриспруденціи, чѣмъ критики.

Здоровье и счастье. Д-ра **Н. А. Зеланда.** Москва. 1895.

Основная идея довольно объемистаго труда д-ра Зеланда выражена эпиграфомъ. взятымъ у Фонтенеля: „Здоровье есть единица, дающая смыслъ всѣмъ нулямъ этой жизни". Однако, книга д-ра Зеланда не есть систематическое приложеніе принциповъ гигіены къ вопросу о счастіи. Содержаніе книги одновременно и шире, и уже этой задачи. Оно шире—вслѣдствіе многочисленныхъ экскурсій въ области, довольно удаленныя отъ чисто гигіеническихъ вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, д-ръ Зеландъ касается и самыхъ отвлеченныхъ метафизическихъ вопросовъ, и вопросовъ частныхъ, чисто практическихъ. Такъ на стр. 38 читаемъ: „Теперь наука знаетъ, что никакая сила не пропадаетъ даромъ, и видимое исчезаніе есть лишь переходъ въ другую форму или въ

другое мѣсто. Какъ-же допустить, чтобы наиболѣе высокая изъ извѣстныхъ намъ силъ, сознательная, могла обратиться въ ничто по первому капризу разрушительной случайности?" А на стран. 352: „Не даромъ-же и маменьки взрослыхъ дочерей, въ сколько нибудь привиллегированной средѣ, рѣдко вносятъ врачей въ составляемые ими кандидатскіе списки". Это послѣднее явленіе совершенно вѣрно объясняется д-ромъ Зеландомъ неудовлетворительнымъ матеріальнымъ и общественнымъ положеніемъ врачей, о которомъ авторъ говоритъ довольно подробно, указывая, наприм., и на случай въ Ромнахъ, „гдѣ торговцы грозили городовому врачу уменьшеніемъ содержанія за составленіе протоколовъ" (стр. 350) и на то обстоятельство, что въ Германіи на 800-900 военныхъ врачей приходится всего одинъ генералъ-маіоръ, „да и тотъ можетъ быть произведенъ въ генералъ-лейтенанты лишь по особому ходатайству" (стр. 352). Само собою разумѣется, что подобныя экскурсіи въ сторону отъ главнаго предмета книги мѣшаютъ единству впечатлѣнія. А такъ какъ сверхъ того онѣ, хотя и занимаютъ иногда по нѣсколько страницъ, всегаки, ведутся безъ должной обстоятельности и послѣдовательности, то и онѣ сами, вѣроятно, не оставятъ въ умѣ читателя никакого прочнаго слѣда. Быть можетъ, д-ръ Зеландъ и правъ, предсказывая, что китайцы, въ концѣ концовъ, сравняются съ европейцами (стр. 243), или утверждая, что послѣдняя японско-китайская война полезна, подобно „хирургической операціи" (стр 333), или говоря, что „слова Наполеона: les gros bataillons ont toujours raison, имѣютъ лишь относительное значеніе (стр. 360), и что поэтому французамъ нечего бояться нѣмцевъ;—повторяемъ, можетъ быть, во всемъ этомъ д-ръ Зеландъ и правъ; но, съ одной стороны, все это очень мало относится къ дѣлу, а, съ другой, всѣ эти, быть можетъ, и справедливыя мысли автора преподнесены публикѣ въ такомъ неразвитомъ видѣ, что едва-ли будутъ способны убѣдить читателей; они, напримѣръ, могутъ не безъ основанія замѣтить, что авторитетъ Наполеона I въ военномъ дѣлѣ настолько великъ, что даже д-ръ Зеландъ не можетъ убить его однимъ почеркомъ пера.

Но если, благодаря многочисленнымъ экскурсіямъ въ сторону, содержаніе книги д-ра Зеланда и шире его основной задачи, то, съ другой стороны, главное изслѣдованіе ведется настолько неполно, что содержаніе книги является вмѣстѣ съ тѣмъ и уже этой основной задачи. Мы не имѣемъ передъ собою полнаго и систематическаго трактата по гигіенѣ, въ приложеніи ея къ счастію. Хотя, вѣроятно, всѣ вопросы гигіены затронуты въ книгѣ, но это сдѣлано въ большинствѣ случаевъ

такъ неполно, часто даже просто мимоходомъ, что подобныя мѣста не могутъ претендовать на научное значеніе.

Собственно говоря, въ книгѣ д-ра Зеланда болѣе или менѣе подробно разсматриваются только два вопроса: о темпераментахъ и о гигіенѣ питанія. Однако, и эти отдѣлы страдаютъ существенными недостатками. Ученіе о темпераментахъ страдаетъ расплывчатостью и неопредѣленностью. Авторъ пытается установить новый взглядъ на сущность темперамента и дать новую классификацію темпераментовъ. Однако, въ концѣ концовъ, его опредѣленіе не представляетъ ничего новаго, а его классификація является сбивчивою и неясною. Авторъ опредѣляетъ темпераментъ, какъ „извѣстный душевный складъ, выражающійся извѣстнымъ привычнымъ настроеніемъ духа и извѣстной реакціей на впечатлѣнія, могущій соединяться съ различными видами ума и характера, однако, болѣе или менѣе вліяющій на проявленія ихъ, а съ другой стороны совпадающій съ извѣстнымъ складомъ физической организаціи“ (стр. 33).

Что касается отдѣла, посвященнаго гигіенѣ питанія, то онъ есть не систематическое изслѣдованіе даннаго вопроса, а проповѣдь вегетаріанизма и постовъ. Что достаточные классы нашего общества ѣдятъ слишкомъ много мяса, что имъ полезно было-бы перейти къ нѣсколько болѣе растительному режиму, это, по нашему мнѣнію, несомнѣнно вѣрно. Однако, вегетаріанизмъ, проповѣдуемый авторомъ, не имѣетъ достаточнаго научнаго основанія. Доводы, приводимые авторомъ, имѣютъ чисто анекдотическій характеръ. Таковой слѣдуетъ признать не только за разсказами о томъ, что такой-то и такой-то человѣкъ жилъ долго и, однако, питался чисто растительною пищею, но также и за тѣми псевдо-статистическими данными, которыми блещетъ изслѣдованіе г. Зеланда. Эти псевдо-статистическія данныя гласятъ, напримѣръ, слѣдующее: „Въ Индіи пѣшіе почталіоны дѣлаютъ невѣроятно большіе переходы, питаясь однимъ рисомъ. Въ Чили рудокопы исполняютъ огромную работу, питаясь однимъ хлѣбомъ, кашею и фигами. Въ Боливіи солдаты съ багажемъ проходятъ безъ труда по 18—25 англ. миль въ сутки, а паекъ ихъ состоитъ изъ маиса и какао на водѣ“ (стр. 449). Тамъ, гдѣ даже и подобныхъ „фактовъ“ нельзя подобрать, тамъ дѣлу помогаютъ остроумныя соображенія, дозволяющія, напр., автору утверждать, что „не (мясоядная) Англія, а скорѣе (вегетаріанская) Ирландія высказала силу въ неравной схваткѣ“ (стр. 424).

Къ проповѣди вегетаріанства у г. Зеланда присоединяется проповѣдь постовъ, т. е., малоядѣнія. Къ сожалѣнію, авторъ, хотя и предвидѣлъ, что этотъ отдѣлъ его книги встрѣтитъ

наиболѣе недовѣрія, всетаки, не потрудился разсѣять это недовѣріе обстоятельнымъ изложеніемъ своего ученія. Что голодъ можетъ быть полезенъ, противъ этого мы не будемъ спорить. Извѣстенъ способъ лѣченія аневризма голоданіемъ. Голоданіе-же можетъ споспѣшествовать всасыванію нѣкоторыхъ патологическихъ продуктовъ. Но отсюда до проповѣди полезности постовъ вообще, до широкаго примѣненія лѣченія голодомъ, еще далеко. Авторъ описалъ 5 ступеней голоданія, но не далъ теоретическаго оправданія голоданія. Такимъ образомъ и здѣсь книга носитъ догматически-анекдотическій характеръ.

В. Минто. Дедуктивная и индуктивная логика. Переводъ С. А. Котляревскаго, подъ редакціей В. Н. Ивановскаго. М. 1896. Ц. 2 р.

Книга Минто составляетъ первый томъ „Библіотеки для самообразованія", издаваемой подъ редакціей А. Г. Бѣлкина, П. Г. Виноградова, Н. Я. Грота, М. И. Коновалова, П. Н. Милюкова, В. Д. Соколова и А. И. Чупрова, т. е. подъ редакціей главныхъ руководителей „коммиссіи по организаціи домашняго чтенія". Эта книга была написана, какъ одно изъ руководствъ „для распространенія университетскаго образованія" (University Extension) въ Англіи; слѣдовательно, составитель ея имѣлъ въ виду приблизительно такую-же публику, какую имѣютъ въ виду и наши руководители „коммиссіи по организаціи домашняго чтенія". Уже одно это обстоятельство говоритъ въ пользу выбора, сдѣланнаго руководителями „коммиссіи", заставляетъ предполагать, что книга Минто вполнѣ приспособлена для людей, ищущихъ самообразованія. И дѣйствительно, чтеніе книги убѣдило насъ въ полной ея пригодности для этой цѣли. Книга не только написана живымъ и яснымъ языкомъ и отличается полнотою и послѣдовательностью, чего, пожалуй, можно требовать отъ каждой книги и, тѣмъ болѣе, отъ каждаго руководства, но, кромѣ того, обладаетъ еще двумя достоинствами, особенно цѣнными для людей, нуждающихся въ самообразованіи, т. е., для людей, живущихъ внѣ той научной среды, въ которой живетъ слушатель университетскихъ лекцій. Эти два достоинства заключаются въ подчеркиваніи практическаго значенія извѣстныхъ логическихъ пріемовъ и въ постоянныхъ указаніяхъ на исторію возникновенія того или иного термина, того или иного пріема и даже всей вообще логики. Такъ, напр., несмотря на краткость автора, читатель, всетаки, прочтя 151-ую страницу его книги, убѣдится, что споръ между номиналистами и реалистами не былъ простымъ споромъ о словахъ, простымъ недоразумѣніемъ, но имѣлъ, напротивъ, своимъ предметомъ великіе міровые

вопросы. Самое возникновеніе логики, какъ науки, очерчено авторомъ съ большимъ мастерствомъ и живостью. Передъ умомъ читателей возстаетъ этотъ удивительный народъ—эллины, для которыхъ (по крайней мѣрѣ въ Аѳинахъ) упражненіе въ логическихъ тонкостяхъ сдѣлалось времяпрепровожденіемъ своего рода игрою, доступною и интересною для всѣхъ, игрою въ которой на площадяхъ и улицахъ принимали пассивное или активное участіе всѣ свободные жители города. Однако авторъ нѣсколько преувеличилъ этотъ факторъ возникновенія логики Аристотеля. Утверждать, что Аристотель только хотѣлъ дать своимъ ученикамъ орудіе, при помощи котораго они могли-бы одерживать побѣды въ спорахъ,—значитъ смѣшивать часть съ цѣлымъ. Подобное намѣреніе могло руководить Аристотелемъ только при созданіи нѣкоторыхъ частей его логики, напримѣръ, топики; но въ цѣломъ ученіе о силлогизмѣ имѣло у Аристотеля гораздо болѣе возвышенную цѣль.

Полнота книги нѣсколько нарушается только вслѣдствіе отсутствія изложенія системъ Буля и Де-Моргана. Вообще авторъ черезчуръ строгъ къ этимъ мыслителямъ. На стр. 167 онъ говоритъ: „Обстоятельно разработанныя силлогистическія системы Буля, Де-Моргана и Джевонса нисколько не облегчаютъ людямъ пріобрѣтеніе способности правильно мыслить. Значеніе, приписываемое этимъ системамъ, можетъ послужить примѣромъ увлеченія, происходящаго подъ вліяніемъ пріятности упражненія: онѣ чрезвычайно остроумны, но по своей безплодности далеко оставляютъ за собою всѣ прославленные примѣры ученыхъ схоластическихъ умствованій". Вслѣдствіе подобнаго отношенія авторъ проходитъ эти системы полнымъ молчаніемъ. Мы не будемъ обсуждать вопросъ о томъ, правъли авторъ, или нѣтъ, въ своемъ суровомъ отзывѣ, но, мы думаемъ, авторъ не имѣлъ права оставлять своихъ читателей въ полномъ невѣдѣніи относительно системъ, пользующихся громкою извѣстностью въ ученомъ мірѣ. А какъ великъ интересъ, возбуждаемый этими системами, видно хотя-бы изъ того, что, наприм., извѣстный французскій ученый Ліаръ въ своемъ сочиненіи: „Les logiciens anglais contemporains" (современные англійскіе логики) удѣляетъ этимъ системамъ болѣе половины книги.

Въ качествѣ второстепеннаго замѣчанія мы можемъ указать еще на то, что примѣры подбираются авторомъ далеко не всегда удачно. Такъ при описаніи „заблужденій, происходящихъ подъ вліяніемъ привычки", въ качествѣ примѣра приводится „страхъ, который испытываютъ многіе люди, оставаясь одни въ темнотѣ" (стр. 34), тогда какъ этотъ страхъ имѣетъ и чисто физіологическое основаніе. А на стр. 354—5 въ примѣръ недостовѣрности „личныхъ наблюденій" приво-

дятся разнорѣчивыя показанія англійскихъ офицеровъ, дававшіяся ими на судѣ по поводу смерти сына Наполеона III, убитаго зулусами. Но здѣсь у читателя можетъ возникнуть подозрѣніе, что эти офицеры умышленно скрывали истину, которая, конечно, не дѣлала имъ особенной чести. Подобныхъ неудачныхъ примѣровъ вообще не мало, и это жаль, потому что люди начинающіе и не твердые въ отвлеченномъ мышленіи, вмѣсто того, чтобы сказать: „это неудачный примѣръ вѣрнаго правила", могутъ иногда сказать; „изъ этого примѣра видно, что правило не вѣрно".

Семейство Бронте (Керреръ, Эллисъ и Актонъ Белль) **О. Петерсонъ**. Спб. 1895.

Эта небольшая книжка издана въ пользу „Общества вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на С.-Петербургскихъ высшихъ курсахъ" и представляетъ собою біографическій очеркъ трехъ англійскихъ писательницъ, пользовавшихся въ 40-хъ годахъ большою извѣстностью. Въ русской литературѣ имѣются переводы главнѣйшихъ ихъ произведеній, въ свое время печатавшіеся въ „Библіотекѣ для чтенія", „Современникѣ" и „Отечественныхъ Запискахъ". Можно съ увѣренностью предположить, что въ настоящее время и сами имена англійскихъ сестеръ-писательницъ и принадлежащіе ихъ перу романы и повѣсти забыты, почему и компилятивный трудъ О. Петерсонъ являетъ собою интересную новинку. Здѣсь мы знакомимся съ жизнеописаніемъ цѣлаго семейства, отмѣченнаго даровитостью въ разныхъ колѣнахъ и выдѣлившаго въ концѣ концовъ трехъ литературныхъ дѣятелей, успѣвшихъ въ очень короткій періодъ создать себѣ почетное положеніе въ англійской литературѣ. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ таинственнымъ процессомъ передачи таланта по наслѣдству. Этотъ талантъ, пробившійся первоначально стихійно въ способности къ безсознательному устному творчеству въ одномъ изъ родоначальниковъ Бронте—Гугѣ, замѣчательномъ разсказчикѣ, передался его потомку, пастору Бронте, и окончательно вылился въ литературномъ творчествѣ трехъ сестеръ, дочерей пастора, писавшихъ подъ псевдонимами Керреръ, Эллисъ, Актонъ Белль. Дѣвушки получили подъ руководствомъ отца недурное образованіе и съ самыхъ юныхъ лѣтъ были нѣкоторымъ образомъ пріобщены къ политической жизни своей родины. Пасторъ Бронте бесѣдуетъ съ дочерьми на политическія темы, читаетъ имъ газеты и журналы и ставитъ ихъ въ курсъ борьбы современныхъ парламентскихъ партій. Юныя политиканши въ раннемъ уже возрастѣ становятся сторонницами тѣхъ или иныхъ общественныхъ группъ,

намѣчаютъ себѣ излюбленныхъ героевъ и волнуются ходомъ парламентскихъ преній. „Парламентъ былъ открытъ и былъ поднятъ великій католическій вопросъ и обнаружены были мѣры, принятыя герцогомъ, и поднялась брань, насиліе, партійность, безпорядокъ, пишетъ 13-лѣтняя Шарлотта Бронте въ одномъ изъ писемъ того періода жизни. О, эти шесть мѣсяцевъ, со времени рѣчи короля и до конца! Никто не могъ ни писать, ни думать, ни говорить ни о чемъ другомъ, кромѣ католическаго вопроса, герцога Велингтона и мистера Пилля. Я помню тотъ день, когда вышелъ номеръ „Intelligence Extraordinary" съ рѣчью мистера Пилля, выясняющею условія, на которыхъ могутъ быть допущены католики! Съ какимъ нетерпѣливымъ интересомъ папа сорвалъ обертку и потомъ всѣ мы собрались вокругъ него и, задыхаясь отъ волненія, слушали, какъ одинъ за другимъ развивались эти пункты и разъяснялись съ такимъ искусствомъ и умѣньемъ; и потомъ, когда вся рѣчь кончилась, какъ тетя сказала, что она находила это прекраснымъ и что католики не могли причинить никакого вреда при такихъ надежныхъ гарантіяхъ. Я помню также, какія возникли сомнѣнія по поводу того, пройдетъ-ли это въ палатѣ лордовъ, и предсказаніе, что не пройдетъ..." Это показаніе молоденькой Шарлотты очень характерно.

На развитіе духовныхъ силъ сестеръ-писательницъ оказали сильное вліяніе и свято хранившіяся въ домѣ семейныя преданія. Мрачные образы, съ которыми нѣкогда жизнь поставила лицомъ къ лицу дѣда Гуга, а также вымышленные образы, созданные ею могучей фантазіей, перейдя въ устной передачѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе, послужили матеріаломъ для беллетристическихъ произведеній сестеръ Бронте. Интересующихся біографическими данными талантливыхъ романистокъ отсылаемъ къ труду О. Петерсонъ, труду очень старательному. Здѣсь собранъ богатый матеріалъ, почерпнутый преимущественно изъ біографической работы о семействѣ Бронте доктора Вильяма Врайта, матеріалъ, самъ по себѣ являющійся содержаніемъ цѣлаго оригинальнаго литературнаго произведенія. Работа и тѣ средства, къ коимъ приходилось прибѣгать біографамъ для полученія точныхъ свѣдѣній о семействѣ пастора, заслуживаютъ вниманія. Дѣло въ томъ, что сестры Бронте писали подъ вымышленными именами, не имѣли въ литературѣ и обществѣ значительныхъ знакомствъ, происходили изъ малоизвѣстной мѣстности, почему для біографовъ представляло немало трудностей выяснить черты жизни талантливаго семейства, опредѣлить, откуда молоденькія дѣвушки почерпали краски и темы для своихъ интересныхъ произведеній. Эти труды біографовъ свидѣ-

тельствуютъ, какъ высоко стоитъ въ Западной Европѣ значеніе писателя, хотя бы онъ и не принадлежалъ къ разряду первоклассныхъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

Сочиненія **Чарльза Диккенса**. Полное собраніе въ 10 томахъ. Томъ IX Изд. Ф. Павленкова. Спб. 96. Ц. 1. 50 к.

Собраніе стихотвореній **В. Гюго** въ переводахъ русскихъ писателей, подъ редакціей И. Ф. Тхоржевскаго. Вып. IX и X. Тифлисъ. 95. Ц. 20 к.

Эдгаръ По. Таинственные разсказы. Пер. съ англійскаго К. Д. Бальмонта. Изд. кн. А. И. Урусова. М. 95. Ц. 1. р.

К. Бальмонтъ. Въ безбрежности. М. 95. Ц. 1 р.

На Амурѣ. Стихотворенія **Л. П. Волкова**. Благовѣщенскъ. 95.

Н. М. Минскій. Стихотворенія. Изд. 3-е. Спб. 96. Ц. 2 р.

Стихотворенія **Коста**. Изд. газеты «Сѣверный Кавказъ». Ставрополь. 95. Ц. 1 р.

Ѳедоръ Сологубъ. Стихи. Книга первая. Спб. 96. Ц. 50 к.

А. Курсинскій. Стихотворенія. М. 96. Ц. 50 к.

З. Н. Гиппіусъ. Новые люди. Разсказы. Спб. 96. Ц. 1 р. 50 к.

А. Е. Зариньш Повѣсти и разсказы. Спб. 96. Ц. 1 р 60 к.

Ю. Елецъ. Изъ жизни. Очерки и разсказы. Съ 37 рис. Спб. 96. Ц. 1 р.

Марья Сѣверная. Драматическія произведенія изъ народнаго быта. Тула. 96. Ц. 50 к.

Александръ Верещагинъ. У болгаръ и за границей. Воспоминанія и разсказы. Съ портретами. Спб. 96. Ц. 1 р.

М. А. Берновъ. На ходу. Досуги русскаго пѣшехода, сдѣлавшаго 12,000 верстъ пѣшкомъ по бѣлу свѣту. Съ портретомъ и біографіей автора. Изд. книжнаго магазина А. Г. Кольчугина. М. 96. Ц. 50 к.

І. Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Перев. подъ ред. Вейнберга. Вып. VI. Изд. Д. В. Байкова. М. 95. Подписная ц. 6 р. съ доставкой и перес. 8 р.

Біографическая библіотека Ф. Павленкова. О. Бальзакъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Біогр. очеркъ **А. Н. Анненской**:—Р. Декартъ, его жизнь и философская дѣятельность. Біогр. очеркъ **Г. А. Паперна**.—Эмиль Зола, его жизнь и литературная дѣятельность. Біогр. очеркъ **М. В. Барро**.—Съ портретами. Спб. 95. Ц. 25 к. за очеркъ.

Василій Трофимовичъ Нарѣжный. Историко-литературный очеркъ **Н. Бѣлозерской**. Изд. 2-е Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 96. Ц. 1 р. 75 к.

Психологія характера. **Фр. Полана**, Пер. съ франц. подъ редакціей и съ предисловіемъ Р. И. Сементковскаго. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 96. Ц. 75 к.

Душевныя движенія. Психо-физіологическій этюдъ д-ра **Г. Ланге**. Переводъ М. Н. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 96. Ц. 40 к.

Павелъ Кротъ. Что такое психографія? М. 95. Ц. 10 к.

Семейное призрѣніе душевно-больныхъ въ Екатеринославской губ. **А. А. Говсѣева**. Екятеринославъ 95.

Г. Канестрини. Антропологія (Начальныя свѣдѣнія). Пер. съ итальянскаго. д-ра Н. Лейненберга. Съ 10 рис. въ текстѣ. Одесса 96. Ц. 40 к.

Міровая и соціальная эволюція. **Ф. Камилла Дрейфуса**. Пер. съ франц. Изд. Д. В. Байкова. М. 96. Ц. 1 р. 50 к.

Многочисленность обитаемыхъ міровъ. Этюдъ **Камилла Фламмаріона**. Съ 30 изданія перев. К. Толстой. Съ 4 рис. и одной хромолитографіей. Изд. А. П. Коломнина. Спб. 96.

Основы землевѣдѣнія. Руководство для студентовъ, преподователей среднихъ учебныхъ заведеній и самообразованія. Проф. **А. Н. Краснова**. Вып. I. Харьковъ 95. Ц. 1 р. 30 к.

Краткое руководство по неорганической химіи и качественному анализу. Составилъ **Г. Валаевъ**. Рига. 95. Ц. 75 к.

С. И. Шохоръ-Троцкій. Методическій сборникъ ариѳметическихъ задачъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Изд 2. Спб. 96. Ц. 20 к.

С. И. Шохоръ Троцкій. Чему и какъ учить на урокахъ первоначальной ариѳметики въ школѣ и дома? Спб. 96. Ц. 20 к.

Нѣмецко русскій карманный словарь. Составилъ **Л. Н. фонъ-Цигleръ**. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ 95. Ц. 60 к.

Полгода изъ жизни воскресной школы (Изъ записной тетради учительницы воскресной школы) **Х. Д. Алчевской**. Спб. 95.

Конрадъ Ланге. Художественное воспитаніе въ дѣтской. Пер. съ нѣм. И. Д. Городецкій. М. 95. Ц. 50 к.

О. К. Нотовичъ. Любовь. Философско-психологическій этюдъ. Красота. Критико-философскій этюдъ. Предисловія Ц. Ломброзо и Г. Ферреро. Письма къ автору съ Олимпа Д. Л. Мордовцева. Изд. 5-е. Спб. 95. Ц. 1 р. 50 к.

Женщина передъ судомъ литературы. **N. Z.** Изд. 2-е. Спб. 96. Ц. 30 к.

Б. Ф. Брандтъ. Современная женщина, ея положеніе въ Европѣ и Америкѣ. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 96. Ц. 60 к.

Американки. Изъ путевыхъ замѣтокъ м-съ **Бенцонъ**. Спб. 96. Ц. 80.

Разводъ и положеніе женщины. **М. Н. Кулишера**. Спб. 96. Ц. 1 р. 50 к.

Учебникъ права внутренняго управленія (полицейскаго управленія). Особенная часть. **П. Шеймина**. Вып. 7. Одесса 95. Ц. 30 к.

Основныя начала гражданскаго судопроизводства. Рѣчь, произнесенная въ годичномъ собраніи Казанскаго университета проф. **Е. А. Нефедьевымъ**. Казань 95. Ц. 45 к.

Ученіе объ искѣ. Изслѣдованіе. **Е. А. Нефедьева**. Вып. I. Введеніе Казань. 95. Ц. 40 к.

Популярно-юридическая библіотека, изд. Ф. Павленковымъ. № 1. Духовныя завѣщанія. Какъ ихъ составлять, измѣнять, отмѣнять, представлять къ утвержденію и оспаривать. Составилъ **Я. В. Абрамовъ**. Спб. 96. Ц. 25 к.

Международная библіотека. **Рудольфъ фонъ - Іерингъ**. Борьба за право. Изданіе І. Юровскаго. Спб. 95. Ц. 25 к.

В. М. Сорокинъ. Лекціи по вексельному праву. С.-Петербургскихъ

женскихъ коммерческихъ курсовъ П. О. Ивашинцевой. Спб. 96. Ц. 1 р. 40 к.

В. Дерюжинскій. Отвѣтъ г. профессору И. Т. Тарасову (Какъ иногда оцѣниваются диссертаціи на ученую степень). Изъ журнала Юридическаго Общества. Спб. 95.

Разсужденіе **Ивана Пасмурнаго** по поводу статьи г. Кремлева въ № 24 «Юридической газеты» 1895 г. Спб. 95.

Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. **Сборникъ** статей, сообщеній, описей дѣлъ и документовъ. Т. II, вып. 15. Нижній Новгородъ. 95.

М Дьяконовъ. Акты, относящіеся къ исторіи тягляго населенія въ Московскомъ государствѣ. Вып. I. Крестьянскія порядныя. Юрьевъ. 95.

Цареградская патріархія и православіе въ европейской Турціи. Сочиненіе **Костадина**. Перев. съ сербскаго и предисловіе Дм. Никольскаго. Спб. 96.

Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательства державъ въ 1895 г. Предисловіе проф. Л. А. Комаровскаго. Съ портетами В. Гладстона и каѳоликоса Мкртича I. М. 96. Ц. 1 р.

А. Мюллеръ. Исторія Ислама отъ основанія до новѣйшихъ временъ. Перев. съ нѣм. подъ редакціей Н. А. Мѣдникова. Т. III и IV, съ 5-ю географич. картами. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 96. Ц. за оба тома 5 р.

Д-ръ С. Бекъ и д-ръ М. Браннъ. Еврейская исторія отъ конца библейскаго періода до настоящаго времени. Переработалъ и дополнилъ съ прибавленіемъ оригинальнаго отдѣла исторіи польско-русскихъ евреевъ **С. М. Дубновъ**. Въ двухъ томахъ Т. I. Одесса 96. Ц. 2 р., съ подпиской на 2 томъ 3 р.

Гиббинсъ. Англійскіе реформаторы. Пер. А. А. Санина. М. 96. Ц. 1 р. 25 к.

Библіотека экономистовъ. Вып. V **Давидъ Юмъ.** Опыты. **Іеремія Бентамъ.** Принципы законодательства. О вліяніи условій времени и мѣста на законодательства. Руководство по политической экономіи. Перев. М. О. Гершензона. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 96. Ц. 1 р.

Библіотека общественныхъ знаній. Вып. II. **М. Шиппель.** Техническій прогрессъ въ современной промышленности. Пер. М. Л. Зака. Вып. III. **П. Кампфмейеръ.** Кустарная промышленность въ Германіи. Пер. І. Гербера подъ редакціей Л. С. Зака. Приложеніе: Кустарная промышленность въ Россіи. **С. Сергѣева.** Изд. А. С. Павловскаго. Одесса 95. Ц. II в. 20 к.; III в. 25 к.

Шарль Жидъ. Основы политической экономіи. Перев. съ 4 го франц. изд. Л. И. Шейниса. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 96. Ц. 1 р. 25 к.

Адольфъ Гельдъ. Фабрика и ремесло. Переводъ съ нѣмец. Ю. Спасскаго. М. 96. Ц. 25 к.

Русская библіотека. **И. И. Янжулъ.** Вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ въ область промышленности. Изданіе І. Юровскаго. Спб. 95. Ц. 15 к.

Организація указанія работы въ Берлинѣ. **Сергѣя Сперанскаго.**

Русскіе банки. Справочныя и статистическія свѣдѣнія о всѣхъ дѣйствующихъ въ Россіи государственныхъ, частныхъ и общественныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Составилъ **А. К. Голубевъ.** Изд. Комитета съѣзда представителей банковъ коммерческаго кредита. Спб. 96. Ц. 2 р.

Отчетъ общества вспомоществованія бѣднымъ учащимся Тобольской гимназіи за 1894 г.

Отчетъ распорядительнаго комитета общества вспомоществованія бѣднымъ студентамъ Тобольской губ. 1894—95 гг. Тобольскъ. 95.

Отчетъ общества по устройству народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ и Тамбовской губ. за 1894—95 г. Тамбовъ. 95.

Школы и грамотность въ Киренскомъ округѣ Иркутской губ. Памятная книжка. Составилъ **К. Кокоулинъ**. Изд. въ пользу школъ округа Ю. И. Базанова. Иркутскъ, 95.

Отчетъ о состояніи Карамзинской Общественной библіотеки за 1894—95 г.

Отчетъ совѣта Общества любителей изслѣдованія Алтая за 1894 г. Барнаулъ 95.

Докладъ Воронежской губернской земской управы. О нуждахъ земледѣлія и мѣрахъ къ удовлетворенію ихъ въ Воронежской губ.

Экономическія причины смертности и вырожденія крестьянскаго населенія Воронежской губ. (по земскимъ статистич. даннымъ). **В. М. Обухова**.

О санитарномъ состояніи Нижняго-Новгорода. Докладъ д-ра **Н. А. Граціанова** въ Нижегородскомъ отдѣлѣ Р. общ. охраненія народнаго здравія 30 ноября 1895 г.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Орловской губ. Т. VIII Орловскій уѣздъ. Статистико-экономическіе и оцѣночные матеріалы по крестьянскому и частно-владѣльческому хозяйству. Съ 2 картограммами. Изданіе Орловскаго губернскаго земства. Орелъ. 95. Ц. 2 р. 50 к.

Сборникъ постановленій Вятскаго губернскаго земства за 25 лѣтъ 1867—1892). Т. I—V. Вятка 94—95.

Сводъ доходовъ и расходовъ Вятскаго губернскаго земства за 1868—1895 г. Вятка. 95.

Ежегодникъ Полтавскаго губернскаго земства на 1895 г. Полтава 95.

Сельскій кредитъ въ Полтавской губ. Вып. II. Мелкій частный кредитъ. Полтава. 95.

Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгородской губерніи за 1894 г. Новгородъ. 95. Ц. 1 р. 50 к.

Стенографическій отчетъ XXX очередн. Новгородской губ. зем. собранія. Новгородъ. 95. Ц. 1 р.

Сельскохозяйственный обзоръ по Орловской губ. за 1895 г. Результаты урожая.

Земскій сборникъ Черниговской губ. 95. №№ 7—9.

Л. Гомбергъ. Мельничное счетоводство. Изд. журнала Счетоводство». Спб. 95. Ц. 4 р.

Отчетъ Государственнаго контроля по исполненію государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ за 1894 г. Часть I, II и III. Спб. 95.

Объяснительная записка къ отчету Государственнаго контроля по исполненію государств. росписи и финансовыхъ смѣтъ за 1894 г. Спб. 95 г.

Быть или не быть русской писчебумажной фабрикаціи? (Отвѣтъ «Новому Времени»). М. 95.

Отчетъ о дѣятельности ветеринарнаго надзора Московскихъ городскихъ боенъ за 1894 г.

L'art au Caucase par J. Mourier. Première partie. Fasc. 1. Paris. 96.
Cosmopolis. An international Review. № 1. January. 96.

Изъ Франціи.

Большинство парижскихъ газетъ, вышедшихъ на первый день здѣшняго Рождества, было необычно серьезно. Особенно бульварная пресса, всѣ эти «Фигаро», «Журналы», и пр. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто обыкновенныхъ святочныхъ темъ,—гривуазныхъ разсказовъ, восторженныхъ рекламъ знаменитыхъ кондитеровъ въ родѣ Пигана (Pihan), описаній обѣдовъ и вечеровъ у подлинныхъ и фальшивыхъ маркизъ,—первая, а то и вторая страницы были заполнены подробностями смерти и біографіей Макса Лебоди, имя котораго, конечно, гораздо болѣе извѣстно среднему парижанину, чѣмъ имена Тэна, Ренана, Масперо, и даже многихъ популярныхъ романистовъ... «Максъ Лебоди... Максъ Лебоди», скажетъ читатель, живущій вдали отъ парижской сутолоки, и остановится въ нѣкоторомъ недоумѣніи надъ этимъ словомъ: «кто такое Максъ Лебоди? что-то не помню». И это недоумѣніе вполнѣ понятно. Умершій не сдѣлалъ никакого научнаго открытія, не далъ ни одного литературнаго произведенія, не написалъ ни одной картины. Но тѣмъ не менѣе его имя гремѣло въ томъ муравейникѣ, который гордо называетъ себя «всѣмъ Парижемъ» (Tout-Paris) и состоитъ, если выключить десятка два ученыхъ и литературныхъ знаменитостей, любящихъ вращаться въ свѣтѣ, изъ нѣсколькихъ тысячъ праздныхъ и болѣе или менѣе денежныхъ людей и изъ цѣлыхъ тучъ паразитовъ, ютящихся вокругъ нихъ и живущихъ ихъ глупостью или тщеславіемъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ біографія этой своеобразной, только-что скончавшейся знаменитости. Онъ одинъ изъ четырехъ дѣтей крупнѣйшаго сахаровара Лебоди, который былъ самымъ заурядным депутатомъ (отъ департамента Сены-и-Уазы), но по части пріумноженія капиталовъ обнаружилъ необыкновенныя способности. Энергичный, безцеремонный въ средствахъ наживы, умѣвшій выжимать изъ своихъ работниковъ и работницъ возможно большую сумму труда за самую нищенскую плату, отецъ Лебоди представлялъ собою типъ спекулятора, не смущавшагося никакими посторонними, т. е. гуманными соображеніями при достиженіи своей цѣли. Какъ знаменитый бальзаковскій отецъ Грандэ, онъ и въ семью свою перенесъ безжалостные пріемы эксплуатаціи людей, пользо-

ванія живыми существами на манеръ бездушныхъ инструментовъ. Все должно было преклоняться передъ его единоличнымъ произволомъ; весь строй семьи укладывался въ рамки, поставленныя владыкой. Единственное отличіе отца Лебоди отъ отца Грандэ заключалось въ одномъ: безсмертный типъ Бальзака былъ безпримѣснымъ олицетвореніемъ капиталиста-спекулятора, жившаго лишь ради денегъ, дрожавшаго надъ каждымъ свѣчнымъ огаркомъ, надъ лишнимъ съѣденнымъ яйцомъ; нашъ же сахарный заводчикъ любилъ пожить въ свое удовольствіе и отчислялъ крупные куши изъ своихъ громадныхъ доходовъ на различныя болѣе или менѣе шумныя формы отдохновенія отъ своей «трудовой» жизни. Еще въ 1877 г. шуринъ старика Лебоди вынужденъ былъ дать передъ судомъ письменныя доказательства той жизни, полной оскорбленій, униженія и вѣчныхъ страданій, какая выпала на долю его сестры. Немудрено, что г-жа Лебоди стала искать хоть какого-нибудь просвѣта въ своемъ печальномъ существованіи и, по условіямъ своего воспитанія, нашла его въ католицизмѣ, впавъ въ самую рѣзкую мистику и окруживъ себя патерами, монахинями, такими же, какъ сама она, экзальтированными вѣрующими или же хитрыми ханжами. Вотъ отъ этихъ то двухъ столь чуждыхъ другъ другу людей и родился въ 1873 г. Максъ Лебоди, жалкій тщедушный ребенокъ, которому суждено было пріобрѣсти и своею жизнію и обстоятельствами своей смерти такую извѣстность.

Какъ воспитывался первое время Максъ вмѣстѣ съ двумя старшими братьями и одной старшей же сестрой, объ этомъ мало извѣстно. Но возстановить картину этого воспитанія, психологію этого ребенка не хитро: деспотъ-отецъ, налетавшій тучею на семью въ промежутки между грандіозными спекуляціями и безпутными похожденіями; мученица-мать, которая искала забвенія отъ реальныхъ горестей въ жаркихъ порывахъ къ заоблачному счастію; и цѣлыя толпы прихлебателей, льстецовъ и мнимыхъ друзей, которые, что называется, съ колыбели взяли подъ свою опеку бѣднаго отпрыска милліонеровъ и старались внушать ему, этому физическому и нравственному недоноску, что умнѣе, лучше, замѣчательнѣе его нѣтъ никого на свѣтѣ. Совершенно естественно онъ долженъ былъ придти къ тому заключенію, что онъ въ нѣкоторомъ родѣ—Архимедъ, милліоны его — рычагъ, которымъ онъ можетъ повертывать весь міръ Божій по произволу, а точки опоры—тѣ самые прихлебатели, льстецы и мнимые друзья, которые ловятъ его улыбку, когда онъ молчитъ, и восторженно смотрятъ ему въ ротъ, когда онъ говоритъ. Вотъ онъ и сталъ «ворочать», какъ только обстоятельства позволили.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Максу еще не исполнилось совершеннолѣтія, старый Лебоди умеръ и оставилъ своей женѣ и четыремъ дѣтямъ 220 милліоновъ франковъ. Половина пошла вдовѣ; половина была раздѣлена между дѣтьми, каждому изъ которыхъ досталось такимъ образомъ отъ 27 до 28 милліоновъ франковъ. И вотъ

нашъ Максъ проснулся въ одно прекрасное утро съ доходомъ, на который могла бы жить тысяча среднихъ рабочихъ семей въ Парижѣ, около четырехъ тысячъ живыхъ существъ. У бѣднаго недоростка закружилась голова отъ возможности сейчасъ же выдѣлить себя, при помощи милліоновъ, изъ сѣрой массы обыкновенныхъ людей. Но планы, пріемы этого выдѣленія были столь же первобытны и дѣтски-наивны, какъ и тѣ операціи, какія продѣлываетъ надъ собою дикарь для того, чтобы отличиться отъ соплеменниковъ: необыкновенный штрихъ необычной краской на лицѣ, обиліе татуировки, лишняя деревяшка въ ухѣ или лишнее перо въ носу. И, для еще большаго сходства съ дикаремъ,—надо добавить, что какъ съ нашимъ первобытнымъ героемъ конкуррируетъ по части деревянныхъ и пернатыхъ отличій цѣлая масса соплеменниковъ, такъ и у современнаго расточителя изъ милліонеровъ найдется громадная толпа соперниковъ изъ той же категоріи саврасовъ безъ узды...

Итакъ, юный Максъ горѣлъ желаніемъ заставить о себѣ говорить «весь Парижъ». А для этого, конечно, надо было бросать деньги за окно. И чѣмъ нелѣпѣе, неожиданнѣе была перспектива, которая развертывалась изъ этого окна, тѣмъ сильнѣе билось сердце отъ восторга у начинавшаго, дѣйствительно, «выдѣляться» милліонера. Но не забудьте, дѣло происходило до его совершеннолѣтія, и надъ поступками Макса, а особенно надъ распоряженіемъ его деньгами тяготѣла опека. И вотъ скоро этотъ бѣдный маленькій человѣчекъ былъ окруженъ цѣлыми толпами ростовщиковъ, и парижскихъ и провинціальныхъ, которые за невозможные проценты ссужали ему деньги до совершеннолѣтія. Повсюду стали ходить и скупаться въ чаяніи будущихъ благъ векселя Макса Лебоди. Но что ему было за дѣло до этихъ жалкихъ бумаженокъ, на которыхъ онъ подмахивалъ свое имя? Цѣль, поставленная имъ, уже отчасти достигалась. Объ немъ уже начинали говорить среди золотой молодежи и въ кругу хроникеровъ бульварныхъ газетъ, этихъ исторіографовъ современнаго шалопайства. Его имя стало все чаще и чаще повторяться всевозможными аферистами и нечистоплотными дѣльцами, которые безжалостно эксплуатировали самолюбіе молодого человѣка, увѣряя его, что онъ великъ не только по части безпутства, но и по части коммерческихъ комбинацій. И скоро вульгарный подростокъ сталъ героемъ дня и получилъ въ нѣкоторомъ родѣ историческія клички «Максиньки» (petit Max), и «маленькаго сахаровара» (petit sucrier), подъ которыми онъ гордо пробѣгалъ свой путь въ мірѣ кокотокъ, актрисъ, магазинщиковъ, ресторатороровъ, жокеевъ, ростовщиковъ, нотаріусовъ, лошадниковъ, маклеровъ, газетчиковъ и всякаго рода лизоблюдовъ обоего пола.

Сегодня онъ выражалъ свои симпатіи къ знаменитой m-lle Діанѣ-де-Пужи, вручая ей связку въ пятьдесятъ тысячефранковыхъ билетовъ и на такую-же сумму векселъ съ проставленнымъ впередъ числомъ. Завтра онъ покупалъ существовавшій лишь на бумагѣ

крупный участокъ дѣвственныхъ лѣсовъ въ Бразиліи, съ цѣлью эксплуатаціи гуттаперчи. Послѣ-завтра онъ участвовалъ большимъ взносомъ въ образованіи компаніи на акціяхъ, которая желала извлекать золото изъ парижскаго булыжника (не смѣйтесь, читатель, и вспомните надѣлавшую въ свое время много шуму исторію инженера Поппа!). На другой день послѣ такого знаменитаго коммерческаго предпріятія онъ отдыхалъ въ обществѣ наѣзниковъ и барышниковъ и приказывалъ поить въ ресторанѣ шампанскимъ всѣхъ присутствовавшихъ и даже проходившихъ по улицѣ, а отказывавшихся отъ «чести пить за здоровье Максиньки» обливать Редереромъ, Муммомъ или Поммери, тутъ-же платя за оскорбленіе. Въ иное время онъ являлся снова покровителемъ искусствъ, и знаменитый каррикатуристъ Форэнъ (Forain), не успѣвшій еще въ то время свихнуться на путь анти-демократической реакціи, представлялъ на рисункѣ мать молоденькой актрисы, докладывавшую со слезами умиленія парикмахеру своей дочери: «вы,—нашъ истинный другъ, и потому скажу вамъ по секрету: сегодня ночью маленькій сахароваръ сдѣлалъ намъ визитъ... Ахъ какое счастіе! И за что это только мы такъ взысканы небомъ!..»

Максъ утопалъ въ блаженствѣ. Дня не проходило, чтобы бульварная пресса не разсказывала съ паѳосомъ о новой затѣѣ «Максиньки» съ такими подробностями, которыя ясно свидѣтельствовали, что свѣтскій хроникеръ былъ въ числѣ не только зрителей, но и актеровъ празднества. Такъ называемыя «театральныя обозрѣнія» (revues des théâtres), или пьесы, въ которыхъ подводятся комическіе итоги истекающаго года, сплошь и рядомъ выводили на сцену опять все его же, несравненнаго Максиньку. Наконецъ, безчисленное множество шансонетокъ, распѣваемыхъ въ кафе, разносило по міру славу о дѣяніяхъ «маленькаго сахаровара», нѣжно величая его «очень потѣшнымъ, страсть какимъ потѣшнымъ малымъ» (si rigolo!), какъ говорилось въ одномъ глупѣйшемъ припѣвѣ.

Приближалось совершеннолѣтіе, и мать Макса рѣшила во что бы то ни стало воспрепятствовать дальнѣйшему прожиганію жизни и милліоновъ своимъ сыномъ. Она уговорила его предпринять путешествіе вокругъ свѣта и съ этой цѣлью купила за 600,000 фр. яхту «Семирамида» и нашла спутника въ лицѣ одного молодого кандидата естественныхъ наукъ, который долженъ былъ, если не увлечь Макса на путь научныхъ изысканій, то во всякомъ случаѣ описать результаты этого путешествія. Но тутъ кокотки, ростовщики, газетчики и прочіе прихлебатели, испуганные перспективой продолжительнаго отсутствія Макса, уговорили его скрыться. Г-жа Лебоди принуждена была продать «Семирамиду» за безцѣнокъ, вознаградить молодого кандидата за убытки, причиненные ему сборами и пр., а на сына подать жалобу въ судъ, прося продолжить зависимость сына отъ опекунскаго совѣта (conseil judiciaire) въ виду его чисто болѣзненнаго мотовства.

Защитникомъ угнетенной въ лицѣ Макса невинности выступилъ знаменитый Вальдекъ-Руссо, ученикъ Гамбетты, адъютантъ Жюля Ферри, еще не такъ давно видный оппортунистскій депутатъ, а нынѣ сенаторъ и одинъ изъ первыхъ гражданскихъ адвокатовъ Франціи. Ловкій ходатай доказалъ, что дѣйствительные долги Макса не превышали и милліона франковъ, значитъ далеко не достигали его ежегоднаго дохода, а на суммы, подписанныя на ростовщическихъ векселяхъ, нечего, молъ, обращать вниманіе: это—противозаконныя уловки заимодавцевъ, которые не только не получатъ того, что требуютъ, но и будутъ преслѣдоваться по суду. Наконецъ, Вальдекъ-Руссо рѣшительно повернулъ судей въ пользу своего кліента, распространившись о столь любезной буржуазному сердцу пользѣ роскоши. «Молодость и страсти, сказалъ онъ, имѣютъ свою общественную роль, свою соціальную функцію. Подписывая тѣмъ, кто обязалъ его, векселя съ уплатой по достиженіи совершеннолѣтія, молодой расточитель въ сущности лишь пускаетъ въ обращеніе милліоны, которые скопилъ его отецъ»... Сдѣлавшись совершеннолѣтнимъ, Максъ Лебоди былъ вмѣстѣ съ тѣмъ признанъ полноправнымъ хозяиномъ своего имущества.

Мы знали до сихъ поръ молодого сахаровара, какъ «полезнаго мота». Теперь намъ придется познакомиться съ новымъ воплощеніемъ его: Максомъ—филантропомъ. Первый «аватаръ» этого двадцатилѣтняго Вишну уже возбуждалъ въ буржуазной прессѣ одобрительное похлопываніе по плечу и снисходительныя улыбки; второй аватаръ исторгъ рѣки слезныя изъ очей умиленныхъ газетчиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, на слѣдующій же день суда, г. Гастонъ Кальметтъ, завѣдующій иностраннымъ отдѣломъ въ «Фигаро» и «даже удостоившійся» разговаривать съ вѣнценосцами, напримѣръ съ итальянскимъ королемъ, объявилъ Парижу и всему міру—urbi et orbi—о томъ, что онъ получилъ отъ Макса Лебоди замѣчательно-благородное письмо. Въ письмѣ этомъ юноша-филантропъ давалъ торжественное обѣщаніе, что отнынѣ онъ будетъ издерживать «лишь свои доходы, но отнюдь не болѣе»: такъ какъ заводъ продолжалъ идти хорошо, то молодой аскетъ безповоротно рѣшалъ пользоваться благами міра сего «лишь» въ размѣрѣ 2.800,000 фр. въ годъ! Что касается до капитала, то онъ обѣщалъ не только не размотать, но и пріумножить его. Наконецъ, торжественно объявлялъ, что отнынѣ «удовольствія не будутъ преобладающими актами его жизни», и въ знакъ своего сближенія съ міромъ труда посылалъ рабочимъ и мелкимъ служащимъ на своемъ заводѣ подарокъ въ 60000 франковъ. Сверхъ того, 10000 франковъ назначалъ филантропическому обществу, 25000 франковъ въ кассу пособій военнымъ и пр., всего на сумму около 150000 франковъ, т. е. немногимъ болѣе 5% своего чистаго годового дохода. Иначе говоря, если взять такую рабочую семью въ Парижѣ, которая при нормальныхъ условіяхъ заработываетъ 3000 фр. и чистый доходъ которой не достигаетъ и 50 франковъ

въ годъ, то два съ половиною франка, истраченные ею въ теченіе года на милостыню и прочія филантропическія вещи, представятъ приблизительно размѣръ великой жертвы, принесенной Максомъ.

Кромѣ того, этой жертвой, прославленной большинствомъ прессы, самоотверженные порывы у нашего героя кончились, и началось послѣдовательное проведеніе программы «полезной роскоши», начертанной Вальдекомъ-Руссо. Въ теченіе года онъ издержалъ не только всѣ свои доходы, но тронулъ цѣлую треть своего капитала, скажемъ, около 10 милліоновъ. Двухъ-трехъ примѣровъ будетъ достаточно, чтобы читатель понялъ «соціальную функцію», «общественную роль» этого мотовства. Онъ купилъ великолѣпное помѣстье подъ Парижемъ, въ Мезонъ-Лафиттъ; завелъ 80 одномастныхъ пони, платя за нихъ сумасшедшія деньги; пріобрѣлъ цѣлый заводъ дорогихъ скаковыхъ лошадей. Наконецъ, въ одно прекрасное іюльское утро шаловайствующій Парижъ былъ поставленъ въ извѣстность прессой и особыми пригласительными билетами о томъ, что великій Максъ даетъ всѣмъ своимъ друзьямъ и знакомымъ зрѣлище настоящаго боя быковъ, каковые были выписаны изъ Испаніи вмѣстѣ съ торреадорами, пикадорами и матадорами. И потянулись длинныя вереницы блестящихъ экипажей, нагруженныхъ кокотками и репортерами, прогорѣвшими графами и нажившимися банкометами, — потянулись по направленію къ Мезонъ-Лафитту, гдѣ радушный хозяинъ угостилъ всѣхъ приглашенныхъ завтракомъ, обѣдомъ, музыкой, а главное сильными ощущеніями: не одна бѣдная лошадь была стащена послѣ бѣга на живодерню, и цѣлыхъ шесть быковъ были распластаны въ крови на аренѣ подъ громъ рукоплесканій и гулъ восторженныхъ похвалъ. А онъ, виновникъ всего торжества, «скромный и великодушный Максъ», какъ выразился одинъ газетчикъ, сіялъ альтруистическимъ восторгомъ, видя удовольствіе публики, и чуть не краснѣя принималъ комплименты отъ друзей и знакомыхъ. Прогрессъ въ сравненіи съ прежнимъ Максомъ былъ несомнѣнный: изъ неуклюжей личинки вылупилась граціозная бабочка и начала порхать на радость «всего Парижа», уже не смущаясь перспективой опекунскаго совѣта....

Но недолго шла эта веселая и привольная жизнь: въ 1894 г. Максъ долженъ былъ отбывать воинскую повинность, которая продолжается во Франціи три года въ дѣйствующей арміи и въ принципѣ не терпитъ никакихъ исключеній. На «маленькаго сахаровара» было обращено столько глазъ, что ему не удалось выхлопотать себѣ льготу по болѣзни и т. д. Помимо шантажистовъ, которые видѣли въ солдатѣ-милліонерѣ—дойную корову *), за него взялась независимая

*) Между ними были, какъ оказалось изъ недавнихъ арестовъ, и его друзья - паразиты. Особенно типичны только что посаженные въ тюрьму Сести и виконтъ де-Сиври, предки котораго неоднократно роднились браками съ королями французскими и англійскими.

пресса и во имя равенства всѣхъ передъ закономъ зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы Максу не давалось никакихъ особыхъ преимуществъ. Пришлось служить, болѣе или менѣе какъ и всѣ, предполагая, конечно, что съ Максомъ Лебоди ближайшее начальство обращалось такъ же, какъ съ первымъ встрѣчнымъ солдатомъ изъ Оверни или Бретани. Теперь пока трудно разобраться въ томъ, насколько Максъ на самомъ дѣлѣ не годился для военной службы, какъ увѣряютъ его друзья. Во всякомъ случаѣ, уже съ ноября 1894 г. онъ сталъ жаловаться на трудность кавалерійской службы, (онъ былъ посланъ кавалеристомъ въ Фонтенбло). Но лишь только ему удавалось получить отпускъ по болѣзни, онъ какъ разъ бѣжалъ въ свою громадную конюшню и все время отпуска проводилъ въ томъ, что наѣзжалъ своихъ скакуновъ. Никто изъ слѣдившихъ за эпопеей Макса не забылъ еще, что именно въ одинъ изъ такихъ отпусковъ, лѣтомъ 1895 г., «больной» кавалеристъ лично принялъ участіе въ трувильскихъ скачкахъ и послѣ всевозможныхъ скандальныхъ приключеній возвратился въ эскадронъ гораздо болѣе надорваннымъ, чѣмъ до отпуска. Изъ одного госпиталя его перемѣщали въ другой, — изъ Фонтенебло въ Вернонъ, изъ Вернона въ Руанъ, изъ Руана въ парижскій Валь-де-Грасъ, изъ Парижа на воды въ Амели-лэ-Бэнъ (въ департаментѣ Восточныхъ Пиринеевъ). Но освободить его отъ военной службы не рѣшались. Онъ и умеръ на водахъ, наканунѣ Рождества, въ знаменитый французскій сочельникъ (réveillon), который люди проводятъ здѣсь въ томъ, что цѣлую ночь пьютъ, ѣдятъ и танцуютъ. Судьба словно нарочно устраиваетъ порою такіе контрасты: Лебоди, вся жизнь котораго была непрерывнымъ праздникомъ, тогда какъ громадное большинство людей бьется словно рыба объ ледъ и работаетъ, не покладая рукъ, умеръ въ тотъ моментъ, когда самый несчастный труженикъ старается забыть вѣчную заботу о кускѣ хлѣба, отдавая нѣсколько часовъ веселью въ кругу близкихъ и знакомыхъ.

Самыя обстоятельства его смерти и особенно разсужденія прессы по поводу ея не менѣе поучительны съ извѣстной точки зрѣнія, чѣмъ и вся жизнь его. Пріѣхалъ онъ въ Амели-лэ-Бэнъ, истощенный не столько дѣйствительной болѣзнію, сколько продолжительнымъ пребываніемъ въ больничной атмосферѣ всевозможныхъ госпиталей и нелѣпымъ образомъ жизни во время отпусковъ. Пріѣхалъ и тотчасъ же захотѣлъ предаться велосипедной ѣздѣ, нашелъ «велодромъ» слишкомъ ухабистымъ и отдалъ приказъ сейчасъ-же начать его исправленіе, ассигновавъ на это 90,000 франковъ, — да, 90,000 франковъ! А пока нанялъ тренировщиковъ (entraîneurs), какъ сумасшедшій, носился съ ними болѣе часа на велосипедѣ, надорвался, простудился и слегъ, чтобы уже болѣе не вставать: его въ нѣсколько дней унесла тифозная горячка! И какъ умиралъ, въ какой компаніи! Я вовсе не желаю злоупотреблять добродѣтельными разсужденіями насчетъ послѣднихъ дней, проведенныхъ имъ съ

актрисой французской комедіи, m-lle Марси: тамъ, гдѣ есть искреннее чувство, критикѣ, основанной на условныхъ приличіяхъ, нѣтъ мѣста. Но когда буржуазная пресса, забывая свои «основы», старается перерисовать намъ эту зауряднѣйшую связь въ цѣлую идиллію Бернардэна-де-Сенъ-Пьера, гдѣ Полю столько же лѣтъ, сколько у него милліоновъ (22), а Виргиніи десятью годами больше, то я рѣшительно останавливаю газетныхъ сиренъ. Пусть читатель обратитъ лишь вниманіе на характеръ телеграммы, посланной m-lle Марси сейчасъ же послѣ смерти въ газету «Le Soir», принадлежавшую главнымъ образомъ Максу Лебоди. Въ телеграммѣ этой 45 печатныхъ строкъ. Написана она со всевозможными чувствительными знаками препинанія, между которыми преобладаютъ восклицательные. И ничто не забыто изъ подробностей, касающихся того, какъ m-lle Марси «натирала нашатырнымъ спиртомъ» «своего дорогого ребенка», «милаго малютку», какъ она «отстаивала его въ продолженіи двухъ часовъ отъ нападеній смерти» и т. д. и т. д. Недаромъ, даже у одного изъ восторженныхъ изобразителей упомянутой идилліи вырвалось признаніе, что эта телеграмма смахиваетъ на «торопливый, но подробный докладъ репортера, пишущаго у изголовья умирающаго».

Но всего поучительнѣе разсужденія печати, издающейся для имущихъ. «Фигаро» устами г. Кальметта разглагольствуетъ на ту тему, что «отнынѣ ничтожество богатства доказано самымъ жестокимъ образомъ», и что «на этомъ горькомъ примѣрѣ было отмщено то поразительное неравенство человѣческихъ условій, которое возбуждаетъ притязанія и зависть толпы». Въ «Журналѣ» г. Фернандъ Ксо, говоря о независимой прессѣ, которая слѣдила за Максомъ Лебоди и требовала отъ военныхъ властей одинаковаго отношенія какъ къ богачу, такъ и къ бѣдняку, заключаетъ свое надгробное рыданіе слѣдующими строками: «печальна эпоха, переживаемая нами! Она, какъ кажется, только и ищетъ того, чтобы совершать дѣло разрушенія, нападая на все, подозрѣвая все, обвиняя все, что выдѣляется по праву-ли завоеванія или благодаря имущественному положенію. Режимъ доноса и подозрѣнія деспотически царитъ надъ нами». Наконецъ, г. Кларети, философствующій подъ псевдонимомъ Кандида въ серьезномъ органѣ буржуазіи—я говорю о «Temps»—подчеркиваетъ еще болѣе могущество страха, овладѣвшаго якобы военными докторами, которые не рѣшались освободить «чахоточнаго» милліонера, боясь нападеній прессы; говоритъ с «зловѣщихъ временахъ», которыя наступили теперь среди «подозрительной демократіи», и пишетъ по адресу «бѣднаго солдатика», сына неимущихъ родителей, слѣдующія чувствительныя строки: «скажи своимъ родителямъ, посылая имъ новогоднее поздравленіе: «бываютъ времена, когда, если хочешь быть свободнымъ, счастливымъ и даже просто жить на свѣтѣ, для тебя лучше быть бѣднымъ, чѣмъ милліонеромъ, и лучше имѣть голыя руки, чѣмъ ренту». Ну, ко-

нечно, г. Кларети, вы тысячу разъ правы! Нѣтъ ничего несчастнѣе на свѣтѣ, какъ быть милліонеромъ, ничего счастливѣе, какъ жить въ бѣдности. Вотъ чтобы хоть нѣсколько развлечь удрученнаго читателя, мы и совершимъ сейчасъ прогулку въ міръ людей, «имѣющихъ голыя руки, но не имѣющихъ рентъ», въ міръ парижскихъ мелкихъ ремесленниковъ, швей, игрушечниковъ, среди которыхъ кипитъ въ концѣ года такая дѣятельность. А для перехода развернемъ передъ читателемъ святочную картину большихъ бульваровъ въ Парижѣ.

Въ теченіе недѣль трехъ, въ концѣ каждаго года и переходя на новый, парижскіе большіе бульвары, особенно между церковью Св. Магдалины и пересѣкающимъ ихъ Севастопольскимъ бульваромъ, представляютъ интересное зрѣлище, и интересное не для иностранца, не для провинціала только, но и для самого парижанина. Я не говорю о безпрерывной линіи шумныхъ, залитыхъ свѣтомъ ресторановъ, роскошныхъ кондитерскихъ, блестящихъ магазиновъ всякаго рода, модныхъ, гастрономическихъ, мебельныхъ, косметическихъ или продающихъ знаменитые articles de Paris,—всѣ эти мелкія издѣлія изъ кожи, бумаги, кости, бронзы, фаянса, которыя получили всемірную извѣстность. Но на французскихъ святкахъ эта обычная панорама разнообразится безконечной веренницей небольшихъ складныхъ лавочекъ (baraques), выкрашенныхъ въ свѣтло-зеленый цвѣтъ, тянущихся по краямъ широкой панели и повернутыхъ къ пѣшеходамъ казовымъ концомъ. За стойкой расхаживаютъ, ораторствуютъ, жестикулируютъ импровизированные торговцы—часто цѣлыми семьями—и всячески стараются привлечь вниманіе проходящихъ на разложенные передъ ними товары: гравюры, сласти, мелкія хозяйственныя принадлежности, а въ особенности игрушки. За два, за три мѣсяца до новаго года начинается у всѣхъ мелкихъ ремесленниковъ самая лихорадочная дѣятельность. Тратится бездна соображенія, вкуса, времени, труда и здоровья, чтобы явиться съ честью на новогоднюю ярмарку и хоть немного поправить разстроившійся за лѣтніе мѣсяцы бюджетъ. И въ этой погонѣ за покупателемъ одинъ бѣднякъ рветъ изо рта кусокъ у другого.

Вотъ алжирскій арабъ, на страшномъ французскомъ языкѣ, дикимъ голосомъ взываетъ къ проходящимъ: «купить африканскій конфетъ... всегда ѣсть... никогда не умереть» Вотъ рѣчистый южанинъ, судя по выговору изъ Марсели, продаетъ полный приборъ запонокъ для рубашки, галстучную булавку, браслетъ, брошку и дѣтскіе часы за пятьдесятъ сантимовъ. Двумя шагами далѣе, мальчикъ и дѣвочка—подростки показываютъ визжащимъ отъ восторга дѣтямъ цѣлую нашесть искусно-сдѣланныхъ пѣтушковъ, которые хлопаютъ крыльями и кричатъ кукареку! Тутъ же, три бойкихъ парижанина—игрушечника наперерывъ объясняютъ собрав-

шейся публикѣ «послѣднее слово механики»,—маленькій локомобиль, который работаетъ на пламени крошечной спиртовой лампочки, снабженъ, какъ и полагается по штату такой машинѣ, и маховикомъ, и регуляторомъ, и предохранительнымъ клапаномъ, и безконечнымъ ремнемъ, и стоитъ всего на всего четыре франка съ половиной. Хитра, какъ видите, голь на выдумки, та самая голь, въ честь мозолистыхъ рукъ и пустыхъ кармановъ которой поются гимны гг. Кларети и прочими философами буржуазіи. Послѣдуемъ же за однимъ изъ такихъ счастливыхъ гражданъ, когда онъ кончитъ свое двѣнадцати-часовое ораторство на морозѣ, потушитъ свою лампочку, украшенную какимъ-нибудь удивительнымъ абажуромъ, и отъ этихъ роскошныхъ бульваровъ, этихъ нервно-веселящихся господъ и раскрашенныхъ дамъ, этихъ безчисленныхъ огней мчащихся экипажей и яркихъ электрическихъ шаровъ, направитъ шаги въ одну изъ узкихъ улицъ квартала Марэ (Marais), въ центрѣ стараго Парижа, или на высоты Бельвиля...

Но прежде чѣмъ войти въ это убѣжище покоя и счастія, гдѣ

Бѣдность и трудъ,
Мирно живутъ
Съ дружбой, съ любовью въ ладу,

какъ воспѣвалъ Беранже въ переводѣ Василія Курочкина, сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній относительно мелкой промышленности въ Парижѣ. Профессіональная статистика во Франціи очень несовершенна. Поэтому болѣе или менѣе точныхъ цифръ относительно распространенія мелкой индустріи дать нельзя. Но я попробовалъ вычислить приблизительное отношеніе рабочихъ къ хозяевамъ въ Парижѣ на основаніи данныхъ торговой палаты и нѣкоторыхъ частныхъ цифръ, и уже этихъ грубыхъ выкладокъ достаточно, чтобы судить, какъ мало еще подвинулась концентрація производства въ такомъ важномъ промышленномъ центрѣ, каковъ Парижъ. Рабочій персоналъ, не превышающій десяти человѣкъ, придаетъ производству мелкій, ремесленный характеръ: въ этомъ согласны почти всѣ спеціалисты. Но мои цифры показываютъ, что на каждаго хозяина въ Парижѣ приходится лишь немногимъ болѣе трехъ рабочихъ: мастерокъ долженъ, очевидно, являться преобладающимъ типомъ экономической жизни столицы *).

*) На 2.447957 или круглымъ числомъ 2.448000 жителей Парижа (по переписи 1891 г. и безъ предмѣстій за городскими фортификаціями) я насчиталъ приблизительно 687000 лицъ, занимающихся собственно промышленностью, и изъ нихъ 163000 хозяевъ, что составитъ 3. 2 рабочихъ на одного хозяина. При этомъ въ самыхъ распространенныхъ отрасляхъ промышленности,—производствѣ пищевыхъ продуктовъ (74000 рабочихъ), строительномъ (74000), но особенно изготовленіи всякаго рода одежды (148000) и articles de Paris (46000) отношеніе числа рабочихъ къ числу хозяевъ еще гораздо ниже средняго. Сильно сконцентрированы въ Парижѣ, собственно говоря, лишь производства металлическое, машиностроительное (особенно при желѣзныхъ дорогахъ), сахарное, химическое, газовое и табачное.

Но не даромъ парижскій ремесленникъ работаетъ бокъ-о-бокъ съ колоссальными капиталами, которыми располагаетъ Парижъ въ области торговыхъ и банковыхъ операцій. Спекуляторъ-милліонеръ наложилъ свою властную руку на мелкое производство, и изъ сочетанія этихъ двухъ неравныхъ силъ получился цѣлый рядъ своеобразныхъ комбинацій. Въ однѣхъ выступаетъ рельефно гигантскій всемірный базаръ на манеръ Бонмарше и Лувра; въ другихъ крупная фабрика, занимающая сотни рабочихъ; въ третьихъ мелкій ремесленникъ, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить. Порою эти различные типы экономической жизни тѣсно соединены между собой, хотя это соединеніе напоминаетъ знаменитый «союзъ акулы съ добычей», которымъ Байронъ охарактеризовалъ политическую связь Великобританіи съ Ирландіей.

Возьмемъ интересующее насъ теперь игрушечное производство. Есть цѣлыя отрасли его, напр., фабрикація нѣкоторыхъ игрушекъ изъ желѣза и жести—механическихъ лошадокъ, кукольныхъ экипажей и кукольной мебели—которыя попали въ сферу крупной промышленности, управляемой, такъ называемыми, «жестяными королями» (rois du fer blanc). П. дю-Маруссемъ, спеціально посвятившій себя изученію мелкой парижской промышленности и съ 1893 г. приглашенный министерствомъ торговли въ «бюро труда», цитируетъ знаменитую фабрику игрушечныхъ каретъ на улицѣ Фонтэнъ-дю-Руа, которая занимаетъ отъ 300 до 350 рабочихъ въ годъ, не считая цѣлаго штаба механиковъ и изобрѣтателей, дѣлаетъ годовой оборотъ въ 1.200,000 фр. и получаетъ по меньшей мѣрѣ 120,000 фр. чистаго дохода *). Понятно, что мелкому ремесленнику трудно бороться въ этой спеціальной области съ колоссальнымъ предпріятіемъ. На тѣхъ же самыхъ бульварахъ вы нерѣдко увидите продавца металлическихъ игрушекъ, который на первый взглядъ покажется вамъ идиллическимъ мелкимъ фабрикантомъ, но на самомъ дѣлѣ является лишь простымъ торгашомъ, купившимъ себѣ нѣсколько игрушекъ на большой фабрикѣ, или даже прямо посланнымъ его для распродажи.

За то есть важныя отрасли игрушечнаго производства, въ которыхъ мелкое ремесло является господствующей формой труда. Здѣсь капиталистъ эксплуатируетъ ремесленника, работающаго на дому, главнымъ образомъ, не въ качествѣ фабриканта, а въ качествѣ заказчика, скупщика, кредитора. Таково отчасти производство куколъ, представляющее теперь треть стоимости всего игрушечнаго производства; а въ этомъ производствѣ фабрикація высшихъ сор-

*) См. P. du Maroussem, *La question ouvrière. III. Le jouet parisien*; Paris 1894, стр. 87—91. Авторъ отчасти принадлежитъ къ школѣ Леплэ (Le Play), хотя не раздѣляетъ католически-реакціонныхъ идей автора «Соціальной реформы». Подобно ему, онъ, впрочемъ, видитъ главное зло не столько въ противорѣчіи труда и капитала, сколько въ общемъ «недостаткѣ равновѣсія» въ современномъ строѣ.

товъ куколъ изъ тѣста и картона. Мы послѣдуемъ за Маруссемомъ въ квартиру-мастерскую одной такой рабочей семьи. Семья состоитъ изъ сорока-двухъ-лѣтней матери, оставленной мужемъ, и двухъ сыновей-подростковъ, одного 17 лѣтъ, другого 13. Авторъ замѣчаетъ, что эта семья, безъ взрослаго мужчины, какъ разъ и представляетъ типъ мастерской, гдѣ лѣпятъ и формуютъ куколъ. Во-первыхъ, въ игрушечномъ производствѣ вообще женщины составляютъ 60% всего рабочаго персонала; во-вторыхъ, избранная нами теперь отрасль почти цѣликомъ держится на женскомъ трудѣ: мужчины здѣсь—рѣдкое исключеніе.

Итакъ, мы въ одной изъ маленькихъ улицъ стараго Парижа, возлѣ казармы Лобо. Небольшая квартирка: крошечный салонъ, носящій своеобразный отпечатокъ горькой бѣдности и артистическаго вкуса, съ рѣдкимъ растеніемъ на маленькомъ столикѣ, съ моделями для лѣпки: Мефистофелемъ, лошадками, гитарой, различными историческими фигурами и типами; въ глубинѣ комната, служащая мастерской, гдѣ за двумя некрашенными бѣлыми столами, сдвинутыми вмѣстѣ и покрытыми цинковымъ листомъ, сидятъ хозяйка, младшій сынъ и нанятая за три франка въ день дѣвушка-формовщица; въ сторонѣ—маленькая кухня, чуланчикъ, гдѣ стоитъ постель для старшаго сына, и спальня самой хозяйки, съ кроватью подъ занавѣсомъ и кой-какою старой мебелью. Вотъ сцена, на которой разыгрывается горькая драма безпросвѣтной трудовой жизни, вотъ и актеры. А вотъ и перипетіи самой драмы. Утро, бьетъ шесть часовъ: зимой или лѣтомъ, семья неизмѣнно встаетъ въ эту пору и сейчасъ же пьетъ черный кофе безъ молока и хлѣба, чтобы хоть немного прогнать сонъ съ отяжелѣвшихъ отъ поздняго сидѣнья вѣкъ. Въ семь часовъ, когда Максы Лебоди и прочіе «несчастные милліонеры» и шалопаи лишь встаютъ изъ-за игорныхъ столовъ послѣ ночи, проведенной въ клубѣ, старшій сынъ нашей семьи отправляется къ фабриканту портфелей, у котораго онъ работаетъ ученикомъ за полтора франка въ день. Мать же, второй сынъ и работница принимаются за работу. Работница формуетъ, т. е. рветъ на мелкіе куски старую обверточную бумагу, проклеиваетъ ее и плотно прикладываетъ ко дну формы, стараясь при помощи особой палочки (ébauchoir или maillochе) вогнать размягченную бумагу во всѣ углубленія модели. Мать, настоящая артистка, собираетъ въ одно разрозненныя части грубыхъ оттисковъ, придаетъ имъ изящный видъ, прикрываетъ бумажными лентами пазы и щели. Затѣмъ начинается сушка въ особомъ маленькомъ аппаратѣ, который былъ устроенъ изъ стараго шкафа и подогрѣвается небольшой печкой. И такъ работа, упорная, непрерывная, нервнонапряженная, идетъ до полудня, значитъ, въ теченіи пяти часовъ, въ маленькой невыносимо жаркой и наполненной угаромъ сушильни комнаткѣ. Отъ 12 часовъ до часу перерывъ: рабочій улей подкрѣпляетъ свои силы наскоро проглоченной пищей. И снова работ-

ница проворно рветъ бумагу, снова опытныя руки хозяйки бѣгутъ отъ одной фигурки къ другой... Все жарче и удушливѣе становится въ комнаткѣ, которую печка наполняетъ окисью углерода, вызывающей тошноту и вѣчныя мигрени у работающихъ... Послѣ новой шестичасовой упряжки, часамъ къ семи вечера, опять перерывъ: ужинъ или, какъ называютъ здѣсь, обѣдъ, хотя это пышное названіе не особенно подходитъ къ торопливому проглатыванію пищи, которую при горячей работѣ семья обыкновенно не готовитъ сама, а беретъ въ плохенькомъ ресторанѣ. Къ тому времени приходитъ старшій сынъ, и вотъ еще разъ вся семья, уже проработавши 11 часовъ, присаживается къ столу и просиживаетъ за клейкой до полночи, до часу при обиліи заказовъ, передъ новымъ годомъ и того позже. Въ концѣ концовъ, работа беретъ у нашей семьи отъ 15 до $16^1/_2$ часовъ въ сутки, пища и отдыхъ 3 часа, и двуногой машинѣ остается лишь 6, а порою $4^1/_2$ часа, чтобъ возстановить свои силы. И загорается новый день, такой же длинный, такой же монотонный, и нѣтъ конца этой похоронной процессіи дней, пока эти истощенные работой люди не найдутъ отдыха и покоя, не отоспятся разъ въ жизни на какомъ-нибудь бѣдномъ кладбищѣ подъ Парижемъ ..

Посмотримъ же теперь на доходы нашей семьи. Въ 1891 г., читаемъ мы у Маруссема, они простирались до 3,957 фр.: столько получила вся семья отъ девяти различныхъ фабрикантовъ, или вѣрнѣе скупщиковъ, которымъ она поставила опредѣленное число заказанныхъ куколъ, лошадокъ и прочихъ фигурокъ. Но изъ этихъ 3,957 фр., представляющихъ валовой доходъ мастерской, надо вычесть матеріалъ, ремонтъ инструментовъ, плату постоянной работницѣ, плату работнику, временно принимаемому въ горячую пору, и пр. И оказывается, что собственно личный бюджетъ семьи простирается въ годъ лишь до 1,500 фр. или около 5 фр. въ день. Но въ Парижѣ, какъ извѣстно, фунтъ *) обыкновеннаго мяса для супа стоитъ отъ 60 сантимовъ до 1 фр., фунтъ коровьяго масла для кухни (поддѣльнаго, конечно) 1 фр. 40 с., 2 фунта хлѣба 45 сантимовъ, дюжина яицъ 1 фр. 20 с. Можете себѣ представить, какъ питается эта непокладающая рукъ семья! Замѣтьте, въ этомъ ремеслѣ мы имѣемъ дѣло не съ простыми поденщиками, а съ аристократіей рабочаго класса, аристократіей, конечно, не по платѣ, а по уму, артистическому вкусу, интеллектуальнымъ интересамъ; имѣемъ дѣло, какъ говоритъ Маруссемъ, съ «людьми, у которыхъ развитіе мозга не уступаетъ тѣмъ, кто отдѣленъ отъ нихъ богатствомъ».

Возьмемъ еще одинъ типичный примѣръ мелкаго труженика, фабрикующаго маленькихъ обезьянъ, искусно покрытыхъ шерстью, пріодѣтыхъ въ курточки и носящихъ на головѣ уморительную шляпу

*) Французскій фунтъ, составляющій полкилограмма или 500 граммовъ, почти на одну пятую больше русскаго, который равняется 409 граммамъ.

съ перомъ. Описываемая на этотъ разъ семья состоитъ изъ мужа, жены и четырехъ дочерей отъ 15 до 18 лѣтъ. Всѣ вмѣстѣ и живутъ и работоютъ въ небольшой комнатѣ на четвертомъ этажѣ одной изъ подозрительныхъ гостинницъ съ номерами, ютящихся у подножія Белльвиля, возлѣ улицы Св. Мора и бульвара Пармантье, гдѣ бѣдные, но безупречные рабочіе живутъ бокъ-о-бокъ съ ворами и убійцами. Удушающій жаръ печки, на которой готовится пища. Невообразимая тѣснота, такъ какъ большая половина комната занята желѣзной кроватью, буфетомъ, стульями, машиной для очистки шерсти, длиннымъ рабочимъ столомъ. И среди этихъ-то условій работаютъ съ ранняго утра и до поздней ночи шесть человѣческихъ существъ, стараясь хоть какъ-нибудь отстоять себя въ борьбѣ за жизнь отъ неумолимой конкурренціи такихъ же, какъ сами они, тружениковъ, работающихъ по заказу скупщиковъ и отъ времени до времени пытающихся сбыть издѣлія покупателю на святочной ярмаркѣ. Для нашей семьи, или, по крайней мѣрѣ, для отца съ матерью, нѣтъ ни праздниковъ, ни воскресеній; 11 часовъ напряженнаго труда каждый день на игрушки, кромѣ того отъ времени до времени еще нѣсколько дополнительныхъ часовъ, втеченіе которыхъ мужъ занятъ вырѣзываніемъ мелкой и изящной мебели, а жена отдѣлками изъ суташа. И что въ концѣ концовъ получаетъ за весь свой трудъ, недосыпанье и отсутствіе самыхъ ничтожныхъ удовольствій описываемая нами семья? 5000 франковъ въ годъ. Но изъ этого надо вычесть собственно расходы по мастерской: покупку матеріала (шерсти, перьевъ, бисера); плату за машину для очистки шерсти, такъ какъ машина эта стоитъ 600 фр., и ремесленникъ, не будучи въ состояніи купить ее, нанимаетъ ее за три франка въ день; плату работницамъ, сшивающимъ изъ трехъ шерстяныхъ цилиндриковъ тѣло обезьянки, и проч. и проч. За вычетомъ упомянутыхъ вещей, собственно годовой бюджетъ семьи оказывается равнымъ 2.100 фр., что составитъ 6 франковъ въ день. Изъ этого отъ $3^1/_2$ до 4 франковъ идетъ на пищу (хлѣбъ, вино, кофе, мясо), 1 франкъ на квартиру; остается отъ одного до полутора франковъ въ день на отопленіе, освѣщеніе, одежду, ремонтъ мебели и... развлеченія. За то скупщикъ, которому нашъ ремесленникъ продаетъ обезьянку среднимъ числомъ за 90 сантимовъ, беретъ въ свою очередь съ публики уже 1 фр. 75 сант. за игрушку *).

Остановимся еще на одной отрасли мелкой промышленности, которая имѣетъ громадное значеніе въ Парижѣ и особенно настойчиво заявляетъ о своемъ существованіи въ новогодній веселый сезонъ: я говорю о модисткахъ, швеяхъ и вообще многочисленной

*) l. c., стр. 176.

арміи женщинъ, добывающихъ себѣ пропитаніе иглой. Посмотримъ же, какъ живетъ эта часть населенія, благодаря которой парижанка сдѣлалась законодательницей модъ, а самъ Парижъ волшебной грезой для изящныхъ дамъ всего свѣта. Чтобы меня не заподозрили въ умышленномъ накладываніи слишкомъ черныхъ красокъ на эту отрасль промышленности, которая обыкновенно ассоціируется въ представленіи съ самыми радужными мечтаніями о балахъ, танцахъ, прелестныхъ барышняхъ и великолѣпныхъ кавалерахъ, я возьму въ руководители человѣка очень умѣреннаго образа мыслей, сотрудника серьезнаго Temps и противника «классовой ненависти». Такъ, по крайней мѣрѣ, аттестуетъ себя г. Шарль Бенуа, издавшій отдѣльной книгой свои газетныя статьи о швеяхъ въ Парижѣ *)

Мелкая форма производства, мастерская, является здѣсь несомнѣнно преобладающимъ типомъ промышленности. Относительно самыхъ знаменитыхъ дамскихъ портныхъ и модистокъ можно сказать, что ихъ заведенія лишь большія мастерскія; фабричнаго характера онѣ собственно не имѣютъ. А громадное большинство ихъ довольствуются даже тремя работницами. Какова же жизнь этихъ женщинъ и дѣвушекъ? Сколько и какъ онѣ работаютъ? Какую плату получаютъ? По собраннымъ Бенуа свѣдѣніямъ (замѣтьте, какъ по указаніямъ работницъ, такъ и хозяевъ), ремесло модистокъ и швей характеризуется, съ одной стороны, продолжительной безработицей, съ другой неимовѣрно-длиннымъ рабочимъ днемъ въ горячую пору. Модисткамъ очень мало дѣла лѣтомъ, въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ, когда значительное число парижанъ уѣзжаетъ на берегъ моря, на воды, въ деревню, и зимой, начиная съ 15 декабря и по конецъ января, послѣ безумной горячки, свирѣпствующей передъ праздниками. Но когда мастерская идетъ полнымъ ходомъ, работницамъ приходится порою отдавать хозяину 13, 13½, 14, 15, 16, 19½ часовъ труда въ сутки. Часто между двумя недѣлями, изъ которыхъ въ каждой насчитывается 80 часовъ, нѣтъ даже отдыха въ воскресенье. Во время преній (о запрещеніи ночного труда женщинъ) въ палатѣ депутатовъ, весною 1891 г., графъ Альбертъ де-Мэнъ, христіанскій соціалистъ, цитировалъ поражающіе факты эксплуатаціи швей при системѣ ночной работы (такъ называемой veillée). Семь часовъ вечера. Рабочій день кончается. Вдругъ хозяинъ или хозяйка объявляютъ безъ всякаго предупрежденія, что въ виду многочисленности заказовъ «сегодня будетъ ночная работа». Отказаться работницы не смѣютъ: дѣло пахнетъ потерей мѣста. И вотъ одна изъ швей второпяхъ спускается до ближайшей лавочки, покупаетъ для подругъ хлѣба, нѣсколько палочекъ шоколада, немного колбасы,—замѣтьте, хозяева за это не платятъ — и четверть часа спустя уже снова кипитъ работа, продолжаясь зачастую за пол-

*) Charlst Benoits. *Les ouvrières de l'aiguille à Paris*; Paris, 1895.

ночь. Но многимъ работницамъ отъ центральныхъ улицъ Парижа, гдѣ скучены лучшія мастерскія, и до рабочихъ кварталовъ, гдѣ живутъ онѣ сами, ходьбы цѣлый часъ. И вотъ, чтобъ не опоздать на слѣдующій день къ открытію мастерской утромъ, модистки остаются въ той же комнатѣ, гдѣ и работали, и засыпаютъ въ мучительныхъ позахъ, гдѣ кто попало, на стульяхъ, облокотясь на столъ, возлѣ вѣшалки, и пр. Извѣстны факты, гдѣ швеи работали до 28 часовъ подрядъ изъ-за каприза какой-нибудь важной барыни, торопящейся на великосвѣтскій балъ, или по спѣшной телеграммѣ милліонерши изъ Нью-Іорка или Чикаго. Напримѣръ, одинъ изъ знаменитыхъ дамскихъ портныхъ улицы Мира получаетъ въ четвергъ заатлантическую депешу: «вышлите мнѣ и моимъ сестрамъ съ ближайшимъ субботнимъ пароходомъ, отходящимъ изъ Гавра въ Нью-Іоркъ, столько то платьевъ. Черезъ 10 дней балъ у мистера такого-то, и мы должны быть тамъ въ свѣжихъ платьяхъ изъ Парижа». Мнѣ, конечно, нечего объяснять читателю, что у крупныхъ заказчицъ есть точный слѣпокъ съ ихъ бюста, таліи и прочихъ статей, который онѣ оставляютъ своему портному, уѣзжая изъ Парижа: хозяину остается только засадить своихъ швей на полторы сутки, чтобъ выполнить заказъ.

Замѣчу, что законъ 2 ноября 1892 г., который ограничиваетъ работу женщинъ 11 часами въ день (за исключеніемъ общей годовой суммы въ шестьдесятъ дней, въ теченіе которыхъ онѣ «могутъ» работать по двѣнадцати), — замѣчу, что законъ этотъ очень ловко обходится на основаніи декрета отъ 26 іюля 1893 г. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ декретъ разрѣшаетъ въ швейномъ, шляпочномъ, цвѣточномъ и т. п. ремеслахъ работу до 11 часовъ ночи. Не угодно ли вамъ теперь провѣрить, позднею ночью, въ запертой квартирѣ, дойти до которой вамъ удастся только послѣ ощутительныхъ промедленій, исполняется ли точно упомянутый декретъ? Спрашивается, что дѣлаютъ эти швеи? Бросили ли только сейчасъ запретную работу, или же наоборотъ — просто отдыхаютъ передъ тѣмъ, какъ отправиться домой?

Но оставимъ въ сторонѣ это. Каковы же размѣры заработной платы въ этой отрасли женскаго труда? Мы не будемъ говорить о знаменитыхъ артисткахъ ремесла, закройщицахъ (coupeuses) и примѣряльщицахъ (essayeuses), которыя въ первоклассныхъ мастерскихъ заработываютъ до 20.000 франковъ въ годъ. Это — исключительные геніи своего дѣла; передъ ними заискиваютъ дамы большого свѣта и полусвѣта. Мимоходомъ сказать, и эти артистки могутъ заработывать такія крупныя для женщины куши лишь лѣтъ до сорока. Оказывается, что позже у нихъ свѣжесть вкуса теряется, и эстетическій глазомѣръ утрачиваетъ свою тонкость и оригинальность. Но когда отъ этихъ Наполеоновъ иголки переходишь къ обыкновеннымъ, хотя и хорошимъ швеямъ, то сейчасъ же наталкиваешься на несоразмѣрно малую плату. Лучшія изъ обыкновенныхъ швей

зарабатываютъ въ день среднимъ числомъ 3 фр. 70, среднія 2 ф. 50, ученицы 1 ф. 50; бѣлошвейки отъ 1 ф. 75 до 2 ф. 50, рѣдко выше. Бѣлошвейки, работающія черезъ посредниковъ на громадные базары, въ родѣ Лувра и Бонмарше, не могутъ, буквально убиваясь надъ работой, подняться выше 1 ф. 25 въ день или, считая безработицу, отъ 80 до 90 сантимовъ въ день. Но эту послѣднюю сумму мѣшочницы получаютъ лишь въ лучшемъ случаѣ, а въ худшемъ принуждены довольствоваться 75 и даже 60 сантимами за 16-часовой день поштучной работы. Для того, чтобы читатель яснѣе представилъ себѣ, какова можетъ быть жизнь этихъ несчастныхъ въ дорогомъ Парижѣ, я приведу здѣсь, на основаніи данныхъ у Шарля Бенуа, подробную таблицу ихъ годового бюджета. Беремъ заурядную швею, работающую надъ верхнимъ женскимъ платьемъ и получающую въ день 1 ф. 25, а за 300 рабочихъ дней въ году 375 франковъ: это ея приходъ! Теперь расходъ:

	Фр.	Сант.
Квартира въ годъ	100	—
1 платье за 5 фр.	5	—
1 косынка за 2 фр.	2	—
2 пары чулокъ по 65 сант.	1	30
2 рубашки по 1 ф. 25	2	50
1 кофта за 1 ф. 25	1	25
2 носовыхъ платка по 40 сант.	0	80
2 салфетки по 40 сант.	0	80
Освѣщеніе въ годъ	4	—
Итого.	125	65

На пищу, стало быть, остается 250 фр. въ годъ, или по 65 сантимовъ въ день. И вотъ какой разносолъ получается ежедневно за эти деньги:

	Сант.
Молока утромъ на	5
Хлѣба (на цѣлый день)	20
Кровяной колбасы, въ полдень	10
Жаренаго картофеля	5
Сыру	10
Соснска, вечеромъ	10
Жаренаго картофеля	5
Итого.	65

А теперь пусть г. Кларети прислушается къ слѣдующимъ словамъ своего собрата по газетѣ, умѣреннаго и аккуратнаго г. Бенуа:

«Итакъ, бюджетъ въ равновѣсіи! Да, конечно, въ равновѣсіи! Но наступила зима: холодъ! Пришла безработица: голодъ! Случилась болѣзнь: смерть! И вотъ тѣмъ не менѣе на какую жизнь обрекаютъ себя эти святыя женщины, тѣ, которыя умѣютъ подчиняться судьбѣ.

А другія, которыя не подчиняются, избираютъ другое несчастіе»... *).

Позвольте, читатель, заключить мнѣ этотъ параграфъ кой-какими личными наблюденіями. Изъ оконъ задней половины моей квартиры мнѣ пришлось быть въ теченіе года невольнымъ свидѣтелемъ жизни двухъ такихъ женщинъ: матери и дочери. Матери было лѣтъ около сорока, дочери около пятнадцати. Квартирка помѣщалась въ маленькомъ мезонинѣ, который хозяинъ дома перестроилъ на дворѣ изъ стараго сарая, и состояла изъ одной комнаты безъ камина и съ тонкими, въ двѣ доски, стѣнами. Можете представить себѣ, какой холодъ царилъ зимой въ этомъ помѣщеніи, нагрѣваемомъ купленной жильцами же чугунной печкой, труба которой была пропущена прямо въ стѣну на дворѣ; и что за вѣчный чадъ стоялъ въ комнатѣ, изъ которой жилицы никогда почти не выходили на воздухъ. Зимой или лѣтомъ ихъ прогулки ограничивались тѣмъ, что мать или дочь по очереди, разъ въ недѣлю, ходили набирать работу въ Бонмарше: онѣ шили мѣшки и «подрубали» нисшіе сорта платковъ и простынь,—или же выбѣгали каждый день на нѣсколько минутъ на улицу, чтобъ купить кусокъ печенки, картофелю или капусты у провозившей эти припасы торговки. Питались онѣ главнымъ образомъ супомъ изъ овощей, куда клался маленькій кусокъ коровьяго масла и верхомъ набивался хлѣбъ: говядины я никогда у нихъ не видалъ. На пищу у нихъ не выходило и часу въ день; все время онѣ работали, и какъ работали? При одномъ воспоминаніи объ этомъ у меня сжимается горло, и краска стыда выступаетъ на щекахъ, когда приходится сравнивать съ этой работой свой трудъ «умственнаго пролетарія». Бывало, приходилось порой засиживаться за полночь: подходишь къ окну и видишь, среди темноты двора, одиноко мерцающую лампу и два мертвенно-блѣдныхъ лица, наклонившихся надъ столомъ въ мансардѣ. Иногда случалось просыпаться ночью часа въ четыре—пять зимой: мать и дочь уже встали и торопливо проглатывали какую-то дымящуюся жидкость,—вѣроятно цикорный кофе. Наканунѣ большихъ праздниковъ, Рождества, Пасхи, онѣ совсѣмъ не ложились. И цѣною этой каторжной жизни онѣ зарабатывали въ день вдвоемъ отъ 1 ф. 50 до 2 фр.,—въ годъ немногимъ болѣе 600 фр., изъ которыхъ 120 фр. платилось за квартиру. Въ жизни этихъ существъ была единственная сторона, которая напоминала, что все же они—не стальныя машины, а люди, у которыхъ есть нервная система и, стало быть, свойство страдать и наслаждаться: каждый день, послѣ жалкаго обѣда, мать становилась за табуретомъ своей некрасивой горбатой дѣвочки и съ четверть часа расчесывала густые черные волосы дочери. Это было ихъ единственное развлеченіе, время отдыха, въ теченіе котораго онѣ удовлетворяли свои нравственныя, умственныя и эсте-

*) Ch. Benoist, l. c., p. 115.

тическія потребности, ихъ опера, ихъ концертъ, радужная сказка ихъ сѣрой безпросвѣтной жизни. И думается мнѣ, что изъ-за этой четверти часа, въ теченіе которой онѣ разговаривали другъ съ другомъ не о работѣ, а о самихъ себѣ, о своихъ впечатлѣніяхъ, дѣлились мыслями и чувствами, словомъ, были людьми, а не машинами,—изъ-за этой четверти часа онѣ и жили на свѣтѣ: стоило посмотрѣть въ этотъ моментъ на ихъ сіявшія радостію и счастіемъ безкровныя, болѣзненныя лица! И еслибъ я былъ романистомъ, и романистомъ изъ категоріи «жестокихъ талантовъ», я бы написалъ повѣсть объ этихъ новыхъ волосахъ Вероники: разсказалъ бы, какъ заболѣла мать, какъ дочь принуждена была продать свою косу, и какъ вдругъ потеря этого символа чисто-человѣческихъ отношеній между матерью и дочерью наполнила ихъ душу ужасомъ, раскрыла имъ пустоту ихъ машиннаго существованія и бросила ихъ въ мутныя волны Сены...

Читатель уже нѣсколько разъ долженъ былъ обратить вниманіе на роль скупщиковъ и посредниковъ, которые наложили тяжелую руку на мелкихъ промышленниковъ, описываемыхъ нами. И дѣйствительно, цѣлыя отрасли этой промышленности страдаютъ не отъ конкурренціи крупнаго производства, а отъ эксплуатаціи ремесленника крупнымъ торговымъ капиталомъ, зачастую гигантскимъ базаромъ. Вы удивляетесь напр., на распродажахъ бѣлья въ Бонмарше дешевизнѣ пеньюаровъ, кофточекъ и т. п. вещей, которыя вы можете купить за два съ половиной франка. Въ головѣ вашей уже возникаетъ традиціонное представленіе объ огромной фабрикѣ, о могущественныхъ машинахъ, которыя выбрасываютъ на рынокъ всѣ эти вещи сотнями и тысячами и съ которыми, конечно, не можетъ бороться мелкій производитель. Вы ошибаетесь. Бонмарше получаетъ большинство этихъ вещей не отъ крупныхъ фабрикантовъ, а изъ рукъ мелкихъ посредницъ, которымъ онъ платитъ за каждую кофточку около 1 ф. 10 сант. А эти посредницы находятъ въ свою очередь совсѣмъ несчастныхъ швей, въ родѣ описанныхъ нами, которыя соглашаются выполнить заказъ уже за 50 сантимовъ отъ штуки, дѣлая въ день двѣ съ половиной такихъ кофточки и оставляя въ пользу посредницы цѣлыхъ 60 сантимовъ. И получается въ концѣ концовъ та ужасная система эксплуатаціи мелкой промышленности, которая въ Англіи называется энергичнымъ словомъ «Sweating System», системой «высасыванія пота», и которая позволяетъ жить на тѣлѣ рабочаго класса множеству паразитовъ, начиная отъ нѣсколькихъ громадныхъ торговыхъ магазиновъ и кончая цѣлой тучей мелкихъ піявокъ. Но соціальная роль гигантскихъ базаровъ не такъ проста, чтобъ ее можно было свести къ одной такой эксплуатаціи; потому о крупныхъ магазинахъ мы поговоримъ подробно когда-нибудь въ другой разъ.

Только что умеръ поэтъ Верлэнъ, въ которомъ непризнанные геніи изъ декадентовъ видятъ своего родоначальника и во всякомъ случаѣ одного изъ крупныхъ боговъ ихъ туманнаго Олимпа. Я не думаю останавливаться на его біографіи; не намѣренъ подвергать подробной оцѣнкѣ и его произведенія. Но въ моментъ, когда мутная волна декадентства начинаетъ докатываться и до Россіи и грозитъ то здѣсь, то тамъ захлестнуть лучшія пріобрѣтенія нашей гуманной, широкочеловѣческой литературы 60-хъ и 70-хъ годовъ,— не мѣшаетъ, говорю я, въ такія времена сказать нѣсколько словъ о Верлэнѣ, одномъ изъ самыхъ яркихъ и типичныхъ представителей болѣзненной и противообщественной литературы. Еслибы наши господа декаденты путемъ вдумались въ писательскую дѣятельность умершаго, они, можетъ быть, девять разъ схватились бы за перо и одинъ разъ... положили бы его окончательно въ сторону, прежде чѣмъ писать о зеленомъ гнѣвѣ и голубыхъ звукахъ флейты. Дѣйствительно, Верлэнъ былъ несомнѣнный талантъ, такой талантъ, что кой-какія изъ его вещей прямо поражаютъ неподражаемой прелестью формы и искренностью разлитаго въ нихъ чувства. Я напомню лишь его знаменитое стихотвореніе (я забылъ его названіе), начинающееся словами: «долгія рыданія скрипокъ осени ранятъ мое сердце какой-то монотонной томностью»; нѣкоторыя мѣста въ его раннемъ сборникѣ «Хорошая пѣсня» (Bonne chanson), который привелъ во время оно въ восторгъ самого Гюго и воспѣвалъ между прочимъ, какъ «утреннее солнце тихо грѣетъ и золотитъ еще влажную рожь и пшеницу, и лазурь неба сохранила еще свою ночную свѣжесть», наконецъ его «Обычную грезу», первый куплетъ которой читается такъ: «Часто меня посѣщаетъ страшная и глубоко-проникающая (pénétrant) греза о незнакомой женщинѣ, которую будто я люблю и которая меня любитъ, и которая всякій разъ и не совсѣмъ одна и та же, и не совсѣмъ другая, и которая любитъ меня и меня понимаетъ». Надо, впрочемъ, читать эти вещи въ подлинникѣ, чтобъ вполнѣ насладиться мелодіей стиха, а особенно искренностью сердечныхъ движеній, выраженныхъ поэтомъ. Я напираю на послѣднее, ибо французская поэзія, говоря вообще, черезчуръ разсудочна, зачастую риторична, и богатство ея образовъ говоритъ прежде всего воображенію, а не чувству.

И что же, несмотря на весь свой талантъ, до котораго массѣ декадентовъ какъ до звѣзды небесной далеко, Верлэнъ мало оставляетъ по себѣ чего достойнаго перейти въ общую сокровищницу поэзіи. Обратите вниманіе, какой маленькій томикъ вышелъ изъ его «Избранныхъ стихотвореній», которыя были высѣяны, такъ сказать, критикой его друзей вродѣ Франсуа Коппэ, Катулла Мандеса, Анри Боэра и т. п. хорошихъ цѣнителей изъ десяти томовъ его всевозможныхъ «Сатурновскихъ поэмъ», «Любовныхъ пиршествъ», гимновъ «Мудрости», и пр. Присмотритесь къ этимъ стихотвореніямъ: большинство ихъ написано прекраснымъ французъ-

скимъ языкомъ; идеи, заключающіяся въ нихъ, очень просты, порою даже вульгарны; оттѣнки чувствованій, правда, переданы иногда очень тонко, но сами эти чувства въ основѣ ихъ, что называется, встрѣчаются на каждомъ шагу на улицѣ, раздѣляются первымъ попавшимся французомъ. Что это значитъ? А то, что если Верлэнъ перейдетъ въ потомство, то не въ качествѣ декадента, вымучивающаго изъ себя невозможныя ассоціаціи идей, дикія ощущенія и педантически-умышленныя ошибки противъ этимологіи и синтаксиса, а въ качествѣ искренняго, порою наивнаго выразителя обыкновенныхъ, зачастую рутинныхъ воззрѣній и чувствованій толпы, отъ которой онъ отличается лишь оригинальной разработкой деталей.

Что касается до общаго впечатлѣнія отъ поэтическихъ произведеній Верлэна, взятыхъ въ цѣломъ, то, по моему мнѣнію, оно таково. Болѣзненный талантъ, плывущій безъ руля и вѣтрилъ, безъ всякаго умственнаго и нравственнаго компаса по мелкому и мутному морю личныхъ ощущеній. Наивный цинизмъ испорченнаго цивилизаціей дикаря, который не стыдится прибѣгать къ культурному языку для изображенія самыхъ низменныхъ инстинктовъ и отправленій нервной системы. Временное сознаніе всей безстыдности и безтактности этой исповѣди и вытекающіе отсюда два исхода: замѣна наивнаго цинизма цинизмомъ сознательнымъ, педантичнымъ, позирующимъ, съ цѣлью выдѣлить себя изъ общей морали, какъ декадентскаго генія; или же искреннее, но мимолетное раскаяніе и исканіе спасенія на почвѣ рутиннаго, чисто-обрядоваго католицизма. Не говорилъ-ли Верлэнъ объ этихъ своихъ противорѣчіяхъ отъ лица нѣкоего «бѣднаго Леліана»: «Но при чемъ же тутъ единство пропагандируемой мысли? Да оно именно и на лицо здѣсь Оно— здѣсь съ точки зрѣнія человѣческой, съ точки зрѣнія католической, что въ нашихъ глазахъ одно и то же. Я вѣрую и грѣшу и помышленіемъ и дѣлами; я вѣрую и раскаиваюсь мысленно, въ ожиданіи лучшаго. Или, говоря иначе, я вѣрую и являюсь добрымъ христіаниномъ въ этотъ моментъ; минуту спустя, я вѣрую, но уже являюсь плохимъ христіаниномъ» (см. его «Poètes maudits»). Ничѣмъ несдерживаемая чувственность воображенія, именно не столько тѣла, сколько воображенія; и гимны католической церкви, замаливаніе грѣховъ этого распаленнаго воображенія у ногъ католической «Мудрости»: вотъ двѣ музы Верлэна. Уже въ 1881 г. Верлэнъ каялся въ стихахъ, носящихъ какъ разъ это послѣднее заглавіе, «у подножія давно забытаго было алтаря». Но это не помѣшало ему въ стихотвореніи «Les coquillages» воспѣвать подъ видомъ раковинъ... вещь, къ которой вѣчно стремится воображеніе эротомана. А въ сборникѣ, носящемъ знаменательное названіе «Параллельно» (т. е. параллельно съ католическимъ міровоззрѣніемъ и порывами раскаянія автора), Верлэнъ преспокойно пытался

идеализировать лесбійскій грѣхъ *) и.... скажемъ, чувства воиновъ священнаго ѳивскаго легіона **).

Для характеристики же Верлэна, какъ человѣка, интересна его «Исповѣдь», вышедшая нынѣшнимъ лѣтомъ. Я не хочу сказать, что въ этой Исповѣди читатель найдетъ настоящаго Верлэна. По моему мнѣнію, авторъ, цѣною ужасныхъ безтактностей и ни къ чему не ведущихъ циничныхъ признаній, пытается лишь представить себя передъ читателемъ вполнѣ откровеннымъ, а можетъ быть даже и самъ обманываетъ себя. Но что онъ старается скрыть— и плохо скрываетъ —такъ это его чисто дѣтское восхищеніе своей геніальностью, геніальностью, которая, во мнѣніи автора, очевидно даетъ ему право признаться въ злоупотребленіи.... обычнымъ грѣхомъ закрытыхъ заведеній ***), или печатать эротическія стихотворенія, которыя онъ писалъ своей невѣстѣ наканунѣ свадьбы ****), или каяться въ своихъ поползновеніяхъ на горничную,—замѣтьте въ то время, какъ въ Парижѣ коммунары дрались съ версальцами, и зловѣщее зарево пожара высоко поднималось надъ великимъ городомъ.

Но я не хочу кончить свою статью жесткимъ словомъ надъ свѣжей могилой. Мнѣ искренно жаль бѣднаго талантливаго полуребенка, полу-дикаря, который дожилъ до пятидесяти пяти лѣтъ и причинилъ мало кому зла, кромѣ себя. И мнѣ хотѣлось бы сказать ему въ напутствіе: ты умеръ, «бѣдный Леліанъ», и унесъ въ могилу твои личные недостатки, твои слабости... Пусть же возстанетъ изъ гроба твой просвѣтленный образъ, образъ талантливаго человѣка, павшаго жертвой разъѣдающаго насъ общественнаго индифферентизма. Пусть онъ скажетъ намъ, что каждый изъ насъ,— съ талантомъ или безъ таланта,—но долженъ выработать себѣ опредѣленное общественное убѣжденіе и неуклонно служить ему. Пусть онъ напомнитъ намъ, что выше поэтическаго творчества стоитъ творчество общественное и упоительнѣе всякой поэзіи—поэзія борьбы за идеалъ...

Н. К.

---

*) Paul Verlaine *Parallélement*; Paris, 1889, см. на стр. 7—18 семь стихотвореній, носящихъ общее названіе «Les amies».

**) Ibid., стихотвореніе «Ces passions» на стр. 97—99.

***) Paul Verlaine, *Confessions, Notes autobiographiques*; Paris. 1895, стр. 88.

****) Ibid., стр. 199—200.

Изъ Германіи.

Въ Германіи рядомъ съ названіемъ «реалистовъ» употребительно названіе «die Modernen». Real и Modern въ сущности несоизмѣримыя понятія. Но въ процессѣ литературнаго творчества эти два понятія оказались органически неразрывными, другъ друга дополняющими. Для писателя съ реалистическимъ складомъ ума и таланта реальное, дѣйствительное заключено только въ современномъ; прошлое онъ способенъ познать лишь абстрактно, съ помощью науки, а будущее можетъ представить себѣ лишь съ помощью фантазіи. Одна только современность конкретна и объективно существуетъ, и только изъ сознанія современной дѣйствительности можетъ вырости реалистическое произведеніе.

Еще недавно, какихъ-нибудь 6—7 лѣтъ тому назадъ, литературная критика и даже поэзія стараго стиля призывали громы и молніи на молодое литературное направленіе Германіи. Достаточно для примѣра назвать бреславльскаго профессора и поэта Феликса Дана, который въ 4-мъ выпускѣ своихъ стихотвореній въ цѣломъ рядѣ эпиграммъ ополчается на современныхъ реалистовъ—Ибсена, Зола,—спеціально-же на своихъ домашнихъ новаторовъ и свою филиппику заключаетъ слѣдующимъ мало поэтическимъ кличемъ:

Hoch, dreimal hoch die Poesei
Und nieder mit der Schweinerei!

За послѣднее время обстоятельства измѣнились существеннымъ образомъ. «Молодая Германія» не только заставляетъ себя слушать, но и вся современная литературная критика находится въ ея рукахъ. Мало того: среди самихъ господъ нѣмецкихъ профессоровъ, которые, кстати сказать, по какому-то капризу законовъ умственной жизни плетутся обыкновенно въ хвостѣ умственнаго движенія «народа мыслителей и поэтовъ»,—даже среди нѣмецкихъ профессоровъ нашлись теперь люди, берущіе нѣкогда опальныхъ Modernen подъ свою патентованную защиту. Литература современныхъ нѣмецкихъ реалистовъ пріобрѣла даже академическую правоспособность, и этому обстоятельству мы обязаны интересной книгой проф. Лицмана *), составленной изъ лекцій, читанныхъ въ боннскомъ университетѣ. Правда, и въ этой книгѣ, — вообще проникнутой крайней національной тенденціей,—мы встрѣчаемъ вспышки глубокаго негодованія противъ интернаціональнаго источника нѣмецкаго реализма и натурализма, противъ заразы отечественной

*) Das deutsche Drama in den litterarischen Bewegungen der Gegenwart. 1894.

литературы золаизмомъ, ибсенизмомъ, скандинавизмомъ вообще. Тонъ возмущенія проф. Лицмана всѣми этими измами не уступаетъ порой тому ужъ ни съ чѣмъ не сообразному враждебному чувству, который мы встрѣчаемъ въ появившейся нѣсколько раньше книгѣ Эрвина Бауера *), посвященной натурализму въ русской литературѣ и его вліянію на современную литературу нѣмецкую.

Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ я со словъ Германа Зудермана вкратцѣ останавливался на характеристикѣ всѣхъ указанныхъ вліяній. Какъ ни заманчива мысль подробнѣе развить положенія, лишь схематически намѣченныя въ рефератѣ Зудермана, но въ интересахъ собственнаго предмета настоящаго письма приходится экономнѣе распоряжаться предоставленными мнѣ страницами.

Какую цѣль ставитъ себѣ то литературное движеніе, которое принято здѣсь называть современнымъ реализмомъ? Всѣ согласны въ томъ, что это движеніе, со всѣми его уклоненіями и уродливостями, выросло изъ духа времени, изъ особенностей переживаемой эпохи. Являясь противодѣйствіемъ запоздалымъ теченіямъ жизни и устарѣвшимъ идеямъ, реализмъ въ нѣмецкой литературѣ даетъ себя чувствовать по двумъ главнымъ направленіямъ: во-1-хъ, какъ реакція противъ убогихъ эпигоновъ классицизма, утратившаго всякую связь съ дѣйствительностью, и во-2-хъ, какъ противодѣйствіе романтизму архивныхъ романовъ и поэзіи, черпающихъ свое вдохновеніе въ сорной кучѣ безразличнаго прошлаго. Какъ то, такъ и другое культивируется еще въ широкихъ размѣрахъ и по настоящее время.

Реализмъ въ нѣмецкой литературѣ, который во времена Гейне, Гуцкова и Лаубэ былъ въ значительной степени пропитанъ романтическими ингредіентами, и послѣ нихъ долгое время не находилъ себѣ ни программной формулировки, ни опредѣленной школы. Лишь въ 80-хъ годахъ онъ сдѣлался снова замѣтнымъ явленіемъ. Въ этой новѣйшей формѣ нѣмецкая литература заимствовала его у литературы молодой Франціи, молодой Скандинавіи и у Россіи. Современное литературное движеніе въ Германіи, взятое въ самыхъ общихъ чертахъ и главнѣйшихъ фазисахъ, представитъ приблизительно слѣдующую картину. Въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ появилась на литературной сценѣ совершенно оригинальная разновидность реализма, которая не можетъ быть сведена ни къ французскимъ, ни къ русскимъ, ни къ скандинавскимъ образцамъ и которую нѣкоторые критики характеризуютъ какъ умѣренный реализмъ **). Протестъ противъ всѣхъ рутинныхъ и дутыхъ прісмовъ въ литературѣ и жизни, сознательное заступничество за передовыя идеи времени—составляли основныя требованія указаннаго направ-

*) Naturalismus und Idealismus in der russischen Dichtung 1890.

**) Das Prinzip des Modernen in der heutigen deutschen Richtung von Ernst Ziel. 1895.

ленія. Это направленіе не признавало, однако, того техническаго постулата строгаго реализма, который заключается въ точномъ воспроизведеніи дѣйствительности; напротивъ: представители «умѣреннаго реализма» рядомъ съ дѣйствительнымъ давали просторъ и фантастическимъ и символическимъ элементамъ. Лишь небольшая кучка молодыхъ талантливыхъ писателей, какъ, напр., братья Гартъ, Вольфгангъ Кирхбахъ,—сгруппировалась въ то время около новаго литературнаго знамени.

Гораздо болѣе широкимъ потокомъ разлилось другое литературное теченіе, которое обнаружилось около 1882—83 гг. и къ которому пріурочивается названіе подлиннаго нѣмецкаго реализма. Подобно первой, и эта группа признаетъ главнѣйшей своей задачей художественное воспроизведеніе современныхъ идей и теченій въ опредѣленныхъ образахъ и дѣйствіяхъ,—но такихъ, которые, будучи совершенно свободны отъ фантастической и символической оболочки, даютъ ясную, строго очерченную картину дѣйствительности. Около ежемѣсячнаго журнала «Gesellschaft» группируются главные представители этого направленія: М. Конрадъ, Карлъ Блейбтрей, Максъ Крецеръ, Германъ Зудерманъ, Отто Бирбаумъ, Конрадъ Альберти, Францъ Гельдъ и др. Опираясь во многихъ отношеніяхъ на свой французскій образецъ—Э. Зола, они отрицаютъ за художникомъ право—свои субъективные идеалы переносить на реальную дѣйствительность и тѣмъ самымъ, какъ они полагаютъ, рисковать вѣрностью изображенія жизни. Съ другой стороны, реалисты этого направленія утверждаютъ, что задачей искусства отнюдь не можетъ и не должно служить воспроизведеніе голой дѣйствительности, не поддающейся проникновенію художественной идеей, т. е. простое протоколированіе и фотографированіе людей и явленій. Это протоколированіе и фотографированіе жизненныхъ явленій составили основной символъ вѣры третьей группы нѣмецкихъ реалистовъ, объявившихся въ концѣ 80-хъ годовъ и получившихъ названіе «консеквентныхъ». «Консеквентные» обратили на себя вскорѣ всеобщее вниманіе, сосредоточившись около основаннаго въ 1890 г. журнала «Freie Bühne für modernes Leben», изъ еженедѣльнаго органа постепенно развивавшагося въ ежемѣсячное изданіе съ новымъ подзаглавіемъ: «Neue deutsche Rundschau». Арно Гольцъ, Іоганесъ Шлафъ—вотъ, между прочимъ, самые консеквентные изъ консеквентныхъ представителей послѣдней группы реалистовъ или, вѣрнѣе, натуралистовъ.

Нѣсколько особнякомъ, хотя и въ близкомъ сродствѣ со всѣми указанными направленіями, стоитъ теперь молодой и чрезвычайно даровитый драматургъ, котораго, при первомъ его появленіи, фанатики литературнаго переворота съ шумнымъ ликованіемъ подняли на пьедесталъ неподдѣльнаго крайняго натурализма, а сторонники консервативныхъ теченій съ глубокимъ возмущеніемъ объявили гнуснымъ порожденіемъ выродившагося искусства. Я разумѣю

Гергарта Гауптмана, котораго первая драма «Vor Sonnenaufgang» при ея постановкѣ на сценѣ «вольнаго театра» въ Берлинѣ въ 1889 г. вызвала неслыханную до того бурю въ самыхъ разнообразныхъ литературныхъ кругахъ. По мѣрѣ же того какъ вслѣдъ за первой драмой аккуратно каждый годъ появлялось по новому произведенію Гауптмана, нѣмецкая литература безъ различія лагерей увидѣла себя вынужденной пристальнѣй заняться этой оригинальной фигурой въ средѣ писателей молодой школы.

Оригинальный складъ таланта Гауптмана не подлежитъ никакому сомнѣнію. Это натура, обладающая большой долей самоотныхъ дарованій, доступная внѣшнимъ вліяніямъ, но остающаяся всегда вѣрной самой себѣ. Эта сила его натуры ставитъ его неизмѣримо выше большинства нѣмецкихъ натуралистовъ. Подобно этимъ послѣднимъ и Гауптманъ, правда, отдалъ,—особенно въ первыхъ двухъ драмахъ,—должную дань Ибсену, который, со времени постановки своихъ «Опоръ общества» въ концѣ 70-хъ годовъ въ Берлинѣ, сдѣлался могучимъ властителемъ думъ нѣмецкой драматургіи и литературы. Въ «Vor Sonnenaufgang», названной Гауптманомъ «соціальной драмой», и въ «Das Friedenfest», имѣющей подзаглавіе «фамильная катастрофа», дважды примѣненъ мотивъ наслѣдственной патологіи и семейнаго порока съ ужасной наглядностью и педантической детальностью. Въ этихъ двухъ драмахъ вліяніе автора «Норы» и «Доктора Штокмана» очевидно, но уже здѣсь бьетъ ключомъ собственная мощь Гауптмана. Это было то горнило, черезъ которое закаленнымъ вышелъ авторъ «Ткачей» и «Ганнеле». И какимъ счастливымъ, симпатичнымъ образомъ закалился этотъ талантъ! Съ рѣдкимъ художественнымъ безпристрастіемъ онъ, рядомъ съ людьми, воплощающими его собственные этическіе и соціальные идеалы, рисуетъ представителей враждебнаго ему міровоззрѣнія. Силу непосредственныхъ движеній сердца онъ не колеблясь ставитъ какъ равноправный факторъ въ душевныхъ конфликтахъ съ выразителями высшаго интелектуальнаго развитія. Въ противуположность многимъ своимъ сверстникамъ-натуралистамъ, онъ способенъ рисовать чистые женскіе типы, чистую сердечную привязанность и всю силу непосредственнаго религіознаго чувства.

Гауптману теперь 34-ый годъ. Онъ родился въ горной Силезіи, гдѣ отецъ его былъ содержателемъ отеля, а дѣдъ простымъ ткачомъ. Еще юношей онъ почувствовалъ въ себѣ сильное тяготѣніе къ театру и искусству вообще. Дѣтское представленіе «Гамлета» такъ запечатлѣлось въ его существѣ, что свою первую драму «Vor Sonnenaufgang» онъ посвящаетъ автору «Papa Hamlet» «самому консеквентному реалисту Бьярне Голмсену». Подъ этой скандинавской фирмой скрываются помянутые выше нѣмецкіе писатели крайняго натуралистическаго направленія Гольцъ и Шлафъ. Движимый своей любовью къ искусству, Гауптманъ прежде всего поступаетъ въ художественную академію въ Бреславлѣ. Академія его не удо-

влетворяетъ. Онъ бросаетъ ее и направляется въ Іену, чтобы, подъ преобладающимъ руководствомъ Геккеля, заняться изученіемъ естественныхъ наукъ. Спустя нѣкоторое время онъ бросаетъ Іену и направляется въ Италію, чтобы возобновить свои занятія искусствомъ. Тяжелая болѣзнь вынуждаетъ его снова бросить живопись и скульптуру. Здѣсь, во время продолжительнаго процесса выздоровленія, онъ впервые дѣлаетъ поэтическіе опыты, которые все сильнѣе приковываютъ къ себѣ его вниманіе. Матеріальная нужда и старая любовь къ театру ведутъ его еще на время на подмостки, гдѣ въ теченіи своей актерской дѣятельности онъ пріобрѣлъ и то знаніе сцены, которое ему пригодилось для его послѣдующей дѣятельности въ качествѣ драматурга. Его пытливый живой умъ еще не скоро останавливается на чемъ-нибудь опредѣленномъ. То онъ опять изучаетъ искусство въ Дрезденѣ, то штудируетъ науку и знакомится съ жизнью въ Берлинѣ. Тѣмъ временемъ, онъ женится, но все еще не остепеняется. Напротивъ того, онъ предпринимаетъ рядъ поѣздокъ по Германіи и за-границей, расширяетъ тѣмъ самымъ кругъ своихъ знаній и наблюденій, съ глубокимъ интересомъ отдается знакомству съ соціальнымъ вопросомъ, съ соціальнымъ движеніемъ и его главными представителями. До постановки драмы «Vor Sonnenaufgang», слѣдовательно до 1889 г., имя Гауптмана было извѣстно лишь небольшому кругу читателей. Въ настоящее время онъ популярнѣйшій изъ драматурговъ Германіи. На художественныхъ выставкахъ Берлина, Мюнхена и Венеціи въ прошлое лѣто можно было видѣть превосходный портретъ молодого писателя. Юношеское, совершенно бритое лицо, съ высокимъ красивымъ лбомъ, съ ясными пытливо вдаль устремленными глазами, проникнутыми выраженіемъ чисто-дѣтской доброты. Въ благородныхъ чертахъ лица Гауптмана многое напоминаетъ его благороднѣйшаго предшественника въ нѣмецкой поэзіи—Фридриха Шиллера.

Гауптману было всего 23 года, когда онъ впервые выступилъ на литературное поприще. Въ 1885 г. появилась его стихотворная поэма «Удѣлъ Прометеидовъ» (Promethidenlos), носящая на себѣ яркій отпечатокъ еще не установившихся, не перебродившихъ силъ молодого писателя. Герой этой юношеской поэмы—поэтъ погибаетъ въ поискахъ опредѣленнаго міровоззрѣнія. Охваченный отчаяніемъ, онъ разбиваетъ свою лиру о скалу и бросается въ пучину моря. При всей неотдѣланности, расплывчатости формъ и образовъ, поэма Гауптмана обнаруживаетъ мѣстами необыкновенную силу выраженія и выдающійся полетъ мысли. Въ общемъ, она представляетъ міровую скорбь человѣка, не нашедшаго еще твердой точки опоры для своей жизни. Послѣ появленія драмы «Vor Sonnenaufgang» Гауптманъ распорядился объ уничтоженіи оставшихся еще экземпляровъ своего литературнаго первенца. Въ слѣдующіе 3—4 года Гауптманъ написалъ лишь нѣсколько стихотвореній, кромѣ того, разсказъ «Апостолъ» и повѣсть «Стрѣлочникъ Тиль». Эти послѣд-

нія двѣ вещи Гауптмана, да еще его драмы «Одинокіе люди» (Einsame Menschen) и «Ганнеле» переведены и на русскій языкъ.

Между тѣмъ, литература, жизнь, наука продолжали оказывать на Гауптмана свое вліяніе, туманные, неясные порывы постепенно разсѣеваются и на ихъ развалинахъ начинаютъ выростать сознательныя стремленія къ реальнымъ цѣлямъ творчества. Эти послѣднія группируются, главнымъ образомъ, около трехъ пунктовъ: около соціальныхъ идеаловъ, какъ основного мотива современной общественно-политической жизни; около научныхъ результатовъ современнаго естествознанія и около реализма, какъ художественнаго метода литературнаго творчества. Къ этому присоединяется еще преобладающій интересъ къ судьбамъ среднихъ и низшихъ слоевъ народа.

Д-ръ Отто Брамъ—теперешній директоръ «Нѣмецкаго театра» въ Берлинѣ игралъ въ судьбѣ Гауптмана очень важную роль. До своей театральной дѣятельности, въ качествѣ директора, Брамъ занимался литературой и литературной критикой. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ основателей упомянутаго выше журнала «Freie Bühne für modernes Leben», онъ же участвовалъ въ созданіи «Общества вольнаго театра» (Verein Freie Bühne), который имѣлъ цѣлью доставлять независимую сцену для постановки «современныхъ» пьесъ, печатавшихся въ журналѣ того же имени, или не находившихъ доступа къ оффиціальнымъ подмосткамъ. И большинство произведеній Гауптмана, раньше чѣмъ завоевали себѣ общее признаніе, впервые увидѣли свѣтъ на страницахъ «Freie Bühne» и на подмосткахъ «вольнаго театра». Исключеніе составляетъ одна «Ганнеле», впервые поставленная на сценѣ «Королевскаго театра» въ Берлинѣ.

Въ одной изъ своихъ статей Отто Брамъ разсказываетъ, какъ онъ получилъ отъ Гауптмана его первую драму. Это было въ началѣ 1889 года. Къ пьесѣ было приложено письмо, въ которомъ Гауптманъ просилъ прочесть его драму и поставить ее на сценѣ «вольнаго театра», если Брамъ найдетъ пьесу достойной постановки. Какъ ни сжато и ни скромно написано было то письмо, но изъ него, разсказываетъ Брамъ, сквозила «eine Persönlichkeit»—характерный индивидуумъ. Впечатлѣніе письма еще усилилось, когда Брамъ прочелъ драму и пригласилъ къ себѣ ея автора.

Разбогатѣвшій при разработкѣ угольныхъ копей крестьянинъ,—глава всего дома, въ которомъ разыгрывается драма «Vor Sonnenaufgang»,—каждый разъ является на сценѣ въ состояніи животнаго опьяненія. Его жена отъ второго брака, также совершенно оскотинившееся существо, не смотря на свой почтенный возрастъ, открыто поддерживаетъ связь съ молодымъ сосѣдомъ, идіотски-глупымъ, въ корень испорченнымъ и грубымъ парнемъ. На старшей дочери этихъ нѣжныхъ родителей женится инженеръ Гофманъ—человѣкъ себѣ на умѣ, совершенно безсовѣстный негодяй и карье-

ристъ. Жена Гофмана наканунѣ родовъ; она совсѣмъ не появляется на сценѣ. Но изъ хода пьесы выясняется, что эта молодая женщина унаслѣдовала отъ своего отца его страсть къ вину и это ужасное наслѣдіе передала даже своему первому ребенку-мальчику, который, доживъ только до 3-хъ лѣтъ, умеръ жертвой аклоголизма. Наконецъ и тотъ ребенокъ, которымъ жена Гофмана должна была теперь разрѣшиться, родится мертвымъ. Кстати сказать: въ интересахъ «натуральности», до слуха зрителей совершенно явственно доносятся изъ за кулисъ стоны роженицы, священнодѣйственный тонъ распоряженій акушерки, безпокойныя движенія домашнихъ и прочіе атрибуты этого торжественнаго, при наличныхъ же условіяхъ,—торжественно ужаснаго момента.

Среди этого темнаго царства безпробуднаго пьянства и разврата виденъ лишь одинъ свѣтлый лучъ въ образѣ младшей дочери крестьянина—Елены, чистой, проникнутой искреннимъ, хотя совершенно инстинктивнымъ, желаніемъ добра дѣвушки. Она самая младшая въ домѣ, и остаться не загрязненной окружающей ее средой помогло ей то обстоятельство, что, по волѣ ея покойной матери, она свои дѣтскіе годы и учебную пору провела въ пансіонѣ, вдали отъ дома и его разлагающихъ вліяній. Домой она возвратилась уже взрослымъ человѣкомъ. Полученное въ пансіонѣ образованіе не способно было однако воспитать въ Еленѣ энергію для рѣшительной борьбы съ окружающимъ ее зломъ. Честная, хорошая, съ неизглаженными манерами крестьянской дѣвушки, съ готовностью отдаться всему хорошему, стоитъ она теперь посреди всѣхъ своихъ домашнихъ уродовъ, лишь на половину сознавая весь ужасъ этого уродства. Она презираетъ, конечно, свою мачиху, презираетъ любовника мачихи, котораго эта старая развратница хочетъ навязать Еленѣ въ женихи; она страдаетъ при видѣ пьянаго отца, который, возвращаясь изъ кабака, только и дѣлаетъ, что хвастается: «А, ну, кто скажетъ, что я не хорошій человѣкъ! Развѣ не славная у меня жена? Развѣ не хороши мои дочки.—а?...» оретъ онъ, едва держась на ногахъ и ища Елену, чтобы излить на нее свою пьяную родительскую ласку. Елена болѣетъ за свою старшую сестру, она съ чувствомъ состраданія относится и къ своему зятю Гофману, который между тѣмъ дѣлаетъ недвусмысленныя попытки вознаградить себя любовью молодой дѣвушки за тяжелыя якобы неудачи своей семейной жизни.

Среди этой роковымъ образомъ переплетенной семейной неурядицы, названной Гауптманомъ «соціальной драмой», появляется политическій агитаторъ Лотъ, университетскій товарищъ Гофмана, радикальный фанатикъ и сторонникъ теоріи наслѣдственности. Онъ явился сюда, чтобы заняться изслѣдованіемъ быта рабочихъ въ угольныхъ копяхъ. Гофманъ лишь цѣною сильной внутренней борьбы рѣшился предложить свою квартиру старому товарищу. Для участи же Елены появленіе Лота имѣетъ роковое значеніе. Уже

послѣ перваго разговора съ Лотомъ она пробуждается отъ своего прежняго равнодушія, или вѣрнѣе,—отъ своего слишкомъ спокойнаго протеста и невѣдѣнія. Она начинаетъ на все смотрѣть глазами Лота. Ей становится невыносимо тяжело, она сгораетъ отъ стыда, что этотъ чужой, со стороны явившійся человѣкъ можетъ и ее вмѣстѣ съ другими винить во всемъ происходящемъ въ домѣ. Въ ея наболѣвшемъ сердцѣ въ то же время постепенно назрѣваетъ чувство сильной привязанности къ этому самому чужому человѣку, относительно котораго ей ясно только, что онъ, Лотъ, хочетъ добра. Авторскому капризу Гауптмана или роковому стеченію обстоятельствъ угодно въ этотъ моментъ приподнятаго настроенія Елены окружить ее всѣмъ сцѣпленіемъ трагическихъ моментовъ ея положенія. Ей едва удается убѣжать отъ пьяныхъ ласкъ только-что вернувшагося изъ трактира отца; ея дорогу перебѣгаетъ только-что разставшійся съ ея мачихой любовникъ, дѣлая по адресу Елены какія-то злорадно-идіотскія гримасы; мужъ ея сестры Гофманъ полагаетъ этотъ моментъ замѣшательства Елены подходящимъ для того, чтобы снова пожаловаться на свою участь и повторить свое гнусное предложеніе дѣвушкѣ—отдаться ему. И вотъ, когда послѣ этого ряда пытокъ Елена снова встрѣчается съ Лотомъ, пришедшимъ проститься съ нею, она, сътрудомъ овладѣвая собою, робко, но въ то же время рѣшительно, заявляетъ, что любитъ его. Слѣдующія затѣмъ любовныя сцены проникнуты такой трогательностью и такимъ обиліемъ взаимныхъ лобызаній, на какія лишь способны двое любящихся нѣмецкихъ Schatz'овъ (сокровищъ). Нѣсколько приторную сантиментальность сцены можно, пожалуй, простить молодымъ людямъ, если подумаешь, среди какой грязи совершается эта во всякомъ случаѣ чистая любовная идиллія. Только Лотъ—этотъ закоренѣлый теоретикъ неспособенъ мѣстами выйти за тѣсный кругъ своихъ принциповъ и тѣмъ вноситъ дисгармонію въ сферу чистыхъ сердечныхъ отношеній. Когда Елена, въ своемъ безконечномъ счастіи, шутливо обращается къ нему съ вопросомъ, сколько женщинъ онъ цѣловалъ до нея,—то онъ съ откровенностью узкаго принципіалиста готовъ открыться ей во всѣхъ своихъ прежнихъ, отнюдь не платоническихъ привязанностяхъ къ большому числу женщинъ. Въ эту минуту такая откровенность дѣйствуетъ какъ самое жестокое безстыдство. «Ради Бога! — взываетъ Елена, — ты мнѣ разскажешь объ этомъ когда нибудь позже... когда мы будемъ стариками... позже, позже... когда я тебѣ скажу: вотъ теперь... Слышишь? Но не раньше...» «Хорошо, какъ хочешь», покорно отвѣчаетъ Лотъ. «Теперь же что нибудь хорошее...» настаиваетъ Елена, — и снова льются потоки безмятежныхъ сердечныхъ изліяній. Она такъ поглощена своимъ счастіемъ, что безъ особенныхъ настояній со стороны Лота съ счастливымъ хохотомъ называетъ своего перваго жениха-претендента, любовника мачихи. Но уже вскорѣ затѣмъ, когда Лотъ продолжаетъ спрашивать: кто еще?—счастье Елены начинаетъ завола-

киваться мрачной тучей... «Нѣтъ же, право никто больше» — увѣряетъ она и думаетъ о Гофманѣ, которому, какъ сестра, довѣрялась она и который еще незадолго до того предсталъ передъ нею во всей своей гнусности. Она инстинктивно чувствуетъ, что темныя силы ея семьи разрушатъ ея счастье. Ея возлюбленный еще не знаетъ, что пьяная скотина, появляющаяся временами въ домѣ съ грубой руганью,—ея отецъ. Онъ вообще еще ничего не знаетъ, она же между тѣмъ чувствуетъ, что это неизвѣстное Лоту есть та скала, о которую можетъ разбиться ея счастливая участь. Разговоръ, который вертится вокругъ да около рокового пункта, прерывается тревогой наступающихъ родовъ жены Гофмана. Во время этой суеты врачъ, тоже университетскій товарищъ Лота, открываетъ ему перспективу родственнаго союза съ семьей алкоголиковъ. Несмотря на то, что врачъ обращаетъ вниманіе своего товарища на возможность исключеній въ законахъ наслѣдственности, далѣе на то, что Елена, предоставленная на произволъ судьбы, погибнетъ и навѣрное угодитъ въ руки своего зятя-негодяя,—несмотря на все это Лотъ, этотъ сухой доктринеръ, задавшійся цѣлью своимъ потомствомъ служить лишь облагороженію человѣческаго рода, не находитъ въ себѣ духа придти на помощь своей невѣстѣ въ ея борьбѣ съ семейнымъ порокомъ. Еще горятъ на его устахъ поцѣлуи Елены, которыми она умоляла Лота не уѣзжать безъ нея, а онъ улучаетъ удобную минуту, пишетъ нѣсколько прощальныхъ строкъ и исчезаетъ. Наступаетъ окончательная катастрофа драмы. Елена врывается на сцену съ вѣстью о рожденіи мертваго ребенка, оглядывается кругомъ и не находитъ Лота. Охваченная страхомъ, она кричитъ: Альфредъ! Альфредъ! Но Лота нѣтъ. Тѣмъ временемъ слышатся пьяные крики возвращающагося изъ трактира отца: «Кто скажетъ, что я не хорошій человѣкъ? Развѣ не славная у меня жена? Развѣ не хороши мои дочки?..» Елена вскрикиваетъ въ ужасѣ, мечется изъ стороны въ сторону и наталкивается на письмо Лота. Она рветъ наскоро кувертъ, читаетъ письмо, отрывисто произнося отдѣльныя слова: «непреодолимо! навсегда!..» Она хватается обѣими руками за голову и въ отчаяніи кричитъ: «конецъ!» Въ то время какъ пьянина-отецъ приближается къ дому, издавая какіе-то дикіе, нечленораздѣльные звуки, Елена лишаетъ себя жизни...

Въ эпоху, когда общественная мысль занята, — чтобы не сказать: подавлена, — по преимуществу интересами соціально-политическаго характера, трудно себѣ представить большее возбужденіе, чѣмъ то, которое было вызвано въ нѣмецкой публикѣ послѣ постановки первой драмы тогда еще 27-лѣтняго автора. Выдающіяся дарованія Гауптмана ни для кого почти не подлежали сомнѣнію, но съ другой стороны жестокій финалъ драмы и «нагроможденіе грязи» въ ней пріуготовили молодому драматургу такую бурю негодованія, что у болѣе малодушнаго писателя могла пропасть вся-

кая охота къ сочинительству. Между тѣмъ въ разгарѣ гнѣва была несправедливымъ образомъ заподозрѣна чистота помысловъ Гауптмана и кромѣ того выдающіяся качества драмы были совершенно упущены изъ виду.

Финалъ драмы дѣйствительно производитъ рѣзкій диссонансъ, къ которому предъидущія дѣйствія не даютъ никакого повода. Надъ несчастной дѣвушкой тяготѣетъ ужасный рокъ наслѣдственнаго порока. Въ интересахъ воспитанія здоровой расы авторъ заставляетъ такимъ безсердечнымъ образомъ исчезнуть человѣка, въ рукахъ котораго, по волѣ того же автора, находилась судьба Елены. Такой исходъ, какъ сказано, не только не обоснованъ всѣмъ предъидущимъ ходомъ драмы, но не находитъ себѣ оправданія и въ исповѣдуемой Лотомъ теоріи наслѣдственности. Вообще говоря, Лотъ самая слабая фигура въ драмѣ «Vor Sonnenaufgang», даромъ что устами Лота во многихъ мѣстахъ говоритъ самъ авторъ. Но поэтому то и слѣдуетъ предположить, что слабость характера Лота, безжизненность этого образа и заключительный шагъ его въ драмѣ не преднамѣренныя черты, а скорѣе результатъ не вполнѣ сложившихся еще силъ самого автора. Здѣсь слышится еще черезъ мѣру хватающая реакція реалистическаго міровоззрѣнія противъ точки зрѣнія расплывчатаго идеализма.

Въ ряду достоинствъ творчества Гауптмана, обнаруживаемыхъ уже въ первой его драмѣ, обращаютъ на себя вниманіе замѣчательная яркость въ характеристикѣ его образовъ, рѣдкая наблюдательность, теплота и жизненность въ построеніи драматическихъ дѣйствій. За исключеніемъ Лота, да еще, пожалуй, врача Шиммельпфенига, всѣ остальные характеры отличаются рѣдкой художественной отдѣлкой: Гофманъ, мачиха, ея подруга, Елена и проч. какъ живые являются зрителю, не имѣвшему случая наблюдать среду, съ которой авторъ, очевидно, знакомъ съ самой интимной стороны. Авторъ, очевидно, не гонится за тѣмъ, чтобы въ своей драмѣ дать законченное дѣйствіе. Для него какъ бы больше интереса заключено въ бытовой картинѣ, въ самодовлѣющемъ значеніи выведенныхъ имъ образовъ. Это относится и къ другимъ его произведеніямъ. Оттого онъ съ такой любовью рисуетъ всякую черточку изъ воспроизводимой имъ дѣйствительности. Сценическія указанія часто занимаютъ половину страницы. Обстановка описана до послѣднихъ мелочей. То же и по отношенію одежды, лица, цвѣта волосъ, голоса дѣйствующихъ лицъ. Къ этому присоединяются живость и совершенно не обычная въ нѣмецкихъ драмахъ сжатость языка: разговоры «въ сторону» совершенно отсутствуютъ, а монологи сведены почти къ нулю.

«Vor Sonnenaufgang», какъ и нѣкоторыя другія драмы Гауптмана, читаются, пожалуй, еще съ большимъ интересомъ, чѣмъ смотрятся на сценѣ. Техника сценическаго дѣла не всегда способна воспроизвести все то, что Гауптманъ говоритъ въ своихъ между-

строчныхъ указаніяхъ. При чтеніи же всѣ эти указанія производятъ впечатлѣніе повѣствованія рѣдкой художественной красоты. Для поэтической натуры Гауптмана характерна эта живая потребность мрачный колоритъ своихъ произведеній испещрять поэтическими перлами, на которыхъ отдыхаютъ зритель и читатель. Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести изъ сцены встрѣчи Лота съ Еленой сценическое указаніе Гауптмана, т. е. то, что обыкновенно между скобками печается мелкимъ шрифтомъ:

Лотъ присѣлъ во дворѣ къ старому работнику, занятому правкой косы, и задумчиво наблюдаетъ пробуждающееся утро. Черезъ ворота видны далеко уходящія клеверныя поля и широкіе луга, по нимъ змѣйкой извивается ручей, теченіе котораго выдаютъ возвышающіяся на его берегахъ ольхи и ивы. Изъ окрестностей доносится крикъ жаворонковъ и то сильнѣе, то слабѣе раздается среди тишины крестьянскаго двора .. Въ это время изъ дому выходитъ Елена въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ и большой шляпѣ съ широкими полями. Любовникъ мачихи только что скрылся за уголъ дома. Елена бросаетъ взглядъ во всѣ стороны, дѣлаетъ затѣмъ нѣсколько шаговъ по направленію къ воротамъ, снова останавливаясь, точно прислушиваясь къ чему то. Вскорѣ затѣмъ она быстро проходитъ дворъ и заворачиваетъ въ ту сторону, гдѣ находятся амбары. Громадные пучки листьевъ сушатся на заборѣ. Проходя мимо, она прикладываетъ къ нимъ свое лицо и вдыхаетъ ихъ ароматъ. Она нагибаетъ вѣтки яблонь и любуется розовымъ видомъ низко ростущихъ яблокъ. Замѣтивъ, что Лотъ отъ амбара идетъ ей навстрѣчу, она, охваченная испугомъ, поворачивается и идетъ обратно во дворъ. Здѣсь она замѣчаетъ, что голубятня еще закрыта, и черезъ калитку садика идетъ открыть ея дверцы. Въ то время какъ она занята отдѣленіемъ шнурка, который запутался о дерево, подходитъ Лотъ и привѣтствуетъ Елену словами: «Доброе утро, барышня». — «Доброе утро. Вотъ вѣтеръ запуталъ шнурокъ отъ голубятни».—«Позвольте».—Онъ проходитъ въ калитку, распутываетъ шнурокъ и съ его помощью отдергиваетъ дверцы голубятни. Голуби съ шумомъ вылетаютъ во дворъ...

Такія «скобки» дѣйствуютъ освѣжающимъ образомъ въ драмѣ, написанной по всѣмъ правиламъ натуралистическаго искусства.

Не относительно всѣхъ драмъ Гауптмана я могу себѣ позволить роскошь пространнаго изложенія ихъ содержанія, какъ я это сдѣлалъ съ первымъ его произведеніемъ. Къ тому же «Vor Sonnenaufgang» много превосходитъ его слѣдующую драму «Das Friedensfest», — а оба эти произведенія вмѣстѣ характеризуютъ какъ бы первый фазисъ въ драматическомъ творчествѣ Гауптмана.

«Соціальная драма» перваго произведенія Гауптмана разыгрывается въ предѣлахъ семьи. «Vor Sonnenaufgang» и могла бы поэтому получить названіе «фамильной катастрофы» съ такимъ же правомъ,

съ какимъ эта характеристика приложена ко второй драмѣ «Das Friedenfest» (Праздникъ мира).

Въ этой катастрофѣ мрачныя краски еще болѣе сгущены, чѣмъ въ «Vor Sonnenaufgang». Авторъ вводитъ насъ въ семью, члены которой только то и дѣлаютъ, что грызутся между собой. Мужъ и жена уже вскорѣ послѣ свадьбы живутъ большей частью отдѣльно другъ отъ друга. Оба сына (Робертъ и Вильгельмъ) въ дѣтствѣ подвергались самымъ безчеловѣчнымъ истязаніямъ со стороны отца (д-ра Шольца), ссорятся между собою и не ладятъ съ матерью и сестрой. Разъ даже случилось, что младшій сынъ Вильгельмъ, услышавъ, какъ его отецъ въ разговорѣ съ дворникомъ говорилъ какія то гнусности про свою жену, не сдержалъ своего раздраженія и ударилъ родителя. Въ этотъ самый день отецъ и сынъ покинули свой домъ. Отецъ гдѣ то на сторонѣ ведетъ самую безпокойную жизнь. Вильгельмъ же, вдали отъ своей семьи, посвящаетъ себя изученію искусства и влюбляется въ молодую дѣвушку, которая вмѣстѣ съ своей матерью представляютъ совершенный контрастъ роднымъ Вильгельма. Это—добрыя, не надломленныя женщины, и имъ удается даже убѣдить Вильгельма сдѣлать попытку примиренія съ его домашними. Въ священный праздникъ за Рождественской елкой совершается это примиреніе. Совершенно неожиданно является домой и отецъ. Вильгельмъ преодолѣваетъ себя и мирится съ отцомъ. Торжество мира, однако, не долго продолжается. Въ одной сценѣ, принадлежащей къ лучшимъ образцамъ творчества Гауптмана, мы видимъ снова разгорѣвшуюся ссору между членами семьи Шольца. Старикъ, и безъ того больной, умираетъ отъ нервнаго потрясенія, вызваннаго крайнимъ раздраженіемъ; старшій сынъ покидаетъ родительскій домъ, а младшій—Вильгельмъ, подъ охраной чистой, любящей его дѣвушки, воскресаетъ къ новой жизни.

Отсюда видно, что «Праздникъ мира» является какъ бы противопоставленіемъ драмѣ «Передъ восходомъ солнца». Въ этой послѣдней заядлый теоретикъ спокойно оставляетъ на произволъ жестокой судьбы любящую дѣвушку, между тѣмъ какъ въ «Праздникѣ мира» беззавѣтная преданность любящей дѣвушки спасаетъ Вильгельма отъ погибели. «Всякій человѣкъ есть новый человѣкъ», — говоритъ Вильгельмъ своему брату. Это уже есть шагъ по пути къ отрицанію безусловнаго признанія теоріи наслѣдственности, какъ она фигурируетъ въ первой драмѣ Гауптмана. Но въ «Праздникѣ мира» — этой, при многихъ несомнѣнныхъ качествахъ, — сравнительно слабой драмѣ,—все еще построено на патологическихъ мотивахъ. Характеризуя главныхъ дѣйствующихъ лицъ, какъ сплошныхъ невропатовъ, Гауптманъ не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно истиннаго характера руководившей его идеи.

Примѣненіе патологическихъ мотивовъ въ драмѣ можетъ имѣть лишь тогда смыслъ, если она является результатомъ жизненныхъ

наблюденій, а не предвзятой мыслью автора иллюстрировать нѣкоторыя данныя науки. Художникъ не имѣетъ никакого основанія изъ безконечной сложности и зависимости психической жизни брать лишь нѣкоторыя отдѣльныя черты, совершенно игнорируя всѣ прочія. Въ противномъ случаѣ легко можетъ получиться, что драма, претендующая на титулъ произведенія искусства, представитъ лишь конкретный случай психопатологіи. Молодые писатели изъ среды «Modernen» сильно грѣшили этимъ увлеченіемъ. Желая расширить предѣлы художественнаго творчества, они впадали въ крайность. Идеи современнаго естествознанія, имѣющаго такое громадное вліяніе на общественную мысль, они желали перенести и въ искусство. Но знакомые лишь поверхностно съ новыми естественно научными теоріями, они преувеличивали значеніе этихъ теорій для выработки міросозерцанія художника. Естествознаніе заняло ужъ ни съ чѣмъ несообразные размѣры въ ихъ творчествѣ.

Послѣдующая драма Гауптмана «Einsame Menschen» (Одинокіе люди) заключаетъ въ себѣ еще слабый, но постепенно затушевывающійся намекъ на патологію. Въ общемъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ вполнѣ нормальными людьми. Въ благочестивой семьѣ Фокератъ старшій сынъ Іоганъ, молодой ученый, остается совершенно непонятымъ ни родителями, ни своей молодой женой Кэти. Въ эту семью попадаетъ—проѣздомъ на время—молодая развитая дѣвушка, Анна Маръ. Это—цюрихская студентка, родомъ изъ Остзейскихъ провинцій. Іоганъ крайне заинтересовывается умной и образованной дѣвушкой, не переставая однако любить и свою простенькую Кэти. Кэти страдаетъ, видя все растущую привязанность своего мужа къ молодой гостьѣ. Но милая, безотвѣтная нѣмка и сама видитъ все превосходство Анны надъ собой. Она только отъ Анны узнала впервые о безправномъ положеніи нѣмецкой женщины и даже о томъ, что по семейному праву германскаго гражданскаго кодекса мужъ имѣетъ право умѣреннаго тѣлеснаго наказанія надъ женой (mässige Züchtigung) *). Въ виду этого, не столько по настоянію Кэти, сколько благодаря энергическому вмѣшательству родителей Іогана, Анна Маръ покидаетъ ихъ домъ. Іоганъ въ началѣ какъ будто примиряется съ своей участью, но вдругъ онъ чувствуетъ, что не можетъ жить безъ Анны и бросается въ волны близь лежащаго озера...

У насъ еще остается цѣлый рядъ произведеній, безъ ущерба которымъ я не могъ бы остановиться на болѣе подробномъ раз-

*) Къ чести нѣмецкихъ женщинъ слѣдуетъ замѣтить, что «Всеобщій союзъ нѣмецкихъ женщинъ» въ послѣднее время обратился къ имперскому правительству съ петиціей объ исключеніи изъ предстоящаго къ новой кодификаціи гражданскаго уложенія позорящихъ современную культуру семейныхъ привиллегій мужа.

А. К.

борѣ «Одинокихъ людей». Отмѣчу только рѣдкое безпристрастіе, съ которымъ и въ этомъ случаѣ авторъ относится ко всѣмъ героямъ своей драмы. Жена Іогана — доброе существо, хорошая хозяйка дома, — она много лучше чѣмъ то, чего нѣмецкій филистеръ требуетъ отъ нѣмецкой женщины. Не достаетъ ей только пониманія идей и стремленій своего мужа. Анна Маръ въ сущности много серьезнѣе и выше Іогана. Судя по тѣмъ русскимъ пѣснямъ, которыя она поетъ, можно думать, что она родомъ нѣсколько восточнѣе остзейскихъ провинцій. Нѣмцу, который не можетъ нахвалиться добродѣтелями «самоотверженной» нѣмецкой женщины, но который упорно не пускаетъ ее дальше кухни и спальни, Анна Маръ кажется невѣроятнымъ созданіемъ: художникъ заимствовалъ этотъ типъ изъ мечтаній о будущемъ.

Въ «Одинокихъ людяхъ» мы видимъ уже почти полное отреченіе автора отъ области патологіи. Первый ультра-натуралистическій фазисъ въ творческомъ развитіи Гауптмана пройденъ. Въ полной силѣ остались яркость и опредѣленность въ характеристикѣ образовъ. «Ткачи» (Die Weber), «Коллега Крамптонъ«, «Ганнеле» знаменуютъ собою начало полнаго расцвѣта самобытныхъ силъ молодого автора, безъ предвзятыхъ теорій и побочныхъ вліяній.—«Vor Sonnenaufgang» посвящено автору «Papa Hamlet», «Das Friedenfest» — Отто Браму и Паулю Шлентеру — создателямъ «вольной сцены, «Ганнеле» — женѣ автора. Драма «Ткачи» посвящена отцу Гауптмана Отъ отца своего нашъ авторъ слышалъ первые разсказы о горѣ силезскихъ ткачей. Дѣдъ Гауптмана самъ былъ въ числѣ тѣхъ, судьбы которыхъ изображаетъ силезская драма. Это было въ 40-хъ годахъ. Волненіе силезскихъ ткачей (1844 г.) имѣетъ свою литературу, свое воспроизведеніе въ поэзіи и даже въ живописи. Извѣстны «Die Weber» Гейне, картина Гибнера, изслѣдованія Циммермана, Вольфа и др. По изслѣдованію Вольфа фабрикантъ называется Zwanziger; у Гауптмана онъ называется Dreissiger. По Вольфу полицейскій комиссаръ назывался Christ (христіанинъ); у Гауптмана онъ называется Heide (язычникъ). У Вольфа и другихъ изслѣдователей можно бы прослѣдить весь скелетъ драмы Гауптмана до размѣровъ заработной платы, продолжительности рабочаго дня и прочихъ подробностей. Соотвѣтствіе драмы Гауптмана съ «несомнѣнными историческими документами» было между прочимъ однимъ изъ главныхъ основаній, въ силу которыхъ высшій административный судъ (Oberverwaltungsgericht) отмѣнилъ полицейское постановленіе, воспрещавшее постановку «Ткачей» на публичной сценѣ. Первоначально они давались только на сценѣ «вольнаго театра».

По характеру матеріала «Ткачи» могутъ быть названы исторической драмой. Но задача автора заключалась не только въ воспроизведеніи историческаго факта. Прошлое послужило ему лишь формой. Множество человѣческихъ существъ проходитъ въ драмѣ пе-

редъ глазами зрителей. Ни одно изъ нихъ не возбуждаетъ спеціальнаго интереса къ своей судьбѣ, потому что, несмотря на кажущійся хаосъ, принадлежность, органическая связь всѣхъ этихъ существъ къ одному цѣлому очевидны. Всю массу связываетъ одна общая участь, одна общая идея. Традиціонная эстетика съ недоумѣніемъ заявляла: въ «Ткачахъ» нѣтъ героя,—какая же это драма?.. И вотъ начались поиски за центральнымъ героемъ пьесы. Французскій критикъ Эдуардъ Родъ *) называетъ его голодомъ; то же приблизительно думаетъ и Шпильгагенъ. Другіе видятъ его въ «Пѣснѣ ткачей», а д-ръ Пауль Манъ называетъ его соціальной идеей **). Гауптманъ не ставилъ себѣ задачей построить драматическое дѣйствіе на судьбѣ какой либо центральной фигуры. Цѣль автора заключалась въ воплощеніи опредѣленной культурно-исторической мысли, выросшей не на почвѣ отвлеченныхъ идеаловъ отдѣльной личности, но какъ непосредственный результатъ извѣстныхъ общихъ условій. Эта идея приходитъ на умъ каждому болѣе или менѣе чуткому зрителю, хотя Гауптманъ въ своей драмѣ не обмолвился ни единымъ словомъ въ указанномъ смыслѣ. Вся драма проникнута рѣдкимъ безпристрастіемъ. Фабрикантъ Дрейсигеръ не хуже и не лучше всякаго иного предпринимателя, который ведетъ свое дѣло безъ убытка.

Чтобы испытать тотъ своеобразный эффектъ, который «Ткачи» производятъ на сценѣ, необходимо ихъ видѣть въ «Нѣмецкомъ театрѣ» въ Берлинѣ, безъ сомнѣнія, самомъ лучшемъ драматическомъ театрѣ Германіи. Выше я упомянулъ директора этого театра, впервые открывшаго талантъ Гауптмана,—д-ра Отто Брама.

Случилось такъ, что «Ткачи» впервые появились на сценѣ послѣ того, какъ Отто Брамъ принялъ на себя въ прошломъ году дирекцію «Нѣмецкаго театра». Въ прошломъ сезонѣ драма Гауптмана выдержала болѣе ста представленій, да и въ текущемъ году не сходитъ съ репертуара «Нѣмецкаго театра». Пьеса ставится съ прекраснымъ ансамблемъ, и публика не можетъ наглядѣться на эту трагедію...

Въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ Гергартъ Гауптманъ обнаруживаетъ нѣкоторыя новыя стороны своего художественнаго таланта. Гауптмана упрекали многіе въ крайне кропотливой манерѣ его творчества: долго и упорно собираетъ онъ по камушкамъ свой матеріалъ, покуда не возведетъ свою постройку. То обстоятельство, что свою комедію въ пяти дѣйствіяхъ «Kollege Krampton» Гауптманъ продумалъ и написалъ въ нѣсколько недѣль, разрушило иллюзію кропотливости. Въ «Коллегѣ Крамптонъ» развивается тема о «погибшемъ геніѣ», въ данномъ случаѣ—художникѣ, возродившемся, впрочемъ, въ концѣ комедіи для новой жизни. Говорятъ, что Гаупт-

*) «La jeune litterature Allemande», Revue des deux Mondes. 1894.

**) Dr. Paul Mahn. «Gerhart Hauptman und das moderne Realismus» Berlin. 1894.

манъ рисовалъ своего героя съ одного образца бреславльской академіи художествъ, въ которой авторъ получилъ свое первоначальное образованіе и вынесъ, повидимому, далеко неотрадныя воспоминанія. Въ такого рода «Drillanstalt» Крамптонъ состоитъ профессоромъ. Подъ гнетомъ семейныхъ обстоятельствъ, матеріальной нужды и академической рутины коллега Крамптонъ теряетъ точку опоры и предается вину. Онъ становится неаккуратенъ въ лекціяхъ и занятіяхъ, но съ процессомъ его паденія ростетъ и преувеличенное сознаніе своего генія и превосходства надъ всей окружающей его бездарностью. Въ академіи ожидаютъ пріѣзда герцога. Крамптонъ въ своей болѣзненной самоувѣренности приписываетъ честь посѣщенія герцога исключительно себѣ. Въ крайне возбужденномъ, но торжественномъ настроеніи ждетъ онъ въ своей аудиторіи вмѣстѣ со своими слушателями прихода высокаго гостя. Между тѣмъ герцогъ, посѣтивъ другихъ профессоровъ, оставляетъ академію. Крамптонъ потрясенъ; въ довершеніе этого онъ получаетъ на слѣдующій день отставку. Крамптонъ, къ этому времени совсѣмъ разошедшійся со своей семьею, опускается еще ниже по наклонной плоскости. Онъ селится въ какомъ-то грязномъ трактирѣ, цѣлые дни пьетъ и дѣлается посмѣшищемъ грубыхъ филистеровъ. Его гордый духъ надломленъ и лишь временами вспыхиваетъ съ прежней энергіей. Изъ этого униженія спасаетъ его любимая дочь Гертруда, на которой женится бывшій ученикъ Крамптона. Ему устраиваютъ новое ателье, гдѣ онъ находитъ почти всю съ аукціона проданную обстановку своего прежняго помѣщенія. Онъ можетъ снова работать.

Тонкій юморъ проникаетъ эту комедію. Юморъ нѣмцы считаютъ спеціальнымъ качествомъ германскаго народнаго духа и нѣмецкой поэзіи въ ея лучшихъ образцахъ. Оттого-то и «Коллега Крамптонъ» вызвалъ въ свое время почти единодушное одобреніе публики и критики. Понравился «Крамптонъ» еще и потому, что въ комедіи есть хоть какой-нибудь конецъ. Правда, кто можетъ поручиться, что въ новомъ положеніи Крамптона опять что нибудь не стрясется и все пойдетъ прахомъ. Но все же хоть временнымъ концомъ подарилъ на этотъ разъ Гауптманъ любопытную публику. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ данъ въ Берлинѣ банкетъ въ честь Генрика Ибсена, то одинъ нѣмецкій писатель обратился къ знаменитому гостю съ вопросомъ: «Когда время сгладитъ душевныя раны Норы, то вернется ли она снова къ своему мужу?»—«Быть можетъ и такъ», — отвѣтилъ Ибсенъ: «я не знаю, что станется съ Норой и какъ она поступитъ въ будущемъ».

Эта неизвѣстность будущаго смутила нѣмецкую критику въ другой комедіи: «Der Biberpelz» (Бобровая шуба), въ которой сказалась сатирическая сторона таланта Гауптмана. Авторъ назвалъ свою комедію: «Diebskomödie» — воровская комедія. Баронъ Верганъ состоитъ въ одномъ изъ близкихъ къ Берлину округовъ какимъ то

начальникомъ. Это одинъ изъ тѣхъ прусскихъ бюрократовъ, у которыхъ военная развязность и отношеніе свысока составляютъ главное правило ихъ служебной дѣятельности. Отъ древа науки и жизни онъ вкусилъ самую малость. За то онъ воспиталъ въ себѣ съ самой колыбели цѣлую массу всякихъ предразсудковъ. Его профессія—спасать отечество во что бы то ни стало. А для этой роли его положеніе достаточно высоко: онъ самъ себя называетъ королемъ въ своемъ округѣ. Въ своемъ преувеличенномъ усердіи по части оказанія высокихъ услугъ отечеству и престолу онъ упускаетъ изъ виду самыя насущныя дѣла своего вѣдомства. Куда ему до всѣхъ этихъ мелочей, когда все вниманіе поглощено донъ-кихотской борьбой со всякаго рода неблагонадежными элементами. Комизмъ этой фигуры выступаетъ очень ярко. Фигура эта не нова въ нѣмецкой драматической литературѣ, но въ обработкѣ Гауптмана она получаетъ рельефный характеръ соціальнаго типа и представителя довольно многочисленной общественной группы. Чтобы усилить комизмъ и сатирическій интересъ пьесы, авторъ противопоставляетъ барону Вергану вороватую семью Вольфовъ. Старуха Вольфъ крадетъ гдѣ и что попало и при этомъ сохраняетъ видъ работящей женщины. Она и вправду не лѣнится, но положеніе прачки ее не удовлетворяетъ: она хочетъ выбраться въ настоящіе люди. Украсть дровъ у богатаго сосѣда, стащить бобровую шубу у рантье Крюгера — дѣло самое безобидное: на то они и богаты, думаетъ г-жа Вольфъ. Крюгеръ заявляетъ о кражѣ барону, Но старый рантье слыветъ за либеральнаго человѣка, это дѣлаетъ его подозрительнымъ въ глазахъ барона. Крюгеръ приводитъ въ свидѣтели своего квартиранта д-ра Флейшера. Но этотъ знается съ демократами, читаетъ Лассаля, получаетъ много газетъ и т. п. Баронъ относится къ обокраденному и его свидѣтелю съ самымъ высокомѣрнымъ тономъ. Воровка сидитъ тутъ же; около нея сидитъ другой жуликъ, купившій украденную шубу. Все дѣло раскрыть не стоило бы никакихъ усилій. Но у барона въ головѣ высшія соображенія. Жулики и воры остаются поэтому въ совершенномъ покоѣ, а потерпѣвшій уходитъ ни съ чѣмъ. «Это (указывая на воровку Вольфъ) наша здѣшняя прилежная прачка», говоритъ баронъ: «она думаетъ, что всѣ люди на нее похожи. Нѣтъ: къ несчастью это не такъ. Вы (обращаясь къ прачкѣ и кладя руку на ея плечо) видите людей только снаружи. Я же ихъ вижу насквозь. Одно слово: какъ вѣрно то, что г-жа Вольфъ—честная женщина, такъ же несомнѣнно и то, что д-ръ Флейшеръ опасный человѣкъ». «Я ужъ не могу на этотъ счетъ ничего сказать», замѣчаетъ г-жа Вольфъ, скромно опустивъ голову. Такъ заканчивается воровская комедія. Инымъ любопытно знать, откроютъ ли воровку, получитъ ли баронъ Верганъ болѣе высокое назначеніе и т. д. Но авторъ очевидно этимъ интересовался такъ же мало, какъ Ибсенъ послѣдующими судьбами Норы. Во всякомъ случаѣ то, что Гауптманъ далъ въ своей комедіи,

достаточно интересно само по себѣ и производитъ на зрителя цѣльное впечатлѣніе.

Мнѣ остается упомянуть еще двѣ пьесы Гауптмана: «Ганнеле», съ которой русская публика знакома по представленіямъ литературно-артистическаго кружка въ Петербургѣ, и «Флоріана Гейера», только что въ первый разъ даннаго на сценѣ «Нѣмецкаго театра» въ Берлинѣ. «Ганнеле» была въ первый разъ поставлена въ прошломъ году въ «Королевскомъ театрѣ» въ Берлинѣ. Русская публика, знающая Гауптмана только по этой пьесѣ, едва ли сможетъ себѣ представить недоумѣніе, вызванное фантастическимъ произведеніемъ Гауптмана въ нѣмецкой публикѣ. Вѣдь эта публика до «Ганнеле» видѣла цѣлый рядъ гауптмановскихъ пьесъ, такихъ разнообразныхъ и такихъ отличныхъ отъ «Ганнеле». Застигнутая нѣсколько врасплохъ, публика спрашивала себя, какъ могъ этотъ закоренѣлый натуралистъ отъ суровой дѣйствительности въ ея самыхъ суровыхъ проявленіяхъ перейти къ области видѣній, фантазій, дѣтскихъ представленій и вѣрованій! Дѣлались всевозможныя предположенія: полагали, что Гауптманъ порвалъ со своимъ прошлымъ; что онъ отчаялся въ своемъ реализмѣ и сдѣлался снова идеалистомъ; что отъ грѣховъ натурализма онъ, какъ всѣ болѣзненныя натуры бросился въ другую крайность, въ сторону спиритизма, квіетизма, мистицизма и т. д., и т. д.

Въ виду только что поставленнаго «Флоріана Гейера», написаннаго вслѣдъ за «Ганнеле», трудно будетъ настаивать на указанныхъ предположеніяхъ. Но и раньше, до «Флоріана Гейера», неосновательность тѣхъ предположеній не подлежала никакому сомнѣнію. Какъ ни различны, напр., «Ткачи» и «Ганнеле», тѣмъ не менѣе ихъ проникаетъ одна и та же идея, въ нихъ обнаруживается одна общая черта творчества Гауптмана. Эта черта есть—искреннее состраданіе, глубокое чувство жалости къ угнетаемой человѣческой личности. Взоръ Гауптмана прежде всего обращается въ сторону обиженныхъ и угнетенныхъ; ихъ горе изобразить въ возможно болѣе яркихъ и трогательныхъ формахъ составляетъ непреоборимую потребность этого писателя. Въ «Ткачахъ» развертывается широкая, массовая картина нужды, въ «Ганнеле»—жестокая судьба истязуемаго маленькаго созданія. Различіе матеріала этихъ двухъ произведеній обусловливаетъ и различіе художественной концепціи автора: тамъ широкая драматизація дѣйствій, здѣсь сосредоточенная элегія внутреннихъ чувствъ и ощущеній.

Новѣйшая драма Гергарта Гауптмана «Florian Geyer» была первоначально разсчитана на два вечера. По соглашенію съ директоромъ «Нѣмецкаго Театра» были сдѣланы въ драмѣ сокращенія, и 4 января она была поставлена въ одинъ вечеръ. Представленіе длилось отъ 7 часовъ вечера до послѣ одиннадцати—продолжительность совершенно неслыханная въ нѣмецкихъ театрахъ: $2^1/_2$—3 часа здѣсь общепринятая продолжительность театральныхъ представленій.

На слѣдующій день, 5 января, «Флоріанъ Гейеръ» былъ повторенъ съ новыми сокращеніями. Весьма возможно, что съ теченіемъ представленій будутъ сдѣланы дальнѣйшія сокращенія. Я объ этомъ упоминаю, чтобы показать, какъ трудно излагать содержаніе новаго произведенія Гауптмана. Содержаніе взято изъ эпохи крестьянскихъ войнъ въ Германіи.

Послѣ того какъ Гауптману удалось добиться такого широкаго успѣха обработкой силезской драмы 40-хъ годовъ, неудивительно, что его манила къ себѣ эпоха, предоставляющая художнику еще болѣе широкое поле дѣйствія. Воспроизвести всю эпоху крестьянскихъ войнъ было бы конечно невѣроятнымъ предпріятіемъ даже и тогда, если бы у Гауптмана было въ распоряженіи десять вечеровъ подъ-рядъ. Онъ остановился поэтому лишь на крестьянскомъ движеніи въ предѣлахъ Франконіи. Въ «Флоріанѣ Гейерѣ» видитъ авторъ героя съ желѣзной волей и страстнымъ желаніемъ доставить торжество поднявшимся крестьянскимъ массамъ. Но съ другой стороны эти массы, какъ и въ «Ткачахъ», должны, по мысли автора, явиться подлинными героями всей драмы. Чтобы добиться этого эффекта, Гауптманъ выводитъ на сцену множество дѣйствующихъ лицъ: свыше 60 персонъ значится въ программѣ *сокращенной* драмы! Не удивительно, что за этой массой дѣйствующихъ лицъ лишь съ трудомъ можно разглядѣть драматическое дѣйствіе пьесы.

Гауптманъ долго работалъ надъ своей новой драмой. Нѣтъ сомнѣнія, что первоначально центръ тяжести его художественной идеи заключенъ былъ въ движеніи крестьянскихъ массъ. Но по мѣрѣ занятія богатой литературой эпохи, благородный образъ Флоріана привлекалъ къ себѣ вниманіе Гауптмана все болѣе и болѣе. Пришлось рѣшать трудную дилемму: пришлось съ одной стороны изобразить печальный конецъ массового движенія, на-половину проникнутаго туманными, мистическими представленіями и мотивами, не во время обнаружившагося и не всегда подходящими людьми руководимаго; съ другой стороны, пришлось концентрировать все вниманіе на трагической судьбѣ героя, Флоріана Гейера. Драмѣ пришлось расколоться и потерять цѣльность.

Я пишу эти заключительныя строки о Гауптманѣ въ то время, когда еще не улеглось возбужденіе публики отъ первыхъ представленій его новой драмы. У такого писателя, какъ Гауптманъ, само собой разумѣется, что и «Флоріанъ Гейеръ» изобилуетъ выдающимися захватывающими моментами. Въ этихъ случаяхъ симпатіи публики нераздѣльно на сторонѣ автора. Но есть въ пьесѣ эпизоды, гдѣ картины рыцарски-дворянскихъ оргій, жестокостей, безпощадной пытки надъ пораженными крестьянскими массами и пр. достигаютъ высокихъ степеней натурализма. По поводу одной изъ такихъ картинъ на первомъ представленіи поднялся такой протестъ въ средѣ одной части публики, что изъ-за криковъ: «Schluss! Конецъ! Занавѣсъ!» артистамъ пришлось на-время удалиться со сцены. Почи-

гателямъ Гауптмана, такъ называемой «Hauptmangemeinde», едва удалось перекричать протестующихъ.

Мое письмо и безъ того затянулось до размѣровъ мнѣ не дозволенныхъ. Поэтому только еще нѣсколько словъ въ заключеніе. Выше приведенный обзоръ произведеній Гауптмана не могъ дать представленія о самыхъ характерныхъ особенностяхъ таланта молодого драматурга: его рѣдкой наблюдательности и индивидуализаціи характеровъ выводимыхъ имъ художественныхъ образовъ. Изъ нашего обзора можно получить представленіе о многосторонности таланта Гауптмана: богатые крестьяне, нищіе ткачи, слабые фантазеры и геніальные художники, цвѣтущая, впередъ глядящая юность и спокойная благодушная старость, сказочный міръ видѣній, психологія ребенка, психологія героя и народныхъ массъ—вотъ приблизительно тѣ образы, которые воплощены въ произведеніяхъ Гауптмана. Отъ писателя, за 6—7 лѣтъ развернувшагося такимъ пышнымъ цвѣтомъ, можно ожидать еще многаго впереди.

А. Ковровъ.

Дневникъ Журналиста.

1895 годъ и завѣщанныя имъ опасности.

Ровно девять лѣтъ тому назадъ, оглядываясь на тогда только что минувшій 1886 годъ, мнѣ пришлось высказать, между прочимъ, слѣдующія соображенія:

Человѣчество трудится и мыслитъ, учится и совершенствуетъ свой трудъ и быстро двигаетъ свою культуру по тому пути, который называется *прогрессомъ*. Оно накопляетъ богатства и капиталъ, усиливаетъ производительность труда, развиваетъ науки и искусство, технику и общественныя учрежденія, улучшаетъ санитарное состояніе, распространяетъ образованіе, смягчаетъ нравы и т. д., и т. д. Все это различныя стороны и проявленія одного и того же процесса. Здѣсь не мѣсто разсматривать вопросъ о достоинствѣ такого прогресса, его прочности, его естественномъ исходѣ... Съ насъ достаточно констатировать, что таково направленіе развитія современной исторіи и что, если и возможно его преобразовать и реформировать, то невозможно или по крайней мѣрѣ въ высшей степени опасно его остановить, насильственно на него наложить узду. А, между тѣмъ, въ настоящее время Европа, или, вѣрнѣе, ея руководящія націи постепенно приходятъ именно къ этому опасному состоянію насильственнаго перерыва этого необходимаго процесса, которымъ обусловлено само суще-

ствованіе современнаго общества. Происходитъ это, между прочимъ, и отъ усиленныхъ вооруженій, непосильныхъ даже для такого быстраго роста богатствъ, какъ въ настоящее время. Въ нѣкоторыхъ странахъ эти усиленныя вооруженія несомнѣнно являются главною причиною экономическаго кризиса, въ другихъ весьма существенною.

Прогрессъ человѣческаго искусства и усовершенствованіе человѣческаго труда нимало не остановились въ послѣднее время и всѣ цивилизованныя націи быстро преуспѣваютъ по этому пути. Такъ, если мы сравнимъ производительность Европы за десятилѣтіе 1870—1880 г., то увидимъ весьма значительный успѣхъ. Если разложить сумму производства на наличную душу обоего пола (по всей Европѣ), то окажется:

1870 г. выработывалось на душу		211 р.	кред.
1880 » » »		232 »	»
	Больше на	21 р.	кред.

Т. е. на десять процентовъ. Конечно, это очень значительное приращеніе. Америка, которая въ это десятилѣтіе не воевала и не только не вооружалась усиленно, а разоружалась, успѣла увеличить производительность лишь на 16 р. кред. на душу. Очевидно, Европа отлично работала, неустанно трудилась и не дремала надъ усовершенствованіями. Далеко, однако, не одинаковое участіе приняли различныя націи въ этомъ движеніи. Такъ въ Турціи, перенесшей въ это десятилѣтіе тяжкую войну и потерявшей самыя производительныя провинціи, средняя производительность даже понизилась. Съ другой стороны, мелкія націи, еще не бросившіяся къ оружію въ десятилѣтіе 1870—80 гг., значительно опередили даже Англію и Францію. Голландія увеличила свою производительность на 80 р. кр., Бельгія на 70 р. кр., что составитъ для обѣихъ странъ безъ малаго 20% приращенія производительности. Иначе обстоитъ дѣло у великихъ державъ, несшихъ на себѣ тяжесть высшей политики и отвѣтственное участіе въ европейскомъ концертѣ. Вотъ данныя относительно шести великихъ державъ; приходилось производства на душу *):

	1870 г. руб. кр.	1880 г.	в±	% прироста.
1. Англія . . .	536,5	585,5	49,0	9,1
2. Франція . .	310,0	361,0	51,0	16,4
3. Германія . .	263,5	280,5	17,0	6,4
4. Австрія. . .	150,0	168,5	18,5	12,3
5. Италія . . .	122,5	134,0	11,5	9,3
6. Россія . . .	86,0	98,5	12,5	14.6

*) Для Франціи и Германіи взяты цифры 1869 года, т. е. передъ войною. Тоже и ниже.

Эта табличка показываетъ, что въ то время, какъ Англія и Италія работали приблизительно со среднимъ для Европы успѣхомъ (около 10% усиленія производительности), Франція и Россія развивали свою производительность быстрѣе. За ними слѣдуетъ Австрія, все еще превышая средній европейскій успѣхъ, и въ концѣ ряда Германія, работавшая менѣе успѣшно. Но не это важно для насъ, а главное и несомнѣнное, что всѣ націи значительно подняли свою производительность и слѣдственно должны были столь-же значительно и увеличить свои богатства. Посмотримъ, правда-ли это? Для этого сначала возьмемъ доходъ, какъ онъ получается въ видѣ чистой выручки земледѣлія, промышленности и торговли, безъ вычета изъ него налоговъ и пошлинъ. Вся Европа выручала на наличную душу обоего пола:

1870 года на душу руб. кред.	137,0
1880 » » » » »	147,0
Болѣе на . .	10,0

Или на 7,3%. Въ Америкѣ (Соед. Шт.) за этотъ срокъ средній доходъ возросъ слабѣе. Ясно, что Европа искусно и не напрасно усилила свою производительность; она съумѣла за десять лѣтъ, не взирая на значительное увеличеніе населенія и значительное отвлеченіе рабочихъ возрастовъ подъ знамена, все-таки усилить средства каждой семьи среднимъ числомъ на 50—60 руб. Различныя великія націи такъ приняли участіе въ этомъ движеніи:

	1870 г. руб. кр.	1880 г.	В±	% прироста.
Англія . . .	305,0	335,0	30,0	10,0
Франція . .	207,0	230,5	23,5	11,3
Германія . .	185,0	187,0	2,0	1,0
Австрія . .	112,0	117,5	5,5	4,9
Италія . . .	88,0	88,5	0,5	0,5
Россія . .	77,0	79,0	2,0	2,5

Эта табличка особенно поучительна при сравненіи съ первою (о производительности). Изъ этого сравненія мы видимъ, прежде всего, что приростъ дохода далеко не слѣдуетъ тому же порядку, какъ приростъ производительности. Если мы расположимъ державы по приросту производительности и по приросту дохода, то образуемъ слѣдующіе два ряда, гдѣ курсивомъ мы отмѣтимъ державы, превзошедшія среднюю европейскую цифру:

Ростъ производительности.	Ростъ доходовъ.
1. *Франція*. . . . 16,4%	1. *Франція* 11,3%
2. *Россія* . . . 14,6%	2. *Англія* 10,0%
3. *Австрія* . . . 12,5%	3. Австрія 4,9%
4. Италія . . . 9,3%	4. Россія 2,5%
5. Англія . . . 9,1%	5. Германія . . . 1,0%
6. Германія . . . 6.0%	6. Италія 0,5%

Одна Франція неизмѣнно удержала мѣсто во главѣ обоихъ рядовъ. Другія націи значительно измѣнили свое мѣсто во второмъ ряду сравнительно съ первымъ. Россія и Австрія, которыя усилили производительность значительно больше средняго, по усиленію доходности оказываются уже значительно ниже средняго; тогда какъ Англія, усилившая производительность меньше средняго, увеличила доходы выше средняго. Объясненіе этого факта очень просто и очевидно. Мало усилить производительность работниковъ, надо еще дать по возможности большему ихъ числу работу. Англія, которая менѣе отвлекаетъ рабочее населеніе къ воинской повинности, дѣйствительно успѣла усилить доходность даже больше усиленія производительности (10,0% и 9,1%). Въ Австріи же и Россіи необходимость усиленныхъ вооруженій отвлекаетъ очень значительное число рабочаго населенія и естественно, что усиленіе доходности такъ сильно отстало отъ прогресса производительности. Въ сущности во всѣхъ націяхъ (кромѣ Англіи) мы видимъ это отставаніе: во Франціи—на 5.1, въ Россіи—на 12,1, въ Австріи—на 7,6, въ Германіи—на 5,0 и въ Италіи—на 8.7. Конечно, было бы преувеличеніемъ приписывать это отставаніе доходности отъ производительности исключительно отвлеченію значительнаго числа рабочихъ подъ знамена, но и затѣмъ все же этотъ фактъ играетъ очень важную роль.

Наша таблички намъ уже показала, что если по производительности экономическаго прогресса Европа находится въ состояніи довольно удовлетворительномъ, то по росту доходности она уже въ 1880 году касалась кризиса. Что это за прогрессъ, выражающійся въ полупроцентѣ (Италія) или процентѣ (Германія) за десятилѣтіе? Не многимъ лучше и положеніе Россіи и Австріи. Изъ континентальныхъ державъ въ 1880 году одна только Франція бодро выносила положеніе дѣлъ, созданное этими безпримѣрными вооруженіями. Мы однако учитали только одну сторону вопроса, именно отвлеченіе значительнаго контингента рабочаго населенія. Обратимся къ другой, къ обложенію, которое повсюду усилилось за это время. Во всей Европѣ платилось налоговъ среднимъ числомъ:

1870 года на нал. душу руб. кред. .	19,0
1880 » » » » » » .	23,5
Больше на . .	4,5

Или болѣе на 23,6%. Словомъ, обложеніе значительно опередило не только прогрессъ доходности (7,3%), но и прогрессъ производительности (10,0%). Въ Америкѣ за то же десятилѣтіе обложеніе *уменьшилось* на 30%! Конечно, Европа и мечтать объ этомъ не смѣетъ. По націямъ ростъ налоговъ былъ слѣдующій:

	1870 г. руб. кр.	1889 г.	R±	% прироста.
Англія . . .	36,5	39,5	3,0	8,2
Франція . .	31,0	44,0	13,0	41,9
Германія . .	17,0	23,0	6,0	35,3
Австрія . .	18,5	20,5	2,0	18,8
Италія . . .	25,0	28,0	3,0	8,0
Россія *) . .	10,0	12,5	2,5	25,0

Эта табличка показываетъ, что Англія, Австрія и Италія усилили свое обложеніе ниже средняго, а Франція, Германія и Россія выше средняго. Но за то эти три державы и самыя могущественныя, и самыя отвѣтственныя. При настоящемъ невозможномъ состояніи европейскихъ дѣлъ для нихъ невозможно не развивать своихъ силъ. Настоящій политическій кризисъ тому служитъ лучшею и вмѣстѣ съ тѣмъ, вполнѣ горестною иллюстраціею **).

Выше мы изслѣдовали доходность безъ вычета изъ нея налоговъ, которые однако въ натурѣ вычитаются, и нація получаетъ доходы за ихъ уплатою. Посмотримъ же, что остается современному человѣчеству послѣ того, какъ оно сведетъ счеты со сборщикомъ податей. Вся Европа получала такого чистаго дохода:

1870 года на нал. душу рубл. кр. . . 118
1880 » » » » » » . . 123,5

Больше на . . . 5,5

Или на 4,7%, тогда какъ общій ростъ доходности равняется 7,3%, а производительности даже 10,0%. Первые 2,7% Европа потеряла преимущественно на отвлеченіи рабочаго населенія подъ знамена, а слѣдующіе затѣмъ 2,6% главнымъ образомъ на усиленіи военныхъ издержекъ, и въ результатѣ оказалось, что прогрессъ дѣйствительныхъ доходовъ европейскихъ народовъ на половину отсталъ отъ прогресса ихъ производительности. По націямъ мы видимъ слѣдующіе результаты:

---

*) Только Евр. Россія и безъ Финляндіи. Взято мною изъ Мельголля. Въ разсчетъ введены и мѣстные сборы.

**) Таково общее повышеніе обложенія. Спеціально же военные расходы возросли въ слѣдующей пропорціи (съ 1870 по 1880 г.): по всей Европѣ среднимъ числомъ на 12,5%, а по державамъ такъ:

Англія (уменьш.) . . .	6,2% (—)	Австрія (увелич.) . . .	16,6% (+)
Франція (увелич.) . .	23,0 (+)	Италія	40,0 (+)
Германія	38,5 (+)	Россія	28,1 (+)

Оказывается, что Германія и Италія болѣе всего спѣшили вооружаться, увеличивъ за десятилѣтіе свои военныя издержки приблизительно на 40% или на $^2/_5$ прежнихъ расходовъ. Затѣмъ, слѣдуетъ Россія, потомъ Франція, а наиболѣе отстала (въ семидесятые годы) отъ континентальныхъ державъ Австрія. Англія же даже относительно облегчила бремя военныхъ расходовъ. Замѣчу, что всюду за основаніе взяты относительныя числа.

	1870 г.	1880 г.	R±	% приб. и уб.
Англія . .	268,5 р.кр.	295,5	27,0 (+)	10,0 (+)
Франція .	176,0	186,5	10,5 (+)	6,0 (+)
Германія .	168,0	164,0	4,0 (—)	2,3 (—)
Австрія . .	93,5	97,0	3,5 (+)	3,7 (+)
Италія . .	63,0	60,5	2,5 (—)	4,0 (—)
Россія . .	67,0	66,5	0,5 (—)	0,7 (—)

Такимъ образомъ, Германія, Италія и Россія, значительно пострадавшія и по даннымъ второй таблицы, здѣсь уже нисходятъ съ плюсовъ на минусы, т. е. съ экономическаго прогресса на экономическій регрессъ. Австрія въ 1880 году держалась, но, что называется, на волоскѣ, при чемъ не надо забывать, что она тогда была отставшею въ вооруженіяхъ. Франція въ 1880 году держалась довольно твердо и выказывала довольно ощутительный прогрессъ обогащенія, во всякомъ случаѣ больше средняго европейскаго (4,9%), но какою дорогою цѣною купила Франція это относительное процвѣтаніе! Усиливъ свой трудъ почти на 17%, она изъ нихъ едва лишь 6% успѣла реализовать для обогащенія, остальные растеряла подъ бременемъ военныхъ доспѣховъ; нѣсколько больше половины потери падаетъ на отвлеченіе рабочихъ силъ къ воинскимъ занятіямъ (6,1%), а остальные (5,3%)—на усиленіе военныхъ расходовъ. Одна лишь Англія успѣла утилизовать весь прогрессъ производительности, потому что и чистые доходы ея возросли на тѣ же 10%. Но за то одна лишь Англія и не усиливала вооруженій. Ея армія за это десятилѣтіе не увеличена и военные расходы, хотя и возрасли абсолютно, но относительно (на жителя) даже нѣсколько уменьшились, понизившись съ 16 шиллинговъ на душу до 15 шиллинговъ.

Къ такому-то положенію пришла Европа уже въ 1880 году; уже тогда три націи начали прямо бѣднѣть и прямо подъ гнетомъ непосильныхъ вооруженій, четвертая стояла на чредѣ къ обѣдненію и лишь пятая (послѣдняя изъ континентальныхъ) крѣпилась, неся однако чудовищныя жертвы на алтарь все того же кровожаднаго и еще болѣе разорительнаго бога войны. Съ тѣхъ поръ положеніе дѣлъ только еще рѣзче обозначилось. Вооруженіе всѣхъ великихъ континентальныхъ державъ еще значительно усилилось. Націи и больше теперь расходуютъ на военныя приготовленія, нежели въ 1880 году, и значительно больше рабочаго населенія держатъ постоянно подъ знаменами. Эти вычисленія сдѣланы мною въ 1887 году, но это можно бы и даже должно бы написать и въ 1896 году.

Положеніе дѣлъ въ Европѣ не только не измѣнилось къ лучшему, но стало еще тягостнѣе и невыносимѣе. Кризисъ милитаризма касается, повидимому, уже своего предѣла. Прежде, чѣмъ обратиться къ обзору его состава, посмотримъ на его внѣшнее раз-

витіе послѣ тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ девять лѣтъ тому назадъ мною была набросана только что воспроизведенная картина европейскаго концерта, столь достойная европейской цивилизаціи.

Европа за десятилѣтіе 1880—1890 гг. продолжала быстро усиливать свои вооруженія, все полнѣе отвлекая подъ знамена отъ производительнаго труда самые цвѣтущіе и производительные возрасты мужского населенія. Вотъ нѣкоторыя данныя *).

	Численность мирнаго состава: Въ 1880 г.	1890 г.	R±
Англія . .	229000	212000	17000 (—)
Франція . .	498000	525000	27000 (+)
Германія . .	487000	492000	5000 (+)
Россія . . .	794000	770000	14000 (—)
Австрія . .	286000	323000	37000 (+)
Италія . . .	215000	255000	40000 (+)

Нѣкоторое уменьшеніе русской арміи объясняется тѣмъ, что въ 1880 еще не совсѣмъ была ликвидирована война съ Турціей, была еще окупирована Болгарія, силою приходилось подчинять аджаровъ батумской области и пр. Остальныя державы, кромѣ Англіи, усиливали свои вооруженія и увеличивали свои военные контингенты «по мирному составу...» Этотъ мирный составъ только въ шести великихъ державахъ превышаетъ $2^1/_2$ мильона человѣкъ. Во всей Европѣ онъ достигаетъ 3.352,000 солдатъ при 10,630 орудіяхъ; въ военное время европейская армія равняется 9.366,000 комбатантовъ. Это абсолютныя цифры. Поучительны такъ же слѣдующія относительныя числа, показывающія, сколько приходится солдатъ на каждую тысячу жителей:

	По мирн. сост.	По военному.
Англія	56	160
Франція	138	370
Германія	102	310
Россія	90	210
Австрія	80	280
Италія	85	310
Европа	91	270

Если второй столбецъ показываетъ, сколько нація готова выставить для обороны въ случаѣ войны, то первый столбецъ учитываетъ тѣ постоянныя потери производительнаго труда, которыя несетъ человѣчество изъ года въ годъ, изо дня въ день, въ ожиданіи роковой опасности, которая съ каждымъ годомъ становится все страшнѣе съ все меньшимъ шансомъ предвидѣть возможный исходъ.

*) Не всѣ числа относятся къ указаннымъ годамъ, но въ такомъ случаѣ къ ближайшимъ, встрѣченнымъ въ источникахъ. Всюду приняты во вниманіе только войска, находящіяся въ Европѣ.

Обратимся къ другой сторонѣ вопроса, къ обложеніямъ европейскихъ націй.

Въ «Dictionnary of Statistics» Мельголля находимъ слѣдующую въ высшей степени поучительную таблицу роста обложенія разныхъ народовъ Европы. Если принять обложеніе жителя каждой страны въ 1840 году за 100, то въ послѣдующія десятилѣтія это обложеніе измѣнялось, какъ показываетъ табличка.

	1840 г.	1850 г.	1860 г.	1870 г.	1880 г.	1890 г.
Англія	100	100	125	113	118	120
Франція . . .	100	103	135	147	200	247
Германія . . .	100	113	120	167	267	360
Россія	100	130	150	190	200	180
Австрія	100	130	140	170	200	215
Италія . . .	100	155	190	170	200	240

Для чего европейскому человѣчеству понадобилось это чудовищное возрастаніе налоговъ *), можно видѣть изъ слѣдующихъ поучительныхъ цифръ. Европа задолжала теперь на сумму свыше 60 милліардовъ р. кр. Изъ нихъ израсходовано:

На войну и вооруженіе	36.100.000,000
» желѣзныя дороги	14.500.000,000
» другіе пути сообщенія	7.800.000,000
» остальное	1.610.000,000
	60.001.000,000

Если припомнить, что значительная часть расходовъ на пути сообщенія имѣла въ виду военныя цѣли, то краснорѣчіе этихъ цифръ не потребуетъ комментаріевъ. Интересно, между прочимъ, что среди континентальныхъ великихъ державъ Европы нѣтъ ни одной, которая могла бы похвастаться, что, доведя свои налоги до самой высокой степени, она по крайней мѣрѣ балансируетъ ими свои расходы. Вотъ поучительныя цифры за восемнадцать лѣтъ (1871—1888 гг.), въ мильонахъ рублей кредитныхъ:

	Доходъ.	Расходъ.	Недочетъ.
	Милліоновъ.		
Англія . . .	14,740	14,670	—
Франція .	21,700	29,350	7,650 **)
Германія . .	16,100	18,800	2,700 ***)
Россія . . .	11,920	16,060	4,140 ****)
Австрія . .	11,540	13,420	1,880
Италія . . .	10,340	11,610	1,270

*) Напоминаю, что русскіе расходы 1880 года нѣсколько повышенные, какъ послѣдствіе войны, едва завершившейся и въ финансовомъ отношеніи тогда еще не вполнѣ ликвидированной.

**) Въ томъ числѣ уплачена контрибуція 5 милльярдовъ франковъ.

***) Несмотря на то, что получена громадная контрибуція.

****) Вела войну 1877—1878 гг.

За это время Соединенные Штаты получили доходовъ 12 мильярдовъ 280 мильоновъ р. кр., а израсходовали 9 мильярдовъ 640 мильоновъ, имѣя чистаго остатка 2 мильярда 640 мильоновъ. При этомъ они понизили обложеніе. Но они не вооружались, не удерживали лучшіе возрасты вдали отъ труда и не заставляли другіе возрасты тратить свои труды на содержаніе и вооруженіе состоящихъ подъ знаменами! Не нужно большой проницательности, чтобы видѣть, гдѣ причина экономическаго кризиса въ Европѣ. Не единственная, конечно, причина, но очень важная, правильно оцѣнить которую давно пора народамъ Европы. А народы эти умѣютъ прекрасно работать, создавать богатство и творить культуру даже среди этихъ жестокихъ условій. Мы уже видѣли, что такъ было въ семидесятые годы. То же повторилось и въ годы восьмидесятые. Если мы возьмемъ всю національную выручку шести великихъ націи Европы и, расчисливъ ее на душу, затѣмъ вычтемъ такъ же расчисленную сумму обложенія, то чистой выручки на душу окажется *).

	1880 г.	1890 г.	Приростъ.
Англія.	295	315	20 (+)
Франція	186	247	61 (+)
Германія	164	190	26 (+)
Россія	66	105	41 (+)
Австрія	97	136	39 (+)
Италія.	60	98	38 (+)

Очевидно, всѣ націи хорошо трудились и не даромъ прожили это десятилѣтіе. Выше мы видѣли, куда шли плоды ихъ трудовъ. Германія, Италія и Россія, начавшія было бѣднѣть въ предъидущее десятилѣтіе, оправились и снова выказали экономическій прогрессъ **). Франція по прежнему удержала мѣсто во главѣ, какъ

*) Цифры 1880 года взяты изъ Мельголля Balancesheet of the World for ten yars 1870—1880, а цифры 1890 г. изъ Мельголля же Dictionary of Statistics. При вычисленіи обложенія въ 1880 приняты во вниманіе и мѣстные налоги (объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Мельголль); что касается 1890 г., то неизвѣстно, включены ли и мѣстные сборы. Возможно, что нѣтъ, причемъ цифры послѣдняго столбца (ростъ чистаго дохода) должны бы нѣсколько понизиться. Вообще о всѣхъ приведенныхъ цифрахъ считаю умѣстнымъ оговориться, что при сложности ихъ вычисленія Мельголлемъ не слѣдуетъ ожидать точности абсолютныхъ чиселъ, но при одинаковомъ методѣ вычисленій вѣроятныя ошибки должны быть въ одну сторону и потому числа вполнѣ сравнимы и для сравнительнаго изслѣдованія вполнѣ годятся. Эта-то сложность вычисленія, вѣроятность нѣкоторой неточности побудила меня не брать для сравненія вычисленій другихъ статистиковъ, которые могли пользоваться другимъ методомъ.

**) Голодный годъ въ Россіи и экономическій кризисъ въ Италіи развились уже въ текущее десятилѣтіе, для подсчета котораго мы еще не располагаемъ достаточнымъ матерьяломъ.

преуспѣвающая быстрѣе другихъ, хотя все еще не успѣвшая догнать свою старинную заламанскую соперницу. Европа, взятая въ цѣломъ, получила въ 1890 году чистой выручки 174 р. кр. на жителя сравнительно съ 124 р. въ 1880 году, такъ что ея прогрессъ сказался въ видѣ цифры 50 р. на жителя Изъ великихъ державъ одна Франція превзошла среднюю европейскую, которая могла достигнуть этой высоты, благодаря выручкѣ второстепенныхъ націй, менѣе тратившихъ на вооруженіе.

Таковы данныя матерьяльнаго прогресса, выясняющіяся изъ сравнительнаго обзора двухъ десятилѣтій. Народы работаютъ, культура преуспѣваетъ, богатство ростетъ, но успѣхи эти не могутъ въ должной мѣрѣ направиться на возвышеніе благосостоянія и просвѣщенія, потому что въ чудовищномъ размѣрѣ учитываются въ пользу военныхъ приготовленій и учитываются двоякимъ способомъ: чрезъ усиленные расходы на вооруженіе и содержаніе неисчислимыхъ армій и чрезъ отвлеченіе самыхъ производительныхъ возрастовъ отъ производительнаго труда къ обязательному непроизводительному пребыванію подъ знаменами. Свыше 100 милліардовъ франковъ уже затрачено народами на вооруженія; около $3^1/_2$ милліоновъ человѣкъ молодежи стоитъ постоянно подъ знаменами—вотъ итогъ двадцатилѣтняго періода милитаризма. Его утнетающее значеніе для народной жизни достаточно выяснилось изъ предъидущихъ бѣглыхъ соображеній. Оно такъ ясно, что народы Европы, конечно, давно столковались бы относительно разоруженія и облегченія военнаго бремени, если бы дѣло не было гораздо сложнѣе этого простого количественнаго учета. Быть можетъ, ни одинъ годъ не обнаружилъ этой сложности вопроса съ такою очевидностью, какъ минувшій 1895 годъ. Экономическая, культурная и политическая исторія этого года оказалась полна столькими неожиданностями, которыя однако такъ тѣсно и неразрывно связаны съ основными теченіями современной исторіи, что разобраться въ этомъ калейдоскопѣ яркихъ и пестрыхъ событій невозможно безъ общаго взгляда на эти основныя историческія теченія. Настоящее маленькое введеніе указываетъ намъ одну сторону вопроса: готовность народовъ къ ужасающей войнѣ и почти необходимость ее начинать, чтобы не погибнуть подъ бременемъ приготовленій. Я не говорю о логической необходимости воевать, тѣмъ менѣе о нравственной необходимости. Разумные и совѣстливые люди нашлись бы выйти съ честью и съ общею выгодою изъ современныхъ осложненій, но рядомъ съ разумомъ и совѣстью въ исторіи господствуютъ и корысть, и интрига, и предубѣжденія, и властныя традиціи, и властныя антипатіи и вражда. Эти неразумныя и несовѣстливыя силы надо принимать также въ разсчетъ, а подъ давленіемъ все менѣе выносимыхъ военныхъ приготовленій выходъ этихъ неразумныхъ силъ, проявленіе этого «естественнаго хода вещей» становится все вѣроятнѣе; необходимость неразум-

наго и «естественнаго» разрѣшенія критическаго состоянія все возможнѣе. Разумные и совѣстливые люди должны поэтому спѣшить, ибо для ихъ умѣряющаго и облагораживающаго дѣйствія остается все менѣе времени. Съ этой то двойной точки зрѣнія или разумнаго или «естественнаго» разрѣшенія современныхъ затрудненій, мы и посмотримъ теперь на основныя теченія современной исторіи, какъ они преимущественно обнаружились въ минувшемъ 1895 году. При этомъ не будемъ забывать поучительныхъ выводовъ настоящаго параграфа, этого дамоклова меча непосильнаго военнаго бремени, побуждающаго всѣ народы Европы или найти разумный выходъ по чести и совѣсти, или взяться за оружіе съ цѣлью добиться выхода этимъ естественнымъ, хотя и постыднымъ путемъ. Въ 1895 году народы готовы были воевать изъ-за Ляотонга, Арменіи, Абиссиніи, Венецуэлы, Трансвааля, Памира и т. д. и т. д. Давно ли Европа освоилась съ этими именами? И многія ли имѣютъ достаточныя свѣдѣнія объ этихъ захолустьяхъ? Если это доказываетъ, что нервность народовъ дошла до высшаго предѣла, то съ другой стороны это обнаруживаетъ, что на земномъ шарѣ уже нѣтъ захолустьевъ и властная рука всемірной исторіи протянулась въ самые забытые закоулки.

II.

Выше приведенныя статистическія данныя о движеніи богатства народовъ Европы поучительны не только, какъ учетъ успѣховъ съ одной стороны и учетъ вліянія милитаризма съ другой, но и какъ показатель нѣкоторыхъ глубокихъ внутреннихъ теченій, властно и могущественно отражающихся на ходѣ всемірной исторіи. Мнѣ случалось уже указывать, что всѣ народы земного міра, вовлеченные всемірною исторіею въ одинъ процессъ мірового товарнаго обращенія, постепенно распадаются на два класса, націй—капиталистовъ и народовъ—работниковъ, изъ коихъ первыя изъ года въ годъ получаютъ отъ вторыхъ массу цѣнностей и товаромъ и монетою, безъ всякаго возмѣщенія. Одни постоянно теряютъ, другіе постоянно пріобрѣтаютъ. Въ статьѣ «Международная экономическая борьба» и затѣмъ вторично въ обзорѣ 1894 года («Русское Богатство», 1895 г., № 1) я обстоятельно останавливался на этомъ основномъ историческомъ теченіи современности, отъ котораго можно и слѣдуетъ ожидать самыхъ важныхъ и самыхъ оригинальныхъ плодовъ *). Я не возвращаюсь къ подробному обоснованію этого процесса, но остановлюсь нѣсколько на нѣкоторыхъ сторонахъ, начинающихъ уже обнаруживать свое вліяніе на международныя

*) Статья «Международная экономическая борьба», появившаяся въ 1888 году, вошла теперь, дополненная и переработанная, во второй томъ моихъ «Соціологическихъ этюдовъ».

отношенія и довольно явственно сказавшіяся именно въ минувшемъ году.

Выше мы привели данныя о ростѣ производительности и о ростѣ накопленія богатства, причемъ обнаружилось, что за исключеніемъ Англіи ростъ доходности отстаетъ отъ роста производительности. «Мало усилить производительность работниковъ, сказали мы тогда, надо еще дать по возможности большему ихъ числу работу», т. е. не отвлекать массу народа подъ знамена. Указавъ на роковое значеніе милитаризма въ этомъ дѣлѣ, я прибавилъ однако, что было бы преувеличеніемъ приписывать это отставаніе доходности отъ производительности *исключительно* отвлеченію значительнаго числа рабочихъ подъ знамена. Теперь мы и постараемся усчитать значеніе этого отвлеченія, чтобы выяснилось тѣмъ самымъ значеніе и другихъ факторовъ. Въ періодъ 1870—1880 гг. ростъ доходовъ отставалъ отъ роста производительности во Франціи на 31,1%, въ Австріи—на 60,8%, въ Россіи—на 82,2%, въ Германіи—на 83,3% и въ Италіи—на 93,5%. Если мы обратимся (см. выше) къ росту милитаризма, то увидимъ, что во Франціи, Германіи, Италіи онъ прогрессировалъ почти одинаково, а въ Россіи и Австріи нѣсколько отставалъ, но если бы мы даже пренебрегли этимъ отставаніемъ, то и тогда мы должны бы были признать, что вліяніе милитаризма на отставаніе доходности отъ производительности во всѣхъ пяти державахъ не должно быть выше вліянія его во Франціи. Что оно однако не должно быть и значительно ниже, явствуетъ изъ сравненія Англіи и Франціи, находящихся въ аналогичныхъ экономическихъ условіяхъ за исключеніемъ вліянія милитаризма. Итакъ около 30% роста производительности не отражаются соотвѣтственнымъ повышеніемъ доходности (въ пяти великихъ державахъ континента), благодаря росту милитаризма. Недочетъ, обнаруживаемый свыше этого, надо отнести къ другимъ факторамъ, а этотъ излишній дефицитъ, не находящій объясненія въ бремени милитаризма, равнялся въ семидесятые годы въ Австріи 30% производительности, въ Россіи и Германіи—около 50% и въ Италіи свыше 60%. Это такіе значительные недоборы и недочеты, что произведены могутъ быть лишь очень могущественными и значительными факторами. Значеніе этихъ фактовъ мы уразумѣемъ вполнѣ ясно, если скажемъ, что въ 1880 г. каждый германскій рабочій создавалъ цѣнностей на 17 р. больше нежели въ 1870 г., но изъ нихъ лишь 2 р. шло на увеличеніе богатства, 6 р. 50 к. поглощалъ милитаризмъ, всего 8 р. 50 к. оставалось въ Германіи, а другая половина уходила заграницу; каждый русскій рабочій вырабатывалъ на 12 р. больше, но только 6 р. поступало въ руки русскихъ (въ томъ числѣ 4 р. на вооруженіе), другіе 6 р. уплывали къ иностранцамъ; изъ 18 р., на которые увеличилась производительность австрійскаго рабочаго, 6 р. поступало за границу, 6 шло на вооруженіе и 6 на увеличеніе богатства, а изъ 12 р. прибавочныхъ итальянскаго рабочаго только

4 р. оставалось дома (почти цѣликомъ на вооруженіе), 8 р. шло иностранцу. Кому же они поступали? Статистика показываетъ, то они поступали въ пользу англичанина, француза, голландца и бельгійца. Вотъ данныя, обнаруживающія это съ поразительною ясностью. За 26 лѣтъ Англія ввезла товаровъ больше, нежели вывезла, на сумму 2 милліарда 111 милліоновъ фунтовъ, въ это же время она ввезла монеты больше, нежели вывезла, на 80 милліоновъ фунтовъ. За тотъ же періодъ Франція ввезла товаровъ больше, нежели вывезла, на сумму 440 милліоновъ фунтовъ, а монеты на сумму 117 милліоновъ фунтовъ. Иначе говоря, за это время (под-рядъ больше четверти вѣка) товарами и монетой эти двѣ страны получили цѣнностей больше, нежели въ возмѣщеніе отдали, на сумму два милліарда 848 милліоновъ ф. ст. (или 17 милліардовъ 800 милліоновъ рублей металлическихъ, или 71 милліардъ 200 милліоновъ франковъ) Естественно, если Англія могла содержать грозный флотъ и держать подъ пятою громадную колоніальную имперію, увеличивая національные доходы даже быстрѣе національной производительности. Естественно, если и Франція могла богатѣть, несмотря на чудовищное развитіе милитаризма. Но во сколько же разъ затруднительнѣе было положеніе остальныхъ великихъ державъ, которыя должны были, усчитавъ треть роста національной производительности въ пользу милитаризма, затѣмъ другую треть этого роста, половину его, а иногда и всѣ остающіяся двѣ трети (Италія) отдавать иностранцу!

Въ семидесятые и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ положеніе этихъ державъ на международномъ рынкѣ было приблизительно слѣдующее. Они вывозили цѣнностей (товаромъ и монетой) больше, нежели ввозили (среднимъ числомъ ежегодно) считая на жителя *):

Превышеніе вывоза на сумму (руб. мет.).

	Товаромъ.	Монетой.	Всего.
Германія . .	0,4	0,2	0,6
Россія . . .	0,6	0,1	0,7
Австрія . .	1,9	0,02	1,92

Это та дань, которую эти народы работники уплачивали націямъ капиталисткамъ:

Превышеніе ввоза на сумму (на жителя):

	Товаромъ	Монетой	Всего
Англія. .	27,4	0,5	27,9
Франція .	8,0	1,5	9,5
Голландія.	30,2	1,6	31,8
Бельгія .	16,0	5,1	21,1

Конечно, большую часть этой дани уплачивали неевропейскіе народы, такъ называемые «рынки», но довольно значительная часть

*) Объ Италіи не имѣю данныхъ для обращенія монеты.

выпадала и на долю экономически отсталыхъ странъ Европы. Такъ, Россія на одномъ товарѣ, не учитывая монетнаго вывоза, потеряла за четверть вѣка 825 милліоновъ франковъ, Австрія же даже 1 милліардъ 25 милліоновъ. Эти страны и въ восьмидесятые годы, и нынѣ въ девятидесятые находятся въ томъ же экономическомъ отсталомъ состояніи, не являясь серьезными соперницами націямъ капиталисткамъ, не оспаривая у нихъ экономическаго господства. Италія, Испанія, Балканскія страны — тоже. Не въ нихъ, стало быть, главный интересъ эволюціи, развивавшейся въ восьмидесятые годы и продолжающей развиваться въ девятидесятые. Германія и Соединенные Штаты являются съ этой точки зрѣнія центромъ историческаго интереса. Если съ одной стороны мы возьмемъ данныя для половины семидесятыхъ годовъ и сравнимъ съ данными для конца восьмидесятыхъ, то ростъ всего богатства четырехъ націй выразится слѣдующими интересными цифрами:

	1872—1875 гг.	1887—1890 гг.	Ростъ.
	Въ милліонахъ рубл. кред.		
Англія	85,480	94,000	8,520
Франція . . .	68,220	85,600	17,380
Пруссія *) . . .	22,890	34.250	11,360
Соед. Штаты **) .	90,770	128,240	37,470

Не нужно большой проницательности, чтобы увидѣть, какъ быстро Соединенные Штаты и Германія нагоняютъ Англію въ дѣлѣ накопленія капитала, т. е. той силы, которая и направляетъ затѣмъ и товары и монеты не изъ страны, а въ страну. Приростъ богатства, расчисленный на населеніе 1890 года, показываетъ, что Англія увеличила свое богатство на 224 рубля на жителя, Германія — на 378, Франція — на 451 и Америка — на 595 рублей на жителя. Вмѣстѣ съ этимъ Германія изъ вывозящей страны стала ввозящей, а Соединенные Штаты, хотя и продолжаютъ вывозить товаръ, но усиленно ввозятъ монету. Словомъ, эти двѣ націи выбиваются наверхъ и переходятъ или могутъ перейти въ разрядъ націй-капиталистокъ. Онѣ являются очень серьезными соперницами и при томъ именно Англіи; гораздо менѣе—Франціи и Нидерландовъ. Это легко понять, если припомнить тотъ механизмъ, при помощи котораго націи-капиталистки эксплуатируютъ остальное человѣчество, и если сообразить и то поприще, на которомъ дѣйствуютъ капиталы Англіи, Франціи и Нидерландовъ.

Историческій механизмъ, направляющій богатства изъ однѣхъ странъ въ другія, много разъ измѣнялъ свою физіономію и свои способы. То это была монополія торговли съ отдаленными странами, единственными поставщицами разныхъ особо цѣнимыхъ товаровъ. Такъ

*) Для всей Германіи свѣдѣній нѣтъ для семидесятыхъ годовъ.
**) Для 1880 года.

поступали Финикія, Венеція, Генуя, Ганза, Португалія. Затѣмъ это была монополія же торговли, дополненная колоніальною системою съ цѣлью большаго производства и тѣснѣйшей монополизаціи ввоза цѣнныхъ товаровъ. Такъ вела себя Голландія, въ древности Греція, за Голландіей—Англія и Франція XVII и XVIII вв. Къ концу послѣдняго вѣка механизмъ эксплуатаціи экономически отсталыхъ народовъ еще разъ измѣнилъ методы. Монополія ввоза была замѣнена монополіей вывоза; начали заботиться о пріобрѣтеніи рынковъ сбыта для національной промышленности. Именно на этой системѣ, опирающейся на могучее развитіе колоніальной системы и на неоспоримое морское господство, и основала Англія свое блестящее экономическое развитіе, поставившее ее на все XIX столѣтіе въ челѣ самыхъ богатыхъ и экономически господствующихъ націй. За нею по тому же пути достигли значительнаго успѣха Франція и Нидерланды. Этотъ англійскій методъ экономическаго господства не потерялъ значенія и до сего времени, составляя одинъ изъ могущественныхъ рычаговъ для экономическаго подчиненія отсталыхъ странъ. Имъ для своего возвышенія пользуются отчасти и Германія и Соединенные Штаты, особенно первая. Тѣмъ не менѣе едвали исторія не начинаетъ отодвигать его на второй планъ и замѣнять новыми способами, являющимися порожденіемъ самаго послѣдняго времени. Эти новые способы заключаются въ непосредственномъ воздѣйствіи національнаго капитала, уже дифференцовавшагося отъ воздѣйствія чрезъ національную промышленность. Когда Манчестеръ производитъ бумажныя ткани и затѣмъ монополизуетъ ихъ сбытъ индусамъ, которые выплачиваютъ барыши манчестерскимъ капиталистамъ и заработную плату манчестерскимъ рабочимъ, въ этомъ случаѣ національный капиталъ привлекаетъ изъ другихъ странъ въ свою страну богатства, сочетаясь для этого съ національнымъ трудомъ, дѣйствуетъ чрезъ развитіе національной промышленности. Если же тѣ же англійскіе капиталисты вмѣсто того, чтобы основывать предпріятіе въ Англіи, основываютъ его въ Индіи и прибыли съ этого предпріятія (непремѣнно высшія, нежели возможны въ Англіи) вывозятъ въ свою страну, то этотъ методъ уже не требуетъ сочетанія съ національнымъ трудомъ и не нуждается въ процвѣтаніи національной промышленности, еще полнѣе однако служа національному обогащенію за счетъ экономически отсталыхъ странъ. Могутъ быть даже случаи, когда интересы національнаго капитала вступаютъ въ конфликтъ съ интересами національной промышленности. Минувшему 1895 году выпало на долю дать первую крупную и несомнительную иллюстрацію этому совершенно новому явленію національной экономической жизни. Я хочу напомнить одинъ изъ послѣднихъ биллей, проведенный павшимъ либеральнымъ кабинетомъ графа Розберри съ содѣйствіемъ, однако, и поддержкой значительнаго числа консерваторовъ. Оппозиціонное биллю меньшинство состояло изъ депутатовъ обоихъ лагерей, какъ и при-

нявшее его большинство. По этому биллю англійскія ткани, при ввозѣ въ Индію, обложены пошлиною съ цѣлью охраны «національной» индійской промышленности отъ англійской конкурренціи. Послѣдствіемъ билля явились серьезныя затрудненія въ самой важной отрасли англійской промышленности, въ бумаго-прядильномъ и бумаго ткацкомъ производствѣ. Можно было бы восхищаться благородствомъ и великодушіемъ англійской плутократіи, проведшей билль, если бы только въ самомъ дѣлѣ въ настоящее время еще существовало въ Индіи что либо, могущее именоваться національною индійскою промышленностью. Прежде знаменитая индійская промышленность давно убита и въ корень истреблена англійской конкурренціей. Милліоны индійскихъ кустарей (не имѣвшихъ по религіи права заниматься чѣмъ либо, кромѣ своего промысла) со всѣми своими семьями умерли съ голода въ самомъ прямомъ и буквальномъ смыслѣ слова. Отчеты путешественниковъ первой половины XIX вѣка полны потрясающихъ картинъ этого покорнаго и неминуемаго голоднаго вымиранія милліоновъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Англійскіе законодатели не подумали тогда оградить ихъ отъ этого печальнаго исхода. Законъ желѣзной необходимости, свобода торговли, свободная конкурренція и многое другое фразировалось для оправданія этого «печальнаго, но необходимаго» явленія. Нынѣ ограждать изъ индусовъ-промышленниковъ уже некого. Ихъ нѣтъ. Но зато громадные англійскіе капиталы предпочли переселиться изъ Англіи въ Индію и здѣсь основать обширную и разнообразную промышленность, опирающуюся на дешевизну рабочихъ рукъ, дешевизну администрированія (что можетъ быть дешевле палки), близость рынка сбыта. Довольствуясь на родинѣ двумя и даже меньше того процентами прибыли, англійскіе капиталы, переселившись въ Индію, конечно, взяли гораздо больше, но l'appetit vient en mangeant, говорятъ французы. Вотъ для этого то возвышенія индійскихъ прибылей англійскаго капитала и былъ проведенъ упомянутый билль, наносящій ущербъ собственно англійской промышленности. Очевидно, интересы капитала, непосредственно эксплуатирующаго иностранца, уже сильнѣе въ Англіи интересовъ капитала, затраченнаго въ національную промышленность. 1895 годъ принесъ намъ это извѣстіе первостепенной важности и громаднаго историческаго значенія. Къ этому факту мы еще вернемся, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о другомъ въ высшей степени значительномъ способѣ, при помощи коего націи-капиталистки утверждаютъ свое экономическое преобладаніе и собираютъ жатву со всего остального человѣчества.

Если мы обратимся къ всемірному торговому балансу, то увидимъ любопытную черту, имѣющую громадное экономическое значеніе. Въ восьмидесятые годы ежегодно среднимъ числомъ ввозилось во всѣ страны міра цѣнностей на $5^1/_2$ милліардовъ франковъ больше, нежели изъ всѣхъ странъ вывозилось! Другими словами,

на расходы международнаго транспорта товаровъ и на барыши международной торговли человѣчество ежегодно отчисляло изъ своего годового дохода эти пять съ половиною милльярдовъ франковъ (свыше двухъ милльярдовъ руб. кр.). Эта громадная сумма почти цѣликомъ получается экономически господствующими націями и теряется экономически отсталыми. Нѣкоторыя цифры намъ позволятъ уразумѣть механизмъ этой операціи. За сорокъ лѣтъ съ 1850—1890 гг. средній процентъ, уплачивавшійся національными банками разныхъ странъ Европы, былъ слѣдующій (при чемъ страны расположены въ порядкѣ возрастанія этого процента, интервалъ поставленъ на переходѣ черезъ среднюю европейскую):

	%		%
Голландія	3,41	—	
Бельгія	3,62	Германія	4,16
Франція	3,69	Австрія	4,75
Англія	3,70	Италія	5,22

Европа 3,98%

При этомъ въ Англіи и во Франціи были за этотъ срокъ довольно значительные періоды, когда процентъ падалъ до 2%, въ Голландіи къ 1890 г. онъ былъ всего 2,5%. Ясно, что въ одномъ и томъ же дѣлѣ, при совершенно свободной конкурренціи (что неизбѣжно въ международной торговлѣ), капиталы Австріи или Италіи не могутъ принять равное участіе съ капиталами Англіи, Франціи и Нидерландовъ. Зачѣмъ австрійскій или итальянскій капиталистъ будетъ затрачивать свои средства на международную торговлю и международный транспортъ, когда съ этого дѣла онъ не можетъ получить больше англо-франко-нидерландскаго капиталиста, т. е. отъ 2 до 3%, а, между тѣмъ, затративъ тѣ же средства дома въ другія предпріятія, охраняемыя политическими мѣрами отъ англо-франко-нидерландской конкурренціи, онъ получитъ отъ 4 до 5%. Ясно, что онъ и не затратитъ, если не будетъ щедро субсидированъ. Слѣдующая маленькая табличка, заимствованная изъ Мельголля Dictionnary of Statistics и подсчитывающая прибыли австрійскихъ капиталистовъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности, является очень яркою и характерною иллюстраціею вышесказаннаго. Различныя отрасли австрійской промышленности принесли въ 1887 г. слѣдующія прибыли на затраченные капиталы (въ процентахъ):

	%		%
Газъ	12,4	Обраб. метал. . . .	6,5
Страхованіе	10,5	Банки	6,4
Сахаръ	8,8	Бумага писч.	5,6
Пиво	8,3	Копи	4,8
Прядильн. и ткацк. .	6,6	Паровое судоходство.	2,0

Среднее . . . . 6,2%.

Если, несмотря на это, австрійцы имѣютъ нѣкоторый паровой коммерческій флотъ, то единственно благодаря щедрымъ государственнымъ субсидіямъ, т. е. на счетъ другихъ доходовъ народа. То же слѣдуетъ сказать объ Италіи и Россіи. Если не считать небольшого финскаго флота дальняго плаванія, то пожалуй, единственно нѣсколько пароходовъ Русскаго Общества, совершающіе рейсы къ портамъ Леванта, да суда Добровольнаго Флота, и могутъ быть зачислены въ русскій коммерческій флотъ международныхъ сношеній. Извѣстно, что оба учрежденія щедро субсидированы, да иначе они и не существовали бы (кромѣ, конечно, каботажа) Въ 1888 году общій тонажъ всего парового коммерческаго флота на землѣ равнялся 9.040,000 тоннъ. Изъ нихъ націямъ, экономически господствующимъ или выбивающимся къ этому господству (т. е. Англіи, Франціи, Нидерландамъ, Соединеннымъ Штатамъ, Германіи и Скандинавіи) принадлежало—7.928,000 тоннъ и только остальные—1.112.000 всему остальному человѣчеству, а если еще вычесть 410,000 тоннъ пиринейскихъ, этого остатка прежняго величія, то останется всего 502,000 тоннъ, изъ которыхъ, конечно, почти всѣ заняты каботажемъ и въ международномъ транспортѣ участія не принимаютъ.

Ясно, что весь международный транспортъ и международная торговля дѣлятся между выше перечисленными шестью націями. Въ ихъ же пользу поступаетъ отъ остального человѣчества $5^1/_2$ милліардовъ франковъ ежегодно за посредничество.

Могущественнымъ средствомъ направлять богатства изъ однѣхъ странъ въ другія является также разселеніе культурныхъ работниковъ, спеціалистовъ, техниковъ, инструкторовъ. Обыкновенно эти культуртрегеры сопровождаютъ иностранные капиталы, но въ значительномъ числѣ они разселяются и при туземныхъ предпріятіяхъ. Всѣ они наживаютъ деньгу, которая и течетъ широкимъ потокомъ въ отечество. И обыкновенные эмигранты не сразу рвутъ связи съ родиной и значительная часть ихъ сбереженій капитализуются не въ новомъ, а въ старомъ отечествѣ.

Таковы методы, при помощи которыхъ экономически господствующія націи направляютъ къ себѣ богатства, создаваемыя трудомъ и природою другихъ народовъ. Именно: 1) Обезпеченіе рынковъ сбыта для національной промышленности, способъ, нѣсколько устарѣлый, но играющій еще очень значительную роль; 2) разселеніе капитала, частью въ видѣ ссудъ правительствамъ, общинамъ и учрежденіямъ экономически отсталыхъ странъ, частью въ видѣ основанія собственныхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій въ этихъ странахъ; 3) разселеніе культуртрегеровъ и, вообще, избыточнаго населенія по этимъ странамъ; и 4) наконецъ, захватъ международнаго транспорта и международной торговли, этой изумительно быстро растущей хозяйственной операціи, пріобрѣтающей все большое значеніе въ экономической жизни народовъ. Теперь

посмотримъ, какъ распредѣляютъ между собою экономически господствующія націи это широкое поле международной эксплуатаціи.

III.

Общій тонажъ пароваго коммерческаго флота пяти націй, взаимное соперничество которыхъ мы изучаемъ, развивался по годамъ слѣдующимъ образомъ (въ тысячахъ тоннъ):

	1860 г.	1880 г.	1888 г.
Англія	502	3,105	4,355
Франція	84	278	510
Германія	50	216	503
Голландія *)	20	65	105
Соед. Штаты . . .	870	1,211	1,765
Весь міръ	1,714	5,882	9,040

Изъ этой таблички видно, что Франція и Голландія сохранили свои мѣста въ международной торговлѣ, не больше. Въ 1860 г. французскій тонажъ составлялъ 5% всемірнаго тонажа, въ 1888 г. онъ равнялся $5^1/_2$%. Голландскій тонажъ въ 1860, 1880 и 1888 гг. остается вѣренъ самому себѣ, составляя 1,1% всемірнаго тонажа. Борьба идетъ, главнымъ образомъ, между Англіей и Америкой. Въ 1860 г. американскій тонажъ составлялъ 50,7% всемірнаго, а въ 1880 и 1888 гг. онъ равняется только 20%. Братоубійственное истребленіе коммерческаго флота во время междоусобной войны 1861—63 гг. явилось причиною этого паденія, которымъ всецѣло воспользовалась Англія. Въ 1860 г. англійскій тонажъ равнялся 30% всемірнаго, а въ 1880 г. онъ достигъ 52%, понизившись до 48% въ 1888 г. Изъ сравниваемыхъ націй воспользовались этимъ пониженіемъ, или точнѣе, добилась этого пониженія Германія, которая свой тонажъ съ 2,8% въ 1860 г. подняла до 3,7% въ 1880 г. и до 5,5% всемірнаго тонажа въ 1888 г. Такимъ образомъ, борьба за барыши международнаго транспорта и международной торговли идетъ между Англіей, Соединенными Штатами и Германіей. Франція и Нидерланды только удерживаютъ свои мѣста. И, дѣйствительно, въ то время, какъ всемірный тонажъ съ 1860 по 1888 гг. возросъ въ пять разъ, Франція увеличила свой тонажъ тоже въ $5^1/_2$ разъ, Голландія ровно въ 5 разъ, между тѣмъ, Англія увеличила его въ $8^1/_2$ разъ, а Германія удесятирила. Америка, благодаря упомянутому истребленію, увеличила его только вдвое. Если же для сравненія мы возьмемъ только 1880 и 1888 гг., то окажется, что всемірный тонажъ за эти восемь лѣтъ увеличился въ полтора раза,

*) Бельгія сравнительно мало участвуетъ въ этомъ морскомъ соперничествѣ. Въ 1888 г. ея тонажъ равнялся 73 тыс. Для 1860 и 1880 гг. не располагаю данными.

германскій въ $2^1/_3$, американскій въ $1^1/_2$, англійскій въ $1^1/_4$ раза. Не только германскій, но и американскій тоннажи начали обгонять англійскій по быстротѣ развитія. Отмѣчаю эти данныя, чтобы ввести анализъ современности въ предѣлы того основного вопроса, что между Англіей съ одной стороны, Соединенными Штатами и Германіей съ другой, идетъ въ настоящее время самая ожесточенная экономическая борьба изъ-за господства надъ экономически отсталымъ человѣчествомъ. Захватъ международнаго транспорта и международной торговли составляетъ только одинъ методъ этой борьбы. Пересмотримъ другіе.

Обезпеченіе рынковъ сбыта для національной промышленности составляетъ другой давно испытанный методъ. И Англія, и Франція, и Нидерланды имѣютъ эти рынки. Англія и Голландія ихъ имѣютъ преимущественно въ колоніяхъ, Англія частью на независимомъ Востокѣ и въ Южной Америкѣ. Франція и Бельгія, совершенно наоборотъ, эти рынки имѣютъ преимущественно въ Европѣ, а затѣмъ и во всемъ мірѣ, гдѣ только есть богатые и культурные классы. Эти классы, пренебрегающіе всякими охранительными пошлинами, являются постояннымъ и обезпеченнымъ рынкомъ для французской и бельгійской промышленности, вырабатывающей высокопробные продукты, отличающіеся высокою добротностью, вкусомъ, изяществомъ, модностью. Такъ подѣлены рынки между четырьмя націями, установившими въ свою пользу экономическое господство. Нынѣ новыя двѣ націи, Германія и Америка, стучатся въ эту храмину международной плутократіи. Имъ нужны рынки. Конкуррировать съ французами на европейскомъ рынкѣ чрезвычайно трудно и не по силамъ еще не окрѣпшей націи, да и вкусъ, изящество, модность давно стали привиллегіей Франціи. Берлинъ послѣ побѣды 1870 г. задумалъ было завесть свои моды, но и разгромленная Франція осталась законодательницею моды. Такимъ образомъ, естественно, если независимый Востокъ, Южная Америка и колоніи должны составлять и для Германіи, и для Соединенныхъ Штатовъ объекты экономической политики. Доктрина Монроэ, съ этой точки зрѣнія, получаетъ новое интересное освѣщеніе. «Америка для американцевъ» можетъ означать въ сущности «Южная Америка, какъ рынокъ для сѣверо-американской промышленности». Съ другой стороны, германская политика на дальнемъ и ближнемъ Востокѣ, систематически антианглійская, также получаетъ освѣщеніе съ этой точки. Трансваальскій вопросъ исходитъ изъ экономической необходимости для нѣмцевъ имѣть свою колоніальную имперію. Такимъ образомъ задача пріобрѣсти и обезпечить для національной промышленности рынки сбыта ставитъ Америку и Германію лицомъ къ лицу не съ Франціей и Нидерландами, а съ Англіей. То же самое видимъ мы, если обратимъ вниманіе на два другіе метода экономическаго господства.

Разселеніе капитала по экономически отсталымъ странамъ составляетъ едва-ли не самый важный и выгодный методъ направ-

лять къ себѣ богатства, добываемыя трудомъ другихъ народовъ. Эти народы, благодѣтельствуемые разселяющимся иностраннымъ капиталомъ, могутъ быть политически независимы по отношенію къ странѣ, снабжающей ихъ капиталами, и могутъ находиться въ политической зависимости разной степени. Напримѣръ, когда являются иностранные капиталы для затраты въ разныя предпріятія въ Россіи, Италіи, Испаніи, Мексикѣ, Бразиліи, то мы имѣемъ первый случай. Когда англичане затрачиваютъ капиталы въ Индіи—это второй случай, совершенно опредѣленный и ясный. Однако, есть и промежуточные случаи, когда формально независимыя государства въ сущности входятъ въ сферу политическаго вліянія какой-либо державы. Въ настоящее время, напр., мелкія Балканскія государства находятся въ сферѣ политическаго вліянія тройственнаго союза. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ случаѣ полнаго политическаго господства, устанавливается и экономическое господство, устраняющее конкурренцію другихъ капиталовъ. Тотъ-же примѣръ Болгаріи, Сербіи и Румыніи показываетъ, какъ утвердился тамъ именно австро-германскій капиталъ, несмотря на то, что онъ дороже англійскаго или французскаго. Выше мы приводили данныя, указывающія на эту сравнительную дороговизну, которая является препятствіемъ для равноправной конкурренціи съ болѣе дешевымъ и потому болѣе сильнымъ капиталомъ. Въ реально независимыхъ странахъ для капитала германскаго и американскаго конкурренція съ капиталомъ англо-франко-нидерландскимъ невозможна. Французскій и бельгійскій капиталъ господствуетъ въ Испаніи и Италіи, а въ послѣднее десятилѣтіе быстро расширяетъ свое значеніе и въ Россіи, оттѣсняя германскій капиталъ, начавшій раньше утверждаться въ Россіи. Попытка германскаго капитала основаться въ Италіи кончилась неудачей и убытками, несмотря на покровительство итальянскаго правительства. Не здѣсь, не въ независимыхъ странахъ Европы должны искать себѣ поприща капиталы германскій и американскій. Безъ прямой *политической* охраны ихъ капиталъ безсиленъ бороться съ англо-франко-нидерландскимъ капиталомъ. Такая политическая охрана возможна лишь при политическомъ подчиненіи въ той или другой формѣ. Независимая Европа для этого не годится, не здѣсь нѣмцы и американцы должны искать помѣщенія своего капитала, но именно здѣсь утвердился не англійскій, а франко-нидерландскій капиталъ *). Помѣщеніе для капитала должно искать на Востокѣ, въ Южной Америкѣ и въ колоніяхъ, т. е. опять-таки въ той области, которую себѣ отмежевала Англія, причемъ прежде всего надо ее политически отстранить, политически отнять у нея эти страны и на политическихъ мѣропріятіяхъ основать начало экономическаго

*) Что касается Голландіи, то она преимущественно занимается ссудою денегъ для государственныхъ займовъ.

господства. Россіи не надобна Индія, не интересна и Южная Африка. Германіи очень пригодилась-бы и та и другая. Доктрина Монроэ, доведенная до крайности, могла-бы привести къ постоянной политической федераціи всей Америки и склонить Южную Америку къ стѣсненію законодательнымъ порядкомъ вселеніе европейскаго капитала, тѣмъ самымъ открывая поприще для американскаго. Такимъ образомъ, и тутъ не Франція и Нидерланды, но Англія должна потѣсниться, чтобы Соединенные Штаты и Германія могли утвердиться въ сонмѣ экономически господствующихъ націй-капиталистокъ.

Не трудно сообразить, что тоже самое и съ разселеніемъ культуртрегеровъ. Большею частью, какъ уже сказано выше, они сопровождаютъ свои капиталы, слѣдовательно, селятся тамъ, гдѣ внѣдряется родной капиталъ. Борьба за внѣдреніе капитала есть стало быть, и борьба за разселеніе культуртрегеровъ. Если Германіи и Америкѣ не приходится бороться съ Франціей и Нидерландами за внѣдреніе капитала, то нѣтъ резона бороться и за поприще для культуртрегеровъ. Что касается вообще эмиграціи, то не надо забывать, что французы не размножаются и имѣютъ мало колоній, годныхъ для заселенія европейцами. Англія-же, наоборотъ, посылаетъ ежегодно массы эмигрантовъ и обладаетъ лучшими колоніальными территоріями. Доктрина Монроэ можетъ и съ этой точки зрѣнія прельщать американцевъ. Южная Африка очень прельщаетъ нѣмцевъ.

Таковы тѣ данныя, которыя, по моему мнѣнію, могутъ истолковать сущность событій, послѣдовательно развивавшихся въ 1895 году. Настойчивое стремленіе Германіи сблизиться съ Россіей и Франціей, ея анти-англійская политика въ Китаѣ и въ Турціи, вызывающее вмѣшательство Германіи въ трансваальскій вопросъ, вызывающій образъ дѣйствія Америки въ вопросѣ венецуэльскомъ, всѣ эти неожиданности и сюрпризы 1895 года находятъ себѣ объясненіе въ этомъ коренномъ антагонизмѣ экономическихъ интересовъ Англіи съ одной стороны, Германіи и Америки—съ другой. Англія стоитъ одна на пути къ ихъ экономическому господству. Ее и надо сбить съ этого пути и сбить политически, военнымъ разгромомъ и отнятіемъ колоній (Канады для американцевъ, Южной Африки для нѣмцевъ на первый разъ). Но съ одной стороны она достаточно могущественна, чтобы рисковать войной, не вполнѣ изолировавъ ее. Это, кажется, не удалось. Съ другой стороны, переплетъ политическихъ интересовъ приводитъ къ политическому антагонизму между Германіей и ея союзниками съ одной стороны, Франціей и Россіей—съ другой. Этотъ политическій антагонизмъ можетъ надолго задержать развитіе экономическаго англо-германскаго антагонизма въ открытое столкновеніе. Съ другой стороны, такой-же политическій антагонизмъ между Англіей и Франко-Россіей заставляетъ и ее не торопиться разрывомъ съ Германіей.

Полная капитуляція Англіи въ вопросѣ о разграниченіи на Верхнемъ Меконгѣ доказываетъ, что Англія желаетъ устранить этотъ политическій антагонизмъ. Во всякомъ случаѣ Англія дѣятельно готовится къ войнѣ. Дѣятельно готовятся и всѣ остальныя націи Европы и Америки. Если мы припомнимъ данныя о военномъ бремени, приведенныя въ началѣ этого *Дневника*, то не иначе какъ съ печалью и тревогой посмотримъ на наступившій высокосный 1896 годъ. Пожелаемъ-же, чтобы онъ прошелъ благополучно и мирно; чтобы онъ закончился при условіяхъ, болѣе нормальныхъ и отрадныхъ, чѣмъ начинается; чтобы человѣчество нашло въ себѣ достаточно разума и совѣсти для безобиднаго, достойнаго и для всѣхъ выгоднаго разрѣшенія назрѣвшихъ вопросовъ. Я намѣревался пересмотрѣть съ этой точки зрѣнія главнѣйшіе вопросы, волновавшіе человѣчество въ 1895 году. Общее обозрѣніе слишкомъ затянулось, и я уже у конца сегодняшняго *Дневника*. Отлагаю мое намѣреніе до другого раза.

Между разными вопросами, которые должны войти въ этотъ обзоръ и разумное и совѣстливое разрѣшеніе которыхъ особенно необходимо, на первомъ планѣ стоитъ, конечно, армянскій. Въ числѣ другихъ мы, можетъ быть, вернемся и къ нему въ другой разъ, но уже теперь мнѣ хотѣлось-бы обратить вниманіе читателей на недавно вышедшую книгу «Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательства державъ въ 1895 году», книгу, во многихъ отношеніяхъ замѣчательную и во многихъ отношеніяхъ прямо ужасную. Въ нѣкоторой части нашей прессы установилось какое то злорадное отношеніе къ армянамъ и благодушное довѣріе къ турецкому правительству. Ужасающая картина, рисуемая въ упомянутой книгѣ самыми достовѣрными свидѣтельствами, является печальнымъ отвѣтомъ на это недостойное злорадство по отношенію къ жестокимъ страданіямъ и постыдной тираніи. Мы отнюдь не сторонники русскаго вмѣшательства въ армянское дѣло. Мы полагаемъ, что война была-бы слишкомъ тяжкимъ бременемъ для русскаго народа, и безъ того не богатаго. Но не желать войны изъ-за армянъ и стараться обѣлить тираннію и насиліе—это вещи, совершенно различныя. Россія не обязана воевать въ этомъ случаѣ, а слѣдовательно, обязана передъ своимъ народомъ не воевать, но Европа (и Россія въ томъ числѣ) обязана положить конецъ этому невозможному положенію вещей. Коллективное, энергическое и единодушное вмѣшательство Европы, конечно, можетъ достигнуть этой цѣли и безъ войны. Если-же и понадобилось-бы принужденіе, то, разложенное на всю Европу, оно не было бы тяжелымъ бременемъ, но было-бы несомнительнымъ нравственнымъ долгомъ. Способно-ли, однако, европейское человѣчество на такое единодушіе?

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

I.

Нѣсколько итоговъ прошлаго года.

1895 годъ отошелъ въ вѣчность. Оглядываясь назадъ, на то, что пережито и достигнуто въ только что окончившемся году (мы говоримъ здѣсь только о нашей внутренней, домашней жизни), намъ не за что помянуть его лихомъ; но точно также трудно указать и на какія нибудь крупныя положительныя черты, которыя врѣзывали бы его въ память. Это былъ прежде всего годъ скромный и блѣдный, отмѣченный нѣсколькими добрыми начинаніями, но не богатый опредѣленными результатами и не представляющій ничего особенно яркаго. Поэтому его очень трудно охарактеризовать немногими крупными штрихами. Нельзя указать какого нибудь центральнаго пункта, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, сходились бы всѣ, довольно тусклые лучи, освѣщающіе пройденный въ данномъ году путь; нельзя подмѣтить одного основного, главнаго теченія, которое опредѣлило бы собою общій тонъ общественной и государственной жизни. Приходится, поэтому, довольствоваться перечнемъ отдѣльныхъ, нерѣдко мало гармонирующихъ другъ съ другомъ фактовъ.

Самымъ свѣтлымъ явленіемъ минувшаго года слѣдуетъ признать, безспорно, то замѣтное оживленіе интереса къ дѣлу народной школы и народнаго образованія вообще, которое обнаружилось еще въ концѣ года предшествовавшаго и неизмѣнно сохранялось до послѣдняго времени. Такое вниманіе къ нуждамъ народнаго образованія, проявлявшееся въ разныхъ формахъ и охватившее разныя сферы, находило себѣ поддержку также въ высочайшихъ отмѣткахъ, которыя касались народной школы и народной грамотности.

Выразителемъ общественныхъ стремленій къ распространенію образованія въ народѣ являлось главнымъ образомъ земство. Здѣсь эти стремленія получили реальную и активную форму. Земскія мѣропріятія по отношенію къ народной школѣ составили самую выдающуюся и характеристическую черту двухъ послѣднихъ земскихъ сессій. Во многихъ земствахъ выдвинутъ былъ вопросъ о всеобщемъ начальномъ обученіи, почти во всѣхъ—расширены ассигнованія на школы и увеличено, иногда въ очень крупныхъ размѣрахъ, число школъ, содержимыхъ на земскій счетъ. Заботы земства распространялись также и на другія стороны начальнаго образованія: народныя библіотеки, читальни, воскресные повторительные курсы для грамотныхъ—привлекали къ себѣ также и зем-

скую заботу, и затраты земскихъ средствъ. Настойчивыя указанія на тѣсную связь успѣховъ народной школы съ разнообразными потребностями нашей общественной жизни повторялись и съ газетныхъ столбцовъ, и въ ученыхъ обществахъ, и въ различныхъ съѣздахъ и собраніяхъ. Съ особенною обстоятельностью разрабатывался вопросъ о значеніи народной грамотности для улучшенія сельскаго крестьянскаго хозяйства, составляющаго до сихъ поръ главную основу нашей хозяйственной жизни. О необходимости широкаго распространенія народнаго образованія, въ видахъ развитія земледѣльческой культуры, говорилось уже на первомъ съѣздѣ сельско-хозяйственнаго совѣта при министерствѣ земледѣлія. Оба старѣйшія сельско-хозяйственныя общества—вольное экономическое въ С.-Петербургѣ и Московское сельскихъ хозяевъ—въ составѣ которыхъ до послѣдняго времени находились особые комитеты грамотности, дѣятельно работали на пользу народнаго просвѣщенія *)..

Вообще мы можемъ отмѣтить въ минувшемъ году значительный прогрессъ въ сознаніи настоятельной необходимости распространенія народной грамотности (увы—и эта элементарная идея должна еще завоевывать себѣ право на существованіе), а также и нѣкоторые положительные шаги для осуществленія этой цѣли. О пользѣ грамотности не только говорили, но для насажденія ея и работали. Тѣмъ не менѣе, если обратиться къ результатамъ, которые могли быть достигнуты этой работой, ихъ нельзя не признать очень скромными. Мы очень мало подвинулись къ цѣли: всеобщее начальное обученіе по прежнему остается отдаленнымъ идеаломъ.

Причины этого—прежде всего матеріальныя. Содержаніе начальной народной школы у насъ лежитъ главнымъ образомъ на бюджетѣ мѣстныхъ общественныхъ учрежденій,—государство принимаетъ въ этой категоріи расходовъ только небольшое участіе. Если мы развернемъ послѣдній отчетъ по законченной росписи 1894 г., то найдемъ, что изъ общаго итога обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ 981.222,950 р.—на начальныя народныя училища тратилось (по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія) 1.802 663 р., въ томъ числѣ 672,000 р. на инспекцію и 1 130,000 р. собственно на устройство и содержаніе народныхъ училищъ. Затѣмъ по смѣтѣ святѣйшаго синода ассигновано было 700,000 р. на воспособленіе церковно-приходскимъ и другимъ училищамъ, находящимся въ вѣдѣніи святѣйшаго синода. Всѣ эти суммы вмѣстѣ составляютъ 0,26 проц. обыкновеннаго расходнаго бюджета. Земскія ассигнованія на народную школу гораздо значительнѣе. Еще въ 1890 г.

*) Нельзя при этомъ не отмѣтить того обстоятельства, что истекшій годъ явился критическимъ въ исторіи упомянутыхъ учрежденій. 17 ноября утверждено положеніе комитета министровъ (по представленію г. министра земледѣлія), которымъ комитеты грамотности переданы въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія и отдѣлены отъ обществъ, съ которыми связано ихъ возникновеніе и продолжительная дѣятельность.

они превышали 7¼ милл. рублей, что составляло болѣе 15 проц. всего земскаго бюджета; съ тѣхъ поръ земскія затраты на народное образованіе, расширявшіяся ежегодно (а въ послѣдніе годы особенно усиленно), должны были много возрости. Но для такого возрастанія есть естественный и необходимый предѣлъ, налагаемый напряженностью платежныхъ средствъ земскихъ плательщиковъ; а чѣмъ бѣднѣе то или другое земство, тѣмъ болѣе оно нуждается въ расширеніи расходовъ на народную школу. Достигнуть всеобщности обученія или сколько нибудь приблизиться къ нему можно, поэтому, только при привлеченіи къ покрытію расходовъ на эту потребность источниковъ болѣе обильныхъ и менѣе отягощенныхъ, нежели земскіе бюджеты въ ихъ настоящемъ составѣ.

Въ минувшемъ году состоялось постановленіе о нѣкоторомъ усиленіи государственнаго участія въ расходахъ на начальную народную школу. Именно, съ 1 января 1896 года воспособленіе церковно-приходскимъ школамъ и другимъ училищамъ, находящимся въ вѣдѣніи святѣйшаго синода, увеличено съ 700,000 руб. до 3.279,145 р. Но эта сумма усиливаетъ школьный фондъ уже 1896 г., а не 1895, о которомъ мы говоримъ теперь. Затѣмъ государственная поддержка въ формѣ ассигнованія упомянутой суммы имѣетъ въ виду собственно только одинъ, спеціальный типъ школы—церковной. Та школьная организація, около которой сосредоточивалась въ послѣднее тридцатилѣтіе главная общественная работа—свѣтская школа, находящаяся въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ и министерства народнаго просвѣщенія—остается и теперь при прежнихъ источникахъ и прежнихъ размѣрахъ средствъ на свое содержаніе.

Помимо недостатка матеріальныхъ средствъ, широкое распространеніе народной школы задерживалось въ минувшемъ году и другими обстоятельствами. Намъ доводилось уже подробно говорить о неудобствахъ, связанныхъ съ существующими ограниченіями права земствъ устраивать упрощенныя, дешевыя «школы грамоты». Въ силу спеціальнаго узаконенія, вышедшаго нѣсколько лѣтъ назадъ, всѣ школы грамоты отданы, какъ извѣстно, въ исключительное завѣдываніе духовнаго вѣдомства. Въ минувшемъ году мы можемъ отмѣтить цѣлый рядъ земскихъ ходатайствъ объ измѣненіи этого исключительнаго положенія и о предоставленіи земству возможности устраивать и содержать школы грамоты на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и школы нормальнаго типа. Какая судьба постигнетъ эти ходатайства мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ въ теченіе прошлаго года упомянутыя ограниченія оказывали свое дѣйствіе, и земская дѣятельность въ дѣлѣ насажденія народной школы не могла развиться до тѣхъ предѣловъ, которыя ставились самыми размѣрами земскихъ матеріальныхъ средствъ. Къ сожалѣнію, слѣдуетъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *дѣйствительныя* затрудненія и стѣсненія, встрѣченныя земскою школою, или далѣе ограни-

ченій, поставленныхъ закономъ. За послѣдніе мѣсяцы въ газетахъ оглашенъ былъ цѣлый рядъ фактовъ (которые мы не будемъ здѣсь повторять), показывающихъ, что содѣйствіе церковной школѣ понималось мѣстами какъ противодѣйствіе школѣ земской,—какъ будто для той и другой школы было мало мѣста въ общей просвѣтительной работѣ и рядомъ другъ съ другомъ.

Если отъ начальной школы мы перейдемъ къ другимъ отраслямъ школьнаго дѣла, то здѣсь приходится отмѣтить только одинъ крупный фактъ—законодательное рѣшеніе вопроса о высшемъ женскомъ медицинскомъ образованіи. Каковы бы ни были недочеты «положенія о с.-петербургскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ», утвержденнаго 1 іюня прошлаго года, во всякомъ случаѣ узаконеніе это ставитъ внѣ вопроса хотя самый принципъ допущенія женщины къ высшему медицинскому образованію и врачебной дѣятельности. Когда состоится открытіе проектированнаго института, въ настоящее время еще нельзя опредѣлить.

Общественное вниманіе въ прошломъ году много занимали вопросы о спеціальномъ, низшемъ и среднемъ, образованіи, сельскохозяйственномъ и техническомъ. Эти вопросы обсуждались и въ земскихъ собраніяхъ, и въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ при министерствѣ земледѣлія, и на съѣздахъ сельскихъ хозяевъ и дѣятелей по техническому образованію, происходившихъ въ Москвѣ, въ послѣдніе мѣсяцы. Разрабатывались они также и въ соотвѣтственныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Но самое осуществленіе мѣръ къ расширенію данныхъ отраслей образованія должно составить уже задачу будущаго. Въ минувшемъ году въ этомъ отношеніи можно упомянуть развѣ только о нѣсколькихъ крупныхъ пожертвованіяхъ (частныхъ лицъ и городовъ) на техническія училища.

Въ наслѣдіе будущему остается также и вполнѣ «назрѣвшій» вопросъ о фабричной школѣ. Какъ извѣстно, фабричное законодательство послѣднихъ лѣтъ, установляя сокращеніе рабочаго времени для малолѣтнихъ, занятыхъ на фабрикахъ и заводахъ, имѣло между прочимъ въ виду сдѣлать для нихъ доступнымъ посѣщеніе фабричной школы. Но самая эта школа не сдѣлана обязательною для фабрикантовъ и потому мало привилась, не смотря на убѣжденія фабричной инспекціи. Въ печати не мало говорилось о необходимости и законности введенія всеобщаго и обязательнаго обученія малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ. Въ самомъ дѣлѣ, при томъ щедромъ покровительствѣ, которымъ пользуется наша крупная промышленность со стороны государства (и за которое въ послѣднемъ счетѣ расплачивается потребитель и плательщикъ государственныхъ налоговъ), трудно оспаривать право государства требовать отъ покровительствуемыхъ фабрикантовъ извѣстныхъ, въ общемъ очень скромныхъ, жертвъ для удовлетворенія такой насущной потребности, какъ начальное обученіе малолѣтнихъ рабочихъ. Въ минувшемъ году вопросъ о фабричныхъ школахъ разрабатывался

въ особой правительственной коммиссіи, которою выяснена фактическая сторона этого дѣла. Остается только привести въ исполненіе мѣру, которая представляется и справедливою, и настоятельно-нужною всѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ заинтересованныхъ фабрикантовъ.

По отношенію къ общему среднему образованію, минувшій годъ не принесъ никакихъ существенныхъ измѣненій. Почти не возросла и численность среднихъ школъ, далеко не удовлетворяющая, какъ извѣстно, существующему спросу. Не сдѣлалось доступнѣе также и высшее образованіе. По газетнымъ свѣдѣніямъ изъ числа всѣхъ прошеній о поступленіи въ эти заведенія могло быть удовлетворено только 40%, остальная, большая часть кандидатовъ (около 2,500 человѣкъ) должна была ждать счастья въ слѣдующемъ году, или совсѣмъ распроститься съ мечтами о высшемъ образованіи. Для доступа въ университеты такихъ нормъ, какія установлены для спеціальныхъ школъ, какъ извѣстно, не существуетъ; но это не дѣлаетъ еще этотъ доступъ легкимъ. Вслѣдствіе этого число учащихся возростаетъ очень слабо; за прошлый годъ, въ общей суммѣ, оно почти не прибавилось противъ предъидущихъ лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, уже возникаетъ вопросъ о «переполненіи» университетовъ — по крайней мѣрѣ столичныхъ,—для устраненія котораго въ прошломъ году выдвигались проекты объ установленіи комплекта студентовъ и объ ограниченіи для молодежи права выбора университета; предполагалось опредѣлить территоріальный районъ каждаго университета, съ тѣмъ, чтобы оканчивающіе курсъ въ гимназіяхъ имѣли право на поступленіе только въ тотъ университетъ, къ которому данныя гимназіи приписаны. Повидимому, однако, этотъ проектъ не встрѣтилъ сочувствія въ совѣтахъ университетовъ, что значительно уменьшаетъ вѣроятность его осуществленія.

Къ области просвѣщенія въ широкомъ смыслѣ можно отнести и литературу.

Говоря о законодательныхъ мѣрахъ по отношенію къ печати, необходимо назвать высочайшій указъ министру финансовъ отъ 13 января о ежегодномъ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства 50,000 руб., въ распоряженіе императорской академіи наукъ, на вспомоществованіе нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, а равно ихъ вдовамъ и сиротамъ. Во исполненіе этого узаконенія образована при академіи наукъ особая коммиссія, которая и приступила къ дѣятельности въ текущемъ-же году.

Въ юридическихъ условіяхъ, опредѣляющихъ положеніе печати, въ прошедшемъ году не произошло никакихъ измѣненій. Въ теченіе года возбуждались ходатайства, касающіяся нѣкоторыхъ узаконеній о печати (такъ, между прочимъ, съѣздъ дѣятелей по печатному дѣлу ходатайствовалъ объ уменьшеніи числа листовъ для безцензурныхъ переводныхъ сочиненій, о распространеніи права

выпуска изданій безъ предварительной цензуры — при соблюденіи извѣстныхъ, установленныхъ закономъ условій—не только въ столицахъ, но и въ провинціяхъ и т. п.); но ходатайства эти не получили пока разрѣшенія. Административныя взысканія, въ силу дѣйствующихъ правилъ о надзорѣ за печатью, въ прошломъ году примѣнялись въ 6 случаяхъ. Именно, 20 января была прекращена вовсе газета «Русская Жизнь»; 1 февраля воспрещена розничная продажа №№ газеты «Театральныя Извѣстія»; 15 февраля объявлено первое предостереженіе журналу «Наблюдатель»; 17 февраля запрещена на 1 мѣсяцъ розничная продажа газеты «Кіевлянинъ» (подцензурной); 15 марта пріостановлена на 4 мѣсяца провинціальная подцензурная газета «Саратовскій Дневникъ»; наконецъ, 27 октября воспрещена розничная продажа газеты «Русскія Вѣдомости».

Обзоръ по существу литературы минувшаго года не входитъ въ нашу задачу. Не можемъ, однако, не отмѣтить продолжающагося роста провинціальной печати. Вообще извѣстное оживленіе и подъемъ общественнаго настроенія въ прошломъ году обнаруживался главнымъ образомъ въ провинціи. Отразилось это и въ истекшемъ году на дѣятельности провинціальныхъ общественныхъ органовъ—земствъ—и на провинціальной прессѣ.

Другая группа вопросовъ, около которыхъ, наряду съ вопросами народнаго образованія, сосредоточивалось въ прошломъ году общественное вниманіе, касалась отношеній правовыхъ. Здѣсь на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить широкое общественное движеніе въ пользу отмѣны тѣлесныхъ наказаній по приговорамъ волостныхъ судовъ и по усмотрѣнію администраціи. Съ этимъ остаткомъ крѣпостного права общественная мысль никогда не мирилась, но именно въ послѣднее время отрицательное отношеніе общества къ существующему еще до сихъ поръ дѣленію населенія на «сѣкомыхъ» и «не сѣкомыхъ» выступило съ особою опредѣленностью. И въ этомъ случаѣ начало движенію дала провинція. Земскія ходатайства, возбужденныя въ послѣднія двѣ сессіи въ огромномъ большинствѣ уѣздныхъ и губернскихъ земствъ, послужили толчкомъ, выдвинувшимъ этотъ вопросъ на очередь и привлекшимъ къ нему живой интересъ въ широкихъ общественныхъ кругахъ. Въ результатѣ получилось весьма яркое и опредѣленное выраженіе общественнаго отношенія къ «вопросу о розгѣ» и исчерпывающая разработка этого вопроса. И на земскихъ собраніяхъ, и въ сужденіяхъ ученыхъ обществъ, и въ многочисленныхъ статьяхъ и корреспонденціяхъ, появлявшихся въ періодической прессѣ, и въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ, приведена была такая подавляющая масса данныхъ и фактовъ, свидѣтельствующихъ о настоятельной, вопіющей потребности разстаться какъ

можно скорѣе съ этимъ остаткомъ порядковъ «добраго стараго времени», что, казалось бы, самый «вопросъ» пора уже вывести изъ категоріи подлежащихъ обсужденію. Такъ оно на самомъ дѣлѣ и вышло. Защитниковъ розги не было слышно. Они протестовали по большей части молча или прикрываясь какими нибудь посторонними существу дѣла соображеніями. Характерно, что въ земствѣ *единственный* разъ, когда большинство въ одномъ изъ собраній *) высказалось противъ возбужденія ходатайства объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ, окончившихъ начальную школу, такое рѣшеніе достигнуто было только при помощи *закрытой* баллотировки: при открытомъ голосованіи того же вопроса большинство сложилось иначе. Это указываетъ, конечно, что въ наши дни уже дѣйствительно «стыдно» признавать себя открыто сторонникомъ розги. И мы видимъ на самомъ дѣлѣ, что въ большей части случаевъ противники земскихъ ходатайствъ объ уничтоженіи или ограниченіи примѣненія розги, какъ карательной и исправительной мѣры, выдвигали впередъ лишь формальныя соображенія оспаривая право земскихъ собраній на возбужденіе такихъ ходатайствъ, а не самый предметъ ходатайства. Въ прессѣ мало почетную роль рыцаря розги принялъ на себя «Гражданинъ»,—но истерическія восклицанія, раздававшіяся со столбцовъ этой газеты, трудно считать аргументами.

Но доказательство логической и нравственной несостоятельности того или другого факта не равносильно еще прекращенію самого существованія этого факта. Поэтому то такъ часто «старыя исторіи» остаются «вѣчно новыми».

Можетъ казаться еще болѣе страннымъ, чѣмъ споръ о пользѣ грамотности и о вредѣ тѣлесныхъ наказаній, разсужденіе о томъ, обязательно-ли въ благоустроенномъ государствѣ для всѣхъ учрежденій слѣдовать законамъ или нѣтъ. Категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ—въ очень энергической и образной формѣ, свойственной петровскимъ указамъ—можно найти на зерцалѣ, стоящемъ на столѣ каждаго присутствія, дабы всегда напоминать членамъ этихъ присутствій тѣ основныя правила, которыми они должны руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ. А между тѣмъ никакъ нельзя сказать, чтобы повторяющіяся и до настоящаго времени разсужденія на эту тему были лишены практическаго значенія. Совсѣмъ наоборотъ. До сихъ поръ еще вопросъ о проведеніи принципа *законности* въ общественной и государственной жизни составляетъ у насъ одну изъ злобъ дня. Говоря объ общественномъ настроеніи прошлаго года, нельзя не отмѣтить, какъ одну изъ характеризующихъ его чертъ, именно оживленіе интереса къ вопросу о законности.

Начало законности въ государственной жизни представляется

*) Полтавскомъ губернскомъ.

главнымъ образомъ судомъ. Въ минувшемъ году два большихъ вопроса изъ области судебной организаціи въ особенности занимали общественное мнѣніе. Это именно: вопросъ о низшихъ судебныхъ инстанціяхъ и вопросъ о судѣ присяжныхъ.

Какъ извѣстно, у насъ наименѣе устроены тѣ именно судебныя инстанціи, которыя стоятъ всего ближе къ народу, всего чаще и непосредственнѣе соприкасаются съ будничными, повседневными интересами массы населенія. Судебная реформа 20 ноября 1864 г. оставила внѣ круга вѣдѣнія судебной организаціи, ею созданной, цѣлую большую категорію дѣлъ, касающихся нѣкоторыхъ имущественныхъ отношеній и маловажныхъ проступковъ въ средѣ крестьянскаго сословія. Эти дѣла составили компетенцію особыхъ, крестьянскихъ, волостныхъ судовъ. Выдѣленіе крестьянскихъ дѣлъ изъ общей юрисдикціи мотивировалось и мотивируется тѣмъ соображеніемъ, что крестьянскія правовыя отношенія регулируются до сихъ поръ нормами обычнаго права, часто рѣзко расходящимися съ общимъ законодательствомъ. Здѣсь, конечно, не мѣсто входить въ обсужденіе вопроса о томъ, насколько необходимы спеціальные крестьянскіе суды вообще и особая уголовная юрисдикція, хотя бы и по маловажнымъ крестьянскимъ проступкамъ въ частности,—это вопросъ слишкомъ большой и сложный, что бы его можно было касаться мимоходомъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что и для крестьянской юстиціи необходимы тѣ же основныя гарантіи правосудія, которыя признаются нужными для общихъ судовъ. Порядки нашихъ крестьянскихъ судовъ далеко не удовлетворяли этимъ требованіямъ. Они почти совсѣмъ не оставляли тяжущимся и подсудимымъ возможности добиваться отмѣны рѣшеній, которыя они считали не правосудными; съ другой стороны, ни твердыя нормы закона, ни извѣстныя формальности судопроизводства не связывали въ достаточной мѣрѣ возможность произвольныхъ дѣйствій со стороны судей. Законодатель старался только оградить отправленіе крестьянскаго правосудія отъ воздѣйствія постороннихъ, чуждыхъ крестьянскому правосознанію вліяній, предполагая, повидимому, что правда, воплощенная во всесильномъ обычаѣ, возьметъ верхъ и помимо судебнаго формализма Между установленіями общими судебными и крестьянскимъ судомъ никакой связи не существовало. Обѣ судебныя организаціи стояли рядомъ, не соприкасаясь одна съ другой.

Опытъ скоро показалъ, что надежды на торжество одной только внутренней правды крестьянскаго обычая въ волостной юстиціи подлежали большимъ ограниченіямъ. Эта правда значительно затемнялась уже домашними неурядицами внутри крестьянскаго міра; еще менѣе возможнымъ оказалось оградить ее отъ вліяній, этому міру постороннихъ. Оторванный отъ общей судебной организаціи, волостной судъ неизбѣжно долженъ былъ подпасть въ зависимость отъ тѣхъ административныхъ учрежденій, которыя имѣли ближайшее отношеніе къ крестьянскимъ дѣламъ вообще. Такимъ образомъ

предположенная закономъ самостоятельность крестьянскаго суда оказалась на дѣлѣ неосуществившеюся, а его безформенность и безконтрольность давала возможность внѣ-законнымъ вліяніямъ проявиться въ особо нежелательныхъ формахъ.

Шесть лѣтъ тому назадъ, съ изданіемъ положенія о земскихъ начальникахъ, 12 іюля 1889 года, въ условіяхъ существованія крестьянскаго суда произошли крупныя измѣненія. Его изолированность отъ другихъ судебныхъ инстанцій была въ значительной степени устранена; но произошло это не потому, чтобы волостной судъ поставленъ былъ въ непосредственную связь съ общей судебной организаціей, а потому, что отъ этой организаціи была отдѣлена еще одна крупная часть, къ которой присоединены были и суды крестьянскіе. Какъ извѣстно, мировая юстиція, повсюду, кромѣ столицъ и нѣсколькихъ большихъ городовъ, была упразднена. Юрисдикція мировыхъ судей распредѣлилась между земскими начальниками, городскими судьями и уѣздными членами окружныхъ судовъ, увеличилась также и компетенція волостныхъ судовъ. Мировые съѣзды замѣнены были уѣздными съѣздами земскихъ начальниковъ; кассаціонною инстанціею явились губернскія присутствія. Такимъ образомъ возникла совершенно отрозненная отъ общихъ судебныхъ установленій судебная іерархія, характерною чертою которой является сосредоточеніе въ однихъ и тѣхъ же учрежденіяхъ функцій и судебныхъ, и административныхъ. Всего полнѣе и опредѣленнѣе такое соединеніе административной и судебной власти выразилось въ лицѣ земскихъ начальниковъ; городскіе судьи и уѣздные члены окружныхъ судовъ суть чиновники судебные, составъ уѣздныхъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій образуется нѣсколько иначе при слушаніи дѣлъ судебныхъ и при слушаніи дѣлъ административныхъ; земскій начальникъ единолично совмѣщаетъ въ себѣ и судью, и администратора; причемъ судебная его власть проявляется какъ непосредственно, такъ и чрезъ зависимый отъ него волостной судъ. По отношенію къ этому послѣднему значеніе реформы 1889 г., помимо упомянутаго уже расширенія въ извѣстной мѣрѣ компетенціи этого суда, выразилось главнымъ образомъ въ подчиненіи волостного суда ближайшему надзору земскаго начальника. Подъ вліяніемъ земскаго начальника происходили и выборы судей, ему открыта была также и возможность непосредственнаго руководства ихъ дѣйствіями при отправленіи судейскихъ обязанностей. Такъ какъ и административныя функціи земскаго начальника были намѣчены въ законѣ очень широко, то въ однѣхъ рукахъ сосредоточивалось такимъ образомъ завѣдываніе множествомъ самыхъ разнородныхъ дѣлъ, требующихъ по самому существу къ нему совершенно различныхъ пріемовъ ихъ веденія. Уже отсюда должна была возникать опасность, что административныя функціи земскаго начальника разовьются въ ущербъ достоинству судебныхъ его обязанностей или, наоборотъ, выполненіе роли

судьи не оставитъ достаточно простора для его административной дѣятельности. Опасность эта осуществилась и на дѣлѣ. Болѣе всего при этомъ пострадали именно интересы правосудія. Судъ во многихъ случаяхъ обратился въ простое орудіе, въ простой придатокъ, служащій для усиленія административной власти въ лицѣ земскихъ начальниковъ.

Лѣтопись истекшаго года особенно богата случаями, ярко иллюстрирующими несовмѣстимость отправленія правосудія, требующаго спокойнаго и безстрастнаго рѣшенія дѣлъ во имя одного только закона, съ обязанностями администратора, приходящаго въ постоянное столкновеніе съ массою интересовъ минуты и легко склоннаго подчинить этимъ интересамъ и свои судейскія функціи.

Вопросъ объ устройствѣ низшихъ судебныхъ инстанцій, внѣ связи съ административными функціями, занималъ въ прошломъ году не только общественное мнѣніе, но и вниманіе правительственныхъ установленій. По извѣстіямъ, проникшимъ въ печать, коммиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ, состоящая при министерствѣ юстиціи, тоже пришла къ заключенію о необходимости освобожденія земскихъ начальниковъ отъ судебныхъ обязанностей. Окончательное разрѣшеніе этого вопроса является одною изъ важнѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ задачъ, оставленныхъ прошлымъ годомъ въ наслѣдство настоящему.

По отношенію къ суду присяжныхъ,—судьбы котораго такъ живо интересуютъ общественную мысль съ тѣхъ поръ, какъ надъ этимъ учрежденіемъ стали собираться черныя тучи—въ лѣтописяхъ прошлаго года можно отмѣтить, какъ фактъ, не лишенный серьезнаго значенія, заключенія совѣщанія предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ, созывавшагося въ началѣ года въ Петербургѣ. Совѣщаніе это почти единогласно высказалось вполнѣ благопріятно о дѣятельности нашихъ судовъ присяжныхъ. Такое заключеніе авторитетныхъ судебныхъ дѣятелей, по самому положенію своему имѣющихъ возможность воспользоваться наиболѣе полнымъ и цѣннымъ матеріаломъ для сужденія по данному вопросу, матеріаломъ, значительная часть котораго слагается изъ непосредственныхъ живыхъ наблюденій надъ обстановкою и результатами работы присяжныхъ,—несомнѣнно должно имѣть существенную важность при рѣшеніи вопроса о дальнѣйшихъ условіяхъ существованія института присяжныхъ засѣдателей въ системѣ нашихъ судебныхъ установленій. Нельзя, однако, сказать, чтобы за всѣмъ тѣмъ не оставалось никакой почвы для тревожныхъ сомнѣній относительно ближайшихъ судебъ этого института. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ, при всякомъ сколько нибудь выдающемся случаѣ, который можетъ быть истолкованъ въ неблагопріятномъ для присяжнаго суда смыслѣ, упорно возникаютъ и начинаютъ циркулировать тревожные слухи о грозящихъ самому существованію этого суда опасностяхъ. Такъ было въ прошломъ году по поводу извѣстнаго, кассированъ-

ного сенатомъ дѣла Ольги Палемъ. Возникали такіе слухи и по другимъ поводамъ. Нужно замѣтить притомъ, что сами по себѣ громкіе судебные процессы прошлаго года не могли еще указывать на какіе либо недостатки, присущіе суду присяжныхъ. Если они и вскрывались дѣйствительно нѣкоторыя слабыя стороны нашей судебной и слѣдственной процедуры, то болѣе всего это относилось къ дѣйствіямъ, предшествовавшимъ предъявленію дѣла на сужденіе присяжныхъ засѣдателей. Вопіющіе факты относительно порядковъ производства полицейскихъ дознаній обнаружены были по многимъ дѣламъ. Особенно ярко выступили они по извѣстному дѣлу Адамова въ Псковской губерніи, а также въ дѣлѣ мултанскихъ вотяковъ (о новомъ фазисѣ этого послѣдняго дѣла мы поговоримъ подробнѣе въ слѣдующей замѣткѣ).

Говоря о фактахъ, относящихся къ правовой области, необходимо коснуться случаевъ примѣненія мѣръ чрезвычайныхъ.

Въ концѣ минувшаго года состоялось довольно важное законодательное дополненіе правилъ объ административной высылкѣ, установленныхъ положеніемъ объ усиленной охранѣ 14 августа 1881 года. Дополненіе это находится въ связи съ извѣстнымъ дѣломъ городового Келлера, разрѣшеннымъ государственнымъ совѣтомъ въ срединѣ истекшаго года. Дѣло это возникло по жалобѣ Келлера на распоряженіе бывшаго с.-петербургскаго градоначальника Грессера объ административной высылкѣ его изъ столицы. Распоряженіе это мотивировано было обстоятельствами, относящимися до личной нравственности Келлера. Жалоба была принесена правительствующему сенату. Въ окончательной инстанціи дѣло разрѣшено государственнымъ совѣтомъ, причемъ разсмотрѣнію подлежало два вопроса: о правильности обжалованія распоряженія градоначальника—правительствующему сенату, а не въ порядкѣ административномъ—и о правильности самого распоряженія, т. е. о правильности примѣненія правилъ усиленной охраны въ случаяхъ, не имѣющихъ характера политическаго. Государственнымъ совѣтомъ первый вопросъ разъясненъ былъ въ положительномъ, а второй—въ отрицательномъ смыслѣ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, подтверждено было право обжалованія общимъ порядкомъ, предъ правительствующимъ сенатомъ, и такихъ дѣйствій градоначальниковъ, губернаторовъ и генералъ губернаторовъ, которыя проистекали изъ предоставленныхъ имъ положеніемъ 14 августа 1881 г. полномочій. Съ другой стороны вводилось очень важное ограниченіе примѣненія мѣръ, установляемыхъ этимъ положеніемъ. Узаконеніе 7 декабря минувшаго года вноситъ въ разъясненные такимъ образомъ порядки существенное измѣненіе. Оно допускаетъ, въ видѣ временной мѣры, впредь до пересмотра дѣйствующихъ узаконеній объ административной высылкѣ, примѣненіе такой высылки и къ «лицамъ, признаваемымъ вредными для общественнаго спокойствія вслѣдствіе порочнаго ихъ поведенія»,—но не по непосредственному распоряженію

генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и градоначальниковъ, а съ особаго каждый разъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Съ другой стороны названное узаконеніе установляетъ правиломъ, что всѣ жалобы на распоряженія генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и градоначальниковъ по примѣненію правилъ объ административныхъ высылкахъ должны приноситься только министру внутреннихъ дѣлъ, а не правительствующему сенату. Одновременно съ изданіемъ этихъ дополнительныхъ къ положенію 14 августа правилъ, министру внутреннихъ дѣлъ поручено: безотлагательно подвергнуть пересмотру дѣйствующія постановленія объ административной высылкѣ.

Территоріально дѣйствіе правилъ объ усиленной охранѣ, по положенію 14 августа 1881 г., распространялось въ 1895 г. на всѣ тѣ мѣстности, къ которымъ примѣнялось въ году предшествовавшемъ; при этомъ въ Нижегородской губерніи усиленная охрана—вводившаяся ранѣе только на время ярмарки (собственно для города Нижняго и 4 ближайшихъ уѣздовъ губерніи)—установлена на цѣлый годъ, съ 1 іюня 1895 по 1 іюня 1896 года.

Для развитія мѣстнаго самоуправленія 1895 годъ далъ немногое. Какъ мы уже имѣли случай упоминать, земскія дѣла и земскіе интересы привлекали къ себѣ въ минувшемъ году живое общественное вниманіе. Слѣды извѣстнаго оживленія и подъема настроенія можно подмѣтить въ самой дѣятельности земскихъ учрежденій; но тѣ внѣшнія условія, которыми обставлена эта дѣятельность, оставались въ общемъ такими же, какими были и раньше.

Изъ законодательныхъ опредѣленій, имѣющихъ предметомъ земское хозяйство, слѣдуетъ отмѣтить законъ (1 іюня 1895 г.), которымъ сняты съ земства нѣкоторыя обязательныя повинности. Именно изъ земскаго бюджета исключены обязательные расходы на содержаніе мѣстныхъ судебно-административныхъ учрежденій (земскихъ начальниковъ, ихъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій) и губернскихъ статистическихъ комитетовъ. Въ общемъ итогѣ эти расходы составляли около 5,8 милл. руб. ежегодно. Это сбереженіе не было, однако, предоставлено въ распоряженіе земскихъ учрежденій, наравнѣ съ прочими земскими суммами; оно должно идти на составленіе особаго по каждой губерніи дорожнаго фонда, тратить который земство можетъ только на опредѣленныя дорожныя потребности, съ соблюденіемъ извѣстныхъ, особо опредѣленныхъ, условій и подъ ближайшимъ контролемъ мѣстной администраціи. Такимъ образомъ названное узаконеніе имѣетъ двойственный характеръ. Создавая для земства извѣстную льготу по отбыванію обязательныхъ повинностей, оно вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаетъ регламентацію земскаго хозяйства и вноситъ ограниченія въ принадлежащее земскимъ учрежденіямъ право опредѣлять самостоятельно, соображаясь

съ мѣстными условіями, размѣры расходовъ на тѣ или другіе отдѣлы необязательной части своего бюджета.

Изъ числа правительственныхъ распоряженій и разъясненій, касающихся земства, которыя послѣдовали въ прошломъ году, болѣе общее значеніе принадлежитъ слѣдующимъ. Въ началѣ года министромъ финансовъ утверждены правила обращенія земскихъ суммъ въ кассахъ министерства финансовъ. На основаніи этихъ правилъ, храненіе земскихъ суммъ сосредоточивается въ казначействахъ, куда онѣ должны поступать непосредственно отъ плательщиковъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ категорій поступленій, которыя по прежнему могутъ приниматься земскими управами), казначейства же должны производить и платежи изъ земскихъ суммъ, по ассигновкамъ земскихъ управъ, непосредственно кредиторамъ земства. Плата за храненіе земскихъ денегъ въ казначействахъ установлена въ размѣрѣ $^1/_2\%$ (вмѣсто $^1/_4\%$-ной, взимавшейся ранѣе, въ тѣхъ случаяхъ когда земства пользовались предоставленнымъ имъ правомъ вносить свои суммы въ казначейства для храненія и обращенія). Нѣкоторыя подробности новаго порядка, оказывающіяся стѣснительными для земскихъ управъ, а также помянутое возвышеніе платы за пользованіе услугами казначействъ вызвало въ теченіе послѣдней земской сессіи многочисленныя ходатайства со стороны земскихъ учрежденій. Исходъ этихъ ходатайствъ въ настоящее время еще не извѣстенъ. Къ области земскихъ финансовъ относится также сенатское разъясненіе, по частному поводу, нѣсколько ограничивающее компетенцію земствъ по отношенію къ отсрочкѣ и разсрочкѣ земскихъ недоимокъ. Именно сенатъ разъяснилъ, что земскія собранія имѣютъ право давать льготы по недоимкамъ земскаго сбора только въ двухъ случаяхъ: во 1-хъ, когда недоимки признаны безнадежными къ поступленію или окажутся неправильно начисленными, во 2-хъ когда имущество, на которомъ числится недоимка, истреблено, напр., пожаромъ. Что касается права земскихъ учрежденій допускать по своему усмотрѣнію разсрочку или отсрочку уплаты земскихъ недоимокъ на неопредѣленное число лѣтъ, то, по толкованію правительствующаго сената, предоставленіе имъ этого права было бы расширеніемъ предѣловъ дѣятельности земства, такъ какъ никакихъ указаній относительно его въ законѣ не содержится. Изъ правительственныхъ распоряженій, касающихся прочихъ отраслей земской дѣятельности, слѣдуетъ упомянуть о мартовскомъ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, коимъ пріостановлены были, на неопредѣленное время, въ виду предстоящей всеобщей переписи населенія, всѣ земскія статистическія работы переписного характера. По поводу этого распоряженія нѣкоторыми земствами, въ которыхъ производство переписныхъ работъ стояло на очереди (московскимъ, орловскимъ, псковскимъ), возбуждены были ходатайства въ установленномъ порядкѣ о разрѣшеніи имъ приступить къ выполненію необходимыхъ мѣстныхъ изслѣдованій, не ожи-

дая окончанія всеобщей переписи. Ходатайства эти должны будутъ поступить въ нынѣшнемъ году на усмотрѣніе комитета министровъ. Наконецъ, необходимо отмѣтить еще два важныхъ разъясненія по земскимъ дѣламъ, послѣдовавшія въ минувшемъ году, одно со стороны правительствующаго сената, а другое—государственнаго совѣта. Первое изъ нихъ касается порядка отклоненія земскихъ ходатайствъ. Правительствующій сенатъ, въ минувшемъ году, при разсмотрѣніи жалобы одного изъ земствъ на отклоненіе ходатайства, имъ возбужденнаго, безъ указанія порядка, въ которомъ оно послѣдовало, разъяснилъ, что «ходатайства земскихъ учрежденій по вопросамъ, касающимся мѣстныхъ пользъ и нуждъ, въ случаѣ признанія оныхъ неуважительными со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ», должны вноситься этимъ министерствомъ на обсужденіе комитета министровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ признано за земскими учрежденіями право «обращаться къ мѣстному губернскому начальству за разъясненіемъ относительно распоряженій министерства внутреннихъ дѣлъ по отклоненію имъ земскихъ ходатайствъ». Мнѣніе государственнаго совѣта, упомянутое выше, относится къ случаямъ неутвержденія губернаторами постановленій земскихъ собраній и городскихъ думъ, признаваемыхъ ими не соотвѣтствующими государственнымъ пользамъ и нуждамъ или явно нарушающими интересы мѣстнаго населенія. Государственный совѣтъ вмѣнилъ подлежащимъ учрежденіямъ въ обязанность, при внесеніи въ высшія государственныя установленія представленій объ отмѣнѣ или измѣненіи такихъ постановленій, излагать подробныя соображенія о томъ, почему именно эти постановленія признаются не отвѣчающими государственнымъ или мѣстнымъ интересамъ. Конечно, оба эти разъясненія не затрогиваютъ принципіальныхъ сторонъ вопроса о земскихъ ходатайствахъ и административномъ контролѣ надъ постановленіями земскихъ собраній, но практическое ихъ примѣненіе должно во всякомъ случаѣ сказать извѣстное упорядочивающее вліяніе. Надо надѣяться, что, при соблюденіи преподанныхъ правительствующимъ сенатомъ и государственнымъ совѣтомъ правилъ, не будетъ встрѣчаться немотивированныхъ задержекъ въ исполненіи земскихъ постановленій.

О характерѣ земской работы въ истекшемъ году мы уже говорили. Выдающуюся черту послѣднихъ земскихъ сессій составляла усилившаяся заботливость объ интересахъ начальной школы и народнаго образованія. Рядъ серьезныхъ мѣръ можетъ быть отмѣченъ и по отношенію къ другимъ сторонамъ земскаго дѣла. Особенное вниманіе останавливаютъ на себѣ земскія мѣропріятія, направленныя на улучшеніе экономическаго благосостоянія населенія, поднятіе уровня земледѣльческой культуры, помощь крестьянскимъ промысламъ, организацію дешеваго кредита и т. п. Точно также за послѣднее время многими земствами предприняты серьезныя работы для улучшенія земскихъ раскладокъ. Къ сожалѣнію,

выполненіе этихъ работъ встрѣтило нѣкоторыя внѣшнія препятствія. Какъ уже было упомянуто выше, въ мартѣ минувшаго года всѣ мѣстныя земскія изслѣдованія, носящія на себѣ переписной характеръ, были пріостановлены; а такъ какъ сплошной, количественный учетъ нѣкоторыхъ крупныхъ хозяйственныхъ фактовъ являлся основною частью оцѣночно-статистическихъ земскихъ работъ, то упомянутое запрещеніе не могло не отразиться и на общемъ ходѣ этихъ работъ. Все это вмѣстѣ неизбѣжно должно замедлить осуществленіе той общей переоцѣнки имуществъ, подлежащихъ земскому обложенію, которая возложена на обязанность земствъ закономъ 8 іюня 1893 г. и отъ времени окончанія которой поставленъ въ зависимость и пересмотръ самой системы земскаго обложенія *).

Помимо текущихъ работъ, направленныхъ на выполненіе такъ сказать нормальныхъ, обычныхъ обязанностей по веденію собственно земскаго хозяйства, земскія учрежденія въ послѣдніе два года были призваны къ разработкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ общаго значенія. На земскихъ сессіяхъ 1894 и 1895 гг. обсуждались предложенные министерствомъ земледѣлія всѣмъ уѣзднымъ и губернскимъ земствамъ вопросы о нуждахъ сельскаго хозяйства и о мѣрахъ для его улучшенія. Большинство земствъ отнеслось къ этой задачѣ съ полною серьезностью; сводъ доставленныхъ ими заключеній представитъ собою матеріалъ огромнаго интереса и огромнаго значенія для выясненія хозяйственнаго положенія нашего отечества и тѣхъ нуждъ, которыя наиболѣе ощущаются на мѣстахъ, людьми, стоящими близко къ интересамъ мѣстнаго населенія и принимающими непосредственное участіе въ мѣстной общественной работѣ.

Представительство мѣстныхъ интересовъ предъ центральною властью выражалось также и въ ходатайствахъ, возбуждавшихся земствомъ, по собственному почину, по такимъ вопросамъ, касающимся «мѣстныхъ пользъ и нуждъ», непосредственное разрѣшеніе которыхъ выходило за предѣлы земской компетенціи. Въ минувшемъ году такія ходатайства носили на себѣ очень серьезный и важный характеръ. Центральнымъ ихъ пунктомъ были интересы народнаго образованія и тѣсно связанный съ ними вопросъ объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія, по приговорамъ волостныхъ судовъ для всего крестьянскаго населенія или по крайней мѣрѣ для лицъ, окончившихъ курсъ начальной народной школы. Подобныя ходатайства возбуждены были въ цѣломъ рядѣ земскихъ

*) Отмѣтимъ характерный эпизодъ изъ этой области, въ свое время обращавшій вниманіе ежедневной прессы: мы говоримъ о противодѣйствіи, встрѣченномъ нижегородскимъ губернскимъ земствомъ, при исполненіи имъ закона 8 іюня 1893 года по отношенію къ ярмаркѣ. Несмотря на то, что постановленіе объ оцѣнкѣ ярмарочныхъ зданій вступило въ законную силу несмотря даже на спеціальныя разъясненія со стороны министерства финансовъ,—земскіе оцѣнщики не были допущены г. губернаторомъ къ исполненію своихъ обязанностей. XXXI нижегородское губернское земское собраніе постановило по этому поводу принести жалобу на дѣйствія губернатора. Вопросъ этотъ сенату предстоитъ рѣшить въ наступившемъ году.

собраній, губернскихъ и уѣздныхъ, хотя не во всѣхъ случаяхъ собранія получили возможность представить свои заключенія по данному вопросу на усмотрѣніе высшаго правительства: въ нѣкоторыхъ собраніяхъ вопросъ былъ снятъ съ очереди собственною властью предсѣдателей этихъ собраній, находившихъ, что земство выходитъ изъ предѣловъ своихъ правъ, обсуждая подобныя ходатайства. Въ другихъ—состоявшіяся уже постановленія о ходатайствахъ были опротестованы губернаторами. Мы наталкиваемся здѣсь на вопросъ, имѣющій очень важное значеніе для осуществленія признаннаго за земствами закономъ права ходатайства о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ. Выше приведено было разъясненіе правительствующаго сената, по смыслу котораго даже и тѣ земскія ходатайства, которыя признаются министерствомъ внутреннихъ дѣлъ «не заслуживающими уваженія», всетаки должны быть представляемы на усмотрѣніе комитета министровъ; только этому высшему установленію принадлежитъ право окончательнаго отклоненія такихъ ходатайствъ. Можно ли, не впадая къ противорѣчіе съ этимъ авторитетнымъ разъясненіемъ, признавать за мѣстною администраціею или за предсѣдателями собраній право совсѣмъ не допускать до представленія высшему правительству нѣкоторыхъ ходатайствъ земскихъ учрежденій?

Дѣятельность органовъ нашего городского самоуправленія не представляла въ минувшемъ году ничего особо выдающагося. Впрочемъ, тонъ этой дѣятельности и вообще гораздо тусклѣе, нежели тонъ работы земской. Объясняется это прежде всего самою организаціею городского представительства. Составъ городскихъ избирателей и городскихъ гласныхъ ограниченъ очень тѣсными группами городского населенія; въ большинствѣ городовъ рѣшительное преобладаніе принадлежитъ крупному купечеству, далеко не представляющему собою наиболѣе культурнаго и наиболѣе проникнутаго общественными стремленіями элемента въ городскомъ населеніи. Изъ остальныхъ слоевъ этого населенія въ составъ городского представительства входятъ только домовладѣльцы, владѣющіе собственностію не ниже извѣстной установленной нормы. Огромное большинство городской интеллигенціи совершенно устранено отъ всякаго участія въ городскихъ общественныхъ дѣлахъ. Какъ мало отвѣчаетъ такой строй городского общественнаго управленія дѣйствительнымъ условіямъ жизни, показываютъ уже тѣ затрудненія, которыя возникли во многихъ городахъ при сформированіи городскихъ учрежденій по правиламъ городоваго положенія 11 іюня 1892 г. Достаточно упомянуть, что даже въ Петербургѣ выборная дума не могла составиться при двукратныхъ выборахъ, вслѣдствіе чего хозяйство перваго города имперіи, съ 10 милліоннымъ бюджетомъ, вѣдаетъ собраніе, состоящее почти на половину изъ гласныхъ, забаллотированныхъ избирателями. Реформа городского самоуправленія въ смыслѣ привлеченія къ городской общественной работѣ болѣе ши-

рокихъ круговъ городского населенія составляетъ потребность нашей городской жизни. Минувшій годъ не подвинулъ насъ къ осуществленію этой задачи. Она цѣликомъ переходитъ въ наслѣдіе годовъ, за нимъ слѣдующихъ.

Ненормальность существующаго положенія крестьянскаго общественнаго управленія,—форма котораго совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительно усвоенному характеру—давно уже обратила на себя вниманіе и общества, и правительственныхъ круговъ. Выходъ изъ этого несоотвѣтствія можетъ быть найденъ въ двухъ направленіяхъ. Возможно или придать и фактически сельскому общественному управленію ту долю самостоятельности, которая принадлежитъ ему номинально, сдѣлавъ волость и селенія мелкими самоуправляющимися единицами, или же обратить волостныя и сельскія учрежденія и de jure, какъ это почти сдѣлано уже de facto, въ низшіе исполнительные органы мѣстной администраціи; возможно построить отношеніе между сельскимъ управленіемъ и административною властью на началахъ надзора и законности, или же на началахъ руководительства и опеки. Наконецъ, возможенъ выборъ между сословнымъ и безсословнымъ характеромъ сельскаго управленія. Предположенія объ обращеніи волости въ мелкую земскую, безсословную единицу возникали уже не разъ, въ различной формѣ и по различнымъ мотивамъ. Первоначально они выдвигались тою группою общественныхъ дѣятелей, которые стремились къ усиленію вліянія дворянскаго элемента въ сельской жизни и къ водворенію у насъ нѣкотораго подобія вотчинной полиціи. Эти тенденціи встрѣтили себѣ сильный отпоръ со стороны защитниковъ основныхъ началъ положенія 19 февраля, и проектъ всесословной волости такого типа не удалось провести въ жизнь. Въ настоящее время защита идеи о всесословной организаціи волостного управленія идетъ совсѣмъ изъ другихъ круговъ и основывается на совершенно иныхъ соображеніяхъ. Только при такой организаціи считается возможнымъ достигнуть необходимой степени самостоятельности волости, какъ самоуправляющейся единицы; съ другой стороны, всесословная волость должна явиться мелкою *земскою* единицею и войти въ непосредственную связь съ системою общаго земскаго самоуправленія.

Съ преобразованіемъ мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій на началахъ положенія 12 іюля 1889 г. и со введеніемъ института земскихъ начальниковъ,—въ сельской общественной жизни значительно усилилось начало административной опеки, принявшей вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторый сословный характеръ, такъ какъ главный контингентъ земскихъ начальниковъ долженъ былъ пополняться, по смыслу названнаго положенія, изъ среды помѣстнаго дворянства. Дальнѣйшимъ и послѣдовательнымъ проведеніемъ этого начала явился проектъ переустройства крестьянскихъ общественныхъ учрежденій и нѣкоторыхъ измѣненій въ дѣйствую-

щихъ узаконеніяхъ о крестьянскомъ землевладѣніи, выработанный особою коммиссіею при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и обсуждавшійся въ прошломъ году въ совѣщаніяхъ, подъ предсѣдательствомъ начальниковъ губерній. Въ концѣ года, со вступленіемъ въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ новаго министра, И. Л Горемыкина, проектъ этотъ былъ снятъ съ очереди. Какое затѣмъ направленіе приметъ вопросъ объ организаціи крестьянскаго общественнаго управленія, покажетъ ближайшее будущее. Минувшій годъ оставилъ и этотъ вопросъ открытымъ.

Мы ничего не говорили о фактахъ экономической и финансовой жизни въ 1895 году. Къ подробному разсмотрѣнію этихъ фактовъ намъ еще придется вернуться въ будущей, февральской «хроникѣ», въ связи съ обзоромъ государственной росписи на нынѣшній годъ. Теперь же упомянемъ только, что 1895 г. въ экономическомъ и финансовомъ отношеніяхъ можетъ быть названъ, въ общемъ, благополучнымъ. Урожай этого года (насколько можно судить по не вполнѣ еще сведеннымъ его результатамъ) былъ близкій къ среднему, но два предшествовавшіе года—1893 и 1894—дали такую обильную жатву, которая давно уже не отмѣчалась въ лѣтописяхъ нашей сельско-хозяйственной жизни. Вліяніе этой жатвы отразилось и на 1895 г. Такъ какъ до сихъ поръ еще урожай является у насъ главнымъ факторомъ, опредѣляющимъ хозяйственную физіономію даннаго года, то въ прошедшемъ году болѣе или менѣе благопріятные результаты могутъ быть отмѣчены и по отношенію къ остальнымъ сторонамъ хозяйственнаго оборота. Низкія хлѣбныя цѣны, отражавшіяся невыгодно на интересахъ той части землевладѣльцевъ, которая имѣетъ дѣло съ хлѣбнымъ рынкомъ, и спекулятивная биржевая горячка съ ея неизбѣжными послѣдствіями—составляли темныя пятна на этомъ фонѣ, но не могли разрушить представленія объ общемъ хозяйственномъ благополучіи прошлаго года.

Мѣры экономической и финансовой политики въ этомъ году шли въ томъ же общемъ направленіи, какимъ отличались и въ ближайшіе предшествовавшіе годы. Мы не будемъ перечислять здѣсь этихъ мѣръ, такъ какъ, повторяемъ, намъ предстоитъ еще подробно коснуться ихъ въ слѣдующій разъ Ограничивая наши бѣглыя замѣтки тремя приведенными группами данныхъ, касающихся вопросовъ просвѣщенія, права и самоуправленія, мы видимъ, что въ этихъ областяхъ лѣтопись прошлаго года не отмѣчаетъ какихъ-нибудь крупныхъ результатовъ. И теперь еще мы стоимъ передъ тѣми же задачами, которыя выдвигались и при началѣ года заканчивающаго нынѣ свои счеты. И нельзя сказать, чтобы намъ представлялись яснѣе и опредѣленнѣе тѣ общія условія, въ кото-

рыхъ должна будетъ идти работа для разрѣшенія этихъ задачъ. Правда, въ области элементарныхъ общественныхъ вопросовъ по всему лицу русской земли замѣтно несомнѣнное оживленіе, ростъ земскаго и общественнаго самосознанія выражается въ этой области широко, ясно, опредѣленно. Тѣмъ не менѣе, 1896 годъ рождаетъ еще много вопросовъ, 1896 годъ застаетъ насъ на распутіи: въ какую сторону разрѣшится это настроеніе, покажетъ, вѣроятно, ближайшее будущее.

Н. Анненскій.

II.

Рѣшеніе сената по мултанскому дѣлу.

Читателямъ «Русскаго Богатства» извѣстна сущность мултанскаго дѣла, получившаго громкую огласку. Нѣсколько вотяковъ малмыжскаго уѣзда обвинялись въ принесеніи человѣческой жертвы языческимъ божествамъ; активное участіе въ самомъ убійствѣ приписывалось десяти подсудимымъ; въ пасивномъ участіи, укрывательствѣ и содѣйствіи обвинялось населеніе цѣлой мѣстности, въ интересахъ которой и для удовлетворенія общаго культа, существующаго будто-бы у всей вотской народности,—принесена самая жертва.

Дознаніе и предварительное слѣдствіе тянулось 29 мѣсяцевъ. Зимой 1894 года десять вотяковъ были преданы суду сарапульскаго округа въ гор. Малмыжѣ, причемъ трое оправданы, а семи вынесенъ обвинительный приговоръ, отмѣненный сенатомъ по жалобѣ защиты. Мотивомъ кассаціи послужили существенныя нарушенія судопроизводства и признанная неравноправность сторонъ, допущенная судомъ. Первый отчетъ по этому дѣлу, напечатанный, къ сожалѣнію, въ малораспространенномъ «Казанскомъ Телеграфѣ»,—нарисовалъ поразительную картину произвола и нарушенія самыхъ элементарныхъ началъ правильнаго судебнаго процесса. Несмотря, однако, на эту поправку, внесенную сенатомъ, признавшимъ чрезвычайную неполноту и односторонность слѣдственнаго матеріала,—что обязывало судъ возстановить по возможности нарушенныя права защиты,—дѣло поступило для вторичнаго разбирательства (въ Елабугѣ) въ томъ же, совершенно неисправленномъ и не возстановленномъ видѣ. Чрезвычайно характерна для прочно-установившихся судебныхъ пріемовъ въ этой отдаленной мѣстности та крайняя беззаботность, съ которой члены сарапульскаго суда отнеслись къ напоминанію объ элементарныхъ началахъ юридической справедливости, исходившему отъ высшей судебной инстанціи. Очевидно, сарапульскій окружный судъ посмотрѣлъ на кассацію лишь какъ на случайность, какъ на одну проигранную ставку въ обвинительной игрѣ,

которую можно начать сначала при тѣхъ же условіяхъ. Распорядительное засѣданіе, подготовлявшее матеріалъ для новаго суда надъ вотяками,—происходило при участіи прежняго предсѣдателя г. Горицкаго, и опять всѣ просьбы защиты о вызовѣ свидѣтелей со стороны вотяковъ были отвергнуты огуломъ, по соображеніямъ частію слишкомъ формальнымъ, частію даже; какъ это признано сенатомъ,—совершенно незаконнымъ. 29 сентября 1895 года въ гор. Елабугѣ семь вотяковъ опять предстали передъ судомъ присяжныхъ, и опять противъ нихъ выступили два полицейскихъ пристава, три урядника, старшина, нѣсколько старостъ и сотскихъ, вообще 37 свидѣтелей, въ числѣ которыхъ не было опять *ни одного*, вызваннаго по спеціальному требованію защиты. Словомъ, судъ въ Елабугѣ лишь въ нѣсколько смягченномъ видѣ повторилъ судъ въ Малмыжѣ, причемъ вниманію 12 присяжныхъ былъ предложенъ все тотъ-же односторонне обвинительный матеріалъ, все тѣ-же слухи, неизвѣстно откуда исходящіе, все тѣ-же вотяки, невѣжественные и беззащитные. Виноваты-ли присяжные, что на основаніи односторонняго матеріала вынесли приговоръ, который опять не можетъ быть признанъ окончательнымъ?

Защитникомъ была подана новая кассаціонная жалоба: 22-го декабря истекшаго года жалоба эта разсмотрѣна кассаціоннымъ департаментомъ сената, и вскорѣ же телеграммы разнесли вѣсть о новой отмѣнѣ приговора по мултанскому дѣлу. Уже вторичная отмѣна сенатомъ судебнаго вердикта представляетъ явленіе очень рѣдкое въ нашей практикѣ. Но въ данномъ случаѣ то, что стало извѣстно изъ газетъ о мотивахъ кассаціи, вскрываетъ попутно такую яркую бытовую картину, которая и сама по себѣ добавляетъ непослѣднюю черту въ этомъ вообще необыкновенно характерномъ дѣлѣ. Невольно рождается вопросъ: что-же это, наконецъ, за атмосфера въ этихъ инородческихъ отдаленныхъ окраинахъ, что это за ужасная атмосфера, въ которой даже представители суда доходятъ до такихъ удивительныхъ пріемовъ, до такихъ совершенно неожиданныхъ взглядовъ на самыя основы суда и состязательнаго процесса?

Привожу изъ газетъ («Русскія Вѣдомости») содержаніе этого новаго сенатскаго Quos-ego, по адресу сарапульскаго окружнаго суда. Заключеніе по жалобѣ защиты давалъ А. Ѳ. Кони, который охарактеризовалъ настоящее дѣло одной существенной и главной его чертой: «судебнымъ разслѣдованіемъ устанавливается здѣсь не одна лишь виновность тѣхъ или иныхъ опредѣленныхъ лицъ, фигурирующихъ въ качествѣ подсудимыхъ, а констатируется извѣстное *бытовое явленіе,* произносится судъ надъ *цѣлой народностью или цѣлымъ общественнымъ слоемъ* и создается *прецедентъ*, могущій имѣть на будущее время значеніе судебнаго закрѣпленія виновности той или иной группы населенія. Результатомъ дѣятельности суда въ такихъ случаяхъ

является не только res judicata, но историческое свидѣтельство за или противъ той или иной морально-бытовой оцѣнки даннаго уровня культуры — въ цѣлой народности или въ отдѣльныхъ ея классахъ; вотъ почему предѣлы изслѣдованія должны здѣсь раздвинуться, раздаться возможно шире, чтобы приблизиться по всесторонности, полнотѣ и безпристрастію къ изслѣдованію научному. Основанія приговора, изъ котораго вытекаетъ, что теперь, на порогѣ XX столѣтія, существуютъ человѣческія жертвоприношенія среди народа, который болѣе трехъ вѣковъ живетъ въ предѣлахъ и подъ цивилизующимъ воздѣйствіемъ христіанскаго государства, должны быть подвергнуты гораздо болѣе строгому испытанію, чѣмъ тѣ мотивы и данныя, по которымъ выносится обвиненіе въ заурядномъ убійствѣ. Между тѣмъ въ теченіе производства судъ не однажды погрѣшилъ противъ указанной основной особенности дѣла, несмотря на то, что эта особенность была рельефно подчеркнута, въ назиданіе суду, въ первомъ опредѣленіи сената по дѣлу, коимъ былъ кассированъ первый обвинительный приговоръ».

Эти совершенно ясныя слова уважаемаго судебнаго дѣятеля не могутъ, конечно, подать повода ни къ какимъ недоразумѣніямъ. Судъ обязанъ *во всѣхъ случаяхъ*, важныхъ и неважныхъ одинаково, дать сторонамъ всѣ средства для выясненія дѣла, и требованіе безпристрастія, разумѣется, нимало не ослабляется тѣмъ соображеніемъ, что суду подлежитъ рѣшеніе одинокой судьбы никому неизвѣстнаго человѣка. Бываютъ, однако, случаи, которые въ практикѣ всѣхъ судовъ признаются *особо-важными*, когда кромѣ пассивнаго безпристрастія къ усиліямъ сторонъ, судъ долженъ сдѣлать и съ своей стороны все возможное для выясненія не одного лишь вопроса о виновности или невиновности данныхъ лицъ, но также и о бытовой подкладкѣ даннаго дѣла, имѣющей порой очень глубокое государственное и общественное значеніе. Таково именно мултанское дѣло, и если-бы простая истина, высказанная А. Ѳ. Кони, не была игнорирована сарапульскимъ судомъ съ самаго начала, то и это дѣло было-бы признано дѣломъ «особой важности» и тогда, безъ сомнѣнія, научно этнографическіе вопросы, возникшіе по этому поводу, рѣшались-бы не при помощи однихъ лишь Кобылиныхъ, урядниковъ Соковиковыхъ и «неизвѣстныхъ нищихъ», разсказывающихъ сказки на ночлегахъ,—не говоря уже о томъ, что трупъ Матюнина не лежалъ-бы до вскрытія въ теченіи мѣсяца (въ майскіе - іюньскіе дни) и слѣдователь не выжидалъ-бы по 4 мѣсяца прежде, чѣмъ послать то или другое «кровяное пятно» для химическаго изслѣдованія.

Между тѣмъ, по словамъ А. Ѳ. Кони,—«главный грѣхъ производства по настоящему дѣлу состоитъ въ забвеніи судомъ его основной черты—его широкаго бытоваго значенія—и въ разнообразныхъ помѣхахъ, которыя ставились поэтому его всестороннему изслѣдованію и освѣщенію. Судъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ дѣй-

ствуетъ въ предѣлахъ дискреціонной власти, не можетъ избрать девизомъ своей дѣятельности: sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas, и отношенія его къ сторонамъ и ихъ ходатайствамъ не могутъ опредѣляться произволомъ или капризомъ.

«Ходатайство о вызовѣ новыхъ свидѣтелей можетъ быть отклонено судомъ—это его право, но подобный отказъ долженъ быть мотивированъ обстоятельнымъ разборомъ относимости къ дѣлу и важности обстоятельствъ, для подтвержденія коихъ сторона ссылается на свидѣтелей, а не однимъ лишь формальнымъ очистительнымъ заявленіемъ о томъ, что судъ считаетъ умѣстнымъ эти обстоятельства игнорировать. Но такъ именно поступилъ въ данномъ случаѣ судъ въ отвѣтъ на просьбу подсудимыхъ о вызовѣ на ихъ счетъ новыхъ свидѣтелей, заявленную одновременно съ просьбой о вызовѣ новыхъ экспертовъ. Или—далѣе—судъ отказываетъ въ вызовѣ въ качествѣ свидѣтелей тѣхъ изъ подсудимыхъ, кои были оправданы первымъ приговоромъ, приводя въ объясненіе то, что обязательный вызовъ такихъ свидѣтелей не установленъ никакимъ «основнымъ закономъ». Если основные законы Россійской имперіи и могутъ имѣть отношеніе къ разрѣшенію указаннаго частнаго процессуальнаго вопроса, то умѣстнѣе всего окажется тотъ основной законъ, который запрещаетъ судамъ «обманчивое непостоянство и самопроизвольныя толкованія». Ибо, если не въ основныхъ законахъ, то въ уставѣ уголовнаго судопроизводства ясно опредѣлено понятіе свидѣтеля по дѣлу: это—лицо, которое призывается показать передъ судомъ все, что оно видѣло, слышало и знаетъ по дѣлу. Если лица, привлеченныя къ дѣлу, два года продержанныя въ предварительномъ заключеніи, преданныя суду и посаженныя на скамью подсудимыхъ, должны a priori считаться ничего не видѣвшими, не слышавшими и не вѣдающими относительно событія, въ которомъ они играли главную роль, то послѣ этого свидѣтелей, въ легальномъ смыслѣ этого термина, не существуетъ вовсе. Или судъ отклоняетъ ходатайство защитника объ отсрочкѣ засѣданія въ виду вызова обвинительной властью новыхъ свидѣтелей и предъявленія новыхъ уликъ,—ссылаясь на соотвѣтствующее право прокуратуры, не подлежащее, будто бы, никакой повѣркѣ суда; а также на то, что защита имѣла возможность повторить свое ходатайство въ тотъ моментъ производства, когда новые свидѣтели и новыя улики вступили въ его теченіе и заняли въ немъ опредѣленное мѣсто. Но судъ ошибается: защита не исполнила бы своего долга, еслибъ упустила заявить просьбу объ отсрочкѣ засѣданія при первомъ появленіи въ дѣлѣ новыхъ и неожиданныхъ для нея фактовъ и лицъ, а предлагаемое ей судомъ повтореніе ходатайства — въ тотъ моментъ, когда оно оказывалось запоздалымъ и неподлежащимъ удовлетворенію—равносильно приглашенію къ совершенію акта ничтожнаго и незаконнаго. Или, наконецъ, судъ удерживаетъ защитника отъ допроса свидѣтеля, станового пристава Шмелева, о его оригиналь-

ныхъ дѣйствіяхъ по производству вторичнаго полицейскаго дознанія, находя, что свидѣтель не обязанъ отвѣчать на вопросы, могущіе привести къ уличенію его въ преступленіяхъ по должности. Но дѣятельность пристава Шмелева по производству дознанія есть дѣятельность должностная, публичная, и квалификація ея въ качествѣ преступной или непреступной принадлежитъ не самому должностному лицу, а его начальству. Поэтому судъ не вправѣ былъ устранить вопросы о грубыхъ, жестокихъ или самоуправныхъ дѣйствіяхъ, доставившихъ канву для всего послѣдующаго производства, на томъ только основаніи, что разоблаченіе этой грубости, жестокости или самоуправства можетъ открыть и составъ какого-нибудь уголовнаго дѣянія».

Признавъ правильность соображеній, приведенныхъ оберъ-прокуроромъ, кассаціонный департаментъ постановилъ вторичный приговоръ по мултанскому дѣлу отмѣнить и кромѣ того *членамъ суда, принимавшимъ участіе въ двухъ распорядительныхъ засѣданіяхъ по этому дѣлу—сдѣлать замѣчаніе.*

Таковъ этотъ новый эпизодъ мултанскаго процесса. Картина однако будетъ неполна, если мы не приведемъ еще одной замѣчательной черточки, совершенно неожиданно украсившей собою это характерное дѣло. Изъ той-же рѣчи г. оберъ-прокурора мы узнаемъ, что «кассаціонная жалоба защитника прибыла въ сенатъ въ сопровожденіи цѣлаго ряда «объясненій», присланныхъ какъ судомъ въ полномъ составѣ, такъ и отдѣльными членами. Между прочимъ, одинъ изъ товарищей предсѣдателя вятскаго окружнаго суда въ отдѣльномъ объясненіи излагаетъ свой взглядъ на дѣло, вынесенный имъ изъ разбирательства по существу,—взглядъ, безусловно неблагопріятный для подсудимыхъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлится съ сенатомъ драгоцѣнными свѣдѣніями о томъ, что кассаціонное обжалованіе есть затѣя не обвиненныхъ, людей темныхъ, готовыхъ дескать покориться своей участи, а ихъ защитника и нѣсколькихъ «газетныхъ корреспондентовъ», и не менѣе драгоцѣнной догадкой, что если названный защитникъ и корреспонденты добьются кассаціонной отмѣны приговора, то они впослѣдствіи добьются и оправданія подсудимыхъ, вырвутъ оправдательный приговоръ и у присяжныхъ засѣдателей. Оберъ-прокуроръ счелъ своей обязанностью отмѣтить и осудить это стремленіе насильно вовлечь сенатъ въ «существо дѣла», т. е. въ тину провинціальной сплетни, какъ не соотвѣтствующее «ни достоинству писавшаго, ни высотѣ того мѣста, куда онъ обращался».

Ироническій эпитетъ, употребленный А. Ѳ. Кони по отношенію къ этой новой неожиданности, мнѣ лично кажется примѣнимымъ и въ самомъ прямомъ, самомъ серьезномъ смыслѣ. Развѣ не драгоцѣнна въ самомъ дѣлѣ эта удивительная, вполнѣ непосредственная довѣрчивость, съ которой «предсѣдательствовавшій» въ судебномъ засѣданіи обращается въ высшую инстанцію, дѣлясь съ ней,

такъ сказать, на ушко,—не только своими личными выводами, но и провинціальными сплетнями. Развѣ не драгоцѣнна эта похвала смиреннымъ людямъ, которые, вслѣдствіе темноты, подчинились бы своей участи и пошли бы на каторгу, не безпокоя ни сарапульскихъ судей, ни сенатъ своими, какъ оказывается, совершенно основательными жалобами? Развѣ не столь же драгоцѣнна простодушная откровенность, съ которой усилія защиты, основанныя на такихъ очевидныхъ, на такихъ вопіющихъ нарушеніяхъ—приравниваются къ интригѣ? Что еще писалъ господинъ предсѣдательствовавшій членъ суда въ своемъ «отзывѣ» мы не знаемъ, — но сказаннаго достаточно. Вѣдь это пишетъ не урядникъ Соковиковъ, не приставъ Шмелевъ и даже не товарищъ прокурора г. Раевскій, руководившій этимъ «блестящимъ» дознаніемъ и слѣдствіемъ, — это пишетъ опытный юристъ, давно «работающій на судебномъ поприщѣ». Да, эта черта драгоцѣнна, и именно тѣмъ, что дорисовываетъ картину этого яркаго, полнаго неожиданностями дѣла. Если такъ говорятъ члены суда, обращаясь въ высшую инстанцію, если даже въ этомъ случаѣ «опытные юристы», привыкшіе къ порядкамъ данной окраины, доходятъ до такого забвенія основныхъ началъ своей дѣятельности,—то какъ они разсуждаютъ, разговариваютъ, дѣйствуютъ у себя, «дома», имѣя дѣло дѣйствительно лишь съ «темными людьми», не знающими, гдѣ искать защиты, не имѣющими опоры ни въ «интригахъ защитника», ни въ гласности. Наконецъ, чего-же послѣ этого ждать отъ остальныхъ, начиная съ товарища прокурора г. Раевскаго (бывшаго врача, начавшаго лишь сравнительно недавно юридическую карьеру подъ просвѣщеннымъ руководствомъ гг. сарапульскихъ судей), до приставовъ и урядниковъ... Мудрено ли, что даже «Вятскія Губернскія Вѣдомости», не обинуясь признаютъ, что «къ раскрытію (мултанскаго) преступленія полиція употребляла всевозможныя мѣры,—не пренебрегла даже деревенскимъ знахарствомъ, въ которомъ замѣченъ какой то медвѣжій культъ». (См. Вятскія Губ. Вѣд., № 91,—1895 года). «Весь уѣздъ—пишетъ корреспондентъ изъ Малмыжа, ссылаясь на эту выдержку изъ оффиціальнаго органа, — знаетъ о дѣяніяхъ г-на Шмелева, только одинъ г. Раевскій составляетъ странное исключеніе, хотя, по словамъ самого пристава, онъ въ то время былъ въ Мултанѣ вмѣстѣ съ нимъ». (Нижегор. Листокъ, № 351,—1895).

Вотъ на какіе факты закрываютъ глаза судебные дѣятели, которымъ за то угодно дѣлиться съ сенатомъ провинціальными сплетнями о защитѣ и корреспондентахъ. Всякому, кто слѣдитъ за провинціальными извѣстіями въ газетахъ, не могло не кинуться въ глаза обиліе за послѣднее время сообщеній объ истязаніяхъ при предварительномъ дознаніи. Дѣло Адамова среди латышей Псковской губерніи приводило въ ужасъ необыкновеннымъ драматизмомъ, почти сказочнымъ злодѣйствомъ истязателей. Но въ газетахъ Волж-

ско-Камскаго края мы встрѣчаемся съ другимъ ужасомъ изъ этой же области. Нельзя сказать, чтобы чины слободской полиціи, практиковавшіе подвѣшиваніе и пытку, или яранскій урядникъ Лупповъ, превратившій заподозрѣннаго въ кражѣ Прохорова изъ здороваго человѣка—«въ совершеннаго калѣку съ костылями» (Вятскій Край, № 121)—во многомъ уступали псковскому Адамову. Есть, однако дѣла не столь вопіющаго драматизма, отъ которыхъ поистинѣ волосъ становится дыбомъ.

Таково, напр., дѣло, изложенное въ корреспонденціи изъ Елабуги *). По содержанію оно необыкновенно просто. Крестьянинъ Чернышевъ изъ дер. Яковлева, Елабужскаго уѣзда, отправился въ гости въ дер. Новую Мурзиху, къ крестьянину Фуженкову, на мельницу, арендуемую Денисовымъ. Дѣло было на святкахъ, въ праздникъ. Выпили и пошли съ ряжеными по деревнѣ, гдѣ зашли въ домъ къ мельнику Денисову. Отсюда компанія направилась дальше, а выпившій Чернышевъ отъ нея отсталъ и домой уже не являлся. Нѣсколько крестьянъ видѣли передъ вечеромъ человѣка, шедшаго безъ шапки и въ разстегнутомъ полушубкѣ по направленію къ дер. Яковлевой. А такъ какъ къ ночи поднялась метель, то рѣшили, что Чернышевъ вѣроятно замерзъ пьяный въ полѣ, и его занесло снѣгомъ.

Но елабужская полиція не могла успокоиться на этой гипотезѣ. Это совершенно понятно, какъ и то, что «хорошій полицейскій» почти всегда найдетъ виновнаго въ Вятской губерніи. Поэтому елабужскій исправникъ Таширевъ отправился на мѣсто дѣйствія, арестовалъ мельника Денисова, засыпку Фуженкова, да еще сосѣда ихъ Борисова и привезъ всѣхъ въ Елабугу. Здѣсь, въ закрытомъ помѣщеніи, ихъ подвергли соотвѣтственнымъ «убѣжденіямъ», давшимъ блестящіе результаты,—всѣ трое сознались. Денисовъ признался въ томъ, что это онъ убилъ Чернышева, случайно принявъ его за вора. Фуженковъ же и Борисовъ подробнѣйшимъ образомъ описали, какъ они запрягли лошадь, увезли трупъ на рѣку Вятку, оставили лошадь на берегу, такъ какъ ледъ былъ тонокъ, несли трупъ на рукахъ до полыньи, потомъ положили его на закраину, потомъ столкнули въ воду длинною жердью. Вотъ видите, съ какими подробностями раскрыто это преступленіе «путемъ убѣжденія» преступниковъ въ закрытомъ помѣщеніи при елабужской полиціи! Правда, у слѣдователя всѣ трое отказались отъ этихъ признаній, утверждая, что сознаніе вынуждено у нихъ побоями и истязаніями, причемъ будто бы у Борисова во время очной ставки былъ «полонъ ротъ крови». Но, говоря словами обвинителя вотяковъ г. Раевскаго, «какой-же полицейскій позволитъ себѣ что-либо подобное, какой-же судебный дѣятель рѣшится скрыть такія дѣйствія?» «Преступникамъ» не повѣрили, составили обвинительный актъ и предали суду. Очень

*) «Нижегородскій Листокъ», 1895, № 342.

вѣроятно, что всѣ трое, «какъ люди темные, подчинились бы обвинительному приговору», который, въ виду сознанія, былъ болѣе чѣмъ вѣроятенъ, если бы на этотъ разъ не вмѣшалась своего рода «интрига» со стороны весенняго солнца Прошло 97 дней, наступила весна, снѣгъ началъ таять и подъ нимъ, въ полѣ, у дороги нашли трупъ Чернышева, безъ признаковъ насильственной смерти, просто-на-просто занесеннымъ снѣгомъ и замерзшимъ...

Читатель можетъ быть полагаетъ, что послѣ этого прокуроръ отказался отъ обвиненія, а о дѣйствіяхъ полиціи начато дознаніе. Нѣтъ, товарищъ прокурора поддерживалъ обвиненіе, а полицейскіе повторяли съ чрезвычайной точностью всѣ показанія, клонившіяся къ доказательству того, что Чернышевъ не только замерзъ, но и убитъ, не только найденъ въ полѣ, но и утопленъ въ рѣкѣ. Нашлись даже и сторонніе свидѣтели, которымъ «убійцы» каялись («грѣхъ нашъ»). Но, разумѣется, добиться обвиненія при этихъ условіяхъ было трудно,—всѣ трое сознавшихся оправданы.

А дальше? Дальше, разумѣется, ничего. Сарапульскій судъ нашелъ, что тутъ нѣтъ обстоятельствъ, способныхъ привлечь его особенное вниманіе на тѣ способы убѣжденія, которыми у мнимыхъ убійцъ исторгнуты такія удивительныя подробности несовершеннаго преступленія!.. И если мы говоримъ теперь объ этомъ дѣлѣ, если о немъ писали столичныя газеты, если оно обращаетъ еще чье либо вниманіе, то это уже интрига невѣдомаго корреспондента, огласившаго въ скромной провинціальной газетѣ удивительныя подробности этого дѣла...

Я лично, какъ человѣкъ тоже причастный къ перу и къ провинціальной публицистикѣ,—прочиталъ съ особеннымъ удовлетвореніемъ то мѣсто, гдѣ г. сарапульскій судья счелъ нужнымъ сказать свое слово о дѣятельности корреспондентовъ. Полагаю, то же почувствуетъ и каждый работникъ печатнаго слова въ провинціи... Правда, членъ сарапульскаго суда квалифицируетъ дѣятельность корреспондентовъ довольно сурово. Но... мы желали бы, чтобы во всѣхъ случаяхъ нападокъ на прессу, было такъ же ясно, какъ въ данномъ случаѣ, на чьей сторонѣ правда: на сторонѣ ли скромныхъ работниковъ печати, оглашающихъ эти удивительные порядки елабужскихъ, мултанскихъ и иныхъ дознаній — или же на сторонѣ ихъ строгихъ цѣнителей и судей, пытающихся самый сенатъ вовлечь въ тину провинціальной сплетни.

Вл. Кор.

ОТЧЕТЪ СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА

для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за время со 2 октября по 11 декабря 1895 г.

Со 2 октября по 11 декабря Комитетъ Общества имѣлъ 4 засѣданія, въ которыхъ состоялось 100 постановленій по разнымъ ходатайствамъ, заявленіямъ и вопросамъ, относящимся къ дѣятельности Общества.

Въ постановленіяхъ этихъ выразились нижеслѣдующія дѣйствія Комитета.

1) Выдача единовременныхъ пособій 19 лицамъ: въ 100 руб.—одному лицу; по 5 руб.—пяти; въ 45 руб.—одному; въ 40 руб.—одному; въ 30 руб.—одному; по 25 руб.—шести; въ 20 руб.—одному; по 15 руб.—двумъ и въ 10 руб.—одному, всего на сумму 675 руб.

2) Назначеніе продолжительныхъ пособій двумъ лицамъ: годового въ 60 р.—одному лицу и полугодового въ 90 руб.—одному, всего на сумму 150 руб.

3) Продленіе продолжительныхъ пособій тремъ лицамъ: въ 180 руб. на одинъ годъ—одному лицу; въ 60 руб. на одинъ годъ—одному и въ 240 руб. въ годъ—по 1 октября 1898 г.—одному; всего на сумму 960 руб.

4) Выдача безсрочныхъ ссудъ 6 лицамъ: въ 250 руб.—одному; по 200 руб.—двумъ; въ 75 руб.—одному и по 50 руб.—двумъ; всего на сумму 825 руб.

5) Выдача срочной ссуды въ 300 руб. на годъ—одному лицу.

6) Назначеніе пенсіи въ 300 руб. въ годъ—одному лицу.

7) Предоставленіе стипендій Общества тремъ студентамъ Петербургскаго университета.

8) Уплата за слушаніе лекцій на Высшихъ Женскихъ Курсахъ—одной слушательницы и уплата за воспитаніе и обученіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ четырехъ дѣтей писателей.

9) Отклоненіе 22 просьбъ 21 лица.

10) Подготовленіе устройства литературнаго вечера, назначеннаго на 30 декабря, и спектакля въ Михайловскомъ театрѣ, имѣющаго быть въ январѣ будущаго года.

11) Принятіе пожертвованій въ 3,000 руб. въ неприкосновенный капиталъ имени М. Е. Салтыкова отъ вдовы скончавшагося въ настоящемъ году д-ра Н. А. Бѣлоголоваго—С. П. Бѣлоголовой.

По отчету казначея Общества съ 1 января по 25 декабря 1895 года.

Въ расходный капиталъ поступило:

1. Пожалованій Высочайшихъ Особъ	1,700	р. — к.
2. Годовыхъ членскихъ взносовъ	2,758	„ — „
3. Пожертвованій	569	„ 50 „
4. Отъ публичной лекціи П. Д. Боборыкина и Грибоѣдовскаго вечера	750	„ 57 „
5. Въ возвратъ безсрочныхъ ссудъ	275	„ — „
6. Отъ изданій общества (за исключеніемъ причисленнаго къ именнымъ капиталамъ)	54	„ 25 „
7. Пособіе отъ Министра Народнаго Просвѣщенія	1,000	„ — „
8. Процентовъ	12,829	„06¼„
9. Разныхъ	1,207	„ 25 „
10. Оборотныхъ	435	„ — „
	21,578	р.63¼к.

Изъ того-же капитала выдано:

1. На пенсіи	5,005	р. — к.
2. Продолжительныя пособія	3,330	„ — „
3. Стипендіи	940	„ — „
4. Обученіе и воспитаніе	2,541	„ — „
5. Пособія единовременныя	5,462	„ 86 „
6. Ссуды безсрочныя	4,325	„ — „
7. Выдачи по духовному завѣщанію Г. З. Елисеева	561	„ — „
8. Расходы общіе (почтовые, храненіе и страхованіе процентныхъ бумагъ, куртажъ и т. д.)	436	„ 11 „
9. Оборотные	450	„ — „
	23,050	р. 97 к.

Перерасходъ расходнаго капитала составилъ на 25 декабря	1,277	р. 13½ к.
Ссудъ было выдано	3,250	„ — „
Возвращено по ссудамъ	2,931	„ 60 „
Свободный остатокъ ссуднаго капитала по 25 декабря составилъ	450	„ — „

Именные капиталы возросли:

Гайдебурова на	88	„ — „
Надсона „	4,602	„ 70 „
Гаршина „	1,433	„ 43 „
Унковскаго „	400	„ — „
Салтыкова „	3,000	„ — „

Въ послѣдній пожертвованіе сдѣлано было вдовой д-ра Бѣлоголоваго, вслѣдствіе выраженнаго покойнымъ желанія.

Затѣмъ на 25 декабря средства общества были:

въ процентныхъ бумагахъ	309,275	р. — к.
„ наличныхъ деньгахъ	11,471	„ 40¾ „
„ долгахъ по ссудамъ	2,550	„ — „
Всего . .	323,296	р. 40¾ к.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

По сбору пожертвованій на исправленіе памятниковъ на могилахъ писателей, покоящихся на Волковомъ кладбищѣ.

Остатокъ къ 1-му Января 1896 г. . . . . 28 р. 10 к.

Поступило въ Январѣ:

Отъ *И. И. Шатунова*, изъ Новомосковска .	2	»	— »
» *Бр. Грауберіеръ*, изъ Дубовки	1	»	— »
» *Почитателя Гл. И. Успенскаго*, изъ Тулы.	1	»	— »
» *К. Т. Солдатенкова*, изъ Москвы . .	1000	»	— »
» Д-ра *Габаева*, изъ г. Душета	3	»	— »
» Поручика *Ильина* » »	1	»	— »
» Д-ра *Губарева* » » »	2	»	— »

Итого. 1038 р. 10 к.

Издатели: Н. Михайловская.
Вл. Короленко.

Редакторы: П. Быковъ.
С. Поповъ.

f 94.-